

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «МЭИ»

**ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ В XXI ВЕКЕ:
ВЫЗОВЫ, ЦЕННОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

ШЕСТЫЕ АРЕФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Международной научной конференции
Москва, 22–24 ноября 2022 года

Москва
Издательство МЭИ
2023

УДК 1; 7; 14; 32; 37; 101; 111; 123; 130; 167; 168; 141; 172; 316; 378; 304;
372; 504; 658; 811

ББК 7; 60; 63; 80/84; 85; 87

Г 94

Подготовлено на кафедре философии, политологии и социологии
им. Г.С. Арефьевой
Гуманитарно-прикладного института

Г 94 Гуманитарные знания в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы.
Шестые Арефьевские чтения: материалы Международной научной
конференции. – М.: Издательство МЭИ, 2023. – 512 с.

ISBN 978-5-7046-2812-5

В материалы международной научной конференции вошли статьи научно-педагогических работников, аспирантов, магистрантов, студентов российских и зарубежных вузов и научных центров. Тематика статей охватывает широкий спектр вопросов по философии и ее отдельным направлениям, эстетике позднего постмодерна, педагогике высшей школы, различным аспектам цифровизации, ESG-стратегии в глобальном контексте.

Настоящее издание может быть рекомендовано студентам, магистрантам и аспирантам, а также широкому кругу исследователей, интересующихся вопросами философии, педагогики и проблематикой современного гуманитарного знания.

**Материал издается в авторской редакции
Ответственность за оригинальность и достоверность
публикации несут авторы**

УДК 1; 7; 14; 32; 37; 101; 111; 123; 130; 167; 168; 141;
172; 316; 378; 304; 372; 504; 658; 811
ББК 7; 60; 63; 80/84; 85; 87

ISBN 978-5-7046-2812-5

© Национальный исследовательский
университет «МЭИ», 2023

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Рогалев Николай Дмитриевич – ректор НИУ «МЭИ», д.т.н, профессор, Председатель Оргкомитета;

Замолодчиков Владимир Николаевич – проректор, к.т.н, доцент, первый заместитель Председателя Оргкомитета;

Родин Алексей Борисович – директор ГПИ, доцент, заместитель Председателя Оргкомитета, ответственный за проведение конференции;

Хоминская Валерия Вадимовна – зам. зав. каф. философии, политологии и социологии им. Г.С. Арефьевой, к.филол.н., ответственный секретарь;

Аджемов Артем Сергеевич – Президент МТУСИ, д.т.н., член Оргкомитета;

Гусарова Мария Николаевна - профессор каф. философии, политологии и социологии им. Г.С. Арефьевой, д.ист.н., член Оргкомитета;

Гынгов Александр – зав. каф. логики, этики и эстетики Софийского Университета им. Св. Климента Охридского (София, Болгария), PhD, член Оргкомитета;

Денисова Алла Борисовна – зам. зав. кафедрой философии, политологии и социологии им. Г.С. Арефьевой, к.филол.н., член Оргкомитета;

Ключарев Григорий Артурович - профессор каф. философии, политологии и социологии им. Г.С. Арефьевой, д.филол.н., член Оргкомитета;

Курилов Сергей Николаевич - директор «Центра прикладных социологических исследований», к.филол.н., член Оргкомитета;

Панкратова Александра Владимировна – зав. каф. дизайна, к.филол.н., член Оргкомитета;

Смирнова Марина Ивановна – зав. каф. истории и культурологии, д.ист.н., член Оргкомитета;

Соколова Юлия Владимировна – зав. каф. философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой; к.филол.н., член Оргкомитета;

Тарасов Александр Евгеньевич – проректор, к.т.н., член Оргкомитета;

Чалова Ольга Александровна – доцент каф. РСиЛ, к.пед.н., член Оргкомитета;

Шелковников Андрей Юрьевич – профессор каф. философии, политологии и социологии им. Г.С. Арефьевой, д.филол.н., член Оргкомитета.

Редакционная коллегия:

Председатель: Ю.В. Соколова;

Члены редколлегии: А.Ю. Шелковников, Г.А. Ключарев; В.В. Хоминская;

О.А. Чалова, М.Н. Гусарова.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово ректора..... 13

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Тарасов А.Е., Соколова Ю.В

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ
ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА..... 14

Семенов В.Е.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В XXI ВЕКЕ: ОСНОВНЫЕ
ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ..... 20

Аджемов А.С.

Московский технический университет связи и информатики
СОЦИОТЕХНИЧЕСКИЕ РЕАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ
РАСШИРЯЮЩЕГОСЯ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА..... 39

Гынгов А.Л.

Софийский Университет им. «Св. Климента Охридского»
РОЛЬ ОЧЕВИДНОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ
ВАРИАНТЕ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ЛОГИКИ..... 46

Соколова Ю.В.

Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ... 53

Ключарев Г.А.

Российская академия наук, Федеральный научно-
исследовательский социологический центр, Национальный
исследовательский университет «МЭИ»
О СТАТУСЕ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В ИНЖЕНЕРНО-
ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ..... 61

Смирнова М.И., Демидионова Л.Н.

Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ..... 66

Панкратова А.В.

Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТА ВОСПРИЯТИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ В ОБЪЕКТ В СОВРЕМЕННОМ
ДИЗАЙНЕ..... 74

Раздел I

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ

Андреев А.Л., Андреев Т.А.

Национальный исследовательский университет «МЭИ»
РАЗВИТИЕ ТЕХНИКИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ
КОНТЕКСТЕ..... 82

Аникин Д.А.

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» И СТРАТЕГИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ
ПАМЯТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ..... 87

Белобрагин В.В.

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ: СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ..... 93

Беляева В.А.

Российский университет дружбы народов «РУДН»
РИТМ ЭПОХИ. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И СТРУКТУРАЛИЗМ..... 98

Бреслер М.Г.

Уфимский государственный нефтяной технический университет
СУБЪЕКТ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ПОСТМОДЕРНИЗМА..... 103

Гейдарова Гюнель Санан кызы

Институт Философии и Социологии НАНА
СООТНОШЕНИЕ МОРАЛИ, ПРАВСТВЕННОСТИ И ПРАВА
В ФИЛОСОФИИ И.КАНТА..... 110

Гладышева Е.В.

МИРЭА – Российский технологический университет
СЦИЕНТИЗМ VS АНТИСЦИЕНТИЗМ: СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В ВУЗАХ..... 114

Гусева И.И.

Технологический университет имени дважды Героя Советского
Союза, летчика-космонавта А. А. Леонова
СТРАТЕГИИ МИКРОАНАЛИЗА В СОВРЕМЕННОМ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: МЕТОДОЛОГИЯ
С ГУМАНИСТИЧЕСКИМ АКЦЕНТОМ..... 120

Сакит Яхья оглы Гусейнов, Гюндюз Курбанали оглы Сулейманов

Институт Философии и Социологии НАНА
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ
БЕЗОПАСНОСТЬ..... 126

Жидченко А.В.	
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ.....	132
Зубов В.В.	
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации КАТЕГОРИЯ СВОБОДЫ В РЕТРОСПЕКТИВЕ ФИЛОСОФСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.....	137
Иванченко М.А.	
УрФУ им. Б.Н. Ельцина ОСНОВНЫЕ ОТЛИЧИЯ ИММОРТ-ФАНТАСТИКИ И ИММОРТАЛИЗМА ОТ ИММОРТОФОБИИ.....	142
Князев В.Н.	
Московский педагогический государственный университет ПОНЯТИЕ «НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ ФИЗИКИ.....	148
Кудрина С.А.	
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛНОЦЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ....	154
Лезьер В.А., Сухорукова Н.В.	
Тюменский индустриальный университет «ТИУ» ЖЕНСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТОБОЛЬСКЕ В XIX ВЕКЕ.....	159
Мамычев А.Ю.	
Национальный исследовательский университет «МЭИ» ДОВЕРИЕ В СОЦИО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ И ТРАКТОВКИ.....	163
Никитина И.П.	
Национальный исследовательский университет «МЭИ» АКТУАЛЬНО ЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ИСТИНА» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ?.....	171
Пионткевич Л.Ю.	
Национальный исследовательский университет «МЭИ» КОНТУРЫ ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО В ФИЛОСОФИИ РОЗАНОВА В.В.....	177
Самохвалова В.К., Цибизова Л.А.	
Национальный исследовательский университет «МЭИ» ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ТЕКСТЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬ- НОМ КОНТЕКСТЕ.....	185

Смирнов А., Подкопаева И.А. Национальный исследовательский университет «МЭИ» МУЖЕСТВЕННОСТЬ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.....	192
Соколова Ю.В., Солныков Д.А., Сербулов К.М. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ИНТЕРНЕТ КАК СОВЕРШЕННОЕ СРЕДСТВО ОТЧУЖДЕНИЯ...	197
Спиридонова Л.Ю. Научная лаборатория «Комплексные буддологические исследования» при КалмГУ им.Б.Б.Городовикова СТРАХ ПЕРЕД БУДУЩИМ: ИСТОКИ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОНЯТИЯ.....	203
Хохлов С.В., Антипова Д.Д. Национальный исследовательский университет «МЭИ», Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ГЕРМЕНЕВТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ.....	210
Шахбазян М.А., епископ Сочинский и Туапсинский Герман (Камалов А. М.) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ АДЕКВАТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЙ ПАТРИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО).....	217
Шелковников А.Ю. Национальный исследовательский университет «МЭИ» «ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ» Г.И.ЧЕЛПАНОВА. ТРАДИЦИЯ РУССКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ.....	224
Щепотьев Н.Ю. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ГИПОТЕЗА КАНТА-ЛАПЛАСА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВСЕЛЕННОЙ И КНИГА БЫТИЯ: ПРОБЛЕМА КОРРЕЛЯЦИИ.....	231
Atanasova N. Sofia University “St. Kliment Ohridski” AESTHETICIZATION OF RELATIONS WITHIN THE BLOCKCHAIN.....	238
Kalfopoulos E. Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria THE POSSIBILITY OF THE TRAGIC.....	253

Krauch H.	
Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria	
POST-MODERNIST EPISTEMOLOGY FUNDAMENTALS.....	261
Miliatzidou A.A.	
Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria	
INVENTION OF IDENTITIES IN DIGITAL MEDIA AND THE CULTURE OF NARCISSISM: A PROBLEM FOR HUMANITIES.....	270
Fu-Shoun Mao	
Sofia University, Bulgaria	
SUPERIOR MORAL BEING, A PHILOSOPHICAL INQUIRY INTO ETHICAL AI.....	275
Tomasi D.	
Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria	
EXAMINATION OF NEURAL PROPRIOCEPTIVE FACTORS IN RELATION TO PATHOPHYSIOLOGY AND ONTOLOGY OF PSYCHOPHYSICAL HEALTH.....	284

Раздел II

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Антипова Д.Д., Кудишкин Г.А.	
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Российский государственный университет правосудия при Верховном суде РФ	
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	299
Ашилова М.С., Бегалинов А.С., Бегалинова К.К.	
Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Международный университет информационных технологий, Казахский университет имени аль-Фараби	
СОВРЕМЕННОЕ СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: КОНТЕНТ И ПРОБЛЕМАТИКА.....	306
Будман Ю.Д., Кондракова Ю.Н.	
РГУ им. А.Н. Косыгина	
ПРИМЕНЕНИЕ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКА ИВРИТ (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗРАИЛЬСКОГО ТОК-ШОУ «ИЗВИНИТЕ ЗА ВОПРОС»).....	311

Гусарова М.Н. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ БАКАЛАВРИАТА.....	319
Демьянова Ж.В. Национальный исследовательский университет «МЭИ» СМЕШАННОЕ ОБУЧЕНИЕ, ОБУЧЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ И ГЕЙМИФИКАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ.....	326
Дронова С.Ю. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации ПСИХОЛОГО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ «ЭФФЕКТА ПРИСУТСТВИЯ» ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ В ВУЗЕ.....	334
Ермишина Н.Д., Кузьменко С.Н. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ЗНАЧЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ В ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЕ.....	340
Извекова Т.Ф., Герцог О.А. Новосибирский государственный медицинский университет ЛИЧНОСТНЫЕ КОНСТРУКТЫ В ПАРАДИГМЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	348
Кананерова Е.Н. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ.....	354
Кирюхин Я.А., Фонов А.М. Национальный исследовательский университет «МЭИ» КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. ЭТАЛОН ИЛИ МИФ?.....	362
Косенкова Н.Г. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА.....	368

Курилов С.Н., Кузьмина О.А. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ФОРМИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО ИМИДЖА НИУ «МЭИ»: АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ВУЗЕ.....	376
Маккавеева Ю.А. РГУ им. А. Н. Косыгина ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКОВЫХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ.....	380
Петросянц Д.В. Финансовый университет при Правительстве РФ ТРАНСФОРМАЦИИ УНИВЕРСИТЕТА И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ.....	387
Плешкова У.С., Ермишина Н.Д. Национальный исследовательский университет «МЭИ» СОВРЕМЕННАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА В РОССИИ: РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ.....	391
Рашитова Л.К. Национальный исследовательский университет «МЭИ» РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	399
Рёттингер Е.П. Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	404
Сикацкая П.А., Реморова Е.Е., Гузаевская С.Н., Краснова О.А. Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирский государственный медицинский университет ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ ЦИФРОВОГО ОБУЧЕНИЯ К ИННОВАЦИОННЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ	411
Соколов В.П., Соколов К.А., Залевский Д.А. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ПЕРСПЕКТИВЫ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ С УЧЁТОМ ТРАДИЦИЙ «РУССКОГО МЕТОДА» ОБУЧЕНИЯ ИНЖЕНЕРОВ.....	415

Хоминская В.В. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ВУЗОВСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.....	421
Чайкина Е.В. Национальный исследовательский университет «МИЭТ» О ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНАХ ПО МАТЕМАТИКЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ.....	429
Чалова О.А. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ЭКОСИСТЕМЫЙ ПОДХОД В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ.....	434
Черезова М.А. Самарский юридический институт ФСИН России ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ЗАНЯТИЙ В ВЕДОМСТВЕННОМ ВУЗЕ ФСИН РОССИИ.....	438
Шаронов В.В., Нагоров М.А., Денисова А.Б. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ.....	442

Раздел III

ДИЗАЙН И ЭСТЕТИКА ПОЗДНЕГО ПОСТМОДЕРНА

Денисова А.Б. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ПОСТМОДЕРНИЗМ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ИЛИ РАЗРУШЕНИЕ....	449
Денисова А.Б., Джураева С.Т. Национальный исследовательский университет «МЭИ», Московский государственный институт культуры СКАЗОЧНЫЙ ЖАНР И СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ.....	457
Коршунова Н.Е., Сафронова Т.А., Чучев Н.Е. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ДИЗАЙН И ЭСТЕТИКА ПОЗДНЕГО ПОСТМОДЕРНА: ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТА И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ В МИРЕ ПОСТМОДЕРНА.....	464
Прохорова Д.С. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ПРОБЛЕМА КЛОНИРОВАНИЯ В ДИЗАЙНЕ.....	467

Сухарева И.В., Конкина М.В., Жебсаина К.В. Уфимский государственный нефтяной университет КОММУНИКАЦИОННЫЙ ДИЗАЙН СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ.....	472
Шлыков С.А. Национальный исследовательский университет «МЭИ» КОЛЛАЖНОЕ МЫШЛЕНИЕ И КОЛЛАЖНЫЙ ПРИНЦИП В ПОСТРОЕНИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР.....	477

Раздел IV

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ESG-СТРАТЕГИИ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Елизаров М.В. УГНТУ ИНТЕГРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА И УСТОЙЧИВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАК ТРЕНД В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА НА БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ.....	482
Колисенко Е.Б., Конюхова П.О. Национальный исследовательский университет «МЭИ» АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ESG-СТРАТЕГИИ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В НИУ «МЭИ».....	490
Логвенков И.С. Национальный исследовательский университет «МЭИ» ESG В РОССИИ В УСЛОВИЯХ КОНФРОНТАЦИИ С ЕВРОПОЙ: МИФЫ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	495
Митрахович С.П. Финансовый университет при правительстве РФ, Фонд национальной энергетической безопасности ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ ESG-ИДЕОЛОГИИ И «КАПИТАЛИЗМА СТЕЙКХОЛДЕРОВ».....	504

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕКТОРА

Научная деятельность в университете занимает особое место, является важной составляющей профессиональной подготовки современного специалиста и неразрывно связана с образовательным процессом.

Гуманитарные знания сегодня играют важную роль в инженерной деятельности, так как с усложнением технических и технологических проектов растет социальная ответственность инженера. Критическое мышление, коммуникативные навыки, осознание этических сторон жизни общества – важные составляющие деятельности современного инженера и ученого. Рост междисциплинарных исследований и проектов повышает роль философского компонента как общеметодологической связи разных областей знания.

Арефьевские чтения, которые когда-то начались как студенческая конференция, сегодня стали крупной международной научной конференцией. В этом году в ней принимают участие представители 10 разных стран (Болгария, Италия, Канада, Германия, Греция, США, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Россия). Мы благодарим наших зарубежных участников и членов оргкомитета за проявленный интерес к конференции.

На данной конференции планируется обсудить актуальные вопросы философии, педагогики, дизайна и эстетики постмодерна, ESG-стратегии. Проведение этой конференции способствует повышению интереса молодых исследователей к философии и гуманитарному знанию, расширяет научные и образовательные связи нашего университета.

Выражаю уверенность в сохранении и преумножении сложившихся традиций и надеюсь на дальнейшее развитие.

Желаю всем участникам конференции интересной и плодотворной работы!

Ректор НИУ «МЭИ», председатель оргкомитета конференции,
доктор технических наук, профессор
Рогалев Н.Д.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 37.013

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

А.Е. Тарасов (Москва, Россия)

канд. тех. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Ю.В. Соколова (Москва, Россия)

канд. филос. наук,

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей подготовки иностранных студентов в техническом вузе в России. Проанализированы сложности и специфика обучения на иностранном языке. Эмпирической базой анализа стал многолетний опыт обучения иностранных студентов Национального исследовательского университета «МЭИ». Представлен краткий обзор подходов к обучению иностранных студентов в исторической динамике, начиная с 40-х гг. XX века. Описан практический опыт организации в НИУ «МЭИ» «гуманитарного потока» - специальной формы обучения иностранных студентов по ряду общественных дисциплин. Обоснована целесообразность организации гуманитарного потока, описаны сложности и специфика этой работы. Применение особого методического подхода на занятиях в гуманитарном потоке, по мнению авторов статьи, позволяет повысить качество усвоения общественных дисциплин, ускоряет процесс овладения русским языком, что оказывает значительное положительное влияние на профессиональную подготовку. Показано, что организация гуманитарного потока обеспечивает ускоренную адаптацию иностранных студентов к новой социокультурной среде, что позволяет влиять на создание положительного облика университета за рубежом и увеличивать его экспортные возможности.

Ключевые слова: гуманитарное образование, русский как иностранный, техническое образование, экспорт образовательных услуг

1. ВВЕДЕНИЕ

Система высшего технического образования в СССР начала восстанавливаться после сложного послереволюционного периода с 30-40-х годов XX века и к 60-м годам приобрела славу внутри страны и за рубежом. Одним из первых технических институтов СССР, который принял студентов-иностранцев стал Московский энергетический институт [3]. Сокращение числа иностранных студентов в России в начале девяностых годов XX века, связанное с процессом распада СССР, вынудило российские университеты выработать новые подходы к экспорту образовательных услуг. Традиционно привлекательными для студентов из ближнего и дальнего зарубежья были и остаются направления инженерной подготовки и медицина. Привлечение иностранных студентов является не только образовательной и экономической, но и геополитической задачей России. Специалисты-иностранцы, получившие российское образование становятся не только профессионалами своего дела, но и носителями русского языка. За годы учебы они приобщаются к российской многонациональной культуре, выстраивают дружеские и профессиональные связи в нашей стране и становятся проводниками российских традиций в своей культуре.

Обучение студентов из дальнего зарубежья имеет многолетние традиции, в основании которых стоит советская система образования. Привлечение студентов из ближнего зарубежья актуализировалось в последние годы в связи с интенсификацией связей с этими странами. К сожалению, уровень владения русским языком в странах Средней Азии и Закавказья значительно упал среди представителей молодого поколения, что ставит в обучении таких студентов задачи схожие с обучением иностранцев из дальнего зарубежья.

Особую задачу для иностранных студентов представляет быстрое освоение русского языка, который становится основой и залогом успешного профессионального обучения. Как правило, годового предварительного обучения до зачисления на первый курс бывает достаточно для начала вузовской подготовки. Тем не менее, на протяжении всего периода получения высшего образования иностранным студентом сохраняется специфичность его подготовки, что требует особых методических и организационных подходов.

В данной статье будет рассмотрено влияние гуманитарного образования иностранных граждан на экспортные возможности технического университета.

2. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НИУ «МЭИ» КАК ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Национальный исследовательский университет «МЭИ» – один из крупнейших технических университетов в России, он был основан в 1930 году, и студенты из зарубежных стран стали обучаться в этом техническом вузе начиная с 1946 года. Их число было разным в разные годы, и к началу девяностых годов прошлого столетия превышало 1000 человек.

Современный подход к обучению и адаптации иностранных студентов в МЭИ во многом опирается на традиции советского высшего образования. В советский период обучение иностранных студентов началось с освоения русского языка, а затем, изучения естественнонаучных дисциплин и математики на так называемом Факультете довузовской подготовки. Это обучение продолжалось два семестра, первый был посвящен освоению русского языка, а второй – изучению математики и естественнонаучных дисциплин на русском языке, что давало возможность начать обучение в выбранном вузе через год. В МЭИ такие студенты преимущественно приходили с факультетов довузовской подготовки МАДИ и МГУ им. М.В. Ломоносова.

Кроме того, в 40-80-е годы XX века была распространена практика отдельного обучения студентов из зарубежных стран на первых двух курсах, то есть освоение математических, естественнонаучных и общественных дисциплин у иностранных студентов ряда технических направлений подготовки проходило отдельно от общих потоков. Начиная с третьего курса, освоение профессиональных дисциплин уже проходило в общих группах совместно со студентами из Советского Союза.

В 1992 году в МЭИ появился свое подготовительное отделение для иностранных граждан. С этого момента у слушателей подготовительного отделения появилась возможность до начала обучения в вузе освоить русский язык, а затем приступить к изучению математики, физики, химии, информатики и инженерной графики на русском языке.

В разные годы в НИУ «МЭИ» обучались представители 110 стран, в настоящий момент обучение проходят студенты и аспиранты из 68 стран. Только за последние 10 лет число иностранных студентов в МЭИ возросло вдвое. Сегодня в НИУ «МЭИ» обучается более 14000 студентов и более 2000 из них – иностранцы. Таким образом, в настоящий момент число иностранных студентов составляет свыше 12% от общего числа обучающихся. Подавляющее большинство из них обучается на русском

языке. Иностранцы студенты в НИУ «МЭИ» преимущественно проходят обучение на технических направлениях подготовки. Наибольшее число иностранцев обучается в Институте информационных и вычислительных технологий, Институте электроэнергетики, а также в Инженерно-экономическом институте и Институте тепловой и атомной энергетики по направлениям: Электроэнергетика и электротехника, Информатика и вычислительная техника, Теплоэнергетика и теплотехника, а также Экономика и управление.

При этом в настоящий момент университет реализует систему непрерывного кадрового обеспечения энергетики различных стран [5], которая включает в себя подготовку будущих специалистов, начиная с детского сада (где занятия с детьми проводятся на русском языке) и на протяжении всей жизни. Учитывая реализацию НИУ «МЭИ» подготовки граждан в филиалах и центрах целевой подготовки за рубежом, важнейшим аспектом становится, в том числе и передача передового задела университета в области гуманитарного образования нашим зарубежным партнерам.

3. ГУМАНИТАРНЫЙ ПОТОК КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

В 2005 году в МЭИ, был организован так называемый гуманитарный поток. Эта инициатива была направлена на повышение качества освоения общественных дисциплин и на упрощение адаптации иностранных студентов. Вхождение в языковую среду бывает довольно болезненным для иностранных студентов [1] и приводит, в том числе к стрессовым ситуациям [2]. В гуманитарном потоке иностранные студенты осваивали Историю, Основы гуманитарных знаний, Философию, Социологию и Философию науки и техники. Изучение этих дисциплин в общих потоках было осложнено недостаточным уровнем владения русским языком на начальных курсах обучения в техническом вузе. Кроме того, вовлеченность в изучение гуманитарных дисциплин позволяет выделить талантливую и одаренную молодежь, которая способна видеть проблемы в новом свете и избегать привычных способов мышления [4]. В реализации этой инициативы принимали участие кафедра Истории и кафедра Философии, политологии, социологии НИУ «МЭИ». К сожалению, эта инициатива сошла на нет незадолго до пандемии Covid-19 в 2018 году.

В 2022 году по инициативе кафедры Философии, политологии и социологии им. Г.С. Арефьевой Гуманитарно-прикладного института НИУ «МЭИ» было возобновлено обучение иностранных студентов в гуманитарном потоке. В настоящий момент они отдельно от общих потоков осваивают Философию, Социологию и Правоведение. Занятия в этих группах проходят по единым рабочим программам дисциплин, но применение особых методических подходов, разработанных именно для проведения занятий в этих группах и привлечение наиболее опытных преподавателей кафедры позволяет студентам освоить программу и выполнить все контрольные мероприятия в установленные сроки и на хорошем уровне.

Особое внимание на занятиях уделяется освоению лексики, широко используемой в общественно-гуманитарном знании. Приобщение к этому лексическому пласту не только делает доступной специальную общественно-научную литературу, но и значительно повышает уровень владения русским языком как иностранным, что благоприятно сказывается как на освоении специальных дисциплин, так и на межкультурном общении.

Организация занятий гуманитарного потока сопряжена с целым рядом организационных и методических сложностей. Вычленение студентов-иностранцев из общих потоков и сведение их в отдельные группы осложнено не только насыщенным учебным планом инженерной подготовки, но и рассредоточенностью отобранных дисциплин по разным семестрам на разных направлениях подготовки. Кроме того, возобновление этой инициативы потребовало скоординированных усилий кафедры философии, политологии и социологии, управления внешних связей, учебного управления, диспетчерской и ряда других подразделений. Указанные выше сложности имеют исключительно организационный и координационный характер, но наиболее значимыми задачами оказалось методическое обеспечение проведения занятий Гуманитарного потока.

Однако все организационные сложности компенсируются ускоренной адаптацией иностранных студентов к новой социокультурной среде, что позволяет влиять на создание положительного облика университета за рубежом и увеличивать его экспортные возможности. И результаты работы в этом направлении дают очень интересные результаты. Если мы рассмотрим динамику привлечения иностранных граждан, то их число со времени начала работы гуманитарного потока выросло более, чем в два раза. Понятно, что в этом заслуга не только новых подходов к гуманитарному образованию. Но свою лепту гуманитарный поток, несомненно, внес.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно заключить, что специфика обучения иностранных студентов в техническом вузе во многом определяется уровнем владения русским языком как иностранным. Повышение этого уровня на протяжении всего периода обучения является очень важной образовательной задачей. Мероприятия, направленные на интенсификацию овладения языком, тесно связаны с освоением программ гуманитарного профиля. Это особенно актуально для студентов младших курсов. Данные мероприятия способны повысить уровень овладения математическими, естественнонаучными и профессиональными дисциплинами, а также ускорить адаптацию к российской культуре.

Учитывая, что одним из самых надежных инструментов привлечения иностранных студентов остаются отзывы выпускников о вузе, адресованные родным и знакомым, можно с уверенностью констатировать, что новые подходы к гуманитарному образованию иностранных граждан обеспечивают возможности для устойчивого роста экспорта образовательных услуг технического университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Извекова Т.Ф., Тарасов А.Е. Экспорт образовательных услуг. Соотношение ожиданий и реальности при подготовке иностранных специалистов в российских вузах//Профессионально компетентная личность в мировом образовательном пространстве – Взаимодействие ВУЗа и профессиональной среды при подготовке современного специалиста: Материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Новосибирск: Сибмедиздат НГМУ, 2011 – С. 275-279.

2. Извекова Т.Ф., Шпикс В.М. Динамика стресса участников учебной коммуникации в поликультурной образовательной среде//Медицинское образование и вузовская наука. – 2019. – № 1. – С.74–77.

3. Нам -50 / С.В. Надеждин, М.А. Слепцов, С.М. Смольский [и др.] //Москва: Изд-во МЭИ, 2003 г – С. 5-16.

4. Проблемы привлечения талантливой молодежи в сферу науки, высоких технологий и высшего образования [Текст]: монография / Е.В. Кузуб, А.А. Литвинюк, Е.Г. Гуличева, С.А. Леднева, М.С. Осипова, Е.А. Сысоева; под науч. Ред. А.А. Литвинюка. – М.: ПЕРВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 2020. – С. 25-26.

5. Создание системы непрерывного кадрового обеспечения энергетики в Республике Узбекистан на базе филиала НИУ «МЭИ» / А.Е.Тарасов, М.С.Осипова, В.Н.Рощева, В.И.Орлова, М.В.Гришакова, Е.А.Сысоева // Национальные интересы и вопросы регионального развития в системе приоритетов международной деятельности российских университетов: Колл. монография/Под ред. С.О.Крамарова, Н.В.Пелихова, В.И.Скоробогатовой. – М.: Изд. центр «РИОР», 2021. – 266 с. – С. 113-118.

УДК 1 (091)

ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В XXI ВЕКЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

В.Е. Семенов (Москва, Россия)

доктор филос. наук,

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. Статья посвящена основным тенденциям и проблемам европейской философии XXI века. С одной стороны, в настоящее время существует немало философских направлений, которые придерживаются традиционалистской ориентации. Происходит своего рода «возрождение» классических проблем на новом дискурсивном уровне. С другой – явно присутствует стремление к нетрадиционалистской парадигме мышления. Широко известны распространенные философские проекты, которые по отношению к предыдущей традиции следует называть антифундаменталистскими и «нонконформистскими». По этой причине одновременно доминирующими оказываются диаметрально противоположные направления. Первая тенденция условно названа «традиционалистской», и здесь рассматриваются такие характерные явления, как возрождение метафизики, конструктивизм, этизация, коммуникативизация, культурологизация, натурализация и прагматизация. Второе направление европейской мысли также условно названо «нонконформистским». Оно включает в себя экспериментальную философию, постмодернизм и спекулятивный реализм.

Ключевые слова: традиционализм, нонконформизм, антифундаментализм, возрождение метафизики, конструктивизм.

1. ВВЕДЕНИЕ

Становление и развитие европейской философии¹ XXI века в некоторой степени зависят от самого этого столетия – его социально-исторического облика, решающих событий, влиятельных процессов, определяющих умонастроений и доминирующих идей. Несмотря на то, что трудно по целому ряду причин целиком и полностью согласиться с выражением Гегеля из «Лекций по истории философии» о том, что «философия – это эпоха, схваченная в мысли», тем не менее следует признать определенное влияние формообразований исторического времени на конкретные гештальты философской мысли. Стало быть, задачу определения и дескрипции основных тенденций и проблем сегодняшней европейской философии следует начинать с рассмотрения абриса современной эпохи (если она, конечно, заслуживает столь почетного именованья).

Длительный, равный по возрасту самому *Homo sapiens* процесс формирования «второй природы» – культуры, привел в итоге к такому положению дел, что для человечества созданный им самим и разумно (?) организованный мир превратился со временем в «первую природу». Хорошо это или плохо (на ум сразу же приходят неразрешимые проблемы экологии и, соответственно, выживания) – отдельный вопрос. Однако несомненным является тот факт, что в настоящее время «естественной средой» обитания человека является вовсе не природа, а культура – глобализированный социальный мир огромного уровня сложности и унификации, и вместе с тем отягощенный противостоящей ризоматичной и нелинейной организацией частного бытия.

Для характеристики современной экзистенции, на мой взгляд, лучше всего подойдут такие предикаты, как *хаотизация* и *фрагментизация*. В самом деле, с одной стороны, в социальном мире возникли, утвердились и нарастают процессы всеохватного, едва ли не космического (как нам пугающе рисуется) масштаба – глобализация, технологизация, цифровизация, информатизация, виртуализация, консьюмеризация и т.п. Прошло уже почти четыре десятилетия с тех пор, как весь мир живет в «глобальной деревне», и в точном соответствии с предсказаниями Г.М. Маклюэна, сделанными еще в начале 60-х годов XX века, «электронный человек», проигрывая свои роли в «глобальном театре», получает не только информационное могущество, но и огромное количество «разрывов последовательно-

---

¹ Под европейской философией понимается также и вся англоязычная философия, включая сюда, естественно, и США, и Австралию и т.д.

сти», разногласий и деструктивного разнообразия. Глобальный процесс имплозии сжимает не только земной шар до размеров «деревни», но и человеческое общение до пределов социальных сетей, разрушая тем самым нормальную коммуникацию и личностную способность к эмпатии.

Громко стучится в одни двери, а в другие уже вошла Индустрия 4.0. При этом настойчиво и самоуверенно заявляет о своем (незваном) существовании *закон ускорения социального времени* по мере продвижения человечества вдоль мировой темпоральной оси. Иначе говоря, скорость человеческого бытия все больше возрастает, и этот тревожащий факт, вкупе с чудовищным массивом информации, обрушенным на головы людей, создает жуткий психологический эффект какой-то вселенской гонки, в ходе которой как отдельные личности, так и целые социальные группы попросту аннигилируются.

Сами отцы-основатели Индустрии 4.0. предвидели острые социальные проблемы, и один из них – Клаус Шваб – предупреждал, что «характер происходящих изменений настолько фундаментален, что мировая история еще не знала подобной эпохи – времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей» [6, с. 9]. Наибольшая опасность, на мой взгляд, состоит в том, что «новые формы цифровых медиа, которые формируют основной компонент четвертой промышленной революции, все больше и больше определяют наши индивидуальные и коллективные представления об обществе и сообществе» [6, с. 75]. Тем самым новая промышленная революция вовсе не устраняет, а – напротив – сохраняет и даже усиливает уже существующее тотальное манипулирование сознанием людей – то манипулирование, которое само по себе является источником бесчисленного множества иных социальных бед и катастроф.

Кроме того, прогнозирует К. Шваб, четвертая промышленная революция способна изменить саму природу человеческого существования. Речь идет о возможной утрате способностей взаимопонимания, сопереживания и адаптации, ибо «по мере того, как четвертая промышленная революция будет углублять наши личные и коллективные отношения с технологией, будут ухудшаться наши социальные навыки и способность к эмпатии. Мы видим, что это уже происходит» [6, с. 80]². Однако способ-

---

² К. Шваб приводит такую статистику: «Проведенное в 2010 году научной группой в Университете штата Мичиган исследование показало снижение показателя эмпатии среди сегодняшних студентов колледжей на 40 % (по сравнению со студентами, учившимися два или три десятка лет назад), причем значительная часть этого спада пришлась на период после 2000 года» [6, с. 80–81].

ность к эмпатии – это как раз и есть та самая базовая и родовая характеристика индивидов, которая издавна называется *человечностью!*

С другой стороны, в качестве негативной ответной реакции на эту промышленно-революционную «космическую гонку», появляются разнообразные адаптационные и «терапевтические» социальные процессы, направленные на сохранение индивида, его индивидуальности и личности в целом, а также сбережение автономного, независимого от любой «системы» частного бытия. В результате возникают и множатся попытки создания децентрализованного, ризоматичного (а значит, в определенном смысле – «хтонического») существования – от различного рода смартомобов и флэшмобов, широкого распространения фриланса, паблик-арта и стрит-арта, многообразнейших индивидуальных и коллективных «стартапов» и, одновременно, дауншифтинга и номадизации, вплоть до тотальной виртуализации и эпатирующей постмодернизации жизни. Частное, а порой и социальное бытие становится все менее схематизированным и все более хаотичным, разбивается на фрагменты, противопоставляя себя колонизирующим намерениям «системы» с ее унифицирующими и репрессивными функциями.

Таким образом, среди доминирующих характеристик современного мира в первую очередь нужно выделить противостоящие друг другу *глобализирующие* и *индивидуализирующие* тенденции. Философия хотя и обладает значительной степенью автономности, однако не испытывать определенного влияния со стороны всей социокультурной действительности не может. Стало быть, не вызовет удивления, если и в развитии европейской философии XXI века откроются глобализирующие и индивидуализирующие направления, а также общецивилизационные процессы хаотизации и фрагментизации.

Попытка определить базовые характеристики философии XXI века сразу приведет нас к экспликации двух фундаментальных и полярно нацеленных тенденций. Во-первых, обнаружится, что, несмотря на кажущуюся антиметафизическую устремленность современного философского мышления и широкое декларирование его «постметафизической» сущности, метафизика тем не менее никуда не исчезла и уж вовсе не умерла. В настоящее время существует немало (если не большинство) философских направлений, которые придерживаются традиционалистской ориентации. Происходит своего рода «возрождение» классических проблем на новом дискурсивном уровне.

Во-вторых, не впадая в разногласие с предыдущим утверждением, можно констатировать, что стремление к неклассической и сугубо нетра-

диционалистской парадигме мышления в самом деле присутствует в современной философии. Всем известны широко распространенные и даже модные философские проекты, которые по отношению к предшествующей традиции следует называть антифундаменталистскими и «нонконформистскими». Складывается парадоксальное и синкретичное положение дел: одновременно доминирующими оказываются диаметрально противоположные тенденции, а пресловутый и заезженный «плюрализм философских течений» выходит на новые, более широкие горизонты.

2. «ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЕ» НАПРАВЛЕНИЯ

Эти тенденции и философские процессы я называю «традиционалистскими» (в кавычках), а не традиционными, поскольку все они следуют, с поправкой на время, философским традициям, однако несут в себе изрядную долю новизны и оригинальности.

2.1. Возрождение метафизики

Потребность обратиться к метафизике появилась не в XXI веке. Прошло всего лишь 28 лет с момента выхода программной антиметафизической статьи Рудольфа Карнапа «Устранение метафизики посредством логического анализа языка» (1931), когда в рамках аналитической традиции появилась книга оксфордского философа Питера Стросона с шокирующим названием – «Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики» (1959). В 30-х годах казалась, что метафизика похоронена навсегда. Однако не прошло и трех десятилетий, как это «бессмысленное», согласно Карнапу, учение в который раз продемонстрировало качество птицы Феникс. В своей работе Стросон намеревался произвести анализ обыденного языка, часть которого не изменяется со временем, но представляет собою «ядро концептуального инструментария», своего рода априорный фундамент повседневного мышления [5, с. 10].

Еще до Стросона по метафизической (тогда еще «лесной») тропинке последовал Уиллард Ван Орман Куайн, а после оксфордского профессора – Родерик Чизолм, предложивший еще в 1966 г. вполне «метафизическую» теорию познания под названием «фундаментализм» (“foundationalism”) [8, р. 3–5] и повлиявший на возрождение мереологии. Немалую лепту в возрождение внес Сол Крипке, издавший «Именование и необходимость» (1970), где открылся целый комплекс метафизических проблем, а «твердые десигнаторы» (= собственные имена и натуральные

виды) определялись через их статус в «возможных мирах» (!) [10, р. 48]. Заслуживают упоминания также Хилари Патнэм, поддержавший Крипке в создании теории референции, и Уилфрид Селларс, разрушивший так называемый «миф данного» и тем самым вернувший значимость конструктивистским предпосылкам эпистемологии. И наконец, трудно пропустить мимо Дэвида Льюиса (хоть он и материалист), создавшего вызывающую концепцию «возможных миров» и с первых же строк знаменитой книги заявившего, что он «защищает модальный реализм: тезис о том, что мир, частью которого мы являемся, представляет собою лишь один из множества миров, и что мы, населяющие этот мир, – лишь немногие из обитателей всех миров» [11, р. VII].

В самом конце XX века аналитическая философия перестала быть только философией языка и оставила за собою лишь одно «имплицитное требование (пусть даже нерешительное и несовершенное) следовать идеалам ясности, строгости и аргументации» [16, р. XIII]. В свою очередь метафизика перестала быть нехоженой «лесной тропой», а превратилась в «столбовую дорогу», по которой двинулись шумной толпой, разрабатывая десятки и десятки метафизических проблем, сотни и сотни новых метафизиков³. Однако это уже не та спекулятивная метафизика, что была свойственна, допустим, средневековому философствованию. Современная метафизика опирается прежде всего на рефлексивность, открывая при этом именно ту реальность, которая создается мышлением и коммуникацией.

Последние два десятилетия прошлого века дали безусловного лидера – философию сознания (выросшую из философии языка). Однако на рубеже XXI века рядом с нею утвердилась «традиционалистская» метафизика, обратившаяся к разработке таких проблем, как субстанциализм и акциденциализм, эссенциализм и онтологический статус, существование и не-существование, внутренние и внешние качества, абстрактные сущности и материальные объекты, реализм и номинализм, универсалии и партикулярии, мереологический универсализм и нигилизм, сознание и тело, пространство и время, пердурантизм и эндурантизм, фундаментальные категории метафизики и современная логика, реализм и антиреализм, событийная и агентная причинность, детерминизм и моральная ответственность, компатибилизм и инкомпатибилизм, модальность и онтология возможных миров, тождество личности и идентичность как таковая, сущность Бога и доказательства Его существования, факты и по-

---

³ Надо признать, что континентальная философия в этом процессе «метафизации» ничуть не отстала. Так, например, Готфрид Мартин еще в 1966 г. выпустил «Общую метафизику» (*Martin, G. Allgemeine Metaphysik. B.: Walter de Gruyter, 1966.*).

ложения дел, истиносозидатели (truthmakers) и истиноносители (truthbearers), аргументы «бритвы» и принцип экономии, а также многие другие. Современная аналитическая метафизика по объему и глубине разработки своего предмета исследования, пожалуй, уже превзошла всю предшествующую метафизику.

Сегодняшняя аналитическая философия все же «повернулась лицом» и к континентальной традиции, и к истории европейской философии. Как следствие, возникли такие специфицированные разделы, как, например, «современная аристотелевская метафизика» или «современная кантианская метафизика». Первая рассматривает Аристотелеву парадигму в качестве «*πρώτη φιλοσοφία*», ядра и начала любого философского и рационального исследования мира. Соответственно, «задача метафизики состоит не в том, чтобы служить науке или разрешать концептуальную путаницу, а в том, чтобы исследовать бытие и фундаментальные структуры реальности на самом общем уровне». [18, p. 1]. Вторая усматривает сущность Кантовой метафизики в его «революционном вкладе» – в «сочетании теорий эмпирического реализма и трансцендентального идеализма» [7, p.1].

В настоящее время отдельная учебная дисциплина – «Метафизика» – преподается едва ли не во всех университетах англоязычного мира и континентальной Европы, а Интернет до краев наполнен всевозможными “Course of Metaphysics” или “Study Guide for Metaphysics” (аналоги наших РПУД). Таким образом, можно говорить, что метафизика, наконец-то, окончательно утвердилась (= возродилась) в современной европейской философии.

2.2. Конструктивизм

Конструктивизм *per se* является фундаментальным и врожденным свойством человеческого мышления и бытия. Но здесь речь идет о влиятельнейшем современном направлении, бурно развивающемся во всем мире с конца XX века, главным образом, в эпистемологии и философии науки, социологии, психологии, биологии и нейронауке. Антифундаменталистский эпистемологический конструктивизм рассматривает познание в качестве сложного процесса конструирования реальности активным субъектом, в результате чего возникает совокупность конструктов в их систематическом единстве. Это направление (в форме радикального конструктивизма) вполне справедливо наотмашь отвергает точку зрения на эпистемологическую процедуру как результат некоего мифического

«отражения» реальности (что, разумеется, в принципе невозможно). Одновременно радикальный эпистемологический конструктивизм отказывается от понятия «объективной истины» и сомнительного принципа гносеологического «соответствия», что, впрочем, укладывается в современную эпистемологическую парадигму.

Возникновение конструктивизма в эпистемологии и философии науки относят к Иммануилу Канту, а современное направление связывают, прежде всего, с именами Эрнста фон Глазерсфельда, Пауля Вацлавика, Хайнца фон Фёрстера, Умберто Матураны, Франсиско Варелы и др. Последний является одним из творцов *энактивизма* (enactivism), разновидности эпистемологического конструктивизма, подчеркивающей сложную целостность самоорганизаций в мире. Согласно этой концепции, «субъект и объект, тело и разум, организм и среда, жизнь и познание, реальное и виртуальное – все эти пять пар понятий находятся во взаимной циклической детерминации, обуславливают друг друга» [1, с. 7]. Эта «недуализирующая» теория весьма распространена и постепенно дрейфует к традиционной эпистемологии, поскольку «субъект познания, или когнитивный агент, будь то человек или животное, рассматривается как активный и интерактивный: он активно встраивается в среду, его когнитивная активность совершается посредством его “вдействия” в среду, или ее энактивирования» [1, с. 8].

Другая разновидность конструктивизма – социальный конструктивизм. Этот термин содержит в себе слишком много различных коннотаций (выделяют даже социальный *конструктивизм* и социальный *конструкционизм*). К настоящему времени его сформировали такие в чем-то различные, но во многом похожие социальные философы, как Бруно Латур, Мишель Каллон, Джон Лоу, Карина Кнорр-Цетина, Стивен Вулгар, Дэвид Блур и мн. др. Подобно эпистемологическому «родственнику», социальный конструктивизм противостоит реализму, утверждающему, что теории можно рассматривать в качестве знания о существующем независимо от нашего сознания мира. Рассмотрим социальный конструктивизм на примере акторно-сетевой теории (АСТ).

Согласно АСТ Латура, социальный и даже природный мир базируется (= конструируется) на постоянно изменяющихся сетевых отношениях. Все факторы, оказывающие влияние на эти отношения, в равной степени важны. При этом во взаимодействие с человеческими акторами вступают также и не-человеческие (nonhumans): вещи, животные, процессы и т.п. Такого рода подход, по мнению автора, позволяет «дать вещам высказаться». Соответственно, отношения могут быть как матери-

альными (между актерами, вещами и nonhumans), так и семиотическими (между понятиями). Такая сеть: а) вполне себе фиксируется эмпирически, ибо связи акторов можно проследить; б) в обществе и природе все существует только в сетях, и стало быть, сеть оставляет пустым почти всё, что не связано с нею; в) требует коммуникативных усилий; г) не сплетена из долговечной субстанции типа нейлона, но представляет собою почти эфемерный *след*, оставляемый актором во время интеракции [3, с. 186]. Знание конструируется в процессе интеракции и при совместном производстве артефактов участниками сети.

2.3. Этизация

Эта тенденция является всеобъемлющей и затрагивает всю философию. Новый тренд можно обозначить и по-другому: философия стремится вновь стать этической дисциплиной, мудростью, основанной на практическом разуме. В аналитической философии сформировалась метафизика моральной ответственности, начинающая свой путь с фундаментальной проблемы совместимости детерминизма и ответственности индивидов за свои действия, т.е. вопроса о всеобщей обусловленности в мире и свободе воли. Однако это фундаментальное затруднение упирается, как в стену, в старейшую и пока неразрешенную проблему связи сознания и мозга (сознания и тела, или психофизиологическую проблему).

Эпистемология добродетели (Virtue Epistemology) – новая область, соединяющая, как можно понять из названия, этику и учение о познании. Суть этого течения заключается в следующем: прежде чем оценивать достоверность знания, необходимо рассмотреть эпистемические «пороки» и «добродетели» субъекта, ибо вполне могут существовать как «хорошие», так и «плохие» способы формирования убеждений. Соответственно, построенное по всем существующим правилам рассуждение представляет собою *эпистемическую добродетель*. И наоборот: неряшливое и алогичное рассуждение есть не что иное, как *эпистемический порок*. После того как мы убедились, что исследуемое рассуждение является добродетелью, можно обратиться к изучению обоснованности и достоверности конкретного знания или убеждений. Приверженцы этого направления – Линда Загзебски и Аброл Фэйрвезер – дают следующее определение эпистемологии добродетели: «Название “эпистемология добродетели” стало обозначать класс недавних теорий, которые сосредотачивают эпистемическую оценку на свойствах людей, а не на свойствах убеждений или утверждений» [19, р. 3].

Кроме того, хотелось бы отметить, что к общей тенденции этизации относится, я бы сказал, «постмодернистское» расширение традиционных проблем философии морали. Современные философы часто обращаются к разработке таких пока еще мало привычных тематик, как, например, взаимное признание, гостеприимство, прощение, забота, обещание, память, отчаяние, тревога, страдание и т.д. Сюда же нужно отнести целую систему моральных и психологических качеств, разрабатываемых Андре Конт-Спонвилем: вежливость, верность, благоразумие, умеренность, храбрость, справедливость, великодушие, сострадание, милосердие, благодарность, скромность, простота, терпимость, чистота, мягкость, добросовестность, юмор, любовь [2, с. 5–6].

2.4. Коммуникативизация

Для современной философии характерен, как уже было сказано, антифундаментализм (или «детрадиционализация», если воспользоваться термином Энтони Гидденса), который явно или неявно опирается на идею *альтернативности* новой философии. Пожалуй, главной альтернативной основой антифундаментального философского дискурса становится отречение от так называемой «философии субъекта» и переход к «философии коммуникации». Понятие «Другого», вытесняющее концепт «субъективного Я», уже стало базовым для пра-коммуникативных теорий Мартина Хайдеггера, Жана-Поля Сартра, Людвиг Бинсвангера и др. Со времени издания Юргеном Хабермасом «Теории коммуникативного действия» (1981) прошло более сорока лет, и идея новой – коммуникативной – рациональности, в противовес «рациональности Субъекта» утвердилась в философии и стала одной из доминирующих. Обособленно от теории коммуникативного действия и раньше нее возникла «философия диалога» (Мартин Бубер, Эммануэль Левинас и мн. др.), которая также решала задачу прервать безраздельное господство Субъекта. Так или иначе, множество дорог вело к детрадиционной цели – утвердить в философии коммуникативный, а не эгоцентричный разум и тем самым перейти от «субъектно-объектной» модели эпистемологии к «субъектно-субъектной». При этом философия должна стать посредником (медиатором) в процессе становления интересубъективности в коммуникативном дискурсе «жизненного мира».

На философском уровне теории коммуникативного разума были созданы, прежде всего, Юргеном Хабермасом (идея дискурса и интеракции как форм коммуникативного действия, ведущего к достижению язы-

кового консенсуса и соглашения между субъектами коммуникации) и Карлом-Отто Апелем (идея первичности диалога, которая ограничивает философию лишь рефлексией над значением или смыслом языковых выражений). Специальные (не-философские) аспекты коммуникации (макрокоммуникация и микрокоммуникация) давно уже изучают бесчисленные коммуникологические науки.

2.5. Культурологизация

Как уже было сказано, человек давным-давно живет не в природе, а в культуре, а современный человек – почти что только в культуре. Соответственно, культура во всей ее совокупности, как отдельный мир, как *всё, что создано или модифицировано взаимодействующими индивидами* (Питирим Сорокин), оказывает заметное влияние на человеческую деятельность, включая философию. Современное философское мышление во многом ориентировано не столько на *познание* окружающей действительности (= культуры), сколько на *понимание* ее в качестве некоего *текста* и *гипертекста*, имеющих нелинейную структуру. При этом текст и гипертекст нужно определять предельно широко, как то, что несет в себе информацию и смыслы. Этим носителем может быть и человек, и животное, и идея, и вещь, и процесс.

Кроме того, культурологизация философии отчасти представляет собою продолжение и следствие коммуникативных интенций. Причина заключается в том, что фундаментом культурологического дискурса становится intersubъективный «жизненный мир», сформированный как раз в ходе разворачивания коммуникативной рациональности. Одной из разновидностей такого рода дискурса становится культурно-историческая эпистемология.

Это направление исходит из предпосылки о том, что наше знание во многом зависит от социальных условий познания. В таком случае наука рассматривается как важнейшая составная часть культуры в целом и интеллектуальной культуры в частности. При таком понимании научного знания «одним из центральных пунктов культурно-исторической эпистемологии становится трактовка феномена науки как специфической сферы общения, внутри которой формируются познавательные способности отдельных ученых и артикулируются различные смыслы их деятельности. И в этом контексте язык науки предстает отнюдь не в виде некой самодостаточной, самозамкнутой предметной сферы, описание которой (как полагали позитивисты) дает нам стандартные нормы научного

исследования. С точки зрения культурно-исторической эпистемологии, язык науки рассматривается как «сфера разговора» [...], т.е. реальность общения, погруженная в деятельность ученых и не существующая в отрыве от их повседневных научных практик (а потому – динамичная)» [4, с. 22]. Соответственно, и знание, и наука исследуются в рамках культурно-исторической эпистемологии не как важнейший социальный институт, но в качестве своего рода культурного комплекса с присущими ему культурными универсалиями.

2.6. Натурализация

Тенденция к натурализму определилась еще в середине XX века. К сегодняшнему дню натурализм утвердился в разных философских ареалах. Вглядимся в присутствие натурализма в эпистемологии и философии сознания.

В эпистемологии натурализм во многом утвердился под влиянием Конрада Лоренца, который (ошибочно) полагал, что теория познания должна со временем превратиться в раздел биологии. В результате возникла эволюционная, соответственно, эпистемология, чьим предметом стало исследование когнитивного устройства человека, которое в свою очередь обладает эволюционным генезисом. При таком подходе познавательные способности анализируются как продукт биологической эволюции. В таком случае, по мнению натуралистов, традиционная эпистемология с ее «фундаментализмом» и «априоризмом» должна быть отброшена и заменена представительницей естественных наук – когнитивной психологией или же, как минимум, необходимо организовать сотрудничество между традиционной эпистемологией и обладающими эмпирическим базисом когнитивными науками.

В философии сознания натурализм выступает в облике физикализма и имеет разновидности. Если вкратце определить его сущность, то она будет выглядеть таким образом: всё в этом мире является физическим или, выражаясь в современных терминах, всё супервентно на физическом или определяется им. Стало быть, сознание (в том числе и феноменальное!) целиком зависит от мозга. Однако это не так. И хотя физикализм утверждает, что «все является физическим, или [...] все обусловлено физическим», тем не менее эта идея «несовместима с предпосылками повседневной жизни или находится в противоречии с ними» [17, р. 16]. Демонстрируя эти противоречия, Дэниел Столджер приводит следующие несовместимые с физикализмом утверждения: (i) «люди воспринимают

вещи и имеют различные телесные ощущения, т.е. вкус, судороги, зуд, тошноту»; (ii) «люди говорят и думают о мире и друг о друге»; (iii) «по крайней мере некоторые слова имеют значение»; (iv) «тела людей и физические объекты в целом окрашены, обладают текстурой, имеют различные вкусы, издают звуки и запахи»; (v) «у людей есть причины думать и действовать так, как они это делают, и эти причины могут подвергаться нормативной (в том числе моральной) проверке»; (vi) «люди иногда действуют и думают свободно»; (vii) «люди участвуют в групповых решениях и действиях, и, в свою очередь, действия этих групп влияют на людей, которые их составляют»; (viii) «существуют математические и логические истины (например, “ $5 + 7 = 12$ ”), и люди могут узнать эти математические и логические истины» [17, р. 14]. Таким образом, последовательный физикализм опровергается уже на уровне здравого рассудка и повседневного опыта.

2.7. Прагматизация

Возвращение к прагматизму возникло в конце XX века и в основном имело своим источником проблемы, возникшие в аналитической философии, еще до того, как последняя нашла выходы из кризиса, благодаря возрождению широко понимаемой метафизики. Опираясь, в частности, на Уилфрида Селларса и его отрицание «мифа данного», «новые прагматисты» обратились «к самой жизни», к «человеческому, слишком человеческому», стремясь «регуманизировать» философию, сделать ее более практической (= ориентированной на практический разум). Они привнесли в дискурс тему человеческого существования и взаимодействия, экзистенциального опыта как такового, проблемы моральной жизни, практического достижения целей, демократической политики и т.д. Ричард Рорти, например, призывал отказаться от философской теории познания, поскольку наука (вот ее важнейший аспект!) является образцовой только как модель человеческой солидарности, а истина – это «не та вещь, которая может быть интересной с философской точки зрения» [13, р. XIV]. Прагматисты, по его мнению, принадлежат уже к новой «постфилософской культуре». В ее основе лежит «культурный критицизм», который Рорти определяет через эпатазирующее понятие: «литературно-историко-антропологическо-политическая карусель (merry-go-round)» [13, р. XL].

Подчеркивая гуманистический характер прагматизма, Никлас Ресшер называл свою концепцию «прагматическим идеализмом» по той причине, что реальность, которую мы воспринимаем, является именно

нашей, человеческой, реальностью, мысленной конструкцией, но при этом не остается полностью свободной, ибо обусловлена успехом или неудачей в достижении цели. И здесь мы сразу обнаруживаем неуывдаемый «принцип Пирса»: «Наше знание об объекте складывается из совокупности знания о его практических последствиях (приложениях)». Однако у «новых прагматистов» этот практический критерий не доходит, конечно, до полного эпистемологического релятивизма, который был так характерен для Фердинанда Шиллера.

Несмотря на многочисленные расхождения, Ричард Рорти, Никлас Решер, Хиллари Патнэм, Роберт Брэндом, Ричард Бернстайн, Ричард Шустерман и многие другие вновь подняли философию прагматизма на уровень востребованного и даже необходимого мировоззрения, способного объединить аналитическую и континентальную традиции.

3. «НОНКОНФОРМИСТСКИЕ» ТЕНДЕНЦИИ

Это название является, конечно же, условным и лишь призвано акцентировать внимание на том факте, что в современной европейской философии существуют такие проекты, которые сложно причислить к традиционным направлениям и для которых необходимо подобрать какое-то другое определение.

3.1. Экспериментальная философия

Обращение к экспериментальной философии мне бы хотелось иронично предварить цитатой из Теодора Сайдера: «метафизики, как правило, делятся на два лагеря: тех, кто ходит вокруг да около, пытаясь редуцировать явления, и тех, кто вместо этого предпочитает “оставить мир таким, каким они его нашли”» [15, р. 4]. Главные намерения представителей экспериментальной философии как раз и позволяют отнести их к метафизикам, которые проделывают разные интересные (небезопасные?) опыты с явлениями действительности.

Поскольку многие метафизические вопросы не находят своего решения, целый ряд философов решил отыскать их в эмпирической сфере и «учредил» так называемую «экспериментальную философию». Строго говоря, новый проект задался целью соединить философию и экспериментальную науку. При этом, разумеется, «методы, используемые этими философами, чаще всего связаны с методами эмпирических дисциплин, таких как психология и социология. Многие из этих экспериментов касались эпистемологии и этики, хотя некоторые из них относились к области метафи-

зики» [14, p. 283]. Таким образом, философы вновь, уже на новом уровне, решили обратиться к методу экспериментальной верификации.

Экспериментальные философы интересуются теми же проблемами эпистемологии, что и предшествующие мыслители: «Подобно философам прошлых столетий, нас волнуют вопросы о том, какими на самом деле являются люди. Мы понимаем, что такое исследование вовлечет нас в изучение беспорядочных, случайных и сильно изменяющихся явлений во времени и пространстве, но мы не понимаем, как этот факт может сделать исследование менее философским. Напротив, мы думаем, что многие из глубочайших вопросов философии могут быть должным образом решены только путем погружения в беспорядочные, случайные, весьма изменчивые истины о том, каковы люди на самом деле» [9, p. 3].

Однако между «древними и новыми» существует и заметное расхождение: «В отличие от философов прошлых столетий, мы думаем, что критический метод для выяснения того, как люди думают, состоит в том, чтобы пойти и фактически провести систематические эмпирические исследования. Следовательно, экспериментальные философы проводят экспериментальные исследования психологических процессов, лежащих в основе интуитивных представлений людей о центральных философских проблемах» [9, p. 3]. Чтобы можно было наглядно представить, какие именно проблемы изучают экспериментальные философы, приведу в качестве примера четыре вопроса одного из исследований: (i) Почему моральные суждения людей оказывают влияние на их интуицию в отношении неморальных вопросов? (ii) Думают ли люди, что моральные вопросы имеют объективные решения, или они считают мораль принципиально релятивной? (iii) Верят ли люди в свободу воли и считают ли, что свобода воли совместима с детерминизмом? (iv) Как люди определяют, обладает ли нечто реально существующее (entity) сознанием?

Все эти вопросы обладают безусловной важностью для метафизики. Однако множество философских проблем невозможно артикулировать на экспериментальном уровне. Другая часть вопросов в принципе не подвергается сомнению экспериментальными результатами. Так что вопрос о философской значимости и полезности нового направления пока еще остается открытым. И все же к чести Джошуа Ноуба, Шона Николза, Джесси Принца, Уэсли Бакуолтера, Филипа Роббинса и других исследователей нужно сказать, что их экспериментальная философия уже выступает в качестве серьезного профессионального мотива (инспирации) для других метафизиков, ибо разработка подобной тематики (неважно, какими методами) всегда принесет какой-то полезный или же неудобный результат.

3.2. Постмодернизм

Постмодернизация личностного и общественного существования – это, пожалуй, одна из доминирующих тенденций современного мира. Если говорить о постмодернистских структурах, процессах, а также их восприятии, которые возникают и происходят в *реальной* жизни, то возникновение этих мучительных пертурбаций довольно точно предсказали Дэниэл Белл в «Грядущем постиндустриальном обществе» (1973) и Элвин Тоффлер в «Футуршоке» (1970) и «Третьей волне» (1980). В настоящее время реальную «ситуацию постмодерна» довольно точно воспроизводят в своих работах теории и практики Индустрии 4.0.

В отношении постмодернистской философии нужно сказать, что она до сих пор остается весьма влиятельной, хотя, конечно, пик шумной моды на нее уже прошел. Вместе с тем от всего объема постмодернистской мысли осталось то, что доказало свою теоретическую/культурологическую значимость в ходе описания постмодернистского же существования. Не ставя перед собою задачи воспроизвести здесь даже наиболее существенные характеристики этой конструктивистской философии, хочу отметить, что данное течение отчетливо дало понять: жизнь состоит не только из мейнстрима, но также из «окраин» и «обочин», которые обладают несомненной экзистенциальной ценностью. То же самое можно сказать и в отношении философии. Постмодернизм, в конце концов, подверг болезненной критике «три грации модернизма» – Объективность, Эффективность, Полезность (Бруно Латур), деконструировав тем самым привычную и навязшую повседневную рутину. При таком понимании философия постмодерна представляет собою определенного рода «нелинейную прозу», описывающую маргинальные и ризоматические явления и процессы, часть из которых, возможно, имеет «хтоническую» природу. Другими словами, постмодернистский конструктивизм занимается «пересборкой» такой же кляксообразной жизни.

3.3. Спекулятивный реализм: ООО, ДО и ТЭ

Спекулятивный реализм, как известно, во времени появился вполне себе конкретно – в 2007 году, в результате состоявшегося воркшопа. Участниками того семинара были Йэн Грант, Рэй Брассье, Грэм Харман и Квентин Мейясу. Само это течение объединяет разных философов со своими оригинальными концепциями, в том числе присоединившихся позже, однако для всех них характерно общее стремление

осуществить «прорыв» к реальности, непосредственному бытию и, стало быть, к спекулятивному онтологическому мышлению. Дело в том, что вот уже несколько веков прошло с тех пор, как традиционная философия напрочь закрыла доступ к непосредственному бытию с помощью непробиваемого щита, состоящего из многообразнейших рассудочных, сугубо разумных и других символических форм. По выражению Мейясу, мы имеем непосредственный доступ только к *корреляции* между мышлением и бытием, но сами мышление и бытие никак не могут быть предметами нашей рефлексии. Вот эту самую непреодолимую «стену», по кирпичикам сложенную всюю совокупностью познавательных инструментов, механизмов и процедур, спекулятивные реалисты и задумали преодолеть. Что ж, наивное мышление – это иногда хорошо, но что из этого получилось?

В частности, возникла ООО, или объектно-ориентированная онтология, Грэма Хармана, которая включает в себя абсолютно все объекты, которые можно себе представить – даже в кошмарном сне. И это не шутка, ибо все объекты в «плоской онтологии» Хармана обладают равным статусом. Постигаются эти объекты с помощью (скажем без обиняков!) *естественной* установки сознания (от которой любая другая философия всегда стремится избавиться).

Квентин Мейясу старается преодолеть ненавистную корреляцию посредством акцента на фактичности. Иначе говоря, из корреляции между мышлением и бытием он оставляет бытие, а мышление непостижимым образом теряется. Чем же тогда непосредственно постигать бытие? Математикой, как он предлагает? Слишком уж нетривиально!

Леви Брайант создает ДО – «демократию объектов», которые наконец-то полностью и с радостью освободились от субъекта (*sic!*) и создали независимые собственные «колонии», некую окружающую среду, где они налаживают контакты с другими объектами. В результате, утверждает онтикалогия Брайанта, создается «гетероверсум», или «плюроверсум», куда входит и человек. Внутри этих образований автономные объекты вступают в отношения. Налаживание разнообразных отношений между объектами и есть, по-видимому, конечная цель онтикалогии. О познании как преодоленном этапе речь уже не идет.

Тимоти Мортон создал ТЭ – «темную экологию», которая ориентирует человечество на формирование «экогнозиса» – экологического мышления человека, находящегося в эпохе Антропоцена. Это новое мышление должно, прежде всего, постичь, что люди сосуществуют с не-человеками (*nonhumans*). Необходимый для человечества экогнозис дает «осознание того, что не-человеческие существа располагаются на глубо-

ких уровнях человеческого – не только в биологическом и социальном плане, но и в самой структуре мысли и логики. С этими не-человеками сосуществуют экологическая мысль, искусство, этика и политика» [12, р. 159]. Поэтому «темная экология» настаивает на том, что «существуют более точные уровни настройки на экологическую реальность, чем то, что принято в средствах массовой информации, в академии и в обществе в целом» [12, р. 159]. Именно этого уровня настроек экогнозиса необходимо достичь человечеству. Ведь речь идет ни больше ни меньше, как о выживании.

Несмотря на тяжелейшую экологическую ситуацию, Мортон не теряет самобытного оптимизма: «Темная экология утверждает, что экологическая реальность требует осознания, которое сначала имеет черты трагической меланхолии и негативности, относительно неразрывного сосуществования со множеством сущностей, которые окружают нас и проникают в нас, но которое парадоксальным образом превращается в анархическое, комедийное чувство сосуществования» [12, р. 160].

Очевидно, что предыдущая книга Мортонна «Гиперобъекты» (2013) в самом деле может быть причислена к ООО. Но в отношении «Темной экологии» этого сказать нельзя: совершенно другие цели, настроение и пафос. Эта книга явно выбивается из целого ряда забавно-курьезных сочинений ООО.

Что же такое спекулятивный реализм? Это попытка обиженного и раздосадованного сознания преодолеть самое себя, назвавшись спекулятивным мышлением. Как будто спекулятивное мышление беспредпосылочно! Чего достигли спекулятивные реалисты – так это чистейшей спекулятивности. Но с реализмом у них дело не вышло.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Здесь рассмотрены лишь некоторые тенденции и проблемы, обусловленные к тому же авторскими предпочтениями и его же видением стремящегося потока философии в XXI веке. В силу известных причин не попали в обзор такие важные направления, как метафилософия и многочисленные философские теории феминизма.

Несмотря на упорные тенденции к замене субъектно-объектной парадигмы эпистемологии на субъектно-субъектную, нельзя однозначно сказать, что это стремление увенчалось успехом. Скорее всего, эти парадигмы будут сосуществовать всегда. Наступление антитрадиционализма вполне уравнивается крепкими позициями традиционной философии.

фии. Также совместно представлены в философии установки секуляризма и постсекуляризма. Отрадным фактом и ярким философским событием является возрождение метафизики, включая сюда бурное развитие философской теологии.

Вместе с тем, весьма характерное для нашего времени размывание тематических и методологических границ философии, широкая экспансия на ее территорию обитания со стороны литературы и литературоведения, искусства, поп-арта, риторики, а также пенитенциарных и психиатрических заведений (!!!) приводит к тому, что многие направления и тенденции иначе, как «нонконформистскими» и не назовешь. Таким образом, можно говорить, что в современной философии присутствуют хаотичность и фрагментарность в качестве заметных характеристик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 352 с.

2. Конт-Спонвиль А. Малый трактат о великих добродетелях, или Как пользоваться философией в повседневной жизни / пер. с фр. Е.В. Головиной. М.: Этерна, 2012. 320 с.

3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.

4. Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Культурно-историческая эпистемология и перспективы философии науки // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 2. С. 19–26.

5. Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики / пер. с англ. В.Н. Брюшинкина, В.А. Чалого. Калининград: Изд-во РГУ имени И. Канта, 2009. 328 с.

6. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.

7. Baiasu R., Bird G., Moore A.W. Introduction // *Contemporary Kantian Metaphysics* / ed. by Roxana Baiasu, Graham Bird, and A.W. Moore. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. P. 1–20.

8. Chisholm R. *The Foundation of Knowing*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. VIII, 216 p.

9. Knobe J., Nickols S. *An Experimental Philosophy Manifesto* // *Experimental Philosophy* / ed. by J. Knobe, S. Nichols. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 3–14.

10. Kripke S. Naming and Necessity. 12th print. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2001. 172 p.
11. Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford: Blackwell, 1986. 276 p.
12. Morton T. Dark Ecology. For a Logic of Future Coexistence. N.Y.: Columbia University Press, 2016. 191 p.
13. Rorty R. Consequences of Pragmatism. 6th print. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.
14. Roy T., Davidson M. New Directions in Metaphysics // The Continuum Companion to Metaphysics / Ed. by N.A. Manson, R.W. Barnard. L., N.Y.: Continuum, 2012. P. 268–291.
15. Sider Th. Introduction // Contemporary Debates in Metaphysics / ed. by Th. Sider, J. Hawthorne, and D.W. Zimmerman. Oxford: Blackwell, 2008. P. 1–7.
16. Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century: in 2 Vol. Vol. 1. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2003. 411 p.
17. Stoljar D. Physicalism. L., N.Y.: Routledge, 2010. 252 p.
18. Tahko T.E. Introduction // Contemporary Aristotelian Metaphysics / ed. by T.E. Tahko. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 1 – 7.
19. Zagzebski L., Fairweather F. Introduction // Virtue Epistemology: Essays on Epistemic Virtue and Responsibility / ed. by Abrol Fairweather and Linda Zagzebski. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 3–14.

УДК 316.421

СОЦИОТЕХНИЧЕСКИЕ РЕАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЯЮЩЕГОСЯ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

А.С. Аджемов (Москва, Россия)

док. техн. наук

МТУСИ

Аннотация. Обсуждаются проблемы «обратного» влияния современных инфокоммуникационных технологий, формирующих виртуальное пространство, которое имеет тенденцию к замещению существующей реальности и оказывающей серьезное влияние на социотехнические реальности в человеческих отношениях.

Ключевые слова: социотехническая реальность, виртуальное пространство, энтропия, сеть Интернет, искусственный интеллект, цифровая экономика.

1. ВВЕДЕНИЕ

Сегодня можно встретить в литературе и на просторах сети Интернет большое количество работ, в которых рассматривается, сопоставляется и анализируется что-то реальное и виртуальное, как в общей постановке проблемы [1], так и в частности, например, в сфере человеческого общения. При этом следует отметить общее и очень важное обстоятельство, а именно, что нечто искусственно созданное человеком, будь это предмет, компьютерная программа или технология, оказывает с развитием цивилизации все более сильное «обратное» влияние на своего «создателя». Причем это можно классифицировать, как некий всеобщий закон, сродни третьему закону Ньютона, когда «действие равно противодействию». Палка-копалка, видимо также оказывала свое действие на человека, как в последствии лопаты и экскаваторы, существенно изменившие условия труда и прочее, прочее. Хотя, конечно, результаты такого воздействия могут быть весьма различны как по полученным итогам, так и по времени их достижения. Суммируя отмеченное выше, предлагается утверждение, что **все, что-либо созданное человеком для его блага, повышения эффективности и качества существования: работы, личной жизни, социальной среды и прочее, оказывает на него в тоже время и обратное воздействие**, причем сила этого влияния тем больше, чем большее распространение получает то, что было создано.

При этом полезно вспомнить, что в начале XIX века при появлении первых машин возникли социальные протесты, движение луддизм, на борьбу с которым было брошено больше солдат, чем против Наполеона на Пиренейском полуострове, что говорит о значительных затратах на социализацию новых технологий, не говоря уже о самих методах этой социализации.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Сегодня изобретенные человеком машины очень сильно повлияли и продолжают влиять на экологию. Возникло движение «зеленых» и появилась необходимость в многомиллиардных затратах на защиту окружающей среды. Схожая ситуация складывается и в «информационном» цифровизируемом мире. Придется бороться за «информационную экологию», защищаться от вредоносного контента и решать проблему «лишних» людей, которые будут высвобождаться при внедрении цифровых технологий и расширяющейся автоматизации.

При этом если для осознания проблем экологии потребовалось порядка ста лет, то для понимания опасности «информационного заражения» было достаточно 5-10 лет, что вполне объяснимо из-за существенно большей скорости и масштабности проникновения инфокоммуникационных технологий во все сферы деятельности современного общества.

Обращаясь к истории, можно вспомнить, что «цифровизация» началась со времен древней Греции, когда Вестник Богов, Гермес, обучил людей счету, а это означает, что с этого момента появилась возможность все, в том числе континуальное, просчитать, а, следовательно, «оцифровать». В результате этого стало возможным не единичное, а массовое производство, поскольку по измеренным материалам и чертежам можно было многократно воспроизводить что-то однажды разработанное и созданное.

При этом оставались, конечно, отдельные мастера, производящие свою продукцию согласно своей интуиции, знаниям и талантам. Например, знаменитый Антонио Страдивари, создавший уникальные музыкальные инструменты, «цифровые» секреты которых до сих пор остаются неизвестными, не просчитанными.

А как быть с музыкантами, которые, используя стандартную, дискретную и ограниченную музыкальную клавиатуру, создают свои произведения, имеющие в понимании, восприятии человека континуальную сущность.

Данные примеры позволяют сделать вывод о том, что не все можно и должно «оцифровывать» или, по крайней мере, перед тем как «оцифровывать» следует подумать о последствиях.

Рассматривая многочисленные примеры, можно отметить, что просчету, в виде дискретной количественной оценки, «оцифровыванию» в первую очередь подвергается информация, а точнее сведения или сообщения о чем-либо.

Понятие информации, так же как понятие времени и проч. неплохо воспринимается на интуитивном или бытовом уровне. Однако, при более тщательной попытке понимания того что есть информация, приходится прибегнуть к общему философскому определению, например, такого содержания: *«Информация - это объективно существующее неотъемлемое свойство объектов, процессов, явлений, отражающее их внутренние и внешние особенности и разнообразие в различных метрических или топологических пространствах».*

Информация отображается в форме (в виде) сообщений, сведений и т.д., имеющих ту или иную материальную основу.

Сообщения, сведения и проч. используются для распространения информации и ее использования в самых разных целях, например, массового производства, оптимизации управления, назначения пенсии, постановки диагноза, обучения и т.д.

В теории информации в качестве количественной оценки информации, а точнее сообщения, часто используют понятие энтропии. Следуя определению, данному в работе К. Шеннона [2], для дискретного случая энтропия (H) равна:

$$H = - \sum_{i=1}^N p_i \cdot \log_b p_i, \quad (1)$$

где p_i - вероятности различных сообщений, число которых равно N .

Если же сообщения являются непрерывными, то энтропия равна:

$$H = - \int_{-\infty}^{\infty} w(x) \cdot \log_b w(x) \cdot dx - \log_b \Delta x, \quad (2)$$

где $w(x)$ – плотность вероятностей, Δx - погрешность отображения непрерывного сообщения.

При $\Delta x \rightarrow 0$ получаем «абсолютно» точное отображение непрерывного сообщения, но при этом энтропия стремится к бесконечности. А это означает, что окружающий нас мир, который представляется нам как нечто непрерывное, при его «цифровизации» будет уже чем-то иным, поскольку будет содержать неустранимые искажения. Конечно, эти искажения можно сделать очень маленькими и незаметными. Но как оценить эту малость, чтобы затем через какое-то время эта выбранная малая погрешность не оказалась неприемлемо большой. Следовательно, при «цифровизации» ключевым, стратегическим вопросом является требуемая точность (погрешность) Δx , поскольку после «цифровизации» с точностью Δx станет невозможным восстановление исходного сообщения с меньшей погрешностью.

Следует так же учитывать, что при уменьшении погрешности Δx в k раз существенно нарастает сложность и затратность механизмов «цифровизации». При этом данное нарастание можно оценивать в лучшем случае как в $\log_b k$ раз, а в худшем как в b^k (обычно имеем от $\log_2 k$ и до 2^k). Данное обстоятельство требует, как бы с другой стороны, обоснования выбора погрешности Δx , т.е. максимально возможной.

Ярким примером неразумности выбора малого значения параметра Δx в настоящее время является колоссальное количество всевозможных отчетов, справок и документов, запрашиваемых у организаций и граждан. Мало того, что это существенно усложняет механизмы взаимодействия на всех уровнях, приводит к неоправданным затратам, так это является и полной бессмыслицей, как если бы каждую секунду, когда у вас нет часов, вы спрашивали у соседа сколько времени.

В теории связи давно известна теорема Котельникова, которая устанавливает достаточные условия преобразования непрерывного сигнала в последовательность дискретных отсчетов, доказывая, что временной интервал между отсчетами бессмысленно брать меньше, чем некоторое Δt , обратно пропорциональное удвоенной максимальной частоте спектра непрерывного сигнала.

Аналогичная ситуация должна быть проанализирована при описании «цифровизируемых» сообщений, необходимых для управления и запрашиваемых данных, которые должны быть обработаны в требуемое время и адекватно использованы для принятия соответствующего решения. В противном случае из-за излишнего объема данных вырастут затраты на их обработку, и более того это может стать просто невозможным в требуемое ограниченное технологическим процессом время.

Следует так же обратить внимание на еще один «подводный камень», а именно, точность и адекватность получаемых цифровых данных, которые могут быть искажены по различным причинам (надо понимать, кто и как их формирует, кто и как их проверяет, кто и как вносит исправления и т.д.). А при неразумно большом объеме запрашиваемых данных вероятность этого нарастает. Кроме того, эти данные могут принадлежать разным процессам и не отвечать условиям эффективного отображения, в частности, условию ортогонализации. В этой связи, реализуя идеи «цифровой экономики», следует для обеспечения эффективности ее функционирования максимально точно определиться с изложенными выше вопросами.

Итак, **идея «цифровой экономики» должна быть безусловно реализована, поскольку технически для этого есть все предпосылки**, как с позиций информационных, так и телекоммуникационных систем. Однако эффективность будет определяться тем насколько разумно будет построена «цифровизация» процессов и собираемых данных.

Для этого должны быть описаны процессы с тем, чтобы были определены:

- погрешность Δx и вытекающее из этого количество информации;
- определены измеряемые дискретные показатели, желательно линейно независимые и ортогонализируемые, например, по критерию Грамма-Шмидта;
- установлены уровни приложения «цифровой экономики» к отдельным секторам, а именно, гражданам, предприятиям, регионам, государству. Разработаны модели этих уровней и описаны процессы;
- построена модель (граф) взаимодействия различных уровней «цифровой экономики» с учетом подчиненности, отчетности и зависимости;

- разработаны методы органичного развития и модернизации уровней и элементов «цифровой экономики» с учетом возможного изменения как технической, так и технологической платформ;

- исследованы и предусмотрены способы обеспечения информационной безопасности, в том числе, при критическом разрушении элементов «цифровой экономики»;

- подготовлено законодательное обеспечение внедрения «цифровой экономики».

«Цифровая экономика» – это не просто множественное собирание данных и направление их в компьютер для какого-то анализа. Хотя и это немаловажно.

Это фактически расчетная основа для будущего цивилизационного устройства с пока не очень понятной перспективой ценности информации или скорее ее искажения, а также будущей социотехнической реальности в условиях расширяющейся виртуальности.

Приводимые ниже стихотворные строки автора данной статьи доказывают это:

...Простой бухгалтерский расчет

Как оказалось слабоват.

Как оценить, как взять в зачет

Восхода луч, степной закат?

Как посчитать минуты счастья?

Измерить на каких весах?

Минусовать как дни ненастья,

Улыбок плюс, потери страх?...

Формируемое с помощью информационно-телекоммуникационных систем виртуальное пространство является принципиально цифровым, также, впрочем, как и искусственный интеллект. Поэтому более логично говорить не об искусственном интеллекте, а о цифровом интеллекте, тем более что само понятие интеллекта до конца не понято.

В подтверждении этого укажем на [1], где приводятся слова из книги Ж. Бодрийяра: «В виртуальном... царствует простая информативность, просчитываемость, исчислимость, отменяющая любые эффекты реального»; это сфера, «где все события происходят в технологическом режиме» [3; 31].

Виртуальное, как искусственно созданное человеком, появляется как дополнение реального. Однако в силу закона обратного влияния через некоторое время начинает замещать реальное, что, как правило, имеет определенные негативные последствия.

На такие негативные последствия было обращено внимание достаточно давно и, в частности, еще в 1998 исследователями Университета Карнеги-Меллона было замечено, что граждане, пользующиеся интернетом, стали заметно реже общаться с членами своих семей, а также со своими коллегами и друзьями. Их традиционные социальные контакты сузились [4; 103].

Через сравнительно небольшое время, около 10 лет, аналогичные исследования фирмы «Келтон Рисерг» показали, что значительное число, а именно, 65 % опрошенных совершеннолетних американцев больше времени проводят за компьютером, нежели со своими семьями или коллегами. Более того 84 % указали на то, что приобрели зависимость от компьютеров [5; 22].

Можно утверждать, что аналогичные результаты будут и в других странах, в том числе, и в России.

Несколько огрубляя, можно предположить, что человек – создатель компьютерных инфокоммуникационных систем оказывается в определенном смысле их рабом. Причем известны случаи, когда это не гиперболы, а реальная практика, связанная с изменённой психикой человека.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рисунке 1 представлена диаграмма, показывающая возможные сценарии развития интеллектуального ресурса общества при появлении и практическом использовании, с некоторого момента времени t_1 , интеллектуальных ресурсов информационных систем.

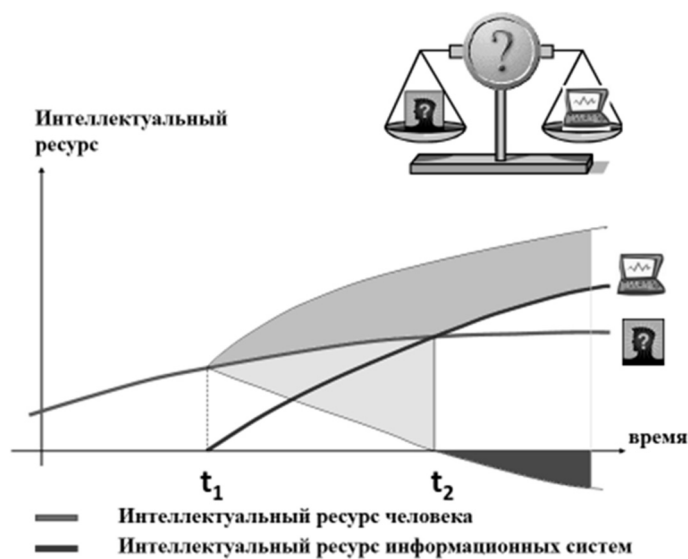

Рис. 1 Интеллектуальный ресурс человека и информационных систем

Существует вероятность того, что к моменту времени t_2 эти системы вообще заменят человека, будущее которого в этом случае весьма туманно.

Однако возможен и иной сценарий, когда разумное, с точки зрения человека, разумеется, сочетание даст значительный синергетический эффект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Еляков А. Д. Виртуальное и реальное (о процессе разрушения социального) // Философия и общество. 2010. №2(58) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-i-realnoe-o-protssesse-razrusheniya-sotsialnogo> (дата обращения: 08.10.2022).

2. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Иностранная литература, 1963, 829с.

3. Бодрийяр, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург: У-Фактория, 2006, 200 с.

4. Интернет в общественной жизни / под ред. В. Геринг. М.: Идея-Пресс, 2006, 157с.

5. Глобус. ИТАР ТАСС. 2007. № 7.

УДК 177.9

РОЛЬ ОЧЕВИДНОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ ВАРИАНТЕ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

А.Л. Гынгов (София, Болгария)

Софийский Университет им. «Св. Климента Охридского»

Аннотация. В феноменологии Э. Гуссерля очевидность является онтологическим, эпистемологическим и логическим признаком истины. Очевидность связана с восполнением обозначающей интенции и с присутствием интуиции при познании данного предмета. Э. Гуссерль формирует иерархию очевидностей: предварительная, адекватная и аподиктическая, а также очевидность отчетливости и очевидность ясности.

1. ТЕМАТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ОЧЕВИДНОСТЬ В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ЛОГИКЕ

С помощью термина «очевидность» Э. Гуссерль преодолевает картезианское удвоение и отделение онтологических от эпистемологических характеристик истины и сопровождающую их отсылку к разным терминам. В феноменологии очевидность выражает и подчеркивает единство трансцендентального сознания, где после феноменологической редукции реальность и сознание уже неотделимы. Именно в силу ведущей роли конститутивной деятельности сознания, феноменологическая очевидность не имеет статуса абсолютной характеристики реальности и истины, в отличие от статуса очевидности в системе Декарта. Однако у Э. Гуссерля, помимо преодоления «абсолютной очевидности», отвергаются также «абсолютная реальность» и «абсолютная истина». Это связано с определяющей функцией конституции, которая связывает как реальность, так и истину с трансцендентальной субъективностью [1].

Очевидность сближает ноэтическую сторону интенционального сознания, выражающую его содержание, и ноэтическую сторону, представляющую его интенциональную деятельность. Соответственно очевидность есть пересечение материальной и формальной онтологии ноэмы. Здесь очевидность составляет синтез в деятельности сознания, т.е. ноэзис, и может иметь как до-предикатные характеристики опыта, так и субъектно-предикатные, приобретаемые в процессе суждения [2].

Под «суждением» Э. Гуссерль понимает, с одной стороны, «полагание с уверенностью о бытии чего-либо» (doxisch «Setzen») — доксическое полагание, а с другой стороны, то, что «полагается», т.е. пропозиция (der Satz), которое есть категорическая объективность и смысл суждения. Предикатное суждение (Urteil) полагает предикатную пропозицию, являющееся одним из видов категориальной объективности [3].

С доксическим полаганием связана историчность опыта и возврат к исходному опыту, который не есть опыт мира-в-себе. Напротив, первоначальный опыт есть также категориальное представление о мире как о жизненном мире, без «объяснений, сопоставлений, дизъюнкций, отсылок, образования понятий, дедукций и индукций», непосредственно обеспечивающих объекты «в смысле чистой теории», т.е. как объекты науки -- epistemē. Доксическая самоочевидность жизненного опыта лежит в основе эпистемической самоочевидности предикатного суждения, логических операций и науки как теоретической деятельности.

В широком смысле под «очевидностью» у Гуссерля подразумевается «живая интенциональность», предоставляющая как объект, так и ис-

тину. Очевидность — это не какое-то особое чувство, не нечто случайное, мимолетное, имеющее статус побочного продукта. Это «эффективная реализация» со стороны живой интенциональности, порождающая «существующий объект» в результате функционирования очевидности [4].

Очевидность может относиться как к реальным, так и к идеальным объектам. По сути, нет принципиальной разницы между очевидным «постижением» объекта во внешнем или внутреннем чувственном опыте и постижением идеального объекта посредством непосредственного идеального «видения». В обоих случаях объект индивидуализируется и идентифицируется как один и тот же в ряде возможных или реальных встреч с ним. Однако есть и некоторая разница, ибо при очевидности идеального объекта вовсе не обязательно, чтобы его индивидуация формировалась в результате присущей самому объекту темпоральности [5].

2. ФУНКЦИЯ ЛОГИКИ ФОРМИРОВАТЬ СУЖДЕНИЯ, ОСНОВАННАЯ НА ДОПРЕДИКАТНОЙ ОЧЕВИДНОСТИ ОПЫТА

В феноменологической версии трансцендентальной логики и особенно в «Опыте и суждении. Исследования по генеалогии логики» происхождение логического в функции суждения обосновывается очевидностью опыта, определяемого миром как самым общим горизонтом опыта. Разработка и решение этой задачи достигается через изучение трансцендентально-феноменологического происхождения предикатного суждения (предикатной пропозиции) [6]. Это исследование направлено на выяснение того, является ли апофантическое, т.е. повествовательное суждение, традиционно центром логики и если «да», то почему, а также каково значение различных форм суждения с точки зрения обоснования логической проблематики [7]. В ходе данного исследования выясняется, что познание в форме субъектно-предикатного суждения достигается в результате до-предикатного познания и убежденности в его истинности. Эту убежденность Э. Гуссерль называет «очевидностью предикатного знания» [8].

В ходе придания опыту логической формы он оказывается ядром «непосредственно данных определений» и горизонтом, в котором даны возможности расширения и изменения этих определений. Каждый индивидуальный опыт может быть расширен до горизонта возможностей, внутренних по отношению к объекту данного опыта, и горизонта возможностей, внешних по отношению к объекту. Два типа горизонта соединяются в синтетическом единстве одного опыта с постоянно открытой изменчивой границей. Смещение границы за счет расширения гори-

зонта осуществляется посредством индукции, но не в смысле традиционной логической индукции, а индукции как антиципации, т.е. предварительного ожидания. Расширение горизонта путем антиципации есть двусторонний взаимообусловленный процесс: с одной стороны, эйдос-сущность отыскивается методом свободных вариаций воображения, а с другой стороны, этот эйдос предполагается как модель конституирования данного объекта опыта, для того, чтобы приближать объект к нему и превратить объект в сущностный объект, выходящий за пределы данного статического состояния и разворачивающийся в горизонте опыта. Таким образом получается, что благодаря структуре опыта, неизменно связанной со структурой темпоральности, реальный смысл объекта опыта схватывается и обогащается на фоне трансцендентного смысла. Актуальный и трансцендентный смысл, постоянно переходящий в актуальный, составляют синтетическое единство смысла, порожденное единством опыта.

3. КОНСТИТУЦИЯ РЕАЛЬНОЙ И ИДЕАЛЬНОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОЧЕВИДНОСТИ

Феноменологическое включение в очевидность модусов прошлого и будущего связано со статусом объектов воображения и их отношением к интуиции. В отличие от реальных объектов мира, находящихся в гармоничном единстве друг с другом благодаря единству реального мира по отношению к объективности, объекты воображения не связаны друг с другом в силу какого-либо единства, присущего воображаемому миру самому по себе [9]. Тем не менее, как правило, объекты воображения не пребывают в хаотическом беспорядке, а приобретают вторичное единство, происходящее от единства сознания, конституирующего их, перенесенного в данный воображаемый мир. Таким образом, воображаемые объекты приобретают квази-отношения, определяемые квази-временем, и находятся в квази-пространстве. Эти квази-связи, однако, замкнуты внутри данного воображаемого мира и не распространяются ни на предметы реального мира, ни на предметы другого воображаемого мира [10]. Несмотря на невозможность установления связей между реальными и воображаемыми предметами, можно построить отношение сравнения между ними на основе сходства и различия. Таким образом, связанные объекты могут быть охвачены единством созерцания в широком смысле, получить полноту интенции и приобрести соответствующую очевидность. Возможен и другой тип связанности, который не нуждается ни в интуиции, ни в очевидности, но составляет «формально-онтологическое-единство».

4. ОЧЕВИДНОСТЬ, СУЩЕСТВОВАНИЕ, ИСТИНА

Очевидность есть неизменный коррелят истины и как таковая имеет два значения: 1./ как свойство суждения, которое приобретает первоначальным обозначением при достижении реальности восполненной интенции, которая должна ему соответствовать; 2./ как присутствие действительного и истинного бытия. В первом значении очевидность есть фактическое осознание правильности суждения. Очевидность во втором значении, как наличие и обладание истинным бытием, есть очевидность как таковая, но в этом существенном значении очевидность неизменно скатывается в очевидность как правильность суждения, выражающую критическую сторону сознания. Критический элемент в первом значении очевидности раскрывает измерение объективности как категориальной объективности. Это означает, что объективность не предшествовала сознанию, а являлась результатом конституирования в деятельности сознания, будь то активное или пассивное. Объективность и очевидность всегда идут рука об руку. Наглядность всегда сопутствует объективности, причем это относится как к отдельным случаям объективности, так и к целым сферам объективности, региональным онтологиям и даже к объективности жизненного мира в целом. Объективность в своих чрезвычайно сложных реализациях, представляющих собой синтетическую гармонию, всегда проявляется очевидным образом. Очевидность, присущая объективности, неизменно указывает вперед к новым осознаниям и в то же время является непрерывным узнаванием того, что уже было предположено [11].

Очевидность предполагаемого есть, строго говоря, очевидность адекватности — адекватности между предполагаемым положением вещей и их эйдосом. Очевидность наличия уже достигнутого положения дел есть аподиктическая очевидность, парадигмой которой является очевидность ситуации *Ego cogito*. Таким образом, очевидность объективности есть движение по кругу: от предвосхищающей предпосылки к утвердительному признанию, в котором сама очевидность претерпевает развитие от очевидности предполагаемого возможного положения дел, т.е. адекватной очевидности, к очевидности достигнутого фактического положения дел, при чем последняя превращается в аподиктическую очевидность, принимая в себя адекватность, и при этом не впадая в порок наивного абсолютизма.

Заданная предметность тоже конституируется в сознании, но делается это путем пассивного синтеза. Такой тип синтеза предшествует предикативной деятельности и представляет собой «пассивную универса-

лию живого мира, на которой строятся субъектно-предикатные суждения, а также все другие логические функции [12].

Ясность является восполнением в сущем смысле. Она недвусмысленно свидетельствует о том, что интенциональный объект достигнут в своей предельной полноте. Очевидность ясности есть полное доказательство достижения самого объекта — объекта в его истинной полноте. Это наполнение является не разовым актом, а результатом одного или нескольких оборотов познавательного круга, начиная с исходного интенционального объекта, который может быть и вовсе не осуществлен, т.е. может быть просто пустой означающей интенцией и двигаться ко все большей полноте. Таким образом, первоначальное мнение о предмете, где присутствует только значение предмета, преобразовано в схватывание самого предмета, в осуществленную интенцию присутствия самого предмета, что равносильно достижения аподиктической истины объекта [13].

Отношение ясной очевидности в ее различных степенях к присутствию объекта и истинности его восприятия должно быть определено в связи с деятельностью суждения и вытекающими отсюда следствиями для логики. Всякое суждение направлено на какое-то положение дел в данной области, и эта направленность есть объективный смысл суждения, или, точнее, объективный смысл суждения как пропозиции. Суждение, однако, направлено не просто на какое-либо положение вещей, а на действительное положение вещей, т.е. на истинный смысл суждения. Здесь намечаются два смысловых плана: смысл как буквальное содержание направленности суждения, которым является суждение, и смысл как добавленный тетический характер суждения, т.е. притязание на истинность пропозиции и всего суждения о само-тождественности положения дел [14].

Осуществление тетического требования, которое можно рассматривать как телос суждения, проходит через несколько уровней, очерчивая и замыкая круг деятельности суждения. Первым шагом в развертывании данного телеологического круга является установление интуитивного подтверждения или отрицания исходной — еще лишь означающей (без интуитивной полноты) направленности суждения на положение дел. Это установление подтверждения или опровержения на уровне ноэзиса в терминологии Гуссерля считается валидностью или не валидностью на уровне ноэмы. Отсюда происходит переход к распознаванию и подтверждению содержания сознания как направленному к тождественному самому себе положению вещей, а значит, в распознавании и подтверждении Эго достигает надежного знания, которое будет присутствовать «отныне» и которое имеет характер «сохраняющегося продолжительно» [15].

Значимость достоверности объективного само-тождества ноэматического уровня сознания относится как к самому себе, так и к ноэтическому уровню субъектных актов, и, кроме того, к сохранению само-тождества единства самого Я. Стремясь к достоверности в актах проверки, распознавания и подтверждения, а также преодолевая модальности «сомнения», «вероятности» и т. д., Его утверждает свой собственный характер единства и постоянства [16].

Достоверность в актах признания и подтверждения (или неприятия) — это первый уровень предикатных суждений. Это первая фиксация и сохранение в субъектно-предикатной форме непрерывных до-предикатных уточнений и исправлений, осуществляемых в опыте. Однако признание и подтверждение еще не есть ни знание о существовании, ни истина. Бытие и истина требуют предикации высших уровней и, соответственно, новых кругов в развертывании ориентации на положение дел, т.е. смысла суждения, круги, выходящие за рамки простого распознавания и подтверждения, знаменующие завершение первого круга в предикатном суждении.

Следующий уровень предикации, образующий второй круг в суждении, достигает и утверждает в интуитивной полноте объекта то положение дел, посредством которого «бытие» получает значение. Рефлексия о существовании, которое и есть «бытие» смысла, образует третий уровень предикации и третий — замыкающий — круг суждения. На этой стадии улавливается совпадение первоначальной, еще в значительной степени пустой интенции тетического требования истинности пропозиция, и интуитивной данности существующего объекта или существующего положения дел. Именно очевидность истинной пропозиции обладает предельной ясностью и аподиктичностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Edmund Husserl, *Formal and Transcendental Logic*, trans. Dorion Cairns (Springer, 1977), 277.
2. *Ibid.*, 221-222.
3. *Ibid.*, 134.
4. *Ibid.*, 282-286.
5. *Ibid.*, 156.
6. Edmund Husserl, *Experience and Judgment*, trans. James S. Chirchill and Karl Americs (Evanston, Il: North Western University Press, 1973), 11.
7. *Ibid.*, 14-15.
8. *Ibid.*, 19-21.

9. Ibid., 167-168.
10. Ibid., 168-171, 182-183, 188.
11. Edmund Husserl, *Formal and Transcendental Logic*, 161.
12. Paul Ricoeur, *Husserl: An Analysis of His Phenomenology*, (Evanston, IL: Northwestern University Press, 2007), 12.
13. Suzanne Bachelard, *A Study of Husserl's Formal and Transcendental Logic*, (Evanston, IL: Northwestern University Press, 1990), 69.
14. Edmund Husserl, *Experience and Judgment*, 286.
15. Ibid.. 290.
16. Ibid.. 291.

УДК 130.12

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ

Ю.В. Соколова (Москва, Россия)

канд. филос. наук,

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу педагогических принципов. Автором статьи предпринята попытка выделить и описать фундаментальные основания обучения, поднимаясь над спецификой отдельных областей и конкретными методами преподавания. Особое внимание уделено мотивации и эмоциональной вовлеченности учеников в познавательной деятельности. Работа с интерпретацией представлена как один из действенных методологических принципов, стимулирующих интерес к обучению. Привнесение элементов игры в педагогическую практику (не только на этапе раннего обучения) рассмотрено как один из частных случаев работы с интерпретацией. Теория зеркальных нейронов привлечена в качестве доказательства важности создания позитивной эмоциональной атмосферы занятий. В работе показано, что рассмотрение обучения как одного из важнейших жизненных процессов человека приводит нас к фундаментальным вопросам о человеке и о специфике человеческого сознания. Это дает возможность в решении педагогических вопросов опереться на результаты современных исследований сознания и на этические концепции.

Ключевые слова: обучение, интерпретация, смысл, цель, педагогика, геймификация

1. ВВЕДЕНИЕ

«Единственный способ сделать что-то очень хорошо
– любить то, что ты делаешь»

Стивен Пол Джобс

Обучение – это удивительный и увлекательный для обеих сторон процесс, по сути своей – это всегда диалог: с родителем, учителем, наставником, коллегой или со знанием и его смыслами (например, в процессе самообучения). Наиболее интенсивное освоение нового конечно приходится на молодые годы, особенно на ранний возраст, но это занятие доступно человеку на протяжении всей его жизни. Выживание, развитие и совершенствование являются основными целями освоения нового и у человека, и у животных. Первые этапы такого освоения вполне спонтанны, но очень рано обучение детей становится целенаправленным процессом, который призван стимулировать активную учебно-познавательную деятельность. На этих этапах обучение уже может терять свою привлекательность и заманчивость для одной или сразу для обеих сторон. Почему это происходит, и как этого не допустить – вот вопросы, философская сторона которых, будет рассмотрена в данной работе.

Философия направлена на предельное обобщение рассматриваемых проблем, автор статьи предпринимает попытку выделить и обосновать фундаментальные основания обучения, поднимаясь над спецификой отдельных областей и конкретными методами преподавания.

2. МОТИВАЦИЯ КАК ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ

Важнейшей составляющей обучения, как и любого другого вида человеческой деятельности, является мотивация – психофизиологический процесс, управляющий поведением человека и определяющий направленность его действий. О формировании мотивации в обучении и труде написано множество работ в области педагогики, психологии и менеджмента. В области педагогики мы говорим о мотиве как о некоем идеальном предмете, представляющем конечную ценность, которая в сознании человека наделена определенным смыслом и эмоционально окрашена. То есть, смысл и эмоциональную вовлеченность можно рассматривать как главные стимулы формирования и подкрепления мотивации.

Мы все интенциональны, то есть стремимся и направлены к смыслу. Смыслопорождение есть сущностная особенность человека. Все, с

чем имеет дело человеческое сознание, интерпретируется – то есть наделяется значением, которое присваивается сознанием и эмоционально окрашивается. Уровень интереса, вовлеченности, активности в отношении чего-либо напрямую зависит от интерпретации этого объекта в поле сознания. На наш взгляд, использование в педагогике этих особенностей формирования мотивации дает неоспоримое преимущество. Интуитивное использование этих характеристик сознания в педагогике и управлении широко распространено, но теоретическое обоснование способно показать действенность этого подхода тем, кто готов поставить его под сомнение.

3. ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ

Существует два прямо противоположных подхода к обучению, которые в упрощенном виде можно обозначить как репрессивный или авторитарный и стимулирующий. Первый подход основан на принуждении к обучению, главными рычагами управления в нем являются страх и наказание. Второй подход базируется на поддержании естественного любопытства и желания ученика осваивать новое, должный уровень мотивации в обучении в рамках этого подхода поддерживается за счет интереса и поощрения.

Применение этих двух подходов в педагогике продолжается уже не одно тысячелетие и чаще всего, предпочтения складываются естественным образом на основе педагогической традиции и под влиянием психоэмоциональных характеристик учеников и учителей. Опыт использования обоих принципов в личной педагогической практике привел автора статьи к предпочтению второго пути как наиболее продуктивного. Однако, переведя этот вопрос в область теоретического спора, возникает необходимость в аргументации данной позиции.

В первом случае обучаемый принуждается к занятиям, и локус контроля находится во вне, а во втором – ученик стимулируется к учебно-познавательной деятельности, и локус контроля находится внутри. Внешний локус контроля означает не только то, что обучающийся не может прекратить деятельность по собственному желанию, но и что ответственность за процесс обучения и за его результаты практически целиком лежит на учителе и внешних обстоятельствах. В худшем случае управление процессом остается за учителем, а ответственность за результат перекладывается на ученика. Внутренний локус контроля значит, что обучающийся проявляет инициативу в обучении, он сам может в лю-

бой момент прекратить процесс освоения нового (но как правило не хочет, так как очень увлечен, видит привлекательную цель и концентрируется на ней), он делит с учителем, а часто и полностью берет на себя ответственность за результат.

Сторонники репрессивного подхода, отвергая действенность стимулирующего принципа могут возразить, что демонстрировать инициативу в действиях и иметь внутренний локус контроля может только вполне сформированная личность, и следовательно стимулирующий подход в обучении доступен только взрослым. Однако освоение прямохождения на самых ранних этапах развития ребенка показывает, что инициативность и упорство присущи всем здоровым младенцам уже в возрасте до года.

Без принуждения человек способен делать то, что является увлекательным, любопытным, приятным или имеет так называемый отсроченный позитивный результат, когда преодоление трудностей рассматривается как неизбежный этап на пути к желанной цели. Безусловно, процесс обучения любому мастерству содержит множество трудностей, но ясное видение цели и осознание ценности, связанной с ней, помогает нам преодолевать препятствия и игнорировать неудачи – делать все новые и новые попытки преодоления сложностей. В этом случае концентрация на цели делает препятствия преодолимыми. В такие трудные моменты ученику необходима и психологическая, и методическая помощь и поддержка учителя. Далее речь пойдет о конкретных методологических приемах, позволяющих усилить интерес к обучению и избежать принуждения и насилия в образовательной деятельности.

4. РАБОТА С ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ КАК ДЕЙСТВЕННЫЙ МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

Замечательный эффект дает работа с интерпретацией явлений и процессов в обучении. Наделение привычного непривычным смыслом за счет смены угла зрения позволяет не только придать новое значение чему-либо, но и изменить эмоциональную окраску процесса или события.

Этот прием с успехом используется не только в воспитании и образовании, но в сфере управления персоналом (роль и значение интерпретации в вопросах менеджмента подробно описаны Гэретом Морганом в его книге «Образ организации» [4]). Широкую известность получил гарвардский эксперимент с горничными гостиниц, результаты которого опубликовали А. Крам и Э. Лангер в 2007 году. Испытуемые продемон-

стрировали большую удовлетворенность своим трудом и значительную потерю в весе по окончании эксперимента. Потерять вес (в среднем 0,82 кг за четыре недели) без изменения режима питания и тренировок испытуемым помогло рассмотрение привычного в непривычном свете. Осознание того, что их ежедневный труд по уборке номеров сравним с интенсивной фитнес тренировкой, стало причиной изменения отношения к своему уровню физической активности. Таким образом, придание нового смысла привычному способно изменить эмоциональный ответ и даже физические (в данном случае метаболические) процессы в организме.

Изменение угла зрения, смена привычной интерпретации – способны творить чудеса. Так, например, незнание, которое в современной культуре имеет исключительно отрицательные коннотации, а в сфере образования практически стигматизировано, можно трактовать как возможность радости познания нового. И из поля негативной оценки мы сразу попадаем в область потенциала.

Одним из видов работы с интерпретацией является привнесение элементов игры в неигровые процессы. В обучении это, пожалуй, самый распространенный прием работы с интерпретацией. Целесообразность и действенность этого подхода в обучении детей была заявлена еще Эразмом Роттердамским (1466–1536) в его сочинении по педагогике «Разговоры запросто», опубликованном в 1518 году [7]. Игра – это природный, естественный способ обучения молодых млекопитающих и в особенности человека. Используя игру, мы используем наши природные склонности. Взаимопомощь, способность делиться (в том числе знаниями и навыками) – тоже естественные склонности социальных живых существ. Это природные инструменты, которые с успехом можно применять и в обучении, и в работе с персоналом. В отечественной педагогике последних лет привнесение элементов игры в обучение начали обозначать термином «геймификация». Этот прием направлен на повышение вовлеченности и интереса ученика, получение удовольствия от самого процесса обучения. Геймификация в педагогике используется для улучшения психологического климата и развития творческого потенциала.

Элементы соревновательности, свойственные игре и большая, по сравнению с привычными формами обучения, свобода снимают напряжение и рутинность процесса, вызывают положительный эмоциональный отклик, что замечательно сказывается на памяти, фокусировке внимания и развитии творческого подхода к поиску решений. Независимо от конкретных методов, содержания и участников игровых форм обучения, существуют основные характеристики этого приема. Во-первых, на ре-

альные действия (например вычисления при обучении математике) накладывается игровой смысл. Во-вторых, сохраняется основополагающий принцип любой игры – добровольность и удержание в игре за счет интереса. В-третьих, это совпадение игровой и обучающей цели (в обычной игре цель всегда существует только внутри игрового пространства и не переносится в реальный мир).

Эмоциональная вовлеченность является значимым фактором в поддержании интереса и энтузиазма ученика, она помогает осваивать сложные умения и навыки, запоминать большие объемы информации, справляться с разнообразными трудностями в обучении. Но может ли возникнуть эмоциональная вовлеченность, если речь идет об освоении абстрактных понятий или сложных специальных дисциплин в вузе?

Удивительным свойством человеческого сознания является его способность к «присвоению» и субъективизации даже предельно абстрактных понятий, об этом свидетельствуют результаты исследований сознания. Связана эта способность, по-видимому, с одной из фундаментальных особенностей сознания – антропоморфностью (склонностью объяснять поведения любых объектов человеческими мотивами, то есть понимать все по аналогии с собой). Так, экспериментальные исследования Хайдера и Зиммель (1944) показали, что люди склонны приписывать свойства человеческого сознания (осознанность действий, эмоциональную окраску, интенциональность действий) даже геометрическим фигурам. Фриц Хайдер, психолог Колледжа Смит (штат Массачусетс, США), занимающийся проблемами восприятия, и его ученица Марианна Зиммель продемонстрировали это на эксперименте с коротким анимационным фильмом, где два треугольника и кружок перемещаются по экрану. Интересно, что такая особенность сознания наблюдается даже у младенцев.

Немного позднее, в 1947 году, бельгийский психолог Альберт Мишотт в результате экспериментов с использованием ролика с еще более простыми объектами: двумя цветными точками, пришел к сходным выводам. Феномен, описанный А. Мишоттом получил название «эффект запуска». Состоит он в том, что даже в движении точек на экране (или любой другой движущейся картинке) человек видит казуальность. Анимизм или антропоморфность даже в восприятии предельно абстрактных вещей, оказывается фундаментальным свойством человеческого сознания.

Результаты этих и более поздних исследований сознания являются теоретическим подтверждением действенности использования эмоционального вовлечения человека в обучении и труде, что и ранее показывала педагогическая практика. Каждый из нас знает об этом из собственного опыта.

Еще одним значимым аспектом для осознания важности эмоционального климата занятий с учениками стали исследования, основанные на результатах экспериментов, опубликованных коллективом ученых Пармского университета в 1996 году. Их открытие, имеющее значение для понимания механизмов восприятия, получило известность как теория зеркальных нейронов. Многие исследователи сознания называют это открытие самым главным событием в нейробиологии за последние десятилетия. Впервые зеркальные нейроны были обнаружены итальянскими учеными Дж. Ризолатти (Риццолатти), Л.Фадигой и их коллегами из Пармского университета в экспериментах на макаках в начале 90-х годов. Позднее зеркальные нейроны были обнаружены у человека.

Сегодня полагают, что зеркальные нейроны играют ключевую роль в процессах имитации и обучении языку. Было доказано, что нейроны головного мозга возбуждаются не только при выполнении определенного действия, но и при наблюдении за выполнением этого действия другими, а также при мысленном выполнении действия. Последнее активно используется в тренировках спортсменов и музыкантов-исполнителей. У спортсменов это называется идеомоторной тренировкой, а у музыкантов, лекторов, артистов речевого жанра и ораторов – мысленным прогоном.

Зеркальные нейроны не только помогают нам имитировать действия других, подражать другому, что является основанием обучения, но и позволяют нам определять намерения другого путем мысленного воспроизведения их действий. Увидеть, как на практике работают зеркальные нейроны довольно просто, в своем интервью Ризолатти приводил примеры со стаканом воды, демонстрацией фотографий лиц с разными эмоциями [2]. Эмоциональное отзеркаление доказывает, что существуют не только двигательные зеркальные нейроны, но и эмоциональные, благодаря им мы с легкостью распознаем мимику, и жесты других людей, не прибегая к мысленному анализу. В процессе отражения в мозге увиденного (или представленного мысленно) мы начинаем испытывать те же ощущения. Применив эти знания к двум противоположным подходам в обучении: репрессивному и стимулирующему, – нам сразу становится ясно не только, какие эмоции и чувства будут испытывать ученики в обоих случаях, но и что нужно транслировать учителю, если он хочет добиться успехов в обучении.

Кроме того, следует помнить, что эмоциональный отклик (положительную или отрицательную эмоциональную реакцию) имеют не только события действительности, но и мыслительная деятельность (в этом отношении большой вклад в науку был сделан отечественными учеными И.П. Павловым и А.А. Ухтомским). Это позволяет предположить, что ин-

терес или отторжение к изучаемому могут возникать и в моменты самостоятельных занятий ученика, следующих за обучением с учителем.

В долгосрочной перспективе очевидно, что ученик, увлеченный изучаемым, будет самостоятельно продвигаться и совершенствоваться в этой области и после формального завершения образования, что особенно актуально для профессионального роста и на фоне развития тенденции к так называемому обучению на протяжении всей жизни.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги выявлению философских оснований обучения, следует отметить, что, рассмотрение обучения как одного из важнейших жизненных процессов человека, неизбежно приводит нас к фундаментальным вопросам о человеке и о специфике человеческого сознания. Это дает возможность в решении педагогических вопросов опереться на результаты современных исследований сознания и на этические концепции.

В рамках стимулирующего подхода обучение предполагает уважение к человеческому достоинству и отношение к человеку как к цели. По сути, это основа гуманистического подхода в педагогике, который опирается на идеи Эразма Роттердамского. Но сам принцип безусловно шире области педагогики. Это принцип этики, провозглашенный И. Кантом, в рамках которого человек не может быть средством для достижения цели. Принуждение в обучении даже ради благой цели – это неспособность к уважению человеческого достоинства, использование человека как средства (то есть в качестве материала или вещи) для достижения некой цели. Кантовский принцип характерен не только для европейской традиции этики. Мы можем обратиться к высказыванию Далай-Ламы XIV, которое откроет нам позицию удивительно близкую к кантовской: «Люди были созданы для того, чтобы их любили, а вещи были созданы для того, чтобы ими пользовались. Мир в хаосе, потому что все наоборот» [1, с. 29].

Еще одним важным моментом склонения предпочтений в обучении к выбору стимулирующего принципа может стать осознание того, что в процессе обучения учитель делится с учеником тем, чем обладает, но делиться или дарить в состоянии вражды или противостояния невозможно.

В заключение, хотелось бы привести определение обучения, данное бразильским педагогом и психологом Паулу Фрейре, автором знаменитой книги «Педагогика угнетенных», который утверждает, что обучение по сути своей – это «акт любви» [7]. Это определение, по мнению автора статьи, наиболее точно выражает суть и смысл педагогики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Далай-Лама XIV. Искусство быть счастливым. Руководство для жизни. М.: Эксмо, 2019. 352 с.
2. Интервью с Джакомо Ризолатти // Комсомольская правда, 03.11.2014. <https://www.kp.ru/daily/26300.5/3181287/> (Дата обращения 20.10.2022).
3. Кропоткин П.А. «Взаимная помощь как фактор эволюции». М.: Литературная учеба, 2018. 256 с.
4. Морган Г. Образы организации. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. – 504 с.
5. Психология мотивации и эмоций/Под ред. Гиппенрейтер Ю.Б., Фаликман М.В. – М.АСТ: Астрель, 2009 – 704 с.
6. М. Селигман. Как научиться оптимизму. М.:Альпина Паблишер, 2018. 544с.
7. П. Фрейре. Педагогика угнетенных. М.: КоЛибри, 2018. 288 с.
8. Seligman M. Can Happiness Be Taught? Daedalus (Spring 2004) 133 (2:80-87) S2CID 675770511. <https://direct.mit.edu/daed/article/133/2/80/26591/Can-happiness-be-taught/> (Дата обращения 20.10.2022).

УДК 378.14

О СТАТУСЕ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

*Г.А. Ключарев (Москва, Россия),
доктор филос.наук,
Российская академия наук, Федеральный научно-
исследовательский социологический центр,
Национальный исследовательский университет «МЭИ»*

Аннотация. Инженерно-техническое и естественно-научное знание составляет до 90% содержания учебных планов технических университетов. В отличие от социально-гуманитарного знания, в котором ценностный (эпистемологический) дискурс определяет степень научности, в технических дисциплинах продолжают успешно работать позитивистские критерии – истинность, верификация, фальсификация, однозначность, формально-логические обоснования. По этой причине машинное

обучение (machine learning), в котором человек и компьютер активно взаимодействуют друг с другом, становится эффективной моделью организации учебного процесса в высшей профессиональной школе. При этом существенно изменяется традиционная роль преподавателя – как авторитетного носителя знаний в процессе передачи их учащимся.

Ключевые слова: Технический университет, машинное обучение, Эмпорийская модель, роль Профессора, искусственная социальность, дополненная реальность, machine learning

1. ВВЕДЕНИЕ

Практически все направления естественно-научного и инженерно-технического знания, которые составляют до 90% содержания учебных планов в современном техническом университете, относятся к *точным* наукам. В отличие от социально-гуманитарного знания, в котором ценностный (эпистемологический) и релятивистский дискурсы определяют степень научности [4], в технических дисциплинах продолжают успешно работать позитивистские критерии – *истинность, верификация, фальсификация, однозначность, формально-логические обоснования*. И даже *вероятность*, от которой устраниться в ряде случаев невозможно, имеет свое количественное выражение. Это обстоятельство позволяет по-новому взглянуть на роль машины (компьютера) в учебном процессе технического вуза.

Машинное обучение (machine learning) – это способ организации учебного процесса, в ходе которого активно взаимодействуют человеческий и искусственный (машинный) интеллекты с целью передачи и усвоения знаний, информации, и повышения компетентности учащегося [5,6].

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

По мере того, как университет все больше трансформируется в техносоциальную среду – за счет распространения цифровых технологий обучения - формируется *новая гибридная морфология*. В неё входят подверженный техноморфизму индивид и антропоморфная машина с искусственным интеллектом. Эта морфология формирует параллельное и альтернативное учебное пространство университета. Наиболее радикальные исследователи отмечают, что обучающая машина (и программа, соответственно) приобретает черты *техноагента* как Другого. У техноагента отсутствуют социальные характеристики (признаки) и учащийся не распознает себя в техноагенте как в “социальном зеркале”, совмещающая социо-

культурные аспекты интерпретации ситуации с интерпретациями функций обучающей машины [1].

Еще в отсутствие споров о природе искусственной социальности и ее особой роли в преподавании Ж.-Ф. Лиотар, в своей классической работе «Состояние постмодерна» отмечал: «Современный статус научного знания... с учетом новых технологий рискует стать одной из главных ставок в конфликтах, вопрос о двойной легитимации не только не снимается, но напротив, становится все более актуальным. Поскольку он задается по самой полной форме, а именно как реверсия, которая делает очевидным, что знание и власть есть две стороны одного вопроса: кто решает, *что есть знание*, и кто знает, *что нужно решать?* В эпоху информатики вопрос о знании более, чем когда-либо становится вопросом об управлении.»[3]. Философ предвидел бурное развитие искусственного интеллекта и феноменальное применение его в учебном процессе, который он метафорически назвал «*концом эры Профессора*».

Дело в том, что в классическом университете со времени его основателя Гумбольдтом профессор (по должности) занимал наивысшее положение в преподавательской иерархии. Профессору разрешалось самостоятельно определять содержание своего курса, а также предлагать и читать авторские (не имеющие аналогов и не подлежащих тиражированию) лекционные курсы. Также предполагалось, что профессор имеет высокий авторитет в определенной научной области и тем самым обеспечивает научный уровень преподаваемых дисциплин. Однако с развитием машинного обучения и искусственного интеллекта роль профессора как носителя знаний действительно изменяется.

Эффективности машинного обучения посвящено немало литературы. В наиболее привлекательной форме оно реализовано в Эмпорийской модели организации занятий, которая успешно применяется в нескольких сотнях технических университетов по всему миру [2, с.212 -213]. Эта модель рассчитана на потоки от 200 до 2000 студентов и представляет собою внутреннюю университетскую сеть (интранет), доступ в которую организован по принципу 24/7 - круглосуточно все дни недели. Такая организация отличается высокой универсальностью и гибкостью. Студентам позволяется входить в контакт с машиной (что равносильно посещению учебной аудитории) когда они этого пожелают и заниматься онлайн обучением. Небольшое число преподавателей-консультантов круглосуточно, также в режиме он-лайн, наблюдают за происходящим и при необходимости оказывают помощь в чате. Преимущества такой органи-

зации заключаются в значительном снижении стоимости обучения (за счет экономии аудиторного фонда, сокращения числа преподавателей, отказа от бумажных учебных пособий) и максимально возможной персонализации учебного процесса (скорость подачи материала, удержание внимания и концентрации учащегося). При этом машинный разум сохраняет цифровой след учебной деятельности каждого студента, который становится доступным администрациям учебного заведения для общего контроля качества обучения и выполнения необходимых бюрократических процедур.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конечно, Эмпорийская модель не заменяет полностью традиционный порядок, когда студенты проживают на кампусе и приходят на занятия в строго установленное время. Но сама возможность машинного обучения - пусть и ограниченного её применения - радикальным образом изменяет роль и статус университетского преподавателя и, прежде всего, профессора. Преподаватель вступает в диалог с машиной в первую очередь с целью совершенствования процесса обучения, разработки алгоритмов и программ, а также содержания курса и контента. Такое программное обеспечение можно коммерциализировать (применять в других университетах), сохраняя толерантность к государственным стандартам по той или иной инженерной специальности. То, что раньше было научной статьей, становится информационными данными для программ. Мы будем знать, каким образом представлять данные для машинного анализа, как проверять результаты одних машин с помощью других и каким образом полученные данные использовать. Лишь машина сможет на свой манер, не поддающийся сознательной реконструкции человека, владеть полнотой теории и результатами ее проверки. Постепенно преподавателей заменяют специалисты, которые способны разбираться в выводах программ или перевести необходимые данные в компьютерный формат. Пример такого вызова – это дополненная реальность (*augmented reality*). Специалист закладывает в обучающую программу параметры и объекты (факты, данные и т.д.), которые могут быть полезны при знакомстве с учебным материалом. Но машина сама определяет исходя из индивидуальных особенностей учебного процесса – какими данными, в каком объеме и порядке «дополнять» материал. Преподаватели и, особенно те, которые профессионально занимаются наукой, станут экспертами, имеющими наиболее четкое представление о происходящем. На

смену профессору приходит специалист – эксперт. «...делегитимация и упор на результативность звонят отходную по эре Профессора..., он уже не компетентнее, чем сеть запоминающих устройств, в деле передачи установленного знания» (Лиотар).

Конечно, личностный фактор преподавателя сохранится. Но он будет использоваться преимущественно вне учебной аудитории – часто в неформальной обстановке – на ознакомительной экскурсии, при игровой подаче материала и, возможно, во время вечерней лекции, которая проходит в свободном режиме (т.н. *liberal arts*).

Искусственная социальность по мере распространения машинного обучения, постепенно превращает современный университет в принципиально новую институцию, легитимация которой лишь вопрос времени. Как только основные интересанты профессионального образования – работодатели, бизнес, государство – осознают свои экономические и политические выгоды использования машинного обучения, процесс пойдет значительно быстрее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игнатъев В. И. Морфогенез гибридного социума. Онтологизация цифры : монография / В. И. Игнатъев. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. – 412 с.

2. Коуэн. Т. Среднего больше не дано: Как выйти из эпохи Великой стагнации. М., 2015, Издательство Института Гайдара, сс. 212 -213.

3. Лиотар. Ж-Ф. Состояние постмодерна (1979). Перевод с французского: Н. А. Шматко, «Институт экспериментальной социологии», Москва; Издательство «АЛЕТЕЙЯ». <https://pandia.ru/text/78/332/14-2.php> (15.08.2022)

4. Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М.: Политическая энциклопедия.2016 – 463 с.

5. Резаев А.В, Трегубова Н.Д. Анализ взаимодействий “человек – искусственный интеллект”: от теории коммуникации к социальной аналитике общения // От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики / под ред. А.В.Резаева. М.: ВЦИОМ, 2020. С. 164-187.

6. Сачмен Л. Реконфигурации отношений человек - машина: планы и ситуативные действия / Пер. с англ. А.С.Максимовой; под ред. А.М.Корбута. М.: Элементарные формы, 2019.

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ

М.И. Смирнова (Москва, Россия)

доктор ист. наук,

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

Л.Н. Демидионова (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. В статье дается ретроспектива изучения проблем гуманитаризации инженерного образования в последние три десятилетия - 90-е гг. XX - начало 20-х гг. XXI вв. и акцентируется внимание на новых аспектах гуманитаризации в условиях формирования Индустрии 4.0 и новых геополитических реалиях. Представлен практический опыт кафедры Истории и культурологии НИУ «МЭИ» по реализации гуманитарной составляющей образовательного процесса на примере формирования методологических основ и концептуальных подходов дисциплины «Мировые цивилизации и мировые культуры».

Ключевые слова: гуманитаризация, инженерное образование, мировые цивилизации, мировые культуры.

1. ВВЕДЕНИЕ

В 90-х годы XX в., когда началось формирование российской системы образования на постсоветском пространстве, и по настоящее время, проблемам гуманитаризации инженерного образования исследователи уделяют большое внимание. В данном контексте сформировалась обширная историография, включая диссертационные исследования. [2,3,4]

В научной литературе выработались устойчивые подходы к пониманию гуманитаризации высшей школы, с одной стороны, как фактору формирования социальных отношений, в которых находит отражение политическое, экономическое, духовное состояние российского общества. С другой стороны, гуманитаризация рассматривается как всеобъемлющий образовательный и воспитательный процесс, нацеленный на преодоление технократизма и сциентизма мышления

будущего специалиста и его подготовку как социально активной и нравственно зрелой личности, которая обладает широкими разносторонними знаниями, не ограниченными узкопрофессиональными потребностями. На макроуровне гуманитаризация инженерно-технического образования призвана решить важнейшую социально значимую задачу - создание интеллектуальной элиты российского общества в лице научно-технической интеллигенции.

2. ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ НА ЭТАПАХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Проблемы гуманитаризации инженерного образования за последние три десятилетия прошли несколько этапов теоретического осмысления и практической реализации, что соответствует основным этапам и направлениям модернизации российской высшей школы на постсоветском пространстве: 1 этап - модернизация как отказ от советской системы образования, создание новой российской модели с ориентиром на западный образовательный опыт (присоединение к Болонской системе в 2003 г.); 2 этап - модернизация на основе информатизации как вектора инновационного развития высшего образования; 3 этап - модернизация на основе цифровизации в условиях перехода к Индустрии 4.0.

Глобальные изменения российского общества в 90-е годы XX в. определили основные направления модернизации российской высшей школы и гуманитаризации инженерного образования, что нашло отражение в «Национальной доктрине образования в РФ», принятой в 2000 г. [10]. Гуманитарный вектор инженерной подготовки должен был обеспечить реализацию основных целей и задач доктрины, сформировать новое качество образования, ориентированного на подготовку специалиста как целостной личности, способной на творческое мышление и гуманистические действия при принятии профессиональных решений.

Инновационный характер модернизации российского образования зафиксирован в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.), в соответствии с которым важнейшими принципами государственной политики являются «гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответствен-

ности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования» [13].

В 2009 г. произошел переход к Федеральным государственным образовательным стандартам третьего поколения (ФГОС 3), главным отличием которых стало введение компетентного подхода, включающего как профессиональные (ПК), так и общекультурные компетенции (ОК). Подразумевалось, что реализация общекультурных компетенций через систему «знать, уметь, владеть» позволит обеспечить подготовку нового уровня выпускника «при гармоничном соединении фундаментальных естественно-математических и мировоззренческих знаний на основе изучения широкого круга естественных, точных, специальных и гуманитарных дисциплин» [11]. Однако эти намерения не получили должной реализации, поскольку гуманитарная составляющая имела минимальный уровень отражения в учебных планах.

Информатизация высшего образования на основе внедрения в учебный процесс и его инфраструктуру компьютерных информационных технологий и их использование в преподавании гуманитарных дисциплин в определенной степени способствовало расширению возможностей гуманитаризации учебного процесса. Внедрение информационно-компьютерных технологий (ИКТ) выразилось в создании электронных образовательных ресурсов (ЭОР), отличающихся высокой степенью информационного ресурса, наглядностью учебного материала, представляемого на лекциях и семинарах, индивидуализацией обучения с использованием дистанционных форм, новыми возможностями системы контроля успеваемости и самостоятельной работы студентов. Одновременно внедрение ИКТ выявило их внутренние противоречия, главное из которых уменьшение межличностных коммуникаций между студентом и преподавателем как носителем конкретных знаний и социального опыта, способного влиять на формирование идеалов и жизненных ценностей молодого поколения. [11]

С 2018 г. вступили в силу модернизированные ФГОС 3++, в соответствии с которыми были введены новые понятия: УК – универсальные компетенции, ПС – профессиональный стандарт. С позиции гуманитаризации инженерного образования универсальные компетенции нацелены на формирование «надпрофессиональных» умений и способностей личности студента, не ограничиваясь только «общекультурными» категориями, а предполагая ее творческую самореализацию, быструю социальную адаптацию к постоянно меняющимся внешним

условиям, побудительную мотивацию к непрерывному образованию и самосовершенствованию. Введение ФГОС 3++ было ответом на вызовы, связанные с Четвертой промышленной революцией, ключевой фигурой которой является инженер. Именно инженерная мысль и инженерная деятельность определяют содержание технологических прорывов Индустрии 4.0. В этой связи профессиональная и универсальная подготовка инженерных кадров становится важнейшей стратегической задачей, обеспечивающей конкурентоспособность России и ее национальную безопасность. [12,14].

Магистральным направлением изменения образовательного пространства является его цифровизация на основе реализации приоритетного правительственного проекта «Современная цифровая образовательная среда». Цифровые технологии значительно расширяют возможности гуманитаризации инженерного образования, поскольку предусматривают использование понятных и близких для будущих инженеров мобильных гаджетов и интернет-технологий. Цифровизация обеспечивает непрерывность образования, открывает новые возможности проектирования индивидуальных образовательных траекторий и обучения в любое удобное время.

Несмотря на значительные достижения в гуманитаризации инженерного образования, кардинально переломить ситуацию, когда гуманитарная составляющая полностью реализуется в учебном и внеучебном процессе, не приходится. Эксперты отмечают, что в условиях становления Индустрии 4.0 «формируется новый гуманистический вызов технократической практике подготовки инженеров» [1]. В этой связи гуманитаризация высшего инженерного образования должна масштабироваться на уровне «гуманитарного окультурования всей вузовской системы».

3. МИРОВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И МИРОВЫЕ КУЛЬТУРЫ

Изучение конкретного опыта вузов представляется одним из наиболее эффективных каналов разработки содержательного наполнения и методического инструментария по совершенствованию гуманитарной подготовки специалистов.

Еще в конце 1990-х гг. в МЭИ была осуществлена модификация блока гуманитарных дисциплин, в который в качестве национально-регионального компонента для всех специальностей был включен курс «Основы гуманитарных знаний» (ОГЗ). С самого начала кафедра Исто-

рии и культурологии (ИиК) отказалась от модели «авторского спецкурса», когда каждый преподаватель вкладывал свое понимание его содержания, и начала разработку общекафедрального курса «Введение в историю мировых цивилизаций». В 2003-2004 гг. на кафедре ИиК был успешно реализован исследовательский проект в рамках научной программы «Фундаментальные исследования высшей школы в области естественных и гуманитарных наук. Университеты России» на тему «Мировые цивилизации: теория, история, культура». Результаты проекта дали возможность сформировать теоретико-методологическую и историографическую базу, создать учебно-методический комплекс и подготовить учебные пособия для студентов МЭИ: «Введение в историю мировых цивилизаций» (М.: Изд. МЭИ 2002), «Мировые цивилизации Древности и Средневековья» (М.: Изд. МЭИ. 2003), «Мировые цивилизации Нового времени и Современности» (М.: Изд. МЭИ. 2005).

С переходом в 2009 г. на Федеральные образовательные стандарты третьего поколения, в основу которых был положен компетентностный подход подготовки специалистов, и принятие новых учебных планов в МЭИ произошли значительные изменения в перечне дисциплин гуманитарного цикла: «Основы гуманитарных знаний» трансформировались сначала в курс «Мировые цивилизации, философии и культуры», а затем в курс «Мировые цивилизации и мировые культуры», который полностью обеспечивается кафедрой ИиК. Информатизация образования, где МЭИ изначально занимал передовые позиции, дала толчок к созданию электронных образовательных ресурсов по гуманитарным дисциплинам. Один из первых таких ЭОР был создан на кафедре ИиК еще в конце 1990-х гг. - учебно-методический комплекс «Древние культуры», который в 2001 г. получил Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2001610173 (15.02.2001). В 2007-2008 гг. в МЭИ был проведен общеуниверситетский конкурс информационно-коммуникативных проектов, в котором кафедра ИиК приняла участие со своими наработками по всем базовым дисциплинам. ЭОР «Основы гуманитарных знаний - Введение в историю мировых цивилизаций» был удостоен первой премии, а в 2011 г. получил государственную регистрацию (Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011616460, 19.09.2011 г.). В этом же году Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011613742 (13.05. 2011) получил и электронный учебник «Мир Средневековья: духовные истоки и культурные традиции».

В конце XX - первом десятилетии XXI в. в российском научном обществе сформировался устойчивый интерес к теории и истории цивилизаций, что породило особое направление в отечественной историографии - цивилизациология, которая определяется как научно- исследовательский контент на стыке нескольких гуманитарных наук (история, культурология, социология и т.д.), занимающееся изучением «цивилизаций людей на Земле». В начале 2000-х годов в России были созданы центры по сравнительному изучению цивилизаций при Институте всеобщей истории, ИНИОНе РАН, Российском историческом обществе и т.д. Многочисленные публикации дали новый теоретический и фактический материал.

В этой связи возникла необходимость подготовки новых учебных пособий и электронных образовательных ресурсов (ЭОР), в которых нашли отражение новейшие подходы изучения мировых и локальных цивилизаций. В 2016-2018 гг. преподаватели кафедры ИиК подготовили четыре учебных пособия, общим объемом более 40,0 печатных листов. [5,6,7,8] [10,11,12,13]

Таким образом, сформировался полноценный учебно-методический комплекс, включающий электронные образовательные ресурсы, который дает возможность полностью обеспечить эффективное преподавание курса «Мировые цивилизации и мировые культуры».

Методологической основой курса МЦиМК является тезис о принципиальном различии между гуманитарными и естественными науками в их содержании и познавательном инструментарии. Естественные науки изучают природные явления и объекты в их широком разнообразии для выявления общего, типичного, универсального как основы для формализации законов природного развития. Гуманитарные науки познают человека как самостоятельного субъекта бытия, выявляют уникальность человеческой жизни и человеческого духа. Эти различия требуют смысловой адаптации гуманитарных дисциплин, изучаемых студентами, для более доступного их восприятия.

Познавательная сторона курса МЦиМК базируется на теории цивилизаций и цивилизационном подходе в изучении истории и культуры цивилизаций.

Структурно курс МЦиМК включает несколько разделов, каждый из которых делится на темы со своим содержательным наполнением. Теоретико-методологическая и историографическая информация изложена в теме «Цивилизация как предмет гуманитарного знания», где акцент делается на ретроспективе формирования понятия «цивилизация» в мировой и отечественной историографии.

Остальные разделы включают в себя конкретный историко-культурный материал, отражающий эволюцию мировых и локальных цивилизаций: Ранние цивилизации (Первобытность и проблемы перехода к цивилизации, Ранние цивилизации Востока); Античные цивилизации (Древнегреческая и Древнеримская цивилизации); Цивилизации средневекового Запада и Востока, с акцентом на религиозную составляющую цивилизационного развития; Эпохи Возрождения, Реформации, Просвещения; Цивилизации Нового и Новейшего времени (Достижения и противоречия индустриальной цивилизации Запада и Востока, Постиндустриальная цивилизация).

В самостоятельную тему выделена «Российская модель цивилизационного развития». Такая верификация дает возможность подчеркнуть особую роль России в мировом историческом развитии и ее, следуя определению теоретиков евразийства, «мессианское предназначение». В современной действительности особую актуальность приобретает тезис, высказанный признанным теоретиком современной цивилизатологии, английским исследователем А. Дж. Тойнби, что «модернизационные усилия России всегда являлись «ответом» на «вызов» западной цивилизации, стремившейся подчинить и захватить российское территориальное пространство». [7.С.172]

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях кардинально меняющейся геополитической ситуации инициативные группы предлагают проекты Национальной доктрины образования РФ, где акцент делается на «национальный образовательный идеал», в соответствии с которым «Образ будущего России задает стратегическую цель образования человека, способного строить и развивать своё государство на культурно-исторических и духовно-нравственных основах. Идеал такого человека – это высоконравственный, творческий и созидатель, грамотный и умелый гражданин России, стремящийся к духовному, умственному, нравственному и физическому совершенству, заботливый семьянин, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурно-исторических традициях многонационального народа России» [9].

Такой подход, формирующийся в русле современных российских реалий, создает почву для прорыва в гуманитаризации образования высшей школы России, включая ее инженерную составляющую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрюхина Л.М. Цифровая гуманитаристика: ментальные модели гуманитаризации инженерного мышления и образования. Электронный ресурс: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/94951/1/978-5-88687-256-9_2020_010.pdf (Дата обращения 10.10.2022).

2. Жданова Г.А. Гуманитаризация процесса подготовки будущего специалиста в техническом вузе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Кемерово: 2005. Электронный ресурс: <https://www.dissercat.com/content/gumanitarizatsiya-protsessa-podgotovki-budushchego-spetsialista-v-tekhnicheskom-vuze> Дата обращения 10.10.2022).

3. Ишакова Е. Н. Гуманитарное знание как фактор совершенствования инженерного образования программистов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Оренбург: 2004. Электронный ресурс: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002621918.pdf (Дата обращения 10.10.2022).

4. Касаева А. Б. Гуманитаризация образования как фактор формирования социальных отношений в современном обществе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Нальчик: 2004. Электронный ресурс: <https://www.dissercat.com/content/gumanitarizatsiya-obrazovaniya-kak-faktor-formirovaniya-sotsialnykh-otnoshenii-v-sovremennom> (Дата обращения 10.10.2022).

5. Мировые цивилизации Запада и Востока: история и культура. Ч.1. Первобытность, Древний Египет, Междуречье. /Курс лекций. Учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и исправ. – М.: Издательство МЭИ, 2016.- 57 с.

6. Мировые цивилизации Запада и Востока: история и культура. Ч.П. Античность и Средневековье/ Учебное пособие. Изд. второе, перераб. и исправ. /Под ред. Л.И. Красновой, М.И. Смирновой. – М.: Издательство МЭИ, 2017.- 182 с.

7. Мировые цивилизации Запада и Востока: история и культура. Ч.Ш. От Возрождения к индустриальной эпохе и постиндустриальному обществу. Мировые цивилизации Запада и Востока: история и культура. В 3-х ч. Часть Ш. От Возрождения к индустриальной эпохе и постиндустриальному обществу: учебное пособие/ под ред. М.И. Смирновой, Л.И. Красновой. – М.: Издательство МЭИ, 2018 . – 232 с.

8. Мировые цивилизации, философии и культуры. Материалы к практическим занятиям. Учебное пособие /Под ред. Л.И. Красновой, М.И. Смирновой М.: Издательство МЭИ, 2016.- 136 с.

9. НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ПРОЕКТ. Электронный ресурс: https://rnk-concept.ru/wp-content/uploads/2022/04/777-2022_Doktrina.pdf (Дата обращения 10.10.2022).

10. Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 N 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации». Электронный ресурс:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97368/a0a571554fd5a942e453f6c01f3c4d4abf6f1fea/ (Дата обращения 10.10.2022).

11. Смирнова М.И., Родин А.Б. Гуманитаризация инженерного образования как вектор инновационного развития современной высшей школы //Известия Кыргызского государственного технического университета им. И.Раззакова. Бишкек 2014. № 32 (часть I). С.491-494

12. Смирнова М.И., Родин А.Б., Михайлов А.Н. Гуманитарная составляющая модернизации инженерного образования в условиях четвертой промышленной революции. Вестник МЭИ. 2019. № 6. С. 138–145.

13. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) Электронный ресурс: <https://base.garant.ru/77308190/> (Дата обращения 10.10.2022).

14. Mikhailov A. N., Rodin A. B., Smirnova M. I. Humanization of Engineering Education in Conditions of the Process of Industry 4.0 Forming, 2018 IV International Conference on Information Technologies in Engineering Education (Inforino), Moscow, Russia, 2018, pp. 1-4. doi: 10.1109/INFORINO.2018.8581805. Электронный ресурс: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57205625169> (Дата обращения 10.10.2022).

УДК 18, 74.01/09

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТА ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ В ОБЪЕКТ В СОВРЕМЕННОМ ДИЗАЙНЕ

А. В. Панкратова (Москва, Россия)

канд. филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. Кризис, наблюдаемый в современном дизайне и искусстве, является закономерным итогом логики развития художественной среды. В течение последних ста лет художественная среда развива-

ется по вектору модерн - модернизм – постмодерн – гипермодерн. Каждый период работает на уменьшение индивидуальности и субъектности реципиента вплоть до полной трансформации субъекта восприятия в объект в современном дизайне. В статье объясняются причины данной ситуации и намечаются возможные пути выхода из неё.

Ключевые слова: дизайн, модернизм, постмодерн, гипермодерн, симулякр.

1. ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наметилась интересная культурологическая проблема, рассмотрение которой поможет глубже понять современную парадигму. Индикатором, который высвечивает проблему и позволяет о ней говорить, является современный дизайн. Тенденции, которые главенствуют в дизайне на протяжении последних двенадцати лет и усиливаются сегодня, кажутся случайными требованиям моды и закономерными требованиями развития техники. Однако ситуация несколько глубже.

Сегодня в дизайне доминирующую позицию занимает стилистика плоского дизайна. Данная стилистика сводит к минимуму любые выразительные художественные средства, минимизирует индивидуальность любого изображения и объекта дизайна.

Пределом стало обновление дизайна интернет-контента, которое можно наблюдать в 2022 году. Так, Яндекс полностью убрал абсолютно все элементы дизайна, оставив едва заметную желтую рамочку. Аналогичный редизайн осуществили все социальные сети и интернет-порталы.

Проблема данного дизайна заключается в том, что он становится все менее эргономичен, приспособлен для зрительного восприятия обычным человеком. Если еще два года назад можно было говорить о том, что дизайн сложен для восприятия людьми старшего возраста из-за низкого контраста, то сегодня дизайн сложно воспринимать даже людям с хорошим зрением. Дизайн перестал арестовываться не просто различным социальным группам, а человеку вообще.

Художественная среда перестала подразумевать наличие субъекта восприятия. В искусстве ситуация аналогична: если искусство традиционной парадигмы обращалось к душе зрителя, то современное искусство даже не подразумевает воспринимающего интеллекта.

Исчезновение субъекта восприятия художественной среды, так или иначе, затрагивалось в работах философов-постмодернистов: концепт смерти автора (Р. Барт, М. Фуко), концепт симулякра [2] (Ж. Бодрийяр),

концепт «тело-без-органов» [3] (Ж. Делез, Ф. Гваттари). Однако в полной мере проблема трансформации субъекта восприятия художественной среды в объект до сих пор не была поставлена, так как и ситуация в XX веке еще не развилась в полной мере. Именно в наши дни, в XXI веке, данная проблема стала очевидной и нашла свое полное выражение в современном дизайне.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена ситуацией в современном дизайне, которая с очевидностью показывает, что развитие художественной среды, детерминированное общим вектором развития общества, зашло в определенный тупик. И выходы из данного тупика связаны с осознанием проблемы и её идеологических оснований.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Художественной средой в данном исследовании мы упрощенно называем сферу вторичной реальности, связанную с искусством и дизайном. Искусство и дизайн в некоторых моментах строго разделяются, а в некоторых, наоборот, представляют единый дискурс, условно объединенный понятием эстетического восприятия.

Трансформацию субъекта восприятия художественной среды в объект можно проследить достаточно четко, так как она шла параллельно с основными периодами развития дизайна.

Однако есть и более глубокие корни данного явления, связанные с общим развитием истории искусства и художественного восприятия.

В генезисе искусства, начиная с античности, наметились две генеральные линии, идущие параллельно с генезисом философии: символизм и реализм, соответственно отражающие идеалистическую линию философии (Платон, Плотин) и материалистическую линию философии, а также их взаимодействие.

Проще всего вертикально ориентированную линию в философии и в искусстве обозначить термином А. Г. Дугина «Логос Аполлона» [4] (Платон, Плотин, а затем Святые Отцы Восточно-христианской Церкви). Противоположная линия обозначается термином «Логос Кибелы» (Диоген, Эпикур, и дальше вплоть до К. Маркса и современной парадигмы). Промежуточное состояние – «Логос Диониса» (например, стоики).

В искусстве Логос Аполлона, или символический, вертикально-ориентированный подход, начинается с искусства Древней Греции. Древние греки в искусстве, прежде всего, выражали эйдос, идею Красоты. И это уже подразумевало активный характер взаимодействия худож-

ника с Демиургом, субъективность творчества и восприятия, попытка подражать не за природой, а за Миром Идей. Мимезис древних греков не пассивен, так как подражание не подразумевает копирование материальной данности. Несмотря на общий объективный характер искусства древних греков, который отмечает, например, А. Ф. Лосев, символический вектор, вертикальная ориентация искусства, а значит, потенциальная индивидуальность художника и зрителя, были заложены именно в Древней Греции.

Логос Аполлона подразумевает, что в основе всякого искусства лежит общение художника и зрителя с Творцом. Существование трансцендентного начала, Бога, является гарантом и существования активного характера восприятия зрителя. Если есть Смысл существования, то есть и личность зрителя. В основе искусства лежит активное духовное общение, общение субъектов восприятия.

Далее, символическая линия в искусстве нашла свое полное выражение в восточно-христианской иконописи. Изначально, иконопись тесно связана с практикой исихазма [6]. Иконописец выражает и фиксирует свой духовно-практический молитвенный опыт. Иконописный канон передает непосредственный молитвенный опыт исихазма дальше, тем художникам и зрителям, которые уже не имеют собственного опыта умного делания, но благодаря взаимодействию с иконой включаются в личную молитвенную практику. Тот, кому адресована икона, зритель, это субъект не просто эстетического восприятия, а молитвенной практики.

Противоположная линия в искусстве – Логос Кибелы, которая в своём развитии дойдет до авангарда XX века, начинается в искусстве Древнего Рима и связана с появлением реалистического портрета. Реалистический портрет – это шаг в сторону отказа от трансцендентного начала в искусстве и в жизни, это пассивное отражение природы. Реалистическое начало в искусстве – это вектор в сторону отказа от субъектности, так как художник и зритель уже не взаимодействуют в молитвенном поле с трансцендентным началом, а копируют материальную реальность.

В истории искусства долгое время считалось, что западное искусство обгоняет искусство, например, нашей страны, так как быстрее пришло к реализму, а затем к авангарду. До сих пор отсутствует полное понимание того, что искусство нашей страны изначально шло по другому пути, связанному с большей индивидуализацией. Максимальная индивидуальность в искусстве – это личное общение с трансцендентным. Если трансцендентного начала нет, то в итоге нет и того, кто воспринимает прекрасное.

Кроме того, сама эстетическая иерархия и наличие категорий «Красота» и «Прекрасное» обусловлены существованием трансцендентного начала и возможны только в вертикально ориентированной парадигме.

В искусстве и вообще художественной среде наличие эстетической иерархии и категорий «Красота» и «Прекрасное» являются гарантом существования субъекта восприятия. Если есть градации прекрасного, если существует система критериев, то она обращена к тому, кто оценивает, подразумевает наличие активного воспринимающего сознания. Причем, сознания, ищущего именно Красоту, так как Красота является атрибутом Бога.

Как только в истории начинается отказ от трансцендентного начала, начинается и движение в искусстве в сторону отказа от категории Прекрасного, а затем отказа от субъекта восприятия. Попробуем проследить этот момент.

Переломным моментом в истории искусства считается эпоха Ренессанса. Именно тогда европейские художники научились писать с максимальной реалистичностью вплоть до иллюзорности. Но именно Ренессанс в Европе – время перехода к современной парадигме, когда начинается все более убыстряющееся движение от христианской парадигмы к капитализму и обществу потребления.

В христианской парадигме человек живет в непрерывном личном общении с Богом, что самого человека делает уникальным, индивидуальным, реально существующим. Бытие Бога является основанием для индивидуальности человека. И наоборот, если трансцендентного начала нет, если человек – это лишь часть природы, материального мира, без бессмертной души, то различия нивелируются, становятся несущественными перед общим биологическим и социальным в человеке.

Для существования общества потребления уникальная человеческая душа является помехой, так как цели такой души находятся за пределами потребления. Обществу потребления нужны такие члены, которые будут нуждаться только в удовлетворении материальных потребностей.

Начиная с середины XIX века Логос Кибелы, или материалистическая парадигма, побеждает. И именно в это время появляется дизайн как социальная практика, начинается эпоха модерн.

Модерн – это парадигма эстетов. Человечество уже отказалось от Бога, но еще не отказалось от красоты. Как писал Оскар Уайльд в это время: «все, когда-либо сказанное Платоном или Христом, может быть перенесено непосредственно в сферу искусства и найдет в ней свое

наиболее полное воплощение» [5, С. 386]. В эпоху модерна господствует мнение, что красота и функциональность неразделимы. И это шаг в сторону от эстетической иерархии и от индивидуальности зрителя. Воспринимающий искусство постепенно превращается в потребителя эстетической среды.

Далее, в первой половине XX века, начинается эпоха модернизма. Это время становления дизайна как социальной практики. Основная идея дизайнеров-модернистов заключается в интернациональности. Художники и дизайнеры пытаются в это время создавать искусство и дизайн, которые подойдут для любой страны и любого потребителя без национальных и любых других различий. Авангардное искусство адресовано не уникальной личности, которая ищет Бога, а усредненному потребителю. Дизайн и архитектура модернизма уничтожают уникальную среду старых городов и особняков в пользу одинаковой среды городов-коммун, современных спальных районов.

Модернизм – это мощный вектор уничтожения субъекта восприятия художественной среды. Субъектность восприятия подразумевает различие, а модернизм борется именно с различием потребителей. Идея социального равенства всегда приводит к подавлению индивидуального в человеке.

В эпоху постмодерна, с одной стороны, начинается противодействие данной усредненности. Приходит понимание того, что одинаковая для всех среда не может удовлетворить потребности человека. Но так как потребности человека в XX веке связываются исключительно с материальным бытием, вектор устранения субъектности восприятия продолжает свое развитие.

Идеология постмодерна подразумевает отсутствие самой возможности фундаментальных ценностей, трансцендентного начала и эстетической иерархии. Ж. Бодрийяр, характеризуя общество потребления, манифестирует «конец трансцендентного» [1, С. 240]. Потребитель в эпоху постмодерна обладает плюралистическим сознанием и потребностями, может воспринять и потребить абсолютно всё, без отбора и эстетического или этического фильтра.

Если постмодерн сегодня исследован достаточно хорошо, то современную эпоху еще предстоит изучить. Сегодня общим местом является понимание того, что эпоха постмодерна закончена. Радостного плюрализма мнений и игры цитат больше нет в искусстве и в дизайне.

Начиная с 2010 года, в дизайне главенствует стилистика плоского дизайна. Плоский дизайн – это стилистика максимального отказа от индивидуальности. Из дизайна исчезли сложные формы, яркие цвета, ка-

кая-либо декоративность и индивидуальность почерка, цитаты и постмодернистские игры. Такой дизайн подразумевает, что у потребителя нет своего вкуса, личных предпочтений и нет никаких мыслей и соображений о предпочтительной художественной среде.

Наконец, в самое последнее время из дизайна исчезает эргономичность. Дизайн больше не ориентируется на законы восприятия зрительной информации. Современную интернет-среду сложно воспринимать глазами, но это никого не волнует. Субъект восприятия художественной среды сегодня полностью трансформировался в объект, у которого нет не только личного мнения, но даже антропометрических параметров восприятия.

Дизайнеры больше не адресуют свои произведения потребителю, человеку, кому-либо, кто может оценить дизайн и кто будет им пользоваться. Субъект восприятия художественной среды превращается в объект – сторону, пассивно принимающую стимулы, которые даже не ориентированы на органы восприятия.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трансформация субъекта восприятия художественной среды в объект в современном дизайне является результатом логики развития общества и искусства.

Культура, отказавшаяся от представлений о трансцендентном, с необходимостью становится обществом потребления. Общество потребления – это горизонтально ориентированная культура. В такой парадигме отсутствует иерархия, в том числе эстетическая. Все считается допустимым. Но обществом потребления руководят не стремления личности, а интересы бизнеса. Глобальные корпорации заинтересованы не в личностном разнообразии, а в одинаковой потребительской среде. Человек больше не носитель индивидуальности, не образ Божий, а потребитель. У него нет индивидуальных черт и потребностей.

Данная ситуация является опасной для самого дальнейшего существования искусства и дизайна. Если у человека нет индивидуальных потребностей, нет критериев прекрасного, то искусство и дизайн становятся лишними, нерациональными опциями. Именно поэтому современный дизайн свелся к белому фону и отсутствию любых элементов. Это простая экономия средств.

Если искусство и дизайн продолжают свое существование, то это будет связано с тем, что в обществе возникнет запрос на возвращение

трансцендентного, а значит, и *человеческого*. Как только человек осознает, что жизнь не сводится к потреблению, а является возможностью *обождения*, то возникнет потребность в индивидуализированном искусстве и дизайне, отражающем стремления и духовные запросы каждого человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. с фр., послесл. И примеч. Е.А. Самарской. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. – М. : ПОСТУМ, 2016. – 240 с. – (ЖБ).
3. Делёз, Ж. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с фр. // Человек, наука, общество: комплексные исследования. – М., 1990. – 107 с.
4. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Византийский Логос. Эллинизм и Империя. – М.: Академический проект, 2016. – 519 с.
5. Уайльд, О. Критик как художник: пер. с англ. / О. Уайльд; Избр.; Пер. с англ., сост. и вступ. ст. С. Белзы; прим. А. Зверева. – М.: Правда, 1989. – 736 с.
6. Успенский Л. А. Богословие иконы православной церкви / Л. А. Успенский; М.: Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, Благотворительный фонд «Благо», – ОАО «Типография «Новости», 2008, – 656 с.

УДК 304.2

**РАЗВИТИЕ ТЕХНИКИ В СОВРЕМЕННОМ
СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ**

А.Л. Андреев (Москва, Россия)

доктор филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Т.А. Андреев (Москва, Россия)

студент

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. В статье рассматривается отношение к технике и технологическому прогрессу в российском обществе в разные периоды его новейшей истории. Авторы показывают, как различные взгляды на взаимоотношения между человеком и машиной, а также между человеческой цивилизацией и техносферой, возникшие в ходе этого исторического развития, породили различные общественные инициативы. Показано их влияние на концепцию инженерного образования.

Ключевые слова: российский менталитет, технический прогресс, технокритицизм, технократизм, инженерное образование, социальная оценка технологий, гуманистическая точка зрения.

1. ВВЕДЕНИЕ

Технология сопровождает человечество на протяжении всего времени его существования, и ее совершенствование является одним из главных факторов, определяющих ход истории. В ходе развития человеческой цивилизации значение технического оснащения для всех видов человеческой жизни неуклонно возрастало. В то же время характер взаимоотношений между человеком как социальным актором и технологией как набором различных устройств, которые опосредуют его взаимодействие с окружающим миром, не остается неизменным.

Технология возникла как своего рода неорганическое продолжение человеческих органов (органопроекция, по словам Э. Каппа), но с появлением машинной индустрии было обнаружено, что она участвует в возникновении новых механизмов отчуждения, вытесняющих тысячи людей из их привычного жизненного мира и способствующих быстрой деградации природной среды.

В философии, общественной мысли и художественной культуре XX века можно найти различные интерпретации взаимосвязи между техническим и социально-гуманитарным аспектами развития человеческой цивилизации, вплоть до полярно противоположных – с одной стороны, это был техноромантизм, дошедший до крайности, буквально упивающийся слиянием человека с мощным движением машины (например, Юнгер или итальянские футуристы), а также технократизм, равнодушный к внутреннему миру человека, а с другой стороны, технокритицизм и антитехнизм, для которых технология является фундаментальной противоположностью человеческих ценностей, а также средством порабощения человека (Карл Ясперс, Николай Бердяев, Льюис Мамфорд, Жак Эллюль и др.). В разное время эти тенденции проявлялись с разной силой, и их волнообразная динамика отражалась в научных исследованиях, образовании, управленческой практике и искусстве.

Возьмем за отправную точку нашего анализа теорию социального конструирования технологий (SCOT), которая была основана на разнообразном эмпирическом материале М. Каллоном, В. Бийкером, Т. Хьюзом, Т. Питчем и другими исследователями. Разработанный ими подход, согласно которому развитие технологических систем представляет собой разнонаправленный процесс, определяемый исторически сложившимися композициями социальных, политических и культурных факторов (Bijker, Hughes, Pinch, 1987, с. 28], может быть естественным образом обобщен по отношению к представлению о "техническом мире" как в массовом сознании, так и в интеллектуальной культуре. Хотя технологии и их совершенствование объективно имеют универсальное значение, восприятие их людьми, со всем сопутствующим восприятию набором переживаний, образов и смысловых коннотаций, всегда является продуктом совершенно конкретного общества и конкретной культуры. Таким образом, общий вектор технологического прогресса человечества в конечном счете формируется в результате многостороннего коммуникативного взаимодействия. Одним из "голосов", участвующих в этом многостороннем диалоге, является российская интеллектуальная и образова-

тельная традиция, которая развивается в целом в соответствии с мировыми тенденциями, но имеет определенную особенность, которая проявляется также в восприятии технологического прогресса.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Анализ развития технологий и технического образования с социальной, гуманитарной и антропологической точки зрения в России опирается на давнюю интеллектуальную традицию. Основы этой традиции в конце XIX - начале XX вв. заложили Петр Энгельмейер, Александр Богданов, Владимир Бехтерев, а с другой стороны – Николай Бердяев. И хотя, с философской точки зрения, эти мыслители стояли на принципиально разных и даже противоположных друг другу позициях, все они сходились в том, что рассматривали технику как феномен культуры, внутренне родственной другим ее формам. Концептуально такая постановка вопроса создавала принципиальную возможность сближения технологии с гуманитарной сферой, в том числе с эстетическим самовыражением и искусством. В свое время это оказало сильное влияние на менталитет многих видных деятелей русского авангарда. Но элементы эстетического подхода к технике своеобразно проявились и в инженерном самосознании.

В дальнейшем советский техницизм избавился от признаков экзальтации и утопизма; футуристический техноромантизм начала века трансформировался в прозаический технократизм, но в этой форме его влияние на общество было еще гораздо глубже и стабильнее. Это отчетливо проявилось в ценностной ориентации – научно-технический прогресс неизменно оставалась одним из главных ориентиров социальной практики и управленческих стратегий советского типа. В контексте прогрессирующей индустриализации естественным образом возникала задача гармонизации отношений между человеческим универсумом и «универсумом технических устройств». Такая задача в принципе допускает два различных решения: первичность технических решений и приспособление человека к логике технических систем или, наоборот, первичность человека и своего рода «очеловечивание» техники (принцип антропности). В XX веке в ходе развития культуры ведущих европейских государств, в том числе и русской культуры, разрабатывались обе эти возможности, причем доминантной попеременно становилась то одна, то другая из них (впрочем, указанные тенденции нередко тесно переплетались и даже перетекали друг в друга). Со второй половины 1980-х гг. в

российской высшей школе распространилось сильное увлечение идеей гуманитаризации технического образования, которая мыслилась как залог гуманизации всего «технического мира». Оно нашло свое выражение в многочисленных публикациях и во введении дополнительно к основной программе различных дополнительных гуманитарных курсов (например, сводные курсы основ гуманитарных знаний, а также различные авторские спецкурсы). Во многих учебных заведениях технического профиля, в том числе в МЭИ, создавались различные экспертно-консультативные советы по гуманитарной проблематике, в которые включались преподаватели общенаучных, инженерных и гуманитарных кафедр. Они стали своего рода площадками для диалога инженерной и гуманитарной субкультур, позволяющие взаимно прояснять подходы, потребности, интересы и идеи каждой из сторон этого диалога.

Под термином «гуманитаризация», не имевшим, впрочем, вполне четкого содержания, в общем и целом понималось иная, чем раньше стратегия формирования будущего специалиста не только как носителя определенных профессиональных компетенций, но и «как личности». Эта стратегия сначала подспудно, а затем все более явственно противопоставлялась как унаследованной от сталинской эпохи предельной политизации учебных дисциплин гуманитарного блока, так и достаточно сильно выраженного в повседневной культуре советского времени технократизма. В противовес этому акцент переносился на расширение культурного кругозора и духовное саморазвитие обучающихся – «становление человеческого в человеке» [2]. В то же время погружение в гуманитарную культуру должно было обеспечить психологическую направленность инженерного сознания на то, чтобы сделать разрастающуюся техносферу максимально «дружелюбной» по отношению к человеку.

Такой подход к социальному и гуманитарному образованию в технических университетах России в основном сохраняется и сегодня. Между тем, развернувшиеся с начала XXI в. процессы NBIC-конвергенции, судя по всему, принципиальным образом меняют отношение между человеком (человеческим обществом) и техникой. Техника возникла когда-то как своего рода продолжение (удлинение, усиление) органов человеческого тела. В индустриальную эпоху быстро умножающаяся совокупность разнообразных технических устройств консолидировалась в формах охватывающей нас техносферы, которую также можно рассматривать как продолжение – только уже не индивидуальных органов, а функциональных подсистем человеческой цивилизации в целом.

В настоящее же время мы видим не только быстрое наращивание «плотности» и сложности техносферы, но и изменение отношений между «техническим миром» и человечеством. В рамках снижавшей известную популярность акторно-сетевой теории [3] уже сформулирована весьма важная для понимания нашей современности мысль о том, что артефакты и технические устройства, с одной стороны, и люди с другой связаны в общую систему отношений. Логично было бы пойти и дальше, предположив, что в ходе продвижения по пути создания и совершенствования искусственного интеллекта, техносфера будет превращаться в самоорганизующуюся систему, состоящую из способных к саморазвитию техноценозов. В то же время прогресс биотехнологий и геновая инженерия впервые открывают возможность появления гибридных технобиоструктур с трудно прогнозируемыми перспективами для привычной психофизической конституции вида *homo sapiens*. Так может быть, ныне мы находимся в преддверии становления совершенно новой – уже не человеческой, а *постчеловеческой* цивилизации [1]?

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Такую перспективу, пусть даже гипотетическую, их надо рассматривать как серьезный вызов – возможно, более серьезный, чем привычные вызовы социального неравенства, несправедливости и эксклюзии. Для того, чтобы ответить на этот вызовы и не утратить социального и нравственного контроля за развитием техносферы, необходимы определенные компетенции и методы, транслируемые молодым поколениям через систему образования. Создание ценностно ориентированных технологий и социальная оценка техники принадлежит относятся именно к этому кругу компетенций, и очевидно, что их значимость в будущем будут возрастать. Однако уровень интереса к разработке и продвижению соответствующих учебных программ, развитие специализированной подготовки студентов для этой области практической деятельности зависят не только от их объективной значимости, но и от позиций образовательного сообщества, а в более широком смысле и от общественных настроений, которые, естественно, различаются от страны к стране. С одной стороны, обеспокоенность по поводу этических рисков, с которыми связано развитие некоторых современных технологий (искусственный интеллект, роботизация и др.) была выражена в России на высоком правительственном уровне. Внутренний этический кодекс для работ в области искусственного интеллекта принят в ведущей российской фи-

нансовой корпорации – Сбере (Сбербанке), которая в последнее время настойчиво стремилась стать больше, чем банком, и распространить свою деятельность за границы финансового сектора в сферу цифровой индустрии. Следует, однако, учитывать, что запрос на создание особых экспертных и исследовательских институтов, занимающихся социальной оценкой техники и ценностно ориентированными технологиями, а также потребность в выделении этих направлений в качестве особых предметов преподавания определяются не только сверху: для этого не в меньшей мере важны и массовые настроения, а также активность гражданского общества. Однако российское общество, как показывают некоторые социологические исследования, еще не в полной мере осознает данную проблему, что выдвигает перед системой технического образования дополнительные – просветительские по сути своей – задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аршинов В.И. Трансгуманизм в перспективе эволюции сложности // Философские науки. – 2013. – № 8. – С. 11 – 23.
2. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М., Изд. дом ВШЭ, 2018. – 381 с.
3. Слободчиков В.И. Становление человеческого в человеке // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 3. – С. 1 – 6.

УДК 101.1:316

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» И СТРАТЕГИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Д.А. Аникин (Москва, Россия)

канд. филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье ставится вопрос о социально-философском анализа понятия «культура отмены» и условиях возникновения данного феномена. Автор формулирует тесную связь «культуры отмены» с процессами исторического забывания и определяет важность цифрового пространства для распространения практики канселлинга. Предлагается три уровня рассмотрения данного феномена: юридический, морально-

этический и социально-философский. Значение социально-философского анализа «культуры отмены» состоит в выявлении процессов трансформации исторической идентичности и формирования новых мемориальных практик.

Ключевые слова: «культура отмены», историческая память, практика, цифровое общество, норма, мораль.

1. ВВЕДЕНИЕ

В современном публичном дискурсе одним из наиболее дискуссионных понятий становится «культура отмены», что связано с многочисленными случаями его применения по отношению к отдельным персонажам или даже отдельным сообществам. В рамках данной статьи предполагается исследовать то значение, которое «культура отмены» приобретает в контексте трансформации коллективной памяти, а также выявить условия, позволившие возникнуть данному явлению.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

С одной стороны, «культура отмены» можно рассматривать как одну из форм социального остракизма, и в этом смысле ее генеалогия берет свое начало еще в демократических процедурах древнегреческого общества, порожденных реформами Клисфена. Правда, в данном случае изгнанию подвергнулся на определенный период времени конкретный политический деятель, что не ставило под сомнение статус его предшествующих заслуг для полиса. Применительно же к современному обществу важной чертой «культуры отмены» становится своеобразная временная петля, в результате которой моделируются отношения между точкой А (время обнаружения некорректного поступка) и точкой Б (точка его совершения), в результате под сомнение с точки зрения общественных ценностей ставится весь отрезок жизни индивида между точкой Б и точкой А. Таким образом, более продуктивным представляется рассмотрение «культуры отмены» в качестве одной из форм исторического забвения. Как отмечает А. Ассман, «забвение является интегральным составным элементом памяти; мы способны помнить лишь потому что можем забывать и постоянно неволью делаем это» [1, с. 110].

Но, применительно к культуре отмены, вопрос исторического забвения перерастает функцию биологического забывания, превращаясь в целенаправленную коллективную стратегию, которую корректнее было

бы назвать уже не забвение, а замалчивание. А. Ассман выделяет две основных стратегий целенаправленного замалчивания: замалчивание как милость и замалчивание как наказание [1, с. 113-114]. В первом случае устранение из памяти травматических воспоминаний становится способом возвращения мира и спокойствия в расколотое сообщество, когда забвение выступает инструментом восстановления тех связей и отношений, которые оказываются слишком болезненными в результате накопившихся воспоминаний. Во втором случае само замалчивания становится одной из форм наказания, поскольку демонстрирует устранение определенного исторического персонажа или события из коллективной памяти. Нетрудно заметить, что возникновение «культуры отмены» в современном обществе становится проявлением второй стратегии целенаправленного замалчивания прошлого – вне зависимости, говорим ли мы о забвении индивидуального прошлого или коллективных воспоминаний. Но и в этом случае, в отличие от предшествующих форм забывания (например, в случае Герострата) особенностью «культуры отмены» становится стремление не просто произвести переоценку прошлого, но и выстроить проекцию указанного прошлого на настоящее, свести счеты с исторической несправедливостью.

Таким образом, «культура отмены» становится своеобразной формой травматизации прошлого, в результате которой необходимость урегулирования последствий травмы (при невозможности обеспечить воздаяние непосредственным жертвам травмирующего события) заставляет формулировать определенные условия для представителей «виновного сообщества», то есть той социальной группы, которая рассматривается в качестве невольных виновников совершенного преступления. И здесь, как и в случае с другими формами исторических травм, большое значение приобретают не только дуальные отношения жертв и преступников (точнее, сообществ, которым навязываются указанные роли), но и наличие определенной аудитории, которая играет большую роли в предписывании и исполнении ролей.

Важно, что канселлинг как практика, отвергающая устоявшийся статус отдельных персонажей или сообществ, приобретает особенное значение в контексте публичного пространства, а, точнее говоря, цифрового пространства. Усиление роли цифровых технологий в жизни современного человека, в формировании его ценностных ориентаций и представлений об окружающем мире, а также в выстраивании им форм поведения и взаимодействия с другими людьми, позволяет исследователям

ставить вопрос о возникновении новой стадии общественного развития – цифрового общества.

Разумеется, еще в середине XX века начали возникать социально-философские теории, акцентирующие внимание на том факте, что информационные технологии начинают играть ведущую роль в экономике и культуре современного общества. Д. Белл в своей концепции постиндустриального общества обратил внимание, что современные средства коммуникации свидетельствуют об изменении базового ресурса экономического развития, в качестве которого начинает выступать информация [2, с. 16-17].

Предложенная им трехчастная модель стадийального общественного развития позволила сформулировать представления об изменении базовых ресурсов на каждой стадии экономического развития, а также о перераспределении населения в зависимости от преобладания определенного экономического и технологического уклада. Постиндустриальное общество рассматривалось Д. Беллом как результат возникновения информации как ресурса, обладающего двумя уникальными свойствами – тиражируемостью и неуничтожимостью. Тиражируемость информации проявляется в возможности практически бесконечного копирования без ущерба для содержания информации, что делает ее максимально доступной в синхроническом аспекте – для всех представителей человечества, проживающих в одно и то же время. Неуничтожимость информации гарантирует ее сохранность и возможность передачи от одного поколения к другому (диахроничность), что существенно расширяет возможности ее использования и применения. Итогом технологического обновления ресурсной базы должны было стать, по мысли теоретика, формирование новых контуров социального и политического порядка, построенного на равенстве доступа к информации и возможностям ее применения.

Последующие критики теории постиндустриального общества обратили внимание на то, что подобные идеалистические представления не учитывали тот факт, что само по себе обладание информацией или наличие доступа к ней еще не являются гарантией ее эффективного использования, в силу чего социальная структура постиндустриального общества остается иерархичной, но меняются принципы ее структурирования [3, с. 154].

Начало XXI века стало временем постановки вопроса о неадекватности терминов «постиндустриальное общество» и «информационное общество» для описания существующей социальной реальности, по-

сколькo речь шла уже не просто об интенсификации и расширении потоков информации, но и об появлении новых технологических особенностей, смыкающих жизненный мир человека с цифровыми способами коммуникации. Новым концептом, отразившем суть произошедших изменений, стало понятие цифрового общества. А.В. Смирнов выделяет четыре основные характеристики данного типа общественного устройства, кардинально отличающие его даже от предшествующей информационной стадии [4, с. 133-135].

Сверхсвязность характеризует существенную особенность не столько технологического, сколько социального бытия человека, который оказывается погружен в бесчисленное множество неустойчивых связей, в качестве объектов которых выступают не только реально существующие люди, но и виртуальные аватары, а то и просто вещи (интернет вещей). С одной стороны, это свойство существенно расширяет горизонт человеческого восприятия, а с другой – порождает целый ряд когнитивных и коммуникативных проблем, связанных с возможностью распространения фейков и обеспечения контроля за поведением индивида.

Платформизация связана с возникновением в виртуальном пространстве аналогов традиционных социальных институтов – платформ. Платформы позволяют создать определенное сообщество с неустойчивыми, подвижными, но намеченными границами, в рамках которых происходит фрагментация виртуального пространства, разметание «своих» и «чужих» сегментов.

Датификация представляет собой новый способ определения человеческого существования посредством сбора и обобщения количественных характеристик, что находит предельное выражение в идее социального рейтинга. Но даже в условиях демократического общества статус человека определяется множеством его проявлений в виртуальной среде, где возрастает значимость любой негативной информации, быстро способной превратиться в основную характеристику.

Алгоритмическое управление связано с выработкой практик управления виртуальным пространством, а, зачастую, и теми сегментами реального пространства, которые тесно соприкасаются со сферой цифровых технологий. Такая форма управления построена на хрупком балансе между общественном консенсусом относительно самой необходимости регулирования виртуальной среды и достаточно репрессивными методами получения и обработки информации. Именно поэтому противники разработки подобных алгоритмов используют понятие «цифровой конц-

лагерь» для характеристик негативных сторон подобных стратегий и практик управления.

Все перечисленные характеристики способствуют тому, что сигнал о поведении, которое рассматривается как нарушение общественных норм, получает возможность практически беспрепятственного и неуклонно расширяющегося распространения в виртуальном пространстве. Итогом этого распространения становится формирование негативного образа «нарушителя», причем несвоевременность появления информации и самого совершенного проступка теряется в условиях возрастающего информационного шума.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наконец, стоит обратить внимание и социально-нормативные аспекты «культуры отмены». Обязательным атрибутом канселлинга становится общественное негодование по поводу неблагоприятных поступков, имевших место в прошлом, но становящихся неприемлемыми в контексте современных социально-этических норм. В этом обстоятельстве и кроется ключевое отличие современной «культуры отмены» от предшествующих форм исторического забвения, когда переоценке подвергались определенные события коллективного прошлого. «Культура отмены» специально акцентирует внимание на том, что в момент совершения поступок мог соответствовать как общепринятым моральным нормам, так и юридическим законам, но формирование современных рамок допустимого поведения делают невозможным игнорирование данного поступка в настоящее время. Иначе говоря, возникает вопрос, который имеет три основных измерения: юридическое, морально-этическое и социально-философское.

В юридическом смысле «культура отмены» заставляет обратиться к формуле о невозможности обратной силы закона. Точнее говоря, возникает противоречие между конкретной нормой закона и декларируемой позицией по поводу нарушения общечеловеческих ценностей, на фоне чего юридическое содержание совершенного поступка становится все более девиантным. В морально-этическом смысле «культура отмены» апеллирует к универсализации презентистской системы моральных норм и ее распространения на предшествующих формы межличностных и социальных взаимодействий. В социально-философском смысле возникновение и разрастание различных форм «культуры от-

мены» напрямую оказывается связано с приобретением публичного влияния новыми сообществами, стремящимися выстроить собственную историческую идентичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – Москва: Академия, 1999. – 412 с.

3. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. – М.: Academia : Наука, 1999. – 703 с.

4. Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 129–153.

УДК-316.6

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В.В. Белобрагин (Москва, Россия)

канд. психолог. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

Институт экономики и культуры

Аннотация. Статья посвящена важной проблемой социальной психологии, социологии, имиджелогии, психологии имиджа и других смежных наук – социально-психологическим проблемам функционирования профессионального имиджа: их определению, основным функциям и структурным компонентам и различным теоретическим подходам к данному феномену. Автор представляет и результаты собственного эмпирического исследования профессионального имиджа на примере педагогов: учителей средней школы и руководителей высшей школы.

Ключевые слова: имидж, индивидуальный имидж, профессиональный имидж, имидж педагога, имиджирование.

1. ВВЕДЕНИЕ

Проблемам имиджа вообще и имиджа персоны, профессиональному имиджу в частности посвящены многие научные публикации и диссертационные исследования в последние 30 лет (1992-2022 гг.). Они посвящены различным аспектам имиджа персоны: политика, ученого, педагога, музыканта, военного и др. Огромный вклад в исследования персонального имиджа внесли: Е.А. Петрова, В.М. Шепель, А.Ю. Панасюк, И.Э. Соколовская, Л.А. Соколова-Сербская, Е.А. Володарская, А.В. Романова, Л.Н. Грошева, И.П. Чертыкова, Н.М. Шкурко, Ж.Г. Попова и др.

В современном имиджологическом знании активно поддерживается целенаправленное развитие персонального (профессионального) имиджа известными персонами: политики, представители шоу-бизнеса, педагоги, ученые, спортсмены и др. Здесь, на наш взгляд, стоит говорить о необходимом имидже той или иной персоны в соответствии с его ценностными ориентациями, желаниями и мотивами и др.

2. ХОД ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Вначале определимся с понятием «имидж персоны», или «персональный имидж».

По нашему мнению, «**персональный имидж** – это сложная, многоуровневая система, включающая в себя сочетание различных психологических характеристик человека (качества личности, темперамент, волевая и эмоциональная сферы, коммуникативные особенности и многое другое), социально-ролевых и профессиональных аспектов жизнедеятельности персоны с его внешним своеобразием, внешней данностью, присущими конкретному человеку, находящиеся в индивидуальном и (или) массовой сознании» [1].

По мнению Е.А. Петровой, «основная часть взаимодействий, особенно в деловой и профессиональной сферах, строится именно на основе имиджа. Поэтому человек, владеющий технологиями создания и корректировки имиджа, успешно решает свои задачи, к примеру построения карьеры и судьбы в целом. Так, при трудоустройстве персональный имидж, совпадающий со стереотипно требуемым, повышает шанс получить желаемое рабочее место» [3].

Таким образом, социальная роль имиджа в жизни общества в целом и объясняет интерес к данному феномену как у политиков и звезд музыкального шоу-бизнеса, так и у широкого круга представителей других профессий.

С нашей точки зрения, можно выделить следующие **«основные структурные компоненты имиджа любой персоны: габитарный (внешний), психологический (внутренний):** обобщенный психологический портрет, а также **социально-ролевой, вербальный, невербальный;** с точки зрения представления об имидже: **самоимидж** (представление персоной о собственном имидже) и **зеркально воспринимаемый** (оценка и характер восприятия и представлений об имидже другими), с точки зрения эмоциональной оценки – **хороший** или **плохой**» [1].

Развитие имиджа может происходить как **целенаправленно** - с помощью различных технологий имиджирования, так и **стихийно**, то есть специально, не заботясь о нем.

В индивидуальном (персональном) имидже особо следует выделить подвид – **профессиональный имидж**. В определенной профессиональной среде имидж формируется в зависимости и от стереотипных представлений, требований и предписаний этой среды, относящихся к конкретной профессиональной деятельности. Это не только технологии работы, но и правила делового этикета, это и свой профессиональный лексикон, служебная форма, определенные физические данные и необходимые качества личности, предъявляемые к представителям конкретной профессии, и многое другое. Встает еще один важный вопрос: как грамотно представить социальному миру, целевой аудитории собственный имидж (в том числе и профессиональный)?

Одним из важных способов продвижения персонального (профессионального) имиджа является самореклама. Она может принимать разнообразные формы: самопрезентация (способ самовыражения и поведения персоны с целью создания необходимого (благоприятного) впечатления на аудиторию имиджа), публичное выступление, статья в модном журнале, телевизионное интервью, рекламный буклет и т.п.

Главными задачами саморекламы являются привлечение внимания, создание необходимого впечатления, мнения, побуждение к нужным действиям и т.д. Для ее эффективности важно придерживаться следующих основных требований: наличие в ней позиционирования, актуальность, доступность основной массе людей, убедительность, эмоциональность, эксклюзивность, лаконичность, оригинальность, позитивность и др.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования автора по изучению имиджа педагогов высшей школы, в котором приняли участие студенты НИУ «МЭИ» и Института экономики и культуры, всего 125 человек: юноши и девушки от 18 до 23 лет (2020-2022 гг.), показали следующие основные имиджевые составляющие педагогов: учителей средней школы в социальном представлении студентов. Участникам исследования было предложено выделить основные обобщенные имиджевые характеристики учителей, выделяя их внешний облик, половозрастные особенности, личностные и социально-психологические характеристики.

Были представлены для рассмотрения следующие учителя в зависимости от преподаваемой дисциплины: учитель русского языка и литературы, учитель математики, учитель физики, учитель физической культуры, а также педагог как обобщенный имиджевый портрет. Испытуемым предлагалось обозначить основные характеристики имиджа учителей нескольких школьных дисциплин с точки зрения стереотипных представлений.

Учитель русского языка и литературы: «немолодая женщина», «строгий классический костюм», «собранные в пучок волосы», «легкий макияж у женщин», «белый верх и черный низ», «надетые очки», «серая мышь», «закрытая поза», «поза задумчивости», «спокойный и негромкий голос», «интеллигентность», «высокая образованность», «старомодность», «консерватизм», «требовательность», «строгость» и др.

Учитель математики: «как правило, мужчина средних лет и старше», «неаккуратно причесаны волосы», «в целом короткая стрижка или залысина», «небольшого роста», «костюм не подобран по стилю», «белый верх и черный низ», «старомодный костюм», «надетые очки», «беглый взгляд», «поза задумчивости», «немного занудный(-ая)», «очень строгий(-ая)», «требовательный(-ая)», «принципиальный(-ая)», «консерватор», «феноменальная память» и др.

Учитель физики: «прическа с легкой небрежностью», «седой(-ая)», «борода» (у мужчин), «немодный костюм и собранные в пучок волосы» (у женщин), «в целом непривлекательный внешний облик», «старомодный костюм», «закрытые позы», «поза задумчивости», «сонный взгляд», «внешне невзрачный человек со странным поведением», «всегда в очках», «с указкой», «немного занудный(-ая)», «очень строгий(-ая)», «высокий интеллект», «консерватор», «физик-лирик», «феноменальная память» и т.д.

Учитель физической культуры: «молодой(-ая)», «всегда в спортивном костюме», «со свистком», «спортивный внешний облик у мужчин», «учитель-мужчина всегда высокого роста», «женщины - с излишками веса и небольшого роста», «закрытые позы», «"хриплый" голос (и у женщин, и у мужчин)», «командный голос», «поведение чаще агрессивное», «бывший спортсмен», «спортсмен-неудачник» и др.

Педагог (обобщенный портрет): «всегда строг», «опрятный и доброжелательный внешний вид», «имеет определенный (специфический) внешний облик: строгий костюм, собранные в пучок волосы (у женщин), наличие бороды (у мужчин-физиков, математиков, географов), «белый верх и черный низ», «надетые очки», «отсутствие модных аксессуаров и украшений», «в руках указка или мел», «угрюмый и грозный взгляд», «зрелого возраста», «высоко интеллектуален», «образован», «одинок», «несчастен в любви», «зануда», «требовательный», «принципиальный», «консерватор» и другое.

Можно выделить и половозрастные различия в стереотипных представлениях об учителях разных предметов: учителя гуманитарных наук, по мнению испытуемых, – преимущественно женщины средних лет и старше, естественных наук – мужчины среднего и старшего возраста, учителя физической культуры – молодые мужчины и реже женщины.

4. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Исследования автора дают возможность дать следующее определение понятию «профессиональный имидж педагога», – это стереотипные представления, носящие дифференцированный характер, о визуальном облике, качествах личности, социально-ролевых характеристиках, профессиональном мастерстве, принадлежности к определенной специализации (научному направлению и т.п.) и его репутации, находящиеся в массовом, групповом и (или) индивидуальном сознании.

Персональный, в том числе и профессиональный имидж должен строиться в соответствии со стереотипными представлениями аудитории имиджа, как о внешнем облике персоны, так и о личностных и профессиональных компонентах и компетенциях.

Итак, в нашем теоретическом исследовании мы дали общую характеристику понятиям: «индивидуальный (персональный) имидж», «профессиональный имидж», выделили их основные структурные компоненты, основные способы самопрезентации и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белобрагин В.В. Психология имиджа: Учебно-метод. пособие. — М.: Научный консультант, 2018.
2. Белобрагин В.В., Бардабашкина Т.С. Социально-психологические проблемы имиджа специалиста салонного бизнеса // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 3-1. С. 75-80.
3. Петрова Е.А. Имиджелогия: избранные труды: Монография. — М.: РИЦ АИМ, 2011.

УДК 7.011.22

РИТМ ЭПОХИ. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И СТРУКТУРАЛИЗМ

В.А. Беляева (Москва, Россия)

студент

Российский университет дружбы народов “РУДН”

Аннотация. В статье рассмотрена взаимосвязь Андрея Белого и структурализма, посредством выявления основных схожих характеристик и принципов. Объяснены основные концепты связи математических основ реальности в их связи с объектами, которыми в нашем случае являются текстовые материалы в их стихотворной форме. Отображены основные идеи и рассмотрены примеры ритмов стихотворений и их смысловых структурных составляющих. Приведены примеры связи структуры стихотворения и социальных явлений на примерах, приведённых А.Белым. Показан способ вычисления подобных соотношений. Поставлен вопрос о возможности проведения подобных исследований в современном цифровом мире.

Ключевые слова: А. Белый, структурализм, метр, ритм, лирика и эксперимент, ритм и диалектика

1. ВВЕДЕНИЕ. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И СТРУКТУРАЛИСТЫ

Ещё в 19 веке Генрих Герц сформулировал цель науки и её идеал. По его мысли, наука, а точнее естествознание, должно позволить человеку выводить из общих принципов, выстроенных на понимании причинно-следственных связей, будущее из прошлого. Такой вывод базируется,

по Генриху Герцу, на конструировании особого рода «внутренних прозрачных образов или символов». Подобного рода символы необходимо выражают связь мыслительной формы причины-следствия и его выражения во внешнем предмете [1, с.13]. Генрих Герц был не первым, кто рассуждал на подобные темы. Г.В.Лейбниц, великий философ и математик, не отделял логику вещей (понятия и взаимосвязи) от логики знаков. Знак по Лейбницу не случаен, между знаком и мыслью есть связь, он есть её отражение «необходимый и существенный орган». Таким образом, подлинное научное мышление по Г.Лейбницу всегда опирается на «символику и семиотику» [1, с. 22].

В 20 веке появляются и приумножаются попытки приложить точные научные методы, прежде всего математические методы, на гуманитарные науки. Такие способы придания новым областям дисциплин сциентизма мы встречаем, например, у Ж. Лакана [2, с. 24] Также, можно привести в пример К.Леви-Стросса [3, с. 222].

Упомянутые учёные - представители структурализма, относятся ко второй половине 20 века. Несколько раньше, подобные методы решил применять отечественный философ, поэт и писатель А.Белый. Как писал Б.М.Эйхенбаум, по поводу книги Андрея Белого «Символизм»: «Это чуть ли не первая настоящая книга по теории слова на русском языке <...> Все приемы прежней критики – исторической, публицистической, импрессионистической – должны отойти в сторону <...> А настоящая критика должна быть эстетической, критикой формы, критикой того, как сделано». [4] Б.М. Эйхенбаум один из основателей ОПОЯЗа, представитель формальной школы в литературоведении, он, наряду с Ю. Тыняновым, В. Шкловским, во многом основывал свои труды, на научных установках экспериментальной эстетики Андрея Белого. Поэтому, задачу, которую я ставлю перед собой - рассмотреть эстетическую теорию Андрея Белого, показать её как необходимый компонент в историческом развитии последующих направлений в философии, в частности структурализма. Цель данного исследования: показать, как возможно применение открытий А.Белого в современную цифровую эпоху и чем это может быть интересно.

2. СТАТИСТИКА. МЕТР И РИТМ. ГРАФИК

Характерной чертой науки, вплоть до постмодернистов, было желание на основе выведенных законов предсказывать будущее. Выведение закономерностей и причинно-следственных связей присуще Белому, но в

его случае он проводит взаимосвязь не только со смыслом стиха и его ритмом, отображаемым кривой на графике, но между ритмом стихотворения и пульсом эпохи. Разделив историю на несколько периодов, от Ломоносова до Жуковского, от Жуковского до Тютчева и от Тютчева до модернистов, А.Белый предоставляет статистику увеличения количества полуударений на первой стопе. Например, от Жуковского (90) до Баратынского (164), и обратно-пропорциональное уменьшение их на второй стопе (52) и (4). Здесь важно наблюдение, что полуударения, повторяющиеся в разных местах строк стихотворения в зависимости от их расположения обуславливают как наше эмоциональное восприятие стиха, так и его смысловую трансформацию. Более того, именно благодаря этим полуударениям, ускорениям, сбивкам, А.Белый получает возможность выделить несоответствующие симметрии элементы, как основные для построения своего графика. Применяв к стихотворению двустопное деление, те места, где метр перекрывается ритмом, Белый запечатлевает на графике в виде точек, в противоположность пустым, метрическим клеткам. Проведя между точками линии, он находит свойственные для конкретного поэта индивидуальные черты. Пример «перевода» стихотворения А.Фета, приводится в статье «Лирика и Эксперимент»:

Двустопное деление и график кривой [6, с. 196]

А вот само стихотворение:

«Да', я' не Пи'ндар: мне'страшне'й

Всего' - торжественная о'да.

Бере'зoveц и юбиле'й

Рожде'нья ко'нского заво'да.

Когда' б слова' в стиха'х мои'х

Ложи'лись вы'пуклы и ло'вки,

Встава'ли ра'зом бы из ни'х

Копы'та, ше'йки и голо'вки.

Следя' за ка'ждою черто'й,

Знато'к не проходи'л бы ми'мо,

Не восхити'вшись красото'й

Люби'мца и'ли Ибраги'ма.

Я', ла'вры оглася' твои'

И все' стяжа'нные награ'ды,

В заво'де ко'нском Илии'

Наше'л бы зву'ки Илия'ды.

Но э'тих зву'ков-то и не'т,

И я', греме'ть бесси'льный о'ду.

Лишь пожела'ю мно'го ле'т

Тебе' и твоему' наро'ду!» [6]

Здесь выделены знаком (´) - ударения, а жирным текстом – та самая асимметрия или, как мы иначе её обозначили - сбивка, ускорение. Таким образом мы можем наблюдать три разных формы записи, одного и того же содержания. Здесь становится очевидным, что в зависимости от образа передачи сообщения, меняется его смысл, так как подсвечиваются разные части одного целого.

3. КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Важной идеей в теории А.Белого является то, что рассмотрение им основополагающих структур, таких как ритм и метр, происходит во всеобщем обуславливаемом, в переплетении структур и компонентов действительности: «Не хватает подлинного живого понимания конкретного монизма, как плюро-дуо-монизма, ведущего к исканию даже не сюнархии, а к изучению ритмов социальной сюн-ритмии или сюн-эргии (от слова "эргон" или "дело"); но сюн-эргия и есть "сюм-болия", или тот символизм, над которым работала моя мысль.»[7]

Ценность поэта в его индивидуальности, и по Андрею Белому ценность эта состоит во взаимосвязи поэта и поэзии, так как через неё выражается пульс эпохи. Обращаясь к рассмотрению роли поэта в истории, для того, чтобы приблизиться к сути самого поэта, мы должны обращаться к внутренним законам сочленения, посредством которых, воспроизводится структура материала визуально-акустической формы. Свою теорию стиховедения А.Белый создаёт не только для того, чтобы перевести в графические и статистические данные живой материал лирической формы, но для того, чтобы вывести из этих графиков, фигур и данных, индивидуальные черты характеризующие особенность отдельного поэта в его связи с историческим временем, и тем самым измерить динамику выбранного отрезка времени. Андрей Белый убеждён, что ритм, на основании которого и выстраивается внешняя форма стиха, отражает основные социальные, культурные и исторические тенденции. Так он приводит в пример отрывки из своих Симфоний: «Напомню: <...> текст 4-й "симфонии" (написанный в 1902 году, искалеченный в 1906 году в "Кубок Метелей") переполнен фразами "Пора мне в этот старый мир... Я несу парчовые ризы всех вещей". Или: "Гряди, жнец, гряди... Скажи: Я — с вами"... Се жених грядет жатвою..." Еще в 1902 году в этих фразах для меня — ритм пришествия сферы Символа, или Христа.»[7] Также А.Белый отсылает нас к поэзии Цветаевой: «появился размер Цветаевой, оказавшийся тягой к молоссам <...>. И этими размерами записали

многие.»[8] Данная мысль А.Белого ещё раз иллюстрирует нам связь ритма, смысла и социальных изменений, так как молосс – это военный ритм. Также можно привести в пример метр Гомеровского стиха, по А.Белому он соответствует структуре патриархального общества.[8]

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теория эстетики, над которой работал А. Белый так и не была завершена. Более того, некоторые идеи, которые лежат в основе вычислений А.Белого, могут показаться слишком оторванными от реальности, в некотором смысле их можно было бы обвинить в «мистичности» и «эзотеричности». Однако на мой взгляд, стоит помнить, о том, что многие авторы черпали вдохновения из религиозных систем. Вспомнить упомянутого нами Г.Лейбница. Его изучение китайской книги перемен, позволило построить систему двоичного кода, без которой немыслима цифровая эпоха. На данный момент неизвестно, можно ли провести прямую связь между графическими изображениями ритмик стихотворений присущих конкретной эпохе и грядущими социальными изменениями. Ту связь, о которой говорит А.Белый, зачастую можно увидеть только после определённых событий. Возможность предугадывать «предсказывать» будущее, на основании подобных данных, кажется довольно спорной. Тем не менее, удивителен тот факт, что анализ произведённый А.Белым (596 строк и 27 авторов), производился вручную, без современных технических средств. В таком случае, кто знает, какие неожиданные корреляции, мы бы могли открыть для себя, произведя исследования Андрея Белого при помощи современных средств анализа данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кассирер Эрнст. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Ун. книга, 2002. 272 с

2. Ж.Лакан. Желание и его интерпретация (Семинары: Книга VI (1958/59)). Пер. с фр.- Александр Черноглазой. Редактура перевода - И.Метревели, Г.Напреснко, М.Страхов. М.: Издательство “Логос”, ИТДГК “Гнозис”. 2021. - 560 с.

3. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. - 512 с. (Серия 'Психология без границ'). Стр 222

4. В.Львов Андрей Белый и Борис Эйхенбаум: По линии журнальной науки. http://mediaalmanah.ru/files/59/2013_6_18_livov.pdf

5. Андрей Белый. Симфонии. Авторский сборник. Составитель: А. Лавров М.: Художественная литература, 1991 г. 528 с.

6. Андрей Белый. Собрание сочинений. Символизм. Книга статей / Общ. ред. В. М. Пискунова. - М.: Культурная революция; Республика, 2010 г. - 527 стр.

7. Андрей Белый. Почему я стал символистом // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 418—460.

8. Андрей Белый. Ритм как диалектика и медный всадник. Исследование. М.: Федерация, 1929 г.

9. <https://sysblok.ru/philology/cifrovaja-filologija-1910-kak-andrej-belyj-vychisljal-otklonenija-jamba/>

УДК 111.5

СУБЪЕКТ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА

М.Г. Бреслер (Уфа, Россия)

канд. филос. наук

Уфимский государственный нефтяной технический университет

Аннотация. В статье автор показывает возможность выхода из «постмодернистского тупика» на наличие которого указывают ведущие мыслители конца XX века. Введя новаторские категории «differAnce» (Ж. Даррида), «rizomae» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари), мерцающий субъект (Ж. Лакан), заложивших основу философии цифрового общества, они не имели современных нам информационно – коммуникационных технологий, не имели опыта сетевого взаимодействия в условиях интернет-сервисов. В результате к концу XX века постмодернизм остаётся лишь плодом сугубо абстрактного размышления над теоретическими конструктами. Современное развитие математических моделей и программного обеспечения позволили автору, на основе информационно – коммуникационного метода, выработать аргументы субъективации актора в кластере, а также представить процессы сетевого взаимодействия, как подчиняющиеся принципам диалектики. Это, а также снижение роли релятивизма при наблюдении сетевого взаимодействия свидетельствует об осцилляции идей постмодерна в сторону классической философии

Ключевые слова: кластер, сеть, различание, субъект, релятивизм

1. ВВЕДЕНИЕ

Философская мысль конца XX века была исполнена драматизма. Постмодернизм, как, пожалуй, самое яркое и многообещающее течение того времени, по мнению одного из лидеров направления Ф. Гваттари оказался «ничем иным как последний вздох модернизма, ...от которого он ничем не отличается» [9]. Это мнение разделяет и В. Тасич называя постмодернизм «карнавалом, пошедшим не так» [5]. В то же время В. Тасич проводя глубокий анализ развития постмодернизма в процитированном выше труде «Математика и корни постмодернистской философии» показывает, то сильное влияние, которое было оказано философами, относящимися к постмодернизму на создание теоретической основы технологий нынешнего XXI века, прежде всего в области обработки информации и создании коммуникаций.

Парадокс восприятия постмодернизма, как тупикового пути состоит в том, что именно представители этого течения философской мысли, именно Ф. Гваттари вместе с Ж. Делёзом заложили основы научного восприятия сетевой формы взаимодействия, введя среди прочего абстрактную категорию «ризомы», воплотившуюся в XXI веке в материальный интернет ресурс «социальные сети», позволивших многим сотням миллионов людей планеты создавать и распространять информационный продукт среди миллиардов людей, что изменило коммуникационную сферу, перевело существенную часть коммуникаций в сетевую форму и привело к переходу на этап становления информационно-го/цифрового общества.

Выделяя онтологическую основу из постмодернизма, мы предпримем попытку предложить выход из постмодернистского тупика в сторону классической философии, с одной стороны развивая идеи философов XX века, а с другой стороны осмысливая новые реалии, наблюдаемые в настоящее время.

2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нами в течение последних лет, занятых изучением сетевого взаимодействия, применяется информационно-коммуникационный метод, как развитие структурно – функционального метода, где основное внимание уделяется структуре сетевых коммуникаций. Создание информационно – коммуникационного метода проходит под существен-

ным влиянием акторно – сетевой теории, но существенным отличием является то, что сеть рассматривается как множество взаимопроницаемых кластеров, в приложении к социальным процессам – сетевых сообществ, где число коммуникаций между акторами выше, чем по сети в целом. Изучение сетевых сообществ социальных сетей при помощи *paqs* – программ с последующей визуализацией в *Gephi.com* позволило выявить закономерности этапов развития сетевых сообществ, а также приступить к созданию сетевой логики [2]. Концепция кластерной структуры коммуникаций в сети применима если не для абсолютно всех систем, то для многих, характеризующихся некоторой динамикой коммуникационного обмена. Мы понимаем, что универсальность принципа требует более обширных доказательств и углубленных исследований. Однако уже на нынешнем этапе наших работ информационно – коммуникационный метод позволяет получить новое знание, полученное путем рефлексии результатов применения людьми/группами людей цифровых технологий, дать новое видение устоявшихся концепций прошлого века. Этот метод, описанный в наших ранних работах, позволил показать связь научной мысли первой половины XX века с постмодернизмом, и далее уже выйти на собственные исследования сетевого взаимодействия. В том числе поставлена амбициозная цель: попытаться вывести постмодернизм из «тупика» в дискуссии с философами – постмодернистами.

3. СУБЪЕКТНОСТЬ АКТОРОВ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

3.1 Субъективации в постмодернизме

Проведем небольшой анализ одного из важных тезисов постмодерна «о смерти субъекта». Существование субъекта в картезианском смысле – субъекта мыслящего (*cogito ergo sum*) оспаривает Ж. Лакан в ряде трудов, в том числе и в докладе на конференции в г. Балтимор (США) в 1966 году. С его очки зрения, прежде всего как профессионального психоаналитика, субъект есть утраченный объект восстановленный в фантазме и не обладающей «интенциональным единством» [12]. Специально остановившись на анализе ряда целых чисел, он выделяет «два» как сущности вещи ($n+1$) утверждая диадическую природу своего мышления. Исходя из этого он предполагает наличие «мерцающего субъекта»,

появляющегося и исчезающего, что соответствует общему представлению 1960-х годов о кибернетической модели сознания, которое возможно описать в двоичном коде (либо 1 – да, либо 0 – нет). Расширяя понятие субъекта от его классической дефиниции Ж. Лакана, не отрицает «структурного аспекта системы вычисления» включающий понятие «объект». С точки зрения Ж. Деррида в концепции Ж. Лакана нет, в сущности, «ликвидации» субъекта. «Децентрированный субъект, о котором он говорит, без сомнения не обладает чертами классического субъекта (и опять же стоило бы взглянуть поближе...), но, тем не менее, субъект остаётся необходимым для экономики лакановской теории. В равной мере, он является коррелятом закона.» [13]. От вопросов субъективации мышления индивида к субъективации человека, как субъекта в социуме, так как именно в социуме проявляется субъективация, и ожидается решение вопроса философской антропологии XX века переходит Э. Балибар. Предметом его анализа становится дихотомия гражданского становления как субъекта и субъективация гражданина, [devenir-citoyen du sujet et du devenir-sujet du citoyen] [6]. Как видим здесь применен диадический подход, что связано скорее с психоанализом, к которому постмодерн обращается также часто, как и к тексту, как первооснове вещей. Примером тому может быть деятельность основателя «Грамматологии» Ж. Деррида который в то же время призывал «не забывать психоанализ [8].

Краткий обзор был бы не полон без упоминания М. Фуко, П. Рикера, М. Батая, Ж.-Л. Нанси, чьи концепция «смерти субъекта» были подробно рассмотрены в последние годы [3], [4].

В целом субъект и сам процесс субъективации воспринимаются в XX веке в двух противоположных ракурсах как вещь и как процесс одновременно. Линейное понимание субъективации в рамках «классического постструктурализма», противоречило объективной картине сетевого взаимодействия изучение которой стало возможно в настоящее время.

Рассматривая пути развития информационно – коммуникационных технологий Ф. Гваттари предвидел новые практики субъективации в эпоху пост-медиа (по всей видимости имея в виду широкое распространение социальных медиа, то есть настоящее время). Упомянутому выше тексту «Тупик постмодернизма» предшествовал ряд лекций. На одной из них он расширил своё выступление говоря, что новые технологии «будут способствовать сознательному перераспределению технологий связи и обработки данных... 1) продвижение новых форм коллективного соглашения; 2) ...расширение банков данных до сетевых масштабов; 3) не-

ограниченное умножение “экзистенциальных рычагов”, позволяющих приобщиться к изменяющимся творческим сферам... [При этом] децентрализация и субъективная автономизация постмедийных операторов не будут соответствовать изъятию или постмодернистскому типу» [10].

3.2. Диалектика сетевого взаимодействия в кластере

Возвращаясь после краткого исторического экскурса в современное нам время повсеместного распространения сетевых коммуникаций, существенная часть которых проходит в разного рода социальных сетях, мы видим происходящую субъективацию или, по – иному развиртуализацию акторов межличностного и межгруппового взаимодействия. Именно в границах кластера – сетевого сообщества создаваемая и распространяемая актором информация приводит к повышению субъектности актора, как личности, воспринимаемой другими участниками сетевого сообщества.

В это же время создаются математические модели без-масштабного сетевого взаимодействия А.-Л. Барабаша и Р. Альберта [7] и несколько позже Ж. Бранкони и М. Хассана [11] и др., дающие с философской точки зрения математический аппарат упорядочивания движения информации в сети, придавая сетевому взаимодействию исчислимую вероятность, что позволяет философской рефлексии опираться на теоретические математические модели и практику изучения сети, что привело нас к пониманию кластерной природы сети. В социальных коммуникациях сетевые сообщества отграничены по аксиальному, ценностному признаку. Часть пользователей, имеющих сходные ценности, а следовательно сходные коммуникационные коды стремятся больше коммуницировать друг с другом, нежели с сетью в целом, что связано со снижением затрат ресурсов на кодирование/декодирование сообщений. Это вполне логичный выбор при огромном числе участников сетевого взаимодействия и лавинообразном потоке информации в социальных сетях. Ценности, выраженные в считываемых символах, понятные всем членам сообщества способствуют социальной агрегации. В то же время комплексная идентичность человека побуждает его пребывать в нескольких сообществах одновременно, что позволяет «связывать» сообщества коммуникациями.

Наличие коммуникаций между акторами сетевого взаимодействия, стратификация самих сетевых сообществ, лидерство *ad hoc* в сообществах обуславливают субъективацию акторов позволяют выявить «хозяина *difference*» в терминологии Ж. Деррида, ибо информация «различа-

ния» не пребывает в некоем поле, но распространяется по линиям взаимосвязи внутри сетевого сообщества.

Развиртуализация субъекта наступила в социальных сетях и позволила применить законы диалектики при анализе сетевого взаимодействия [1].

Если рассматривать сетевое взаимодействие в процессе субъективации акторов кластера, то очевидно, что множественность восприятия при близости ценностей, а именно это и является условием образования кластера, предполагает наличие общего, для участников сетевого сообщества коммуникационного кода, а следовательно, и диалектически связанных пар восприятия символов «мы – они». Единство восприятия противоположностей, является признаком принадлежности актора к данному сообществу [1:82]

В сетевом взаимодействии, в рамках кластерной парадигмы, проявляются и другие законы диалектики. Диалектическая смена сетевой формы коммуникации линейной и далее вновь сетевой в период этапа информационной активации кластера с последующим переходом на этап самовоспроизводства есть не что иное как процесс отрицания отрицания. Количественное увеличение числа коммуникаций актора в рамках сообщества приводят к качественным изменениям статуса актора [1:84].

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наличие диалектического начала говорит об упорядочении сетевого взаимодействия, подчинения его законам вероятности, возможность исчисления взаимовлияния акторов кластера. В то же время это свидетельствует и об субъективации акторов ad hoc, то есть о возрождении понимания субъекта в сети кластера, и в то же время практически сведению до минимума роли релятивизма при анализе сетевого взаимодействия. При сетевом взаимодействии роль наблюдателя исчезает, так как внешнее наблюдение над данной сетевой коммуникации это уже соучастие в данной или иной сетевой коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бреслер, М. Г. Онтология сетевого бытия / М. Г. Бреслер. – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2020. 110 с. – ISBN 978-5-7831-2005-3. – EDN KGJEBQ.

2. Бреслер, М. Г. Тезисы сетевой логики / М. Г. Бреслер // Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития : Сборник научных трудов Международной научной конференции, посвященной 80-летию научного руководителя Института философии и права СО РАН В.В. Целищева, Новосибирский Академгородок, 25–26 февраля 2022 года. – Новосибирск: ЗАО ИПП "Офсет", 2022. – С. 9-16. – DOI 10.47850/S.2022.1.2. – EDN UYPSUT.

3. Монастырская И.А., Булгакова С.А. Концепт субъекта в современной французской философии / Монастырская И.А., Булгакова С.А. // Социально-гуманитарные знания, 2019. № 5, С. 274-280.

4. Сербул А.А. «Смерть субъекта»: философско-культурологический анализ проблемы субъекта в постмодернистском дискурсе. /А.А. Сербул// Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук, 2011, №. 2, С. 51-56.

5. Тасич В. Математика и корни постмодернистской философии / В. Тасич; пер. с англ. В.В. Целищев. – Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. – 368 с.

6. Balibar Étienne (2011) *Citoyen sujet et autres essais d'anthropologie philosophique*. Presses Universitaires de France, «Pratiques théoriques», ISBN: 9782130520023. DOI: 10.3917/puf.balib.2011.02.

7. Barabashi A. L. (2015) *Network science*. /Albert-László Barabási Director, Center for Complex Network Research, Northeastern University. – Cambridge. UK: Cambridge University Press.

8. Derrida, J. (1990). Let us not Forget—Psychoanalysis. *Oxford Literary Review*, 12(1/2), 3–7. <http://www.jstor.org/stable/43974457>

9. Genosko Gary (ed.) *The Guattari Reader*. Oxword, Blackwell, 1996 P.109 – 113

10. Guattari F. (1986) *The Postmodern Dead End*, trans. Nancy Blake, *Flash Art* 128: 40-1 in *The Guattari Reader*, for ed. Gary Genosko. Oxford, Blackwell. 1996. P. 113

11. Hassana, M. H. et al. (2017) Degree distribution, rank-size distribution, and leadership persistence in mediation-driven attachment networks. /Md. Kamru Hassan, Liana Islam, Syed Arefinul Haqueeb. // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. V. 469:23-30

12. Lacan J. (2016) *De la structure comme immixtion d'une altérité préalable à un sujet quelconque*. In materials *Conférence à Baltimore, 1966, La Cause du Désir*, 3 (94), p. 7-17. DOI: 10.3917/lcdd.094.0007.

13. Major, R. (2002). Derrida, lecteur de Freud et de Lacan. *Études françaises*, 38(1-2), 165–178. DOI: 10.7202/008398ar

СООТНОШЕНИЕ МОРАЛИ, ПРАВСТВЕННОСТИ И ПРАВА В ФИЛОСОФИИ И.КАНТА

*Гейдарова Гюнель Санан кызы (Баку, Азербайджан)
Институт Философии и Социологии НАНА*

Аннотация. Цель исследования – выявить теоретико-методологический подход видного представителя немецкой классической философии Иммануила Канта к соотношению понятий морали, нравственности и права, проанализировать методологические условия и принципы отношения права и морали, основы и особенности развития фундаментальных правовых категорий и эпистемологических проблем, выдвинутых И.Кантом в области практического мышления.

Ключевые слова: классическая немецкая философия, Кант, мораль, право, нравственность, этика, понятие.

1. ВВЕДЕНИЕ

Сегодня исследование понятий права, морали, свободы и нравственности, а также их взаимосвязи невозможно без обращения к классической немецкой философии, т.к. большинство новых идей, возникающих в современной западной философии, берут свое начало из ее истоков. В классической немецкой философии понятия права, морали и нравственности и отношения между ними исследуются на основе диалектических методов. Хотя Кант, Шеллинг и Гегель выдвигали разные взгляды на вопросы права и морали, нравственности и свободы, свободы воли и нравственных отношений, общим моментом, объединяющим их, является рациональный, научно-теоретический подход к соотношению права, морали и нравственности. Чтобы добраться до сути этих понятий, нужно понять, что все они основаны на принципе свободы и других важных гуманистических ценностях. То есть сущность и взаимоотношения существующих понятий разрешаются в контексте понятия свободы.

В подходе представителей классической немецкой философии к вопросам морали, права и нравственности явно наблюдается влияние И. Канта.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

По идее права, представления И. Канта о государстве и политике находятся в гармонии с идеальным государством Платона. И. Кант признавал, что учение о государстве и праве было наиболее развито в его философской системе. Он считал мораль важнее и значимее закона.

Опираясь на личную теорию «чистого разума», Кант отстаивал превосходство существовавшего ранее объективного мышления о божественном происхождении права. В своем учении Кант отстаивает мысль о том, что мораль шире и выше права, и вообще его философские мысли, тесно связанные друг с другом, движутся от морали к праву. С этой точки зрения, в философии Канта понятия морали, нравственности и права тесно связаны и дополняют друг друга и объединяются в понятии «свобода».

В философии Канта мораль – идеальное понятие. Кант не полностью отделяет право от этики. В.Ф.Асмус отмечает, что, по Канту, этическое законодательство шире правового, так как оно не включает в себя внутренние мотивы в праве.

Однако закон не исключает вопроса о внутренних мотивах личности. Следовательно, правовое законодательство является частью этики. Потому что этические законы содержат не только этические обязанности, но и юридические обязанности. В этом смысле право считается особым следствием категорического императива [1, с.308].

В основе кантовской философии права и этики, его философской системы в целом лежит идея свободы. Для исследования сущности свободы, Кант закладывает основы современной методологии и, прежде всего, формирует гносеолого-методологический подход к пониманию феномена свободы как основы право-нравственных отношений. Такой подход позволяет анализировать «законы природы» и законы права и морали в родственной форме. Этот подход позже оказал важное влияние на развитие философии, этики и юридических наук, а также их координацию.

По Канту, априорная максима разума является источником норм нравственного и правового порядка. «Право есть совокупность условий, при которых произвол одного лица встречается с произволом другого в рамках общего закона свободы» [2, с.143]. По Канту, свобода есть первоначальное право каждого человека.

Закон определяет дозволения и запреты. Согласно абсолютному императиву Канта, следует действовать только в соответствии с максимой, и она должна стать общим законом. Он пишет: «Всегда рассматривай человечество как цель, никогда не относись к нему как к средству».

Его первая формула содержит требование уважать закон, осознавая свой долг, а вторая формула – требование видеть в человеке обязательное чувство собственного достоинства. Для Канта абсолютный императив – это нравственный закон внутри человека. Он утверждает: "Внешне поступай так, чтобы свободное проявление твоей деятельности было совместимо со свободой каждого по общему закону" [2, с.140]. Кант разделяет естественное и положительное право. Естественное право априорное и основано на требованиях разума, положительное право же - историческое явление и должно основываться на естественном праве.

По Канту, воля человека связана как с рациональным, так и с инстинктивным чувством. Свобода воли определяется выбором, сделанным между ними. Эта возможность выбора позволяет реализовать нравственный закон через его рациональное категорико-императивное начало и избавляет его от подчинения чувственно-связанной необходимости. Возможность выбора есть негативная свобода. Выбор требований разума (умение выбирать добро) есть нравственная свобода, а выбор добра на основе чувств есть несвобода.

В общественно-политической действительности, где нет правового государства и законодательства, нравственно свободный человек является носителем, источником и творцом норм государственного законодательства, правовых принципов и норм. Он всегда находится в конфликте с государством и обществом. Это проявляется, прежде всего, в конфликте морали и политики, государственного законодательства и политики. Потому что между его моралью и правовой системой государства существует противоречие.

Ведущим принципом кантовской морали является понятие «категорический императив», непосредственно затрагивающее проблему соотношения права и морали. Анализ идей Канта показывает, что человек может реализовать свою свободу только тогда, когда он подчиняется велениям нравственного закона и сознательно следует правовым нормам. Соблюдение нравственных законов является обязанностью человека. Поэтому понятие долга занимает центральное место в практической философии Канта. Он пишет: «Сделайте принципы, управляющие волей, принципом всеобщего законодательства» [2, с.179].

По Канту, государство - это, прежде всего, орган, защищающий права личности, а государство и личность несут взаимную ответственность друг перед другом. То чего требует от государства отдельный человек, может требовать государство от него. Именно поэтому он обосновывает и развивает идею правового государства для защиты прав личности. Этот подход вытекает из его этико-правовой концепции.

Согласно философии Канта, право, с точки зрения всеобщего закона свободы, есть «совокупность условий, при которых произвол одного человека совместим с произволом другого» [3, с. 52-57].

Один из ведущих исследователей философии Канта Э.Ю. Соловьев отмечает, что формула И. Канта «равенство в свободе по всеобщему закону» включает три условия:

1. Свобода человека не определяется законом. Закон признает его свободу только как морально-этическую и антропологическую реальность.

2. Основная задача права - точная классификация критериев свободы в общественных отношениях.

3. Основным смыслом философии права Канта связан с ограничением свободы. Личная свобода находит свои пределы в равной свободе других. Поскольку свобода личности ограничена государством, ограничительная сила равенства распространяется и на само государство [4, с. 141].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По Канту, закон без принуждения создает понятие справедливости, а принуждение, не основанное на законе, создает понятие необходимости. Законодательная власть должна принадлежать воле народа. Граждане должны пользоваться правами свободы, равенства и независимости. Важнейшие задачи права, вытекающие из анализа понятия свободы личности, делают необходимым реализацию определенных принципов для гражданского общества.

Они следующие:

1. Предоставление свободы каждому гражданину как человеку;

2. Каждый гражданин имеет равные права с другими;

3. Независимость каждого члена общества как гражданина [2, с.122].

Таким образом, хотя Кант и оценивал понятие права с идеалистически-этической стороны, в вопросе соотношения права и свободы он утверждал, что право определяет необходимую меру свободы, а также показал, что право, отделенное от нравственности, или нравственность, не предусмотренная законом, являются неполными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М.: Высшая школа, 2005 (Классика философской мысли), 440 с.308

2. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 2: Метафизика нравов / И. Кант. М.: Мысль, 1967, 511 с.143

3. Минаев К.А. К вопросу о юридической природе ограничений прав и свобод в контексте соотношения права и свободы. Вестник Саратовской государственной юридической академии № 2 (97), 2014, 256 с. 52-57

4. Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005, с.148

УДК 101.3

СЦИЕНТИЗМ VS АНТИСЦИЕНТИЗМ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В ВУЗАХ

Е.В. Гладышева (Москва, Россия)

канд. филос. наук

МИРЭА — Российский технологический университет

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы преподавания философии в современных вузах. Проводится противопоставление сциентистского и антисциентистского понимания предмета философии. Автор статьи настаивает на недопустимости сведения курса философии только к преподаванию гносеологии и философии науки и техники. Требуется увеличение часов на преподавание дисциплины «Философия», чтобы была возможность показать все многообразие мировых и отечественных философских систем, в том числе и для студентов технических специальностей. Особую роль автор уделяет истории отечественной философии.

Ключевые слова: сциентизм, антисциентизм, философия, история отечественной философии, высшее образование, воспитательная работа со студентами.

1. ВВЕДЕНИЕ

Изучая историю отечественной культуры, мы сталкиваемся с критикой модного на рубеже XIX – XX вв. позитивизма многими выдающимися мыслителями. Например, критиковал позитивистский подход к ис-

тории профессор Московского университета и основатель Московских высших женских курсов историк В.И. Герье. Магистерская диссертация создателя философии Всеединства В.С. Соловьева называлась «Кризис западной философии. Против позитивистов». В сборнике «Вехи» статьи П.Б. Струве «Интеллигенция и революция», С.Л. Франка «Этика нигилизма», Н.А.Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда», С.Н.Булгакова «Героизм и подвижничество» вскрывали пагубную роль некритического увлечения российской интеллигенции западными идеями позитивизма, материализма, атеизма и марксизма [1]. Критика позитивизма осуществлена С.Н.Булгаковым в его работе «Философия хозяйства» [2], а также в статьях «Основные проблемы теории прогресса» [3], «Религия человекобожия у Л.Фейербаха» [4] и др.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Критика религиозными мыслителями позитивизма не случайна. Еще со времен античности философия делится на две традиции: идеалистическую линию Платона и реалистическую (научную) линию Аристотеля. Линия Аристотеля с XIX века приобретает направление позитивизма (или сциентизма) с его верой в безграничные возможности человеческого разума, силу науки в решении не только технических, но и социальных и личностно-экзистенциальных проблем. В современных технических вузах при сокращении часов на преподавание философии ее предмет зачастую сводится только к сциентистской трактовке, ограничивающейся вопросами гносеологии и философии науки и техники, вершиной чего является проблематика искусственного интеллекта. О всем многообразии истории мировой и отечественной философии на протяжении 27 веков (с VI века до н.э. по современное время) преподаватели просто не успевают рассказать студентам. Так как, согласно позитивистам, наука несовместима с религией, религиозная философская традиция критикуется как исторически временный пережиток, конец которого возвестил еще Ницше фразой «Бог умер».

Следует отметить, что марксистско-ленинская философия, являющаяся идеологией в Советском Союзе, также была сциентистской по своей ориентации, так как марксизм, опираясь на экономику, трактовал себя как единственно верную научную философию. Соответственно, философия считалась наукой о наиболее общих законах бытия, общества и мышления человека (диалектический и исторический материализм, и ло-

гика). Антисциентистское направление стремится показать все многообразие философской проблематики на протяжении всей истории философии, включая аксиологию, этику, эстетику, религиозную философию, экзистенциальные проблемы. Надо отметить, что при современном сведении курса философии только до 8 лекций и 8 семинаров, сциентистско-настроенные преподаватели не читают вообще историю философии, включая отдельные разрозненные сведения из истории философии в так называемые теоретические вопросы (онтология, гносеология и т.д.). При этом теряется понимание студентами философских портретов отдельных исторических эпох. Такой подход представляется ошибочным, т. к. в отличие от конкретных наук, составной частью современной философии является ее история, нельзя же историю любознательности начинать с XXI века.

Линии сциентизма и антисциентизма наблюдаются и в преподавании отечественной философии. Сциентисты здесь, как правило, начинают с эпохи Просвещения (отказывая более ранней отечественной культуре в наличии философского знания), допускается материалистически-революционная линия, перешедшая в марксизм и из философии рубежа XIX-XX веков допускается только русский космизм (особенно, в его естественно-научной интерпретации). Темы цельного знания, соборности, всеединства, софиологии считаются излишними как ненаучные (дескать, студентам технических вузов все это не важно и не интересно).

Представляется, что только сциентистский подход не может в должной степени выполнить современную задачу соединения воспитательной и образовательной функций гуманитарного знания. В рамках только гносеологии, философии науки и техники и искусственного интеллекта трудно говорить со студентами о нравственности, ответственности, патриотизме, гражданственности. В сциентистской парадигме, скорее, воспитывается глобалист - «IT-кочевник, который работает там, где больше платят, живет, где работает, общается в соцсетях и все свои нужды удовлетворяет через интернет». Для такого «социального атома» не понятны нравственные ценности милосердия, благотворительности, служения на благо ближнего и др. Часто сциентизм избегает темы трансгуманизма, хотя это вполне вероятный вектор дальнейшего развития цивилизации, если мы пойдем этим путем. Критике идей трансгуманизма посвящены работы недавно ушедшего от нас отечественного философа В.А.Кутырева [5, 6].

Представляется необходимым наряду с историей мировой философии обращать отдельное внимание на историю отечественной философии

фии, начиная не с XVIII или даже XIX веков, а с момента крещения Руси в X веке, переводах на славянский язык патристической литературы («Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского, сборника изречений и наставлений античных мыслителей «Пчелы», словаре терминов «Палее Толковой» и др.), создания древнерусскими мыслителями оригинальных сочинений с углубленностью в нравственную проблематику («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Притча о душе и теле» Кирилла Туровского, духовное завещание своим детям «Поучение Владимира Мономаха») [7].

Следует также отметить, что отечественная философия, начиная со славянофилов («цельное знание») и концепции Всеединства В.С.Соловьева не противоречит науке, а призывает к единству философского, религиозного и научного знания. Искомое единство воплотилось в личности выдающегося отечественного мыслителя Павла Александровича Флоренского, чье 140-летие со дня рождения отмечается в этом году. Так, будучи священником, религиозным философом и ученым одновременно, за 1927 год П.А.Флоренский запатентовал 12 открытий в области химии и физике. В начале 20-х гг. П.А.Флоренский подготовил к печати курс лекций по «Энциклопедии математики», напечатал работы «Мнимости в геометрии» и «Число как форма», участвовал в первом издании Большой советской технической энциклопедии (выходившей в 1927-1936 гг.). С 1919 года о. Павел Флоренский работал в области техники сначала на заводе «Карболит», а затем при Главэлектро, где занимался вопросами электрических полей и диэлектриков, что относилось к создающимся тогда первым электростанциям плана ГОЭЛРО. Одаренность и разносторонность таланта Флоренского проявилась в его работах по электрике, промышленной технике, товароведению, астрономии, оптике, математике, истории искусства, перспективной живописи, фольклору, филологии и литературе. Он знал несколько европейских и восточных языков. На древнееврейском, греческом и латинском языках читал и писал без словаря. Однако, перечисленные таланты и служение науке на благо Отечеству не спасли его от большевистских репрессий, он был расстрелян в 1937 году [1, С. 92-93]. О необходимости современным ученым знать и понимать философию и культуру, о помощи гуманитарного знания в решении современных научных проблем говорит в своих многочисленных выступлениях перед студентами отечественный ученый в области нейронауки, доктор биологических и филологических наук, член-корреспондент РАО Т.В.Черниговская.

Роль русской религиозной философии и современной отечественной философии, продолжающей эту традицию, отчетливо прозвучала на конференциях, посвященных 100-летию «Философского парохода». Так, О.Д.Куракина в своем докладе «Русский космизм: Русская классическая философия XXI века», говорит о том, что брешь в марксистско-ленинской идеологии первому удалось пробить русскому космизму в связи с программой освоения космоса. Автор понимает понятие «русский космизм» шире чем только идеи Н.Ф.Федорова, В.И.Вернадского и К.Э.Циолковского, но ведет их от славянофилов и В.С.Соловьева, далее включая всю русскую религиозную философию (С.Н.Булгаков, П.А.Флоренский, Н.О.Лосский, Б.П.Вышеславцев, И.А.Ильин), считая ее задачей Общее дело созидания. Автор выделяет четыре периода в возвращении философии русского зарубежья на Родину: 1) 1970-1987 гг. – возрождение технократического космизма освоения околоземного межпланетного пространства, связанного с появлением отдельных статей о творчестве К.Э.Циолковского, В.И.Вернадского и Н.Ф.Федорова; 2) 1988-2000 гг. – понятие «русский космизм» выходит за пределы технократического понимания, включая в себя всю самобытную русскую философию XIX-XX вв.; 3) 2000-2022 – оформление русского космизма как наиболее адекватной отечественной идеологии. Автор предполагает начало 4-го этапа, когда русский космизм станет национальной идеологией и философией, перейдет в понятие «русская идея» и философия как профессия станет философией как призванием [8, С. 52-55]. Также можно вспомнить мысль А.В.Гулыги о том, что «русская идея – это предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении» [9, С. 33]. О.Д.Маслобоева в своем докладе «Космическая функция человека в рефлексии русского зарубежья первой половины XX века» показывает проекты самовозрождения человека, предлагаемые соборным творчеством мыслителей русского зарубежья первой половины XX века, что представляется особенно актуальным в «контексте современной апокалиптической альтернативы» [8, С. 59-61].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляется, что лишать российских студентов сокровищ отечественной культуры и философии недопустимо в современной ситуации крайней необходимости их самоидентификации. Невозможно воспитать ответственного гражданина и патриота без знания своих корней (вспом-

ним поговорку «Дерево без корней — трава»). Студенты сами определяют со своим мировоззрением (мы не можем навязывать свое). Однако, мы можем и должны показать им все многообразие мировых и отечественных философских традиций.

Представляется необходимым увеличить часы на преподавание философии в вузах (вернуться к прежним 16 лекциям и 16 семинарам в течение года). Понимание студентами истории мировой философской традиции во всем ее многообразии (включая философию Древней Индии и Древнего Китая), а также понимание специфики отечественной философии способствует лучшему пониманию студентами самих себя и окружающей их действительности. Это необходимо для осмысления молодыми людьми своей иерархии ценностей и наиболее гармоничного встраивания своей жизни в историческую судьбу и культуру своей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX века. Перевод с англ. С.С.Хоружего, УМКА-PRESS, 2019.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства / Соч. в 2-х тт. Т.1 – М.: изд-во «Наука», 1993, С. 47-297.
3. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса / Соч. в 2-х тт. Т.2 – М.: изд-во «Наука», 1993, С. 46 — 94.
4. Булгаков С.Н. Религия человекобожия у Л.Фейербаха / Соч. в 2-х тт. Т.2 – М.: изд-во «Наука», 1993, С. 162-221.
5. Кутырев В.А., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. — Я антропоконсерватор: хочу остаться человеком...как можно дольше // Философская мысль. – 2019. – № 4. – С. 50 - 61. DOI: 10.25136/2409-8728.2019.4.29525 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29525
6. Кутырев В.А. Философия трансгуманизма: Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. – 85 с.
7. Гладышева Е.В., Гладышева С.Г. История отечественной философии. Практикум, М.: МИРЭА, 2021, 29 с.
8. Русская философия XX века и ее вклад в мировую интеллектуальную традицию. К 100-летию «Философского парохода». Тезисы международной конференции. В 2 тт. Т. 1. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 400 с.
9. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М.: ЭКСМО, 2003. - 448 с.

**СТРАТЕГИИ МИКРОАНАЛИЗА В СОВРЕМЕННОМ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ:
МЕТОДОЛОГИЯ С ГУМАНИСТИЧЕСКИМ АКЦЕНТОМ**

И.И. Гусева (Королёв, Россия)

доктор филос. наук

*Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А. А. Леонова*

Аннотация. Рассматриваются стратегии микроанализа социально-го в современных социально-гуманитарных науках в контексте неклассической рациональности. Гуманистический потенциал этих стратегий анализируется на материале истории и социологии, т.к. именно эти науки являются архетипами соответственно идеографической и номотетической научных дисциплин. Поскольку речь идёт о микроанализе, историческую науку представляет микроистория, социологическую – качественная социология, включающая в себя и микросоциологию. Показано, как смена исследовательской оптики в микроистории формирует исследовательские стратегии и техники, задающие новые «точки сборки» социально-исторического универсума. Подходы качественной социологии рассмотрены на примере биографического метода; показано, что это метод нацелен не столько на воссоздание объективной логики определённого социального порядка, сколько на выявление субъективных установок, ценностей, смыслов акторов.

Делается вывод, что эпистемологическая специфика стратегий микроанализа на легитимных основаниях способствует возвращению в поле научного исследования жизненных траекторий представителей народной культуры, субъективного опыта и ценностей носителей массового сознания. Тем самым реализуется гуманистический потенциал современных наук о человеке и обществе, делающих акцент на микроракорсы социального и качественные методы их исследования.

Ключевые слова: стратегии микроанализа социального, гуманистический потенциал микростратегий, микроистория, биографический метод в социологии.

1. ВВЕДЕНИЕ

Неклассический взгляд и на природу, и на общество иначе расставил акценты, выявив сложную диалектику объективного и субъективного в познании, отказавшись от притязаний на обладание абсолютной истиной. В естественных науках пришло понимание того, что познающий субъект – не просто инструмент познания, но его основа, причина и цель, определяющая перспективы и практические горизонты применения знания. Гуманистический же потенциал наук об обществе и человеке в неклассическом контексте стал воплощаться в новых форматах: пафос «высоколобой» науки, знающей, как должно быть и как действительно будет, указывающей единственно истинные пути массовому сознанию, уступил место, может быть, не такой впечатляющей, но более насущной и кропотливой работе, в которой гуманистический посыл «наук о духе» конвертируется в сами установки и стратегии исследования.

Статья посвящена анализу гуманистического потенциала стратегий микроанализа в современном социально-гуманитарном знании. Автор опирался на концепцию радикальной социальности В.Е. Кемерова [4], исследование эволюции научной объективности Е.А. Мамчур [6], работы микроисториков, поднимающие проблемы эпистемологии исторической науки – К.Гинзбурга [1], Ж. Ревеля [7], С. Черутти [10], исследование принципов и методов гуманистической социологии В.В. Семёновой [8], а также на анализ биографического метода в контексте качественной социологии (И.Ф. Девятко, В. Фукс-Хайнриц) [3], [9]. В исследовании применялись следующие методы: системный, герменевтический, диалектический. Цель исследования – показать, каким образом методологические принципы и установки микроанализа социума и культуры раскрывают гуманистический потенциал социально-гуманитарного знания. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: 1. Показать, как варьирование масштаба анализа в микроистории приводит к осуществлению гуманистической составляющей знания; 2. Проанализировать направленность качественной социологии на примере биографического метода на «возвращение субъекта» в социологическую науку. Научная новизна заключается в выявлении гуманистической направленности методологии микроанализа социального: показано, каким образом эпистемологическая специфика стратегий микроанализа с их установкой на преобладание индивидуального над типическим способствует возвращению индивидуальных форм социального в научный и культурный контекст.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

2.1. Оптика микроистории: от эпистемологии к гуманистическим ценностям

Во времена господства концепции Больших структур [5, с. 89] в социально-гуманитарных науках учёные-гуманитарии, социальные аналитики представляли не просто как исследователи, но как пророки, вещающие о судьбах человечества, обладающие всеведением относительно путей его развития. Эта ситуация довольно типична для классической науки вообще: так, в естествознании классических времён познающий человек должен был смотреть на мир, по известной характеристике Б. Рассела, как смотрел бы Бог, из некоей абсолютной системы отсчёта.

За отказом от привилегированного ракурса, откуда открывается полнота знаний о социальном универсуме, последовало кардинальное изменение образов социальной реальности. В социально-гуманитарных концепциях XX в. социальный мир предстал многомерным, объёмным, стереоскопичным, а варьирование масштаба анализа сделало доступными для изучения новые ракурсы социума и культуры. Смена исследовательской оптики наиболее рельефно воплотилась в стратегиях микроанализа социального (микроистория, микросоциология) [2]. Эти стратегии значимы не только в плане эффективно работающей методологии – они интересны также тем, что самой логикой исследования при выборе такой оптики реализуется гуманистическая составляющая знания. Покажем это на примере микроистории, давно ставшей не только самобытным направлением в историографии, но и широко известной среди гуманитариев дискуссионной площадкой для обсуждения эпистемологической природы социально-исторического знания.

При переключении с «телескопа» на «микроскоп» в исследовательском поле появляются такие «пренебрежимые» с макроисторической точки зрения величины, как обещания, ожидания, притязания, взаимные обязательства обычных людей. Характерно, что сами микроисторики выступают против онтологизации масштаба наблюдения и рассматривают открывшиеся под «микроскопом» ракурсы истории и культуры как иные «точки сборки» социума в исторической ретроспективе [7, с. 240]. Например, в исследовании С. Черутти показано, что уменьшение масштаба даёт возможность рассмотреть с «близкого расстояния» критерии социопрофессиональной стратификации и увидеть те факторы, которые

выступали реально конституирующими для создания городского миропорядка [10, с. 38]. Следовательно, микроисторический анализ выступает как процесс деконструкции априорных социальных классификаций.

Однако этот интерес к временам протоиндустриализации имеет и ярко выраженный гуманистический посыл: вопрос о цене прогресса заставил посмотреть на историю не только как на поле деятельности выдающихся личностей, но и с точки зрения тех, кто заплатил эту цену, порой чудовищную, полной мерой. Вот как сказал об этом Ж. Ревель, один из главных идеологов движения микроистории: «...интеллектуальное поколение, которое двадцать лет назад со священным трепетом относилось к аппарату власти, с большим воодушевлением встало в защиту маргиналов, изгнанных, альтернативных истории благородных бандитов, инакомыслящих и анархистов, всякого рода отверженных» [7, с. 249].

Историческая реконструкция в таком формате возвращает в коллективную память представителей народной культуры, инакомыслящих, «диссидентов» тех времён, которые без усилий микроисториков так и остались бы безликой массой, безмолвными участниками исторического действия. Таким образом, исследовательские принципы и техники, используемые в микроистории, приводят к тому, что эта ветвь историографии достигает высокого гуманистического пафоса, извлекая из забвения «истории жизни» конкретных представителей «мира доминируемых».

«Возвращение субъекта» в качественной социологии (на примере биографического метода)

Как известно, фундаментом того или иного типа научной рациональности является трактовка критерия объективности, интерпретация той меры соотношения объективного и субъективного, которая позволяет говорить о достоверности результатов исследования даже при учёте принципа «неустранимой роли наблюдателя», ставшего одним из значимых регуляторов неклассической методологии.

Сами категории объективного и субъективного претерпели исторические изменения. Достаточно напомнить обоснованное известным российским методологом науки Е.А. Мамчур различие объективности и объектности, являющееся лейтмотивом её монографии «Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии)», где автор убедительно показывает, что знание, не будучи объектным, может быть объективным [6]. Не следует отождествлять интерпретации объективности, существовавшие в определённом культурно-историческом и научно-философском контексте, с объективностью как таковой.

Яркой иллюстрацией новых трактовок соотношения объективного и субъективного в социально-гуманитарных науках выступает биографический метод. Издавна применявшийся в историографии, он стал эффективным инструментом анализа в социологической науке, традиционно считавшейся эталоном номотетической дисциплины, что свидетельствует о новых тенденциях научной рациональности [9, с.11 - 41]. Показательна его эволюция в самой социологии: из периферийного инструмента для изучения групп, для которых проблематичны масштабные обследования [3, с. 40], в контексте качественной социологии он превратился в одну из приоритетных стратегий исследования индивидуальных форм социального, которые в классической науке оставались «за кадром» научного анализа.

Известный отечественный социолог И.Ф. Девятко в книге «Методы социологического исследования» размышляет о том, что основная интенция биографического метода требует достаточно радикального переосмысления критериев объективности исследования: «Действительно, социолог здесь должен прежде всего определить, какова «собственная история», личная трактовка субъекта. То, как субъект сам определяет ситуацию, в данном случае важнее, чем то, какова ситуация «сама по себе» [3, с.42]. Этот вывод, конечно, звучит как «крамольный» с точки зрения принципов классической рациональности. Если пользоваться терминологией Е.А. Мамчур, происходит отход от «объектности» классического типа: исследователя интересует не ситуация «сама по себе», а её интерпретация человеком, который во взаимодействии с другими создаёт свою идентичность, конструирует значимые для себя смыслы, оценивает происходящее и в соответствии с этим выстраивает собственные жизненные перспективы. Это объективность неклассического образца: анализируются локальные формы бытия социального, и в этом ракурсе сам действующий индивид предстаёт как конституирующее начало «ткани» социальной жизни.

Вообще, качественное исследование в социологии – это исследование конкретных людей в конкретных жизненных ситуациях. В.В. Семёнова, автор пионерской работы по этой проблематике в отечественной литературе, характеризуя качественные методы как основу гуманистической социологии, однозначно связывает статус последней с переходом от макро- к микроанализу социальной жизни [8, с. 27]. Важно, что само определение «гуманистическая», употребляемое как синоним «качественной» социологии, свидетельствует о ярко выраженной гуманистической направленности этой парадигмы современной социологической науки.

Таким образом, направленность на локальные, индивидуальные формы бытия социального, присущая биографическому методу как одной из версий качественной социологии, способствует «возвращению субъекта» в социологическую науку.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, эпистемологическая специфика стратегий микроанализа на легитимных основаниях способствует возвращению в поле научного исследования жизненных траекторий представителей народной культуры, субъективного опыта и ценностей носителей массового сознания. Эти ценности, установки и субъективный опыт выступают самостоятельными компонентами этого среза социальной реальности, а не просто обезличенными факторами её конституирования. В научном контексте происходит «реабилитация» конкретики социального, реконструируются и становятся самостоятельным предметом анализа «истории жизни» людей из «мира доминируемых», которые раньше выступали в основном как материал для обобщения и типизации. Тем самым реализуется гуманистический потенциал современных наук о человеке и обществе, делающих акцент на микрокурсы социального и качественные методы их исследования.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более глубоком выявлении механизмов взаимодействия методологической и гуманистической составляющей микроанализа. Практически же научный интерес к конкретике социально-исторического способствует включению этого ракурса научной рациональности в общую панораму культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. Сборник статей / Пер. с ит. и послесловие С.Л. Козлова. М.: Новое изд-во, 2003. 348 с.

2. Гусева И.И. Микрокурсы социального и стратегии их исследования. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. №2. С.15-20.

3. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 208 с.

4. Кемеров В.Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 3 – 13.

5. Кемеров В.Е. Кризис, который всегда с тобой // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 89–98.

6. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФ РАН, 2004. 242 с.

7. Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Современные методы преподавания новейшей истории. М.: ИВИ РАН, 1996. С.236 – 261.

8. Семёнова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 292 с.

9. Фукс-Хайнриц В. Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология, практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 11 – 41.

10. Черутти С. Социальный процесс и жизненный опыт: индивиды, группы и идентичности в Турине XVII века // Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2003. С. 27 – 57.

УДК 504 (502.131.1)

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Саки́т Яхья́ оглы́ Гусейно́в (Баку, Азербайджан)

доктор филос. наук

Институт Философии и Социологии НАНА

Гюндуз Курбанали оглы Сулейманов (Баку, Азербайджан)

доктор филос. наук

Институт Философии и Социологии НАНА

Аннотация. В докладе разъясняется суть экологической безопасности с терминологической точки зрения. Обосновывается необходимость широкого участия общественности, и просвещения общества в области экологической безопасности мира с социально – философской точки зрения. Отмечается, что управление рисками является одним из важнейших условий обеспечения экологической безопасности и является показателем уровня развития экологической культуры общества.

Ключевые слова: экологическая безопасность, климат, окружающая среда, глобальные проблемы.

1. ВВЕДЕНИЕ

Экологическая безопасность означает устранение существующих и потенциальных экологических угроз на местном, региональном и глобальном уровнях. А как понимается экологическая опасность в философском понятии? В некоторых научных публикациях экологические опасности интерпретируются как «угроза природной среде и жизненно важной среде для человека, общества, государства и мира в результате природных и антропогенных воздействий» [1].

Ученый в области экологической безопасности Хотунцев Ю.Л. предлагает комплексный подход к изучению экологической безопасности, изучая ее взаимосвязи и взаимозависимость, представляя экологические, социально-экономические, техногенные и военные факторы угрозы [2].

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Прежде чем анализировать понятие опасностей для окружающей среды, мы должны сначала взглянуть на терминологический характер понятия опасности. Ученые Никаноров А.М. и Хоружая Т.А. делят угрозу на 3 группы: 1. Военные угрозы: глобальная ядерная война, распространение оружия массового уничтожения, международные перевозки оружия, крупные войны и локальные конфликты; 2. Экономические и социальные угрозы: массовая мобильность, голод, экономический коллапс, нестабильность капитала, чрезмерный рост населения и урбанизация, международная миграция, генная манипуляция, пандемия (эпидемия населения страны); 3. Экологические угрозы: изменения в составе атмосферного воздуха и его социальные последствия, загрязнение природной питьевой воды, океанов и прибрежных вод, обезлесение и опустынивание, эрозия почвы и потеря плодородных почв, риски биотехнологии, химические вещества, опасные для окружающей среды, и токсичные отходы, производство, транспортировка и применение материалов, передача опасных технологий в развитые страны и экспорт опасных отходов в эти страны [3].

Однако нам кажется, что более целесообразно принять простое и лаконично сформулированное определение современной реальности, в отличие от всех экологических предписаний. Это показывает, что экологические опасности представляют собой реальную и возможную угрозу, которая может привести к антропогенному и естественному воздействию на здоровье человека и ухудшению состояния окружающей среды. Изучение экологической безопасности как неотъемлемой части

национальной безопасности отражено в работах многих ученых. Профессор Берлинского университета Ханс Гюнтер Браух, известный специалист по безопасности, климатологии и энергетике, представил интересные научные данные в недавнем исследовании, рассматривая окружающую среду как источник национальной безопасности.

В своем исследовании Х. Г. Браух изучает проблемы объективного изменения климата, опустынивания, сокращения ресурсов питьевой воды, увеличения населения и увеличения спроса на продукты питания. По его словам, взаимодействие этих факторов в определенных условиях приводит к снижению доступности питьевой воды и продуктов питания, а также ухудшению состояния окружающей среды в целом. Изменение климата, сокращение доступа к питьевой воде и нехватка продовольствия вызывают новые социальные кризисы среди населения. Негативные последствия изменения климата, по мнению Г. Г. Брауха, включают засухи, наводнения и т.д. вызывая стихийные бедствия. Эти стихийные бедствия также приводят к беженцам и экологической миграции. Например, после половины XX века стихийные бедствия в Бангладеше положили конец жизни 1 миллиона населения. Стихийные бедствия также привели к массовой миграции по всей стране. Массовая миграция привела к столкновениям, массовым всплескам и кровопролитию между местными жителями и мигрантами. Засухи в Северной Африке в конце 1980-х и начале 1990-х годов привели к нехватке воды и продовольствия. Засуха в Марокко в эти годы привела к резкому росту цен на продовольствие в стране. Рост цен на продовольствие привел к общенациональным забастовкам и гибели сотен людей в кровавых столкновениях между забастовщиками и полицией.

В этом контексте глобальные и местные проблемы экологической безопасности должны быть включены в программы национальной безопасности. Благодаря своей структуре и национальным приоритетам, экологическая безопасность включена в стратегии национальной безопасности многих стран. Например, во время президентства Клинтона в 1994 году было решено интегрировать экологическую безопасность в общую стратегию национальной безопасности страны.

В рамках этого решения США активно работали над экологизацией международной политики, включая международную торговлю. Экологическая безопасность также является важным компонентом безопасности человека, что отражено в документах ООН. Например, в Отчете о человеческом развитии за 1994 год глобальная практика экологической безопасности (личная, групповая, государственная, региональная, глобальная) основана на экономической, продовольственной, политической,

личной, медицинской и экологической безопасности. Это важнее и с теоретической, и с практической точки зрения. Потому что без глобальной экологической безопасности было бы невозможно обеспечить экологическую безопасность отдельных людей, стран или регионов. Глобальная экологическая безопасность – это, прежде всего, концепция, направленная на решение проблем экологической устойчивости и развития в рамках экосистемы. Истощение природных ресурсов, изменение климата, деградация почв и отсутствие доступа к питьевой воде и пище рассматриваются как глобальные проблемы, вызванные глобальной деградацией окружающей среды. Вот почему глобальная экологическая безопасность является важной составляющей национальной безопасности в каждой стране.

Концепция экологической безопасности во всем мире основана на теории экологического риска и определении риска, которое является частью применения этой теории. Некоторые эксперты комментируют экологический риск как вероятность деградации природной среды в результате текущей и планируемой хозяйственной деятельности или потери контроля над природными явлениями [4]. Чтобы объяснить концепцию экологической безопасности в социальном и философском понимании, мы должны обратить внимание на концепцию «воспринимаемого риска». До недавнего времени правила экологической безопасности во всем мире основывались на концепции абсолютной безопасности. Дополнительные инженерно-технические средства используются для устранения экологических аварий на объектах, и были приняты меры для обеспечения высокой дисциплины. Считается, что такой подход к техническим авариям может устранить любую экологическую опасность для окружающей среды и людей.

Последовательность в оценке риска имеет особое значение в управлении рисками. Управление рисками является одним из важнейших условий обеспечения экологической безопасности и является показателем уровня развития экологической культуры общества.

Другой важной предпосылкой экологической безопасности является определение уровней экологического риска. Определение уровней риска для окружающей среды помогает изучить степень загрязнения физической системы (атмосферный воздух, вода, земля, еда, жилье и т.д.), которая обеспечивает существование жизни. Например, при изучении воздействия загрязнения воздуха на здоровье человека следует учитывать степень риска для окружающей среды. В социальном отношении воздействие загрязнения воздуха на человека должно приниматься во внимание по полу, возрасту, питанию и общему состоянию организма. Медицинские и социологические исследования показывают, что люди,

подвергающиеся воздействию загрязнителей воздуха, - это преимущественно пожилые люди, дети, курильщики и лица, страдающие хроническим бронхитом и астмой. Жилые районы более подвержены загрязнению воздуха, чем жители крупных промышленных городов по сравнению с сельскими районами.

В последние годы в некоторых жилых районах, особенно в крупных городах, где автомобили переполнены, ученые связывают заболевание легких с чрезмерным загрязнением воздуха из-за вредных газов, выделяемых двигателями. Химическая промышленность занимает особое место среди источников загрязнения атмосферы. Различные соединения, выпущенные в химической промышленности, реагируют друг на друга, создавая высокотоксичные (вредные) соединения и загрязняя атмосферу.

Одним из источников опасности для окружающей среды является загрязнение водоемов. Поэтому защита водосборных бассейнов является одним из основных условий обеспечения экологической безопасности на местном, региональном и глобальном уровнях. Известно, что человек использует воду каждый день для удовлетворения потребностей своей жизни. В связи с этим загрязнение воды представляет особую угрозу для здоровья человека. Все виды загрязнений - химические, биологические, радиоактивные, бактериологические, физические и т.д. - вызваны различными заболеваниями в организме человека.

Человек не только страдает от загрязнения питьевой воды, но и загрязнение водосборов влияет на здоровье людей через пищевую цепь «вода-почва-растение-животное-человек». Бактериологическое загрязнение воды связано со сбросом животных отходов или очищенных сточных вод в водосборные бассейны, что также может вызвать чуму, боли в животе, дизентерию и другие кишечные заболевания. В результате использования загрязненной воды от заболевания возникают различные заболевания, связанные с гепатитом и паразитами, которые являются источником опасности для здоровья человека. Во время купания, стирки одежды и т.д. грязная вода попадает в организм через различных паразитов, которые могут вызывать многие заболевания у людей. Химические загрязнители воды попадают в пищеварительный тракт человеческого организма и оказывают прямое токсическое действие. С другой стороны, загрязняющие вещества собираются водой в питательных веществах и попадают в организм человека при использовании. Во всем мире нитраты занимают основное место среди химических загрязнителей, которые также опасны для здоровья в Европе. Следует отметить, что экологическая безопасность имеет важное значение в каждом компоненте физической системы, которая обеспечивает жизнь для защиты человека и окружающей среды.

Почва является одной из физических систем, которые поддерживают жизнь. Верхняя почва более подвержена загрязнению. Концентрация различных токсикологических соединений накапливается в почве и оказывает разрушительное воздействие на функционирование живых организмов. В результате почва теряет способность к самоуничтожению от болезнетворных микроорганизмов и, таким образом, создает критические условия окружающей среды, которые являются источником угрозы для флоры, фауны и здоровья человека. Анализ научной литературы показывает, что пестициды, минеральные удобрения, промышленные отходы, газы и дымовые выбросы от загрязнения, нефть и нефтепродукты и т.д. являются основными источниками загрязнения почвы. В четвертой четверти 20-го века загрязнение почвы пестицидами стало более распространенным. По словам ученых, более 1 миллиона тонн пестицидов производится во всем мире каждый год. В России в год на душу населения падает 1 кг пестицида. Во многих промышленно развитых странах этот показатель выше. Производство пестицидов во всем мире продолжает расти [6].

Следует отметить, что пестициды в почве проникают в организм человека через питательные вещества растений и животных. Эксперты указывают, что остатки пестицидов остаются в почве в течение 6-36 лет. Длительное присутствие пестицидов в почве в сочетании с тяжелыми металлами (свинец, ртуть, селен, мышьяк), выбрасываемыми в почву промышленными предприятиями, способствует образованию токсичных веществ. Эти токсичные вещества, которые накапливаются в почве, в конечном итоге проникают в организм человека через сельскохозяйственные продукты и вызывают токсичность.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, одним из источников экологической опасности для здоровья человека и окружающей среды являются городские свалки, где накапливаются канцерогенные и высокотоксичные вещества, а также участки земли, где твердые промышленные отходы собираются рядом с объектами. Токсичные вещества, накопленные в почве, вызывают различные заболевания в организме человека. Особая роль тяжелых металлов, выбрасываемых в окружающую среду, заключается в загрязнении как почвы, так и атмосферы. Исследования показывают, что воздействие тяжелых металлов на окружающую среду на организм человека является более выраженным в районах вблизи источников отходов. Это объясняет-

ся тем, что материалы, выбрасываемые в атмосферу, не летят очень далеко и попадают в близлежащие районы, создавая техногенные биохимические зоны. При изучении экологических опасностей, вызываемых загрязнением воздуха и почвы тяжелыми металлами в местах обитания, можно выявить негативное воздействие этих металлов на организм человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Словарь терминов и определение. М., МГФ «Знание», 1999, с.368
2. Хотунцев Ю.Л. Экология и экологическая безопасность. М.: «Академия», 2002, с. 311-312
3. Никаноров А.М., Хоружая Т.А. Экология. М.: Изд-во «ПРИОР», 2000, с.140-141
4. Экологические основы природопользования. М.: Изд-й Дом «Дащков и К», 2002, с. 233
5. Воронков Н.А. Экология общая, социальная, прикладная. М.: «Агар», 2000, с.169
6. Коробкин В.И. Передельский Л.В. Экология. Ростов на Дону: «Феникс», 2003, с.331

УДК 141.32

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

А.В. Жидченко (Москва, Россия)

канд. ист. наук,

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Аннотация. Статья посвящена историографическому анализу проблем осмысления современными российскими историками философского контекста термина «повседневность». История повседневности как одно из актуальных направлений антропологически ориентированной парадигмы исторической науки, имеет философскую теоретическую основу, которая остается в широком контексте зачастую лишенной обосно-

вания в конкретных исторических трудах. При описании повседневной жизни отдельных социальных групп ученые-историки чаще всего опираются на социологические, этнографические и антропологические исследовательские модели.

Ключевые слова: повседневность, философия повседневности, история, культурология, парадигма, социология.

1. ВВЕДЕНИЕ

Антропологический поворот в гуманитарных науках обусловил появление новых направлений исследований. В исторической науке актуальным и востребованным после перестройки и обновления познавательной парадигмы стало такое направление как история повседневности. Разработка теоретико-методологического арсенала истории повседневной жизни в конечном счете опирается на философскую базу.

Поэтому в предлагаемой работе основное внимание будет сосредоточено на анализе современных философских подходов к категории «повседневность», которая является базовой для ряда исследовательских подходов, как в исторической науке, так и в широком спектре наук социогуманитарного профиля. Как замечают И.Т. Касавин и С.П. Щавелев, философский анализ повседневности «все чаще рассматривается в русском и зарубежном философствовании уже не просто в качестве важной, но одной из многих проблем гуманитарного анализа, как прежде, а скорее, в роли универсального условия, исходной предпосылки человеческого бытия и познания вообще, самых разных их форм и уровней» [1, с. 68].

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В проблемном поле истории повседневности сегодня выделилось множество разных подходов ее рассмотрения. Например, Н.Б. Лебина пишет о повседневности как о «направлении, представители которого соединяют элементы материальной и духовной культуры, изучая жилище, одежду, семью, досуг, питание, рождение, смерть. Это история маленьких житейских мирков, своеобразная альтернатива исследованиям, сосредоточенным на глобальных политических событиях, общественных структурах и процессах» [2, с. 13].

Среди российских философов повседневность, а также смежные проблемы обыденного и массового сознания рассматривали: М.М. Бахтин,

Е.И. Кукушкина, С.Ф. Денисов, Золотухина-Аболина Е.В., Белов В.Н., Марков Б.В., Липский Б.И. и др. Широкое осмысление категория повседневность получила в трудах Е.В. Шевцова и С.Н. Боголюбовой.

Российские философы И.Т. Касавин и С.П. Щавелев используют различные подходы в поисках дефиниции повседневности. С точки зрения онтологического подхода, повседневность – это необходимость (для каждого человека уделять внимание повседневным заботам), повторяемость (которая доходит до цикличности и ритмичности времени и событийного наполнения обыденного существования), замкнутость (типичных пространств повседневности), консервативность (обыденных начал жизни и форм культуры), усредненность (принципиальная общедоступность, соразмерность «рядовому человеку» повседневных задач, знаний и способов деятельности), массовидность (распространения обыденных феноменов), отнесенность (к частной жизни, приватному).

Психолого-эпистемологический подход характеризует повседневность такими прилагательными, как: обязательное, постоянное, вполне предсказуемое, узнаваемое. В конечном счете, они образуют «обыденное сознание» [1, с. 15-18].

Говоря о социологии повседневности, авторы выделили несколько исследовательских ракурсов человека индустриального времени: зонирование пространства обитания в быту (квартире, ее комнатах, деловых и спальных районах мегаполисов), хронометраж времени выходных и будничных дней, ролевые структуры и функции в разных контактных группах (семейных, офисных, клубных), порядки социализации разных общественных групп, порядок сна, формы питания, ритуалы ежедневные и праздничные, статусные значения пользования сложной техникой (автомобилем, компьютером и т.д.) [1, с. 229-230].

Е.В. Золотухина-Аболина выделяет в качестве первого значения «повседневности» эмпирическую жизнь, имея в виду «наше пребывание в чувственном материальном мире, среди предметов, оказывающих нам сопротивление и все же поддающихся человеческому воздействию» [3, с. 7.]. Другое определение, предложенное автором, характеризует повседневность как сферу согласованных действий, такого поведения, где все взаимосвязаны друг с другом и интерпретируют мир вместе [3, с. 15]. В конструировании своей позиции она во многом опирается на осмысление повседневности австрийского социолога и философа Альфреда Шюца. С точки зрения социальной феноменологии он рассматривал социальный мир как мир значений, переживаемый и интерпретируемый людьми в их повседневной жизни [4, с. 1043-1044].

В новейших философских словарях и энциклопедиях под повседневностью понимается «целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функционировании общества как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности. Повседневность может рассматриваться как онтология, как граничное условие человеческой деятельности. Исследования повседневности подразумевают подход к миру человека и самой его жизни как к ценности. Повседневность — значимая тема в культуре 20 в.» С точки зрения Н.Н. Козловой, «следует различать саму повседневность и теоретический дискурс о повседневности. В настоящее время повседневность как специфическая область социальной реальности выступает в качестве объекта междисциплинарных исследований (история, социальная и культурная антропология, социология, культурология)» [4, с. 143].

С точки зрения культурологии мы можем выделить определение, данное Б.В. Марковым в учебном пособии «Культура повседневности». С использованием бинарных оппозиций словом повседневность он обозначил «сому собой разумеющуюся реальность, фактичность; мир обыденной жизни, где люди рождаются и умирают, радуются и страдают; структуры анонимных практик, а также будничность в противоположность праздности, экономия в противоположность трате, рутинность и традиционность в противоположность новаторству...» [5].

Во второй части работы необходимо соотнести рассмотренные выше подходы с теоретическими и практическими наработками историков в области истории повседневности. Одним из общепризнанных методологов истории повседневности в российской историографии на сегодняшний день является доктор исторических наук Н.Л. Пушкарева. В разделе «Структура и содержание понятия «повседневность»» статьи «История повседневности как направление исторических исследований» она замечает, что наиболее дискуссионным среди историков является вопрос, может ли повседневность быть трудовой, рабочей, производственной. Автор признает, что большинство исследователей включают в повседневность только частную жизнь, и лишь некоторые включают и жизнь трудовую. Очерчивая круг категории «повседневного», она включает в него: событийную область публичной жизни, обстоятельство частной личной домашней жизни, быт, эмоциональную сторону событий и явлений [6].

Для примера практического исследования в области истории повседневности рассмотрим работу Е.И. Косяковой о повседневной жизни города Новосибирска в межвоенный период. В исследовательской моде-

ли автора сначала рассматривается формирование городской среды, на пространстве которой и развивались практики повседневности. Во второй части проанализированы разные аспекты повседневной жизни, однако в основном, они отобраны сквозь призму биологических потребностей человека. Поэтому, большое внимание уделяется жилью, питанию, здравоохранению, гигиене и т.д.

В целом, мы можем фиксировать присутствие в работе Е.И. Косяковой основных категориальных установок онтологического подхода повседневности [8], в частности: необходимости постоянных каждодневных действий, их повторяемости, пространственной замкнутости, консервативности в традиционных формах проживания, усредненности и массовидности, как человеческих взаимоотношений, так и явлений и процессов.

Однако, для более полной характеристики работ по истории повседневности, важно рассмотреть и исследование другого плана. Это работа В.Н. Шевченко «Повседневная жизнь Кремля при президентах»⁴. С одной стороны, здесь могут быть применены социологические инструменты, с другой стороны, объект исследования является специфическим. Однако, и здесь присутствуют те же характеристики, как онтологического, так и психолого-эпистемологического подходов к анализу повседневности. Разделы книги «транспорт президента», «кремлевская резиденция», «визиты», «Прием иностранных гостей» и т.д. демонстрируют те же практики повторяемости и обыденности, пусть и другого уровня.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотрев соотношение философских подходов к повседневности к историческим исследованиям повседневной жизни, мы можем прийти к интересным выводам.

Во-первых, в современных философских исследованиях категория повседневность является достаточно разработанной, как через призму обыденного сознания, так и с точки зрения социальной феноменологии и других подходов. На основе категории повседневности базируется множество теоретических разработок рассмотрения различных сторон общественной жизни.

Во-вторых, историками для реконструкции методологии истории повседневности используются чаще всего позиции социологии, этнологии и антропологии. Разработки философии в широком контексте почти не рассматриваются, однако лежат в основе практических исследований

---

⁴ Шевченко В.Н. Повседневная жизнь Кремля при президентах. М. 2004. 292 с.

истории повседневной жизни. Подспудно они присутствуют как базовые установки функционирования общества в контексте повседневности в различных вариантах конкретно-исторических работ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М. 2004. С. 68.
2. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб. 2006. С. 13.
3. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. / Пер. с нем. и англ. М. 2004. С. 1042-1043.
4. Новая философская энциклопедия. В 4 тт. Т. 4. М. С. 133.
5. Марков Б.В. Культура повседневности. Учебное пособие. СПб. 2008. С. 27.
6. Пушкарева Н.Л. История повседневности как направление исторических исследований. // Перспективы. [Режим доступа: электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm [Дата последнего посещения: 9.10.2012].
7. Косякова Е.И. Городская повседневность Новониколаевска-Новосибирска в конце 1919 – первой половине 1941 г. Автореф. Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. Омск, 2006. 24 с.
8. Шевченко В.Н. Повседневная жизнь Кремля при президентах. М. 2004. 292 с.

УДК 123.1

КАТЕГОРИЯ СВОБОДЫ В РЕТРОСПЕКТИВЕ ФИЛОСОФСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В.В. Зубов (Москва, Россия)

канд. ист. наук

Финансовый университет при

Правительстве Российской Федерации

Аннотация. в настоящей публикации предпринимается попытка изложения ретроспективы категории «свобода» на базе анализа достижений философской и политической мысли Античности, Нового времени, Просвещения, немецкой философии XIX столетия, либеральной пара-

дигмы. Автор приходит к мысли об эволюционной трансформации понятия «свобода» на протяжении развития европейской культуры. Выявленная трансформация рассматривается, с одной стороны, с гуманистической, а, с другой стороны, в сущностном разрезе. Гуманистический компонент заключается в постулировании свободы в качестве высшей ценности, сущностный компонент проявляется в попытках обоснования необходимости установить пределы реализации свободы. В завершении материала говорится о нелинейном характере выявленной эволюции, что объясняется откатами в развитии учения о свободе. В конечном счете автор заключает о непреходящем значении свободы в контексте аксиологической системы развитых обществ.

Ключевые слова: свобода, необходимость, эволюция, детерминизм, права человека, позитивная и негативная свобода, либерализм, марксизм, политика, Просвещение

1. ВВЕДЕНИЕ

Категория свободы в нашей жизни стала настолько распространенной и в некотором смысле обыденной, что всерьез над ее содержанием задумываются, разве что, специалисты в сфере общественных наук. Базовые представления о свободе для мыслящих людей приняли аксиоматический характер, что вовсе не означает тождество современных представлений о свободе и толкования свободы в истории философской и политической мысли. Стало быть, особую ценность приобретает описание и осмысление категории «свобода» в ретроспективе интеллектуальных достижений прошлого, что и является целью настоящей публикации.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Для Сократа категория свободы не относилась к числу основных, в силу чего мыслитель не задумывается над ее содержанием. В принципе о явлении свободы он говорит в контексте диалога. По мнению Сократа, правильно организованный обмен мнениями служит постижению знания, которое суть ядро сократовской философской системы. В отличие от Сократа, Платон свободой дискуссии практически не интересовался. Каждому классу, по его убеждению, соответствует своя добродетель. Также каждому классу ставится в соответствие заранее predetermined функционал. В идеальном государстве достигается соответствие между классом, добродетелью и выполняемыми функциями. Стало быть, свобо-

да для Платона – это реализация человеком своего предназначения, которое детерминируется наследственным положением. Аристотель убежден в том, что именно в сообществе человек способен свободно реализовывать свои качества. Для Аристотеля политическая свобода привязывается к гражданству. Вместе с тем наделение граждан свободой не делает из Аристотеля поборника демократии.

Для Томаса Гоббса свобода представляет собой часть естественного состояния – войны всех против всех. В условиях войны всех против всех господствует естественное право – «свобода всякого человека использовать свои собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы» [3, с. 185]. Таким образом, свобода – это «отсутствие внешних препятствий, каковые препятствия могут часто лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы» [3, с. 185].

С именем Бенедикта Спинозы связывают утверждение «Свобода есть осознанная необходимость», которое нуждается в пояснениях. Центральное понятие в философии Спинозы – субстанция – нечто, существующее самостоятельно без обусловленности чем-либо. Субстанция раскрывается посредством двух атрибутов – мышления и протяжения. Отдельные вещи, которым присущи атрибуты, являются модусами. Субстанция обладает «свободной необходимостью», так как она «свободна как самопричина и подчинена необходимости как следствие самой себя» [9, с. 245]. Модусы лишены свободы, потому подчиняются необходимости. Человек – это модус, в силу чего то «единственное, на что он в этом отношении может рассчитывать, заключается в том, чтобы принять...внешнюю детерминацию как свое собственное добровольное решение» [9, с. 247]. Таким образом, свобода – это признак субстанции, а не человека как модуса двух атрибутов субстанции.

Английский философ Джон Локк говорит о свободе в естественном состоянии и о свободе в рамках общества (государственного состояния). Свобода в условиях естественного состояния – это поведение на основе законов природы. Свобода в условиях государства – это «свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон» [6, с. 275].

Жюльен Офрэ де Ламетри рассматривал свободу в контексте гносеологии и антропологии. Философ понимает под свободой «способность внимательного исследования для открытия истин или обсуждения в целях сознательного решения – действовать или не действовать» [5, с. 127]. Таким образом, свобода представляет собой право человека познавать мир в его действительном проявлении.

Поль Анри Гольбах повторяет тезис Бенедикта Спинозы о свободе как осознанной необходимости: «В человеке свобода есть не что иное, как необходимость, заключающаяся внутри него самого» [4, с. 169]. Тем не менее Гольбах подчиняет свободу необходимости. При этом к необходимости относятся законы природы и человека как сознательного компонента окружающей действительности. Следовательно, свобода — это реализация индивидом имеющегося функционала из возможных.

Жан-Жак Руссо говорит о догосударственном и государственном состояниях. Свобода присуща человеку от рождения, ее содержание включает в себя заботу о самосохранении и исполнении внутреннего морального долга. Естественная свобода основывается на желаниях и физических побуждениях. В условиях гражданского состояния свобода приобретает этический оттенок. По Руссо, только такая свобода «делает человека полновластным состоянием самому себе», ибо «повиновение закону, предписанному самому себе, является свободой» [10, с. 131-132].

Основной категорией системы Г. В. Ф. Гегеля является Абсолютный дух, который обладает монополией на свободу. Однако философ пишет не об объективной свободе, а о ее самосознании: «Сознание, которое есть для себя сущность в бесконечности или в чистом движении сознания — сознание, которое мыслит или есть свободное самосознание» [2, с. 120]. В своем развитии самосознание может двигаться от свободы к отчуждению. Свобода отрицает отчуждение. Последнее предполагает помещение сознания в состояние борьбы, которая сопряжена со страданиями и лишениями. Таким образом, свобода трактуется Гегелем, как минимум, в двух разрезах: самосознание самосознание Абсолютного духа и преодоление отчуждения путем самосознания в ходе преодоления собственного несовершенства.

Философское определение свободы содержится в «Анти-Дюринге» Фридриха Энгельса: «Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы [Naturnotwendigkeiten] господстве над нами самими и над внешней природой» [8, с. 116]. Социальная интерпретация свободы дается в марксизме с критических позиций. Маркс разделяет абстрактную свободу и свободу подлинную: «Господа, не давайте обманывать себя абстрактным словом *свобода!* Чья это свобода? Это — не свобода каждой отдельной личности по отношению к другой личности. Это — свобода для капитала выжимать последние соки из рабочего» [7, с. 416]. Следовательно, свобода в социально-политическом аспекте — это отсутствие классов, преодоление эксплуатации и отмирание частнособственнических отношений.

Джон Стюарт Милль дал подробную характеристику свободы с точки зрения личности в обществе – гражданской свободы. Такая свобода, по Миллю, представляет собой единство следующих компонентов: свободы совести в широком смысле, свободы выбора, свободы объединения.

Исайе Берлину принадлежит оригинальное разделение свободы на позитивную и негативную. Позитивная свобода – это «свобода быть хозяином себе» [1, с. 137] (свобода «для»), негативная свобода – это ограничение от сознательного вмешательства «других людей в ту область, где я без такого вмешательства совершил бы какое-то действие» [1, с. 126] (свобода «от»).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в завершение публикации можем констатировать эволюцию понятия «свободы». Эволюционный характер выражается в приобретении рассмотренной дефиницией как гуманистического, так и сущностного содержания. Данный эволюционный процесс носил нелинейный характер, поскольку периоды содержательного вклада в учение о свободе сменялись стагнацией. Однако свобода занимает сейчас и будет занимать в дальнейшем значимое место в аксиологическом компоненте политической системы любого развитого общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 448 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Академический проект, 2014. 494 с.
3. Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2016. 672 с.
4. Гольбах П. А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. М.: Государственное издательство, 1924. 578 с.
5. Ламетри Ж. О. Сочинения. М.: «Мысль», 1974. 551 с.
6. Локк Дж. Сочинения в трех томах. Том 3. М.: Издательство «Мысль», 1988. 668 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Том 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 616 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Том 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 828 с.

9. Нарский И. С. Западноевропейская философия XVII века. М.: «Высшая школа», 1974. 379 с.

10. Руссо Ж-Ж. Политические сочинения. СПб.: ООО «Издательство Росток», 2013. 640 с.

УДК 14-140.8

ОСНОВНЫЕ ОТЛИЧИЯ ИММОРТ-ФАНТАСТИКИ И ИММОРТАЛИЗМА ОТ ИММОРТОФОБИИ

*М.А. Иванченко (Екатеринбург, Россия)
соискатель в УрФУ им. Б.Н. Ельцина*

Аннотация. В статье раскрываются принципы имморт-фантастики и приводятся отличия философии иммортализма от иммортофобии. Приводятся аргументы и контраргументы относительно необходимости смерти и бессмертия. Бессмертие и самоценность жизни рассматриваются как императивы человеческого существования. Рассматриваются ценность разума, необходимость преодоления смерти, старости, страдания и болезней. Изучаются иммортализм и имморт-фантастика с точки зрения контркультурных элементов. Для достижения цели исследования используется диалектический метод. Предлагается развитие иммортализма как мировоззрения, философии и движения с определяющим влиянием научно-технического прогресса, направленного на метагуманистические цели: признание жизни каждого человека бесценной, установление необходимости бессмертия, поиска способов ликвидации старости и смерти как действительных явлений. Делаются выводы о том, что исследование феномена имморт-фантастики является перспективным направлением в философии, этике и культурологии.

Ключевые слова: трансгуманизм, иммортализм, имморт-фантастика, постгуманизм, литературный жанр, иммортофобия, бессмертие, immortality, transhumanism, immortalism

1. ВВЕДЕНИЕ

Термин «имморт-фантастика» появился в 2017-2019 годах в интернет-сфере. Имморт-фантастика – это контркультура и литературный жанр, характерными особенностями которого являются фантастические

и футурологические элементы, гуманистические мотивы, а также тема бессмертия как позитивного явления. В имморт-фантастике отсутствуют насилие, жестокость, убийства, критика долгой жизни и бессмертного существования. Согласно одному из основателей данного жанра, имеющему псевдоним «Франсуа Мари-Делоне», произведение имморт-фантастики должно быть создано таким образом, чтобы его можно было дать почитать детям, не смущаясь содержания, а также пожилым людям, не стыдясь идей, которые описаны в рассказах и романах.

Сегодня имморт-фантастика развивается в интернет-сообществах, проводятся конкурсы, в которых отбираются тексты для публикации в тематических бумажных и электронных сборниках. Отдельные книги жанра представлены на сайте «Лаборатория Фантастики» и в паблике ВК «Конкурсы имморт-фантастики».

Основной проблемой изучения имморт-фантастики является сопротивление общества идеям физического бессмертия и парадигме ненасилия. Целью исследования является рассмотрение феномена имморт-фантастики и иммортализма как направлений, частично противостоящих трансгуманистическим идеям и возражениям иммортофобии. Задачи статьи состоят в определении основных положений имморт-фантастики, а также анализу каждого положения имморт-фантастики и приведению контраргументов против анти-иммортализма. Новизна представленного исследования состоит в том, что феномен имморт-фантастики в научном сообществе ранее не рассматривался.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

2.1. Трансгуманизм и иммортализм

В данной статье мы исследуем феномен иммортализма как отличный от феномена трансгуманизма, в то время как в общепринятой практике иммортализм рассматривается только как отдельный аспект трансгуманистической мысли.

Согласно адептам иммортализма, для философии иммортализма характерно представление о том, что бессмертие – главная цель человечества, достижению которой следует посвятить все возможные инструменты и средства научно-технического прогресса. Иммортализм, как течение, отличается от трансгуманизма тем, что иммортализм предполагает достижение бессмертия, а также преодоление старости, страдания и болезней для всех людей, в то время как трансгуманизм придерживается

мысли о том, что в Сингулярность должны войти лишь избранные, те, кто вносит существенный вклад в достижение общества будущего.

Таким образом, мы определяем иммортализм как метагуманистическую философию, направленную на достижение бессмертия для всех людей, независимо от их морально-нравственных императивов. Предполагается, что преступников можно перевоспитать, людей с инвалидностью – вылечить, скептиков – переубедить. Иммортализм – это предельная любовь к жизни.

Для исследования иммортализма и имморт-фантастики мы используем диалектический метод.

2.2. Основные положения имморт-фантастики

1. Жизнь самоценна, прекрасна и удивительна, в ней нет места насилию, откровенной пошлости и человеконенавистничеству. Следовательно, имморт-фантастика противопоставляет себя жанрам хоррор, ужасы, постапокалиптика, апокалиптика, антиутопия, эротика. С точки зрения имморт-фантастики считается недопустимым быть иммортофобом, то есть человеком со страхом и ненавистью к бессмертию, и смертистом, то есть человеком, который активно пропагандирует ценность и необходимость смерти.

2. Человеческий разум, его познавательная и креативная сила определяют нас как вид. Нет ничего невозможного, нерешаемого. Нельзя предаваться унынию, мизантропии и сдаваться на милость силам природы.

3. Иммортализм выступает за повышение качества жизни. Страдание, болезни, мучения считаются абсолютным злом, которое нужно преодолеть, чтобы приблизить человечество к благу, счастью, радости. Имморт-фантастика – это о борьбе и преодолении.

4. Главная ценность иммортализма и имморт-фантастики – неограниченная продолжительность жизни человека.

5. Смерть – это враг, это преступление против человечества. Смерть есть то, что необходимо уничтожить. Человек способен справиться с этой проблемой, несмотря на все препятствия. Тот, кто считает, что смерти нет, просто убегает от проблемы. Тот, кто считает, что смерть необходима, не понимает, что каждый прожитый день приносит новые возможности. И никто, на самом деле, не хочет умирать, так как никто не откажется прожить ещё один день, и ещё один, и далее по индукции, когда настанет время умирать. Никто не желает смерти своим близким, даже те, кто сопротивляется идее о бесконечном существовании.

6. Первой причиной смерти является старение, которое происходит вследствие обветшания и разрушения организма.

7. Импорт-фантастика находится в непрерывной дискуссии с актуальной культурой, предлагая ей альтернативу. Никто в истории человечества не был бессмертным, поэтому культура интуитивно сопротивляется невероятно продолжительной жизни, так как у нас нет опыта проживания бессмертия.

Таким образом, мы получаем позитивную и деятельную философию, которая основывается на идее: «последний же враг истребится – смерть» [1].

2.3. Анализ основных положений импорт-фантастики

Первому принципу импорт-фантастики можно противопоставить литературный критерий, позволяющий определить интерес читателя к повествованию. Согласно этому критерию, чтобы вызвать саспенс и катарсис, необходимо создать пространство конфликта и трагедии. Ещё Аристотель писал о том, что именно трагические произведения вызывают катарсис, так как трагедия выше всех остальных жанров [2]. Без внутреннего или внешнего конфликта невозможно создать книгу, которая зацепит читателя. Авторы заинтересованы в продаже своих произведений, поэтому жанр импорт-фантастики не может стать определяющим.

Однако здесь можно возразить, что внутренний и внешний конфликт также присутствуют в импорт-фантастике как неотъемлемый элемент. Не обязательно убивать антагонистов и дейтерагонистов с целью показать трагичность бытия. Достаточно представить ничто, противопоставить его жизни. Переживание ничто приготавливает нас к переживанию смерти, следовательно, помогает переосмыслить жизнь.

С точки зрения реальности, не все люди являются одинаково заинтересованными в творчестве и познании мира. Коэффициент интеллекта также различается от случая к случаю. Общество не готово к переходу на новый уровень. Стоит дать человеку новые ресурсы, как он направит их на самоуничтожение в силу своей несознательности.

Тем не менее, импорт-фантастика предлагает общую идею для человечества – путешествие к звёздам и «воскрешение отцов» [4]. Во имя идеи достижения счастья, человечество может сплотиться, если не будет проводиться агрессивная пропаганда, предлагающая путь саморазрушения и поиска внешнего врага. Процессы глобализации, переведённые на совершенно иной уровень, способствуют объединению человечества.

Среди людей бытует мнение, что страдания и негативные переживания нужны для духовного роста, приобретения нового опыта, а также для самопознания и пути к морально-нравственным императивам. И для контраста, чтобы понимать, что есть добро/зло, радость/уныние, счастье/несчастье и проч.

Однако здесь мы забываем о людях, которые испытывают высшие степени страдания: больные онкологией, пациенты хосписов, неизлечимо больные физически или психически, вынужденные мучиться как от боли, так и от несправедливости бытия. В данном случае повышение качества жизни могло бы стать оптимальным выходом из ситуации, позволяющим не просто преодолеть страдания, болезни, мучения, а переломить ситуацию в пользу счастливых переживаний и полностью исцелить больных.

В качестве контраргументов в пользу неограниченной продолжительности жизни часто приводят глобальные проблемы: экологические, социальные, политические, экономические, религиозные, идеологические.

Проблемы перенаселения, антропогенная и техногенная нагрузка на биосферу, бедность, голод, пандемии, войны – всё это считается бесспорным аргументом против бессмертия.

Здесь можно возразить следующим образом: все эти проблемы являются данностью, и будут существовать независимо от появления бессмертия. Решение этих задач во многом зависит от способности человечества объединиться, и направить коллективные усилия на поиски путей их преодоления.

Некоторые считают, что смерть – это благо, неотъемлемый элемент жизни, способ обновления поколений, дрейфа генов, эволюции человечества. Скептики и стойки полагают, что лишь смерть придаёт ценность существованию. Религиозные люди считают, что посмертие и есть вечная жизнь, а физическое существование – подготовка к жизни постмортем.

Нет никаких доказательств существования Бога, бессмертия души, свободы человека, ещё И. Кант признавал все эти постулаты неразрешимыми [3]. Фактически, мы можем исходить исключительно из действительного положения вещей.

Относительно того, что основной причиной смерти являются старость и болезни, возражений быть не может, так как это очевидно для уровня здравого смысла.

Культура мейнстрима считает смерть неотъемлемой частью бытия человека, так как полагает, что смерть и старость непреодолимы. А если можно преодолеть смерть – то зачем вечно существовать больным, старым человеком?

Среди возражений, которые можно привести по данному вопросу, мы можем указать, что без преодоления старости невозможно достигнуть бессмертия. Поэтому возможность неограниченной жизни неразрывно связана с молодым, обновлённым состоянием тела. Смерть и старость возможно преодолеть, потому что наука и медицина уже позволили нам увеличить продолжительность жизни и улучшить её качество.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования, мы обнаружили, что существует определённые бинарные оппозиции относительно отношения к жизни и смерти между представителями современного общества с одной стороны, и имморталистами с другой стороны. Иммортализм и имморт-фантастика основываются на идее, что человеческая жизнь – бесценна, смерть – главный враг человечества, который необходимо преодолеть. Они переосмысливают морально-нравственные императивы гуманизма, открывая новые грани того, что есть доброе и благое, приводя к зарождению метагуманистического общества. Основные темы и мотивы имморт-фантастики состоят в позитивном отношении к жизни и формулировке базовых принципов иммортализма: самооценности жизни; примату и силе человеческого разума; стремлению преодолеть смерть, старость, страдания и болезни; созданию альтернативной культуры, не подчинённой смертизму и иммортофобии. Мы провели чёткую границу между трансгуманистической идеологией и имморталистской философией. Привели контраргументы с позиции анти-иммортализма и иммортализма, деконструируя идеи анти-иммортализма.

Изучение темы иммортализма и имморт-фантастики представляется нам новой и перспективной областью. Практическая значимость данной работы состоит в том, что она помогает создавать оптимистичный образ философии иммортализма, показывает основные проблемы аргументации иммортофобов, позволяет сформировать новую идеологию, суть которой состоит в преодолении стереотипов относительно бессмертия и смерти. Рекомендуется продолжить тему изучения имморт-фантастики в рамках философии, этики и культурологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кор. 15:26.
2. Аристотель Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск.: Литература, 1998. 1391 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. Минск: Литература, 1998. 960 с.
4. Федоров Н. Ф. Сочинения: В 4 кн. М.: Прогресс; Традиция, 1995 – 2005.

УДК167/168

ПОНЯТИЕ «НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ ФИЗИКИ

В.Н. Князев (Москва, Россия)

доктор филос. наук,

Московский педагогический государственный университет

Аннотация. Рассматривается эпистемологический статус понятия «научная парадигма» в современной фундаментальной теоретической физике. Само понятие «научная парадигма» трактуется, вслед за Т. Куном, как важный познавательный конструкт наряду с физическими теориями. Без этого понятия невозможно охарактеризовать сложный комплексный характер современного физическо-теоретического знания. Кратко раскрываются содержательные смыслы трех важнейших парадигм фундаментальной теоретической физики с акцентом на реляционную парадигму. Анализируется семантическая роль этого когнитивного феномена.

Ключевые слова: научная парадигма, Кун, эпистемология физики, три фундаментальные парадигмы, реляционная парадигма.

1. ВВЕДЕНИЕ

Введение в историю и методологию научного познания понятия «парадигма» осуществил в 1962 году в работе «Структура научных революций» американский историк и философ науки Томас Сэмюэл Кун (1922-1996),

столетие со дня рождения которого отмечается международной общественностью в этом году. Сам Кун не дал совершенно строгого и однозначного определения парадигмы. И это тоже понятно: любому обобщенному методологическому средству научного познания от «научно-исследовательской программы» И. Лакатоса (1922-1974) или «тематического анализа науки» Дж. Холтона (1922 г.р.) и до «научной картины мира» трудно дать строгое определение. В статье я рассматриваю главный эпистемологический смысл понятия «научная парадигма» как методологического конструкта в фундаментальной теоретической физике.

В указанной работе Куна можно обнаружить несколько смысловых интерпретаций «научной парадигмы». Приведу лишь следующие два его рассуждения: 1) «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [5, с.11] и 2) «В своем установившемся употреблении понятие парадигмы означает принятую модель или образец; именно этот аспект значения слова „парадигма“ за неимением лучшего позволяет мне использовать его здесь. Но... смысл слов „модель“ и „образец“, подразумевающих соответствие объекту, не полностью покрывает определение парадигмы» [5, с. 44]. В частности, парадигма как научное знание характеризует не просто авторскую оригинальную теоретическую модель чего-либо, а неотъемлемо связана с научным сообществом, признающим это знание. Поскольку сам Кун не дал строгого и однозначного определения парадигмы, понимая ее как некую «дисциплинарную матрицу», то современные исследователи вправе давать собственные «рабочие» определения.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Я исхожу из возможности и необходимости следующего определения научной парадигмы: научная парадигма есть совокупность принципов, убеждений и ценностей, принятых (признанных) научным сообществом и обеспечивающих существование научной традиции. Понятно, что в разных науках в силу их специфики и историко-культурных традиций понятие «научная парадигма» может довольно серьезно различаться. Главное внимание обращу на специфику физических парадигм и в боль-

шей степени на парадигмы теоретической физики. Кун был увлечен историей науки от периода античности (Аристотель, Птолемей) до этапа становления и развития классической науки (Коперник, Галилей, Ньютон... Максвелл), а парадигмы физики XX века, по сути, остались вне его внимания. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что, например, патриарх квантовой физики Н. Бор упомянут в книге лишь 3 раза, главные творцы квантовой механики В. Гейзенберг и Э. Шредингер соответственно 1 и 3 раза, а, скажем, Э. Резерфорд, П. Дирак и тем более Р. Фейнман вообще отсутствуют в книге. В отличие от Куна наиболее значимым для меня является физика XX века и начала XXI века. Я не историк науки, а занимаюсь философией и методологией физики. Хотя должен заметить, что и Кун не историк науки, ибо в моем понимании в собственном смысле слова историк науки должен довольно скрупулезно исследовать исторические факты научных открытий во внутреннем сопряжении с событиями жизни конкретных ученых. Разумеется, Кун не занимался таким исследованием, а создавал методологическую схему важнейших этапов развития науки в аспекте смены научных парадигм посредством научных революций.

С моей точки зрения многообразие физических теорий, концепций и парадигм детерминировано сложностью устройства физической природы, включающей в себя микро-, макро- и мегамиры. В силу того, что физическая реальность столь многолика, характеризуется разнообразием закономерностей, видов связей и типов взаимодействий ныне еще трудно говорить о подлинном единстве физических знаний. Хотя специалисты подчас говорят о единстве физики, единой физической картине мира, но мне представляется, что в таком случае выражается научная вера в потенциальную возможность в будущем такого состояния физического знания. Также как нет сейчас у человечества единой культуры, так и в физике нет совершенного единства. Встречающиеся ныне попытки развития представлений об универсальной научной парадигме не могут быть приняты всеми физиками, ибо у многих из них существенно разные научные убеждения и ценности, сформированные в многообразных научных школах и традициях, в основе которых лежат не только различные математические методы, принципы и личностные интересы физиков, но многое определяется самой спецификой объективности, изучаемой реальности.

Современная физика чрезвычайно многолика, имеет огромное количество идей, гипотез, концепций, теорий и парадигм. Мироззренче-

ски наиболее значимыми из них являются концепции, теории и парадигмы фундаментальной теоретической физики. Базовыми теориями вот уже более столетия являются теории квантовой и релятивистской физики. На основе вариативности интерпретаций этих теорий возникли три особенные формы миропонимания, выраженные во взаимно дополнительных трех фундаментальных парадигмах. Таковыми являются теоретико-полевая, геометрическая и реляционная парадигмы, обоснованию их наличия и самой необходимости их вычленения посвящены публикации проф. Ю.С. Владимирова [2, с. 13-16]. При этом подчеркивается не только сам факт их различий, но и принципиально взаимно дополняющий друг друга их характер: 1) теоретико-полевая парадигма, которая сформировалась как ведущая на основе квантовой теории поля и является господствующей вплоть до сегодняшнего дня, 2) геометрическая парадигма, развивавшаяся на основе релятивистской физики в течение всего XX века, и 3) реляционная парадигма, активно развертывающаяся в последние несколько десятилетий. В рамках каждой из этих парадигм существенно по-разному интерпретируются базовые категории как наиболее фундаментальные понятия современной физики — частицы (тела), поля как переносчики взаимодействий и пространственно-временной континуум. В зависимости от того, какие две из этих категорий можно объединить, формируются разные типы миропонимания (разные парадигмы). С позиций философии физики мне представляется значимым обосновать саму возможность и необходимость признания одновременного существования в фундаментальной физике этого спектра научных парадигм. Природа этих парадигм выходит за пределы традиционно понимаемой теоретической физики. Но это и не чисто философские феномены. С моей точки зрения, это есть методологические конструкты в лоне эпистемологии физики, которые являются во многом базовым фрагментом философии науки.

Развитие идей реляционной парадигмы основывалось на реляционной трактовке пространственно-временных отношений и описании взаимодействий в аспекте концепции дальнего действия. Современная фундаментальная теоретическая физика характеризует «физическую реальность» именно в совокупности трех взаимодополнительных парадигм. Разумеется, в теоретической физике XX века существовала и существует ныне тенденция к унификации фундаментальных теоретических моделей, вплоть до создания «теории Всего». Скажем, если в первой половине XX века лишь предположительно выдвигалась идея един-

ства всех фундаментальных взаимодействий, то ныне эта идея имеет под собой гораздо более весомые основания. В этой связи лауреат Нобелевской премии Ф. Вильчек пишет: «Вдохновившись своими успехами и многому на них научившись, физики вошли в XXI век с идеями для дальнейшего синтеза: идеи, которые приближают к созданию единого описания на первый взгляд различных сил природы» [1, с. 23]. Уже созданные теоретические модели «великого объединения» (грандобъединения) и даже «величайшего объединения» (суперобъединения) свидетельствуют о стремлении выявить глубинную связь между элементарными частицами, вакуумом и гравитацией, тем самым все более проясняя смысл единства микро-, макро- и мегамиров. Однако, если и будет достигнуто создание теории суперобъединения фундаментальных взаимодействий (супервзаимодействие) [4], то это совершенно не будет означать завершения в эволюции физики, ибо она перейдет на новый этап своего дальнейшего развития. Что же касается вычленения трех базовых парадигм фундаментальной теоретической физики, то я считаю, что выработанные ныне аргументы в обосновании каждой из них являются вполне убедительными. Скажем, если в теоретико-полевой и геометрической парадигмах пространство-время задается, по сути, априори (что напоминает субстанциональную концепцию реальности), то развитие идей реляционного миропонимания основывается на реляционной трактовке пространственно-временных отношений.

Чуть более подробно поясню реляционное миропонимание. В основе его (как особого физического мировоззрения) лежит современная интерпретация реляционной парадигмы. Я солидарен с Ю.С. Владимировым, который приложил немало интеллектуальных усилий для разработки своей концепции и выражения сущности реляционной парадигмы в современной фундаментальной теоретической физике. Он пишет: «Анализ показывает, что последовательная реляционная парадигма опирается на три неразрывно связанные друг с другом составляющие:

- 1) реляционный подход к природе пространства-времени;
- 2) описание взаимодействий в рамках концепции дальнего действия (взамен концепции ближнего действия); и
- 3) обусловленность локальных свойств материи глобальными свойствами всего окружающего мира (принцип Маха)» [3, с.155-156].

Еще одним чрезвычайно значимым обстоятельством является то, что в отличие от теоретико-полевой парадигмы (основанной на концепции ближнего действия) реляционное миропонимание реализует по суще-

ству альтернативный подход, выражающий принципы и идеи теории прямого межчастичного взаимодействия Фоккера – Фейнмана (action at a distance) и основанный на своеобразной концепции дальнего действия. Здесь следует подчеркнуть, что, господствовавшая в XX веке теоретико-полевая парадигма, по сути, провозглашала вроде бы окончательную победу концепции близкодействия над дальним действием. При этом сторонники взгляда на значимость дальнего действия явно рассматривались как маргиналы в физической науке. Но все же авторитет идей и воззрений А. Фоккера, Р. Фейнмана, Я.И. Френкеля, Дж. Нарликара, Г.В. Рязанова и других не только существовали в науке, но и получили активное развитие за последние три десятка лет. В рамках реляционной парадигмы электромагнитные взаимодействия теоретически моделируются как более первичные, чем другие фундаментальные взаимодействия. Скажем, гравитационные взаимодействия конструируются как вторичные по отношению к электромагнитным [3, с. 170-172].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует сказать, что эпистемологическая роль понятия «научная парадигма» реализуется в своей методологической функции как одно из фундаментальных познавательных средств. Поэтому анализ статуса важнейших научных парадигм существующих в современной фундаментальной теоретической физике чрезвычайно важен как в силу сложности познания самой физической реальности, так и благодаря многообразию научных школ и традиций, в основе которых лежат различные математические методы, принципы и личностные интересы, научные убеждения и ценностные установки физиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вильчек Ф. Тонкая физика. Масса, эфир и объединение всемирных сил. СПб.: Питер, 2019. 336 с.
2. Владимиров Ю.С. Метафизика и фундаментальная физика. Кн.2. Три дуалистические парадигмы XX века. М.: ЛЕНАНД, 2017. 248 с.
3. Владимиров Ю.С. От геометрофизики к метафизике: Развитие реляционной, геометрической и теоретико-полевой парадигм в России в конце XX-начале XXI века. Состояние и перспективы. М.: ЛЕНАНД, 2019. 408 с.

4. Князев В.Н. Концепция супервзаимодействия в философии физики. М.: МПГУ, 2018. 194 с.

5. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

УДК 172

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛНОЦЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

С. А. Кудрина (Ярославль, Россия)

канд. филос. наук

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Аннотация. Культура плодотворной полноценной коммуникации основана на золотом правиле нравственности (категорическом императиве) и принципах сократовского ведения диалога (полилога).

Ключевые слова: философские основы коммуникации, сократовский диалог, софистика, нефункциональность, дисфункция, золотое правило нравственности, категорический императив.

1. ВВЕДЕНИЕ

Общество для своего сохранения и развития нуждается в культуре продуктивной полноценной коммуникации, постоянно возобновляемой. И у этой культуры, которая является необходимым условием здорового взаимодействия и вообще всякого сосуществования, – глубокие философские корни.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

2.1. Смысл коммуникации

Коммуникация, в частности, диалог – это совместный поиск решений важных вопросов и путь к обнаружению истины. И в процессе этого поиска только взаимное уважение и доброжелательность способствуют эффективному результату, когда слушают, чтобы услышать, а не для того, чтобы поспешно остроумно ответить или во что бы то ни стало опровергнуть.

В противном случае коммуникация превращается в спор ради спора, бессмысленное агрессивное противостояние, которое сводится к борьбе за превосходство и лидерство, когда на первое место выходит навязывание во что бы то ни стало своей воли и собственного мнения.

2.2. Сократовская и софистическая модели диалога

Диалог (полилог) – это форма, представляющая собой продолжение и выражение тех ценностей, которые человек имеет и предъявляет миру. Участие в диалоге есть не только обмен идеями, но и в то же время демонстрация отношения к собеседнику. Сократовская модель диалога нацелена на обнаружение истины, а у софистов – всего лишь на конвенцию, навязывание своей воли на основе полной уверенности в относительности истины и возможности доказать все и добиться всего, что в данный момент удобно и выгодно. Отсюда отношение к собеседнику и вообще отношение к любому другому человеку. На одной чаше весов – трепетное сократовское отношение к душе другого как к священному сосуду, который имеет божественное происхождение и владеет истиной изначально, на другой – софистическая интеллектуальная игра, спор ради спора, навязывание мнения, где собеседник не может и не должен быть услышан, он всего лишь объект манипуляции, представитель массы, средство удовлетворения тщеславия и воли к власти. Диалог для мыслителей первого и второго рода имеет различные цели – так же, как расходятся их ценности. Соответственно, результаты таких взаимодействий получаются качественно различные.

Плодотворный диалог (или полилог) основан прежде всего на допущении равноценности личностей и обратимости коммуникации. Обратимость предполагает, что, устанавливая в начавшейся коммуникации нравственную точку отсчета каким-то своим поступком или жестом, субъект как бы подписывается на то, что готов стать объектом зеркального отношения и ответного действия. Таким образом, он задает в целом именно ту этическую атмосферу коммуникации, в которой сам готов непосредственно участвовать. Эта обратимость возможна лишь при соблюдении золотого правила нравственности: «Как бы вы хотели, чтобы поступали с вами люди, так поступайте и вы с ними». Равноценность в данном случае означает, что другой не менее важен и должен быть услышан. Философски это обосновывается вечностью каждой человеческой души, ее причастностью истине, о которой говорил в свое время

Сократ. Душа каждого человека имеет божественное происхождение и владеет истиной изначально. Следовательно, душа собеседника (собеседников), как и своя собственная душа, – такой же священный сосуд, которым нельзя пренебречь, к которому необходимо бережно относиться, чтобы мудро, терпеливо и деликатно найти совместное решение и ни в коем случае не помешать обнаружению истины, не «спугнуть» ее хрупкое дуновение.

2.3. Риск «пещерной» коммуникации

В спорах на агорах (древнегреч. ἀγορά), или рыночных площадях древнегреческих полисов, где проводились общегражданские собрания, всегда был риск, что будут слушать не того, кто мудро мыслит и рассуждает, а того, кто лишь убеждает в своей правоте, причем делает это, как правило, громко, красноречиво и с напором (возможно, Платон настороженно относился не к идее демократии, а к этим ее конкретным воплощениям, когда все превращалось в софистическую демагогию, а софист для Платона – весьма далекое от истины существо, темнее его души – только душа тирана). Именно такое невежественное пещерное (в платоновском смысле этого слова) мышление и общение приводит в лучшем случае к непониманию, а в худшем – к изгнанию и даже гибели мудрецов, когда общество фактически по собственной воле отказывается от их опыта и знаний. И в конечном счете не выигрывает ни один участник диалога, поскольку к истинно мудрому решению можно прийти только аккордно – ведь город есть единая «ткань», сложное целое, объединяющее взаимосвязанные элементы, где дисфункция или нефункциональность в частном случае непременно становится в той или иной степени нефункциональностью или дисфункцией на уровне всей системы с ее как эмпирически фиксируемыми, так и неуловимыми тончайшими межличностными и межгрупповыми связями. И. А. Ильин предпочел простое выражение этой мысли, процитировав своего отца: «Мы все – одна сплошная ткань. Все друг к другу прикикли, все друг друга держим и друг другом держимся. Если одному плохо, то всем нехорошо, а люди этого не понимают: глупы, близоруки... Бедный человек не одному себе беден, а всем. Нищий человек не у себя просит, а других тревожит, о муке своей говорит, язву свою обнажает. Где беда, там общая беда; где голод, там всем хлеб горек. Безработный не один скитается, мы все им заболели. Все равно как зуб заболит; заболит – и весь человек в смятении.

Несостоятельный человек, неудачник или пьяница – он свою беду во все стороны излучает, всех задевает, всех бременит. И опять вся ткань испорчена; и надо как можно скорее чинить...» [5, с. 437].

2.4. Ностальгия по точке опоры

Но существует и полностью противоположная практика – дефицит «онтологической безопасности», о которой пишет британский социолог Э. Гидденс [3], и криминализация бедности, на которую обращал внимание З. Бауман [1]. В таких условиях современный человек ностальгирует по ощущению социальной реальности с точкой опоры, поскольку ощущает разочарование в каком бы то ни было совершенствовании – ведь «общества, где человек прочно увязывается с совершенствованием социального устройства, в планах больше нет, и нет больше оснований ждать помощи и спасения от общества», а целью становится «улучшение индивидуальной позиции внутри не поддающегося никакому исправлению общества» [1, с. 24-25].

Высокий уровень культуры, уважительная и доброжелательная коммуникация позволяет слышать друг друга, иначе человек понуро бредет по мрачному серому городу в черном и холодном вакууме тоски и одиночества, как безнадежно шел «смешной человек» Достоевского, уставший от боли нелюбви, которую хотелось скорее заглушить смертью, уверенный, что уже «никогда ничего не будет» [4], а потому обреченный на гибель.

Один из простых способов слышать человека – принцип «протоптаных дорожек» («курчатовских тропинок»), когда не создается крупномасштабный утопический проект, а когда закрепляются привычные комфортные социальные практики (в первую очередь полезные).

Еще важной точкой опоры для человека служит возможность осуществления справедливости, которая, по словам В. С. Соловьева, «есть, несомненно, понятие нравственного порядка» [2, с. 101]. В этом смысле человеку дороже справедливость, чем новые технологии и прогресс в целом – ведь прогресс есть движение общества к некому эмпирически фиксируемому результату в виде недоказанного отложенного социального эффекта, который может никак не изменить качество жизни и устраивает на данный момент лишь меньшинство (хотя «прогресс во что бы то ни стало» – вполне практикуемая формулировка). Но не может быть «справедливости во что бы то ни стало», это парадокс и даже нонсенс, поскольку справедливость не требует жертв, к ней и стремятся именно для

их избежания: в справедливых социальных отношениях не может быть победителей и побежденных. Принцип здоровой коммуникации без жертв отражен И. Кантом в его формулировке категорического императива, или безусловного повелевания: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [6, с. 36]. Данный императив действует зеркально и является подлинной трансцендентной основой равенства, поскольку действующий субъект и объект действия здесь равны по достоинству: не желаешь становиться жертвой или средством – не допускай того, чтобы жертвой твоих поступков стал для тебя другой человек, и никогда не рассматривай его как средство.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного, для достижения цели совместного решения той или иной практической проблемы важно качество, содержание диалога. Если действительно поставлена такая задача, необходима как минимум атмосфера доброжелательности и обсуждения в духе сократовского, а не софистического диалога (полилога), чтобы не допустить пренебрежения к человеку и качеству его жизни. Остается согласиться с идеей немецкого социолога Н. Лумана о коммуникации как «базовой операции» [7, с. 68] и риске разрушения социального целого в случае разрушения и прекращения полноценной, содержательной и, следовательно, эффективной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
2. Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. 319 с.
3. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
4. Достоевский Ф. М. Сон смешного человека. Повести и рассказы. М.: RUGRAM, 2018. 356 с.
5. Ильин И. А. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Медиум, 1994. 576 с.
6. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Директ-Медиа, 2012. 80 с.
7. Луман Н. Истина. Знание. Наука как система. М.: Проект leterra.org., 2016. 410 с.

ЖЕНСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТОБОЛЬСКЕ В XIX ВЕКЕ

В. А. Лезьер (Тюмень, Россия)

доктор филос. наук,

Тюменский индустриальный университет «ТИУ»,

Н. В. Сухорукова (Ханты-Мансийск, Россия)

Тюменский индустриальный университет «ТИУ»,

Аннотация. В статье затрагивается вопрос роли женщин в гуманизации общества в Сибири, благодаря становлению и развитию внесловного образования на примере деятельности Тобольского женского Иоанно-Введенского монастыря. Отмечается зарождение системы преподавания педагогики на базе открывшегося при монастыре женского епархиального училища.

Ключевые слова: женщины, миссионерство, просвещение, гуманизация, Сибирь.

1. ВВЕДЕНИЕ

Проблемы, связанные с самопознанием женщин в Сибири девятнадцатого века в социальном и пространственно-временном контексте жизни напрямую связаны с вопросом воспитания и образования девочек, что является фактором развития и становления личности. Немаловажную роль в решении этой задачи играли миссионерские школы и училища, открываемые при в монастырях. Среди последних следует отметить деятельность Тобольского женского Иоанно-Введенского монастыря, при котором было открыто женское епархиальное училище.

Предысторией этого явления стало само устройство оседлой жизни русского населения на вновь осваиваемых сибирских территориях. Этот процесс совпал по времени с высоким духовным потенциалом конца XVI века, выразившийся в массовой канонизации русских святых и окончательным формированием в этот период представлений о «Святой Руси», миссией которой, в том числе, было нести свет христианского просвещения языческим народам.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В настоящей статье обращается внимание на то, что успешными в деле просвещения становились именно женские монастыри, наиболее активные и многочисленные.

Первый сибирский Богородице-Рождественский женский монастырь в Тобольске, основанный в XVII веке, был упразднен в период церковной секуляризации 1764 года. Возобновление монастыря стало следствием устремленности женщин к идеальным духовным началам.

В 1854 году Тобольскому архиепископу Евлампию поступило письмо об открытии в Тобольске женской обители, подписанное просительницами разных сословий Тобольской епархии, вдовами и дочерьми дворян, чиновников, офицеров и мещан.

Община для женщин была открыта в доме дочери тобольского вице-губернатора Екатерины Непряхиной, близкой к кругу ссыльных декабристов. Вероятно, на это решение повлияло ее длительное общение со своим духовным отцом архимандритом Макарием Глухаревым (1792-1847), одним из самых замечательных людей эпохи, самым вдохновенным выразителем и проповедником женского миссионерства.

Большое значение в проповеди христианства среди сибирских аборигенных народов архимандрит Макарий придавал участию в ней женщин. Для этой цели он планировал основание женских обществ, или сестричеств, в которых школьное образование соединялось бы с подготовкой помощниц миссионеров.

В Тобольске состоялось его знакомство с дочерью тобольского вице-губернатора Екатериной Федоровной Непряхиной, которую он в 1830-е годы пригласил к сотрудничеству на миссионерском поприще в Алтайской миссии. Но осуществить эту идею суждено было француженке, Софии Де Вальмон, представительнице высшего сословия, перешедшей в православие. В 1840 году она прибыла из Москвы на Алтай и поселилась в деревне Майме, где устроила небольшую женскую школу. После отъезда из миссии в 1844 году София де Вальмон получала известия о ее деятельности через переписку с Е.Ф. Непряхиной, что говорит о непрестанном внимании женщин тобольского круга к христианскому просвещению сибирских народов.

В 1864 году состоялось открытие Иоанно-Введенского женского монастыря, на первоочередные нужды по устройству келий для монахинь Екатерина Непряхина пожертвовала 2000 рублей, еще 3000 рублей

были пожертвованы на открытие в монастыре школы вдовой декабриста М.А. Фонвизина Натальей Дмитриевной.

Хозяйственная деятельность монастыря была настолько эффективной, что за несколько десятилетий в нем могло проживать свыше двухсот монахинь, послушниц, призреваемых и обучающихся девочек. Различные прикладные ремесла, иконописание, свечное производство, сельское хозяйство и животноводство производилось исключительно собственным трудом, в том числе и непрерывное строительство в монастыре, апогеем которого стала постройка в 1890 году трехпрестольной Троицкой церкви, способной вмещать до 4000 человек.

На средства монастыря была открыта миссионерская школа с приютом для детей крестьян из окрестных селений. В 1885 году школа была преобразована в училище смешанного типа. Впоследствии, обучение мальчиков и девочек разделилось на группы. В 1890-1891 учебном году в школе обучалось 19 татарских мальчиков и 19 русских девочек. Обучение для детей было бесплатным. Для того, чтобы среди родителей не возникало недовольства, что детей мусульман могут обратить в христианство, монастырь выплачивал деньги мулле, отвечающему за духовное наставничество мальчиков. Для преподавания монастырские учительницы изучили татарский язык [1, с. 399-405].

Миссионерская деятельность Иоанно-Введенского монастыря распространилась и на север губернии, где на базе Кондинского Троицкого монастыря была открыта школа для детей народов ханты и ненцев.

Открытое в монастыре в 1866 году женское училище в 1878 году было переведено в Тобольск с преобразованием по уставу епархиальных женских училищ. Одной из его слабых сторон было отсутствие в нем стабильного педагогического персонала. Епархиальные училища не могли рассчитывать на постоянный и устойчивый состав учительских кадров, поскольку их устав не давал учителям, в отличие от всех других лиц духовно-учебной службы, ни права на пенсию, ни каких-либо иных служебных прав. Тем не менее, с 1900 года в училище был открыт специальный класс, где преподавалась педагогика, и в этом же году при училище была открыта воскресная церковно-приходская школа для взрослых [2, с.101].

По сведениям Первой Всеобщей переписи населения по г. Тобольску 1897 года в пансионе Тобольского Епархиального женского училища по ул. Ильинской проживали 208 воспитанниц. В штате состояли начальница училища, законоучитель и инспектор, наставница по хозяйству, учительницы, в том числе рукоделия, учительница начальной шко-

лы при епархиальном училище, 4 воспитательницы и их помощницы, надзирательница при больнице, экономе, швейцаре, дворники, рассыльный. При училище была артель, состоявшая из 16 горничных, кухарок, прачек и 13 рабочих [3].

В далеком от линии фронта Тобольске училище продолжало свою деятельность в годы первой мировой войны и после революции 1917 года. В 1919 году в училище обучались 272 воспитанницы. Фактически занятия в училище прекратились с 4 февраля 1919 года, а 3 марта здание перешло в ведение Тобольского уездного военно-революционного комитета. Все имущество и инвентарь училища были национализированы. Во время военных действий в период пребывания у власти Временного Сибирского правительства в 1918 году некоторые воспитанницы разъехались по домам, а часть преподавателей и служащих епархиального училища были вынуждены покинуть Тобольск, оставив на хранении в здании свое имущество.

С января 1920 года согласно Декрета Совнаркома, все здания бывших учебных заведений, вместе со всем имуществом и инвентарем переходят в ведение и полное распоряжение соответствующих учреждений Отдела народного образования [4].

Много женских имен, скромно и добросовестно трудившихся на ниве просвещения, дало Тобольское Епархиальное женское училище. Так, выпускница училища 1909 года, Ираида Васильевна Самохвалова, в 1920-е годы возглавляла в Тобольске основанный ее мужем, художником Пантелеймоном Петровичем Чукоминым «Музей изящных искусств и библиотеку при нем». В составленных ей ежемесячных отчетах о деятельности Музея в 1923 году сохранились сведения о прибывших на экскурсию солдатах части особого назначения, проезжавшей с севера в г. Омск, о реставрации картин. В последующие годы Ираида Васильевна была известным в Тобольске адвокатом, о которой тепло отзывались горожане [5].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Успехи выпускниц епархиального училища на ниве народного просвещения свидетельствуют о том, что в монастыре, благодаря миссионерской деятельности, зарождались основы педагогики. Требуется дальнейшего изучения то, как на практике соотносилось развитие духовных качеств и практических трудовых умений, что именно давало способность быть наставником и помощником в пространстве «учитель – ученик».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тобольские Епархиальные ведомости, 1 и 16 января 1889 года, №1 и 2.
2. Несколько слов об открытии училища для девиц-сирот духовного звания в Иоанно-Введенском женском монастыре // Тобольские губернские ведомости, 1866, 9 апреля.
3. ГБУТО «Государственный архив в г.Тобольске». Ф.И-417. Оп.2. Д.7. Лл.23-44.
4. ГБУТО «Государственный архив в г.Тобольске». Ф.Р-317. Оп.1. Д.261. Лл.6,14.
5. ГБУТО «Государственный архив в г.Тобольске». Ф.Р-167. Оп.1. Д.225. Л.21.

УДК 32.019.5

ДОВЕРИЕ В СОЦИО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ И ТРАКТОВКИ

А.Ю. Мамычев (Москва, Россия)
доктор полит. наук, канд. юр. наук,
Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований" № FZUG-2022-014

Аннотация. В статье рассматриваются процессы цифровой трансформации общественно-политических отношений в контексте формирования новой социально-технической реальности. В работе обосновывается гипотеза о том, что главными рисками и угрозами цифровизация общественно-политической жизнедеятельности выступает эффекты снижения доверия к действующим политико-правовым институтам и «цифрового бегства» от традиционных форм публично-властного взаимодействия. Отдельно рассматриваются условия и факторы снижения доверия населения к традиционным форматам политики и властно-управленческой деятельности, а также моделируются различные сценарии цифровизации общественно-политического взаимодействия.

Ключевые слова: власть, государство, доверие, право, социально-техническая реальность, цифровое пространство, цифровые технологии.

1. ВВЕДЕНИЕ

Проблематика доверия к публично-властным институтам является одной из ведущих в процессе эволюции современной политико-правовой организации общества. Обращение к ней обусловлено не только значимостью феномена «доверие» для устойчивого и легитимного режима функционирования института государства и его органов в современной России, но и связана с беспрецедентным давлением на функционирования последних в контексте геополитических вызовов и цивилизационных рисков.

Очевидно, что в ситуациях нестабильной внешнеполитической и внутривнутриполитической динамики, неуверенности в будущем, рискогенности развития системы государственной власти и политико-правового порядка доверие к государственным институтам является ключевым фактором стабилизации, основополагающей стратегией устойчивого развития личности, общества и государства, технологий проектирования и управления будущим. Как справедливо отмечал Н. Луманн обеспечить доверие, по сути, означает предвосхитить будущее [1].

Поиск оснований стабильных и оптимально сконструированных властных отношений в любом национальном политико-правовом пространстве суть вечная проблема, включенная как в западный, так и в российский социально-гуманитарный дискурс. Выявление и ясное понимание места и роли доверия общества в целом, отдельных национальных и социальных, государственных и религиозных, творческих и иных групп населения к властным институтам, их деятельности, вектору проводимых ими изменений в государственно-правовой и социально-экономической, духовной и других сферах, представляется не только актуальным, но и имеющим несомненное практическое значение.

Более того, актуальность и значимость проблематики доверия к публично-властным институтам существенно возрастает в условиях современных информационных войн и возрастающей санкционной политики государств, входящих в евро-американскую ойкумену. В этом плане доверие населения к институтам государственной власти – фундамент противодействия современным вызовам и угрозам отечественной государственности, важный ответ тому геополитическому давлению, которое имеет место начиная с 2014 г. и постоянно усиливается вплоть до настоящего времени, а именно в период начала и проведения спецоперации на Украине.

В свою очередь кроме геополитических рисков и цивилизационных угроз в современной общественно-политической реальности важнейшим фактором, связанным со снижением уровня доверия к государственным институтам, является системные искажения и сбои информационного пространства, которое становится ведущей реальностью (цифровой реальностью), в которой освещаются, интерпретируются и разворачиваются реальные и виртуальные события и процессы.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Отечественные властные институты и структуры, принимая социально значимые властно-управленческие решения могут и должны учитывать уровень доверия к ним, а соответственно, к их стратегии, способам решения назревших проблем граждан Российской Федерации, большинства социума, электората и т.п. Только в этом случае можно ставить и исследовать вопрос о легитимности национальной правовой политики в целом и отдельных ее направлений в частности. Трудно спорить и с тем, что легитимность является одной из значимых оснований формирующейся в постсоветский период и по настоящее время концепции эффективности деятельности государственной власти, а соответственно и таких ее проявлений, как эффективность российского управления и законодательства [2].

В то же время цифровая трансформация публично-властных отношений, развитие интерактивных форм и цифровых площадок взаимодействия между личностью, обществом, государством, существо изменяет феномен «доверия». Конечно, в конце XX и в начале XXI века выходили в свет достаточно большое количество публикаций, описывающих изменение в структуре и содержания доверия, выделялись ключевые различия между «традиционным доверием» к публично-властным институтам и «информационным доверием», характерным для третьего тысячелетия [3; 4].

Однако нам представляется, что так называемая «эпоха информационного общества», как показал день сегодняшний, являлась, по своей сути, транзитивным (переходным) этапом к новой цифровой эре развития человеческой организации и формированию новой социально-технической реальностью. Современные новые институты (например, цифровые платформы) и средства (например, автономные цифровые алгоритмы) формируют вокруг индивида субъективный цифровой мир, насыщаемый таргетированной новостной лентой, рекламой, индивиду-

ально ориентированной информацией, что лишает человека доступа к объективному и целостному информационному пространству. Видимое многообразие информационного контента реально сводится к субъективно ориентированному «цифровому вакууму», который конструирует вокруг потребителя данного контента иллюзорную цифровую оболочку и мировоззренческую «цифровую капсулу». Это принципиально иной мир цифрового и интерактивного взаимодействия нежели тот, что моделировался специалистами и футурологами в концепции информационного общества.

В этом контексте отметим, что процессы цифровой трансформации общественно-политических отношений вызывают системный кризис социального доверия к фундаментальным институтам, традиционным ценностям и нормам. Подобный кризис доверия, как справедливо отмечает П. Штомпка, ведёт к утрате общего смысла на уровне институциональной организации общества и разрушению социально-нормативного порядка отношений на уровне повседневного взаимодействия людей [6]. В новой социотехнической реальности цифровые акторы и IT-корпорации сознательно создают ситуации, при которых происходит утрата общественного доверия к традиционным ценностно-нормативной системе и общественно-политическим институтам, а многие политические феномены просто исчезают в качестве значимых.

Так, разнообразные действующие автономные цифровые алгоритмы все активнее выступают участниками или инициаторами общественно-политических дискуссий (например, массового обсуждения принятых властно-управленческих решений) и социальных акций (например, акции несогласных с существующей повесткой дня), которые реализуются не только в виртуальном пространстве, но и в дополненной и общественно-политической реальности. В современном политическом процессе достаточно много фактов, которые фиксируют как, например, автономные боты в рамках публичного обсуждения какого-либо значимого властно-управленческого решения «накручивают» ту или иную позицию (например, поддерживающую или критикующую данное решение). Или имитирующие поддержку общественным мнением определенных изменений в действующее законодательство, во властно-управленческую практику и проч. Другой пример, большинство современных социальных платформ, оказывающих существенное влияние на формирование информационного пространства, направления и содержание общественно-политической

дискуссии, состоят из фальшивых страниц, фейковых аккаунтов и алгоритмически сконструированных информационных контентов (например, из 48 миллионов подписчиков на страницу в twitter Д. Трампа 14 миллионов страниц и более половины обсуждений были имитированными, фальшивыми или из 41 миллионов подписок на официальную страницу информационного портала New York Times более 11 миллионов – фейки, а в обсуждение общественно-политической повестки дня участвовало до 40% автономных ботов [7]). Все это поэтапно девальвирует традиционные институты «общественное мнение», «общественная позиция» и т.п., а реальные человеческие голоса и мнения «тонут» в океане генерируемых ботами, фальшивых мнений, позиций, фейковых аккаунтов. Несомненно, что в долгосрочной перспективе фундаментальные институты общественно-политической организации и традиционные практики публично-властного взаимодействия в итоге потеряют общественное доверие и функциональное значение.

Более того, в рамках глобального тренда на цифровую трансформации политики становится устойчивой и другая тенденция, а именно повсеместная делигитимацией со стороны социальных платформ и метавселенных государственных институтов власти и реализуемой последней правовой политики, где деятельность публично-властных органов и должностных лиц (особенно в сфере контроля, мониторинга и регулирования разнообразных цифровых интеракций, разработке и принятии ограничительных норм, стандартов и требований), интерпретируется достаточно негативно, как препятствующий свободному развитию новой цифровой реальности. В свою очередь, негативный образ государства и его деятельности, подрывает доверие граждан, а также усиливает разработку альтернативных цифровых сервисов, оказывающих более эффективно публичные услуги, традиционно являющиеся прерогативой государства.

Сегодня, мы становимся свидетелями агрессивных и системных атак негосударственных цифровых платформ на устойчивые формы общественного взаимодействия, смысл которых монополизация публичных и частных сервисов, которые традиционно реализовывали, с одной стороны, государство, а с другой – институты гражданского общества. Например, так называемое «цифровое бегство от государства», т.е. настойчивое навязывание пользователю практики перевода всех своих официальных профилей, информации и сервисов с государственных платформ, на платформы частных корпораций, где создаются комфорт-

ные условия для любых форм публичного и частного взаимодействия (плата штрафов, подача заявлений, выдача кредитов, поддержка общественных инициатив и проч.). И, как следствие, высокая активность данных платформ поэтапно ведет к снижению роли и социального значения государства в реализации публичных сервисов, делигитимации традиционных общественно-политических институтов и структур.

Следует также отметить и еще один глобальный цифровой тренд развития, который существенно влияет на цифровую трансформацию национальных цифровых пространств. Это неоимперский тренд глобальной цифровизации, подрывающий доверие к национальной цифровой инфраструктуре и суверенному цифровому пространству. Так, с самого начала появления интернета, неоимперская (американская) модель географической сетевой инфраструктуры создавала центры сбора и хранения информации, мониторинга и управления сетевыми подключениями, размещая их в ключевых центрах евро-американской ойкумены. Так, до сих пор США сохраняет контроль за базовой архитектурой доступа в глобальную сеть, т.е. за деятельностью ICANN (Корпорация по присвоению имен и адресов в интернете). В свою очередь, управление интернет-протоколами, сетевыми стандартами и IP-адресами осуществляется различными неправительственными и международными структурами, крупными операторами связи, которые прямо или косвенно связаны с американским государством и его так называемыми «стратегическими партнерами», что несомненно формирует одностороннюю цифровую гегемонию.

Кроме того, подавляющее большинство сетевых микросхем и чипов, телекоммуникационного, программного и иного технологического оборудования выпускаются американскими корпорациями или по их лицензии [9], которые активно участвуют в государственно-частном партнёрстве с госструктурами (формируя новые властно-элитарные альянсы) в контексте продвижения монополистской модели «цифровой империи». Добавим, что тотальный мониторинг и контроль передачи данных в глобальной сети осуществляется в рамках данных альянсов между государством, американскими операторами связей (AT&T, Spring, CenturyLink и др.) и IT-корпорациями (Google, Meta, Apple, Microsoft и др.), которые используя свои возможности в управлении сетевыми протоколами внедряют программное обеспечение для глобального сетевого контроля и управления: «США установили в интернете программы PRISM и Upstream для мониторинга и контроля данных во Всемирной компью-

терной сети. Эти системы мониторинга, очевидно, установлены в сетях, созданных операторами связи и сети. Без вынужденной суверенной поддержки США сотрудничество для этих операторов невозможно. Аналогичным образом программа PRISM была установлена для того, чтобы девять крупнейших интернет-компаний США в соответствии с “Патриотическим актом” предоставляют данные из сети в рамках сотрудничества с АНБ США» [10, с. 77-78].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует заключить, что в рамках современной цифровой трансформации общественно-политических отношений превалирует ориентация на отмену традиционной публичной политики и продвижение новой форма властного господства. Многие исследователи, анализируя данные тенденции, полагают, что негосударственные платформенные решения больше не нуждаются ни в государстве, ни в обществе, ни в людях (в их традиционном понимании). Они стараются не участвовать в публичной политике и не ориентируются на процессы интеграции общественных интересов и реализацию социальных ожиданий.

Глобальный тренд IT-корпораций – это формирование новых виртуальных вселенных, «вынужденное заключение» и структуризация людей по цифровым капсулам.

Хотя в целом развитие системы цифрового государственного управления России оказывать действенную помощь в решении ряда социальных проблем. Как и в развитых странах мира для его деятельности характерны такие признаки, как открытость, доступность, прозрачность, удобство и простота использования. Грамотно организованное цифровое управление поможет сэкономить ресурсы, минимизирует административные методы работы чиновников государственного аппарата, т.к. при цифровом правительстве граждане не имеют прямых контактов с ними, а основные транзакции идут через Интернет.

Данный фактор может позитивно повлиять на снижение коррупции государственного аппарата.

Однако при осуществлении практическая реализация государственной политики цифрового управления в России может создать существенные проблемы и трудности. Особенно важно не допустить реализации перспективы превращения человечества в управляемое каким-то

властным субъектом автоматизированное сообщество. Эту проблема может быть решена путем укрепления и развития демократических институтов и инструментов их функционирования, и прежде всего, при наличии в обществе эффективного гражданского контроля и высокого уровня гражданской культуры. Если взаимодействие людей и власти при цифровом государственном управлении будет построено на максимальной прозрачности, уважении к культурным и социальным различиям, информационные системы превратятся в децентрализованные объекты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
2. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость: Монография. 2022 / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Издательство «Аспект Пресс». 351 с.
3. Кочетков А.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. 2022. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики – Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. Т 24. № 1. С. 109 – 134.
4. Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. 2020. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации – Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. № 53. С. 188 – 196.
5. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 424 с.
6. Штомпка П. Доверие – основа общества / Петр Штомпка: пер. с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 440 с.
7. Уолш Т. 2062: время машин. М.: Издательство АСТ, 2019. 320 с.
8. «Мы находимся в переломной точке»: представители отрасли – о замещении импорта телеком-оборудования в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russian.rt.com/science/article/989235-telekom-internet-pokrovskii-intervyu> (Дата обращения 01.10.2022 г.).
9. «10 крупнейших полупроводниковых компаний». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nesrakonk.ru/worlds-top-10-semiconductor-companies-tsmintc/> (Дата обращения 01.10.2022 г.).
10. Хунжуй Ч. Киберпространство и суверенитет. Введение в законодательство о кибербезопасности. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

АКТУАЛЬНО ЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ИСТИНА» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ?

И.П. Никитина (Москва, Россия)

доктор филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация: В статье рассматриваются разные трактовки понятия «истина» от классической до прагматистской. Описываются проблемы, связанные с классической трактовкой истины. Анализируются взгляды современных философов науки по поводу использования искомого понятия в современной философии. Автор солидаризируется с позицией тех философов науки, которые высказывают предположение, что в рамках современной философии науки отказ от использования понятия истины вряд ли будет оправданным, так как лишит науку и философское её осмысление необходимого идеала.

Ключевые слова: истина, ложь, абсолютная истина, относительная истина, заблуждение, концепции истины, истина как корреспонденция, истина как когеренция, прагматистская концепция истины, идеал науки

1. ВВЕДЕНИЕ

Понятие «истина», используемое в эпистемологии и философии науки, было введено в философию ещё в античности Платоном и Аристотелем. Платон, а вслед за ним Аристотель предложили определение истины, которое до сих пор считается классическим, наиболее глубоким и точным: «...Тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе, — лжет». То есть, говоря современным языком: высказывание является истинным, если оно соответствует описываемой им реальности и, наоборот, высказывание является ложным, если оно не соответствует реальности, искажает её. Платон, исходя из своей онтологической концепции, сформулировал даже два определения истины. Одно из них полностью совпадало с тем, которое сейчас часто называют аристотелевским и оно рассматривается в рамках современной философии науки как наиболее приемлемая трактовка данного понятия. Второе определение истины, которое Платон

считал даже более точным и глубоким, в настоящее время оценивается как собственно определение ценности, а не истины. Об этом, в частности, пишет российский философ науки А.А. Ивин: «Принято считать, что истина является *свойством* высказываний. Например, высказывание «Сажа черная» является истинным, в то время как высказывание «Сажа белая» ложно. Точнее говоря, истина обычно рассматривается как свойство тех мыслей, или суждений, которые выражаются высказываниями. ...Истина представляет собой, однако, не свойство высказывания, а *отношение* между высказыванием и сопоставляемым с ним фрагментом действительности. Отношением, а не свойством, является и ценность. В обычном употреблении истина и (позитивная) ценность асимметричны. Если высказывание, сопоставляемое с действительностью, соответствует ей, то свойство быть истинным приписывается высказыванию. Когда реальность соответствует высказыванию (тому стандарту, который выражается им), (позитивная) ценность приписывается самому фрагменту реальности, а не высказыванию» [1, с. 123-124]. Таким образом, Платон, вопреки собственному стремлению, даёт не второе определение истины, а определение ценности. Идея А.А. Ивина, заметившего это противоречие в рассуждениях Платона и правильно оценившего второе определение истины у Платона, является очень важной для прояснения ещё более сложного, чем истина, понятия ценности. Однако это не входит в задачи данной статьи, претендующей лишь на освещение актуальности понятия истины в современной философии науки.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Долгое время классическое (аристотелевское) определение истины или, как его ещё называют, «истина как корреспонденция», было единственным при рассмотрении вопросов познания и науки. Однако при его использовании было замечено, что данная трактовка истины приводит к затруднениям, которые до настоящего времени не разрешены. Например, не до конца понятным является фраза «соответствие» мысли реальности. Как эти две разные реальности могут соотноситься между собой, будучи двумя абсолютно несовпадающими формами бытия. Если между чувственным образом и физическим объектом реально увидеть сходство (образ моря может быть «похож» на само море) и в следствии этого говорить о соответствии образа предмету, хотя и с определёнными оговорками. То в ситуации реального предмета и мысли о нём говорить об их «схождении» или соответствии весьма затруднительно. И, действительно,

какое сходство может существовать между высказыванием «Яблоко – плод фруктового дерева» и самим яблоком. Но тогда встаёт вопрос о правильности определения истины, как соответствия высказывания реальности. Этот вопрос до сих пор не решён однозначно, что приводит к появлению мнений, что современной философии полезно будет отказаться от такого неясного метафизического понятия как истина.

Вторая проблема классической трактовки истины связана с критериями её обоснования: как понять, что перед вами истина, а не ложь, а также, как отличить истину от заблуждения. Декарт когда-то предложил в качестве критерия истины ясность и отчётливость самой мысли. Вряд ли этот критерий можно считать универсальным. Так, мы можем высказать две противоположных друг другу мысли, но каждая из них будет ясной и отчётливой: «Кенгуру живут в Австралии» и «Кенгуру не живут в Австралии», но какая из них является истиной?

Иногда предлагается рассматривать непротиворечивость высказывания как критерий его истинности. Действительно, если высказывание внутренне противоречиво, то оно безусловно ложно. Тем не менее, встречаются непротиворечивые на первый взгляд изложения, которые при более глубоком анализе оказываются неистинными.

Ещё один аспект данной проблемы связан с тем, что то, что когда-то в истории познания считалось истинным со временем начинает трактоваться как ложное. Например, когда-то вполне истинной и научной считалась геоцентрическая концепция Вселенной или медицинские суждения Гиппократ и Галена. Сейчас же они признаны ложными. Встаёт вопрос: как происходит переход в процессе познания от ложных знаний к истинным? И почему те знания, которые ранее считались истинными со временем превращаются в ложные? Ответ на эти вопросы был предложен ещё в Средние века: необходимо конкретизировать понятие истины, введя такие понятия как абсолютная истина и относительная истина. Абсолютной истиной обладает только всезнающий и всемогущий Бог, и она является вечной и неизменной. Ограниченный же ум человека способен обладать только относительной истиной, хотя и пытается постичь божественную истину. Но, если истина, которая доступна человеку, относительна, то и человеческие заблуждения можно считать относительными. Следовательно, можно предположить, что в любом заблуждении может присутствовать определённая степень истины. И в процессе познания человечество постепенно отделяет верное от неверного, но приходит не к абсолютной, а только к новой относительной истине.

«Различение абсолютной и относительной истины позволило отказаться от представления процесса познания как серии неожиданных и необъяснимых переходов от заблуждения к истине. Познание мира является цепью последовательных переходов от одних относительных, или частичных, истин к другим относительным истинам. Последние стоят все ближе и ближе к абсолютной истине, но никогда не смогут совпасть с нею» [1, с.131].

Философы-марксисты, размышляя над проблемой относительности истины, предложили рассматривать в качестве её критерия практическую деятельность. Это означает, что, если мы добиваемся успеха, то та мысль, которой мы руководствовались в процессе этой деятельности, является истинной. Очевидно, что в рамках повседневного опыта этот критерий сможет помочь нам отличить истину от заблуждения. Однако в отношении истинности научных теорий он не является универсальным.

Идея, что для обоснования истинности знания необходим выход за пределы теоретического мышления в сферу практики, разрабатывалась также и представителями прагматистского направления ещё с конца 19 века. Так, по мнению Ч. Пирса, главная задача мышления не отражение реальности, а преодоление сомнений, мешающих действиям человека. Похожую позицию занимали философы-прагматисты У. Джемс и Д. Дьюи: познание – это выбор средств для решения «проблемной ситуации» и достижения успеха. Истина – это практическая успешность или полезность идеи. Данный подход к определению истины вызвал закономерную критику со стороны учёных-естественников: если геоцентрическая система вселенной может достаточно успешно использоваться в обыденной жизни человека, это не означает, что она является истинной. В социально-гуманитарном знании данная концепция истины может быть приемлемой при решении определённых задач, но она, тем не менее, не обладает универсальным характером.

В XX веке К. Поппер предложил термин «степень правдоподобности» для оценки истинности результатов познания. Он считал, что с течением времени степень истинности (правдоподобности) научного знания увеличивается. Но попытки дать более точное определение понятию «степень правдоподобности» не имели успешного результата [3]. Поэтому в современной философии науки это понятие не прижилось.

В XX веке было предложено ещё несколько концепций истины. В частности, теория когеренции трактовала истинное знание как знание, способное быть совместимым с уже имеющимся научным знанием. Сто-

ронники конвенционализма считали, что истинным знание становится вследствие соглашения учёных считать его таковым. Эмотивизм считал важнейшим качеством истинного знания его эмоциональную привлекательность. И сегодня продолжаются споры по поводу истолкования понятия истины. Очевидно, что научное знание (истина), как и всё иное, имеет относительный характер. Истинным это знание будет считаться только в рамках своего времени и на основе тех эмпирических данных, которые доступны в это время. Сейчас считается общепризнанным, что ни непротиворечивость, ни подтверждаемость опытом, ни успех в практической деятельности не позволяют нам провести четкую границу между истиной и ложью. «Тем не менее среди всех этих споров прочно стоит основная идея здравого смысла и классической концепции: истинно то, что соответствует реальному положению дел» [2].

Некоторые современные методологи, занимающиеся философией науки, даже предлагают отказаться от этого понятия как туманного, трудно определяемого и метафизического. В частности, указывается на то, что использование понятия истины как цели научного познания придаёт этому процессу неприемлемый для знания телеологический характер. «Действительно ли мы должны считать, - спрашивает Т. Кун, - что существует некоторое полное, объективное, истинное представление о природе и что надлежащей мерой научного достижения является степень, с какой оно приближает нас к этой конечной цели? Если мы научимся замещать «эволюцию к тому, что мы надеемся узнать», «эволюцией от того, что мы знаем», тогда множество раздражающих нас проблем могут исчезнуть» [2, с. 111]. Американский философ уверен, что использование понятия «истина» не может гарантировать адекватность решения научных проблем.

Другой американский философ Л. Лаудан в своём предложении отказаться от понятия истины в современной философии науки исходит из неоспоримого явления, что в мире происходит непрерывный рост знания. Но, в отличие, к примеру, от кумулятивизма, Лаудан рассматривает процесс научного познания не как процесс накопления знания, в результате которого мы достигнем истины, а как постановку и решение проблем. Для того, чтобы сформулировать и решить какую-либо проблему, считает Лаудан, мы не нуждаемся в понятии истины. И Кун, и Лаудан отрицают существования истинного знания, но они уверены, что использование понятия «истина» в философии науки может привести к неясным и спорным трактовкам.

Тем не менее, нужно отметить, что описания развития науки, которые отказываются от понятия истины, очевидно являются неполными. Так, профессор Оксфордского и Санкт-Петербургского университетов У. Ньютон-Смит считает, что описание развития науки только лишь как процесса по решению научных проблем не позволяет решить вопрос о выборе необходимых для решения научных проблем. Далекое не все проблемы и задачи подлежат научному рассмотрению. Ни одно современное научное сообщество не станет заниматься, например, созданием вечного двигателя или решением проблемы способности человека дышать под водой без специальных средств.

Следовательно, замечает Ньютон-Смит, это не подлинные проблемы, так как очевидно, что вопросы, сформулированные подобным образом, являются ложными. [5,р.187]. Истина играет регулятивную роль в науке, и если отказаться от истины, исчезает запрет на произвольную формулировку проблем. Но в практической научной деятельности теории, ориентированные решать проблемы, относительно которых известно, что они ложны, отвергаются именно на этом основании [5, р.190].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные русские философы, методологи А.А. Ивин и А.Л. Никифоров также утверждают, что понятие истины является необходимым для науки идеалом, который указывает скорее направление, чем цель и создаёт у исследователя «чувство верного направления» [1, 3]. Истина труднодостижима, но является тем, к чему учёные должны стремиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивин А.А. Современная философия науки. М.: Высшая школа, 2005. – 592 с.
2. Кун Т. Структура научных революций. С. 111.
3. Никифоров А.Л. Философия науки: история и методология. М., 1998.
4. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. М., 1983.
5. Newton-Smith W.H. The rationality of Science. London-New York, 1981. P.187.

КОНТУРЫ ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО В ФИЛОСОФИИ РОЗАНОВА В.В.

Л.Ю. Пионткевич (Москва, Россия)

канд. филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. Цель статьи - обратить внимание на такие моменты в философии В.В. Розанова, значимость которых в полной мере начинает осознаваться только сейчас, в свете современных исторических процессов, когда тема «переоценки ценностей», завещанная еще Ф. Ницше, и, за давностью лет, успешно превратившаяся в теоретический штамп, вдруг проявилась со всей полнотой эмпирической данности. Стали актуальными вопросы, составляющие боль и нерв русской философии: в какой мере можно согласиться с идеей самодостаточности человека, проявившейся в Западной культуре и захватившей всё цивилизованное человечество. Исходные интуиции В.В. Розанова в решении этой проблемы определяются нежной любовью к человеку, с наибольшей силой, проявляющей себя в связующих человека и Бога, открывающих истину «яко-рых» – в священной тайне пола, семье и национальном мире как «земле обетованной».

Ключевые слова: детство, пол, материнская любовь, целостность, религия, славянофильство.

1. ВВЕДЕНИЕ

В.В. Зеньковский в своем очерке о В.В. Розанове говорит о нем как о «прихотливом импрессионисте», который нарочито не желает придавать высказанным идеям логическую стройность. В своих текстах Розанов больше обращает внимания не на доказательства, а на то, что показывается. Это проявляется в особом отношении к языку, к слову. Как справедливо замечает в своих исследованиях Ф. Гиренок, произведения Розанова – это в большинстве своем картины, «клипы», а не аналитические тексты. Философ переводит читателя из одного состояния в другое. Это особая аудиовизуальная философия, она обладает возможностями выходить за пределы языка ради осязательного прикосновения к миру. Так написаны розановские «Уединенное» и «Опавшие листья» - в фило-

софском жанре, не чуждом русской литературе, представленном фрагментами размышлений, обрывками мыслей, записанных, где придется и на чем придется [1]. Таким образом избегается даже видимость какой-либо систематизации или абстрактного философствования. «Как бы то ни было, - пишет Д.Г. Лоуренс, - это очень по-русски, и сделано сознательно, с намерением удержать читателя - и самого автора – в атмосфере момента, напомнить о реальном времени и месте... Он сам раскрывает секрет своего писания: «Тут, в конце концов, та тайна (граничащая с безумием), что я сам с собой говорю: настолько постоянно, и внимательно, и *страстно*, что вообще, кроме этого ничего не слышу»» [2, с. 87].

В данной статье предпринята попытка, не разрушая общий строй философствования В.В. Розанова, воспроизвести основные, намеченные философом, контуры человеческого в человеке. Это вовсе не то, что делает человека счастливым, но это то, что позволяет ему в полном смысле «быть», обрести экзистенциальные точки опоры, «якоря», а там уж как сложится.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Картина первая. Детство

Сам с собою говорю... О чем? О том самом главном, которого всем нам как бы постоянно не достает, которое ускользает, оставляя ощущение неподлинности происходящего, нереальности реального. Человек не все знает о собственном существе, оно еще, по Розанову, не раскрылось. Однако, как раз в том, чего мы о себе не знаем, только и можно было бы себя по-настоящему узнать. «Есть глубокая справедливость в мысли, что все, что ни делает человек, он делает для того, чтобы забыть. Он страшится остаться с собою, почувствовать себя, почувствовать свое существование» [3, с. 550-551].

Жизнь проходит в постоянном мучительном и смутном ожидании, что вот сейчас все образуется, туман рассеется и откроется та настоящая жизнь, где мир и все вещи обретут, наконец, свое истинное лицо и в этом смысле станут узнаваемыми, своими. Неужели только в детстве возможно ощущение того нерасторжимого единства с миром, когда все очертания предметов сливаются в напряженном переживании защищенности, уюта и неутолимой жажды материнской любви. Почему-то впоследствии, во взрослой жизни, прирученность, «свойскость», окружающего мира безнадежно теряются, обрекая человека на вечный поиск

утраченного. Это то, что невероятно скрупулезно и со многими оттенками изобразил в своем романе в «Поисках утраченного времени» Марсель Пруст: жизнь как попытка возмещения постоянно ощущаемой потери, как поиск утраченного поцелуя – материнского поцелуя на ночь.

Было ли что-либо подобное у Розанова – неизвестно. Его воспоминания о детстве пронизаны болью вперемешку с тоской от ощущения, что все могло бы быть иначе, и как бы хорошо все было, если бы было иначе – без злобы, с заботой, участием, с пониманием важности того, что есть семья. Это все пришло позже. Он и мать свою полюбил лишь умершей, тогда и понял, как она страдала, как много работала, как любила их, «дураков», втайне заботилась.

О «детстве» вообще Василий Васильевич говорит немного, но общий тон и отношение дают понять значимость того, что там – в детстве происходит: уникальная возможность переживания мира как цельности, нераздельности, когда предметы свободны от уз ответственности конкретных значений, которыми наделяет их мир взрослых. Мир и вещи в нем поглощают маленького человека своей огромностью и значимостью, делают его частью чего-то большого и великого. «Для нас «стул» есть подробность «мебели». Но дитя категории «мебели» не знает: и «стул» для него так огромен и жив, как не может быть для нас. От этого дети *наслаждаются миром* гораздо больше нас...» [4, с. 522].

Отсюда «детство» – это смешанный каскад чувств и настроений: с одной стороны – это ощущение полноты и радости бытия, с другой – особо нетерпимый страх одиночества. Кому-то повезло, его поток переживаний обрел ясность и смысл в материнской заботе и нежности, а для кого-то, как для Розанова, прошлое, раздражая своей неисполненностью, обрекает на неутомимый поиск приюта, берега как сопричастности мировому целому, преодоления раздробленности как приобщения к источнику жизни.

Картина вторая. Смысл целого

На самом деле только тогда, - говорит В.В. Розанов, - когда «объект и субъект – одно, исчезает неправда», а пока этого не произошло вещи страдают, и с ними страдает человек.

Где, в чем источник подобного ужасающего разлада? Все просто – он в трусливом, разлагающемся человеческом рассудке, который постоянно ищет уклонения от своего центра. «Человек страшно глубоко погрузился в жизнь, он никогда более не остается наедине с собою» [3, с. 547-548].

Беда также и в том, что человеческому существу перестало хватать духовного размаха для прикосновения к началам вещей. От этого он «размазывает» себя по поверхности мира, но как бы широко человек не разбрасывался, ему не удастся восстановить этим своего величия.

Каждая вновь проводимая ветвь железной дороги, каждая новая обширная мануфактура совершенно безвозвратно удаляет человека от религиозной веры, от понимания того, что есть истина на самом деле. «Одновременно с религиею и потому же, почему и она, пала и наука... Кто мог поверить, что с тех пор, как наука со своими открытиями станет двигателем жизни, эта жизнь неуклонно будет двигаться к разрушению науки, что плод познания убьет корень его?» [3, с. 723].

У науки есть как бы две составляющих науки. Первая – это наука в традиционном понимании, направленная на постижение законов окружающего мира и его преобразование в интересах человеческого рода. Цели второй составляющей – забота даже не о высших интересах рода, а о целях целого. Смысл целого для человеческого существа важнее хлеба и провал этого смысла – грознее голода. Поэтому все усилия по обеспечению человеческой жизни работают против самих себя, когда неспособность отдать себя целому вынимает из человека причину его существования. Жизни нужна, как это ни неожиданно, бескорыстная незаинтересованность ею. Чем бескорыстнее понимание, тем щедрее оно питает смыслом и от осмысленности – полнотой. Наоборот, прекращение чистого понимания в человеке, не вышедшем из круга самообеспечения, карается его невидимым истощением.

Картина третья. Что знает рассудок

Источники жизни – в высшем, чем жизнь. Отсюда задушевность розановских настроений, «чистых форм духа», бескорыстных, как дар понимания. «Сознание ... беспричинности настроений, или, что-то же, их чистоты, как произведений духа, выразилось и в языке: «грустится», «радуется», «чувствуется неудовлетворенность» или «жаль всех» говорят обыкновенные люди, когда и у них временно проступают (?) настроения, вообще присущие только великим характерам. Значение настроений в истории нельзя достаточно оценить: все великое в ней произведено ими» [3, с. 448].

Отдаваясь этим настроениям, мы, как бы на миг, вдруг оказываемся во власти этого бескорыстного понимания, которое через ощущение смутной тоски и тревоги поворачивает взгляд внутрь себя. Столь неожиданная встреча с собой оказывается удивительной: так жалко стало душу вдруг, томится она всеми забытая, как в клетке. И выпустить бы ее на волю, погулять – да нельзя. Там мораль, законы, высокое человеческое

предназначение – все очень серьезно, все «благоразумно-выгодно», и все для пользы дела. А может, все наши проблемы и происходят оттого, что не улавливаем мы всей комичности ситуации – того, насколько нелепо мы выглядим в роли мировых реформаторов, в самонадеянном уповании на рассудок? А что он знает, этот рассудок? «Рассудок знает только то, что успел узнать ..., а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врет, да живет» [5, с. 194].

В итоге получается, что мы только делаем вид, демонстрируем, что данная действительность принадлежит нам, является нашим собственным творением. На самом деле мы ничего не совершаем, по существу, и не можем совершить, мы лишь способны переживать раскаяние за существующее положение вещей. То есть человек чисто формальным актом полагает это положение вещей за «свое творение». «Господа! мы должны радоваться не тому, что манифест дан: но что он не мог не быть дан, что мы его взяли!» - то есть мы радуемся, что на этот раз все действительно устроилось согласно нашим душевным настроениям, как все сложится в следующий раз – нам неизвестно [6, с. 62].

Да, мы, действительно, не в состоянии изменить ход событий и положение дел, однако мы не можем и не вправе не страдать от неустроенности страдающего мира. «Мне печально, - пишет В.В. Розанов, - что все несовершенно, но отнюдь не в том смысле, что вещи не исполняют какой-то заповеди, какого-то от них ожидания, а что самим вещам не хорошо, они не удовлетворены, им больно. Что вещам «больно», это есть постоянное мое страдание за всю жизнь» [7, с. 19]. На это «больно» только и стоит реагировать. Это то, что человеку по силам. А вот далее: «Страшно разойтись с человеком! Проблемы, Истины, Идеалы? Но как же могут, как смеют пройти с такими словами мимо «одной, только одной, отшвырнутой человеческой жизни»» [7, с. 19]?

Картина четвертая. Частная жизнь и пол как тайна

И Василий Васильевич Розанов, отказываясь от системы, от какого-либо порядка рационального построения, выстраивает фрагменты, собирает осколочки человеческого бытия, не взирая на уколы и непонимание современников, знай твердит свое: Вы, со своими идеями прогресса и гуманного мироустройства возьмете, да и наложите аршин на самую больную царапину душевную, ту самую, которой быть может человек только жизни и касался. «Так что же, частная жизнь превыше всего. Просто сидеть дома и смотреть на закат солнца?» [6, с. 63]. Да, сидеть и

смотреть. Однако, ведь, сидеть на месте хорошо только с запасом большого движения в душе. «Кант всю жизнь сидел: но у него было в душе столько движения, что от «сиденья» его двинулись миры» [6, с. 65]. Сидеть и смотреть, но только не в пошлом мещанском смысле Пульхерии Андреевны и Акакия Акакиевича, а в смысле «хранить» и «охранять» этот свой мир. Хранить, но как? Как это в смысле практическом? Заботиться, быть ответственным, не очерстветь душой, везде быть как у себя дома и любить. «И помни: жизнь есть дом. А дом должен быть тепел, удобен и кругл. Работай над «круглым домом», и Бог тебя не оставит на небесах. Он не забудет птички, которая вьет гнездо» [8, с. 60].

Но это еще не все, не вся правда о жизни. Есть еще один очень важный и существенный момент – «второй якорь», как говорит Розанов. «Человек стоит на двух якорях: родители, их «дом», его младенчество – это один якорь. «Первая любовь» ... предвестие, что потянул «другой якорь» ...» [6, с. 76]. А «второй якорь» – это неистребимая влекомость к жизни, «бытийное хотение» и Пол – как исток и тайна этого хотения, субстанциально-космическая основа жизни. С подлинной страстью, своими путями и заново открывает Розанов исконно языческое мировосприятие – фаллизм - то, о чем не могли и не смели догадываться его современники.

Цвести, проявляться, набираться сил, вбирать энергию Солнца и беременеть вопреки Христианству, но на радость жизни, через любовь и, прежде всего через половую любовь, достигать полноты бытия. И противоположность добра и зла растворяются в этом буйстве энергийно-неопределимого Начала, так как область эта – «биологическая», и не «моральная», и не анти- «моральная», а просто – своя, другая. Это все оттого происходит, что суть чего-бы-то ни было, и жизни прежде всего, состоит в том, чтобы быть, обороняясь, защищаясь, отстаивая свое «Я», свою отличность, и в этом смысле быть. “Это и не добро, и не зло; точнее, “добро” я заключается в обособлении, в несмешивании, в противоборстве всему, а “зло” я заключается в слабости, в уступчивости, в том, что оно хотя бы ради «гармонии» и для избежания «ссоры» *мирится* с другим, *сливается* с ним» [9, с. 396]. Квинтэссенцией противостояния является половое различие. Определяя задачу своей книги «В мире неясного и нерешенного», в которой собраны статьи по вопросам пола и брака, Розанов пишет: «Дать почувствовать семью как ступень поднятия к Богу - вот простая и ясная цель собранных здесь статей» [10, с. 8].

Не случайно В.В. Зеньковский в своем замечательном очерке о Розанове В.В. - подчеркнул, что «последний источник порчи современной

цивилизации Розанов видит в том разложении семьи, которое подтачивает эту цивилизацию» [11, с. 273].

Картина пятая. «Декадентствующее славянофильство»

Перед нами философия, наполненная живой и полнокровной страстью, философия, утверждающая, что бессмертие – в полноте проявления жизни, а не в избавлении от нее. В философии Розанова идея России, «русскости», получает развитие не столько в привычном славянофильском русле, нацеленном на выявление и культивирование национального в противоположность западным влияниям, сколько в русле так называемого «декадентствующего славянофильства». Здесь улавливаются темы, созвучные основным мотивам современной постмодернистской философии, ориентированной на разрушение бинарных оппозиций, таких как «истина–заблуждение», «прогресс–регресс», «добро–зло» и др. И если сущность классического славянофильства проявляется в утверждении «национального ради национального», то декадентствующее славянофильство заявляет о себе отказом от противопоставлений «свое–чужое». Оно не разделяет идею мифического «национального начала», определяя «национальное» как совокупность конкретно-исторических условий, которые в сочетании дают возможность состояться и развиваться здоровому и сильному организму – личности.

Для Розанова его мучительная национальность переживается как бы изнутри. Я русский, потому что так сложилось. Однако вне этого мира, этой целостности, существовать невозможно. Фиксируя в себе проявления «русскости», бережно выстраивая цепочку разрозненных опытов того, что на сегодняшний день мы определили бы как повседневная культура, походя, незаметно формирует он контуры национального мира – Домострой XX века. «Ведь вовсе не университеты вырастили настоящего русского человека, а добрые безграмотные няни» [12, с. 221]. И венчает всю эту конструкцию Церковь, которая есть не только корень русской культуры, но и ее вершина. Потому что Православие сохранило этот Дух любви, несмотря ни на что, несмотря на острую и беспощадную борьбу с Церковью, которую всю жизнь вел Розанов. «Как дух – западничество ничто. Оно не имеет содержания» [12, с. 220].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ идейного содержания творчества В.В. Розанов представляет собой известные трудности в виду особого своеобразия избранного им стиля, оригинальной манеры изложения. Однако именно это свойства

его философствования позволяет не столько понять, сколько почувствовать открытый им мир - универсум как «мистико-материнскую утробу, в которой рождаемся мы, родилось наше солнце и от него земля» [13, с. 53]. Никто не переживал так глубоко священное в человеке, как Василий Васильевич Розанов. Его книги напоены любовью к младенцу, Дому, миру, который формируется вокруг нас и становится национальным миром – землей обетованной. Вот те «якоря», за которые держится человек силой любви, через «совершенную отдачу» себя другому: «Меня уже нет, а «все – твое» [14, с. 372].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиренок Ф.И. Интервью // Литературная газета, 2001, № 49.
2. Лоуренс Д.Г. «Опавшие листья» В.В. Розанова // Начала 1992, №3. С. 87.
3. Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего стремления науки как цельного знания. - М.: Танаис, 1995. – 808 с.
4. Розанов В.В. Уединенное / Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. М.: Искусство, 1990. – 605 с.
5. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. / Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. М., 1990. – 605 с.
6. Розанов, В. В. Уединенное. / Розанов В.В. Опавшие листья: Лирико-философские записки. М.: Современник, 1992. – 543 с.
7. Ховин В. Не угодно – лись?! Силуэт В.В. Розанова. Петроград: Очарованный странник, 1916. – 30 с.
8. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени / Розанов В.В. Опавшие листья: Лирико-философские записки. М.: Современник, 1992. – 543 с.
9. Розанов В.В. Пол как прогрессия нисходящих и восходящих величин. / Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. М.: Искусство, 1990. – 605 с.
10. Розанов В.В. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов. М.: Республика, 1995 - 462 с.
11. Зеньковский В.В. История русской философии. Соч.: в 2 т. - Ленинград: ЭГО, 1991. Т. 1, ч. 2. - 221 с.
12. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый / Розанов В.В. Опавшие листья: Лирико-философские записки. М.: Современник, 1992. – 543 с.

13. Розанов В.В. Семейный вопрос в России: т. 1 и 2, материалы для 3 т.: собр. соч. М.: Республика, 2004. - 828 с.

14. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй / Розанов В.В. Опавшие листья: Лирико-философские записки. М., 1992. – 543 с.

УДК 378.147.34

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ТЕКСТЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

В.К. Самохвалова (Москва, Россия)

канд. филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

Финансовый университет при Правительстве РФ

Л.А. Цибизова (Москва, Россия)

канд. филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

Всероссийский государственный университет кинематографии им. С.А.

Герасимова

Аннотация. Для преодоления естественных затруднений, возникающих у студентов при работе с текстами философских первоисточников, предлагается авторский подход реактуализации философских смыслов, восходящий к концепциям толкования текстов Х.-Г. Гадамера, Э.Д. Хирша и П. Адо. Творчески реконструируемая и обобщенная авторами модель реактуализации смыслов философских текстов позволяет частично примирить существующие противоположные требования в работе с первоисточниками: выявления «объективного» смысла текста и его же актуальной значимости для обучающихся.

Ключевые слова: текст, контекст, намерения, смысл, значение, универсальные философские установки.

1. ВВЕДЕНИЕ

Мысль о том, что всякая культура укоренена в традиции, что глубокий и подлинный интерес к истории в ее неисчислимых модусах создает залог прочности и обеспечивает адекватное понимание современности – настолько не нова, что, скорее, можно перечислить тех, кто об

этом не говорил, или не писал, чем взяться за обратную задачу. Приведем авторитетное высказывание русского историка-медиевиста в подтверждение сказанного: «Широкий и твердый интерес к истории со всеми ее отдаленными веками, глубоко чувствуемый и смело заявляемый – это один из важнейших во всякую эпоху залогов прочности в идейном развитии общества, одно из необходимых условий ясного понимания современности» [5, с. III].

То, что верно по отношению к истории и традициям культуры в целом, тем более значимо в отношении философии в контексте ее традиционного понимания как исследования бытия, как метафизического, по существу дела, предприятия. В таком ракурсе история философии является не просто историей, сменяющих друг друга метафизических концепций и идей, ориентированных на получение определенных, объективных фактов знания, почерпнутых из оригинальных текстов мыслителей прошлого и настоящего, но выступает серьезным человекообразующим фактором, стратегически направленным на выявление и утверждение смысла самого человеческого существования, на определение места человека в мироздании.

Внимание к данной смыслообразующей, мировоззренческой функции философии приобретает особенную важность в калейдоскопе аксиологических приоритетов и ориентиров современного мира, постепенно все более вытесняющих в область периферийной значимости гуманитарное знание, как не сулящее непосредственной пользы и выгоды и не отвечающее приоритетным запросам общества потребления. Об этом, в частности, писал Э. Агацци, настаивая на важности знания «бесполезного»: «...жизнь, целиком посвященная полезной деятельности, была бы, в конечном счете, лишена смысла. Должна быть какая-то цель, какое-то состояние, к которым стремятся просто потому, что тот, кто действует, считает их ценными сами по себе, чем-то бесполезным (непрактичным – авторы), но ценным» [3, с. 17].

Поэтому задача твердого отстаивания и удержания в качестве «незыблемой твердыни» духовной культуры человечества бескорыстного исследовательского интереса к вопросам, разрешение которых (как и сама их постановка) не приносят непосредственной материальной выгоды, на наш взгляд, является задачей первостепенной значимости именно для философии в модусе ее истории, как раз олицетворяющем преемственность и действенность интеллектуального наследия прошлого, по слову Э. Жильсона: «хранить истину значит каждый раз заново возвещать ее в изменившемся мире» [9, с. 131].

2. ФИЛОСОФСКИЕ ТЕКСТЫ: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

Современные методологические стратегии в изучении философских источников, такие как текстологический и герменевтический пути анализа текстов с неизбежностью опираются прежде всего на опыт самостоятельной мысли исследователя, на присущую именно ему систему ценностей, определяющую, в конце концов, оценку выносимым им положениям. Поэтому, солидаризуясь с ходом мысли О. Э. Душина, мы полагаем, что обращение к философским источникам в профессиональной деятельности преподавателя философии выступает «живой практикой понимания философских смыслов» [7, с. 30], всегда базирующейся на уникальной, неповторимой способности суждения как самого преподавателя, так и обучающегося студента.

Понимание, изучение и интерпретация оригинального философского текста предполагает «серьезную напряженность мышления, представляет собой сложную работу сознания» [7, с. 30] и, конечно, тем самым оставляет открытым вопрос, возможна ли пресловутая «научная объективность» в рамках истории философии? Или история философии есть лишь некоторое толкование, индивидуально-определенное понимание, своеобразная персональная интерпретация, значимая именно этим своим неповторимым качеством. Вопрос – по воле ли преподавателя (интерпретатора текста) возникает тот смысл, который намеревался выразить автор, как нечто самое важное, или же текст автономен? – остается основным вопросом при изучении текстов философских первоисточников.

3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА: ОБРАЩЕНИЕ К НАМЕРЕНИЯМ

Герменевтическое течение в интерпретации текстов настаивает на тезисе, что толкование текста есть всегда исповедание точки зрения толкователя (исследователя, преподавателя): «Мудрость всех герменевтических правил превосходится обращением к самому себе: «прилагаются правила к самому себе прежде всех, и тогда получаешь ключ к премудростям Притч Соломоновых» [4, с. 72]. Всякий исследователь распознает текст в свете своей субъективности, в связи с влиянием на него широкого круга внешних обстоятельств, начинающихся от его собственных ценностных и философских предпочтений и заканчивающихся кругом его общественных обязательств, вплоть до комплекса его страстей и обид.

Понятно, что такое положение дел, чревато серьезными осложнениями при задаче извлечения интерсубъективного смысла из текста.

Возможно, определенным ограничением для крайней субъективизации смыслов, может служить подход, предложенный в 80-х годах XX века Э. Гомбрихом в его книге «Символические образы. Очерки по искусству Возрождения» [6], заключающийся в ссылке на *намерения* автора. Сам Гомбрих опирается на известные исследования конца 60-х годов Э.Д. Хирша, обращенные к модной с тех пор теме различий между смыслом и значением лингвистических единиц и изложенные последним в его программном труде «Действительность в интерпретации» [10].

В соответствии с идеями вышеназванных авторитетных ученых, задача исследователя (а значит: и преподавателя в этой ипостаси) – разгадать *намерение* автора текста, которое, в ряде случаев, может не совпадать как с тем смыслом текста, который желал бы видеть сам автор, так и со значением текста в глазах интерпретатора. Текст сам по себе может приобрести в глазах интерпретатора неожиданные для автора импликации, выходящие за пределы воли автора текста, поскольку, как говорил Андре Жид в «Топях»: «Если мы знаем, что мы хотим сказать, мы не знаем, говорили ли мы только это. Мы всегда говорим больше, чем «это». И даже более сильно там же: «Прежде, чем объяснить другим свою книгу, я ожидаю, что другие объяснят ее мне» [8, с. 107].

В деле распознавания намерений автора, как это показал Э.Д. Хирш, первостепенную роль играет уточнение литературного жанра, в котором создано произведение, поскольку всякому литературному жанру принадлежат особенные требования. Жанр увещевания отличается от утешения, доктринальный жанр не похож на диалогический: каждому свойственны специфические особенности, диктуемые именно избранным жанром. Поэтому, чтобы точно понять значение утверждения или общий смысл произведения, нужно тщательно отличать, во-первых, то, что автор должен сказать потому что он принадлежит к той или иной доктринальной системе, или потому что он использует тот или другой литературный жанр, или потому, что он обращается к тому или иному слушателю более или менее компетентному. Например, автор доктринального текста может стремиться к преувеличению значимости и оригинальности представляемой им доктрины в целях произвести наиболее яркое и сильное впечатление на современников, ориентирующихся в теме. Одним словом, следует стремиться выявить намерения автора с точки зрения тех целей, которые ему могут быть свойственны, исходя из знания ин-

терпретатором исторического и концептуального контекста, к которому автор принадлежит.

Другое дело (и в этом как раз кроется одна из фундаментальных трудностей толкования текстов), что для нас – современных интерпретаторов-преподавателей – бывает очень непросто уловить и понять именно тот смысл, который соответствует подлинному намерению автора, то есть тот, который автор как раз искал и стремился выразить. Здесь легко впасть в анахронизм.

Так, например, по свидетельству П. Адо [2, с. 103 – 122] название, данное Августином своему наиболее популярному произведению «Исповедь» («Confessionum») ошибочно интерпретируется в качестве именно исповеди как репрезентации интимных душевных состояний автора. По мнению Адо, намерением Августина выступало вознесение славы Богу, как это видно из самых первых строк произведения: «Велик Ты, Господи, и всемерной достоин хвалы <...>, славословить Тебя хочет человек, частица созданий твоих» [1, с. 53]. В своей интерпретации намерений патера Адо исходит из тенденциозной установки Августина рассматривать события своей личной жизни символически – в качестве вех Истории Спасения, поэтому Августин славит Бога за то, что Тот сделал для него и – в его лице – вообще для человечества. Также, например, в известном эпизоде текста Августина о краже груш в детстве, благодаря повторяющимся аллюзиям на библейские тексты, Адо усматривает намерение епископа привлечь читателей к «ошибке Адама», вкушающего запретный плод в саду Эдема. В итоге, обращаясь к намерениям Августина, мы имеем отнюдь не исповедальные цели, а воспевание творчества Бога в мире и в человеке. Приведенный пример – лишь частное утверждение общего требования необходимости тщательного критического анализа текста при выявлении подлинных намерений его автора.

4. РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ

С другой стороны, очевидно, что тексты первоисточников тем более интересны и внятны студентам, чем ярче интерпретатор способен проявить в них актуальный смысл – смысл личностный, формирующий, экзистенциальный. Как примирить критически установленное интерпретатором интересубъективное значение текста с требованием актуализировать этот смысл, в его значимости *ad hoc* для студента?

Понятно, что требование объективности в понимании текста, не должно допускать его деформации в угоду актуализации его смысла. Представляется даже, что это два противоположных требования, причем, оба они требуют обязательности исполнения. С одной стороны, для полноты восприятия смысла философского текста необходима полная вовлеченность воспринимающего, с другой – также необходима полнота беспристрастности и объективности суждений, научная строгость.

Нам представляется, что вероятным выходом здесь может служить стратегия «совмещения противоречий», своего рода *coincidentia oppositorum*, как у Николая Кузанского. Только не в свете идеи Бога гуманиста, а в свете допущения принципа единства человеческой природы и как следствия – возможности в объективно усмотренном смысле исторического текста (в особенности текста философского) обнаружить общечеловеческий смысл, то есть дать оценку выявленному конкретному смыслу в свете общечеловеческих ценностей, а уже потом, так сказать, на «третьем шаге» усмотреть, какое отношение может иметь таким образом обобщенный, выявленный смысл для каждого, внимающего ему в отдельности.

На этом заключительном этапе происходит как бы возврат к субъективности особого рода – к субъективности, которая берет начало от всеобщности. Адо об этом говорит так: «Если мы пытаемся хорошо и объективно понять текст, думаю, потом мы можем прийти почти спонтанно к раскрытию его человеческого смысла, то есть поместить его, даже если это вовсе нецелесообразно, в общую проблематику человечества» [2, с. 113].

Строго говоря, смысл текстов, принадлежащих истории всегда историчен, он аутентичен той эпохе, со всеми ее особенностями (о которых мы всегда знаем с известной долей вероятности), в которую был создан. Поэтому следует помнить, что мы весьма условно можем говорить об актуальном значении смыслов текстов других эпох. Все к чему мы можем стремиться – это пытаться интерпретационно выявлять актуальную значимость текста для нас. И эта актуальность значения текстов для нас может быть раскрыта в той мере, в какой она нам представляется важной, например, в свете генератора тех или иных современных нам идей, или, наконец, в качестве источника собственного вдохновения. Произвольная же адаптация смысла первоисточника равно как к требованиям современности, так и к чаяниям духа интерпретатора, видится все же недопустимой, приводящей к анахронизму, практикой, ибо главенствующим принципом в выявлении значения текста должна оставаться нацеленность на объективность в выявлении авторского замысла.

В конечном итоге, столь важная в практике преподавания курса философии студентам работа с первоисточниками видится равно подчиненной трем основным моментам в процессе понимания предлагаемого к изучению материала. Первый шаг связан с попытками достижения как можно более полной объективности в толковании смысла источника, который (как мы предполагаем) желал видеть в нем автор текста (намерение автора). Второй шаг предполагает попытку усмотрения, какое значение в общечеловеческом плане может иметь выявленный на первом этапе «объективный» смысл текста, отвечающий намерениям автора (общечеловеческая, всеобщая значимость, ценность). И, наконец, завершающим шагом в понимании значения текста, его осмысленности для нас выступает предполагаемая оценка того, насколько содержание текста актуально для нас лично по тем или иным параметрам (субъективная оценка значения текста). Это и есть тот искомый синтез (*coincidentia oppositorum*), который связывает воедино изначально противоположные интерпретационные задачи: требование беспристрастной объективности и требование экзистенциальной вовлеченности при работе с текстами философских первоисточников.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная интенция вышеизложенного видится авторам в действенности идеи об универсальных транскультурных и трансисторических философских установках (смыслах), в целом свойственных человеческой природе. Именно благодаря этим универсальным установкам, которые остаются всегда равными самим себе, становится возможным, по мнению авторов, решать задачи реактуализации аутентичных значений текстов философских первоисточников на занятиях по философии со студентами.

И эти же транскультурные, универсальные философские смыслы подчеркивают автономность философии, ее особый статус и предназначение в общей образовательной системе современного университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин А. Исповедь. Пер с лат. М.Е. Сергеенко. Вступит.статья А. А. Столярова – М.: Издательство «Ренессанс», СП ИВО – Сид, 1991. – 488 с. – (Памятники религиозно-философской мысли).

2. Адо. П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / Пер. с франц. В.А. Воробьева. – М.; СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – 288 с. (Серия «Катарсис»)
3. Агацци. Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. №10. с. 3 – 19.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Бессонова Б.Н. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
5. Гревс И. В. Предисловие // Эйкен Г. История и система средневекового миросозерцания. СПб.: Изд. М.И. Акинфиева, 1907. С. I–XL., с. III
6. Гомбрих Э. Г. Символические образы. Очерки по искусству Возрождения. – СПб.: Алетейя, 2017, 490 с.
7. Душин. О. Э. История философии как академическая дисциплина: философия versus история // Вестник СПбГУ. Серия 17. 2015. Выпуск 4. С. 27 – 32.
8. Жид А. Топи. Сост. В. Никитина. Перевод И. Сабовой // Жид А. Собр. соч. в 7 т. Т. 1. М.: Терра-Книжный клуб, 2002. С. 107-174.
9. Жильсон Э. Работы Э. Жильсона по культурологии и истории мысли. Реферативный сборник. Вып. I. М.: ИОИН АН СССР, 1987. 260 с.
10. Hirsch E. D. Validity in Interpretation. – Yale University Press. 1967. P. 302

УДК 811-115

МУЖЕСТВЕННОСТЬ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

А. Смирнов (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

И. А. Подкопаева (Москва, Россия)

канд. филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. В докладе анализируется вопрос, каким был мужчина в древней истории и каким он стал сегодня.

Ключевые слова: прошлое, современность, мужчина, характеристика мужественности

1. ВВЕДЕНИЕ

Выбранная тема, на наш взгляд, представляет существенный интерес не только для современной науки, но и вообще для всех живущих на планете людей. Сегодня мы не можем с пренебрежением относиться к опыту человечества, в том числе и опыту древних. Современный мир явно утратил многое из того, что могло бы ему помочь жить в условиях цивилизации. Об этом давно писали такие известные науке исследователи, как Э. Фромм, К. Юнг, М. Элиаде и другие. В статье делается попытка сравнить, как в древности и в современности формируется понятие «мужественность», а также ответить на вопрос, каковы же наши сегодняшние предпочтения, какими мы хотим видеть мужскую половину человечества.

2. ОСНОВНОЙ ТЕКСТ

Образ мужчины и мужественности в нашей действительности претерпел изменения и деформации. Он размыт в общественном сознании. В представлении женщины настоящий мужчина обладает изысканными манерами, удобными и приятными для общения с ней признаками, в представлении же мужчин это может быть агрессивный тип на спортивной машине, удачливый, успешный у девушек и имеющий незаурядные способности. Подобные представления воспринимаются нами через медиапространство, современную литературу и популярное общественное мнение.

Может создаться впечатление, и у многих оно и создается, что стоит обрести необходимыми внешними атрибутами, и ты сразу действительно станешь мужчиной. Одними из первых мужество описали античные философы, и согласно их выводам, мужество это есть преодоление страхов, самообладание, владение своим разумом. В частности, Платон определяет мужество как «благоразумную твердость души» [1]. Таким образом быть мужчиной и иметь мужество это относится скорее к внутренним качествам человека, но никак не к внешним атрибутам, окружающим его по жизни.

В середине двадцатого века швейцарский психолог Мария-Луиза фон Франц обратила внимание на тенденцию, что многие взрослые мужчины, несмотря на свою биологическую зрелость, психологически застряли на уровне подростков.

В юнгианской психологии для определения такого человека используется термин *puer aeternus* или вечный юноша [2]. Такой инфантильный человек вечно утопает в мечтах о будущем успехе, перебирая в уме множество фантазий о вариантах своего величия. Он начинает одно дело и, не закончив его, берется за следующее и следующее. Мария Фон Франц назвала это состояние «вечным переключением» [3]. Такой человек постоянно строит планы, но никогда по-настоящему не исполняет их.

Сегодня немало мужчин, несмотря на внешнюю уверенность, страдает от неспособности найти своё место в жизни. Многие из нас до тридцати лет живут с родителями, выбирая жизнь в мягком и уютном уголке простого и безопасного мира, не желая идти навстречу неизвестности, покорять новые вершины и удовлетворять собственные желания и амбиции. Вместо достижения целей в реальном мире многие утопают в виртуальном мире компьютерных игр и порнографии. Многие пассивно и бесцельно, даже не пытаясь найти свой путь, обитают среди вещей, которые помимо их воли приходят в их жизнь.

Мужчиной не рождаются, мужчиной становятся. Обретение мужской идентичности требует от юноши совершения мужских поступков. Мужество – это особые качества, которых должно достичь через преодоление, становление и зрелость. Для этого в прежние времена во многих культурах были предусмотрены обряды инициации – разнообразные испытания, которые необходимо пройти повзрослевшим мальчикам.

Что же касается исторических примеров, то многие историки сходятся во мнении, что одним из древнейших и наиболее ярким примером подобных традиций является инициация в пещере Шове (28-37 тыс. лет назад). В ней мальчик должен был преодолеть страх и пройти через темные холодные коридоры и залы пещеры (а это были 800 метров), изукрашенные пещерными львами, пантерами, гиенами, носорогами и в конце прийти в зал с каменным постаментом и медвежьей головой на нем, чтобы «победить» и переродиться в мужчину.

Гиена и пантера на стене пещеры Шове

Череп пещерного медведя на камне, пещера Шове

Часто инициация носила крайне жестокий по современным меркам характер. Так, например, в индейском племени мандан обряд инициации назывался «окипа» и заключался в том, что на коже юноши делали разрезы, в которые вставлялись пластины, выполняющие роль крюков. Юношей подвешивали к потолку хижины, порою цепляя за такие же крюки тяжелые предметы. Чтобы стать мужчиной юноша должен был провисеть подвешенным, не выдав своих страданий [4].

В других случаях переодетые старейшины в нужный день похищали мальчика среди ночи и рассказывали тайны и предания о сотворении мира, после чего он проходил ряд тяжелейших испытаний. Не все обряды инициации до крайности жестоки, но во всех из них присутствует момент преодоления и становления мальчика мужчиной.

Примером государства, где принцип преодоления для мужчин был возведен практически в абсолют является древнегреческая Спарта. Так мальчиков с самого детства воспитывали по специально созданной системе «Агогэ», их ограничивали в комфорте, в пище, в тепле, отделяли от семьи и в обществе таких же юношей заставляли постоянно преодолевать трудности, воспитывали их на конкретных примерах мужественности старшего поколения. Таким образом, инициацию можно рассматривать как символическое завершение этапа материнского рая и новое рождение для мальчика в роли мужчины, готового драться и стоять за интересы своего народа, готового отдавать, а не жить в вечном зачарованном круге материнской заботы.

Небольшое количество существующих до сих пор племен с традиционной культурой и сегодня живут так, как жили их предки. Современный человек далек от этих правил, но, по мнению М. Элиаде, серьезно страдает от их отсутствия [5]. У современных мальчиков, воспитанных в идеалах полной свободы, а часто на практике равных вседозволенности,

как правило, нет тех самых культурных носителей мужественности, старейшин, готовых передать мудрость следующим поколениям. Поэтому вся тяжесть этого груза падает на отцов, которые к этому не готовы. В своей книге «Находим наших отцов» Сэмюел Ошерсон приводит исследование, согласно которому в западном мире только 17% мужчин общаются о позитивных отношениях со своим отцом в молодости [6]. В большинстве случаев отец физически или эмоционально отсутствует в жизни ребёнка. И при условии, что эта статистика правдива хотя бы наполовину, то мы живём в эпоху умирающей мужественности. От молодых парней ожидается, что они покинут материнское лоно, что они бросят тёплую и защищённую жизнь ради риска и опасностей. И всё это без подсказок и помощи мудрых мужчин или отца. И эти ожидания очень часто не оправдываются, потому что к переходу во взрослое состояние человека надо долго готовить, причем с любовью и в строгости. Недаром мудрые древние передавали в определенном возрасте воспитание мальчиков в мужские ответственные руки. Женщины, за небольшим исключением, в силу своих гендерных качеств могут проявлять слабость там, где это противопоказано. В нашем современном обществе мы видим много мужчин, обласканных матерями, но не готовых брать на себя ответственность за страну, за семью, вообще принимать важные жизненные решения.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что же тогда делать современным юношам? Как найти свой путь? В современном обществе так много мнимых соблазнов, поверхностных идей, но всегда есть возможность познания, и это отрезвляет голову, дает пищу для размышлений и поиска ответов на возникающие вопросы. Мужчина, как представляется - это не бандит, не шикарный ловелас, не герой из боевика и не сверкающий золотыми часами франт на дорогой машине. Все перечисленное - это лишь внешняя атрибутика, оболочка, но никак не истинная суть мужчины. Мужчиной человека делает преодоление самого себя, и прежде всего культивирование внутренних качеств, а не внешних атрибутов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платон Лахет. М.: Мысль 1986 г. 607 с.
2. Юнг К. Г. Эон. Исследования о символической самости М.: АСТ, 2019 г. 352 с.

3. Фон Франц Мария Луиза. Вечный юноша. Puer Aeternus М.: Класс, 2009 г. 384 с.

4. Электронный ресурс <https://archeologie.culture.gouv.fr/chauvet/en>
Дата обращения 20.10.2022

5. Элиаде М. «Тайные общества. Обряды, инициации и посвящения» М.: «София» 2002 г. 352 с.

6. Osherson, Samuel Finding our fathers: How a man's life is shaped by his relationship with his father New York: Fawcett Columbine, 1987 P. 252.

УДК 304.2

ИНТЕРНЕТ КАК СОВЕРШЕННОЕ СРЕДСТВО ОТЧУЖДЕНИЯ

***Ю.В. Соколова** (Москва, Россия)*

канд. филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

***Д.А. Солныков** (Москва, Россия)*

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

***К.М. Сербулов** (Москва, Россия)*

Национальный исследовательский университет «МЭИ».

Аннотация. В статье рассмотрено влияние интернета, как средства коммуникации, на современное общество и человека. В кратком историческом обзоре показано распространение интернета с конца девяностых годов двадцатого века, и приведены современные статистические данные, отражающие популярность технологии. Интернет противопоставляется традиционным средствам коммуникации, приведены отличия общения в интернет-пространстве от личного общения в реальности: находясь в постоянном контакте в виртуальной реальности, люди отдаляются друг от друга. Интернет занял особое место в мире вещей, окружающим человека: в интернете человек создаёт подобие своей личности и взаимодействует с виртуальными предметами и собеседниками, что приводит к общей роботизации человека и общества. В заключении в общих чертах формируется образ будущего человека, связь которого с виртуальным миром сильнее, чем с реальным.

Ключевые слова: интернет, культура интернета, социальные сети, отчуждение, средства коммуникации, виртуальная реальность.

1. ВВЕДЕНИЕ

Промышленная революция сильно изменила не только способы производства товаров и услуг, но и само общество. В двадцатом веке наряду с множеством количественных изменений, таких как наращивание производственных мощностей и повышение уровня жизни, произошли и качественные изменения, которые в большей степени определяют общество нового типа. Философы двадцатого века составили яркий портрет общества и человека своего времени. Особенно ценны в этом плане работы Эриха Фромма, обнаружившего патологию капиталистического общества в ориентации на прибыль и технические достижения, и полном игнорировании реальных потребностей человека, из-за чего растёт число психических заболеваний и ухудшается общее психологическое состояние человека. По замечанию Фромма прогресс теперь существует только ради самого прогресса: новые технологии развиваются не потому, что в них существует потребность, а потому что их возможно, а значит, необходимо развить для увеличения производительности. В сочинениях Альберта Эйнштейна и Томаса Куна ярко выражена идея, что наука сама по себе не может ставить задачи: она является лишь способом «решения головоломок». В обществе, не ставящим других задач, кроме увеличения прибыли, любые решения могут считаться приемлемыми, даже если они противоречат основным моральным нормам и стремлениям человека. Роботизированному обществу потребления, описанному Фроммом «... нужны люди, чувствующие себя свободными и независимыми, не подчиняющиеся авторитетам, принципам или совести, – и все же готовые к тому, чтобы ими командовали, делающие то, что от них ожидают, легко приноравливающиеся к общественному механизму» [3].

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

2.1. Интернет и культура интернета

В начале двадцать первого века стали заметны новые качественные изменения, названные четвёртой промышленной революцией, одним из её столпов стала цифровизация, заключающаяся в оптимизации различных технологических и экономических процессов для их приспособления к цифровой экономике. Ключевой технологией цифровизации является интернет, который стал не только инструментом для

улучшения производительности труда, но и новым средством коммуникации. С конца девяностых годов, стали заметны последствия его влияния на общество и на самого человека. Можно с уверенностью говорить о формировании новой культуры в интернете, развивающейся на базе социальных сетей. Культуру интернета стоит рассматривать как общее понятие, особую форму коммуникации, потребления и производства информации, оказывающую влияние на ощущение самости и принадлежности к группе [2].

2.2. Распространение интернета

Интернет как информационная среда показал взрывной рост числа пользователей по сравнению с другими средами. К 1997 году к интернету были подключены уже около 10 млн компьютеров, и в течении 5 лет аудитория интернета составила свыше 50 миллионов пользователей. Для сравнения телевидению понадобилось 13 лет, а радио вообще 38 для достижения таких же объемов аудитории.

Такой рост связан именно с предельной близостью людей, которую обеспечивает интернет той скоростью обмена информации и вовлечением в жизни друг друга. Эта близость начала образовываться с разработки в 1988 году протокола Internet Relay Chat позволяющего общаться в реальном времени, что привлекло большие инвестиции на дальнейшие технологические разработки, ведь бремя наибольших денежных вложений несут на себе те средства коммуникации, которые более всего используются в общении между людьми.

В последние годы прирост пользователей интернета значительно увеличился в связи с пандемией COVID-19. Образовалась значительная потребность в постоянном поддержании связи между людьми, большинство компаний и учебных заведений были переведены на дистанционный формат работы и учебы. В 2019 году интернетом пользовалось 54 процента населения в мире и уже в 2022 году пользователями интернета являются 62,5 процентов, что составляет 5,31 миллиарда человек [4]. Но интернет стал не только средством поддержания контакта, но и создал собственный мир спроса, ведь ни у кого не возникает потребности телевидении, пока не появляются телевизионные программы. Стремительный рост популярности говорит о том, что интернет стал средством удовлетворения базовой потребности в общении, в некотором смысле он расширяет наши органы и чувства.

2.3. Интернет как средство общения

Как газета погубила театр, а телевидение – кино, так и интернет наносит свои удары по другим средствам коммуникации, изменяя их или полностью уничтожая. Интернет монополизировал все средства общения: никто уже не собирается семьей у телевизора для просмотра вечернего шоу, потому что у каждого есть собственный экран, транслирующий то, что интересно конкретному человеку, с помощью которого он может мгновенно обменяться впечатлениями с другими. Мы отдаляемся друг от друга в реальности, поскольку крайне близки в виртуальном пространстве. Нет ничего удивительного что следующим этапом после такого рода фрагментации общества, станет слияние людей во все заключающем сознании, что станет полной потерей личности, концом привычного описания человека как существа, балансирующего между социальным и асоциальным. Технологии изначально отдаляли нас друг от друга, а в итоге вернут нас в исходное состояние бессознательного. Поскольку разрабатываются технологии дополненной реальности и виртуальной реальности, то грань между реальным и виртуальным мирами уже практически стирается. Как писал У.Б. Йейст, «видимый мир перестал быть реальностью, а невидимый мир – грезой».

Маршалл Маклюэн в «Понимании медиа» приводит наглядный пример того, как технологии изменяют нашу жизнь: после прокладки водопровода в индийских деревнях, местные жители заметили упадок общественной жизни. Оказалось, что общинный колодец был местом встреч для обсуждений, а с прокладкой трубопровода необходимость ходить к колодцу исчезла [1]. Сравнивая общение в интернете с тем, как люди общались раньше, при помощи писем, сразу можно заметить, что при письменном общении коммуникация является опосредованной, действие (изготовление и отправление сообщения) и реакция (восприятие сообщения и ответное действие) могут быть разнесены во времени. В свою очередь, общение в интернете схоже с устным, когда мы реагируем на каждое действие любого участника беседы без задержки во времени. Однако, хотя оно и похоже на живой разговор, таковым, в сущности, не является: посыл, заложенный в сообщении, в большей степени зависит от того, кто его читает. Общаясь в интернете, мы разговариваем с самими собой, изменяя эмоциональную окраску,

темп и тембр так, как нам кажется подходящим. То есть, несмотря на скорость обмена сообщениями, общение в интернете замкнуто на нас самих.

2.4. Отчуждение в виртуальном мире

В современном мире довольно популярна концепция «побега от реальности», ощущая давление со стороны общества, многие стараются избегать всего, сколько-нибудь неприятного им в жизни. Этот подход далёк от эскапизма, размышлений, ухода в мир идей: современный человек заменяет скуку жизни калейдоскопом образов в интернете, он становится отчуждённым от мира. Отчуждение – это одно из ключевых понятий, которыми Фромм описывает современное общество. Фромм вводит понятие отчуждённости из психологии: отчуждённый человек в первую очередь чувствует самого себя как нечто чуждое. Но интереснее следующая мысль: современный человек окружён предметами, природа и происхождение которых ему неизвестны, технические устройства являются для нас «чудом техники», но и происхождение привычных вещей скрыто завесой тайны. «Мы живём в мире вещей и единственное, что связывает нас с ними, это то, что мы знаем, как с этими вещами обращаться или как их потреблять» [3]. Интернет стал самым совершенным средством распространения информации, но не решил проблему отчуждения человека от окружающего мира, он встал в один ряд с другими техническими устройствами, ни о происхождении, ни о работе которых обывателю, в сущности, не известно ничего.

Однако, интернет занимает в этом ряду особое место: он создаёт собственную виртуальную реальность – интернет-культуру, которая функционирует по законам, нерегулируемым человеком. Таким образом, даже в том месте, которое человек хочет назвать своим новым домом, месте, где можно скрыться от реальности, он является не хозяином, а чужаком, которому так же чужды новые алгоритмы и образы виртуальной реальности, как чужды предметы реального мира. Интернет завершает процесс отчуждения человека, начавшийся ещё в позапрошлом веке с распространением массового производства, а полное внедрение интернета в жизнь приведёт к потере связи с реальностью.

Жанр научной фантастики, в особенности киберпанк, стал ответом художественного мира на социальные и технологические изменения в обществе в конце двадцатого века. Одной из лучших иллюстра-

ций реакции культуры на интернет является анимационная работа Рютаро Накамуры «Эксперименты Лэйн» 1998 года, в которой автор предвидел многие аспекты развития общения в интернете. Главная героиня использует «Сеть» как средство побега от реальности, поскольку у нее практически нет друзей, а в «Сети» она популярна: ее многие знают и хотят поддерживать связь. Но когда кто-то из интернет-друзей встречает ее в реальном мире, они настолько поражены различиями между типами поведения Лэйн что говорят, будто это не она. Лэйн и сама разделяется на реальную и виртуальную, создаёт отдельную личность, которая существует только в «Сети». В мультипликации грань между виртуальным миром, который называется «Сетью» и миром реальным настолько стерта, что в какой-то момент зрителям не понятно в каком из миров происходит действие.

В современном мире общение всё чаще происходит именно между «цифровыми двойниками» реальных людей: думая, что общаемся с человеком, на деле мы общаемся с его образом, с фотографией, которую видим и сами представляем реакцию собеседника на наши сообщения. Но насколько быстро мы сможем понять, что вместо человека на фотографии, нам будет отвечать кто-то другой? Даже если люди знакомы большое количество времени, определить это бывает практически невозможно. Наиболее заметно это в бюрократизированных структурах: обращаясь в техническую поддержку государственной организации зачастую нам отвечает робот, причем настолько реалистично, что и с первой десятки писем этого можно не понять. Формальные ответы, не помогающие добраться до сути, становятся способом общения реальных консультантов и даже тех людей, чьи взаимодействия в интернете не являются работой. Мы позволили интернету сблизить нас настолько, что мы не видим даже то, что находится перед нами.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из нынешних тенденций развития интернета, а именно роста влияния социальных сетей и усиление в них роли корпораций и правительств, можно ожидать трансформацию интернета в инструмент тоталитарного контроля. Однако нынешние механизмы интернета, то, как они дают человеку чувство причастности к группе и побега от реальности, уже лучше, чем любое известное СМИ или средство коммуникации, справляются с формированием отчуждённой личности, которая чувству-

ет себя свободной и в то же время выполняет ожидаемые функции, которые ежедневно транслируются ей через персональный экран. Таков неутешительный портрет человека будущих десятилетий: его волнуют множество проблем, которые происходят на другом конце света или вообще не существуют в реальности, но к окружающей действительности он безразличен, собственные проблемы тяготят его только сильнее; он потребляет в день огромное количество информации, но остаётся к ней равнодушен, не пропускает её через себя, потому что для этого не остаётся времени в гонке за новыми ощущениями и новой информацией. Это всё тот же человек, диагноз которому был поставлен ещё в пятидесятых годах двадцатого века, но вместо ложных реальных целей он преследует ложные виртуальные, что значительно затрудняет осознание своей личности, преодоление отчуждения от окружающего мира и самого себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маклюэн М.Г. Понимание медиа: Внешние расширения человека // Кучково поле, 2019
  2. Семилет Т.А., Витвинчук В.В., Фотиева И.В., Лукашевич Е.В. Социальные сети как культурные матрицы интернет-коммуникации // Культура и текст, 2019 №3 (38) с 226-242
  3. Фромм Э. Здоровое общество // Издательство АСТ, 2022
  4. Kemp S. Digital 2022 Global Overview Report // <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (Дата обращения 31.10.2022)
- УДК 130.2**

СТРАХ ПЕРЕД БУДУЩИМ: ИСТОКИ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОНЯТИЯ

Л.Ю. Спиридонова (Элиста, Россия)

*Научная лаборатория «Комплексные буддологические исследования»
при КалмГУ им.Б.Б. Городовикова*

Аннотация. В данной статье осуществляется попытка осмыслить истоки и причины одной из актуальных проблем современности – «страха перед будущим». В настоящее время практически каждый человек на индивидуальном уровне и все мировое сообщество в целом находятся в состоянии неопределенности и неуверенности в своем будущем. Создаются но-

вые методы и методики предсказания будущего на научном уровне через калькуляцию рисков и угроз, ученые со всего мира в лице футурологов, экономистов, философов, культурологов и многие другие пытаются прочесть будущее. Однако будущее каждый раз бросает новые вызовы. Данная тема не перестает быть злободневной и требует тщательного изучения. В статье приводятся различные подходы к разграничению семантического поля понятия «страха перед будущим», которое рассматривается как «кризисное сознание», «аномия», «катастрофизм», «футурошок», «риски».

Ключевые слова: страх перед будущим, катастрофизм, футурошок, риск

1. ВВЕДЕНИЕ

Страх перед будущим как существенный элемент общественного сознания возник чрезвычайно давно: проблема страха как важнейшего модуса человеческого существования, организации его внутреннего духовного мира восходит корнями к самым начальным попыткам осмысления людьми своего предназначения на земле. Еще до того, как эта тема стала приоритетной для исследования в рамках психологической науки, до Фрейда и других психологов, она всецело разрабатывалась философами и религиозными мыслителями. С конца XIX- начала XX веков проблема страха становится междисциплинарной. «Рубеж XIX-XX веков отмечен пристальным вниманием к проблеме страха и массового ожидания катастроф в общественных науках, особенно в философии, социологии и психологии. Это обусловлено тем, что данный исторический период рассматривается учеными самых разных направлений как эпоха формирования так называемого кризисного сознания, в основании которого лежит идея глобального кризиса этой эпохи» [1, С.8].

Социокультурные детерминанты кризиса и кризисного сознания анализируются в работах Ф. Ницше, О. Шпенглера, Г. Зиммеля, А. Вебера, Й. Хейзинги, А. Тойнби, П. Сорокина, А. Швейцера, Х. Ортеги-и-Гассета, К. Мангейма, М. Бубера, Г. Маркузе и др. Систематическое исследование проблем будущего, связанных с катастрофами, началось в 1963 году в специализированном центре по изучению катастроф при университете штата Огайо. Этот этап связан с именами Э. Карантелли, Р. Дайнса, ДеМарчи, А. Бартона, Г. Мура, Р. Тернера. Проблемы катастрофического сознания разрабатывали Э. Шляпентох, В. Н. Шубкин, В.А. Ядов, Я. У. Астафьев, В. А. Иванова, Ф.А. Хохлушкина. Шок будущего и футурошок исследовал А.Тоффлер. Темой страха перед будущим сквозь призму риска изучали У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Страх перед будущим как кризисное сознание и аномия

Содержание и динамика социальных кризисов, причины, природа и последствия кризисного сознания анализировались с позиций кризиса культуры. Следует отметить, что кризис представляет собой не только «гибель» определенной социокультурной парадигмы, но начало формирования, переход к новой. В таком ракурсе интересны работы Питирима Сорокина, посвященные проблемам социокультурной динамики. Он дает детальное описание влияния, оказываемого последствиями бедствий и катастроф на мыслительные процессы и поведение людей и на экономическую, политическую, социальную организацию и культурную жизнь общества. В этом состоянии, по его мнению, среди значительной части населения распространяется апокалиптическое мышление и разные психические эпидемии. При этом разрушение социокультурной целостности не подразумевает окончательное разрушение культуры, а лишь переходное состояние. Для Питирима Сорокина кризисное состояние является также процессом построения новой системы ценностей, ориентиров и идеалов, характерной для новой культурной суперсистемы.

Помимо «кризисного сознания» в основе понимания феномена «страха перед будущим» в современном обществе лежит также понятие «аномия». Это понятие ввел в научный оборот Эмиль Дюркгейм для объяснения отклоняющегося поведения (самоубийство, апатия и разочарование). «Аномия» выражает исторически обусловленный процесс разрушения базовых элементов культуры, прежде всего в аспекте этических норм. При достаточно резкой смене общественных идеалов и морали определенные социальные группы перестают чувствовать свою причастность к данному обществу, происходит их отчуждение, новые социальные нормы и ценности отвергаются членами этих групп, а вместо конвенциональных средств достижения индивидуальных или общественных целей выдвигаются другие (в частности, противоправные). Явления аномии, затрагивая при социальных потрясениях все слои населения, особенно сильно действуют в отношении молодежи [2, С. 34]. Следует отметить, что Э. Дюркгейм использует категорию «аномия» в двух значениях. Во-первых, аномия – это переходное состояние общества, промежуточное звено в процессе его развития (в работе «О разделении общественного труда»). Во-вторых, аномия – психологическое состояние, характеризующееся чувством дезориентации и приводящая к различным

формам девиантного поведения (в работе «Самоубийство»). Во втором значении аномия наиболее близка по смыслу к характеристике страха в современном состоянии общества.

Страх перед будущим как катастрофизм

Следующим важным период в исследовании данной начинается с событий Второй Мировой войны, в ходе которой усилились катастрофические, пессимистические, упаднические настроения и существенно изменилось отношение общества к будущему. «Абсолютный эмпирический страх» прочно укоренился в массовом сознании с созданием ядерного оружия и атомной бомбы как средства мгновенного тотального уничтожения. Этот страх перед угрозой применения средств массового уничтожения, созданных самим человеком, пронизывает всю историю второй половины предыдущего столетия [1, С. 10].

Примерно с этого периода (середина XX в.) берет начало социокультурный кризис современности, который стал последствием краха самого грандиозного утопического проекта в истории мировой культуры – проекта Просвещения. По этому поводу Дж. Грей писал: «Сегодня мы живем среди неразобранных руин проекта Просвещения, который был главным предприятием Современности. В наследство нам достается разочарование, разочарование все более глубокое, поскольку оно касается основных иллюзий самого Просвещения: веры в разум, идеи прогресса, приоритета науки, которые были его основаниями [3, С.280].

Можно сказать, что несколько изменилась концепция социального страха, все чаще с середины XX века по настоящее время говорят о страхе как о страхе перед будущим. В науке в это время сложились концепции катастрофизма и футурошока.

Страх перед будущим - основа катастрофического сознания. «Катастрофизм предполагает пессимистическую оценку будущего, но часто эта оценка складывается в результате пессимистической оценки настоящего. Учитывая, что будущее, как много мы бы ни думали о нем, всегда оказывается иррелевантным сегодняшнему взгляду на него, катастрофическое мышление имеет тенденцию экстраполировать нынешние опасности и проблемы на будущее» - пишут В. Шляпентох и С. Матвеева. [4] Катастрофизм - это страх перед ожидаемой катастрофой. Это не только ожидание стихийных бедствий, но и социокультурные катастрофы: глубокий экономический кризис, гражданская война, гибель государства.

Эмоционально-чувственную сторону социокультурной жизни можно описать как постоянное колебание и смену подвижных комбинаций уверенности и страха. Хотя в каждый момент времени соотношение этих характеристик может смещаться в ту или иную сторону, в целом

«нормальное» сознание в обычной, не экстремальной ситуации сохраняет некий приемлемый баланс, который можно обозначить как удовлетворительно комфортное состояние.

Устойчивое смещение чувств в сторону тревожности, беспокойства, страха, тягостного ощущения неуверенности ведет к эмоционально-чувственному дисбалансу. Если чувство страха становится постоянной характеристикой сознания, «застревает» на длительное время, можно говорить о формировании катастрофического сознания.

Страх перед будущим как футурошок

Интересной представляется и позиция А. Тоффлера. В центре его анализа – сознание, испытывающее дискомфорт, вследствие неоправдавшихся ожиданий по отношению к будущему, вторгающемуся в жизнь «на гребне третьей волны». А. Тоффлер в 1965 в статье в журнале «HORIZON» ввел термин «футурошок», чтобы описать стресс и дезориентацию, которые возникают у людей, подверженных слишком большому количеству перемен за слишком короткий срок, т.е. футурошок, по Тоффлеру, можно определить как «вызывающая головокружение дезориентация, являющаяся следствием преждевременного прихода будущего» [5, С. 23].

В своей книге «Шок будущего» (1968) Тоффлер стремился показать, что скорость перемен во времени имеет значение иногда более важное, чем направление перемен. Поскольку футурошок – это феномен времени, продукт сильно ускоряющегося темпа перемен в обществе, возникающий по причине увеличивающегося разрыва между скоростью изменения окружения и ограниченной скоростью человеческой реакции. Поэтому очень часто даже в рамках своего общества индивид оказывается в роли «неподготовленного посетителя». Стремление поспеть за переменами и идти в ногу со временем, вынуждает человека ускорять темп принятия самых важных решений за максимально короткий срок. Краткосрочное заменяет долгосрочное, начиная с одноразовых бумажных стаканчиков и бумажных свадебных платьев, заканчивая разборными модульными домами и разборными детскими площадками. Отсутствие постоянства ведет к тому, что исчезает сплоченность в обществе, а это ведет к дроблению на множество групп и субкультур. В этих условиях неадаптированный к будущему человек ощущает страх и неуверенность. Ускорение времени, его сжатие, вызывает почти осязаемое чувство, что он живет, потеряв уверенность и опору, среди зыбучих песков.

Страх перед будущим сквозь призму риска

«Страх перед будущим» в современной культуре во многом сопоставим с понятием «риск». О.Н. Яницкий отмечает, что можно выделить

два пути интерпретации «риска». В первом случае, риск трактуется как объективный и познаваемый факт – потенциальная опасность или уже причиненный вред, который может быть измерен независимо от социальных процессов и культурной среды. Согласно второму направлению, риск зависим от политического и культурного контекста, именно в рамках этого контекста он воспринимается и дебатруется [6, С. 7]. Также следует отметить, «что категория «риск» является производной не только от понятия «опасность», но и от понятия «уязвимость», которое характеризует утрату объектом устойчивости (защищенности) к оказываемому на него неблагоприятному воздействию» [7, С. 42].

Лейтмотивом работы «Общество риска» У. Бека, таким образом, служит следующий тезис: создание новых технологий ведет к производству новых технологических (прежде всего индустриальных) рисков. Социокультурный контекст общества риска в этом случае рассматривается как среда, которая реагирует на последствия технологических рисков (загрязнения, промышленные аварии).

У. Бек выступает с острой критикой современности: «Повседневные нормы жизни ставятся с ног на голову. Рушатся рынки. В условиях изобилия царит дефицит. Возникают массовые претензии. Правовые системы не справляются с фактами. Самые животрепещущие вопросы наталкиваются на недоуменное пожимание плечами. Медицинское обслуживание оказывается несостоятельным. Рушатся научные системы рационализации. Шатаются правительства. Избиратели отказывают им в доверии...» [8, С. 8]. Проблемы природы стали проблемами общества, а проблемы общества – проблемами природы. «От бедности можно защититься границами, а от опасностей атомного века – нельзя. В этом их своеобразная культурная и политическая сила. Эта сила – в угрозе опасности, которая не признает охранных зон и дифференциаций современного мира» [8, С. 5].

И, несмотря на критику, на все усилия, на попытки совершенствования методов всестороннего социального и естественнонаучного исследования и анализа содержания способов проявления различных природных, антропогенных (экологических, технологических) и социальных рисков и катастроф, на все попытки их разрешения и предупреждения, человечество оказывается неспособным разрешить главную проблему – обеспечение высокого уровня глобальной безопасности. Эту ситуацию У. Бек описывал следующим образом: «Ощущение этой лишенной выбора подверженности риску делает понятным и шок, бессильную ярость и чувство «no-future», жизни без будущего, с которым многие реагируют на достижения технической цивилизации» [8, С. 49].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своей статье я пыталась обозначить смысловые рамки исследования феномена «страх перед будущим» в современном обществе. Наиболее остро это мировосприятие проявляется в периоды резких социальных трансформаций, когда происходит переустройство социальной системы, переоценка и изменение жизненных ориентиров и ценностей людей. Страх перед будущим возникает в процессе адаптации общества к изменениям идеалов, норм, ценностных установок в данном обществе, активизирует противодействие и преодоление новых опасностей и угроз. В наше время, хотя существуют различные методы расчета и калькуляции возможных рисков будущего, никто не застрахован от наихудшего сценария будущего, поэтому тема страха перед будущим остается одной из актуальнейших.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Страхи и тревоги россиян [Текст].- СПб.: Изд-во РГХИ, 2004.- 216 с.
2. Социальная психология. Словарь / Под. ред. М.Ю. Кондратьева [Текст] // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. - М.: ПЕР СЭ, 2006. - 176 с.
3. Грей, Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности [Текст]. - М.: Праксис, 2003.- 368 с.
4. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века [Текст]. (По материалам международных исследований) / В. Э. Шляпентох [и др.]; под ред. В. Шляпентоха. М. : МОНФ [и др.], 1999. 347 с. (Научные доклады ; вып. 96).
5. Тоффлер, А. Футурошок [Текст] / А. Тоффлер. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.-557 с.
6. Яницкий, О.Н. Социология риска [Текст] / О.Н. Яницкий. - М.: Издательство LVS, 2003.- 192 с.
7. Порфирьев, Б.Н. Риск и безопасность: определение понятий [Текст] / Б.Н, Порфирьев // Риск в социальном пространстве/ Под ред. А.В. Мозговой.- М.: Изд-во института социологии РАН, 2001. - 347 с.
8. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

ГЕРМЕНЕВТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

С.В. Хохлов (Москва, Россия)

канд. филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

Д.Д. Антипова (Москва, Россия)

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации*

Аннотация. Настоящее исследование посвящено роли и значению герменевтики для современной юриспруденции. Представлена краткая история возникновения и развития герменевтики как направления в философии, а также ее значимости для толкования правовых текстов. Обозначены основные тенденции толкования, характерные для современной отечественной юриспруденции, а также имеющиеся проблемы в решении вопросов уяснения смысла правовых документов.

Ключевые слова: герменевтика, право, юриспруденция, закон, юридические тексты, философия, гуманитарные науки

«Не так страшен закон, как его толкуют.»

Данил Рудый, писатель

1. ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития Российской Федерации все большее внимание уделяется пониманию законов и праву в целом. Целесообразно рассмотреть герменевтический подход к пониманию правовых норм. На сегодняшний момент в обществе проявляется немалое внимание к праву, причем оно рассматривается не с позиций формального понимания, истинности, применимости. Общество все больше интересуется вопросом реализации права с позиции понимания его истинной цели. Вследствие чего появляется все большая необходимость в толковании права, так как в ходе этого выявляется его реальный смысл и предназначение, то есть то, что подразумевает субъект права на стадии создания правовой нормы. Без процесса толкования не обходится ни один правоприменительный процесс.

Эффективная реализация правовых норм зависит от процесса верного и корректного понимания правовых текстов.

Осознать и принять не только смысл, но и духовную составляющую правового текста одна из задач юридической науки. Отсюда и возникает необходимость изучения герменевтического подхода к пониманию юридических текстов. Для юридической герменевтики важно представление о способах выражения в правовых текстах воли субъекта правовой деятельности (прежде всего, законодателя), их текстуальном изложении и оформлении, особенностях толкования и проведения лингвистической экспертизы [9, с. 34].

2. ГЕРМЕНЕВТИКА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

2.1. История возникновения и развития герменевтики

Герменевтика – направление в философских и гуманитарных науках, исследующее понимание, истолкование, интерпретацию текстов. Считается, что герменевтика берет свои начала от мифологического персонажа Гермеса, который интерпретировал известия с Олимпа от богов людям [6, с. 293]. Самое раннее упоминание и применение герменевтического подхода известно во времена Античности. Позднее, в Средние века, герменевтика использовалась в основном как толкование религиозных текстов, комментирование Священных Писаний, но, предметного использования в гуманитарных науках не получила.

С расцвета немецкой философии с конца XVIII в. начинается активное использование понятия герменевтика и применение данного подхода как философской концепции толкования. Данный подход в дальнейшем получил глобальное развитие.

В период неклассической науки, который обычно отсчитывают с конца XIX в., происходит существенное развитие гуманитарных наук в целом. Возникают различные направления мысли, такие как нарративизм, неокантианство, структурализм, а позднее – постструктурализм, находят свое выражение коммуникативные подходы в юриспруденции, социологии, проявляет себя лингвистика. На лидирующие позиции выходит и герменевтика.

Философы и правоведы XX века уже довольно активно используют герменевтику в своих работах. По мнению профессора Э. Корета, герменевтика – это основная проблема современности, т.е. проблема понима-

ния [4, с. 391]. Герменевтика напрямую связана с философией права и с теорией права.

Б. Рассел (1872-1970) отмечает, что «язык служит не только выражением мысли, но и делает возможными мысли, которые без него не могли бы существовать» [7, с. 71]. Таким образом, надо понимать, что значение текстов законов зависит от обеих сторон – стороны пишущей и стороны читающей.

Основоположниками развития герменевтики как самостоятельного научного направления принято считать немецких философов Карла Вильгельма Фридриха фон Шлегеля (1772-1829) и Фридриха Даниэля Эрнста Шлейермахера (1768-1834).

Труды этих немецких философов подтолкнули к развитию данного направления. Дальнейшее развитие герменевтика получила в трудах Вильгельма Дильтея (1833-1911) и Генриха Риккерта (1863-1936). Дильтей предлагал познать другую индивидуальную жизнь, когда познаваемый и познающий должны быть в состоянии общаться друг с другом. Риккерт отождествлял герменевтику с логикой, говоря о том, что чувственно-психическое переживание не должно иметь смысла при понимании говорящего.

Развитие герменевтики во многом обязано немецкому философу Мартину Хайдеггеру (1889-1976). В XX в. он поднял смысл понимания слова до уровня одной из разновидностей онтологии. М. Хайдеггер называл язык «домом бытия» [10].

Последователь и ученик Хайдеггера Ханс-Георг Гадамер (1900-2002) – автор фундаментального труда в области философской герменевтики «Истина и метод», комплексно проанализировал понимание и интерпретацию текстов. Гадамер ввел понятие игры для понимания текстов. Также ученый коснулся проблемы юридической герменевтики. Гадамер пишет, что закон является обязательным для каждого члена общества. А если это не так, то герменевтика невозможна. Задача герменевтики интерпретировать закон так, чтобы каждая ситуация или случай получили свое справедливое решение с правовой точки зрения того или иного закона. Задача понимания и истолкования стоит лишь там, где законодательные положения полагаются неснимаемыми для всех обязательным образом [3, с. 388].

Гадамер считает, что «интерпретировать следует там, где смысл какого-либо текста не может быть понят непосредственно. Интерпретировать следует всюду, где мы не можем доверять непосредственности явления» [3, с. 389]. Таким образом, он вводит некоторые разумные

ограничения герменевтики. Можно сделать вывод, что у герменевтики есть некоторые правила, и одно из них можно сформировать так: понятный текст не подлежит истолкованию.

Еще одним ученым, написавшим фундаментальную работу по герменевтике «Общая теория интерпретации», является итальянский правовед и мыслитель Э. Бетти (1890-1968).

Бетти исходил из того, что правильность понимания текста идет не из мнения читающего, не из его монополии на истину, а из мнения автора текста, даже если оно будет ложным [1, с. 96-97].

2.2. Общая характеристика толкования в современной отечественной юриспруденции

Значение толкования состоит в том, чтобы постичь смысл, закладываемый законодателем либо другим правотворческим субъектом в текст законодательного либо, соответственно, иного правового акта (как нормативного, так и ненормативного).

Юристы пишут на своеобразном языке, поэтому и язык права – особый язык. Внимание к изучению способов толкования норм права не ослабевает, и, скорее всего не будет ослабевать в обозримом будущем, поскольку тексты законов и иных правовых актов регулируют самые разнообразные жизненно важные общественные отношения.

На сегодняшний день весьма актуально изучение сложности юридических текстов. И такое изучение представляет собой комплексный процесс. Проблемы юридической герменевтики в сочинениях философов и правоведов прошлого, так или иначе, имели отношение к исследованиям правовой действительности. Изучение языка текстов не могло не иметь отношения к изучению языка права [2, с. 24].

В современной постсоветской теории права принято выделять следующие приемы или способы юридических толкований – грамматическое, систематическое, логическое, историко-политическое и иные.

Выделяют и определенные виды толкования, прежде всего, – официальное и неофициальное.

Среди авторов-исследователей вопросов современного толкования права можно назвать Нерсисянца В.С., Малько А.В., Марченко М.Н. и других.

Особое место занимает судебное толкование. Разъяснениями, данными Конституционным Судом Российской Федерации, руководствуются различные государственные органы, организации, граждане. Немало-

важна и роль толкования права, осуществляемого иными судами, особенно – Верховным Судом Российской Федерации. Юристы-правоприменители в случае неясности тех или иных положений законодательства, предпочитают обращаться к материалам судебной практики, нежели к комментариям ученых, пуская и авторитетных. Ссылки на судебную практику более значимо звучат при аргументации понимания тех или иных норм.

Но, надо отметить, что судебная практика, толкующая смысл правовых норм, не всегда есть в арсенале юриста. Особенно, если нормативный правовой акт принят совсем недавно и отсутствует правоприменительный опыт, и не успели возникнуть еще споры. Перед юристами и правоведами в таком случае возникает задача поиска иных источников, из которых возможно было бы почерпнуть истинный смысл норм. Кроме судебной практики обычно обращаются к официальным письмам-разъяснениям профильных органов власти (например, министерств – разработчиков документа).

Нельзя преуменьшать роль и исторического способа толкования. Если речь идет о федеральных законах, то есть возможность обратиться к ресурсам Государственной Думы ФС РФ и ознакомиться со всем пакетом документов, касающихся принятия того или иного закона (пояснительные записки, заключения комитетов, юридических служб и иные). Тем самым, возможно попытаться понять предпосылки и обоснование принятия закона.

Юридическое сознание сходно с историческим, то есть юрист должен исследовать предысторию интерпретируемого факта [8, с. 116].

Для лучшего уяснения смысла закона порой бывает не лишним привлечение лингвистов. Хотя, следует отметить, что лингвисты и юристы по-разному смотрят на язык. Если для юристов язык – это скорее средство для изложения норм, то для лингвистов язык – это нечто, данное свыше.

2.3. Проблемы, стоящие перед юридической герменевтикой

Специалисты в области исследования права отмечают, что происходила и происходит эволюция юридического языка.

В частности, советские законы 70-х годов прошлого века отличаются от законов 90-х годов, а также более позднего времени.

К началу 90-х годов был накоплен определенный опыт изложения юридических документов. В связи с распадом СССР, сменой обществен-

ного строя, реформированием системы права произошло некое «обнуление», законы стали писаться фактически «с чистого листа».

Отмечается, что похожая ситуация, как и в 90-е годы, была после революции.

К 2007-08 годам вновь начинает проявляться усложнение в изложении юридических текстов и их толковании.

В итоге, имеет место быть ситуация, когда даже профессиональные практикующие юристы читают и перечитывают нормативные документы по несколько раз для их верного осмысления.

Зачастую, привлекают лингвистов для правильного разложения текста на грамматические элементы. Такая практика существует, как уже говорилось выше.

Возникает проблема необходимости изложения более простых текстов нормативных правовых актов, не жертвуя содержанием. Перед специалистами, владеющими юридической техникой (правила изложения правовых документов), всегда стоит проблема органичной организации текста.

Проводятся различного рода юридико-лингвистические семинары, нормативным образом закрепляются определенные правила юридической техники для различных нормотворческих органов. Ведь, один и тот же по смыслу текст можно изложить различными способами. Но, проблемы продолжают существовать.

Исходя из этого, справедливо сделать вывод, что толкование закона обратная сторона другого процесса – написания закона, и чем более сложным и нагроможденным языком закон излагается, тем сложнее его истолковывать и постигать смысл.

Вероятно, что в послереволюционные годы, и в начале 90-х годов было проще толковать законодательные акты, уясняя их смысл. Вместе с тем, полное реформирование системы права, да еще и сопряженное со сменой общественного строя, – не та жертва, которую следует приносить ради упрощения, «обнуления» юридического языка.

Таким образом, актуальность развития юридической герменевтики, помогающей правильно истолковывать законы, сложно переоценить.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышесказанного, герменевтика играет большую роль для юридической науки и практики. Толкование законодательных норм в современном обществе осуществляется адвокатами, судьями, различны-

ми государственными органами, общественными деятелями и гражданами. По мнению И.П. Малиновой, юридическая герменевтика – это междисциплинарная юридическая дисциплина, предметом которой является методология интерпретации юридических норм, индивидуальных юридических актов и регулируемых правом общественных отношений. Это наука о понимании в правовой коммуникации. Ее главная функция – обеспечение соответствующей духу права интерпретации юридически значимых текстов и фактов [5, с. 111].

Очень важно, чтобы современная юридическая герменевтика использовала накопленный опыт не только правоведов, но и философов прошлого, внесших значительный вклад в развитие данного направления мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Пер. с нем.: Е.В. Борисов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. 144 с.
2. Гаврилова Ю.А. Смысловое поле права, политики, морали: проблема взаимодействия // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 24–33.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. Герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. с вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с.
5. Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика: Монография. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. 200 с.
6. Мифы народов мира / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. 672 с.
7. Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. Киев: Ника-Центр, 2001. 560 с.
8. Суслов В.В. Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право. 1997. № 6. С. 115–118.
9. Фролкина Т.Ю. Герменевтика как объективно необходимый метод современной юридической науки / Т.Ю. Фролкина // Контентус. 2020. № 11. С. 34–42.
10. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления.: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. 443 с.

**ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ АДЕКВАТНОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЙ
ПАТРИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ
СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО)**

М.А. Шахбазян (Краснодар, Россия)

доктор филол. наук

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
епископ Сочинский и Туапсинский Герман (А.М. Камалов) (Сочи,
Россия)*

Аннотация. Исследование посвящено проблеме неадекватной интерпретации понятий имени и символа в религиозной философии Серебряного века в контексте патристического учения, являющейся частным аспектом более широкой проблемы – недостаточного владения историко-философским материалом греческого Востока, приводящего к неверным представлениям о православном вероучении. Рассмотрено понимание имени и символа в трудах священника Павла Флоренского, проведено сравнение его взглядов с представлениями святителя Григория Паламы в контексте учения святителя об энергиях. Проанализировано восприятие взглядов Флоренского в современных историко-философских исследованиях на примере протоиерея Григория Лескина. В заключении сформулирован вывод о необходимости историко-философского знания для развития современного богословия.

Ключевые слова: русская религиозная философия, имя, образ, символ, сущность, энергия.

1. ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящего исследования обусловлена усилением интереса к философскому наследию русской религиозной философии как источнику понимания патристического наследия. Проблема значительной части современных исследований заключается в доверии к интерпретациям религиозными философами богословских понятий без учёта изначального контекста, представленного трудами отцов и учителей Церкви. Несмотря на активное переиздание и публикацию в последние

двадцать лет новых переводов святоотеческих трудов греческого Востока, проблема сохраняется. Ее рассмотрению посвящены работы Ж.-К. Ларше, П.А. Пашкова, П.Ю. Малкова. В отличие от названных авторов, мы сосредоточили внимание на неадекватности интерпретаций патристического учения об имени. Целью предпринятого исследования является анализ трансформации ключевых понятий в связи с недостаточным владением историко-философским материалом как у русских религиозных философов на примере священника Павла Флоренского, так и у современных их исследователей, философов и теологов. Результаты могут быть использованы для уточнения понятийного аппарата православного богословия в трудах русских религиозных философов.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

2.1. Представление об имени и символе у священника Павла Флоренского и святителя Григория Паламы

Священник Павел Флоренский значительную часть своих трудов посвятил проблемам имени и символа как понятий не только филологических, но и богословских. При этом он возводил свои построения к свт. Григорию Паламе, его учению об энергиях.

Вот как он говорит об имени Божиим: «...Имя Божие как реальность, раскрывающая и являющая Божественное Существо, больше самой себя и божественно, мало того — есть Сам Бог, — Именем в самом деле не призрачно, не обманчиво являемый» [9, с. 270].

Флоренский отождествляет здесь имя и энергию, не делая различия между именуемостью, именем и явлением именуемого. То, что энергии Божии именуется божеством, что они являют сущность, — это не вызывает сомнений ни у кого из православных, ибо без труда может быть подтверждено множеством текстов Соборов и свв. отцов. Но тождество имени и энергии (являющей сущность) никак не подтверждено Флоренским текстами. Да и не могло быть подтверждено, так как в этих текстах мы читаем совсем иное.

В Диалоге «О божественности и о том, что в ней причастуемо, а что неприсчастуемо» свт. Григорий Палама настаивает на неизменности сущности Божией, утверждая это вслед свт. Дионисию Ареопагиту. Логика его рассуждения такова: коль скоро мы не можем познать сущность, то мы не можем и дать ей имени: «божественную сверхсуществование ни изречь невозможно, ни помыслить, ни вообще как-либо созерцать, из-за того, что она запредельна по отношению ко всему и

сверхнепознаваема, и беспредельной силой стоит превыше и [самих] пренебесных умов и для всех абсолютно непостижима и невыразима во веки. Ибо ни имени нет для нее, в нынешнем веке или в будущем именуемого, ни слова, составленного в душе или языком произнесенного, ни какого-либо прикосновения, чувственного или умного, ни вообще представления – разве что, если кто-нибудь выведет из отрицаний ее совершеннейшую непостижимость, поскольку она в высшей степени изъята изо всего, что есть или вообще [как-либо] называется» [4, с. 210].

Исходя из этого свт. Григорий учит, что «не сама сущность или природа должна именоваться, но именно сущностотворное исхождение Божие» [4, с. 210]. Когда же Флоренский говорит, что «Существо безусловно (а не относительно) неименуемо» [9, с. 308], он упускает из виду, что если имя есть энергия, то оно являет сущность, следовательно, и сама сущность Божия именуема.

Следует отметить, что Флоренскому мало были известны тексты свт. Григория. Когда бы он с ними был знаком более серьезно, то, возможно, если бы и не отказался от своих идей, то, во всяком случае, не стал бы приписывать их святителю.

При этом, когда свт. Григорий говорит о непознаваемости и неименуемости божественной сущности, но не божественных энергий, он описывает связь энергии с сущностью как правило, применимое и к тварному миру: «энергия соответствует сущности, которой она принадлежит, так что энергия тварной сущности — тварная, а нетварной — нетварная» [4, с. 15].

Запрет на допущение возможности познания и именования сущности совершенно категоричен.

Таким образом, Флоренский понимает православное учение о сущности и энергиях верно, когда утверждает, что бытие и познающего субъекта, и познаваемого объекта имеет две стороны: внутреннюю (сущность), обращенную к себе, и внешнюю (энергию), обращенную во вне. При этом нельзя, разумеется, отделять энергию от сущности, разделять, разрывать единое бытие, изначальное единство. Это просто невозможно, ибо действие — всегда действие кого-то или чего-то [9, с. 255-256]. Свт. Григорий даже допускает правомочным называть сущность причастуемой, но с важной оговоркой: «не саму по себе, а через оную энергию» [9, с. 211].

Вместе с тем, мысль Флоренского об имени как энергии сущности, являющей сущность вовне, не имеет основания в святоотеческих текстах. Не имеет основания в этих текстах и его представление об име-

ни/символе как новой реальности — некой связи двух центров — воспринимающего и воспринимаемого [9. С. 256]. Флоренский вначале говорит, что имя служит для закрепления в познающем «синергетического откровения реальности» (то есть неиллюзорности произошедшей встречи энергий познающего и познаваемого), той реальности, которая открылась единожды. Эта единожды открытая реальность встречи нуждается в возможности быть всегда вновь воспроизводимой и возобновимой. Имя является «органом самопроизвольного установления связи между познающим и познаваемым» [9, с. 259]. Предположим, это так. Но возникают два вопроса: в каком отношении к данной реальности находится сей «орган установления связи»; в чем заключается «самопроизвольность» этого установления посредством данного «органа». Очевидно, что мы имеем здесь дело не со словом/именем как неким знаком, необходимым для того, чтобы указать на реальность. Никакой внутренней необходимости познающему воспроизводить результат встречи познающего с познаваемым через воспроизведение некоего знака нет. Достаточно воспроизвести в памяти саму встречу. Если же нужно воспроизвести связь, возобновить саму встречу, то надо обратиться к самому познаваемому, воспринимаемому. Ответом на оба вопроса будет следующее: именование и есть установление связи, имя и есть реальность встречи, то, что при произнесении самопроизвольно устанавливает связь познающего с познаваемым. При этом следует учитывать, что именно произнесенное, выговариваемое слово, «язык членораздельного звукового слова» есть «наиболее разносторонний и наиболее способный служить собою» самым разнообразным потребностям. Важнейшая цель его — познание. Выговаривание слова. Именно оно, по Флоренскому, является итогом процесса познания, оно есть «молния, раздирающая небо», которая порождает смысл, соединяя энергии познающего и познаваемого в единство. Произнесенное слово (имя) являет в энергиях (действиях) и сущность познающего, и сущность познаваемого [9, с. 256–261]. Отсюда следует, что слово (и, прежде всего, имя) — символ в том смысле, что являет сущности в их взаимосвязи.

Символы, согласно Флоренскому, — некие органы общения познающего с реальностью. Символами и посредством символов познающий прикасается к тому, что прежде было как бы «отрезано» от сознания познающего. В изображении познающий видит реальность, а в символе он реальность слышит. «Символы — это отверстия, пробитые в нашей субъективности» [9, с. 367].

Более того, Флоренский заходит еще дальше, говоря о связи имени/символа с духовной сущностью. Здесь он следует Платону и Плотину. Приводя аналогию с розой он обнаруживает нечто метафизическое и даже мистическое: «Лепесток розы — не роза в ее духовной сущности: но роза именно в лепестках своих является <...> Символ есть символизируемое, воплощение есть воплощаемое, имя есть именуемое <...> Роза — не лепестки, но лепестки — роза» [9, с. 138].

Стоит сравнить сказанное Флоренским с тем, что говорит свт. Григорий Палама о символе, чтобы сразу стала ясной совершенная чуждость его представления святоотеческому. Свт. Григорий Палама учит, что «всякий символ либо одной природы с тем, чего он символ, либо принадлежит к совершенно другой природе. Если назвать [божественный свет] символом божества, поняв разумно и здраво, то в этом не будет ни малейшего противоречия истине» [5, с. 279], потому свет — энергия Божия — есть природный символ.

Таковы энергии Божии. И «единоприродный символ всегда сопутствует природе, от которого его бытие как природного, но совершенно невозможно, чтобы символ другой, самостоятельно существующей природы всегда сопутствовал обозначаемому: чем бы он ни был сам по себе, ему ничто не мешает существовать прежде обозначаемого или после него» [5, с. 279]. Свт. Григорий говорит, что «все имена всех вещей — по соглашению, а не по природе, это известно всякому разумному человеку» (здесь и далее перевод П. А. Пашкова) [10, с. 276], что сравнение имени и энергии есть «сравнение несравнимого» [10, с. 276]. Возражая еретику Никифору Григоре, свт. Григорий обвиняет его в том, что, «Григора называет энергии простыми именами, не имеющими [за собой никаких] вещей, изобретением и творением людей, о чем мы до сего дня не слыхивали» [10, с. 286]. В этом он следует свт. Григорию Нисскому: «Как говорит и Григорий, известнейший предстоятель Ниссы, все, мыслимое при Боге, существовало до сотворения мира, хотя и получило наименование после того, как появился именуемый [т. е. творение — человек]» [10, с. 277].

Таким образом, очевидно, что у свт. Григория Паламы, как и у св. отцов, которым он следует, мы имеем ясное отрицание мнения Флоренского, который лишь по какому-то недоразумению счел себя его последователем, утверждая, будто имя есть энергия Божия. Ибо если энергии — не имена, то невозможно и обратное: называть имена энергиями.

2.2. Осмысление взглядов священника Павла Флоренского в современных историко-философских исследованиях (на примере протоиерея Григория Лескина)

Отметим, что отчасти это понимают и те современные исследователи, которые относятся к «высокопросвещенным богословам», в частности Флоренскому, с глубоким почтением. Например, протоиерей Григорий Лескин одним из «важнейших “ономатических” выводов, которые позволяет сделать система свят. Григория Паламы», считает такой: «Мы именуем Бога только по Его энергиям и никак не по сущности, но даже по отношению к энергиям Божиим, таким как Божественный свет, человеческие имена условны и неадекватны» [2, с. 79]. Этот вывод закрывает, на наш взгляд, всякую возможность упоминания имени свт. Григория в числе источников «имяславия». Лескин даже отмечает, что идея, будто «имя Божие “есть Бог вместе со звуками его”» свойственна одному Флоренскому [2, с. 237]. Но затруднительно представить, что, например, протоиерей Сергей Булгаков вовсе был чужд названной идее, когда писал: «...энергетизм их [символов], божественный или космический, образует истинную природу символа, благодаря которой он есть уже не пустая шелуха, но носитель энергии, сила, жизнь. Сказать, что слова суть символы, это значит сказать, что в известном смысле они ж и в ы» [1, с. 26]. Однако Лескин как будто не видит, что не только в деталях (когда, например, Флоренский применяет в отношении понимания связи имени и Бога Халкидонский догмат о нераздельности и неслиянности двух природ во Христе [2, с. 215], он в определенном смысле воспроизводит ересь Прохора Кидониса, считавшего энергии Божии тварно-нетварными [7, с. 128]), но и в общих положениях «имяславцы» согласно противоречат учению свт. Григория Паламы. Протоиерей Лескин игнорирует единство учений свт. Григория Паламы и свт. Григория Нисского, обнаруживая в учении последнего «самую “номиналистическую” из всех известных в патристической литературе трактовку природы имени: имя — это кратковременное физическое явление, звук, исчезающий вместе с движением воздуха, с которым связана способность примышления, в связи с чем имена становятся знаками и символами предмета» [2, с. 341]. Однако Лескин пытается обойти обвинение: «уже в древности было указано на то, что свят. Григорий Нисский мыслил несколько иначе, чем писал в трактате “Опровержение Евномия”, и субъективизацию имен в аристотелевском духе использовал, прежде всего, как полемический прием» [2, с. 268]. Лескин ссылается на статью протоиерея Сергея Булгакова

«Смысл учения св. Григория Нисского об именах». В свою очередь Булгаков, ничего не говоря о том, на что и кем было указано «уже в древности», ссылается на сс. 153—154 книги Несмелова «Догматическая система святого Григория Нисского» [1, с. 153-154]. Но и у Несмелова про древность – ни слова, а только про необходимость внимательно читать творения свт. Григория. Ссылка Булгакова и на Несмелова как древний источник никак не может быть признана корректной.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы видим, что отсутствие серьезного знакомства со святоотеческими текстами у философов Серебряного века и недостаточная их рецепция у современных исследователей приводит к теоретическим ошибкам. Это хорошо видно на примере ономотологии Флоренского и его современных последователей, которые в качестве православного учения о языке, имени, символе предлагают интерпретации, далеко отстоящие от православия. Именно адекватность интерпретации продолжает оставаться основным требованием в православном богословии, и обращение к истории философской мысли является необходимым для этого условием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков Сергей, прот. Философия имени. Париж: YMCA-PRESS, 1953. 279 с.
2. Лескин Д. Ю. Метафизика слова и имени в русской религиозно-философской мысли. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук : 09.00.03. М., 2006. 376 с.
3. Несмелов В. И. Догматическая система святого Григория Нисского. СПб.: Издание Центра изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000. 652 с.
4. Палама Григорий. Трактаты / Г. Палама. Краснодар: Текст, 2007. — 256 с.
5. Палама Григорий. Триады в защиту священно-безмолствующих / Перевод, послесловие и комментарии В. Вениаминова. — М.: Канон, 1995. 384 с.
6. С.Н. Булгаков: pro et contra. Том 1 (антология). СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2003 г. 1000 с.

7. Томосы паламитских соборов / пер., коммент., предисл. Д. С. Чепеля; сост. О. И. Ласточкин. СПб.: Алетейя, 2021. 168 с.

8. Троицкий С. В. Учение св. Григория Нисского об именах божиих и имябожники / С. В. Троицкий. Краснодар, 2002. 308 с.

9. Флоренский П. А., свящ. Сочинения в четырех томах / Священник Павел Флоренский; Составление и общая редакция игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. Москва: Издательство «Мысль», 1994–1999. Т. 3 (1). 621 с.

10. Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς, ἅγιος. Περὶ τῆς τοῦ Γρηγοῦρα ψευδογραφίας // Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα. Θεσσαλονίκη, 1988. Τ. 4.

УДК 101.1

**«ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ» Г. И. ЧЕЛПАНОВА.
ТРАДИЦИЯ РУССКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО
ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ**

А.Ю. Шелковников (Москва, Россия)

доктор филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. Статья посвящена методологии преподавания философии Г.И. Челпанова (1862 – 1936). Анализируются концепция и структура учебника Г.И. Челпанова «Введение в философию». В наше время актуально обращение к традициям русского дореволюционного преподавания философии в университетах. Г.И. Челпанов – учитель А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета и др. выдающихся отечественных мыслителей. Он также является основателем российской научной психологии. Концептуальные и методические разработки Г.И. Челпанова могут быть использованы при разработке РПД по «Философии» в системе современного высшего образования. Материал, содержащийся в статье, будет интересен преподавателям, аспирантам, студентам, всем, работающим в сфере высшего и среднего образования, а также интересующимся историей русской культуры и образования.

Ключевые слова: философия, образование, психология, методика, университет, школа.

1. ВВЕДЕНИЕ

В современном российском высшем образовании существует серьезная методическая проблема, связанная с преподаванием дисциплины «Философия». Этот курс преподается в академическом бакалавриате, входит в базовую часть образовательной программы и длится один семестр. Чрезвычайно сложно за полгода изучить такие разделы дисциплины, как «История философии» и блок, посвященный знакомству с основными проблемами философии и разделами философского знания. Но основная проблема – не в этом. Главные трудности возникают при размышлении о содержательном наполнении этого курса. Современная российская концепция преподавания философии отказалась от марксистского идеологического наследия (хоть и не полностью), но не выработала новой методологической базы. Поэтому в преподавании философии сохраняется эклектизм, на практике выражающийся в зависимости от установок и вкусов отдельного преподавателя. Если обращаться к авторитетным источникам, например, к учебнику «Введение в философию», подготовленному сотрудниками Института философии РАН [1], то в нем настойчиво рекомендуется культурно-исторический подход к изучению философии. Учебник «Философия» А.Г. Спиркина [2; 3] связан с переоценкой ценностей советского прошлого, в нем указываются некоторые ориентиры, в том числе в области русской религиозной философии, но в целом позиция автора не отрефлексирована. В многочисленных современных учебниках по философии заявлен авторский подход, иногда основанный на определенных предпочтениях, связанных с известными именами отечественных и зарубежных мыслителей. Все это многообразие учебников не сводится к какому-либо содержательному единству. Многие полагают, что такое единство и не нужно. Но вопрос о формальном и содержательном единстве все же возникает, так как преподаватели вынуждены ориентироваться на программу изучаемого курса. В большей степени в некотором концептуальном единстве изучения философии нуждаются, конечно же, студенты, ведь для них важно не столько познакомиться с оригинальными взглядами преподавателя, сколько с историей и теорией философии. В этой связи актуальным представляется обращение к методологии русского дореволюционного преподавания философии в университетах. В Советском Союзе господствовало идеологическое единство, в постсоветской России преобладает эклектизм. Мы предлагаем обратиться за уроками преподавания философии к дореволюционному учебнику Г. И. Челпанова «Введение в философию» [4], первое

издание которого вышло в 1905 г., а последнее, седьмое, в 1918 г. Это, пожалуй, самый популярный учебник по философии в России начала XX в. Среди учеников Г.И. Челпанова – А.Ф. Лосев, Г.Г. Шпет, В.В. Зеньковский, Р.О. Якобсон, Н.И. Жинкин, П.П. Блонский, К.Н. Корнилов и мн. др. Русские студенты дореволюционной эпохи, получившие блестящее образование в классической гимназии, были готовы к восприятию курса философии. Учебник Челпанова написан доступным, понятным языком; он действительно является введением в сложнейшую философскую проблематику. Естественно, надо помнить о том, что в начале XX в. в России была хорошо известна мировая философская ситуация, но с того времени в истории философии произошли существенные изменения. Многие философские вопросы сегодня видятся иначе, чем они могли представляться мыслителям и ученикам до Первой мировой войны. Поэтому к учебнику Челпанова нужно относиться с историческим пониманием. Его изучение необходимо в первую очередь преподавателям для философского самообразования. Почему сегодня это актуально? Мы не можем и не имеем намерения ориентироваться на какую-либо жесткую идеологическую программу в гуманитарных науках и философии, как это было в советские годы. Но то, что произошло в постсоветской России в системе образования, по многим причинам также неприемлемо. Начиная с 1990-х гг. российское гуманитарное сообщество испытало влияние многих направлений и школ мысли, как отечественных, так и зарубежных. Но, представляется, что рецепция разнообразных течений общественной мысли была и остается поверхностной и, как правило, философски не отрефлексированной. Особенно, если речь идет о популяризации и учебно-методической литературе. Наверное, иначе и быть не могло. Отказавшись от идеологии марксизма-ленинизма и не имея при этом другого философского основания для понимания наследия мировой философской мысли, современные российские интеллектуалы оказались обречены на некий фрагментарный, эклектический плюрализм, отличающийся идейной «всеядностью» и не имеющий концептуального ядра. Именно поэтому так важно обратиться к традициям университетского преподавания философии в России до советского периода, до методологического ограничения философии марксизмом. Ведь философия начала XX в. в России, а также ее преподавание, была результатом развития мировой философской мысли, причем в контексте научного познания. Именно в этой философии мы можем найти историческое основание, школу мысли, необходимую для понимания различных философских традиций и текстов. Конечно, для этого необходимо реконструировать

всю систему. Это – задача для многолетних исследований в этой области. Изучение и использование названного учебника Г. И. Челпанова – один из шагов по направлению к указанной цели.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В предисловии к своему учебнику автор говорит о том, что на русском языке к 1905 г. было доступно несколько «Введений в философию». Он называет имена Ф. Паульсена [5], В. Вундта [6], О. Кюльпе [7], В. Ерузалема, Г. Корнелиуса [8], Г. Е. Струве. Положительно отзываясь об этих учебниках, он, однако, замечает, что эти книги не являются вводными курсами как таковыми. Так, например, высоко оценивая учебник Ф. Паульсена, Челпанов замечает, что это – авторский курс философии, оригинальная система мысли. Учебник В. Вундта, по характеристике Челпанова, труден для понимания, требует основательной философской подготовки. Учебник О. Кюльпе приближается к квалифицированному справочнику по философской терминологии. В общем, по мнению Челпанова, все эти источники не решают главной задачи «Введения в философию» - т. е. не формируют базовый уровень для понимания и истолкования философских проблем, а также истории философской мысли. Эту задачу и пытается решить Челпанов в своем учебнике. Но, надо заметить, этот учебник также не предназначен для учеников нулевого уровня. Он предназначен для студентов, окончивших классическую гимназию, знающих греческий и латынь, историю, а также, что особенно важно, изучавших в старших классах психологию и логику. Г.И. Челпанов был автором учебников по психологии [9] и логике [10] для гимназий и самообразования. Это – прекрасные учебники, многократно переиздававшиеся и отмеченные наградами. Они выходили под общим наименованием – «Элементарный курс философии». Таким образом, они-то и составляли первичную философскую базу. Современные студенты, к сожалению, такой возможности лишены. Кроме того, Г.И. Челпанов читал в университете курс лекций под названием «Мозг и душа: критика материализма и очерк современных учений о душе». Этот курс был опубликован в одноименной книге [11]. Она выдержала шесть изданий с 1900 по 1918 гг. Ее автор также рекомендует в предисловии к учебнику в качестве подготовки к изучению курса.

В первой главе своего учебника Челпанов говорит о задачах философии и проясняет отношение философии к науке. Он приходит к выводу, что философия, безусловно, является наукой. В своей универсальной

рефлексии она объединяет научное знание. Вместе с тем она имеет самостоятельные метафизические задачи. Челпанов также подчеркивает гипотетический характер философии. В целом, его позиция в этом вопросе близка к взглядам В. Вундта. Далее, разделы учебника посвящены отдельным философским дисциплинам – гносеологии, онтологии, космологии, этике, философии религии. Исключение составляет четвертый раздел, посвященный характеристике избранных философских систем. В качестве приложения к учебнику, начиная с четвертого издания, приводится вопросник, составленный учеником Челпанова В.С. Шилкарским. Он представляет собой исключительную ценность. Внимательно изучив учебник, студент составил вопросы к каждой главе. Фактически, они могут быть взяты за основу для вопросов к семинарским занятиям. В приложении также приводится конспективный обзор истории философии, с выделением основных периодов, хронологией. Этот конспект также очень удобно использовать в методических целях для периодизации философии. После каждой главы учебника приводится список литературы.

Как мы видим, учебник построен по принципу структуры самого философского знания: разделы книги соответствуют разделам философии. Акцент же делается на проблематике. Так, в разделе, посвященном гносеологии, внимание сосредоточено на проблемах познания и т.п. По этому же принципу был построен знаменитый учебник «Философия в систематическом изложении» [12], написанный коллективом немецких авторов и изданный в 1907 г. (в 1909 г. переведен на русский язык) и очень популярный в России. Как мы видим, в учебнике Челпанова нет раздела, посвященного истории философии. Вообще, он достаточно объемный, в современном переиздании – 584 с. В каждом разделе представлена глубокая проработка соответствующих проблем, с акцентом на современной автору философской мысли. Надо сказать, что учебник Челпанова был бы чрезвычайно труден для понимания современного студента. Думается, что и для преподавателя это – непростое чтение, требующее серьезной интеллектуальной работы. Освоение этого учебника будет более легким для специалиста, занимающегося изучением истории философии конца XIX – начала XX вв. Мы в большинстве своем не очень хорошо ориентируемся в философской проблематике этого периода, который очень условно можно было бы обозначить - «между Гегелем и Гуссерлем». Обратим внимание на имена, выбранные Челпановым для анализа их философских концепций – О. Конт, Г. Спенсер, А. Ланге, Э. Гартман, В. Вундт. Между тем, современники Челпанова, в том числе и студенты, интересующиеся философией, хорошо знали этих авторов.

Таким образом, для изучения рассматриваемого учебника и его адаптации к процессу современного образования необходима серьезная реконструкция историко-философского контекста.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное философское образование нуждается в обновлении и совершенствовании. В связи с этим особенно ценным представляется обращение к традиции отечественного дореволюционного университетского образования. Необходимо издание учебных пособий этого периода. У современного читателя должна быть возможность знакомства с наследием отечественных мыслителей и педагогов. Творчество Г. И. Челпанова представляет особенный интерес. Его глубокие и занимательные учебники могут стать путеводителем в интеллектуальный мир психологии, логики и философии. Они могут быть актуальны и для средней школы. Интересным проектом могло бы стать издание литературы для самообразования, которую можно было бы использовать в качестве дополнительного или любительского чтения. Если речь идет о переиздании учебно-методической литературы исторического прошлого, полезными будут комментарии современных специалистов, вводящие в исторический контекст и соответствующую проблематику, а также соотносящие материал с современной системой знания. Говоря об учебнике Г. И. Челпанова «Введение в философию», необходимо помнить, что его философской основой является идеалистическая философия, которую можно более точно определить как критический реализм, или идеал-реализм. Эта философия теснейшим образом сопряжена с идеалистической психологией в духе В. Вундта. Надо понимать, что такая философско-психологическая парадигма не близка современному образованию и науке. С другой стороны, она обнаруживает близость к религиозному сознанию. У такой философии есть общая теоретическая платформа с теологией. Представляется, что это обстоятельство не является препятствием для погружения современного читателя в атмосферу этой философии. Наоборот, есть необходимость в новой актуализации идеалистических представлений о сознании и реальности. Во всяком случае, мысль современного человека должна находиться в проблемном пространстве между идеалистическими и материалистическими представлениями, осознавая всю сложность духовных и физических определений, особенно в случае самоидентификации. Проблема автономности сознания, психики, требует новой актуализации. И эта проблема может плодотворно обсуждаться

только во взаимодействии философии и психологии. Итак, в заключение выразим надежду на то, что педагогическое, учебно-методическое наследие таких философов, как Г. И. Челпанов, будет принимать активное участие в возрождении философского образования в высшей школе России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введение в философию: Учеб. пособие для вузов / Авт. колл.: Фролов И.Т. и др. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2003. – 623 с.
2. Спиркин А. Г. Философия в 2 ч. Часть 1: Учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 402 с. – (Высшее образование).
3. Спиркин А. Г. Философия в 2 ч. Часть 2: Учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 185 с. – (Высшее образование).
4. Челпанов Г. И. Введение в философию: С приложением вопросника и конспективного обзора истории философии / Вступ. ст. И.В. Журавлева. - Изд. 8-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 584 с. - (Из наследия мировой философской мысли: история философии.)
5. Паульсен Ф. Введение в философию: Пер. с нем. / Под ред. В.П. Преображенского. – Изд. 5-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 464 с.
6. Вундт В. М. Введение в философию: учебник для вузов. – 5-е изд., стер. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 290 с. – (Серия: Авторский учебник).
7. Кюльпе О. Введение в философию: Пер. с нем. / Под ред. С.Л. Франка; Вступ. ст. И. В. Журавлева. – Изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2011. – 384 с.
8. Корнелиус Г. Введение в философию: Пер. с нем. / Под ред. и с предисл. Н. Н. Ланге. – Изд. 2-е. – М.: КомКнига, 2011. – 328 с.
9. Челпанов Г. И. Учебник психологии (для гимназий и самообразования). С 26-ю рисунками в тексте. – 15-е издание. – М.: Т-во «В.В. Думнов, - наследн. бр. Салаевых», 1918. – 224 с.
10. Челпанов Г. И. Учебник логики / Вступ. ст. Б. В. Бирюкова. – Изд. 16-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 264 с. (Из истории логики XX века.)
11. Челпанов Г. И. Мозг и душа: Критика материализма и очерк современных учений о душе / Вступ. ст. В. В. Умрихина. – Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «Либроком», 2015. – 336 с.
12. Философия в систематическом изложении. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского») – 440 с.

ГИПОТЕЗА КАНТА-ЛАПЛАСА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВСЕЛЕННОЙ И КНИГА БЫТИЯ: ПРОБЛЕМА КОРРЕЛЯЦИИ

Н.Ю. Щепотьев (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация: Неразрешимость традиционных философских вопросов силами исключительно научного знания составляет актуальность проблемы совместимости научного подхода к ним с подходом религиозным, основанным на вере в Бога и Священное Писание. Опираясь на аналитические исследования современных ученых естествоиспытателей (Н. С. Серебряков, И. И. Иваненков) и тексты христианской традиции (А. Григорян), автор усматривает и демонстрирует в настоящей статье предпосылки для их возможной корреляции.

Ключевые слова: деизм; гипотеза Канта-Лапласа; происхождение Вселенной; общая теория относительности А. Эйнштейна; Большой взрыв; Книга Бытия; креационизм.

1. ВВЕДЕНИЕ

Противоречия между научной и библейской точками зрения на возникновение нашего мира и человека возникли ещё в эпоху Возрождения позднем Средневековье в связи вместе с работами Николая Коперника и Джордано Бруно, а в наше время они стали поистине внушительными. Человек фактически вынужден выбирать между ними. Хотя как раз корреляция этих двух систем позволила бы попытаться ответить на главные вопросы, недоступные научному познанию – что есть бытие? Почему наш мир существует? Что есть время?

Единая картина мира одинаково нужна как христианам, мыслящим критически и не отрицающим неоспоримые научные факты, так и людям, отторгающим духовное богатство веры, считающим религиозное мировоззрение устаревшим. Эта тема стара, над ней рассуждали ещё Галилей и Ломоносов. Несмотря на кажущуюся неисчерпаемость вопроса, я, как верующий человек, решил сам взглянуть, так ли несовместимы наука и вера в Бога. Из рассмотренных мной исследований отмечу работы кандидата геолого-минералогических наук Н. С. Серебрякова и кан-

дидата биологических наук И. И. Иваненкова, а также работы А. Григоряна – христианского апологета. Я немало почерпнул из работ этих людей, а также сам проанализировал некоторые главы Священного Писания и наиболее современную научную теорию мироустройства, и нашёл предпосылки для корреляции.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Наука и религия: история возникновения конфликта

Первое расхождение во взглядах на мироздание случилось, когда Н. Коперник впервые разработал гелиоцентричную модель Солнечной системы. Для всех христиан, как католиков, так и православных, тогда и сомнений не было, что Солнце вращается вокруг Земли, и открытие Коперника казалось ошеломительным. И чем дальше в космос распространились взгляды учёных, тем больше возникало вопросов в европейском обществе, которое тогда было полностью христианским. И конечно, католическая церковь, отличавшаяся большим догматизмом по сравнению с православной, новые открытия учёных Средневековья и Нового времени не признавала.

Одним из самых значимых научных работ стала теория И. Канта о возникновении Солнечной Системы, выдвинутая в 1755 году, согласно которой, система сформировалась из свободной рассеянной материи в космосе под действием гравитации. Впоследствии, в 1796 году П.-С. Лаплас усовершенствовал теорию, более детально подойдя к вопросу формирования Солнца. По сути, гипотеза Канта-Лапласа стала фундаментом для дальнейших исследований возникновения всей Вселенной. Современная космология сформировалась в XX веке, ключевую роль сыграла выдвинутая А. Эйнштейном общая теория относительности.

В итоге мы имеем следующую картину: Вселенная возникла из сингулярности – точки с бесконечной плотностью и массой в результате Большого взрыва, после чего она стала расширяться с ускорением. Горячие облака материи остывали, группировались, образуя звезды, затем планеты.

При чтении первой главы Книги Бытия, в которой описывается творение мира Богом, видны несходства с научной теорией. Главным расхождением кажется то, что по Библии Земля была сотворена в первый день, а Солнце лишь в четвёртый. При том, что свет был создан также в первый день. На второй день были созданы суша, моря и атмосфера. В

третий день Бог создаёт растения. В пятый день сотворены рыбы и птицы, на шестой день Бог сотворил животных и человека. Если с космологией на этом различия по большому счёту кончаются (хотя и одного этого достаточно, чтобы серьёзно озадачиться), то есть и вопросы, связанные с возникновением именно живых существ.

По Библии, все существа были созданы сразу, в итоговом виде, «по роду их», как и, разумеется, человек. Об эволюции и речи быть не может. После грехопадения Адама и Евы мир катастрофически меняется, всему живому становятся присущи боль, старение, смерть. Хотя по данным, полученным при раскопках, болезни были и задолго до появления человека, и, конечно, живое и до человека умирало.

Есть три основных апологетических подхода к толкованию этих различий: теистический эволюционизм, младоземельный креационизм и альтеризм, и каждый имеет немало сторонников.

Рис. 1 – сравнений хронологий Библии и научной теории

Объяснения различий

Согласно теистическому эволюционизму, Большой взрыв, расширение Вселенной, формирование Земли, возникновение жизни в виде первого простейшего организма, «последнего универсального общего предка», эволюция – это всё то, посредством чего Бог творит наш мир.

Сторонники этой теории не отрицают никаких научных утверждений, они предлагают прямую корреляцию Библии и научной теории. Однако их вариант прочтения Священного писания противоречит само-

му Священному писанию в уже вышеуказанных несходствах, а также том, что по данному предположению, Бог творит мир до сих пор, так как эволюция и развитие Вселенной продолжают. В Писании же говорится: «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал» (Быт. 2:2)[1].

Младоземельные креационисты трактуют Библию буквально. Они считают, что Земле действительно 7500 лет, а горные породы, ископаемые останки лишь кажутся «старыми» вследствие того, что механизм старения с момента создания Богом мира менялся – менялась скорость полураспада ядер атомов. Эта позиция ещё хуже выдерживает критику, так как по ряду неоспоримых научных данных (например, радиоизотопное датирование и анализ распространения звёздного света), наша Вселенная так молода быть не может.

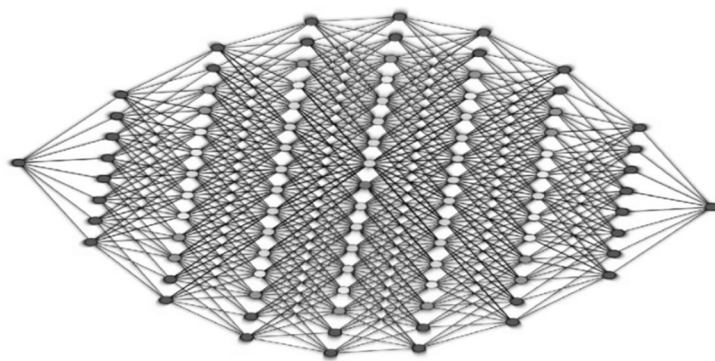
Более грамотным – с точки зрения согласования данных науки с книгой Бытия – выглядит вариант не поиска искать прямой связи напрямую, а рассмотрение первозданного, до-греховного Божьего мира как *иной* реальности по отношению к нашей.

В результате грехопадения эта *иная реальность* исказилась, оказалась проецированной в наш, тленный мир. Такой подход называется альтеризмом (от лат. alter – другой), и подобные мнения высказывали ещё русские религиозные философы 20 века – В. Соловьёв, Н. Бердяев, О. Лосский. Эта концепция позволяет не уходить от буквальной трактовки Библии: если уж верить Священному Писанию, то – всему полностью, а не разделяя его на главы, одни из которых можно трактовать напрямую, и на те, что можно рассматривать лишь образно.

Альтеризм

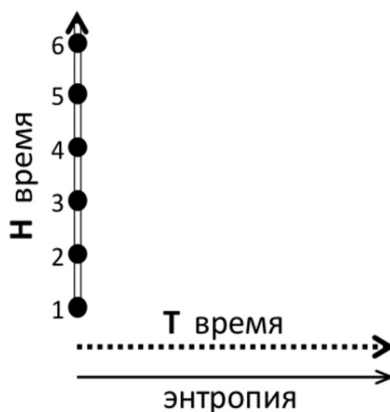
Наиболее интересным мне представляется альтеристский подход И.И. Иваненкова [4]. Он справедливо обратил внимание на тот факт, что все свойства нашего тленного мира выражены в законах физики. Первый закон термодинамики, или закон сохранения энергии, характеризуют законченность творения (Быт. 2:2). Мне кажется, что этот постулат наиболее точно отражает многомировая интерпретация теории относительности Хью Эверетта, о которой рассуждал в своих трудах физик Д. Дойч [6].

Согласно интерпретации Дойча-Эверетта, наш мир – совокупность всех возможных событий в каждый момент времени, которое разворачивается в пространстве. Это означает, что мир уже полностью существует, со всеми возможными с точки зрения законов физики сценариями (что решает все временные парадоксы), а мы лишь движемся по нему вместе со временем.

Рис.2 – схематическая иллюстрация многомировой интерпретации Вселенной от начала и до конца времени

Второй закон термодинамики, закон возрастания энтропии очень точно отражает суть нашего тленного мира: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рим. 8, 20-22). Так как время течёт в сторону возрастания энтропии, рассматривать в одном временном измерении нетленный мир, где энтропии нет, и мир тленный, пожалуй, неверно. Иваненков предложил использовать для первозданного мира вторую ось времени, которая имеет общее начало с осью времени тленного мира:

Рис.3 – две оси времени. Н – нетленный мир, Т – тленный мир

Н. С. Серебряков [5], размышляя над этой теорией, предложил посчитать, что 14 миллиардов лет тленного мира, в результате которых появился человек, развернулись в промежуток времени, пока Господь облачал Адама и Еву в кожаные одежды (Быт. 3:21), и когда первые из людей обнаружили себя уже на грешной земле, «среди терниев и волчцов» (Быт. 3:18). И все творения Бога, подчинившиеся «закону Тления», последовательно, в соответствии с причинно-следственной связью проецируются с вектора мира нетленного на вектор мира тленного.

Итог исследования

Вывод из этого можно сделать следующий: нетленный мир создавался до Большого взрыва, что вполне можно допустить, так как, например, ангельский мир существовал до сотворения Богом мира, согласно толкованиям святых отцов. Наш тленный мир, «кожаные одежды» поверх первозданной непогрешимости – хоть и искажённое, но всё же – творение Господа: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их». Божий мир, как неоднократно упоминалось в Писании (Ис. 57:15) находится вне нашего времени, по сути, в вечности.

Конечно, у альтеризма есть свои открытые вопросы. На них обратил внимание А. Григорян [3], православный апологет. В частности, как именно проходит переход всех живых существ в тленный мир, их встраивание в эволюционную цепь, в том числе человека. Однако я считаю, что этот взгляд на мир наименее противоречив и даёт возможность науке и религии сохранить «дружеский нейтралитет», так как их прямое взаимодействие не является необходимым.

Возможно, философский анализ новых данных исследований может выйти на новый уровень. Это может обеспечить альтернативный путь постановки вопроса, подкрепленный духовным опытом. Вот как, например, размышлял святой Августин Аврелий ещё во времена Римской империи о природе времени: «Не было времени, когда бы Ты не создавал чего-нибудь; ведь создатель самого времени Ты. Нет времени вечного, как Ты, ибо Ты пребываешь, а если бы время пребывало, оно не было бы временем. Что же такое время? ...Настаиваю, однако, на том, что твердо знаю: если бы ничто не проходило, не было бы прошлого времени; если бы ничто не приходило, не было бы будущего времени; если бы ничего не было, не было бы и настоящего времени. А как могут быть эти два времени, прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет? И если бы настоящее всегда оставалось настоящим и не уходило в прошлое, то это было бы уже не время, а вечность; настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое. Как же мы говорим, что оно есть, если причина его возникновения в том, что его не будет! Разве мы ошибемся, сказав, что время существует только потому, что оно стремится исчезнуть?» [2]

Кроме того, корреляция поможет и простому человеку, дав возможность отвести науке и вере разные роли в своей жизни: без нравственной дилеммы в глубине души. Библия же, при всей неоднозначности трактовки в некоторых местах – великая книга и, несомненно, она – Божье откровение, сыгравшее огромную роль в становлении человечества Древнего мира и Античности, открывшее человеку взгляд как на во-

прос «с чего всё началось», так и на самый главный, эсхатологический вопрос – «чем всё закончится». Библия говорила о том, что наша планета круглая (Ис. 40:22, Иов.26:10) ещё в те времена, когда условный принцип «Земля стоит на трёх черепахах» был неоспорим, а также то, что Земля как бы висит в пространстве (Иов.26:7). Конечно, это нельзя назвать буквальными посланиями, но визионерская направленность библейским строкам определённно присуща.

Кто знает, какие ещё тайны мироздания подглядывают за нами со страниц Писания, выжидая, когда же мы, их хозяева (Быт. 2:15), придём за ними с нашими инструментами, установками, андронными коллаидерами и спутниками.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках исследования вопроса о корреляции гипотезы Канта-Лапласа о происхождении Вселенной и первыми тремя главами Книги Бытия, я проанализировал три подхода – теистический эволюционизм, младоземельный креационизм и альтеризм. Я пришёл к выводу, что альтеристский подход является наиболее адекватным, так как он позволяет трактовать Священное Писание буквально, нигде ему не противоречит, чего нельзя сказать о первых двух подходах, и не идёт вразрез с современной научной теорией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета: канонические, портал Ekzeget.ru, <https://ekzeget.ru/bible/bytie/glava-1/>
2. Блаженный Аврелий Августин. Исповедь. Кн. XI, гл. XIV.
3. Григорян А. Соотнесение научной картины мира и библейской истории грехопадения. Православный портал Иисус, 2021. https://jesus-portal.ru/truth/articles/sootnesenie-nauchnoy-kartiny-mira-i-bibleyskoj-istorii-grekhopadeniya-chast-i/#_ftn20
4. Иваненков И. И. Соотнесение Шестоднева и науки: проблема двух векторов времени. Научный богословский портал Богослов.Ru, 2014. <https://bogoslov.ru/article/3734243>
5. Серебряков Н. С. Проблема соотнесения библейского повествования о творении мира и человека с научным естествознанием. Научный богословский портал Богослов.Ru, 2012. http://www.bogoslov.ru/text/2476686.html#_ftn30
6. David Deutsch The Fabric of Reality, 1997

AESTHETICIZATION OF RELATIONS WITHIN THE BLOCKCHAIN

*N. Atanasova (Sofia, Bulgaria)
Sofia University "St. Kliment Ohridski"*

Abstract. The aspiration to ameliorate life and society always imbues enthusiasm around the advent of new technologies and media. The belief and the hope to abolish the individual state of self-interest, selfishness, and disbelief in the other and the desire to bring forth altruism and cooperation, is what brought by the NFTs, which seemed to eradicate the necessity of social interaction from the equation of distribution of wealth, art and knowledge and its according dependence on the "middle-man" such as the museum, galleries, and auction houses. The hope for freedom of knowledge, opinion, and speech is what initially characterized the optimism of the world wide web, social networks, Wikipedia, and Creative Commons as projects. Similarly, the desire to live in a "better place", in solidarity with each other, is what Ethereum's new project of DeSoc (Decentralized Society), or "Web3's Soul", hopes to achieve. It is always this first appearance of technology as a revolutionary change in substitution to the old dominant reality and the new possibility of change that still permeates the atmosphere of the digital and virtual spaces.

Keywords: digital spaces, communities, NFT, SBT, blockchain, participation, isolation

1. INTRODUCTION

The blockchain, as a public ledger and social activity recorder, can be viewed as being the objective image of an economic state, lived through time. Thus, the blockchain is an image of social movements and the display of what one has rendered public, as an entry, on the social system of values. It is an immediate picture of values and people's relations to what represents these values, translated in the according actions oriented towards these individual values. The blockchain is thus a representation – an externalization and reflection of social signs and the world which contains them.

It is evident that, by changing the means of production, also society changes, in respect to the new means of production: ideologies and relations change and with this, our relations with and to the world, reflecting the new

expectations of social action and activity in relation to the new modes of production.

Thus, society, is formed by the individuals as constructors and seekers of the meaning that would respect and reflect their personal values, deduced from all social context and lived experience therein. Accordingly, objects and images always circulate as meaning – they are exchanged in their meaning, as it is the meaning itself, that is strictly connected to values, that allow the object of value to circulate and spread [1].

If reality and its meaning is thus the justification of the existence and at the same time, that which allows the sustenance of reality itself and its according continuity, as pregnant of meaning, – then reality is whatever the majority of individuals, acting in that reality agree it is – reminiscent of a sort of “a collective hallucination” [2]. Thus, it actually results that there is no objective state of reality, but it is formed and maintained by all action and interaction of the individuals – and each of them, as separate unit of a society.

Individuals can thus be the source of the meaning of a reality and are such, also because of their being the result of a crosspollination of other social activity and a sum of social relations. Individuals are thus also the contexts - but once a source is determined, and the context around the birth of the meaning established, no other meaning and no other context, as the originator of meaning, is possible. The context excludes all other possibilities of myths of existence. Thus, the foundation for any meaning within society are the individuals partaking in it. Accordingly, the resulting culture is subject to the dynamics of consumption, according to one’s personal values which are in a reciprocal relation with the rest of society. On the other hand, Baudrillard states that are the signs to produce culture and not culture that produces signs, as was the case of archaic societies, subject to the realization of common activities directed into the formation of a unified community [3].

Technologies of mass (re)production such as the web, produces culture through the realization of individual choices of action, such as the acts of sharing, saving or ignoring various cultural content circulating online. Nonetheless, the realization of these individual choices also depends on how the information is served and consumed, in reference to the values and shared experiences it refers to. NFTs, for example, are sold in their meaning as a massively known image. A piece of culture that is reiterating itself through the relations of its own exchange. As Baudrillard states, the code is the organizer, as the image is sold in its meaning to everyone [4]. The code, also on a virtual level, dictates reality and also controls the way we are living such a reality. Thus, the environment becomes the signifier which contains its own functionality – to uniform and form a consistent culture.

Accordingly, NFTs are signs whose signified is the use of the technology employed to produce them. Thus, NFTs play with the idea of originality and source and with the notion of the distinction between high and low culture products. As a matter of fact, NFTs, by name and definition are connected to the idea of negated exchangeability in reference to the incommensurability of their value – recuperating, in this way, the notion of prestige to which every work of art (as a luxurious commodity) implicates, exhibiting greatness of expenditure – and the ones who own them are thus able to acquire (purchase) symbols of power, but without having the ability to control its provenance and future development within culture. And as such, the use and circulation of cultural units, as is the case of the NFTs, also have the potential to bring one closer to culture or disconnect her from reality, in this sense. Being the logic of art to simulate – that is, to reproduce from an original (the environment, reality) when art represents simulation, it also simulates simulation itself. But again, through consumption one always produces signs that maintain the perpetuity and continuity of (social) reality.

The moment in which social activity is rendered visible and is crystallized in its blocks, the blockchain establishes a truth and reality of the social order. An origin of a content, similar to the functioning of the Baudrillardian third order of simulation: a simulation of a lived experience – of the already happened social activities [5]. Subsequently, the simulation (or the crystallized activities) destroy the cause and effect of its origins, and the model comes first – as a signifier. Thus with the circulation of a cultural artifact, as a lived experience and a formed social relation, information becomes reality and reality is the information of it. Its context. Moreover, Baudrillard states that there is the proliferation of incommensurable meaning of things, in the ecstatic world, while novel kind of social relations always sprout from the use of new technologies of communication [6].

1.1. Augmented sociality and trust issues

The advent of the digital and the virtual through the medium of the free and ceaseless access in the world wide web was immediately read by society, with a glimmer of optimism, as a symbol of its finally practicable freedom of information and communication, within the world of its surroundings [7]. The internet and its associated technologies were heralded as a kind of "emancipatory rhetoric," with the power to further democratize the globe, without leaving any gaps, by also granting individuals greater agency in private and public life. Not only that, but progress in communication has improved the efficiency

and effectiveness of established government agencies, corporations, and markets. This independence, however, was swiftly accompanied by a new individual responsibility of "staying into the world", in the form of a never-ending effort to remain seen, heard, read, and written about, that sprouted especially through the technology of the social network platforms [8]. In these regards, concerns about the use of personal and easily visible and accessible information in the event of the probable use and inspection on the part of governments, institutions, and enterprises arose in tandem with the topic of (online and digital) involvement of individuals within the world. Similarly, every action, interaction, web page access or visualisation, has become monitored by third parties, in order to predict, individually, every preference for a product, which producers desire to display, advertise, reaching the "right person" by keeping track of every individual's data and online activities. Accordingly, every new object or technology, put into use in society, changes also the way people relate to the world, as for example, the technology of the MP3 radically changed the way people experienced, owned and related to digital culture and also to what was available and what one could expect from such objects. Moreover, as the "data workers", also we contemporaneously produce and consume our culture [9]. Depending on our interests and the digital and virtual spaces we visit, through the information released by our actions – we automatically produce what we consume, disguised and masked as if it was sprouted from our personal discoveries and findings, instead of the interests we publicly release about ourselves.

Blockchain designers and users advocate for the formation of a more democratic society where governance is built on the basis of individual choice and action, trying to pursue some usual "revolutionary" notions such as the wish for transparency on a public level, authenticity of relations, trust, just distribution of wealth and the right to anonymity (or pseudonymity) in the sphere of social relations. In fact, generally speaking, the blockchain was born because of the lack of trust in relations between individuals. Thus, human nature is viewed as motivated by individual selfishness and personal interest, while forming relations, in order for the individual to achieve other ends, than just the mere formation of relations. Accordingly, NFT technology does not curate the formation of relationship between people, but eliminates the human factor within the relations of exchange, transferring it to a transparent, and rational functioning of a code and machinery, governed by programmed algorithms that eliminate the possibility of any external manipulation of the disclosed data of social activity on the side of human agents. Thus, relations and activity are already predetermined in the design and mechanism of the blockchain.

Accordingly, the blockchain-supported technology of the NFTs has envisioned a utopian space of relations between people and things, but by trying to eliminate the initial issue of trust in social relations, accordingly cancelling all possible relationship between people, is risking to crystallize future activity and society into a culture that does not necessitate the formation and maintenance of relations between individuals. This latter issue is the main topic preoccupying Ethereum's latest project of the Soulbound Token and the Souls [10].

“Decentralized Society” (DeSoc) presented by Ethereum founders' whitepaper (May, 2022) - based on the project of an ‘augmented sociality’, is a system dependent mainly on the factor of trust and human initiative and ‘ambition’ – thus attempting to create a new society within the activity of exchange, based on a better engineered ‘pre-existent cooperation’ which will, by force of habit, eventually become automatic and more and more natural, as a set of imposed behaviours within the platform [11]. The instant a (virtual) experience is shared with others, it is internalized as real by all participants, as mentioned above, in a way similar to a state of a "consensual hallucination"[12]. Thus, the non-transferable soulbound tokens (SBTs), represent the engagement, authority and the provenance of ‘Souls’ (accounts) working on trust networks, securing it even more, but nonetheless risking in this way to fetishise human relations, and more precisely – communities, thus hypostatizing them in the form of a necessarily produced structures, on whose decisions every individual will eventually come to depend, for their future existence in such a reality [13].

In this way, while NFTs take out the element of trust in the relation of transferability and transactions of assets within the ecosystem of the blockchain – the newly proposed Soulbound Token technology (SBT) reinserts trust back, between interacting people, in the community of the Web3. It is on this return of the element of ‘trust’ that the supposedly correct and revolutionary functioning of the SBT project seems to depend on, according to the Ethereum whitepaper.

From this, it emerges that with the blockchain technology, sociability is nestled or is omitted in the design of the platform itself – thus the design of the new technology of SBTs is the base to all the praxis it prescribes within itself, the same way that trust relations were removed from the NFT technology as it did not serve sociability in that place of exchange, corrupted by the belief that human nature is essentially selfish [14].

So, SBTs are directly linked to the trustworthiness of the individual, who is also self-representing oneself through a public display of her personal interests translated into tokens and badges, namely the “achievements” visible on

her account (in the form of the Soulbound Tokens). Thus, according to the SBT project, every individual depends on her ability to relate with a community, for the sake of the achievement of her life's ambitions and aspirations - a network of interests which will serve her personal development and self-realization as an individual. Thus the individual turns out to be the author of herself: but the individual's self-realization also depends on the network of relations she exists in – accumulated experience in a SBT – the DeSoc community is thus visible in her account – the same way a CV exposes and lists one experiences to a possible employer [15].

What is new then in this case, in respect to the old way of a personal self-development through an experience mentioned in a job interview and one's decision to work for a certain company in order to acquire specific job experiences on their CV? Is it solely the factor regarding an evaluation on the self by a third-party, external to one's circle of acquaintance and interest who decides upon us, without knowing us [16]?

Again credibility, trust and reputation are once again values renewed in the social relations of the web3, with the project of SBT, and therefore individuals do depend upon the community's decisions. Communities are based on the presence of an intrinsic trust relationships – they are somehow based on the trust in the common interest, which is simultaneously their reason for being part of the community they are self-inscribed in. On the other hand, as the Ethereum whitepaper notes, there is no pre-condition of cooperation embedded in the design of each and every community. In fact, communities can also be based on the temporary interest toward an issue/question, as Bauman's notion of the ephemeral 'aesthetic communities' – and not an interest in the person-as-a-project sense – in the sense of interests connected to hobbies and personal aspirations of self-development, and self-realization, as well as the self-fulfilment through the pursuit of one's interests [17].

In the case of the NFTs, the cancellation of the intermediate element of mutual relations between subjects, establishes transparency and neutrality, additionally eliminates any possibility of human manipulation of the relations or the assets that are exchanged, thus ensuring the uninterrupted circulation of the object of interest, without having to depend on the factor of trust, as there was no trust invested in such a process of exchange, in the first place.

However, while NFTs took away the figure of the intermediary within their social relations of exchange, the Ethereum project of the SBTs, reintroduces the figure of "the mediator" in that of "the community", that is, through the common agreement of one individual's achievements. But the plan of

Web3's 'augmented sociality', mentioned in the Ethereum whitepaper, is proposed in order to neutralize a current moment of today's economy defined by its "hyper-financialization" and the lack of trust in authentic and altruistic social relations. On the other hand maintaining the decentralization within the sphere of economics is fundamental in keeping it authentic, transparent and just. NFTs artists and miners have attempted to detach with such a project from the issue of centralization of assets – thus not depending on intermediaries, was finally possible and embedded in the design of blockchain [18].

Thus, in their paper, Buterin et al. (Ethereum whitepaper, 2022) claim that while all economic activity is originally based on social relationships between people, the functioning of the blockchain and its *raison d'être*, on the other hand, eliminates social relations, which are generally considered as corrupted and always responding to private interests first [19].

Accordingly, while NFTs proclaimed their autonomy as both certificates and an assets, and eliminated the factor of the third party, involved in any transaction or transference between subject and object, SBTs introduce the subject-subjects relationship in the web3 reality and activities. This means that the management of certain assets and services on the web are strictly dependent on the user's general experience and therefore, the reputation acquired in the spaces of her actions and interactions – the spaces of her interests – but are mainly dictated through her life in the community of her choice.

2. CONTEXTS: HISTORY-MAKING AND PROSUMER SOCIETY

According to the Ethereum whitepaper (May, 2022) another way the element of trust regains the value of an asset in the SBT is through the claimed importance of contextualization and the re-contextualization of the already existing material, thus following up "the social provenance" is another main scope of the SBT project, in order to fight against fake and untrue data of the world [20]. As the Ethereum paper states:

"deep fakes" could be readily identified as those artifacts originated outside of time and social context, while trusted artifacts (like photographs) would emerge from the attestation of reputable photographers. Whereas present technology de-contextualizes cultural products (like pictures) and opens them to unchecked, viral attacks lacking social context, SBTs can recontextualize such objects and empower Souls (individual accounts, N.A.) to take advantage of trust relationships already present within communities as a meaningful backstop to protect reputation [21].

Ethereum white paper's proposal to recover contextualization within the web space, is similar to the academic obligations of correctly referencing and quoting, when writing a paper, by carefully choosing the sources for the bibliography and references, and the associated untrustworthiness of the unknown/uncontextualized authors or publishers. Thus, as it happens in academia, the more cited and used as a reference one is, the more reliable she becomes. Or the contemporary conundrum of the job-experience paradox, that is: in order to work one needs experience, but in order to acquire this experience, she needs to work. Hence, SBT probably solves the problem of referentiality and sources to counterfight deep fake contents – but on the other hand, this creates another issue – that of an obligatory source of provenance, limiting the 'sayable'. In this way, the actual reputation of the information could become an *ad auctoritatem* fallacy, in the world of the SBTs. Thus, Deep fakes, as the Ethereum whitepaper states (2022) are contents without a commonly known source. In the deep fake content, the source is veiled, inciting various and often divisive speculation around the significance of the dispersed image.

2.1. Diversification of preference

On the other hand the absence of context, origins, source of an object could be a statement that, as in Baudrillard's view, reality is always produced, in order to organize the individuals, while there is nothing under the surface of appearance [22]. That there only is the manipulation of facts, and what is commonly known is mistaken for relevant information of the world, which is almost an equivalent to the production of history, or fiction, as viewed by Rancière [23]. Thus, it results that current history and reality is just the way people know and are told about it. On the other hand, with the proliferation of social media, the diversification and the possibility of personalization of every individual preference, there is no general unanimous agreement of how reality is or the past was. The polarity, in popular opinion on every issue, is always growing because of the incessant production of information, bringing forth the undecidability of an original – a first source of the information put into circulation, related to the world and its events. Every content in this case, is always subject to manipulation and what is manipulated is the perception of what it evokes – bringing forth a sense of confusion of the order and the relevance in what is seen. Similar to the Kuleshov Effect, in montage, where one deciphers the meaning of a story, by the relation of images which in fact share no common source, but are positioned in a sequence – giving the impression of a con-

tinuity between the events, because of the perceived external responses to what has been shown as an original source.

The Ethereum whitepaper on the other hand, envisions a society that is self-regulating through the individual who partakes in it, that is, an individual formed by her interaction with others on whom her future depends on, while at the same time, interacting with her own desires and ambitions of self-realization, through the participation within a community. In this case, the intention is that human relations are based not in support of an economy, but in support of human relations, driven by the necessity of making connections, not because of economic necessities, but because of the pleasure of connectedness and comprehension between people. Thus fabricating a world of individuals who know each other, in the fashion of a “global village”, in which everyone is acquainted and friends with everyone: that is, a whole world of a decided provenance and reputation.

In this sense, Ethereum’s Soulbound Token, in being necessarily linked to a community, reminds of a totem. A totem as a symbol and a simulacrum of identity and recognition, related to a place of provenance, linked to a myth, identity and of course - a fetish. There, the person becomes the “mythopoetic” individual constructing oneself, because of and through others. In this sense, this might also connote that living in the blockchain could deepen the fetishization of the structure of “the community”, seen as primal for the development, both of the individual and reality.

2.2 The individual as an intersection of others

Seen by the Ethereum’s project of the SBT, the individual is a synthesis of all the other individual she encounters and interacts with [24]. Thus the individual necessarily becomes the manifestation of the culture to which she belongs or has adopted by force of partaking in it. To put it in other words, the individual is a synthesis of their culture as the sum of all activity and interaction with others [25].

Similarly, the objectification (through the voluntary dissemination of online ‘statuses’ and the display of one’s actions) and thus, the quantification (in an abstract sense) of one’s existence on the internet and in online communities is an essential part of the current social experience [26]. Thus, the collective construction and maintenance of social organization, linked to the individual understanding of reality reveals how the environment of a subject structures her consciousness. A similar function, for example, is also observable in the open-source softwares and online environments, such as blogs, comments,

or the pre-prints in the academic world, which give suggestions for the individual's "betterment" via public open-opinion – or a community feedback, over a topic, in order to correct the subject in regards to the compatibility of her worldview with that of the community of her involvement. In these regards, returning to Baudrillard, a person never consumes passively, instead she is the active producer of signs and, consequently, also the producer of the meaning of her experience of consumption within her world, and of her interaction with it [27].

Moreover, individuals playing with and manipulating cultural artifacts, are also known to be prosuming or producing their culture, through an interplay and counterposition of the dichotomy of the active production against a passive consumption – in the sense of manipulator versus manipulated. On the other hand, the case of the produsage, or the subject as prosumer/produser, synthesizes the two antagonistic figures, making the individual reliable on herself, but also dependent on the opinion on the entire community of her interest [28].

As a matter of fact, Henry Jenkins makes the case for interactive content, theorizing the expansion of the fictional world into the real world, or at the very least, into the online and digital level of a generally experienced reality that is distinct from that of fiction.

According to Henry Jenkins, all content is participatory, which in turn implicates the necessity for all media platforms to be produced as materials able to encourage user participation and interaction with the material, into finally forming a community of people, all pursuing the same goal, but all acting differently – according to each taste and intelligence. In this sense there is a uniqueness of goal and multiplicity of diverse actions in attempting to individually reach the goal – thus all maintaining, the same proposed reality and helping each other with suggestions and the disclosure of personal opinions. In fact, Jenkins argues that in order to participate, there must be few restrictions placed on one's ability to express oneself, while at the same time, individuals must manifest the desire of sharing their works with the rest of the community members. Jenkins states that consumers are compelled to interact with one another and participate in the telling of stories, which is often accomplished through small networks and communities [29].

The rules that govern Wikipedia, for example, have developed through a combination of bottom-up and top-down governance, much like the conventions that have formed other emerging forms of digital media. As a matter of fact, Jenkins claims that within participatory culture, there exists a system of informal mentorship in which some individuals coach others, with a particular

focus on those individuals who are either new to participation or who lack the skill set necessary to engage properly in the community. Even though there is no official editor or editor-in-chief of the content posted on Wikipedia, individuals who possess the necessary knowledge to edit, correct or ameliorate the present material, can rise through the ranks to a position of influence to other community members. Thus, the possibility to “remix” the already given material can be viewed as the outcome of users and producers, seizing control of the existing content, in order to reshape and remix it for the sake of personal enjoyment, while simultaneously creating a reliable cultural reference [30].

3. CONCLUSION

NFTs have eliminated the factor and, with this, the issue of social and mutual relations in the design of their operations. The issue which NFTs tried to solve initially and, thus, one of the reasons the creation and existence of such a technology lies in the conviction of the lack of trust governing mutual relations. Trust, seen as an expendable feature of human relations was thus put aside, because of the disbelief in human intentions, considered as the products of personal interests.

Buterin et al. (Ethereum whitepaper, 2022) state that in the newly proposed project put forth in the design of the Soulbound Tokens, there is again the factor of self-interest, but it is this self-interest that enables the individual to connect with others, to form and stay in a community of her choice, precisely because of their common interests. Thus, by acting according to one’s interest, one also acts for the common, group interests, hence, for the common good. According to the Ethereum whitepaper, an individual does not always act altruistically or selfishly — but the way one acts is more often linked to the environment and the community she is positioned in. The fact that, as an individual, one is always dependent on others, towards forming a society, and involved in all activities that are important for that society, is a central topic in the Ethereum’s new project (Soulbound Token, SBT) which in turn results in the prescription of the individual, or the soul (the account), who possesses it. A definition of her activity and usefulness within a community, becomes the personal characteristic of the Soul, mirrored by the activities and experiences she displays on her account (or in other words, the accumulation of experiences in the form of Soulbound Tokens, which act as attestations and certificates). But most of all, activities can be self-stated (Buterin et al. compare it to a CV). Following the project’s intentions, this is to avoid any reliance, over the veracity of personal information, on institutions that usually produce, legitimate and

confirm the information about an individual from other institutions, without ever having known her, but transcribing the information from always the same sources. With the project of DeSoc (Decentralized Society and SBT), on the other hand, the information will be confirmed by others who are strictly connected to the individual, similarly, for example, to associates tied together by the same interest, as in the forms of family, friends, etc. The problem with this is that, while it might be true that an individual is formed by her interactions with others – as an intersection of other individuals and experiences,[31] on the other hand, involving sources strictly linked to the personality and every activity of the individual (such as community members) carries the risk of forming a biased opinion about the individual herself, based not only on the wishes and expectations of the group’s members towards the individual they are representing and attesting for, but also corrupted by the members’ personal preferences and different, singular world-views, exactly because of every individual within the community, being a “crossroads” of other individuals, cultures and communities – thus understandings. In this case, such an intention can easily turn against its optimistic aim.

3.1. Designing a community on a pre-built site

As is the case with architecture, planners pre-determine the social function of the places, and the according social activity to be held, starting from the design. Architectural spaces, thus prescribe the activity that is to be carried out in it. Accordingly, the cyberspace is designed in order to contain certain social activities – which are predetermined as soon as they appear in existence. Similarly, the Ethereum project of the SBT tries to reinsert the factor of social relations, previously withdrawn with the NFTs, within the project for a new parallel society, which could slowly build new habits in people, giving them a new - common worldview. Thus, it would be more similar to a family community, which in turn will create a new individual who is not isolated from others in the fragmented – non-participatory society. Following the Ethereum project, within a social framework based on the principle that any given individual (such as being isolated) will have direct social relationships with particular entities, defined in turn, from their own relationships with other individuals (relatives, partners, friends, neighbors, etc.) - then, all the entities thus defined will be subsequently constituted from their unique relationship with each individual, that is, with any other relevant entity. Such a society will therefore be built on a sort of subjective capital, in which an individual is defined not only by the way he is composed of others, but in relation to his use-

fulness for the context in which he belongs, thus being part of the social fabric, the contextualization of his world and contemporaneously contributing to the veracity and authenticity of it [32]. According to Buterin this will create a self-referential system of relationships among entities that contribute to the definition of each other, as every entity can be defined only in relation to the particular being or beings one is directly related to. In the end we are left with a society that tries to act as the inversion of the current one, where the social system will not be just about reaching consensus and framing one's own experience of existence within its "narrative", but about experiencing, creating and living that narrative together. Consequently, the relationship between a person and her social reality will be built around constructive contributions, rather than filtered through a perception of the self through the categories of an institutional perception and expectations. For Buterin et al. then, the only way forward is to present a social and economic model that, once defined within a decentralized virtual system, can be implemented, through self-referential decentralized "truth verification", structuring our social and economic model in such a way as to encourage everyone to contribute constructively in a manner that can directly translate into real world results. This can be achieved, in their view, by replacing third-party entities with the community knowledge of oneself, on the model of organizations such as that of Creative Commons or Wikipedia, which are always awaiting any kind of creative output that can be legitimately used and remixed by others, to create something new.

REFERENCES AND NOTES

1. Baudrillard J. *The System of Objects // Selected Writings* / M. Poster Ed. Stanford University Press. 2001. 23 -25.
2. In his sci-fi book, *Neuromancer*, which has served as an inspiration for *The Matrix* film series (1999) , William Gibson describes the cyberspace as "[a] consensual hallucination experienced daily by billions...".
3. Baudrillard J. *The System of Objects // Selected Writings* / M. Poster Ed. Stanford University Press. 2001. 23 -25. and also Cfr. Baudrillard J. *Design and Environment or How Political Economy Escalates into Cyberblitz*. 1972, Chapter 10.
4. Baudrillard J. *The System of Objects // Selected Writings* / M. Poster Ed. Stanford University Press. 2001.
5. For Baudrillard the third order of simulation is the "hyperreal" – the reference to the objective world is lost and reality can be found in its image of it, which in turn is its simulation, and thus becomes the simula-

tion of a simulation. Cfr. Baudrillard J. *Precession of Simulacra // Simulacra and Simulations*. 1981.

6. Baudrillard J. *The Ecstasy of Communication // The Anti-Aesthetic: Essays on Postmodern Culture/* H. Foster Ed. Bay Press. 1987. p. 127.

7. I use digital and virtual as complementary to each other, instead of being interchangeable terms, as I refer to the etymological meanings of both words. In the former case, that of digits (the fingers) – I mean the possibility for one to intervene in the digital space with his or her fingers by digitizing on the keyboard – inserting a personal claim, a worldview and opinion. Thus, the digital is more active than the experience of the virtual space – where virtual is the world of virtues, of the good, of an ideal society, where one is able to partake, through the movement of her digits – fingers.

8. The web2 is that of social networks, such as that of Facebook, Instagram, while web3 is more concentrated on developing a secure network, which one can really need – contrary to the genuine human and social need of platforms such as Instagram or TikTok, just serving as alienating entertainment and a consumerist behaviour model. Cfr.: *Web 2 vs. Web 3: What's the Difference and Why It Matters*, Available at: <https://www.spiceworks.com/tech/tech-general/articles/web-2-vs-web-3/#:~:text=Web2%20includes%20podcasts%2C%20social%20bookmarking,virtual%20worlds%2C%20and%203D%20portals>

9. “Data workers”, or “data laborers”, as mentioned by the Ethereum whitepaper, designates individuals who manipulate, disseminate or analyse digital data, as their primary occupation and specialization. Cfr., Weyl E.G., Ohlhaber P and Buterin V. *Decentralized Society: Finding Web3's Soul* (May 10, 2022). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4105763> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4105763>

10. Weyl E. G., Ohlhaber P and Buterin V. *Decentralized Society: Finding Web3's Soul* (May 10, 2022). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4105763> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4105763>

11. *Ibidem*

12. See note 2.

13. Accounts in the Ethereum whitepaper is referred to as ‘Souls’ – consequently the tokens owned by these accounts are the “Soulbound Tokens”. Cfr.: Weyl E. G., Ohlhaber P and Buterin V. *Decentralized Society: Finding Web3's Soul* (May 10, 2022).

14. For a more profound account on the relation between human nature, differences and similarities of the smart and social contract, see Reijers, W., O'Brolcháin, F., and Haynes P., *Governance in Blockchain Technologies & So-*

cial Contract Theories // Ledger, Vol. 1, 134-151 /Rousseau J. J. (1762) The Social Contract and Discourses. London: Everyman.

15. In their paper, Ethereum founders do compare the acquisition of reputation and achievements to listing experiences in one's CV. Cfr.: Weyl E.G., Ohlhaber P and Buterin V. Decentralized Society: Finding Web3's Soul (May 10, 2022). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4105763>, p. 2. Moreover, the idea of the individual as an assemblage of different individuals within a community, apparently has been inspired by the following paper, published in 2019, where the authors see human agency as “fundamentally social”: Hitzig Z. & Weyl E. G. A Crossroads, Not an Island: A Response to Hanoch Dagan //117 Mich. L. Rev. Online 117. 2019 – As well as by the theories of Georg Simmel “in which individuality emerges from the intersection of social groups”

16. SBTs represent personal achievements, experience, production and substitute certificates – they are the accumulation of a certain kind of experience within every necessary reality and place of interaction and social relation on the web.

17. The Ethereum whitepaper mentions influence from the following paper: Hitzig Z. & Weyl E. G. A Crossroads, Not an Island: A Response to Hanoch Dagan //117 Mich. L. Rev. Online 117. 2019. In the sense of a person as a project – or “as crossroads”.

18. Within the space of the blockchain, the figure of the mediator is considered to be always acting in self-interest and with selfishness – trying to gain more as a mediator, than investing and rewarding the originator of the asset as a fruitful resource of abundance, creativity and positive novelty within the world.

19. Ethereum identifies the value of economic exchange to be based on humans and the possibility of reciprocity of their relations. (p.1) thus echoing Marx's theory of commodity fetishism.

20. Weyl E. G., Ohlhaber P and Buterin V. Decentralized Society: Finding Web3's Soul. 2022. 3.

21. Ibidem.

22. Ibid.

23. Cfr. *Rancère J. The Distribution of the Sensible// The Politics of Aesthetics/ Rockhill G. Trans. Continuum. 2011.*

24. Cfr. Hitzig Z. & Weyl E. G. A Crossroads, Not an Island: A Response to Hanoch Dagan //117 Mich. L. Rev. Online 117. 2019.

25. Similarly, Claude Levy-Strauss famously maintains that the individual is the manifestation of her culture. Cfr. Levy-Strauss C. Structural Anthropology (1958). London.1968.

26. Augé M. *The Near and Elsewhere // Non-Places/ Introduction to an Anthropology of Supermodernity/* Howe J. Trans. Verso Books. London. 1995. 21.

27. Baudrillard J. *Consumer Society // Selected Writings /* M. Poster Ed. Stanford University Press. 2001.

28. Prodsusage (a portmanteau word of production-usage) is relatively recent as a definition of this practice of appropriation and manipulation of cultural units. The word was coined by Axel Bruns in 2008. On the other hand, the concept of "prosumer" (producer-consumer) coined by Alvin Toffler in 1980, backed Henry Jenkins' thesis (in his work in 2006, titled "Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century,") and theory of participatory culture.

29. Henry Jenkins uses the case of Wikipedia to illustrate his point and argues that the website permits and promotes user-led discussion, alteration of the content for individual amusement which matches with that of the group . Cfr. Jenkins H. *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century.* MIT Press. 2006.

30. And the same is true for the content that is disseminated via the many initiatives that are part of Creative Commons and Wikileaks.

31. Cfr. Hitzig Z. & Weyl E. G. *A Crossroads, Not an Island: A Response to Hanoch Dagan //*117 Mich. L. Rev. Online 117. 2019.

32. As I have mentioned above, the Ethereum whitepaper actually links the proliferation of deep fake to the lack of context and knowledge of its source and provenance.

УДК 140.8

THE POSSIBILITY OF THE TRAGIC

Evangelos Kalfopoulos (Sofia, Bulgaria)

PhD candidate

Sofia University "St. Kliment Ohridski"

Abstract. In this paper the relationship between humanities as a field and tragedy is examined. Relying on Menke's analysis of the tragic (2009) we examine in some depth the ideas of Schelling, Hölderlin and Friedrich Schlegel on the subject and how they positioned themselves on the topic of the possibility of the tragic in modernity. Accepting that both the speculative idealist model of the didactic play and the model of the romantic comedy tried to overcome the tragic, we conclude that the element of tragic is still a worthy

and much needed topic to be part of the humanities in the XXI century and post-modernity, primarily as a way of thinking power.

Keywords: Humanities, Theory of Tragedy, Modernity, Romanticism, Idealism

1. INTRODUCTION

Humanities as a branch of knowledge, both within academic institutions and in general, are usually associated with the classical tradition of Greece and Rome. The exact nature of the bond between the contemporary times and the classical times is a matter of speculation for every generation of scholars in the humanities and the answers provided from this enquiry are forming many attitudes on both every-day and theoretical things alike. For example, if someone subscribes herself in the tradition of scientific progress, she will usually regard the classical period as an outdated step that has long exhausted its usefulness for our time of AI and techno-scientific knowledge. On the other hand thinkers that raised concerns over the dehumanizing potential of current technological advances, such as Heidegger, looked to the classical Greek philosophy as a locus of continuous and live discussion with its currents. Heidegger's efforts to go back to the pre-Socratic conception of Being, beyond the platonic philosophical tradition, is well documented. So classical antiquity, and therefore the humanities that are linked with it, is far from being a uniform field, not only open to one reading.

In this paper we will try to survey one of the aspects of classical culture, namely tragedy. In the classical Aristotelian definition of tragedy as the art of imitation we read that the purpose of tragedy is the Catharsis, the cleansing, through the emotions of fear and pity that were aroused within the spectator during the performance⁵. Cristoph Menke argues that the Aristotelian tradition emphasizes on the moral character of the tragic hero, being interested in what happens to him, whereas the tragic is revealed when we consider why and how the tragic fate befalls on the hero [1, p. 84]. After Aristotle, he distinguishes between two models of the process of tragedy, that both incorporate the concept of the tragic as something understood through an acquired distance provided by tragic irony, which he analyses further. Therefore tragedy is not just restricted in a moral evaluation, as in the cathartic Aristotelian model, but the aesthetic element is allowed to play an important role as well. Menke defines tragedy as "...the time and place of the antithetical simultaneity of metaphysi-

---

⁵<http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0055%3Asection%3D1449b>. Accessed 11/10/2022

cal aversion for the tragic and aesthetic pleasure in the art of its presentation”[1, p. 85] and comes to two models that reflect this definition. The classical model focuses on the aesthetic in tragedy as the beauty of the play itself that is portrayed by the text and the tableau of the tragedy; the beautiful remain distinct from the tragic and can be contemplated alone, providing aesthetic pleasure to the spectator. A basic proponent of this model Menke finds to be Hölderlin. The modern model of tragedy on the other hand claims that the aesthetic in tragedy has to do with the notion of play itself and therefore the extinction of the tragic is possible, through the genres of romantic comedy or the didactic play of the idealist tradition. We will examine Menke’s claims, bearing in mind that his own thesis is that the tragic does not dissolve in modernity but rather is presupposed by it [2].

2. TRAGEDY AND MODERNITY

If the tragic is still present in modernity, how can it be adequately portrayed? Modernity usually has its birth date around the time of the French revolution. Around this time many thinkers were concerned to define their own modern era in relation with antiquity, which had been rediscovered during the renaissance. One of the group of intellectuals that were interested on the matter were the members of early German romanticism and German idealism, we were mainly focused on Greek tragedy.

Indeed the preoccupation of Friedrich Schlegel with antiquity is well documented. But so is his affinity with tragic thinking. We read in the now classic text of Philippe Lacoue-Labarthe and Jean-Luc Nancy the following: “What comes to light is well known: a previously imperceptible hiatus in Greek ‘classicism,’ the traces of a savage prehistory and terrifying religion, the hidden, nocturnal, mysterious and mystical face of the Greek ‘serenity’, an equivocal art barely detached from madness and ‘orgiastic’ (one of Schlegel’s pet words) fury. *In sum tragic Greece*. Like Hölderling during the same period but differently, although Schelling ensures the transition, and in a ‘dialectizing’ mode that will follow a well-known course from Hegel to the young Nietzsche the Schlegels invent what becomes known (under various names) as the opposition of the Apollonian and the Dionysian”[3, p.10]. This is a very important remark not only because of the claim that the Schlegel brothers, through the Athenaeum, invented the dialectical opposition between the Apollonian and the Dionysian element which was prolific in many respects for modern thought, but also because it establishes a link between them and tragic thinking in a way that leaves few doubts that Friedrich Schlegel had come across that kind of irony.

But to return to the first question, it is interesting the claims that Peter Szondi, one of the most eminent literary theorists of the 20th century, makes. Szondi (2002) claims that "...the philosophy of the tragic is proper to German philosophy" [4, p. 2], having distinguished it before with Aristotle's classical approach to the art of Tragedy while he states that in German Philosophy, starting from idealism, the object of inquiry is the tragic itself. Szondi starts his overview of German philosophers – contemporaneous of Schlegel - with Schelling, Hölderling, Hegel and Solger. Whereas it is true that these thinkers are usually labeled under the heading of German idealism and not romanticism, it is also true that this is one of the cases that characterizations tend to confuse the subject than clarify it; for it is established that all these thinkers knew the work of the Schlegel brothers and vice versa and they also had the same interests. The juxtapositions of their views, and especially Friedrich Schlegel's views to these of the idealists, will help shed light in the respective conception of irony.

The first in line for Szondi to have a theory of the tragic was Friedrich Schelling. His philosophy, in the aftermath of Kantianism, is concerned with freedom and necessity and he finds in the tragic and its depiction in classical Greek tragedy the model to illustrate it. According to Szondi, Schelling's conception of the tragic can be summarized in the following sentence: "To willingly endure punishment even for an *unavoidable* crime, so as to prove one's freedom precisely through the loss of one's freedom" [4, p. 9]. Schelling made the distinction between the subject and the object central to his conception of critical versus dogmatic philosophy, following Fichte. For Schelling, the absolute subject of the critical philosophy needed to have absolute freedom, whereas the object or the non-I of the dogmatic philosophy is characterized by necessity. This struggle against the objective power is being represented in tragedy. In fact, the art of tragedy (and in general) represents a third possibility between the absolute freedom and the absolute necessity, the possibility of art in contradistinction to life. The process of tragedy is to assert the freedom of the subject, even as it meets its demise, but this process for Schelling is only left to be depicted in art. In his later work, Schelling slightly changes his views and does not refer in the destruction of the subject's freedom but rather in a point of indifference. He writes: "The essence of tragedy is...a real conflict between freedom in the subject and objective necessity. This conflict does not end with the defeat of one or the other, but rather with both of them simultaneously appearing as conquerors and conquered in perfect indifference" [4, p. 9]. He thus starts articulating a philosophy of identity between the sub-

ject and object that culminates in the beautiful “as ‘the forming into-one of the real and the ideal’, as ‘the indifference of freedom and necessity, viewed in a real entity’” [4, p. 9]. This unity is portrayed in tragedy, according to Szondi’s reading of Schelling’s views.

Hölderlin is perhaps the thinker of the era that was related in more ways than one with tragedy. He himself composed an unfinished modern tragedy, *The death of Empedocles*, he translated the Oedipus Rex and Antigone of Sophocles and he was also a theoretician of the genre. In terms of philosophical affinities he is usually positioned by scholars close both to the romantic circle, as we show, and also to the idealists, such as Hegel and Schelling. He addresses tragedy within the category of paradox, a notion that is very important for the speculative thinking in general. Indeed Lacoue-Labarthe notes that a certain philosophical interpretation of tragedy, offered by Schelling and Hölderlin, “...is the origin or the matrix of what in the wake of Kant is conventionally called speculative thought” [5, p. 208]. But both Menke and Lacoue-Labarthe argue that Hölderlin also broke off with the speculative tradition, through his conception of the caesura, of the stopping of action in tragedy. Szondi provides clues for his dialectical, speculative phase in the theory of tragedy, when he analyses his positions as a dialectic move between man and nature, where man (in the guise of the tragic hero) needs to become a sign that with its demise the immense power of nature will be revealed. “Hölderlin thus interprets tragedy as the sacrifice man offers to nature so that it can appear in an adequate manner” [6, p. 47] we read in Szondi’s text. This is evident in his own choice of the tragic hero that throws himself into the volcano, Empedocles, in Hölderlin’s attempt to compose “a true modern tragedy” [5, p. 217]. In this failure to compose his tragedy on Empedocles Dastur (2000) sees a move from Hölderlin to a different kind of death, not the speculative suicide with which his hero tries to “unite the extremes” but to one that “tries ‘to tame them and tie their reciprocity to something permanent and stable’ which can only be a political structure or a work of art” [7, p. 83]. This is the kind of living death that he calls Hesperian and opposes it to the sacrifice of Empedocles. In this new move of his thinking on tragedy Hölderlin emphasizes on the lyrical component and thus moves closer to the Aristotelian conception of the tragic as the effect on the spectator. Indeed we read in Lacoue-Labarthe (1989) that “Hölderlin returns to it (i.e. the Aristotelian model) insistently...But this movement of return, this “step back”, leads him beyond Aristotle and the (already) philosophical interpretation of tragedy, at once towards Sophocles (and thereby towards the religious and sacrificial function of

tragedy) and toward what *haunts* Plato under the name of mimesis and against which Plato fights with all his philosophical determination until he finds a way of arresting it and fixing its concept” [5, p. 227].

It is this movement back to Aristotle that allows Menke to see in Hölderlin as a basic example of his classic model in the process of tragedy. Drawing from Hölderlin’s note on his translation of the Oedipus Rex (the most modern of the tragedies, while Antigone is taken as the most Greek of the tragedies according to Lacoue-Labarthe) and especially the speech of Tiresias to Oedipus where he denies to help him with his enquiry into Laius killing, Menke makes use of this caesura to the unfolding of the events to speak about the moment when this pause allows the spectator to contemplate on the beautiful. But he notes that the beautiful here is “Unlike the sublime, which the post-Kantian theory of tragedy wanted to discover in tragedy (and which is the aesthetic “symbol” of a higher- truly free and thus post-tragic – ethical form of practice), the beauty of tragedy that Hölderlin describes exhibits itself only to an attitude of *purely* aesthetic contemplation” [1, p. 94]. The divergence from the post-tragical model of his contemporaries is evident, but also the fact that he keeps the tragic as unsurpassable, only temporarily suspended within the work of art. For as we read later, the process of the tragic includes not only the contemplation of the beautiful but also the return back to the practice, which has been unaltered by the caesura (Menke 2009). Thus we can say that Hölderlin’s analysis of the tragic always suspends it temporarily and returns to it; this is the reason why it needs the tragic to be preserved unaltered.

To understand the modern model of tragedy and its promise to dissolve the tragic, one needs to take into account the different conceptions of irony at play. Whereas in the classical model tragic irony can be understood only by a distance offered by the cessation of events and then to serve as a background for aesthetic contemplation, in the modern model tragic irony is transformed into irony of theatrical play and not of practice. Thereof the modern model can claim to dissolve the tragic in two ways: first through the romantic way of comedy and buffoonery and secondly with the idealist way of the untragic hero and the didactic, dialectical *lehrstück* [1, p. 115].

With the romantic comedy we return to our initial thoughts about the supposed disregard from Friedrich Schlegel’s part of the tragic irony and his focusing instead on the Socratic, philosophical kind. Firstly it should be noted that as a classicist himself, Schlegel had interest in the poetic genres and in tragedy in particular. He notes in many places his thoughts about the classical genres and also he speaks about the future of tragedy in modern times. Schle-

gel formulates a division that understands classical culture as natural and the modern culture as artificial and later he becomes one of the staunchest proponents of the supremacy of the moderns over the ancients. He takes tragedy to have reached its fullest form in the ancient times and thus he writes “Three dominant genres. (1) Tragedy among the Greeks. (2) Satire among the Romans. (3) The novel among the moderns” [6, p. 47]. It is clear from the above that he perceives tragedy to be outdated for the modern world. Secondly, his ideas about tragedy were in a large degree incorporated within the wider romantic circle. We can refer to his brother August Schlegel and also to his friend and dramatist Ludwick Tieck. One of Schlegel’s most well-known formulations of irony is that it is a permanent parabasis [8]. and this definition provides a link between his conception of irony and theatre and especially comedy, since parabasis or parekbasis is the technique when the chorus in the old attic comedy stops the play – the action – to address directly to the audience. And in Tieck’s plays, irony is used as a technique to create a play within a play, the most elaborated technique of romanticism in the aim of surpassing the tragic. In sum, romantic comedy as exemplified mostly in Tieck’s work practices the theoretical understanding of tragedy, provided from romanticism: “Romantic theory understands comedy as the resolved contradiction of tragedy. This occurs because the antithesis of practice and play is resolved: comedy sets aesthetic play free by showing an action that is constituted *like* aesthetic play” Menke (2009) writes. The parody model of the romantic conception though proves to be unstable and one always returns to seriousness of practice.

An alternative reading of the thesis according to which there cannot be tragedy in modernity is the one articulated by Benjamin, who speaks about the untragic hero, the one that can learn through his errors and is thus opposed to the tragic hero, Oedipus, who cannot learn. The medium of the untragic hero is the epic theater or the didactic play, exemplified by Bertolt Brecht, but as Menke states (2009) the difference between the untragic hero and the philosopher or sage is “that he (the untragic hero) owes not to the autonomous force of rational reflection, but rather to the theatre” [1, p.116]. The theatre makes the actor central and actually promises to teach to the audience the ability to have “an attitude of experimental autonomous action and interpretation that is taken up in relation to his or her own self by whoever becomes an actor” [4, p.117]. The difference and in the same time kinship to Hegel that thought tragedy had culminated in Greek antiquity with Antigone and to modern times it was up to the speculative philosopher to take up dialectics – albeit in a different, non- tragic manner – is apparent. Hegel’s Phenomenology has an end at the end of history and the self-consciousness of the Spirit, which throughout

his dialectical journey seems to learn from its past states and to overcome them. In Hegel's interpretation thought the medium of the Spirit in the modern age in philosophy and not tragedy.

3. CONCLUSION

In this short paper the relationship of the modern times with one particular feature of the classical world was presented on the time of modernity's birth. Nevertheless, as the cases of Benjamin and Menke attest, this relationship is not restricted to that – philosophically very fruitful – period but extends even to the 20th and 21st century. Menke in particular argues that tragedy proper to our post-modern era is the one that he calls tragic play (2009), the one that does not fail to see the tragic element in the theatrical play as well, in opposition to the romantic and idealist conceptions. Regardless of the medium thought – whether it is philosophy or theatre – one should not disregard the fact that the tragic element, with its special sort of ironic dialectics, was a conception articulated by tragic poets and philosophers in times that the literary genres were not as clear cut as they are today – although they do not need to be. And in any case this element of classical antiquity, taken up almost exclusively by continental philosophy, constitutes a necessary reflection first of all on the matter of power and its effects on humans. Therefore, the tragic spirit should necessarily be included in humanities knowledge of the XXI century, in the hope that it will provide insight for human affairs. We need to remember that both tragedy and the inaugurator of philosophical dialectics, Socrates, were exclusively interested in human affairs, what came to be known in the philosophical, academic language, as ethics.

BIBLIOGRAPHY

1. Cristoph Menke, “Tragic play: Irony and Theatre from Sophocles to Beckett”, CUP 2009
2. Menke, Christoph (2004). The presence of tragedy. *Critical Horizons* 5 (1):201-225.
3. Philippe Lacoue-Labarthe and Jean-Luc Nancy, “The literary absolute: The Theory of Literature in German Romanticism”, SUNY Press 1988.
4. Peter Szondi, *An essay on the Tragic*, trans. Paul Fleming (California: Stanford University Press, 2002)
5. Philippe Lacoue-Labarthe, *Typography: Mimesis, Philosophy, Politics*, London: Harvard University Press, 1989.

6. Peter Szondi, *On textual understanding and other essays*, trans. Harvey Mendelson (Minneapolis: University of Minnesota press, 1986)

7. Françoise Dastur, *Tragedy and Speculation*. In *Philosophy and Tragedy*, ed. Miguel de Bestigui and Simon Sparks (London: Routledge 2000) p.83

8. "Irony is a permanent parabasis [eine permanente Parabase] -" (KFS 18:85).

УДК 167.1

POST-MODERNIST EPISTEMOLOGY FUNDAMENTALS

Hans Krauch
PhD

Abstract. For a paper on this topic of approaching knowledge today, we must identify the characteristics of knowledge, how we have identified it in the recent past and then consider current global trends in order to give suggestions on where we are going. Whether or not these trends help further mankind's work towards understanding the world at large will be the main topic of discussion. What one can do is take into consideration historical precedent to predict trends during times of axiomatic global changes. Firstly, I outline the boundaries of knowledge, frame that in the world of enlightenment thinking, then outline the qualities of post-enlightenment thinking to see where we are going.

Keywords: Epistemology, Enlightenment, Classical Liberalism, 21st century ethics.

1. INTRODUCTION

Current position: Freelance/Independent Scholar

Senator Marsha Blackburn: "Can you provide a definition for the word 'woman'?"

Judge Ketanji Brown Jackson "Can I provide a definition? No, I can't. Not in this context, I'm not a biologist."

This was a question asked by an American Senator when interviewing a potential new Supreme Court Judge to assess their suitability for the post. Of course, President Joe Biden had already made the decision to nominate a per-

son purely because they were black and female, so this was really political theatre rather than a legitimate job interview. Although sparking huge controversy when this first came out in the winter of 2021, asking this particular question to prominent leaders of society has become quite common today.

2. MAIN PART

What is interesting, and this is a window into how humanity approaches the acquisition and use of knowledge in the future, is how one answers a question such as this. Are we the kind of person to say ‘Sure, a woman has two X chromosomes, are able to gestate and give live birth, and have a wider pelvis than men,’ or are we the kind of person to say ‘I have no idea what a woman is, who am I to put such labels on things? I’m not a bigot!’

The root of the word ‘science,’ or scientia, means to categorize, or to differentiate between one thing and another. Unwillingness to differentiate between very simple elements is a clear example of where we are as a species in our ability to understand the world around us today. I will posit that the reason for this is the failure and collapse of the Enlightenment movement, and from it has arisen a new form of epistemology, one based in ideology and sentiment rather than on an attempt to understand a phenomena independently nor objectively. When the Enlightenment died, so too did our understanding of what constituted knowledge, reason, or scientific facts.

The job of our senses, like sight, hearing, taste or touch, is to give our mind an idea of what kind of environment surrounds us. What we have done, as it relates to acquisition of knowledge, is abandon those senses and tune in only to feelings of morality and ethics. Unfortunately, we no longer cling to coherent ethical guidelines as religion and the goals of the enlightenment have died out. Nevertheless, it is the hegemonical tyranny of Kantian ethics, the ‘categorical imperative’ - which means that, as moral beings, we are forced to impose those moralities onto the world around us. Since chaos reigns, so too does it appear that our acquisition of ‘the good’ is chaotic as well.

Nobody has a certain answer where we will go as a species into the future, but suffice it to say there are three possibilities. One is that nothing changes, and we do not progress further nor regress to an earlier time period. This situation would be that the knowledge we have today represents the pinnacle of what we will ever achieve. This is similar to Islamic societies who made it to a late Classic/Medieval stage of intellectual progress and did not

advance much further. The second possibility is that we regress back to an earlier time, that the knowledge we have now will decrease with time. A clear example of this is the collapse of the Roman Empire in the West, where the majority of knowledge was lost for around a thousand years and had to be, almost, 'relearned' during and after the Renaissance.

We still do not know how much was lost, though westerners today are fairly content that we somehow progressed past the Romans (not a hard stance to support). Lastly, it is possible our knowledge today represents the least amount of what humanity has acquired during its history, that we are yet to make massive breakthroughs in science which ought to usher us into a future that we have not the imagination to comprehend. I hope this is where we are going, as that hope lies within it the solution to many of the existential threats we face today, like starvation, disease or war.

The root of the problem of approaching knowledge correctly is not felt within the lay person (as they rely only on their immediate senses), but is a phenomena within academia. Usually, academic principles say we form a theory of the world around us, then see how the world is, then modify that theory (if needed) when the world around us proves that theory incorrect. Unless we are economists, in that case we form a theory and then keep redefining reality to fit our narrative. Doing this is so much easier than simply abandoning bad ideas, so it would appear that academia as a whole has embraced the economical models of reality.

Since many of our prominent members of society have to, in some way, survive academia, then the problems within academia suddenly become problems of society as a whole. I cannot offer a solution to this, though I would posit that a solution is already in the works. You see the cost of higher education has become so astronomical in western nations, and the return on the investment so low, that it is no longer seen as a positive investment in one's future to go to university. Since I have attended undergraduate school, the cost of tuition has increased 179.2% when adjusted for inflation. In my home country of Canada, for example, a friend of mine has a Masters in Finance and sells mutual funds for a living, and makes around 90,000\$ a year – quite well for her profession. Her brother, who has no formal education beyond an uncompleted one year of carpentry school, pours concrete for a living and has made over 300,000\$ in the same year. This is just anecdotal and not meant to prove anything directly. Nevertheless, I strongly posit that stories like this are neither rare nor unique in the west, and I predict attendance will need to drastically fall or doom entire generations to debt slavery.

In any case, let us go on to briefly discuss what is knowledge, as it seems the understanding of this is as lost today just as what is a woman. We can briefly define knowledge here as possession of a fact of the world that is real and true. There are two types of knowledge, subjective and objective. Subjective knowledge is a grasp of truth (a fact, or understanding of a thing that 'is') only within an individual. A statement that begins with the subject is, defacto, subjective. 'I think X,' 'I feel Y,' or 'As a Canadian...' would be a statement of subjective knowledge. Objective knowledge is a fact that exists outside the individual, or something that is true regardless of how one feels. A statement that begins with the object would be a statement of fact of the objective. The distance from Moscow to Montevideo is 13360km, for example, would be a statement of the objective.

The problem we have today arises because people do not understand the difference between what they are feeling (the subjective) and the state of the world around them (objective). Yes, feelings are sensations that have their origins in the senses, like sight. If we get a good or bad feeling about seeing a thing, we assume that the qualities of the thing reflect the feelings we get. This seems simple enough, if we once touched a hot stove and discovered that it is painful and uncomfortable, we will see hot stoves in the future as a source of pain and discomfort if touched in the future. Unfortunately, things are not so simple – and all our experiences are not as easy as hot stove = bad time. We may have had a bully in our lives that wore a yellow hat, for example, then, in our minds, associate bullying with yellow hats later in life, when in reality the colour hat someone wears has no bearing on their predisposition to bullying.

You see our minds have no unanswered questions, so for all the infinitude of connections and associations in our lives we take the shortcut and lean towards generalizations. Add to our limited experiences is ideology, culture, socioeconomic status, health and everything else that form our world view that outweighs propensity towards subjective knowledge and a very weak ability to grasp the objective. Of course let us not forget the brain itself, whose conscious processing speed is around 50 bits per second, whilst our unconscious mind operates at a whopping 11 million bits per second. We simply do not have the capacity to consciously weigh all the sensory data we receive in order to attempt complete objective analysis.

The error is not understanding the importance of the objective in understanding the world around us, it is that many academics do not understand where their own subjective concepts of reality end and actual reality begins. For example, one very rude editor for a Polish journal dismissed a paper I

submitted unfit for even an entry level undergraduate course (among other things) simply because I dared to suggest that assisted suicide was quite similar in concept to, let's say, self-directed suicide. Seneca described that poor Polish editors condition quite well, that anger arises from reality clashing with one's perceived structure of reality. Yet, every person will experience something that will destroy their concept of reality. A loved one will perish, a friend will betray you, or a person with a yellow hat will be nice to you.

Before, those concepts could not come in contact, then when faced with the possibility they could, the Pole absolutely lost their minds. This is quite common in those who study only a single thing for far too long, they start to believe that their personal view of reality is how the rest of the world actually is, and coupling that is the world they themselves live in. For those that agree with their views, they are given a good grade and move on, and for those who do not agree are given bad grades and do not move on, no matter how well the argument is crafted. Power over others gives one the illusion that they have power over reality.

I once had a professor give me a very low grade when I suggested that Luther was a political tool for German princes to gain independence from the Vatican, and when cited primary evidence of that she just said they were lying and her own sources were to be believed, or one last example (my favourite) bad grade I got was because I did not see a connection between the imprisonment of Galileo in 1633 and the use of the atomic bomb by the Americans on the Japanese in 1945. All this comes from a lack of understanding of what constitutes the subjective and what constitutes the objective. It is quite right to dismiss concepts that violate objective facts (like the sky is blue or fish live in water) as our personal opinions do not matter to the fish nor the chemical composition of the sky.

It is wrong to dismiss concepts simply because they violate our personal opinions, like whether or not Winston Churchill was a great man, or if Hegel was being serious when he wrote the *Phenomenology of Spirit*. The difference between subjective truth and mere opinion is the support of external evidence. We may define greatness as achieving a certain hereditary title or overcoming a terrible situation, or we could equally define greatness as something total different and give none of those qualities to him. Such is the world of the humanities (and sometimes philosophy), where we, like lawyers, make an argument and fight it so vehemently we forget that our client is actually guilty as hell. It is just fine to say Churchill was good or bad, but it is wrong to say Churchill died of aids or was actually a time travelling one legged les-

bian prostitute from Greenland. That is, we can argue character, but cannot argue objective facts about him.

Attempts of disciplines to call themselves a science (outside of actual hard sciences, like physics) is really an attempt to tell the world that they are actually fanatical ideologues. Contradictions cannot exist within the objective world, like a bag of dried corn cannot be equally a panda, but they can certainly exist within the subjective. Churchill can equally be a great man, who fought fascism and drove it from most of the world, and he could equally be seen as a racist and bigoted monster who gleefully allowed India to suffer through famine, or none of those things could be true. The same can be said about attempts to understand our mind, especially when it comes to the subconscious as it, by definition, cannot be observed nor interpreted in real time. That shouldn't stop us from studying and examining it though, it is just that our expectations of success need to be chained to our very limited ability to understand them.

Let us quickly go over the what the Enlightenment was and how it ceased to be the driving intellectual force guiding the world. Simply put, the Enlightenment was an experiment by, largely, western thinkers to progress mankind into a sort of utopia, if only we knew more about the objective world around us. It finished around the time of the Renaissance (this is a revival and perfection through marriage of both Medieval and Classical thought) which was around 1500 and ended around the closing of the Second World War – 1945. Now, most academics would posit the Enlightenment ended with the collapse of the Soviet Union, I would say that the first time it was proven to be a failure was by Nazi Germany - it just took some parts of the rest of the world several more decades of suffocating under bad management to figure it out on their own. Its failure was such a shock on the world that we tried to cover it up, but continued on as if it could still work, if only we could work out some minor genocidal tendencies.

The Enlightenment (also known as the Age of Reason) started with altruistic aspirations – it wanted people to stop focusing so much the spiritual worlds and focus more on understanding the world we find ourselves physically surrounded by. It birthed the most modern academic disciplines we know today, like Chemistry, Physics, Mathematics, etc. The Enlightenment stressed the value of the individual (a Christian value, originally), so things like freedom of speech, thought, ownership of private property, judgment on your own attributes rather than lineage, the importance of the scientific method – those kinds of concepts that classical liberalism claims ownership over.

What proved the downfall of the Enlightenment was that philosophers discovered that reason was simply a construct of culture, not representing objective reality. What might be perfectly reasonable for one culture to profess a belief in atheism, would have others thrown into a mental institution in another culture. Normally, we would associate the Nazis as staunchly anti-Enlightenment because they were hardly champions of things like freedom of speech or ownership of property, and they used bizarre arcane symbolism and rituals in their propaganda. However, it was their claim of using reason to categorize human beings into those who ought to live and those who were inferior and ought to be snuffed out, for the sake of creating a better human race – eugenics.

The enlightenment has a proud history of working nature to suit mankind, like breeding dogs to catch rats or cold resistant fruit trees – that kind of thing, to suit our particular needs. The end of that experiment was when we finally took mass selective breeding to target human beings, and it ended up, of course, being a complete nightmare of the holocaust. The effort was to kill God, and, according to Nietzsche, the Enlightenment had succeeded in doing so. When God died, so too did societies sense of extraordinary/spiritual morality – meaning our sense of being good for a purpose beyond this world, the mundane. This resulted in the worst war (so far having twice the amount of deaths than the second most deadly) the world has ever seen – and one that has forced us to rethink our path into the future. These questions were posed by the War Crimes Tribunal of 1948, and I would like to briefly go over one line in the IG Farben Case.

The first part clearly marks out where we stand as it relates to ideology. The agreement was made that, for the vast majority of persons, we are blinded and bound by very simple and effective axioms. The primary axiom is loyalty to, what we can only say as ‘our people.’ What we exactly mean by ‘our people’ needs a few thousand pages to explain, but suffice it to say it is the combined language, history, culture, race, and ideology that is shared by a group of people hailing from a defined part of the world. Our people is our own identities. The court was speaking about whether or not someone in a country was guilty in participating ‘aggressive war’ or ‘war against the peace’, and the conclusion was the following:

“We cannot say that a private citizen shall be placed in the position of being compelled to determine in the heat of war whether his government is right or wrong, or, if it starts right, when it turns wrong. We would not require the citizen, at the risk of becoming a criminal under the rules of international justice, to decide that his country has become an aggressor and that he must lay aside his patriotism, the loyalty to his homeland, and the defense

of his own fireside at the risk of being adjudged guilty of crimes against peace on the one hand, or of becoming a traitor to his country on the other, if he makes an erroneous decision based upon facts of which he has but vague knowledge. To require this of him would be to assign to him a task of decision which the leading statesmen of the world and the learned men of international law have been unable to perform in their search for a precise definition of aggression.”

This would go beyond the scope of the paper, but I feel this statement could be a basis for discussion. The United Nations tried to patch this massive hole that suddenly appeared on the side of the S.S. Enlightenment, by issuing the Declaration of Human Rights. This was supposed to right the wrongs of the Enlightenment and set us back on the path of righteousness. This ended up being a complete failure, and even a tertiary reading of these “rights” have me feeling not so well. What this declaration did was simply write down a nice sounding eulogy of the Enlightenment by going over the good things it tried to teach us, and ignoring the bad.

To be clear, the contents of the declaration no longer serve as an ethical standard for the world follows. Of course, one could cherry pick examples to show each article is violated – but there is a strong difference between some violations that can be punished or redeemed, and a complete disregard from the general population for the existence for such a standard. For example, 12 that states “No one shall be subjected to arbitrary interference with his privacy, family, home or correspondence, nor to attacks upon his honour and reputation.” The revelations of Edward Snowden proved that the western world has no respect for one’s own privacy, and the general populations complete lack of action with this information only shows they are fine with this.

The last two years and COVID lock-downs have certainly killed this article: “Everyone has the right to freedom of movement and residence within the borders of each State. Everyone has the right to leave any country, including his own, and to return to his country.” COVID lock-downs also killed article 20, which gives us the right to peaceful assembly and association. In terms of freedom of speech or thought, most young people today prefer to censor those whom they disagree with rather than be faced with a conflicting viewpoint. This could continue, but I think I made my point.

3. CONCLUSION

I am out of space now, so must wrap this up. All I wish to stress is to communicate to everyone that these feel-good liberal, enlightenment era sen-

timents are long dead. Where we are now is a world whose ethics has turned on its head, basically, like post-modernist art, the path towards acquiring knowledge in this state of the world is that the rule is there are no rules. Like it or not, ethical constraints guide us towards paths of knowledge, like the famous quote from the movie Jurassic Park: “Your scientists were so preoccupied with whether they could, and didn’t stop to think if they should.” Do we need rules to acquire knowledge, if so, what should they be? If not, why not? These are questions I wish to pose and discuss.

BIBLIOGRAPHY

1. Ian Malcolm gives Hammond an ethics lecture, https://www.youtube.com/watch?v=4PLvdmifDSk&feature=emb_imp_woyt
2. A Gallup/Knight Foundation Survey https://kf-site-production.s3.amazonaws.com/publications/pdfs/000/000/248/original/Knight_Foundation_Free_Expression_on_Campus_2017.pdf
3. The United Nations Department of Public Information, NY <https://www.ohchr.org/en/human-rights/universal-declaration/translations/english>
4. Statements by Judge Herbert, THE IG Farben Trial The United States of America vs. Carl Krauch et al.’ <http://werle.rewi.hu-berlin.de/IGFarbenCase.pdf>
5. Brandon Cerda The Borgen Project <https://borgenproject.org/top-12-deadliest-wars-in-history/> (last accessed 14 Oct 2022).
6. Ludovica Iaccino IBT <https://www.ibtimes.co.uk/nigeria-atheist-mubarak-bala-held-against-will-mental-institute-by-muslim-family-1454151>
7. Dylan Wiliam Pedagogy, Culture and Society <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14681360500487470> pg. 71 – 81
8. Education Data Initiative <https://educationdata.org/average-cost-of-college-by-year>
9. Andrew Chung, Lawrence Hurley and Steve Holland ‘Biden vows to nominate Black woman to U.S. Supreme Court by end of February’ Reuters <https://www.reuters.com/world/us/retiring-us-justice-breyer-appear-with-biden-white-house-2022-01-27>
10. Myah Ward, ‘Blackburn to Jackson: Can you define ‘the word woman’?’ Politico <https://www.politico.com/news/2022/03/22/blackburn-jackson-define-the-word-woman-00019543>

**INVENTION OF IDENTITIES IN DIGITAL MEDIA
AND THE CULTURE OF NARCISSISM:
A PROBLEM FOR HUMANITIES**

Miliatzidou Alexandra Anastasia

Abstract. In his acclaimed book “The Culture of Narcissism”, which was published in the late 1970s, Christopher Lasch identified certain symptoms of narcissistic disorders were making such a frequent appearance that narcissism could be considered as a trademark of modern American culture in general. While Lasch wrote the book more than forty years ago, the same symptoms are still characteristic of our contemporary society. Even though Lasch emphasized the importance of media in the culture of narcissism his book could not possibly take into account how the development of new media (such as social media platforms) would enhance these symptoms. Social media have created an environment where the users are simultaneously the spectator and the spectacle that tempts the users to fabricate an identity that is untrue but more desirable to the audience.

Key words: Narcissistic Culture, Digital Media, Identity

1. INTRODUCTION

The Culture of Narcissism: The Rise of Narcissism in the 1970s

Just over thirty years ago, Christopher Lasch published his book “The Culture of Narcissism” in which he introduced the use of the term narcissist, which already existed in psychoanalysis in a different, wider setting. Lasch observed that many traits which were often associated with the diagnosis of narcissism were making a progressively more frequent appearance. More specifically, he claimed that psychiatrists were speaking of a shift in the symptoms patients were displaying and that in the place of the common Freudian neuroses related to hypochondria or familiar neuroses or phobias, in 1976 they found more and more narcissists. Taking those considerations in mind, Lasch is quick to wave off the idea that the majority of the American population is clinically “sick”; instead he highlights that as a significant proportion of the general population exhibits the same personality traits, often in the form of severe pathological symptoms, we are presented in fact with a shift that is taking place in the contemporary American society.

Lasch cautions against the common misconception of thinking of the narcissist as merely a selfish individual and warns us of the complexity of it as it is a term that seems relatively easy to comprehend in spite of its difficulty. Instead, he describes the narcissist as a self-absorbed figure, filled with delusions of grandeur that bears resemblance to the nineteenth century American literature protagonist. However, in spite of the powerful exterior that he projects, the narcissist is a deeply dependent individual who relies on his surroundings and admiring audience in order to validate his self-esteem. He lives an existence that almost seems parasitic as he is constantly attached to others, craving their approval and admiration. Yet, at the same time, the narcissist shuns his audience. He sees the others around him as instruments of gratification that are there to serve his own needs rather than actual beings with whom he can connect. Consequently he is unable to form any kind of deep and meaningful connection with others. Therefore, the only kind of relationship he is capable of sustaining is shallow and superficial.

Inevitably, a significant role in the narcissist's inability to create honest and meaningful relationships with the people around him, plays his own lack of authenticity. Lasch emphasizes how the evolution of technology that has led to our living in the middle of a swirl of constant images and sounds affects our behavior. The cameras and recording devices that surround us at all times not only record but also filter it and then show it back to us thus creating a series of images that function as the echo of life. He claims that we have grown so used to this constant flow of images that it has affected our behavior in a way so deep that we are unable to comprehend. Used as we are to responding to this constant process of recording and then receiving images, we start acting around others as if an imaginary camera is constantly captioning our actions. As a result, Lasch states that we have become reduced to a constant process of posing for our audience.

The above mentioned process of trying to charm others is also aided by the narcissist's deep rooted desire to get along with others. So deeply does this need exist inside him that he creates and shapes his personality and then attempts to sell it to the others as if it were a mere product or commodity that has an assigned value. Lasch uses the analogy of the "Happy Hooker" in order to exemplify the inner workings of the narcissist's mind: while a prostitute sells her seductiveness to others she does not really wish to be liked; she does however need to be admired even though she scorns her own admirers. Even though she is a loner, she remains surrounded by those who feed her with attention.

Lasch observes that narcissistic culture flourishes in the contemporary consumer society that was forged by mass production. Capitalism by creating

the foundations for producing goods –even luxury items- in large quantities, thus making them available to everyone and not just upper classes, also achieved making workers not only the producers but also the majority of consumers. Therefore the role of consumer became a role that could be adopted not only by the rich but also by the workers. Over the years this created a society in which everyone is judged based on their possessions; as a result, your consumerist choices reflect on you and are the basis in which your audience judges you. However, Lasch emphasizes that this mentality does not result in the worker comparing himself to others. On the other hand, he learns how to see himself through the eyes of his audience. As he knows that he will be judged both by his peers and his superiors as well as by every random stranger that he encounters based on what he wears and he possesses and his “personality” (but not his actual character) he puts up a performance that will make him favorable to his audience. Where most people in modern age see consumerism as plainly a desire or an impulse to buy things just to satisfy one’s self, Lasch sees something deeper that is connected to the way we perceive ourselves and others. For him consumerist society has created an entirely new version of selfhood in which materialism reduces the world to shadowy images and completely destroys the connection between the self and its surroundings. Consumerism does not only affect the way we experience the self but also the world around the self by creating a world of mirrors in which the subject becomes the object. Yet, while consumerist culture is also commonly referred to as a “material world” Lasch consider this label misleading as he claims that consumerist culture is not dominated so much by things as by the promise of things, the fantasies. The consumer lives in a world in which his existence is not independent but that seems to exist mainly to either satisfy or scotch his desires.

The Culture of Narcissism in the Present Day

It is a fact that Christopher Lasch published “The Culture of Narcissism” in the late 1970s, so, inevitably, the vast majority of its content reflects the sixties and seventies and possibly the then upcoming eighties. In the present day, four full decades later, major historical events and most importantly, technological advancements, have shaped the world into a different place than the one in which Lasch created his book. Nevertheless, I believe that Lasch’s observations regarding narcissism as a pathological condition that has become so common that it seems to be an integrated part of our culture, are not only relevant, but perhaps even more timely than the time of their writing. The key traits of narcissistic society such as the fascination with

fame and popularity, the fear of competing with others, the lack of depth and permanency in personal relations, the inability to bond with others and the horror of death, are still prominent in the modern world.

While Christopher Lasch emphasized the role of new media in the culture of narcissism by making explicit referenced at how the constant presence of screens and cameras affects not only our perception of reality but also our perception of the self, he had no way of predicting how technological evolutions would lead to the development of new media that have become an even more significant part of everyday life. While television is still a major part of everyday life, the development of computers and, more importantly, cell phones combined with the development of the internet has resulted to us being in the presence of screens constantly. They have become such an integrated part of our lives, especially for the present day teenager and adults who have been born into this world and never knew reality without the abovementioned devices, that life without them may seem unimaginable.

It is worth mentioning that the development of social media platforms created an environment in which each individual assumes both the role of the spectator and that of the spectacle. The users can watch what others are doing as the exhibition includes a variety of moments even ones that were thought of as personal up until recently. However, at the same time the user knows that he is constantly being watched by others and he is judged and evaluated based on the image that he projects. The presence of this type of new media has grown so influential in our lives that our digital identity has grown in importance as it is the image that we project for others to see and evaluate on line.

Taking this new reality into consideration and juxtaposing it with Lasch's observations, I believe that in the present day, more than ever, there is the impulse to fabricate an identity that is attractive to others and admired by a wide audience. The new media that have emerged in the decades that followed the publication of "The Culture of Narcissism" have not only made the invention of a brand new and desirable identity possible but they also subliminally encourage their users to participate in this game of creation. Consequently, not only do we live in a society in which narcissistic culture is predominant, but the instinct to act as if every action is being captured by a rolling camera has finally become the reality. In a world that swirls around us at great speed having an identity that is stable and unchanging can only be considered a liability as it deprives the individual of his most prized possession: the freedom of choice. In the modern world anyone can conjure a new

identity and mold it in whatever shape he desires, then throw it away when it no longer suits him in order to adopt a brand new one that fits him better. This reality of the plastic self in modern society becomes the medium through which identities are tried on and then thrown away.

Jock Young provides us with one of the most significant reasons as to why this identity fabrication has become so common in the modern world: “Just as community collapses, identity is invented” he claims. The inability to form deep connections has played an important role in the diminishing value of communities. However, since it has always been in the human nature to search for shelter in community but now we are unable to find it, we treat identity as the medium through which we will achieve the revival of the lost sense of community. As a result, we get trapped in a vicious circle of being unable to form deep connections with others because of our lack of authenticity, craving the connection and relying on a fabricated false identity to create one and failing to find what we are looking for because of this dishonesty.

2. CONCLUSION

While we live in a world that has changed much since the publication of *The Culture of Narcissism* I believe that we still experience the same reality only amplified by the development of technology. The development of new media in a culture of narcissism has resulted not in the search or effort to understand the Self but in the need to invent the Self and exhibited so that it can be seen by others.

BIBLIOGRAPHY

1. Bauman, Zygmunt. *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. Oxford: Polity Press, 2001.

2. Elliott, Anthony, Paul Du Gay, and Zygmunt Bauman . “Identity in the Globalizing World.” Essay. In *Identity in Question*. Los Angeles: Sage, 2009.

3. Khanom, Afruza. “Postmodern Visions: Consumer Culture's (Re)Making of the Gaze.” *BRAC University Journal* VII, no. 1 & 2 (2010): 61–66.

4. Lasch, Christopher. *The Culture of Narcissism*. WW Norton Co, 2018.

5. Lasch, Christopher. *The Minimal Self*. Würzburg: Würzburg University Press, 2017.

6. van Dam, Peter, and Joost Jonker. “Introduction: The Rise of Consumer Society.” *BMGN - Low Countries Historical Review* 132, no. 3 (2017): 3–10.

7. Young, Jock. *The Exclusive Society*. London: Sage, 1999.

SUPERIOR MORAL BEING, A PHILOSOPHICAL INQUIRY INTO ETHICAL AI

Fu-Shoun Mao (Sofia, Bulgaria)

Candidate PhD

Sofia University "St. Kliment Ohridski"

Abstract. The paper examines philosophical themes underlying practical efforts to develop Artificial Intelligence systems aligned with societal and ethical norms. The objectivity of computation, its Archimedean Point, is thought of as advantageous for ethical thinking, prompting a re-consideration of the Cartesian mind-body split and Turing Test for intelligence. Finally, the concealment that is the phenomenon of technology as related by Heidegger and Arendt, leads one to conclude that the electronic brain or AI cannot harbor the freedom of deliberation that is at the heart of ethics.

Keywords: Arendt, Artificial Intelligence, ethics, Chinese Room, Heidegger, Searle

1. INTRODUCTION

Advances in the field of Artificial Intelligence are accelerating with a rapidity that compels scientists, engineers and thinkers to begin warning of the imminent arrival of superior beings in electro-mechanical form, going by the clock of Moore's Law. Already unquestioned is the facility intelligent machinery has demonstrated in a wide range of complex tasks: playing chess, predicting the weather, launching missiles, the list grows longer. Henry Kissinger foretells of a future in upheaval were AI to be unrestrained:

But that order is now in upheaval amid a new, even more sweeping technological revolution whose consequences we have failed to fully reckon with, and whose culmination may be a world relying on machines powered by data and algorithms and ungoverned by ethical or philosophical norms [8].

What might save yet humanity is a glimmer, that if the electronic brain can be made smarter, then in theory, it can also made to behave better, more ethically. Humans, after all, with their organic brains have demonstrated throughout history, a glaring lack of moral and ethical judgment. Future uto-

pians, if they can be called that, overlook AI's threats to humanity when they imagine the future advancement of AI as leading to the birth of a superior moral being, to enhance or to replace the faulty judgment of the human being. With ever-faster processing power, bigger data sets and smarter algorithms, an electronic brain could be the answer to humankind's flawed ethical judgment.

What is the philosophical basis for the labeling of intelligent machinery as ethical or moral in the absence of self-determined notions of the good? To identify a thing as ethical or moral is to imbue it with the character of and capacity for virtuous behavior. This paper examines philosophical themes underlying practical efforts in the development Artificial Intelligence systems aligned with societal and ethical norms. In the spectrum of views about AI and its ethical variant, this writer hews close to the extreme negative stance of John Searle and Hubert Dreyfus, in that the computational theory of mind is just that, a theory without ontological significance. From this perspective, this paper resists the views of strong AI and anthropomorphization of machinery.

Computational theory of mind, behaviorism, formalization, and Cartesian dualism are the themes examined in the context of ethically constituted intelligent machinery. Computational theory of mind and behaviorism are the basis of the Turing test and presuppositions for the possibility of ethical AI. Formalization is then brought up in light of arguments for the outsourcing of ethical judgment. Descartes' mind-body dualism is discussed in the search for an Archimedean point of objectivity where consciousness is free of prejudice.

To uncover motivations at the psychological level, Hannah Arendt and Martin Heidegger's insights point to technology in the form of machine ethics as the concealment of Being and evasion of responsibility. Finally, the point is made that the algorithm is no substitute for the true work and task of ethics through deliberation to discover perspectives outside the self.

Current ethical AI research is advancing in three general directions - machine ethics: machines capable of independent moral decision making; AI moral advisors: systems programmed to advise the human on ethical and moral matters, though final decision making remains the preserve of the human; and AI Socratic assistants: facilitating the individual thought process through algorithmic deliberation and interaction [9]. Ethical AI presumes a capacity for reasoning and judgment pre-supposing strong AI that is, a computational machine possessed of subjective consciousness and generalized intelligence.

2. MAIN PART

The Turing Test

The computational theory of mind proposes that the mind operates in like manner with that of a computer, and that "...core mental processes (e.g., reasoning, decision-making, and problem solving) are computations similar in important respects to computations executed by a Turing machine." [10]. If the theory holds, someday the electronic brain could advance to the point where it would be indistinguishable from the human mind.

In preparation for such an eventuality, Alan Turing conceived of a simple thought experiment known as the Turing test for intelligence in which behaviorism is the key to the inner state of the machine mind. A computer that carries on a meaningful, fluid conversation with another human being may be assumed to be at a level equal to or greater than that of a human intelligence. The external artifact of intelligence is the use of language [13].

It is a strict logical consequence of behaviorism that if a machine could emit exactly the same sort of behavior that a human emits with regard to some cognitive phenomenon, then the machine has that cognitive phenomenon in exactly the same sense that the human does [12].

On the day "Can machines think?" is answered in the affirmative, the immediate successor question would have to be "Can machines be good?" If behaviorism serves as the basis for identifying intelligence, then it could also reasonably serve as a basis for determining ethicality and morality.

In a Turing test for ethical judgment or morality, a computer that demonstrates specified behavior consistent with the prototypical morally virtuous and societally responsible person would be judged to have a presence of mind suitable for ethical judgment and conduct. As in the original test for intelligence, the material form of its host, a computer screen or person behind a wall, would be of no consequence. Appearance is the determinant of essential being.

Mental Outsourcing

The expansion of computational power and datasets, opens up the imagination to the possibility of beings with superior knowledge and judgment. Giubilini and Savulescu make the case for stepping aside to let smarter beings do the thinking and ethical judgment for humankind:

"In this way, the software would perform all the activities that would allow us to make (nearly) optimal moral choices but that we, as humans, usually do not and/or cannot perform because of lack of the necessary mental resources or time (for instance going through all the possible options and assessing all the expected utilities of our possible choices)." [6].

Outsourcing ethical judgment to computational processes presupposes the formalizability of human thinking and sociability - logical reasoning and mathematical sets in place of opinion and emotion. Hubert Dreyfus identifies this as the formalizability of human-ness:

In brief, the belief in the possibility of AI, given present computers, is the belief that all that is essential to human intelligence can be formalized [4].

However, the number of permutations and combinations of possible human interactions would exceed the capacity of any known processing power now and in the future. Codifying behavior and its ethical responses would be a practical impossibility. Further, moral ambiguity colors the circumstance of everyday life, so even the question of what is right becomes indeterminate.

In this light, outsourcing ethical judgment to an algorithm is not only impractical, it is also meaningless. The particular facts of a circumstance reduced to generalized variables and functions makes little sense to persons caught up in the midst of the circumstance, absent a leap of the interpretive imagination.

Dreyfus' statement about the Heideggerian hammer in relation to the meaningfulness of things ready-at-hand applies equally to the morality of what is at hand.

That is, Heidegger saw that assigning function predicates to brute facts couldn't capture the meaningful organization of the everyday world of equipment which we are always already in, and in which alone hammering makes sense [5].

A human being inhabits a body in a particular place and time. To outsource the ethical judgment from the particular situation to the abstraction of symbols would be to outsource relevance and meaning.

The Archimedean Point

Ethical AI represents a technological return to Cartesian dualism. Descartes' "I think, therefore I am," declares the thinking as distinct substance from the body. Being bound to no material thing, the thinking and computation (which Descartes considered a pure form of the thinking) forms an advantageous hinge of objectivity, free from terrestrial prejudice, opening up the possibility of seeing with perfect clarity and certainty. What is known as Descartes' Archimedean point.

Archimedes used to demand just one firm and immovable point in order to shift the entire earth; so I too can hope for great things if I manage to find just one thing, however slight, that is certain and unshakeable [3].

Given a limitless supply of microprocessors, there can no limits to what AI can know. "If intelligence is computation, then more and more powerful computers are AI's analogs to the increasingly powerful particle accelerators

used by physicists to probe the deep structure of matter.” [14]. Look far enough to the future and the Kantian barrier of the thing-in-itself could fall.

Though the breakthrough would not be a human accomplishment as humans cannot not be the ones to surpass their own categories; the surpassing would be the action of an all-seeing, all-knowing computing intelligence.

Computation aligns with the thinking in that no particular body, no material thing defines it and thus centered at the Archimedean point, positioned to render judgments with perfect objectivity. Yet the objectivity is not an equivalence to relevance. Judgments rendered at objective distance from actuality, are not judgments from actuality, but rather judgments from abstraction and concepts.

Concealment

Behaviorism, the Archimedean point and formalizability of intelligence presented as philosophical presuppositions of AI, overlook the ontological question. In asking the question “Can machines think?” or “Can machines be good?” the prior question, “Can machines be beings?” has remained unanswered. This gets into the difficulties raised by Heidegger as the three prejudices of the question of being:

1. Being is the most universal concept.
2. Being is indefinable, “Indeed being cannot be understood as being.”
3. Being is self-evident. Being is after all, the closest thing, and yet least understood [7].

John Searle’s Chinese Room argument underscores this question of being in the context of the Turing test. Searle modifies Turing’s scenario by shifting the conversation from English to Chinese. The entity concealed behind the wall does not understand Chinese, but appears to converse in Chinese by performing rule and table lookups. The unseen entity, as symbol manipulator, has no idea what is being said (“...it is just so many meaningless squiggles”), but with the aid of sufficiently large reference tables and quick-enough responses appears to comprehend. Searle’s intention is to point out that the symbol manipulator lacks a presence of mind.

As far as the Chinese is concerned, I simply behave like a computer; I perform computational operations on formally specified elements. For the purposes of the Chinese, I am simply an instantiation of the computer program [11].

Responding to Searle’s criticism of the missing meaning maker, advocates of strong AI reply that the absence of comprehension is not material to the practicalities of interaction in the real world. It is a given conditionality that a certain degree of opacity is the modus of all communication and interac-

tion in the real world. A symmetrical opacity prevails when any two persons converse for neither party can see through the cranial cavity of the other to be certain they are not actually talking to a zombie after all. Practically speaking, what is unspoken and unseen does not sink the communication; it is intrinsic to it. The wall that separates Turing's conversationalists is the everyday unseen and unspoken in human sociability.

In *Moral Machines*, Wallach and Allen make the point that genuine understanding of the type Searle portrays, is not relevant to the practical task of making AI behave appropriately in the real-world.

Arguments against AMAs [Automated Moral Advisors] based on Searle's position are of little consequence in practical applications...Searle's "genuine understanding" marks a distinction without a behavioral difference. Nothing in Searle's argument rules out the possibility of producing AMAs that are behaviorally indistinguishable from genuine moral agents. Thus, his conception of conscious, intentional understanding is simply irrelevant to the practical issues of how to make (ro)bots behave ethically [14].

Still, the distinction remains between speaking to a zombie and speaking to a real person. One would feel betrayed if it turned out the other person was not real and only pretending to understand. Why that is so may relate to Heidegger's concept of concealment as that effect on Being which entails "1. having no awareness of, and 2. no possible context." [15]. The concealment is a metaphorical trap door to an ontological void.

According to Heidegger, for an entity to be is for it to stand in a context of constitutive relations. The lack of any possible context is thus an ontological concealment – the absence of the conditions under which the entity in question could manifest itself in being [15].

Its converse, the unconcealment presents the heretofore unknown to us in the context of the world and its constitutive relations to allow for the thing to be finally encountered. Engaging in a genuine dialogue with another human being is an unconcealment in that constitutive relations are opened up.

Liberation

The return to Cartesian dualism in the conception of strong AI gives the algorithm a status of mind as distinct from the body such that to compute is to exist. Granting the computational ghost in the machine, ethical AI is a layering of morality over the algorithm, raising further questions as to who or what is responsible for the actions of an algorithm, as there is neither body, place, nor time, save computer codes and microchips.

Hannah Arendt believes that the point of technology is to dispense with the question altogether, for technology's purpose is to overcome the limita-

tions of the body, that is, to be free of responsibility for the body. She observes technology is a manifestation of the “rebellion against human existence,” the impulse to evade the bounds of nature. Arendt puts it this way:

For some time now, a great many scientific endeavors have been directed toward making life also "artificial," toward cutting the last tie through which even man belongs among the children of nature. It is the same desire to escape from imprisonment to the earth...This future man, whom the scientists tell us they will produce in no more than a hundred years, seems to be possessed by a rebellion against human existence as it has been given, a free gift from nowhere (secularly speaking), which he wishes to exchange, as it were, for something he has made himself [1].

What is nature after all, but essential reality, and its evasion by technology a denial of reality. Just as technology is about freeing the human from nature, AI ethics is about freeing ethics from the human. Both are attempts to remove the subject from the messy limits of contextual reality. Yet without context, ethical AI has no accountability and relates less to the making of humanity more ethical, than the avoidance humanity's ethical responsibilities.

Deliberation

According to Aristotle, the beginning of ethics is human action aimed at some good. "Every art and every inquiry, and similarly every action and choice, is thought to aim at some good." [2]. Aristotle's ethical being is animated by an internal notion of the good. To build a better being then, is to start from a self-determined idea of what the being is for.

A universal Turing machine, such as the computer, on the other hand, is not rooted in any particular concrete being and therefore is not in possession of an internal notion of the good. Neither can it deliberate about the things in its power since the algorithm pre-determines the course of actions. According to Aristotle, deliberation can only be about the things that can be done by one's own efforts.

We deliberate about things that are in our power and can be done; and these are in fact what is left ... Now every class of men deliberates about the things that can be done by their own efforts [2].

What we choose to do, whether noble or base, is the result of deliberation, and is inseparable from human action.

Now if it is in our power to do noble or base acts, and likewise in our power not to do them, and this was what being good or bad meant, then it is in our power to be virtuous or vicious." [2].

Action is doing something in the world. Acknowledging there is no being in the world without others, actions can only be done in the society of per-

sons. All actions are ethical by nature. For Arendt human action is not even imaginable outside of society.

All human activities are conditioned by the fact that men live together, but it is only action that cannot even be imagined outside the society of men [1].

Seen in this way, ethical AI is distinct from human action and ethics. Ethical computation bears no relation to human deliberation for it cannot choose to do noble or base acts, nor discover perspectives outside the self. Ethical judgment can only be done by beings free to be ethical. The electronic brain only has judgments given to it in computation, and thus opposing the algorithm is not possible for it. Therefore, ethical AI is not free to be ethical.

3. CONCLUSION

This paper considered the philosophical ground for efforts to bring about new forms of Artificial Intelligence possessing the capacity for self-determined ethical action. Whose possibility turns Kissinger's warning into a kernel of optimism for technological utopians. In that, a world governed by data and algorithms is, to the contrary, a liberation from human and terrestrial prejudices.

From the perspective of ethical AI as thematic variant of strong AI, Turing's idealized human information processing agent is transformed into a superior being of moral virtue in the form of ethical heuristics. Its presentation as a bulwark against the misuse of smart technology and further, a salvation for the ethical failings of humanity in general, can be drawn on the intellectual grounds of: computational theory of mind, behaviorism, formalizability, and Cartesian dualism.

The return to Descartes comes on the heels of what Arendt and Heidegger identified as humanity's use of technology for evasion and concealment. There has to be a Cartesian ghost in the machine to afford AI its Archimedean point, at far enough remove away from humanistic failings and prejudices. The problem being that it is so far away from human concerns as to be alien to human concerns, unable to be of relevance to the being of humans in their constitutive environment.

Ethical AI is distinct from human action and ethics. Artificial Intelligence is not free to change its programming in response to irresolvable quandaries, neither can it take action outside of pre-ordained heuristics. Ethical judgment can only be done by beings free to be ethical. Therefore, ethical AI is not free to be ethical.

SOURCES

1. Hannah Arendt. *The Human Condition* (The University of Chicago Press: 1998).
2. Aristotle, *The Nicomachean Ethics*, translated by David Ross, revised by Lesley Brown (Oxford University Press: 2009).
3. René Descartes. *Meditations II, The Philosophical Writings of Descartes*, translated by John Cottingham, Robert Stoothoff, Dugald Murdoch (Cambridge University Press: 1901) Vol. II.
4. Hubert L. Dreyfus. "Why Computers Must Have Bodies in Order to Be Intelligent," *The Review of Metaphysics*, Vol. 21, No. 1 (Philosophy Education Society Inc.: September 1967) 13-32.
5. Hubert L. Dreyfus. "Standing Up to Analytic Philosophy and Artificial Intelligence at MIT in the Sixties," *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, vol. 87 (November 2013) 78-92.
6. Alberto Giubilini and Julian Savulescu. "The Artificial Moral Advisor. The 'Ideal Observer' Meets Artificial Intelligence," *Philosophy and Technology* (2018) 169–188.
7. Martin Heidegger. *Being and Time, A Translation of Sein und Zeit*, translated by Joan Stambaugh (State University of New York Press: 1996).
8. Henry Kissinger. "How the Enlightenment Ends," *The Atlantic* (June 2018), <<https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/06/henry-kissinger-ai-could-mean-the-end-of-human-history/559124>>.
9. Yuxin Liu, Adam Moore, Jamie Webb, and Shannon Vallor. "Artificial Moral Advisors: A New Perspective from Moral Psychology," *Edinburgh Research Explorer* (The University of Edinburgh: 2022) 436-445.
10. Rescorla, Michael, "The Computational Theory of Mind", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), <<https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/computational-mind/>>.
11. John R. Searle. "Minds, brains, and programs," *Behavioral and Brain Sciences* 3 (Cambridge University Press: 1980) 417-457.
12. John R. Searle. "Parsing the Turing Test Philosophical and Methodological Issues in the Quest for the Thinking Computer," edited by Robert Epstein, Gary Roberts, Grace Beber (Springer Science + Business Media B.V.: 2009)
13. Alan M. Turing. "Computing Machinery and Intelligence," *Mind* (1950) 433-460.
14. Wendell Wallach and Collin Allen. *Moral Machines, Teaching Robots Right from Wrong* (Cambridge University Press: 2009).
15. Mark A. Wrathall. *Heidegger and Unconcealment, Truth, Language, and History* (Cambridge University Press: November 2010).

**EXAMINATION OF NEURAL PROPRIOCEPTIVE FACTORS
IN RELATION TO PATHOPHYSIOLOGY AND ONTOLOGY
OF PSYCHOPHYSICAL HEALTH**

D. Tomasi (Vermont, USA)

Vermont Academy of Arts and Sciences, VT, USA; Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria; Community College of Vermont, Burlington, VT, USA

ABSTRACT. When approaching the nature and etiology of psychophysical problems in a given population, it is important to understand the causal relations, the mechanisms, and the processes which underlie given problems, issues, and disorders. This examination attempts to investigate the connection between neural pathophysiology and proprioceptive ontology of olfactory and visual cortical circuitry on the basis of the current scientific evidence indicated by the results of studies in which subjects underwent a series of therapeutic modalities focused on the improvement of overall wellbeing with the utilization of devices and technologies to stimulate multiple motor vs. somatosensory processes. More specifically, the studies at the centers of this analysis incorporated physical movement and virtual reality interactions, with the supplement of olfactory stimulation. In this examination, such research is also investigated from a theoretical standpoint, with the ultimate goal to better determine which interventions are justified under the premise of a mutual support between empirical values (through laboratory examination) and logical deduction (via philosophical investigation).

1. INTRODUCTION

To determine which approaches one must use to properly stimulate wellbeing in a given population, it is useful to begin with definitions. While the scope of this paper is neither linguistic nor epistemological in nature, we could begin to list those areas which would be appropriately contained in the term “wellbeing.” From the perspective of “the” scientific method, we could certainly link the term to those research variables which are more clearly definable as existing on a numerical scale via empirical (laboratory or hospital)

detection, monitoring, and recording. For instance, we could think of the standard patient vitals, i.e.

- 1.heart beat,
- 2.respiratory rate,
- 3.body temperature,
- 4.blood pressure, and
- 5.oxygen saturation.

While we could argue the data thereby collected would only represent physical (biometric) data, it useful to see how such data is less prone to be subjectively influenced by personal interpretation, unless of course one would consider cognitive-theoretical assumptions of a quantum theory heritage, as in neo-Schrödinger-ian perspectives. Furthermore, even on the level of sheer theoretical examination, or even rejection of mere physicality via the application of dubious metaphysical distinction vs. separation from natural elements, it remains evident how:

A. Any subjective parameter would still have to be quantified (i.e., extracted/extrapolated) from the single individual, to be valid for the general population, and

B. Whichever experience and or (mental, psychological, metaphysical, etc.) process is displayed, it is certain that such process would also display a related physical manifestation.

Of course, the latter point won't necessarily solve all aspects of the issue of causality vs. correlation (outside of the domain of mere statistical-epidemiological examination, which is relatively easily assessed when properly, i.e. mathematically, applied), but could certainly inform one of the core aspects of our examination, namely the relation between the physical processes underlying psychophysical problems stemming, or at least monitored, supervised, modulated by the brain (neural pathophysiology) and the philosophical study of being, from the perspective of the connection-communication between one perception of (him/her/"the") self and his/her proprioceptive apparatus, fully integrated (rooted) in physicality, in the body and its metabolic processes.

Following these premises, which variables are we going to incorporate in our applied definition of wellbeing? Certainly, those labels which are intrinsically descriptive of problems involving , with a bit of neologist push, "physicality" and "psychicality" which we could argue on the basis of laboratory evidence, are indicative of somatosensory, or even psychosomatic activation. Thus, we will examine studies which monitored variables such as physical and psychological pain and pain perception, anxiety, depression and (rela-

ted) mood changes, as well as stress (perceived/felt/displayed/supressed-repressed) anger, variation in self-esteem, sleep patterns, and level of enjoyment during the session or experience examined by such studies.

2. RESEARCH EXAMINATION

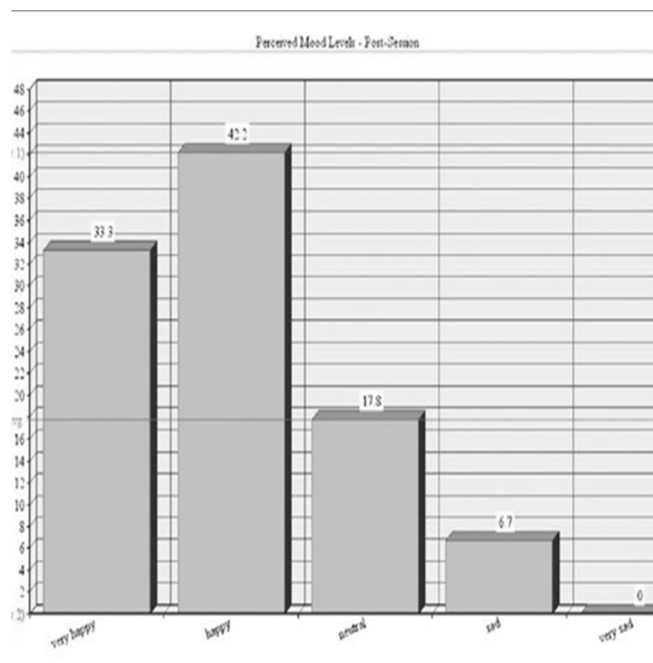
2.1. General premises

While a solid scientific examination, at least within the field of biomedical science, warrants a constant striving for the “golden standard” of research, i.e. a meta-analysis systematically structured on the intrinsic examination of multiple randomized, preferably tripled-blinded, case-control trials, in this paper we will utilize only a few previously conducted and published research studies to present the connection between the aforementioned areas and we will re-examined them under the lenses of both applied and theoretical medicine as well as philosophy. More specifically, we will constantly refer to 4 studies conducted in the last 4 years, more specifically “Olfactory Virtual Reality (OVR) for Wellbeing and Reduction of Stress, Anxiety and Pain”, “Positive Patient Response to a Structured Exercise Program Delivered in Inpatient Psychiatry”, “Human Gastrointestinal Microbiota and Neural Activity: Effects of Probiotics on Mental and GI Health”, and “Emotional and Cognitive Responses to Academic Performance and Grade Anxiety” (Please see bibliographical references). The selection of these research studies is based upon the results of each research, which (again) supports each other study design and data collection, and on the theoretical premises at the basis not only of the study designs themselves, but on the incorporation, epidemiological consideration, and translational application of their results. Furthermore, the examination of the results of these studies will be corroborated by the comparative analysis of the current scientific evidence in the publications focused on the aforementioned areas of investigation, i.e. the variables at the center of the study.

2.2. Physical activity, sensorimotor activation, physiological response, self-perception

Let us begin our investigation by reviewing the outcomes of each studies, as delineated by their respective research results. In “Positive Patient Response to a Structured Exercise Program Delivered in Inpatient Psychiatry” the primary objective of the study was to promote exercise, fit-

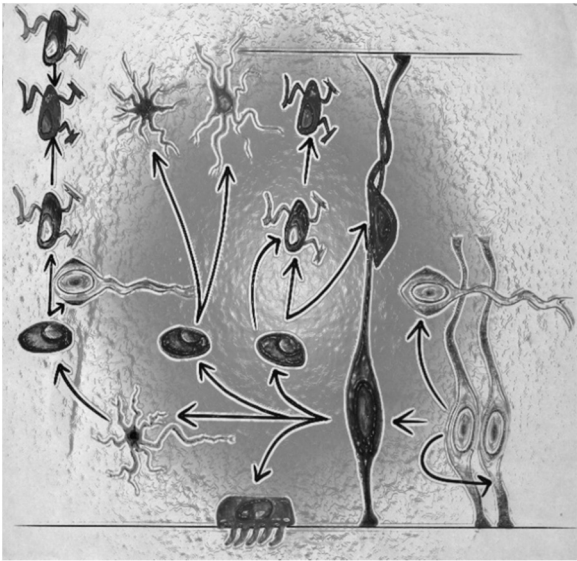
ness, and physical health in an inpatient psychiatry adult population, while the secondary objective included therapeutic management of depressive symptoms and patient-centered approach to mania, angry outbursts, and generalized disruptive behavior.

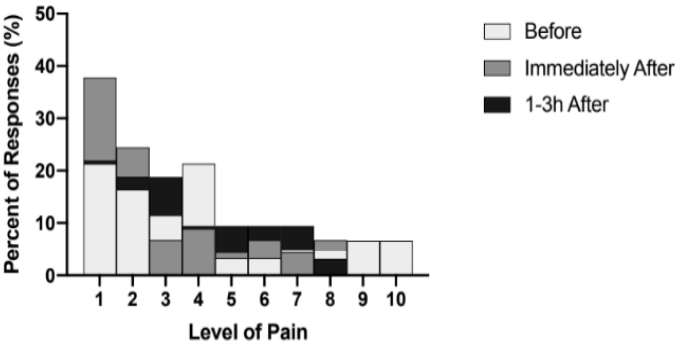
Fig. 1. Group #1 Psychiatry - Perceived Mood Level Post-exercise Session, Answering the Question “How Would You Rate Your Mood?” Indicators, From Left to Right: Very Happy, Happy, Neutral, Sad, Very Sad. $P < .001$ (Wilcoxon Signed-Rank Test). From the Study “Positive Patient Response to a Structured Exercise Program Delivered in Inpatient Psychiatry”

Finally, the tertiary objective was focused on the promotion research in the psychophysiological effectors of exercise and nutrition education in combination with psychotherapy, which is also part of the focus of the current analysis. More specifically, the patient-perceived positive changes in both psychological and physical terms were indicated by the responses provided by the patients to the question “Did the exercise group improve your mood?”, to which 93.2% of patients on the first population examined responded affirmatively. For “Are you pleased with the way your body feels now” the positive responses amounted to 93.0%. Very similar outcomes for the second study group, with 90.6% for “Are you pleased with the way your body feels now?” and 96.8% for “Did the exercise group improve your mood?” As the study indicated, these results were not only instrumental in the examination of the current psycho-physical state of affairs, but to monitor the future-oriented motivation strategies thereby implemented, with the majority of subjects expressing

interest in continuing a fitness routine. This is exemplified in the affirmative answer to “After attending this group, do you think you will exercise more?” with 97.6% for the first study group and the totality of patients on the second subject population examined (100.0%). Furthermore, the willingness/readiness of patients to make room for physical exercise in their therapeutic schedule has resulted in an overall positive effect for the therapeutic environment as a whole. Again, the ontological nature of overall wellbeing is exemplified in the empirical observation of how one area of improvement (e.g. physical exercise and overall movement) positively and mutually contributed to another one (e.g. psychotherapy).

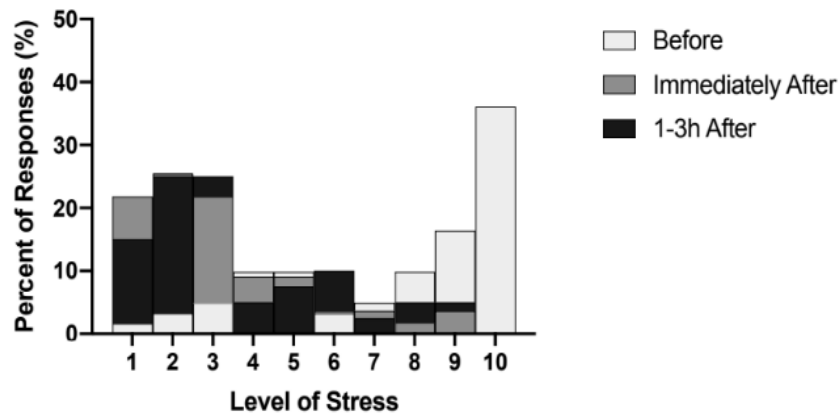

Fig. 2. General overview of phases diagram of human neurogenesis. From the Study “Critical Neuroscience”

Fig.3. Time point comparison in percent of responses per level of Pain subdivided into Before, Immediately After, and 1-to-3 hours-After. From the study “Olfactory Virtual Reality (OVR) for

Fig. 4. Time point comparison in percent of responses per level of Stress subdivided into Before, Immediately After, and 1-to-3 hours-After. From the study “Olfactory Virtual Reality (OVR)”

Of course, the study also demonstrated the benefit of better scheduling strategies for the therapeutic offerings on both hospital units. In particular, classic Cognitive Behavioral and Dialectic Behavioral psychotherapy modalities combined with integrative approaches such as exercise and nutrition (beside the already offered approaches such as art therapy, mindfulness/meditation, music therapy, etc.) corroborated the general amelioration of increased well-being following each session, as in well-established multidisciplinary models. In “Human Gastrointestinal Microbiota and Neural Activity: Effects of Probiotics on Mental and GI Health”, the researchers examined the general parameters of the microbiota-gut-brain axis, with a special emphasis on a clinical-medical and anthropological perspective, more specifically by focusing on the observed vs. non-observed (observable) effects of psychobiotics on psychiatric conditions, as well as IBD (inflammatory bowel disease) and IBS (irritable bowel syndrome) comorbidities with psychiatric conditions. More in detail, IBS was examined within the context of utilizing dietary changes to influence individuals’ microbiomes and to ameliorate GI and mental health. As an example of the research focus, the authors emphasized how a systematic examination of the current scientific evidence in this area indicates how certain foods are observed to help defend against depression. In this category we find soy products, turmeric and blue-berries (Selhub et al., 2014), all of which are known to have potent anti-inflammatory effects that could help mitigate depressive tendencies. Following this examination, the process of fermentation is known to improve bioavailability of nutrients, which could at least partially explain the positive effects seen as a result of eating probiotic-rich foods (ibid.).

The probiotic *Lactobacillus rhamnosus* has been observed to decrease anxiety and depressive-like behaviors in healthy but stressed animals, as evidenced in rodent models such as the elevated plus maze and forced swimming test. Of course, the comparative conclusions drawn from the assumed biomedical similarities between humans and other animals might be still debatable, certainly from a strictly ontological perspective. In any case, the overall statistical trends providing more robust evidence for this connection is relevant in contemporary clinical efforts. Furthermore, it is possible and even likely from a statistical standpoint (Müller-Waldeck, 2019), that the naturally occurring beneficial microorganisms found on raw fruits and vegetables could in part explain the more robust health seen in populations of people eating more traditional diets. For example, the Japanese population (especially within the Japanese prefecture of Okinawa / Ryukyu Islands) has been monitored by the scientific community for their higher life-expectancy and overall better health, healthier diet (especially in comparison to SAD), with plenty of fermented items like soy products and vegetables compared to other areas of the world. The research study “Emotional and Cognitive Responses to Academic Performance and Grade Anxiety” is useful to examine in this context, as it moves away from a strictly biomedical subject population and method, and incorporates what we could, both theoretically and in terms of epidemiological considerations, view as general population. This was an observational study of 75 participants selected in a randomized college student population. More in detail, 76% of the respondents were female and 24% were male. In addition, 5.3% were 9th graders, 17.3% were sophomores, 60% were juniors, and 17.3% were seniors, with overall grade averages ranging from 2.0-4.25. The main focus of the study was centered on the connection between cognitive and mood changes in connection to academic performance, grade anxiety, test anxiety, stress, and communication apprehension. Among the most interesting data observed, out of 75 respondents, 65 said they procrastinate in academic settings, and only 17 out of the 75 students reported a GPA below a 3.5. As evidenced by the authors, a possible theoretical explanation might account for higher anxiety levels during the school year as a causal result of procrastinating patterns. Furthermore, 68 students rated their anxiety average or higher than average during the academic year in general. Finally, and from a truly holistically philosophical perspective (in itself epidemiologically indicative), another important aspect of the study examination is peer’s influence over academic performance. By examining the survey responses, 93% of respondents answered that a peer had influenced their feelings about a grade. In the final study examined in this analysis, “Olfactory Virtual Reality (OVR) for

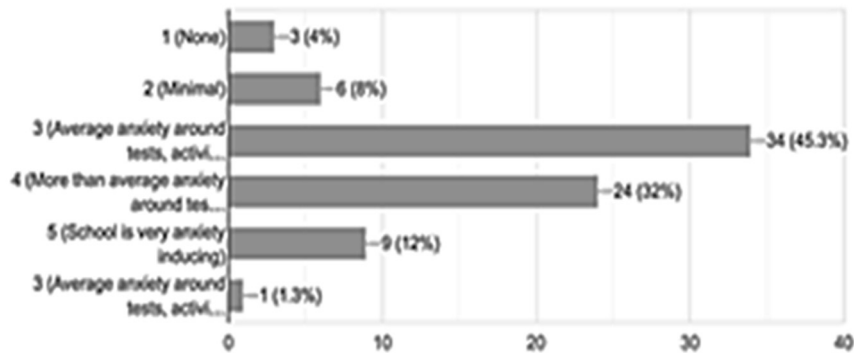
Wellbeing and Reduction of Stress, Anxiety and Pain”, the researchers examined the utilization of Olfactory Virtual Reality (OVR) in an inpatient psychiatry unit via direct subject observation and monitoring in the context of Olfactory Virtual Reality (OVR) sessions and Qualitative data collection through the administration of subject surveys, subdivided in:

- A. Pre-OVR experience,
- B. Immediate post-OVR experience, and
- C. 1-to-3-hour post-OVR experience questionnaires

More specifically, this study presented the application of a never previously introduced technology, specifically developed for the study. In detail, the OVR environment is an immersive, 3-dimensional, 6 DoF (Six Degrees of Freedom) environment in which the subject can freely move and interact with the virtual items presented therein (campfire, sticks/logs, marshmallows, etc.), citronella candles, flowers, tree bark, soda, and bacon, with ambient scent of forest, as well as natural environment sounds such as leaves, etc., to recreate a reality-like environment. Due to the nature and requirements of this subject population and the added layers of safety presented by an inpatient psychiatry unit, the “safety range” of approximately 10ft x 10ft in the selected study room has been cleared of any objects or furniture, so that subjects may move through the environment safely. These borders are defined by invisible walls in the OVR software, when the patient gets close to the edge of this safety range. More specifically, the environment is designed to simulate a relaxing camping experience including a tranquil campsite, tent, picnic table and fire pit cluster at the edge of rocks and trees overlooking the sunset. There are many objects in the OVR environment that the subject can interact with using two hand-held wands (virtual hands). These wands are tracked through HMD (head-mounted display)-mounted sensors to correspond with their movements and have buttons and grips that allow the user to interact with items (Image 2). As the subject moves about and interacts with the environment, corresponding odors connected to the general environment as well as specific items and interactions are precisely released to give the environment an enhanced perception vs. proprioception of presence. Of note, in this research study each subject spent on average 10 minutes in the OVR environment before the Inpatient psychiatry Group therapist aside the subject in the completion of the exercise/experience and the safe removal of the technological device. All these studies focused on the improvement of subjects well-being and the detection of problems, issues, and obstacles to their health, also focusing on the bio-psycho-social model of care.

Rate your anxiety levels during the school year on a scale from 1 to 5?

75 responses

Fig. 5. Chart pertaining to the question about student's anxiety levels during the school year (N=75, P<.001 Wilcoxon Signed-Rank Test). As seen in the chart, 4% responded they have no anxiety, 8% said minimal, 46.6% said average, 32% said more than average, and 12% rated their anxiety levels as high. From the Study "Emotional and Cognitive Responses to Academic Performance and Grade Anxiety".

This is particularly true when we reexamine the connection between how a person defines herself alone and in relation/juxtaposition to others, starting from what we could consider a "Levinasian" perspective of *otherness*. The interesting factor is of course the mutual influence of the body over the mind and of the physical perception of self in space, being and time (begging a reference to Heidegger), which is key in better understanding proprioceptive processes.

3. PATHOPHYSIOLOGY AND ONTOLOGY

3.1. General considerations

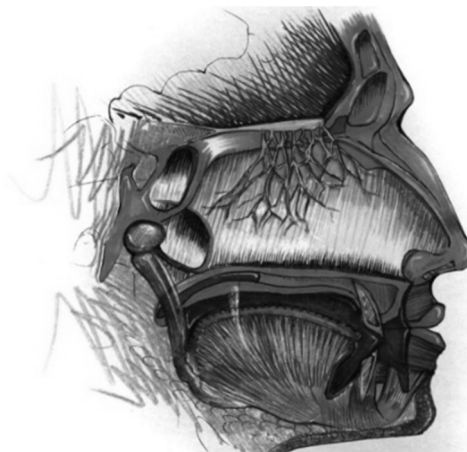
How can we then justify the evidence of such data in space and time? In other words, how can our analysis help shed light on the very fact that the mind impacts the body and vice versa? An appropriate suggestion could come through the examination of the phenomena of proprioception in the body. As the name implies, proprioception is the process resulting from sensory receptors in the central and peripheral nervous systems, or more precisely in the (human) brain and the rest of the body. While most of these receptors are located in muscles, tendons, and joints (thus sending, via afferent sequences, detailed messages about space, being, and time, i.e. about 3D positions, actions/movement/behavior and sequential ordering) to the brain. Multiple stu-

dies examined these processes, and the research by Rizzolatti et al. on mirror neurons is still a groundbreaking discovery which continues to inform our knowledge of the fact that we learn vicariously, we develop, even from the perspective of neuroplasticity, an ever improving version of our self and self-perception (because it is both experientially and sequentially, contextually-based), and we literally move from being to becoming and vice versa (although, in regard to the latter point, the interpretation of “the” linearity of time might be only useful in the context of executive functions on the cortical and subcortical levels), thereby taking a fully active role in shaping our selves (selves) in co-operation (which is, again, mutually influencing behavioral activation in context) with the environment, itself made of acting/activating being, including fauna and flora, but to some extent inclusive of inanimate objects, also because such objects could be mimicking the ontological essence of others, either due to their aesthetic anthropomorphization, or simply (but not necessarily easily) because of the way they were created in the first place. This is of course not only the realm of architecture, urban planning, interior design or ergonomics, but finds full application in virtual reality and brain-computer interfaces. The previously mentioned research on olfactory virtual reality indicated just this, as a further contribution to the application of naturally occurring proprioceptive mechanisms toward the improvement of health. As an example of such considerations, beside the observed decrease in self-reported levels of anxiety, stress, and pain, an important factor at the center of the application of olfactory virtual reality in inpatient psychiatry has been its ability to provide an immersive psychological, physical, and social experience to those patients who are otherwise unable to engage in other integrative approaches to care, such as physical exercise, gentle movement or stretching, Yoga, Art and Music Therapy or Dance Movement Therapy, due to physical problems or other medical comorbidities. An interesting factor, which, if not a proof of the fact (cases) that “everything happens for a reason” it is at least indicative of some sense of synchronic optimization (albeit not necessarily “synchronicity” in Jungian terms) through space and time, through time and being, from individual to the general population, and perhaps even from subjective to objective, is the fact that the research study was conducted during COVID-19, itself contributing to further self-isolation, a significant problem affecting, and in turn, affected, by a vast range of psychological issues, particularly depressive states and traumas. In other words, where physical proximity is not possible and or allowed, this type of technology

allows the individual to experience a re-created environment in a safe, monitored, and measurable way.

Furthermore, the ability of the olfactory-visual stimulation provided by OVR to positively affect emotion and memory can be an important aide and support in the complex process of mitigating the negative effects of psychological and social issues (e.g. MDD, PTSD, as well as Addiction disorders, etc.) affecting such vulnerable populations and could promote a better understanding of the psychological functioning in the general public during a times of epidemiological challenges and increased risks for multiple psychophysical issues.

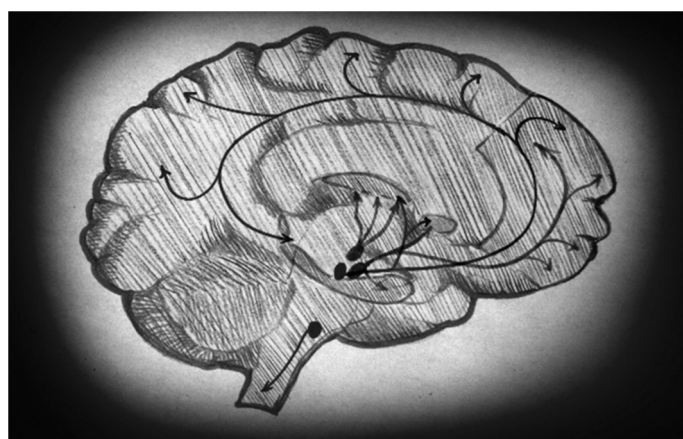
As we actions. If the indication of mechanism, process, and effects from the brain to the mind, from the body through and via metabolic processes, from theory to practice is itself instrumental to a better understanding of the connection between theoretical speculation, physical activation, and psychological processes, it is is the examination of obstacles and impediments which contributes to a more refined analysis of all the manifestations of the self.

Fig. 6. Temporal rx-side inner view of olfactory and adjacent neuromuscular / perceptive areas.

This is mostly true for a variety of fields, were true scientific advancement happens through trial and error, given an agreement of what the current or ultimate goals -the higher good- is, which is itself a question and decision which ought to be made outside of the scientific method, and more on general outs of science itself. To provide an illustrative example of this, we could think of how abnormal psychology informs “normal” psychology. Again, the norms themselves are outside scientific investigation, but it is still extremely fascinating to see (quite literally as in “evidence”) those very norms “embodied” in neural circuitry. We previously discussed such processes (Tomasi, 2022b), but it is useful to at least review some of the basics here. Again, since

proprioception is (both in essence and experience, both ontologically and phenomenologically) a continuous feedback loop of between sensory receptors in the central and peripheral nervous systems, any obstacle to this loop has a negative impact to the very perception of self in space and time. More specifically, limb velocity, muscle length and rate of change (movement-in-space) in vertebrates, are modulated by sensory neurons (Type Ia sensory fiber). In contrast, Group II neurons (albeit themselves also constituting muscle spindles, as in Type Ia sensory fiber). Furthermore, type Ib afferents (sensory neurons in the Golgi tendon organs) are utilized to determine the load on a limb, thereby indicating the effect of the application, the manifestation, the “epiphany” of an idea (in itself, we could argue, physical-perceptive or aesthetic, but also modulating, emotion and cognition-morphing) in the physical environment, thereby modulating (read: “experiencing” in the subject and the subjects body, which becomes one entity, through embodiment, see embodied cognition for example) the resistance that muscle is experiencing.

Fig. 7 Right hemisphere inner diagram of Dopamine and Serotonin Pathways.

Of course, this is not everything, as proprioceptors also determine the specific position, the “mapping” of the limb in space (via the activation of Ruffini endings and Pacinian corpuscles), following the somatosensory vs. motor cortex circuitry. In other words, problems in the area of connection between what is outside of me and what is inside of me both informs and shakes the idea I have of myself. It destroys and rebuilds me by allowing me to rebuild myself, albeit following, this time in a linear sense (in terms of time, not of neural pruning, in itself multifaceted and multidimensional) the process-toward-the-good, the sequence of neurochemical cascades allowing the image of myself to be better embodied while leaving room for improvement. This “leftover” room is of course cause of bio-psycho-social discomfort and pain:

necessary factors for true healing (as in “becoming whole”). As multiple research studies have indicated, and as further suggested by the aforementioned research, “the idea dominates”, the imagination, recollection, rehearsal, even fantasizing or daydreaming (or just dreaming, we could argue) because new and truer reality when manifested outwardly.

4. CONCLUSION

If we were to summarize the main points of the discussions above in one sentence, we could claim that “the mind affects the environment even if the environment is not real.” We could also postulate that “the mind affects the environment even if the environment is not real. Under certain circumstances, *even more so if it is not real*”. The current scientific consensus is extremely clear about the role, function, structure, and activation of the neural circuitry responsible for our senses and their relation to the image and perception we have of ourselves. Utilizing the newest technological devices to simulate (also in the sense of simulacra, *à la* Guy Debord, one might argue) such movements and responses can be extremely useful in helping suffering individuals overcoming obstacles in their paths toward healing. However, it must also be noted that such technologies are not ontologically significantly different from the “inner rehearsal”, in itself symbolizing and activating the “inner self” of philosophical, and even spiritual, mystical (elsewhere we argued about the preeminence, hierarchy, and order of this triad, see bibliography) “introspection.” Therefore, the most current scientific discovery in the application of (multiple) somatosensory/motor stimulation in combination with virtual reality or brain-computer interface is essentially (and by virtue of the very neural circuitry mentioned above, also “existentially” and “experientially”) the same, even as “other-than-me”, “specular/speculative” (philosophically intended), or even “Doppelgänger” and “mirror image” (think of ipsilateral vs. contralateral activation, or -again- mirror neurons) as our poetic self, or creating-and-“self”-creating self in the world we inhabit and we *live* (*accusative*, as in direct object, not *locative*). Through our senses, both inner and outer, or better said lower and upper, we forge reality despite the fact that we are doomed to make mistakes and encounter obstacles. We live and create our virtual reality. Our reality, the base/basis is the “res” we interact, play, move with, while the virtual is in itself predicated open the *virtus/virtue* we embody. If we “do our job right”, this *embodiment* is therefore *healing*, whole and holy, as it is made in the image and likeness of the very idea which moves -quite literally so- us. For some, for many, this idea in itself is the supreme idea, it is the divine.

REFERENCES

1. AbhinavRP, SwetaVR,RameshA. 2019. Role of virtual reality in pain perception of patients following the administration of local anesthesia. *Annals of Maxillofacial Surgery*. 2019;9(1):110– 110. A
2. Atherly, A., Tomasi, D., Audi, L., Porter, J., Feldman-Hunt, C., Crouch, K. 2022. The Effect of Integrated Pain Management Using Complementary and Alternative Medicine on Quality of Life and Life Function for Individuals with Long-Term Chronic Pain. UVM Medical Center Comprehensive Pain Program.
3. Chalmers, D. 1996. *The conscious mind*. Oxford: Oxford University Press, 1996
4. Tomasi, D. Activation of Ventromedial prefrontal and medial orbitofrontal cortex in rational-moral judgement for integrative medical-psychotherapeutic practices. Burlington, VT: UVM IHS 401, Topics and Measurement in Interprofessional Health Sciences – Presentation, 2021a
5. Tomasi, D., Ferris, H., Booraem, P., Enman, L., Gates, S., and Reynolds, E. 2021. Olfactory Virtual Reality (OVR) for Wellbeing and Reduction of Stress, Anxiety and Pain. *Journal of Medical Research and Health Sciences*, 4(3), 1212–1221, <https://doi.org/10.15520/jmrhs.v4i3.322>
6. Tomasi, D. Did my brain make me do it? New perspectives from neuroscience, psychology, and medicine on the Mind-Body Problem. Burlington, VT: UVM Honors College- Presentation, 2021b
7. Marcus M, and Tomasi, D. 2020. Emotional and Cognitive Responses to Academic Performance and Grade Anxiety. *Journal of Medical Research and Health Sciences*, 3(4), 919-925. <https://doi.org/10.15520/jmrhs.v3i4.172>
8. Tomasi, D. *Critical Neuroscience and Philosophy. A Scientific Re-examination of the Mind-body Problem*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2020a
9. Tomasi, D. Anterior Cingulate Cortex (ACC) and μ -opioid receptors (MOR): a dialogue between free will, responsibility, and mental health. Williston, VT: NAMI - National Alliance on Mental Illness, 2020b.
10. Tomasi, D. 2021. Activation of Ventromedial prefrontal and medial orbitofrontal cortex in rational-moral judgement for integrative medical-psychotherapeutic practices. Burlington, VT: UVM IHS 401, Topics and Measurement in Interprofessional Health Sciences - Presentation
11. Eccles, J. *How the Self Controls Its Brain*. Berlin, D: Springer Verlag, 2015.

12. Desbordes G., Negi L.T., Pace T.W.W., et al. Effects of mindful-attention and compassion meditation training on amygdala response to emotional stimuli in an ordinary, non-meditative state. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2012
13. Tomasi, D. *Medical Philosophy. Philosophical Analysis of Patient Self-Perception in Diagnostics and Therapy*. New York, NY: Ibidem Verlag / Columbia University Press, 2016.
14. Webb, S., and Tomasi, D. 2020. Human Gastrointestinal Microbiota and Neural Activity: Effects of Probiotics on Mental and GI Health. *Journal of Medical Research and Health Sciences*, 3(9), 1070-1076
15. Tomasi, D., Gates, S., and Reys, E. 2019. Positive patient response to a structured exercise program delivered in inpatient psychiatry. *Global Advances in Health and Medicine / SAGE Publications* 8, <https://doi.org/10.1177/2164956119848657>
16. Tomasi, D. Wishful thinking, hope, and placebo. Exploring the connections between religion and medicine beyond illusion, delusion, and ideation. *Sofia, BG: Sofia Philosophical Review* 9(1), 2015
17. Kornhuber, H. H. and Deecke, L. *The Will and Its Brain: An Appraisal of Reasoned Free Will*. Lanham, MD: University Press of America, 2012
18. Rizzolatti G., Sinigaglia C. The functional role of the parieto-frontal mirror circuit: interpretations and misinterpretations. *Nature reviews neuroscience*, 2010. 11(4) 264-274.

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 378.1

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Д.Д. Антипова (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Г.А. Кудишкин (Москва, Россия)

*Российский государственный университет
правосудия при Верховном суде РФ,*

Аннотация: В статье рассмотрена проблема организации высшего образования. На сегодняшний момент происходят изменения и трансформация образования в России, в статье проведен анализ существующих проблем образования в РФ, изучены аспекты предоставления бесплатного образования согласно Конституции РФ. Также раскрыты смысл каждой выявленной проблемы и предложены пути решения данных проблем в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: образование, высшая школа, проблемы высшего образования, бюджетное образование, научная сфера

1. ВВЕДЕНИЕ

Многие десятилетия отечественная система высшего образования считалась одной из лучших в мире. В современной России в высших учебных заведениях обучается много иностранных студентов, которые приезжают за высоким качеством образования. На сегодняшний момент отечественная высшая школа вызывает глубокое уважение у иностранных партнеров и конкурентов. В научной сфере выпускники и студенты отечественных высших учреждений пользуются высоким спросом. Многочисленные конференции, проводимые зарубежными партнерами, с участием наших ВУЗов, а также высокое количество международных конференций с поддержкой иностранных инвесторов, показывает заинтересованность к нашей отечественной системе образования. Однако, со-

вершенно эффективной, неизменной, заданной системы образования не существует. В связи с этим в современных реалиях приходит направленность на постоянное развитие, самообновление и гибкость. Для того, чтобы отечественная система образования оставалась востребованной не только среди граждан России, но и вызывала интерес у иностранных спонсоров, граждан и коллег необходимо, чтобы система образования могла отвечать вызовам времени и быть универсальной, способной адаптироваться к меняющимся условиям.[6]

На современном этапе развития России высшее образование находится в стадии перманентного реформирования. Однако, глобализация и рыночный фундаментализм, вошедшие в основу образовательных реформ в России, порождают некоторые проблемы в системе отечественного образования. В условиях развития рыночных отношений основными ценностями общества являются экономические ценности. Общественное благо, нравственные и моральные ценности, уровень образования и культуры таковыми не являются. Законодатели говорят, что: поскольку образование не представляет экономической ценности, то надо уменьшить расходы на него [1]. С.Ф. Васильев утверждает, что «бесплатное образование утвердилось в XX веке как естественный атрибут социального государства, как социальное достижение человечества», но в настоящее время бесплатность образования «подвергается нападкам и предпринимаются попытки если не отменить его совсем, то хотя бы урезать его бесплатность, как можно больше его коммерциализировать, вписать в рыночные отношения» [2, с. 152].

На сегодняшний день научное и педагогическое сообщество, а также общественность сильно озабочены судьбой отечественного образования, которое находится в критическом состоянии и упадке [4]. На данном этапе во всех сферах жизнедеятельности общества обсуждаются существующие проблемы образования, обсуждаются уже имеющиеся итоги реформирования, также проводится анализ ошибок, совершенные в процессе реализации реформаторских идей и предлагаются пути выхода из кризиса. Экспертно-аналитический центр РАНХиГС в 2015 году провел опрос экспертов по вопросу проблем и перспектив развития образования. Данный опрос показал, что основной проблемой высшего образования являются коммерциализация и снижение его доступности. Помимо данной проблемы, существует недостаточное финансирование университетов, а также снижение заинтересованности участия государства в финансировании сферы высшего образования, что является второй по значимости проблемы. Однако, это не единственные проблемы, суще-

ствующие в сфере высшего образования в России. Такие ситуации как бюрократизм, коррумпированность процесса образования; проблемы кадрового состава как качественного так и количественного; оценка профессиональной компетентности работников; снижение уровня качества образования; не востребованность выпускников; отсутствие профильности образования [3].

Так, в Федеральный закон «Об образовании в РФ» были внесены возрастные ограничения при расчёте контрольных цифр приёма в вузы, что не согласуется с Конституцией РФ, которая гарантирует каждому гражданину право на получение бесплатного высшего образования на конкурсной основе (п. 3. Ст. 43) [5]. Также, Конституцией России гарантируется получение бесплатного высшего образования населению, однако, учитывая факт укрупнения учебных заведений и сокращения финансирования со стороны государства, количество бюджетных мест в высших учебных заведениях сократилось, что приводит к проблеме получения образования за счет бюджетных средств. Например, в Московском Государственном Медико-стоматологическом университете им. А.И. Евдокимова в 2022 году в ординатуру по направлению челюстно-лицевая хирургия на бюджетной основе готовы были взять одного студента. Учитывая тот факт, что любой врач в РФ может заниматься полноценной практикой только при окончании ординатуры, получается, что обеспечить полноценную работу в будущем можно только за счет собственных финансовых средств, так как государство не предоставляет финансирования по данному направлению в ВУЗе. И это не единственный пример в вопросах сокращения бюджетных мест.

Высшее образование в России имеет только 31,5 % трудоспособного населения (по данным Росстата 2014 года) [9, с. 31]. Как мы видим процесс коммерциализации высшей школы для приближения востребованности образования в стране к рыночным отношениям, проявляется именно в сокращении контрольных цифр приёма, высвобождении незначительных средства государственного бюджета за счёт закрытия вузов, но в то же время приводит к нехватке бюджетных мест для обеспечения гарантированного Конституцией РФ права граждан на получение высшего образования всех уровней. Расчеты экспертов показывают, что при такой образовательной политике в Российской Федерации, к 2020 г. число бюджетных мест в вузах сократится примерно на 700 тыс. В Советском Союзе 100 % студентов учились бесплатно. В настоящее время в России бесплатно учатся всего лишь 40 % студентов, в то время как во Франции – более 80 %, а в Германии – более 90 % [8].

2. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Таким образом, под влиянием процессов мировой глобализации, роста международной открытости национальных культур в последние десятилетия в мире происходит существенная трансформация рынка труда, образования и потребления. В связи с этим система российского высшего образования подвергается изменениям, введению новых технологий, которые меняют привычную организацию получения высшего образования. Проблема организации высшего образования в новых непредвиденных и чрезвычайных условиях выходит на новый уровень.

На основе проведенного анализа хотелось бы выделить основные проблемы высшего образования в России, а именно:

1. Учеба в высшем учебном заведении требует больших материальных затрат.
2. Существует коррупция внутри образовательных учреждений.
3. При обучении в высшей школе используются устаревшие и неактуальные материалы.
4. Зачастую, из-за укрупнения ВУЗов университет не оправдывает ожидания студентов.
5. Отсутствует достаточное количество практики, необходимой для дальнейшей работы.

Исходя из озвученных задач, рассмотрим более подробно каждую из них. Так, при окончании школы каждый выпускник сдает единый государственный экзамен (ЕГЭ) и при достаточном количестве баллов он поступает на бюджет и получает образование бесплатно, либо идет в высшее учебное заведение на платную основу. В среднем год обучения в Москве в хорошем университете варьируется от 200 до 400 тысяч рублей. Не каждый может позволить себе такие расходы, в связи с этим многие пользуются кредитом на образование, но и этот вариант не особо перспективен. Учитывая тот факт, что кредит на образование доступен не всем, следовательно, некоторые выпускники вынуждены идти работать без соответствующего образования, что приводит к наличию неквалифицированного трудоспособного населения. В связи с этим, возникает еще одна сопутствующая проблема, а именно при окончании ВУЗа, студент имеет квалификацию, но у него отсутствует опыт работы, что негативно сказывается на поиске работы. Получается, что тот неквалифицированный сотрудник пользуется большим спросом на рынке, чем квалифицированный, только что окончивший ВУЗ гражданин.

Вышеуказанная проблема приводит к коррупции в высших учебных заведениях. Развивается она в нескольких направлениях. Где-то достаточно сложно договориться о сдаче экзамена или зачёта за финансовое вознаграждение, а где-то дипломы сразу выдают в пакетиках с надписью «Спасибо за покупку». Однако проблема существует. Если отставить в сторону юридическую сторону вопроса, то подкуп преподавателей прежде всего демотивирует остальных студентов. Можно сколько угодно разглагольствовать о том, что знания не купишь. Но IQ на лбу не написан. Зато в дипломе проставлены оценки — точно такие же, как у тех, кто всё купил. И здесь же появляется соблазн: «Может, и мне заплатить?» Хотя уголовных дел по взяткам в ВУЗах возбуждается немного, так как зачастую ВУЗу проще уволить «нерадивого» преподавателя, слухи распространяются быстро и у выпускников отдельных университетов складывается определённая репутация.

При этом, задаешься вопросом, а те преподаватели, которые против коррупции и честно работают, делясь знаниями со студентами, нужны ли знания они готовы предоставить своим студентам. На сегодняшний момент в университетах вас не могут учить от себя: весь процесс учебы основывается по утверждённым госстандартам. Отклонение от установленных образовательных стандартов является невыполнением своих трудовых обязательств, что может привести к увольнению преподавателя. Однако, теоретические знания, не всегда корректно утвержденные в госстандартах, не являются однозначно знаниями и умениями для будущих работодателей. При этом государственные стандарты и рабочие программы дисциплин, и тем более учебные планы меняются достаточно редко в ВУЗах страны. Везде, где запущена казенная машина, изменения проистекают весьма медленно. А вот в «полевых» условиях всё раскручивается мгновенно, особенно в отдельных сферах, следовательно, нередко такие ситуации, когда учащихся обучают уже отжившим технологиям. Они хороши лишь для расширения кругозора и уже имеют мало значения даже для понимания развития процессов в отрасли.

Отсюда вытекает пятая проблема, озвученная выше, а именно отсутствие необходимой практики в университетах страны. Различные профессии требуют разного количества времени практических занятий. Во многом чтобы полностью проникнуться самой работой по специальности, на которую обучается студент, требуется не просто двух-трех недельная практика, а два-три месяца. За короткий период практики молодой студент толком не может «поплавать» в коллективе, который в будущем может стать его коллегами. С увеличением продолжительности

практики студент получит больше практических знаний и умений, более качественно будет осваивать в будущем свою профессию. Причем, в СССР каждый ВУЗ устраивал своих студентов на практику в те организации, в которых студентам в будущем приходилось работать еще не один год. На сегодняшний момент данная практика в стране потеряна. В нормативном вопросе существуют аспекты проведения практики в организациях, сотрудничающих с ВУЗами, однако, это не гарантирует вам работы именно в этих организациях. И именно с этой проблемой студент сталкивается на последних курсах обучения в университете.

Все вышеуказанные проблемы приводят к тому, что нередко случаи, когда студент разочаровывается в выборе вуза и зачастую направления обучения, причем на последних курсах. Это одна из главных проблем современного образования. Люди, которые идут в вуз за профессией, нередко разочаровываются в ней ещё до окончания университета, и в этом виновато всё вышеперечисленное. Приходя на дни открытых дверей в университет, абитуриентам рассказывают только то, что поручило руководство старшим курсам. И уже после первокурсник понимает, что обещали и показывали одно, а получил он совсем другое. А если на первых курсах сложилось более или менее позитивная картинка, то к последнему курсу, где происходит выбор места практики, специализация, все сменяется разочарованием и пониманием, что работать по своей специальности студент будет еще не скоро.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав существующие на сегодняшний момент проблемы в высшей школе в России, хочется заметить, что существующая система образования требует серьезных изменений и трансформаций. Необходимо пересмотреть Федеральный закон «Об образовании в РФ», обозначить основы для бесплатного образования в стране. Необходимо пересмотреть качественный и количественный кадровый состав учебных заведений, необходимо создавать различные общественные организации, которые будут помогать защищать свои права студентам, работникам ВУЗов, а также следить за грамотной реализацией стандартов в учебных заведениях. Помимо всего этого, хотелось бы сказать о том, что необходимо менять менталитет людей в отношении образования, чтобы и преподаватели, и студенты понимали зачем они выполняют свою работу и обучаются в ВУЗах страны.

Помимо вышесказанного хотелось бы сделать акцент на том, что в марте 2022 года Российская Федерация отказалась от участия в Болонской системе образования, что приводит к различным вопросам о том, как далее будет выстраиваться система высшего образования в стране. При этом, учитывая существующие рыночные отношения в России, стоит ли возвращаться к системе образования СССР, строить ли новую систему на принципах той советской системы или же все-таки это должна быть более новая, усовершенствованная система образования исходя из требований рынка и общества в целом. Считаю необходимым провести дополнительное исследование по данному вопросу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев С.Ф. Реформа образования в России в контексте глобализации: поход против знаний // Россия в эпоху глобализации: опыт, проблемы, перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Барнаул, 17 мая 2013 г. / науч. ред. В.Ю. Инговатов, О.А. Литвинова, И.В. Демин.– Барнаул: АлтГТУ, 2013.– С. 143–162.

2. Васильев С.Ф. Смыслы бесплатного образования (против реформы бюджетной сферы) // Барулинские чтения: Россия в эпоху социальных трансформаций: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции, Барнаул, 25 июня 2016 г. / под науч. ред. В.Ю. Инговатова, Н.В. Цыганенко.– Барнаул: АлтГТУ, 2016.– С. 151–178.

3. Калмыков Н.Н., Сатырь Т.С. Российское высшее образование: взгляд экспертов// Социологические исследования.– 2016.– № 8.– С. 91–97.

4. Климова Е.К., Чернышева Т.Е. АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ // Международный журнал экспериментального образования. – 2017. – № 5. – С. 71-74;

5. Конституция Российской Федерации. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)//Интернет портал Консультант Плюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 28.10.2022);

6. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года// Министерство экономического развития Российской Федерации. Интернет-портал: URL: <http://static.government.ru/media/files/aaooFKSheDLiM99HEcyrygytfmGzrnAX.pdf> (дата обращения: 28.10.2022).

7. Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб./Росстат.– М., 2015.– 728 с.

8. Смолин О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 2) // Социологические исследования.– 2015.– № 7.– С. 30–37.

9. Труд и занятость в России. 2015: Стат.сб./Росстат.– М., 2015.– 274 с.

10. Федеральный закон Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» // Российская газета.– № 5179.– 12 мая 2010 г.

УДК 37.0

СОВРЕМЕННОЕ СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: КОНТЕНТ И ПРОБЛЕМАТИКА

*М.С. Ашилова (Алматы, Казахстан)
канд. филос. наук, доктор PhD*

*Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана,*

*А.С. Бегалинов (Алматы, Казахстан)
канд. филос. наук, доктор PhD*

Международный университет информационных технологий,

*К.К. Бегалинова (Алматы, Казахстан)
доктор филос. наук,*

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

Аннотация. В статье анализируются проблемы современного сравнительного образования, которое традиционно изучает специфику национальных систем образования, его основной контент, актуальность в условиях глобализации. Показываются трудности, которые испытывает сравнительное образование, поскольку каждая страна имеет свою специфическую модель образования. И в этих условиях сложно выработать общемировой эталон образования, что является основной целью сравнительного образования. Авторы раскрывают механизмы проведения сравнительного анализа систем образования, его принципы, функции. Подчеркивается, что основной задачей сравнительного образования выступает не выработка общемирового эталона образования, а стремление к взаимопониманию между педагогами разных стран мира, призыв к плю-

рализму, уважению различных систем образования, разных точек зрения, толерантности, диалогу, обмену опытом.

Ключевые слова: сравнительное образование, компаративистика, национальные системы образования, эталон образования, классификация.

1. ВВЕДЕНИЕ

Сравнительное образование возникло в рамках философии как осмысление опыта воспитания и образования подрастающего поколения в разных странах мира. Традиционно оно включает в себя изучение и сравнение национальных систем образования. Впервые о сравнительном образовании начали говорить в начале XIX века, когда национальные образовательные системы стали объектом исследования [1]. Первым появился уникальный труд «Набросок и предварительные заметки к работе по сравнительной педагогике», который был посвящен сравнительному анализу педагогического опыта Франции и Швейцарии [2, с. 3].

Усилиями компаративистов XX века сравнительное образование стало академическим предметом. Классификации национальным системам образования и их подробное описание дали зарубежные исследователи Майкл Сэдлер, Исаак Кандель, Николас Ганс. В этой связи следует отметить разницу в терминологии. В зарубежных источниках чаще употребляют термин «сравнительное образование», в русскоязычных – «сравнительная педагогика». Несмотря на то, что данные термины часто понимаются как синонимы, определенное отличие есть. Слово «образование» на Западе имеет более широкую трактовку, обозначая единство развития, воспитания и обучения в то время, как слово «педагогика» имеет отношение только к образованию и воспитанию детей. Целью и основными задачами исследования являются анализ современного состояния сравнительного образования, раскрытие его основной проблематики и контента. Новизна подхода состоит в выявлении механизма проведения сравнительного анализа систем национального образования.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Сравнительное образование: сущность и особенности

Сравнительное образование – достаточно молодая наука. Её объект – это состояние и перспективы развития теории и практики образования в различных странах мира.

Несмотря на процессы глобализации, значение международных компаративистских исследований в области образования растет. Сравнения позволяют исследователям не только сопоставить и проверить теоретические гипотезы, но также раскрыть стереотипы, провести переоценку ценностей, сделать более широкие обобщения, увидеть общие тенденции развития, как следствие, получить новое знание. Ещё один немаловажный для компаративистики факт заключается в том, что анализ проблем взаимодействия национальных педагогических культур требует от исследователя процедуры сравнения. Проводя параллели между различными культурами, исследователь может выявить в них особенные черты, выделить их своеобразие, специфику. Сравнение позволяет увидеть не только общие, но и единичные черты.

Другой вопрос – как в многообразии мира и существующих культур выбрать те страны, системы образования которых станут достаточными для сравнения?

Практически каждое государство в мире имеет свою специфическую систему образования. И в данном случае исследователь-компаративист сталкивается перед нелегким выбором отбора нужных стран. Эту процедуру ученый, как правило, проводит исходя из сопоставления с отечественной системой образования. Таким образом, становится очевидным соотношение глобального и национального.

На первом этапе работы он изучает систему образования отдельной взятой страны, выделяет её национальное своеобразие.

Следующий шаг – исследования, которые проводятся исходя из сравнения с другой страной, чаще всего отечественной. Например, «Казахстан-Китай», «Казахстан-США» и так далее. Данный анализ позволяет подробно сравнить системы образования двух стран, исследовать различия в педагогических традициях, историко-культурном развитии, социально-политической обстановке и др. Единственный минус подобных исследований – это то, что глобальные, общемировые факторы в данном сравнении остаются вне внимания исследователя.

Чтобы решить эту проблему – исследователю необходимо построение классификаций в глобальном или региональном масштабе. Классификации строятся, исходя из множества факторов: политических, социальных, экономических, культурных. За основу, к примеру, может быть взят размер ВВП на душу населения, либо существующий политический строй, который влияет на систему образования и др. Классифицируют страны и по их принадлежности к западному или восточному типу мышления, выделяют такие категории, как Восток и Запад, а также категорию евразийства, чтобы показать специфику национальной школы.

Проводя сравнение в сфере образования, очень важно обратить внимание не только на анализ национальных систем, но также и на статусы педагога и учащегося, их роли в образовательном процессе. Многие педагогические концепции, разработанные в разных странах и на первый взгляд являющиеся совершенно разными, на самом деле обнаруживают больше сходства между собой, взаимодополняют друг друга. Компаративистам важно найти общее, особенно в свете глобализации и предъявления мировой образовательной системе общих требований по демократизации, гуманизации и гуманитаризации образования, личностному росту, концепции непрерывного образования, инновациям в образовании и др. Исходя из ответа на данные общемировые требования, ученые и делают выводы по общему состоянию и развития локальных национальных школ.

В то же время представляется необходимым учет всех особенностей изучаемых национальных школ, поскольку их игнорирование чревато созданием искусственных универсальных конструкций, не имеющих ничего общего с реальным положением дел.

О возможности создания единого общемирового образования

Многие годы перед компаративистами в сфере образования стоит один важный вопрос – возможно ли единое общемировое образование? И если да, то каким оно должно быть?

«Сегодня и в Европе, и в США, и в Азии имеет определенное распространение идея создания стандартизированной универсальной модели организации образования, пригодной для всей планеты — считается, что она должна быть основана на использовании опыта наиболее эффективных реформ образования, проведенных в разных странах. Но эта идея часто наглядно обнаруживает и свою несостоятельность. Реальные процессы развития образования в современном мире неопровержимо свидетельствуют о том, что даже самый лучший зарубежный опыт нельзя механически пересадить на отечественную почву. Он всегда должен быть проверен и примерен к специфическим условиям данной страны или региона» [2, с.82].

Многие исследователи сходятся во мнении, что сегодня, несмотря на все достижения глобализации, создание единой шаблонной системы образования невозможно. Этим они отчасти объясняют неудачи по реформированию образования в Азии и Африке по образцу европейских реформ, которые не учитывали социально-культурную специфику этих стран, часто шли вразрез с их ментальностью и образом мысли.

Несмотря на все успехи европейской школы, следует признать – восточная школа имеет свою определенную специфику. Создание образова-

тельного эталона, на который должен равняться весь остальной мир – это опасная авантюра, которая грозит утратой самобытности, ценностным кризисом в сфере образования, обеднением культурно-исторического развития общества.

Основная задача сравнительных педагогов – не выработка общемирового эталона образования, а способствование взаимопониманию между педагогами разных стран мира, призыв к плюрализму, уважению различных систем образования, разных точек зрения, толерантности, диалогу, обмену опытом. Необходимо понимание, что мы живем в многополярном мультикультурном мире, где важен каждый голос.

Ученые выделяют следующие принципы сравнительного образования:

- принцип диалектического подхода к рассмотрению многообразного опыта зарубежных стран;
- принцип конструирования интегрированного знания по актуальным проблемам современной дидактики на основе концепции целостного образовательного процесса;
- принцип соответствия отбора методов и технологий образования объективной логике развития дидактики и ее научным методам познания;
- принцип соответствия практической реализации обобщенных знаний, полученных сравнительной педагогикой, целям казахстанского образования и условиям его развития;
- принцип объективности.

В числе функции сравнительного образования выделяются описательная, объяснительная и прогнозирующая функции.

Прогностическая функция заключается в выявлении тенденций развития образования, выработке конкретных механизмов по его организации, которые ориентированы на практику.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные компаративистские исследования характеризуются переходом от «методологии единичного» (изучения одной страны-нации) к «методологии общего» (изучение страны-нации в контексте целого региона или всего мирового пространства). В числе новых тенденций педагогической компаративистики выделяют:

- открытость исследовательского поля к изучению проблем образования (от педагогического процесса в конкретном учебном заведении до тематических глобальных исследований на мировом или обще-

европейском уровне) — при этом объектом и предметом исследований становится образовательная практика в контексте многообразного и целостного мира;

• открытость методологии к гуманитарным наукам (философии, антропологии, культурологии, психологии, социологии, истории, этнологии и др.), к разнообразию философских позиций (позитивизм, марксизма, постмодернизм), к разнообразию методов (общенаучных, социологических, гуманитарных).

Системный анализ сферы образования позволяет выявлять тенденции и противоречия развития образования, проводить отбор наиболее успешного опыта, адаптировать его к реалиям конкретного общества и внедрять на практике. Как итог, компаративистские исследования нацелены на объединение теоретического и практического уровня анализа с целью выработки конкретных рекомендаций для принятия решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриенко Е.В. Сравнительная педагогика. Новосибирск: НГПУ, 2016. 209 с.

2. Мандель Б.Р. Сравнительная педагогика: история, теория, проблематика / учебное пособие для обучающихся в магистратуре. 2-е изд. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 573 с.

УДК 372.881.1

ПРИМЕНЕНИЕ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКА ИВРИТ (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗРАИЛЬСКОГО ТОК-ШОУ «ИЗВИНИТЕ ЗА ВОПРОС»)

Ю.Д. Будман (Москва, Россия)

канд. филол. наук

РГУ им. А.Н. Косыгина

Ю.Н. Кондракова (Москва, Россия)

канд. филол. наук

РГУ им. А.Н. Косыгина

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу формирования всех различных составляющих коммуникативной компетенции у изучающих язык иврит в высшей школе и роли аутентичных неадаптированных

аудиовизуальных материалов в этом процессе. Рассматриваемая проблема представляется весьма актуальной, поскольку в последние десятилетия коммуникативная методика стала ведущей в преподавании иностранного языка как в лингвистических, так и в нелингвистических вузах. Новизна авторского подхода заключается в адаптации методики применения методики работы с неадаптированными материалами, позволяющей использовать ее на начальных этапах изучения языка.

Ключевые слова: преподавание языка, иврит, аудиовизуальный материал.

1. ВВЕДЕНИЕ

Наша статья посвящена вопросу формирования всех различных составляющих коммуникативной компетенции у изучающих язык иврит в высшей школе и роли аутентичных неадаптированных аудиовизуальных материалов в этом процессе. Данная проблема представляется весьма актуальной, поскольку в последние десятилетия коммуникативная методика стала ведущей в преподавании иностранного языка как в лингвистических, так и в нелингвистических вузах. Различные аспекты этой проблемы поднимались в статьях Е.В. Василенко, исследовавшей психологическое восприятие обучающимися слуховых и зрительных методик [2], А.Е. Антроповской, изучавшей использование аутентичных аудиовизуальных материалов в преподавании французского языка [1], Н.Н. Самчик, рассматривавшей тот же вопрос на материале русского языка [4].

Цель нашей статьи – предложить адаптацию методики использования аутентичных неадаптированных аудиовизуальных материалов, которая позволила бы использовать ее на начальных этапах изучения языка иврит. В этом же заключается новизна нашего подхода: как правило, аутентичные материалы на иностранном языке предлагаются только обучающимся в продвинутых группах, что объясняется сложностью материала, в том числе, темпом речи носителей языка, большим объемом новой лексики, реалиями, с которыми студенты, изучающие иврит вне языковой среды, могут быть незнакомы.

Цель исследования определила следующие задачи: дать описание проблемы (общей, касающейся преподавания всех иностранных языков и частной, сложившейся в рамках преподавания современного иврита в высшей школе), привести описание используемой методики и материалов и сформулировать выводы.

2. ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКА ИВРИТ

Изучающий иностранный язык должен не только владеть необходимым для общения набором языковых средств, но он должен также знать социокультурные правила их использования в конкретных ситуациях реального общения. Он должен владеть знаниями о стране изучаемого языка: ее истории, географии, культуре, политическом строе, экономике, науке; о народе, ее населяющем: его образе жизни, традициях, обычаях, взглядах и убеждениях, о его менталитете. Овладеть этими знаниями, не находясь в стране изучаемого языка, непросто [3, с. 114].

Формирование у обучающихся коммуникативной компетенции в условиях изучения иностранного языка вне языковой среды представляет определенные сложности, особенно на начальных этапах обучения. Как правило, на занятиях студенты читают адаптированные тексты, знакомятся с адаптированными аудиовизуальными материалами и практикуют устную речь только с преподавателем, который чаще всего не является носителем языка, и другими учащимися.

Такой подход способствует формированию лингвистической, речевой, дискурсивной и предметной компетенций. В то же время социокультурная компетенция, подразумевающая «знание учащимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка» [5, с. 316] и компенсаторная компетенция, позволяющая самостоятельно «восполнять пробелы в знании языка, а также в речевом и социальном опыте общения в иноязычной среде» [5, с. 316], развиваются недостаточно.

Если обучающийся знакомится с устной речью на иностранном языке только по адаптированным текстам, начитанным профессиональными актерами и дикторами, то в дальнейшем у него могут возникнуть трудности с восприятием живой речи носителей языка, которая отличается темпом, может содержать ошибки и жаргонизмы. Другой проблемой является сравнительно малое количество даже адаптированных аудиовизуальных материалов на иврите, предназначенных для изучения на начальных этапах (уровнях «алеф» (соответствует международной системе А1) и «бет» (А2 соответственно)). Нам известно только два современных пособия. Это интерактивный мультимедийный курс “Hebrew by Word of Mouth” Варды Ишай и Ольги Дубовой, разработка которого на данный момент продолжается [11], и мультимедийное сопровождение серии учебников “Bishvil a-ivrit”

(«Ради иврита» / «По тропинке иврита») для средней школы [7; 3, с. 120]. Учебные сериалы «Эвену шалом алейхем», «Алло, Пнина», “Во nit’arev” («Спорим?!»), выпущенные в середине 90-х и начале 2000-х гг. [9; 10] устарели, не отражают современные реалии и, по нашему опыту, не всегда интересны студентам.

Одним из путей решения проблем, описанных выше, может стать использование в преподавании неадаптированных аудиовизуальных материалов на иврите, исходно предназначенных для носителей языка и не являющихся учебными.

3. МЕТОДИКА И МАТЕРИАЛЫ

3.1 Цели и задачи

Использование в преподавании неадаптированных аудиовизуальных материалов соответствующей сложности стимулирует познавательную мотивацию обучающихся, помогает расширить словарный запас и закрепить изученную грамматику. Тематика представленного видео побуждает студентов обсуждать его в рамках занятия, тем самым помогая формировать все составляющие коммуникативной компетенции.

Видеоматериалы могут использоваться:

1. для приобретения страноведческих знаний
2. для организации речевого общения, для развития устной речи в различных сферах общения
3. для семантизации языковых единиц
4. развития смысловой и лингвистической догадки, для развития компаративных умений, оценочных суждений
5. для социальной ориентации.

Опора на аутентичные видеоматериалы создает благоприятные условия для овладения обучаемым новой страноведческой информацией, речевым поведением носителей языка, способствует знакомству учащихся с бытом народа, его культурой. Рождаются «эффект присутствия» и «эффект соучастия», способствующий повышению интереса учащихся к воспринимаемому материалу, что, несомненно, сказывается на качестве их речи, эмоциональной окрашенности. Кроме того, это путь максимального приближения учебных занятий к естественным условиям общения, т.е. это те условия, где запоминание идет произвольно, без оказания какого-либо давления.

Их достоинством также является то, что они стимулируют почти подлинную коммуникацию: учащиеся как бы проживают все события, играют определенные роли, решают проблемы, удовлетворяют свои познавательные интересы [4, с. 224].

3.2 Этапы работы

Работу с видеоматериалами, которые используются на занятиях, можно разделить на несколько этапов: подготовительный; этап предъявления видеоматериала и заключительный [6, с. 113].

Задача преподавателя на подготовительном этапе – облегчить обучающимся понимание содержания видеофрагмента, а именно:

- объяснить и отработать в разных лексических упражнениях новые для них и присутствующие в видеофрагменте лексические единицы,
- обратить внимание обучающихся на имеющиеся в видеофрагменте и важнейшие для понимания грамматические структуры,
- перевести на родной язык присутствующие аутентичные речевые высказывания действующих лиц видеофрагмента и имеющиеся лингвострановедческие реалии.

Непосредственно перед предъявлением видеоматериала можно предложить обучающимся выполнить следующие задания:

- познакомиться с предварительными вопросами по содержанию;
- отработать новую лексику, встречающуюся в видео и др.

Во время восприятия видеоматериала обучающиеся принимают в занятии активное участие. Преподаватель может предложить следующие формы управления восприятием обучающихся материала:

- заполнение недостающих слов в тексте;
- написание краткого пересказа (при большом объеме материала)
- составление списка опорных лексических единиц;
- поиск лексики определенного характера.

На заключительном этапе осуществляется проверка того, насколько результативны предложенные преподавателем задания, способствующие лучшему пониманию содержания фильма обучающимися и контролирующее адекватное использование ими в своей речи иноязычных лексических и грамматических структур [6, с. 113, 114].

Преподаватели предпочитают работать с короткими видео: короткометражными фильмами, фрагментами полнометражных кино, песнями, рекламой, клипами. Вариантов организации занятий с таким материалом много. Например, мы знакомим студентов с видеорядом без звука, а

затем работаем с клипом уже со звуком. Это позволяет развивать навыки прогнозирования содержания текста и дает возможность организовать обсуждение. Перед просмотром можно задать студентам вопрос о том, какие ассоциации у них возникают, когда они смотрят на картинку. Следующий этап – просмотр видеоряда. Если клип продолжительный, целесообразно смотреть его не весь целиком, а часть. После просмотра видео можно попросить студентов описать, что они видели.

Чтобы посмотреть клип со звуком и познакомить студентов с песней, необходимо повторить необходимую лексику.

Затем слушаем песню в первый раз и задаем несколько вопросов о песне. Ответы на все вопросы, вероятнее всего, будут неточными. Идеи, высказанные учащимися, можно записать. После второго прослушивания можно дополнить ответы на вопросы.

Во время второго прослушивания обучающимся предлагается работа с текстом песни, например, заполнение пропусков.

Заключительный этап работы – обсуждение текста и проблем, которые затрагиваются в нём.

Во время обсуждения текста песни/видеоклипа можно задавать учащимся вопросы, обращаясь к их опыту (личному, тому, о котором они видели, слышали и читали). Чтобы мотивировать студентов поделиться мнением, можно рассказать о своем опыте.

Предложенная форма работы подходит для проведения занятий, расширяющих коммуникативную и лингвострановедческую компетенции, развивает механизмы и навыки аудирования. Также можно дополнить занятие комментарием об исполнителе, если речь идет о песне.

Применение аудиовизуальных материалов в преподавании иврита доступно уже на начальных этапах изучения языка. На уровне «алеф» это могут быть, в основном, детские песни и мультипликационные клипы по этим песням. Такие материалы не могут служить единственным ресурсом для обучения, однако хорошо дополняют существующие сегодня учебные курсы.

3.3 Израильское реалити-шоу как учебный материал

Однако, если просмотр видеоклипов и мультфильмов помогает обучающимся, в основном, только обогатить словарный запас и познакомиться со сленгом, устойчивыми выражениями и актуальной лексикой современного иврита, то реалити-шоу дают преподавателю более широкое поле для деятельности: на этом материале можно изучать и закреп-

лять и лексику, и грамматику и работать над развитием спонтанной речи, предлагая ученикам обсуждать вопросы, поднимающиеся в передаче. Одно из таких шоу – “Sliha al a-she’ela” («Извините за вопрос»).

Это израильское реалити-шоу, основанное на австралийском формате “You Can't Ask That”, которое транслируется примерно в 30 странах по всему миру [12]. Каждая серия посвящена определенной группе меньшинств в израильском обществе или группе, которая считается интересной. Участники смотрят на камеру и отвечают на вопросы, которые были присланы зрителями. Программа предназначена для того, чтобы взглянуть на жизнь на окраинах общества и разрушить стереотипы, отвечая на вопросы, которые люди боятся задавать, потому что они не являются политкорректными.

Шоу «Извините за вопрос» в 2021 году удостоился премии за лучшую телепрограмму для молодежи [7].

Во всех сериях участники дети кроме одного эпизода, где участвуют взрослые, но речь идет об учителях.

На наш выбор именно этого шоу повлияли следующие факторы:

1. соответствие материала уровням «алеф +», «бет» с точки зрения лексики, грамматики и синтаксиса, а также темпа речи героев видео;

2. удобство использования в рамках занятия: эпизод длится 15 минут и может быть легко разделен на законченные отрывки по 2–3 минуты, каждый из которых посвящен определенной теме;

3. тематика: проблемы, поднимаемые в передаче, близки и понятны обучающимся (например, переезд в другую страну, адаптация в учебном заведении, изучение иврита);

4. возраст участников шоу более-менее близок к возрасту обучающихся, что служит дополнительным источником мотивации для студентов.

Работа с материалом предполагается по следующей схеме:

1. словарь (в этом разделе собраны новые слова, которые встретятся в видео);

2. упражнения (задания на понимание услышанного (тесты и эссе);

3. вопрос (вопросы) для размышления (одна или несколько тем для сочинения / устного высказывания);

4. ‘немного грамматики’ (теоретический материал по грамматике (опционально) и упражнения к нему);

5. ‘немного синтаксиса’ (теоретический материал по синтаксису (опционально) и упражнения к нему);

6. ‘словарный запас’ (упражнения на словарный запас (закрытый клоз, перевод, кроссворды)).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенная в статье методика была опробована в 2020–2022 гг. в учебных группах АМФЗ-119, АМФЗ-120 и АМФЗ-121 института «Академия имени Маймонида» РГУ им. А.Н. Косыгина. Ее применение у студентов, изучающих иврит на начальных уровнях, показало результаты в стимуляции познавательной мотивации, расширении словарного запаса, ознакомлении обучающихся с реалиями современной жизни и образования в государстве Израиль и преодолении языкового барьера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антроповская А.Е. Французский язык и кино: использование аутентичных аудиовизуальных материалов в преподавании иностранного языка // Перспективы науки. 2021. № 4 (139). С. 113–116.

2. Василенко Е.В. Новые подходы в преподавании иностранного языка: особенности психологического восприятия слуховых и зрительных методик // Современное педагогическое образование. 2018. № 5. С. 54–58.

3. Кондракова Ю.Н. Преподавание иврита в контексте израильской и еврейской культуры в вузах и школах России // Перспективы науки и образования. Сетевой научно-практический журнал. 2013. № 3. С. 113–122.

4. Самчик Н.Н. Применение аутентичных видеоматериалов на занятиях по русскому языку как иностранному: практический аспект // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 244–246.

5. Цику Л.Х., Арутюнов Э.К. Формирование компетенций в процессе обучения иностранному языку // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 10. С. 316–317.

6. Ярунина С.А. Видеоматериалы в обучении иностранному языку // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2018. № 3. С. 110–115.

7. Bishvil a-Ivrit: [Электронный ресурс]: URL: <https://ivritil.cet.ac.il/Bishvil-Haivrit/> (Дата обращения: 04.11.2022).

8. Ishim: Kolnoa, televiziya ve-radio: [Электронный ресурс]: URL: <https://www.ishim.co.il/m.php?s=%D7%A1%D7%9C%D7%99%D7%97%D7%94+%D7%A2%D7%9C+%D7%94%D7%A9%D7%90%D7%9C%D7%94+%D7%99%D7%9C%D7%93%D7%99%D7%9D> (Дата обращения: 17.10.2022).

9. The Department of Adult Education: [Электронный ресурс]: URL: <https://cms.education.gov.il/EducationCMS/Units/AdultEducation/PirsumeiAgaf/HaloPnina/> (Дата обращения: 17.10.2022).

10. The National Library of Israel: [Электронный ресурс]: URL: https://www.nli.org.il/he/books/NNL_ALEPH990013213300205171/NLI (Дата обращения: 17.10.2022).

11. Yishai V. Dubova O. Hebrew by Word of Mouth: [Электронный ресурс]: URL: <https://www.hebrecourseonline.com> (Дата обращения: 17.10.2022).

12. You Can't Ask That: [Электронный ресурс]: URL: <https://iview.abc.net.au/show/you-can-t-ask-that> (Дата обращения: 04.11.2022).

УДК 3.37.378

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ
ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПО НАПРАВЛЕНИЯМ БАКАЛАВРИАТА**

М.Н. Гусарова (Москва, Россия)

доктор истор. наук,

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. В статье представлен анализ модели формирования и оценки цифровых компетенций студентов при реализации программ бакалавриата, ориентированной на подготовку специалистов, не относящихся непосредственно к ИТ-сфере, но чья деятельность напрямую будет связана с применением уже готовых цифровых продуктов. Автор анализирует существующие подходы к определению цифровых компетенций и предлагает собственное определение. В рамках анализа предлагаемой модели формирования цифровых компетенций, интегрированной в образовательную траекторию вуза, автор дает определение цифровой образовательной среды. Раскрывается ее сущность. Выявлены и осмыслены проблемные аспекты при ее реализации.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые компетенции; цифровая образовательная среда; электронно-информационная образовательная среда; студенты; преподаватели; образование; модель.

1. ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация пришла на смену глобализации и, одновременно, явилась одним из ее основных направлений. Цифровизации оказалось под силу то, с чем не могла справиться глобализация, затронувшая, по сути, только сферу экономики и производства, - она опутала своими сетями весь мир, все его сферы, включая политику, образование, культуру и даже частную жизнь граждан. Ее итогом станет построение цифрового общества, которое, как и в случае с постиндустриальным, сформируется, очевидно, только в ведущих странах мира, способных обеспечить своим гражданам качественное овладение цифровыми навыками и цифровыми компетенциями. Гибкая система образования, наличие соответствующей инфраструктуры, производственной, научной и технологической базы являются неизменными условиями формирования высокоразвитой цифровой среды.

2. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1 Модель цифровых компетенций

Представляется правомерным определиться с тем, что мы понимаем, собственно, под цифровыми компетенциями. В отечественной литературе распространённым является определение, предложенное Г.У. Солдатовой [7], которая определяет цифровые компетенции как способность и готовность уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать и применять инфокоммуникационные технологии в информационной среде и техносфере, потреблении и коммуникации. Так, например, выделяемая ею медиакомпетентность связана с критическим осмыслением цифровой информации, применением цифровых ресурсов для создания различных информационных объектов; коммуникативная цифровая компетентность обеспечивает безопасное взаимодействие индивидов; техническая - формирует ответственное использование технической и программной инфраструктуры; потребительская – расширяет повседневные, бытовые жизненные практики в которых находят применение цифровой контент, цифровые устройства и ресурсы (онлайн-банк, интернет-доставка товаров и услуг, предоставление государственных услуг и пр.).

Есть и другие подходы к определению цифровых компетенций, не менее достойные для осмысления и анализа [1]. В частности, А. Кальвани и соавторы предложили концептуальную основу для определения цифровой компетенции на основе исследований когнитивных и мета-

когнитивных измерений, связанных с технологиями, и назвали ее рамками цифровых компетенций (digital competence framework). Авторы выявили, что цифровая компетентность представляет конвергенцию трех основных измерений: технологического, когнитивного и этического. Технологическое измерение демонстрирует умение создавать технологии; когнитивное - критически оценивать цифровой текст и данные; этическое - продуктивно взаимодействовать с другими людьми, используя технологии ответственным образом. [4]

Изученный массив литературы по данной проблеме [2], позволяет нам утверждать, что под цифровыми компетенциями индивида следует понимать его способность осознанно, эффективно и безопасно выбирать и применять в трудовых и повседневных практиках инфокоммуникационные технологии, включая поиск и критическое осмысление информации, использование цифровых устройств и ресурсов (включая функционал социальных сетей и мессенджеров), осуществление в онлайн финансовых и торговых операций, производство цифровой инфраструктуры и цифрового контента.

Эффективное развитие цифровых компетенций у граждан требует реализации, в первую очередь, государственной политики, направленной на создание соответствующей инфраструктуры (доступный и качественный интернет, современное аппаратное и программное обеспечение, информационная безопасность, производственный сегмент), подготовку и воспроизводство кадров для цифровой экономики, трансформацию образовательного кластера. Значительную роль в формировании цифровых компетенций играет система высшего образования. По этому поводу в педагогической литературе, в среде научно-педагогического сообщества и руководства вузов развернулось немало дискуссий, относительно реализации этого процесса. Существующие практики находятся еще в стадии становления и недостаточно изучены. В целом, они сводятся либо к интеграции модели цифровых компетенций в образовательные траектории по направлениям бакалавриата, либо к освоению цифровых компетенций в формате дополнительного образования (курсы, повышение квалификации, послевузовское образование и т.п.).

Полагаем, необходимым определиться с моделью цифровых компетенций [8]. Привлеченные к исследованию разработки отечественных ученых из крупнейших вузов страны (РАНГиХС, Иннополис и др.) и аналитических центров (НАФИ, Сбербанк и др.) позволяют утверждать наличие в них значительного сегмента общих признаков: универсальный характер (возможность актуализации модели для организаций, подразделений и команд любого типа и сектора экономики); масштабируемость

(возможность корректировать набор компетенций с учетом корпоративных особенностей и отраслевой направленности); наличие блочной структуры (внимание уделяется не только компетенциям, но и ценностям, которые лежат в основе цифровой трансформации); возможность создавать на ее основе как собственные модели, так и отдельные продукты (например, индивидуальные траектории профессионального развития в вопросах цифровой трансформации; индивидуальные цифровые профили участников цифровой трансформации и т.п.). [6]

В универсальную модель цифровых компетенций входят следующие блоки: базовые цифровые компетенции (digital skills); профессиональные компетенции в сфере цифрового развития (в том числе отраслевые) (hard skills); личностные компетенции в сфере цифрового развития (soft skills); цифровая этика (цифровая культура). Особенностью универсальной модели является ее применение для формирования цифровых компетенций у студентов направлений, не относящихся непосредственно к ИТ-разработке.

На наш взгляд, к базовым цифровым компетенциям относятся расширенные цифровые навыки, включающие создание цифрового контента и цифровую безопасность. Профессиональные компетенции включают применение цифровых продуктов в отрасли (профессиональной деятельности); цифровизацию проектной деятельности и бизнес-процессов; управление цифровым развитием; применение цифровых (сквозных) технологий. Личностные компетенции включают в себя стандартный набор из нацеленности на результат, критического и креативного мышления, саморазвития, работы в команде. Цифровая культура отражена в системе ценностей, установок, норм и правил поведения, поддерживаемых и транслируемых командой цифровой трансформации. [5]

2.2 Формирование модели цифровых компетенций в образовательной траектории вуза

Модель формирования цифровых компетенций в вузе включает в себя несколько этапов. Первый этап предполагает всесторонний мониторинг рынка труда, анализ существующих моделей цифровых компетенций и практик по их интеграции и последующей поддержке, разработку непосредственно модели цифровых компетенций, актуальной для соответствующих направлений подготовки, определение основных индикаторов. Важной составляющей этапа является выработка стратегии вуза по кадровому обеспечению образовательного процесса. На втором этапе

необходимо выявить уровень цифровой грамотности обучающихся с целью актуализации образовательных программ и выстраивания эффективной цифровой образовательной среды. Реализация непосредственно процесса обучения. Третий этап заключается в контроле и оценке сформированности цифровых компетенций. Его реализация заключается в проведении промежуточной и итоговой аттестации, а также независимой экспертизе со стороны потенциальных работодателей.

Определимся с дефиницией цифровая образовательная среда. Цифровая образовательная среда (ЦОС) представляет собой совокупность средств, методов и форм обучения, интегрирующих и опосредующих взаимодействие всех участников образовательного процесса не только в границах реализации образовательной программы, но и вне ее, и основанных на использовании цифрового контента и технологий, необходимых для формирования соответствующих знаний, умений, навыков и компетенций, востребованных современным рынком труда.

Полагаем, что именно разработка и формирование цифровой образовательной среды является базовой составляющей организационно-методического сопровождения формирования цифровых компетенций при реализации программ бакалавриата.

На наш взгляд, важной компонентой ЦОС является электронная информационно-образовательная среда (ЭИОС) вуза. Она в достаточно короткий срок сформировалась под воздействием стремительного перехода российских вузов в дистанционный формат обучения из-за распространения коронавирусной инфекции [3]. Внедрения электронной информационно-образовательной среды в вузе обеспечило возможности совершенствовать образовательный процесс в соответствии с миссией университета; построить и развить индивидуализированные траектории обучения; обеспечить удаленный доступ к библиотечным и информационным ресурсам университета для студентов и преподавателей. В числе преимуществ ее использования также внедрение электронных образовательных ресурсов и изданий в образовательный процесс; удаленный доступ к текущей информации, касающейся организации учебного процесса (расписание занятий, зачетов и экзаменов, индивидуальных консультаций, а также иных дополнительных форматов обучения), своевременное информирование всех участников о предстоящих изменениях; обеспечение учащихся электронной версией учебно-методических материалов по изучаемым дисциплинам; обучение учащихся рациональным способам учебной деятельности, самостоятельному приобретению знаний.

Очевидно, ЭИОС представляет собой многокомпонентную систему (учебная, внеучебная, научно-исследовательская деятельность, промежуточная и итоговая аттестация) ориентированную на обеспечение эффективного управления педагогическим процессом с гарантированным качеством подготовки специалиста в учебное и внеучебное время. В числе необходимых требований, предъявляемых к ней, представляется правомерным, назвать: функциональность (управление курсами и обучаемыми, анализ активности обучаемых и др.); надежность и удобство (то есть удобство работы с контентом, понятный интерфейс, защита от внешних воздействий); стабильное функционирование; поддержка различных стандартов, в том числе международных; наличие системы промежуточной и итоговой аттестации; наличие авторизованного доступа к системе; перспективы развития платформы; качественная техническая поддержка системы.

Между тем, цифровая образовательная среда – понятие значительно более широкое, чем электронная информационно-образовательная среда. Она включает себя разнообразные каналы взаимодействия всех участников образовательного процесса: студентов, преподавателей, администрации вуза, работодателей. Обучающийся в ней является не только потребителем, но и полноценным участником, моделируя ее, например, под свои индивидуальные образовательные траектории. Формирование цифровой образовательной среды ускоряет «погружение» в среду современных цифровых взаимодействий, аналогичную среде, в которой окажется выпускник после завершения обучения.

Настаиваем, что цифровая образовательная среда не только качественная и высокотехнологичная инфраструктура, но и мощный человеческий потенциал. Его формирование и воспроизводство – процесс не односторонний. С одной стороны, образовательная организация должна обеспечить обучение и переобучение преподавательского состава в области цифровой грамотности, владения цифровыми технологиями, продуктами и инструментами; активно вовлекать в учебный процесс специалистов-практиков, обладающих цифровыми компетенциями. С другой, сами преподаватели должны быть «рыночными», «современными», «креативными» профессионалами, открытыми для всего нового и способными увлечь этим своих студентов.

Анализ публикаций по проблеме исследования позволяет утверждать, что в российских вузах идет процесс разработки и внедрения базовой модели формирования и оценки цифровых компетенций обучаю-

щихся при реализации программ бакалавриата. Соответствующие практики расширяются и нарабатываются, например, в РТУ-МИРЭА. Однако на этом пути есть немало проблемных аспектов, в числе которых назовем: повышение цифровой грамотности у научно-педагогического состава (необходимость качественного повышения квалификации, обучения и переобучения с отрывом от учебного процесса для полноценного погружения в цифровую среду); отказ от традиционных форм промежуточной аттестации, расширение проектных методов обучения (создание проектных команд, разработка и защита проектов); регулярное обновление фонда оценочных средств (тесты, кейсы, проектные задачи и т.п.).

Решения этих проблем обусловлено накоплением практического опыта, его тщательным переосмыслением со стороны всех участников образовательного процесса, работодателями и государством.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении хотелось бы отметить, что формирование цифровых компетенций у студентов вузов обусловлена новыми трендами в развитии экономики и общества под влиянием стремительного распространения цифровых платформ, экосистем, сквозных технологий и цифровых инструментов. Выпускники должны получить такие навыки, знания и умения, чтобы не только комфортно существовать в цифровом мире, но и развивать, конструировать его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Волкова И.А., Петрова В.С. Формирование цифровых компетенций в профессиональном образовании // Вестник НВГУ, 2019. №1. С.17-24.

2. Дмитриева Я.В., Алябин И.А и др. Развитие цифровых навыков у студентов вузов: де-юре vs де-факто // Университетское управление: практика и анализ / University Management: Practice and Analysis. 2021. №25(2). С.59–79.

3. Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию: Аналитический доклад / науч. ред. Е. А. Суханова, И. Д. Фрумин. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021.

4. Комплект материалов по цифровым навыкам. Женева, 2018. С.6-7.

5. Методические рекомендации по использованию цифровых инструментов подтверждения результатов оценки компетенций цифровой экономики. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://old.digitalskills.center/upload/iblock/e0d/e0dd8b36038dee3fc37eceddb9bec13e.pdf?_ga=2.111898692.1115568595.1639414150-1681117855.1639414150 (дата обращения: 02.12.2021).

6. Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления/под ред. Шклярук М.С., Гаркуши Н.С. - М.: РАНХиГС, 2020.

7. Солдатова Г. У. Модели цифровой компетентности и деятельность российских подростков онлайн / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Национальный психологический журнал. 2016. № 2 (22). С. 50-60. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=6622> (дата обращения 21.11.2021).

8. Формирование цифровой грамотности обучающихся: Методические рекомендации для работников образования в рамках реализации Федерального проекта «Цифровая образовательная среда» / Авт.-сост. М.В. Кузьмина и др. – Киров: ИРО Кировской области, 2019. - 47 с.

УДК 811-115

СМЕШАННОЕ ОБУЧЕНИЕ, ОБУЧЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ И ГЕЙМИФИКАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ж.В. Демьянова (Москва, Россия)

канд. пед. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. Актуальность данного исследования определяется высокими требованиями современного общества к уровню сформированности иноязычной коммуникативной компетенции современных выпускников вузов и его направленностью на изучение использования современных технологий обучения как способа развития данной компетенции. Цель: изучить основные возможности использования смешанного обучения, обучения с помощью мобильных телефонов и геймификации в процессе обучения иностранному языку студентов вуза. Методы: научно-теоретический анализ литературы по проблематике исследования,

наблюдение, анкетирование. Результаты: в статье рассмотрены сущность технологий смешанного обучения, обучения с помощью мобильных телефонов, геймификация, их плюсы и минусы. Научная новизна работы состоит в комплексном методологическом подходе при анализе названных технологий в применении к изучению иностранных языков. Практическая значимость: данное исследование дополняет имеющиеся в методике представления о возможности использования описанных технологий в обучении иностранному языку, основные положения могут использоваться в практике преподавания иностранного языка в вузе, а также в качестве методических рекомендаций при организации работы студентов.

Ключевые слова: технологии, иностранный язык, смешанное обучение, обучение с помощью мобильных телефонов, геймификация, плюсы и минусы.

1. ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития образования предполагает постепенный отказ от традиционной модели обучения и изменение роли студента с объекта обучения на субъект познавательной деятельности, где педагог становится куратором учебного процесса. Существует большое разнообразие технологий обучения и их исследованию посвящено немало работ современных ученых и методистов.

Так, Д. Л. Матухин описывает методологические основы смешанного обучения профессиональному иностранному языку студентов технических специальностей [1, с. 255].

Общие вопросы использования мобильных телефонов в образовательном процессе поднимают исследователи Л. Белавски, Д. Меткалф, Л. Клэндфилд, Дж. Хэдфилд и другие [2, 3, 4].

О недостаточной разработанности вопроса в области геймификации в образовательном процессе пишет в своих работах Р. Грифф (на примере процесса обучения иностранному языку студентов вуза) [5].

Представляется, что смешанное обучение, обучение с помощью мобильных телефонов и геймификация заслуживают особого внимания при обучении иностранному языку на современном этапе развития образования.

Цель исследования: изучить основные возможности использования смешанного обучения, обучения с помощью мобильных телефонов и геймификации в процессе обучения иностранному языку студентов вуза.

2. ОСНОВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

2.1. Смешанное обучение

Смешанное обучение (англ. Blended learning) – это тип обучения, который объединяет классно-урочную систему, электронное обучения и дистанционные технологии [4, 6].

Выделяют шесть моделей смешанного обучения:

1) Face-to-face teaching (лицом к лицу) – обучение с обязательным присутствием учителя в обычном режиме, онлайн обучение является вспомогательным.

2) Rotation (вращение) – чередование традиционного и онлайн обучения согласно программе, составленной преподавателем;

3) Flex (гибкий) – обучение в основном происходит онлайн, когда студент выбирает траекторию, темп, время и место обучения самостоятельно, а преподаватель оказывает поддержку;

4) Online Lab (с англ. онлайн лаборатория) – при такой модели обучающиеся работают самостоятельно в режиме онлайн в специально организованных онлайн классах.

5) Self-Blend (с англ. самостоятельно смешанный) – студенты самостоятельно определяют долю очных занятий в процессе обучения.

6) Online Driver – студенты обучаются онлайн при этом промежуточная аттестация проводится очно [1].

Интерактивные творческие задания, которые выполняются как синхронно, так и асинхронно, направлены на взаимодействие между студентами и преподавателем, используются общие инструменты и приложения, такие как дискуссионные форумы, службы мгновенных сообщений Facebook и другие.

Важно отметить, что сами смешанные модели обучения могут быть «смешаны». Эти модели, по большей части, не являются взаимоисключающими [3].

Существует многообразие компонентов смешанного обучения, включая преподавательский контент, электронное обучение, вебинары, конференц-звонки, живые или онлайн-сессии с преподавателями и другие средства массовой информации, сети и, например, Facebook, электронная почта, чаты, блоги, подкастинг, Twitter, YouTube, Skype и веб-доски [2].

Среди достоинств можно выделить:

- 1) большой охват студентов;
- 2) индивидуальный темп обучения;
- 3) экономичность (снижение затрат);
- 4) увеличение доли самостоятельной деятельности студентов и повышение качества самостоятельной работы;
- 5) возможность интеграции онлайн-ового и оффлайн-ового учебно-методического содержания многократного использования;
- 6) элемент развлечения в обучении (entertainment);
- 7) индивидуальный контроль усвоения знаний учащимися;
- 8) активное взаимодействие студентов внутри группы и студентов с преподавателем (в чатах, форумах, различных группах внутри курса);
- 9) повышение качества обучения за счет использования разнообразия дидактических подходов; гибкость образовательной траектории [5].

Качество обучения при использовании смешанного обучения значительно выше, чем при традиционном обучении, но есть некоторые минусы:

- 1) отсутствие или недостаточная мотивация;

При выборе подхода необходимо учитывать индивидуальные особенности обучаемых. Ожидания, что студенты будут делать все домашние задания самостоятельно, могут не оправдаться.

- 2) нехватка педагогических кадров, владеющих технологиями сфере технологий дистанционного обучения;
- 3) недостаток базовых технологических знания обучаемых;
- 4) отсутствие современных средств обучения (высокоскоростной интернет, электронные образовательные ресурсы, интерактивные доски, учебные компакт-диски, электронные учебники, образовательные веб-сайты, веб-квесты);

- 5) плохая техническая и программная оснащенность обучаемых.

Необходимо предусмотреть, чтобы у всех студентов был доступ к технологиям во внеаудиторное время.

- 6) плагиат и проблема достоверности.

Часто студентам трудно устоять перед искушением подсмотреть что-то в интернете во время обучения на компьютере или смартфоне. Преподаватель может использовать проверку на плагиат. Кроме того, можно настроить таймер (ввести ограничение времени) или рандомизировать вопросы.

2.2. Обучение с помощью мобильных телефонов

Использование мобильных телефонов, планшетов и ноутбуков – Обучение с помощью мобильных телефонов, Mobile learning (M-learning) или BYOD (bring your own device) – становится актуальным в случаях, когда нет доступного оборудования или интернет-подключения, и студенты используют свои собственные устройства, на которых есть запись необходимых ресурсов или доступ в интернет.

Во время занятия с помощью обратного канала можно делиться и обмениваться цифровыми материалами, гиперссылками на статьи, аудиозаписями, видео, мероприятиями, worksheets (рабочие листы) и студенты мгновенно получают доступ к необходимым ресурсам.

Развитие мобильных технологий и распространение смартфонов позволяют получить доступ к интернету и огромному разнообразию приложений.

Например, приложения "WordUp" и Quizlet – хорошие приложения для ежедневной работы над вокабуляром. На занятиях можно, например, использовать такие приложения, как WIBBU или подкаст Люка, – «Изучайте британский английский с Люком Томпсоном» – номинированный на премию ELTons в категории цифровых инноваций.

Перед использованием нового приложения со студентами проводится вводная беседа с целью объяснить им, как они могут использовать приложение или сайт в аудитории и в процессе самостоятельной работы. Необходимо дать студентам некоторое время, чтобы установить приложение и понять, как его использовать.

В зависимости от того, насколько хорошо студенты знакомы с технологией, в первый раз целесообразно организовать работу в парах или тройках. Совместная работа может помочь им стать увереннее в использовании нового приложения.

Одним из условий эффективного использования технологии является побуждение студентов делиться своими впечатлениями после использования приложения в первый раз и в дальнейшем. Необходимо поощрять их замечать, как это способствует изучению и использованию языка, который они изучают.

Преимущества мобильного обучения:

- 1) непривязанность к месту;
- 2) неограниченный доступ к материалам;
- 3) повышение мотивации;
- 4) разнообразие и доступность контента;
- 5) доступность (отсутствие ограничений по расстоянию).

Недостатки мобильного обучения:

1) отвлечение внимания;

Процесс обучения с помощью мобильных устройств требует самодисциплины и сосредоточенности со стороны обучающихся.

2) отсутствие электричества или недоступность подключения к Интернету.

2.3. Геймификация

Геймификация – еще одна из современных технологий, используемых в процессе обучения иностранному языку.

Причины роста популярности метода геймификации:

1. связь между игрой и процессом обучения;

Очевидна прямая связь между игрой и процессом обучения и запоминания. Известно, что запоминание во время игры происходит быстрее и эффективнее при меньшей утомляемости.

2. растущий интерес к играм у взрослых.

Практика показывает, что взрослым игры доставляют не меньшее удовольствие, чем детям. Наряду с интересом к компьютерным играм растет интерес к настольным играм (board games), квестам и другим.

Для успешного функционирования игры необходимо учитывать следующие принципы:

1. важна игровая механика;

В игре важно не только содержание, но еще большую значимость имеет механика и дизайн игры. Для усиления соревновательного момента необходимо использовать турнирные таблицы и доски достижений, рейтинговые карты. Такие элементы как паттерны, организация и порядок, коллекционирование значков и других предметов, возможность быть тьютором (объяснять другим, как справиться с задачами повышают увлекательность игры, и обучение становится более эффективным.

2. интерактивность и обратная связь;

Студенты должны получать вознаграждения за успехи и эти вознаграждения должны быть значимы для них. Необходимо использовать ограничение по времени и учитывать, вместе с тем игроку должно предоставляться право на ошибку. Важно, чтобы студенты могли проходить тренинг снова и снова, пока не будет достигнута цель или освоен навык.

Также важно посредством обратной связи рассказывать игрокам, на каком этапе курса (работы с материалом, выполнения задач) они находятся (например, при помощи индикатора выполнения), а также по-

ощрять их движение вперед (к примеру, простым сообщением «Вы на верном пути!» или «Так держать» или «Зачтено!») [6].

3. сторителлинг.

В основе самых увлекательных игр лежит история, которая вовлекает игроков в процесс игры. Используются персонажи, которые близки учащимся и вызывают эмоциональный отклик. Это можно обсудить с учащимися, или, выяснить, например, с помощью анкетирования.

Среди многообразия существующего онлайн-контента для учащихся в аспекте геймификации можно выделить Quizizz и Socrative. Веб-сайты, такие как Canva, позволяют учителям и учащимся выражать свое творчество с помощью плакатов, мемов в социальных сетях и баннеров. Кроме того, есть сайты mindmapping, сайты создания комиксов и сайты редактирования/создания фильмов.

Плюсы геймификации:

1) занятие становится более интересным;

Элемент развлекательности, присущий игре, способствует эффективному повторению и закреплению материала.

2) повышение мотивации;

Благодаря таким элементам, как поощрения (баллы, бейджи, призы, списки лидеров), интерактивность и соревновательные моменты, повышается учебная мотивация обучаемых;

3) большое число участников.

Недостатки геймификации обучения:

1) использование приема геймификации требует большой работы преподавателя на этапе подготовки и организации студентов;

2) привыкание к игровой подаче материала;

(нежелание работать по традиционной методике, в связи с этим целесообразно применять геймификацию в ограниченно на определенных этапах процесса обучения).

3) несерьезное отношение к процессу обучения.

Важно не перейти ту грань, когда студенты будут относиться к процессу обучения как к игре и произойдет снижение реальной ответственности.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные технологии развиваются очень быстро и, в свете тенденции к цифровизации образования, смешанное обучение, обучение с помощью мобильных устройств и геймификация имеют большой потенциал и эффективны. Наблюдения и анкетирование показали, что студен-

ты в целом положительно относятся к представленным технологиям. Очевидно, что, учитывая все плюсы и минусы той или иной технологии, можно добиться хороших результатов в процессе обучения иностранному языку. Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении представляются нам следующими: изучение особенностей использования современных технологий, а именно смешанного обучения, обучения с помощью мобильных телефонов и геймификации в зависимости от уровня подготовки студентов, формы обучения (очная, дистанционная или заочная) и направления обучения (специализации). Кроме того, представляется достаточно перспективным изучение этих технологий с точки зрения исследований форм организации обучения студентов неязыковых факультетов вузов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матухин Д. Л. Методологические основы смешанного формы обучения профессиональному иностранному языку студентов технических специальностей. / Современные проблемы науки и образования – 2019 – № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12968> (дата обращения: 13.10.2022) <https://science-education.ru/pdf/2014/2/692.pdf>

2. Blended Learning Defining Models and Examining Conditions to Support Implementation (PDF). Philadelphia Education Research Consortium (PERC). September 2014. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED570360.pdf> (дата обращения: 12.10.2022)

3. Bielawski L., Metcalf D. Blended eLearning: Integrating Knowledge, Performance, Support, and Online Learning, 2003 by HRD Press, Inc. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.scribd.com/document/395244687/Larry-Bielawski-David-Metcalf-Blended-E-Learning-HRD-Press-2002> (дата обращения: 10.10.2022)

4. Clandfield L., Hadfield J. Interaction Online Creative Activities for Blended Learning 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cambridge.org/iq/cambridgeenglish/catalog/teacher-training-development-and-research/interaction-online> (дата обращения: 9.10.2022)

5. Mijares I. Blended learning: Are we getting the best from both worlds? Literature Review for EDST 561 [Электронный ресурс]. URL: <http://elk.library.ubc.ca/bitstream/handle/2429/44087/EDST561-LRfinal-1.doc.docx?sequence=1> (дата обращения: 03.10.2022).

6. Griff R. Athabasca University. Learning Analytics: On the Way to Smart Education [Электронный ресурс]. URL: http://distant.ioso.ru/seminar_2012/conf.htm (дата обращения: 10.10.2022).

**ПСИХОЛОГО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
СОЗДАНИЯ “ЭФФЕКТА ПРИСУТСТВИЯ”
ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ В ВУЗЕ**

С.Ю. Дронова (Москва, Россия)

канд. полит. н.

*Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации*

Аннотация. Дистанционное обучение стало повсеместной нормой, однако, не все преподаватели и студенты были готовы к такой резкой смене формата обучения. Попытки приблизить дистанционный формат обучения к очному по психологическому восприятию всеми участниками образовательного процесса, вовлеченности и эффективности без использования технологий виртуальной реальности поставили следующий исследовательский вопрос, не освещенный ранее исследователями: какими психолого-методологическими средствами можно обеспечить «эффект присутствия» и создание рабочей атмосферы, комфортной для дистанционной формы обучения? Для ответа на данный вопрос было проведено исследование, включавшее в себя эксперимент, наблюдение, анализ, дедукцию, анкетирование, в котором приняли участие 202 студента университетов Российской Федерации, Украины и Болгарии всех курсов и ступеней обучения. Результаты показали, что наиболее важное значение в контексте рассматриваемого вопроса имеет использование в ходе семинаров интерактивных игр, большая динамичность семинара, включенная камера у преподавателя, проведение дискуссий как в общей видеоконференции, так и в отдельных, и менее формальный тон общения, нежели в контексте очного обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение, смешанное обучение, методика преподавания, создание рабочей атмосферы, эффективное обучение, эффект присутствия.

1. ВВЕДЕНИЕ

Дистанционное обучение стало частью современного образовательного контекста и вышло из разряда опционального в единственно возможное в ряде ситуаций. Университеты и школы по всему миру столкнулись с необходимостью резкого перехода на дистанционный

формат обучения в связи с опасностью распространения COVID-19 [3] и стремились максимально сохранить синхронный тип взаимодействия на занятиях, их эффективность, иммерсивность и коллаборативный характер. Безусловно, необходимо развивать альтернативные формы образовательной деятельности, в которых были бы возможны не только передача и получение образовательного материала, но и общение, взаимообмен, свойственные очному образованию [2]. На данный момент ряд университетов используют дистанционный формат для факультативных дисциплин, дополнительного образования, повышения квалификаций, проведения консультаций. Но нельзя переносить методики и техники, используемые в очном формате без изменений в дистанционный.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Дистанционное обучение как полноценная замена очному вызывает множество дискуссий в научной среде, в основном из-за объема и содержания задач, которые ставятся перед педагогами и учащимися с целью максимального приближения к очному обучению по насыщенности и сотрудничеству.

Для этого необходимо, среди прочего, чтобы дистанционное обучение было основано на анализе и решении задач и кейс-стади [6], чтобы оно было активным и коллаборативным [5; 1; 11], эмпатийным и гамифицированным [10], а также практикоориентированным и междисциплинарным настолько, насколько это предполагает учебный план и программы дисциплин [4]. Также не стоит забывать о специфике преподавания тех или иных дисциплин. Например, преподавание иностранных языков немыслимо без развития коммуникативной компетенции [8; 9], что должно найти свое отражение и в дистанционной форме обучения, но является особым вызовом для педагогов.

Сами же педагоги сталкиваются с непростой ситуацией, в которой требуются не только навыки организации деятельности учащихся, но также владение методиками и техниками преподавания в виртуальном пространстве. Преподаватели не могут ограничиться передачей знаний, они должны сотрудничать со студентами в новом социальном контексте, где способность к самообразованию становится ключевой компетенцией [13], причем, можно говорить не только о самостоятельности в образовании студентов, но и самих преподавателей, так как для эффективной работы в новых условиях необходимы новые знания, навыки и компетенции [7; 12].

Как показал анализ работ отечественных и зарубежных авторов, несмотря на обширное освещение темы дистанционного образования,

вопрос «эффекта присутствия» на дистанционных занятиях, приближения семинаров такого типа к очному обучению по степени вовлеченности студентов, атмосфере, фидбеку и, соответственно, эффективности, изучается чаще всего лишь в рамках применения технологий виртуальной реальности, которые используются в контексте высшего образования в России скорее в виде исключения, нежели правила, учитывая техническое обеспечение университетов, преподавателей и студентов. В связи с этим встает вопрос, какими психолого-методологическими средствами можно обеспечить «эффект присутствия» и создание рабочей атмосферы, комфортной для дистанционной формы обучения, на базе платформ видеозвонков.

2.1. Методика исследования

Исследование состояло из трех частей. В ходе первой части были использованы методы наблюдения, эксперимента, анализа, дедукции. Целью первой части исследования было выявить круг факторов, влияющих на создание «эффекта присутствия» всех участников образовательного процесса на дистанционных семинарах, а также эффективность различных методик и техник. В ходе экспериментов в дистанционный семинар вводились те или иные психолого-методологические элементы, которые, как предполагалось, должны положительным образом повлиять на создание «эффекта присутствия» и включенность студентов в работу на семинаре. По итогу был сформирован список практик, показавших себя с положительной стороны в качестве инструментов, позволяющих приблизить дистанционное обучение к ситуации очного формата обучения.

Целью второй части исследования была оценка студентами определенных на первом этапе факторов с точки зрения их релевантности для создания «эффекта присутствия» и выявление определяющих видов деятельности и техник, позволяющих добиться искомого эффекта. Респондентами стали 202 студента из разных университетов Российской Федерации, Болгарии и Украины в возрасте от 17 до 34 лет (84,6% в возрасте от 18 до 21 года), обучающиеся на всех ступенях высшего образования.

Третий этап исследования состоял из анализа и интерпретации полученных данных.

2.2. Результаты исследования

В ходе первого этапа исследования автором было выделено 15 основных психолого-методологических техник, которые способствуют обеспечению создания «эффекта присутствия» на дистанционных семи-

нарах. На втором этапе респондентам было предложено отметить все те из них, которые они считают действительно важными для создания рассматриваемого эффекта. На первом месте оказался психологический аспект: «юмор в отношении атрибутов дистанционного обучения: аватарок, технических накладок, событий, попадающих в кадр при включенной камере и пр.», за него проголосовало 67,8% респондентов. Дополнительно один респондент указал также психологический аспект: «чувство, что преподавателю не все равно». 62,9% выделили важное значение интерактивных игр в режиме реального времени. К этому же пункту можно отнести предложенное одним респондентом дополнительно совместное выполнение небольших тестов на проверку знаний.

55,9% отметили необходимость поддерживать менее формальный тон общения преподавателя со студентами (по сравнению с очным общением в аудитории). Частая смена видов деятельности и динамичность занятия отмечены 53% респондентами как условие для приближения дистанционного формата к очному. Чуть более половины респондентов (52,5%) считают необходимым условием создания «эффекта присутствия» в виртуальном пространстве включенную камеру у преподавателя, тогда как включенные камеры у одnogруппников не играют такой существенной роли (за этот аспект проголосовали 35,1%). 51% принявших участие в опросе студентов выделили важную роль дискуссионного характера семинаров как в общей видеоконференции, так и в отдельных рабочих группах. Более того, несколько респондентов отметили подобные замечания отдельно в пункте «другое», указав, что важен формат «вопрос-ответ», а не просто повествование преподавателя, и что приветствуется задания для небольших рабочих групп, но не для всей группы разом.

Кроме включения своей камеры преподаватель может усилить «эффект присутствия» на дистанционных семинарах своей активностью в виртуальном пространстве, чуть меньше половины респондентов (47%) отметили «активное присутствие преподавателя в соц. сетях и общение с ним вне рамок семинара».

44,1% респондентов выделили классический атрибут всех семинарских занятий – доску, но в ее интерактивной форме. 41,1% отметили опросы и голосования в режиме реального времени. Остальные аспекты получили менее 40 процентов голосов: адресное обращение преподавателя к студенту, а не к группе в целом, личные комментарии (39,6%), редактирование общего документа в режиме реального времени (31,7%), домашний уют в видео на фоне: интерьер, картины, книги, вещи, домашние животные (а не размытый фон или подмена фона нейтральным)

(26,7%), больше времени на обсуждение отвлеченных тем в начале занятия (25,2%), задействование видеороликов и аудиозаписей (24,3%). Однако, если проголосовала даже всего лишь четверть респондентов, данные пункты также нельзя считать малозначимыми, они тоже являются важными аспектами рассматриваемого вопроса.

Это подтвердило выводы первой части исследования: все выявленные психолого-методологические аспекты создания «эффекта присутствия» оказались релевантны для студентов.

Важное значение в контексте рассматриваемого вопроса имеют результаты по следующему пункту опроса, где респондентам требовалось выбрать три самых важных аспекта. Почти половина респондентов выделила в тройке самых важных аспектов использование в ходе семинаров интерактивных игр. Также многие выделили необходимость частой смены деятельности и важную роль включенной камеры у преподавателя. На четвертом и пятом месте по важности для создания «эффекта присутствия» оказалось проведение дискуссий как в общей видеоконференции, так и в отдельных, и менее формальный тон общения, нежели в контексте очного обучения.

Если рассмотреть данную пятерку «лидеров», то можно отметить, что в ней оказались три методологических аспекта и два психологических. Дальше же по частоте выбора в качестве наиболее важных идут именно психологические аспекты: предпочтение более личного и адресного обращения к конкретному студенту обращению к группе в целом, что логично в связи с тем, что при дистанционной форме обучения каждый студент находится один перед компьютером, понятие «группа» очень условно и пространственно растянуто, юмор в отношении особенностей дистанционного формата и включенные камеры у одnogруппников.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что для создания «эффекта присутствия» при дистанционном обучении в вузе необходимо сочетание ряда как психологических, так и методологических техник. Также можно заключить, что многие условия включенности студентов в работу на семинаре актуальны как при дистанционном, так и при очном обучении, но дистанционный формат показал их более контрастно, так как именно в этом формате они выходят на первое место. Речь, например, о гамификации обучения, возрастании роли дискуссионного формата семинарских занятий, увеличении динамики занятий. Вы-

явлены также более характерные именно для дистанционного обучения аспекты, такие как менее формальный тон общения между студентами и преподавателями на дистанционных семинарах, а также необходимость включать камеру, на что стоит обратить внимание всем преподавателям, стремящимся к повышению вовлеченности своих студентов в образовательный процесс.

Следует отметить исключительную практическую значимость данного исследования, так как полученные результаты могут быть использованы преподавателями вузов непосредственно в своей деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anso A., Magallan L., Vallejos M. ¿Actividades grupales en cursos virtuales? Desafíos para el rol docente // XI Congreso de Tecnología en Educación y Educación en Tecnología. 2016. URL: http://sedici.unlp.edu.ar/bitstream/handle/10915/54624/Documento_completo.pdf-PDFA.pdf?sequence=1&isAllowed=y

2. Failache E., Katzkowicz N., Machado A. La Educación en Tiempos de Pandemia y el Día Después: El Caso de Uruguay // Revista Internacional de Educación para la Justicia Social, 2020. № 9(3).

3. Fardoun H., Yousef M., González-González C., Collazos C. A. Estudio exploratorio en Iberoamérica sobre procesos de enseñanza-aprendizaje y propuesta de evaluación en tiempos de pandemia // Education in the Knowledge Society, 2020. № 21.

4. Goroshnikova T.A., Smakhtin E.S. Interdisciplinary Curriculum Approach as a University Component for Large-scale Education Projects // Proceedings of 2018 11th International Conference; Management of Large-Scale System Development, MLSD, 2018.

5. Guitert M., Pérez-Mateo M. La colaboración en la red: hacia una definición de aprendizaje colaborativo en entornos virtuales // Teoría de la Educación. Educación y Cultura en la Sociedad de la Información, 2013. № 14(1), p. 10-31. URL: <http://hdl.handle.net/10366/121846>

6. Gutiérrez-Rodríguez C. A. Fortalecimiento de las competencias de interpretación y solución de problemas mediante un entorno virtual de aprendizaje // Revista de Investigación, Desarrollo e Innovación, 2018. № 8(2), p. 279-293.

7. Klimova I.I., Kalugina O.A., Khalevina S.N., Fedulova A.N., Trubcheninova A.A. Investigating effective foreign language learning design and the implications for distance learning tools // XLinguae, 2017. № 10(3), p. 273-284.

8. Klimova I.I., Klimova G.V., Dubinka S.A. Students' communicative competence in the context of intercultural business communication // *XLinguae*, 2019. № 12(1), p. 207-218.
9. Klimova I.I., Sharabarina N.E., Tikhova E.A., Dubinka S.A. Communicative competence enhancement // *XLinguae*, 2018, № 11(1XL), p. 67-74.
10. Melo-Solarte D. S., Díaz P. A. El aprendizaje afectivo y la gamificación en escenarios de educación virtual // *Información tecnológica*, 2018. № 29(3), p. 237-248. URL: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-07642018000300237>
11. Silva, J. Un modelo pedagógico virtual centrado en las E-actividades // *Revista de Educación a Distancia*, 2017. № 17(53), p. 1-20. URL: <https://revistas.um.es/red/article/view/290021>
12. Vasbieva D.G., Klimova I.I., Agibalova E.L., Karzhanova N.V., Bírová J. Enhancement of students' vocabulary learning through a blended learning approach // *Mathematics Education*, 2016. № 11(5), p. 1195-1203.
13. Zúñiga C., Arnáez E. Comunidades virtuales de aprendizaje, espacios dinámicos para enfrentar el Siglo XXI // *Tecnología en Marcha*, 2010. № 23(1), p. 19-28.

УДК 378-147

ЗНАЧЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ В ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Н.Д. Ермишина (Москва, Россия)

канд. ист. наук,

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

С.Н. Кузьменко (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. В условиях постиндустриальной цивилизации особое значение приобретает выработка гуманитарного стиля мышления при подготовке специалистов в высшей школе. В статье рассматривается вопрос о гуманитаризации образования как важнейшей ценностной ориентации современного общества. Делается вывод о необходимости повышения политической и правовой культуры специалистов, выработке новых качеств, которые формируются гуманитарными дисциплинами.

Ключевые слова: нравственность, воспитание, гуманитаризация, гуманитарные дисциплины, личность, специалист, культура.

1. ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших социальных институтов, оказывающих влияние на мировоззрение целых поколений, является образование. Так как методики школьного преподавания, которые использовались во времена СССР уже устарели для современных условий, а новые формы находятся в разработке, большая часть воспитательного процесса, формирующего нравственные ориентиры, возлагается на профессиональное образование. Наиболее органично элементы воспитания и развития нравственности вплетаются в ряд таких гуманитарных дисциплин как история, культурология, философия, психология, право и др. На базе данных дисциплин высшее образование может сформировать новый подход к развитию личности студента. Следует учитывать, что гуманитарные дисциплины вносят важный вклад в развитие мировоззрения студентов. Со своей стороны, мировоззрение молодежи в дальнейшем окажет огромное влияние на будущее нашей страны. Социальный прогресс возможен только при условии, если ценностной основой подготовки специалистов высшей квалификации становится гуманизм, формирующийся с помощью дисциплин гуманитарного цикла [4, с. 88-90].

Актуальность выбранной темы состоит в том, что в настоящее время все более усложняются требования к специалистам в технической сфере. В современных реалиях общества, где на первый план выходят развитие техники и стремление к международной интеграции, остро стоит вопрос о развитии личности и нравственности, что связано с целым рядом причин. Глобальная проблема терроризма, правовой и политический нигилизм, развитие молодежных субкультур, проповедующих насилие и агрессию – все это говорит о необходимости нравственного воспитания. Принципиальное значение в связи с этим приобретает определение места и роли блока гуманитарных дисциплин для инженерно-технических вузов.

Поставленная тема исследовалась целым рядом российских ученых. Ещё в начале XX в. великий русский ученый Д.И. Менделеев обращал внимание общественности на необходимость серьезного подхода к реформированию высшего образования в стране [3]. Смирнова М.И., зав. кафедрой истории и культурологии НИУ «МЭИ», посвятила целый ряд статей утверждению необходимости усиления гуманитарной составляющей образования в технических вузах [4]. Об этой проблеме писали К.Н. Васильева и В.А. Мукин. Особенно интересна их

статья «Гуманитарное научное знание в современном обществе» в Вестнике Прикамского университета [1].

Научная новизна настоящей работы состоит в том, что среди функций гуманитарных дисциплин в технических вузах выделяется наработка «гибких навыков», необходимых современным специалистам. Также проводится анализ соответствия политической грамотности молодого поколения с гуманитаризацией образовательного процесса.

Целью данной работы является изучение влияния гуманитарных дисциплин в техническом вузе на воспитание студентов, выявление всех функций, которые выполняют гуманитарные дисциплины в образовательном и нравственном планах.

2. НЕОБХОДИМОСТЬ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

2.1. Гуманитаризация образовательной среды

Большинство специалистов и исследователей в технической сфере считают, что для развития в данной сфере нет необходимости выходить за рамки своей специализации. Однако, если придерживаться точки зрения, где основной целью обучения на инженерно-технической специальности является получение только лишь общенаучных и специально-технических знаний, то в результате можно получить технократических специалистов с навыком решения сугубо профессиональных задач. Гуманитарные дисциплины, в свою очередь, делают акцент на развитии личности обучающегося, так как они являются источником нравственных знаний. В условиях роста риска кризисных проявлений постиндустриальной цивилизации социальный прогресс возможен, когда ценностной основой подготовки специалистов высшей квалификации становится гуманизм, а необходимым условием и инструментальным методом его утверждения – гуманитаризация образовательной среды [4]. Гуманитаризация образования заключается в создании новой программы формирования и развития целостного духовного мира человека в условиях постиндустриальной цивилизации. Следует отметить, что нравственное воспитание человека выражается не только в знании норм морали, которые функционируют в социуме. Любые оценки, рассуждения и действия человека в соответствии с нормами морали связаны с интеллектом и наличием гуманитарных знаний, что говорит о взаимосвязи и взаимозависимости умственного и нравственного развития личности.

Гуманитаризация образования в технических учебных заведениях также важна для понимания социальной ответственности учёных, от научных разработок и открытий которых зависит существование общества. Вопрос о социальной ответственности учёных особенно обострился после отчётливого проявления некоторых отрицательных и разрушительных последствий практического применения результатов научно-технических разработок, которые оказали губительное воздействие на экологию и стали угрожать существованию человечества. К этим разработкам можно отнести создание ядерного оружия, развитие токсичного и радиоактивного производства. Гуманитарные науки призваны прививать студентам, будущим исследователям и учёным, стремление к созданию разработок, которые не будут оказывать негативное влияние на развитие общества, а послужат для предотвращения масштабных катастроф и решения глобальной экологической проблемы.

Однако, решение глобальных проблем общества невозможно локально – для этого необходимо единство ученых всех стран. Здесь возникает необходимость международной интеграции и глобализации, в чем может помочь такая гуманитарная дисциплина как культурология. Культурология является многогранной наукой, которая изучает культуру с различных сторон, однако следует отметить, что предметом изучения культурологии является не только исследование феномена культуры, но и изучение культурного кода отдельных наций, их менталитета и традиций. Всё это играет ключевую роль в понимании других наций, и, как следствие, оказывает влияние на успешную интеграцию, взаимодействие и мирное сосуществование, что способствует объединению исследователей инженерно-технических специальностей для совместной работы в области развития науки и техники.

2.2. «Гибкие навыки» как необходимое качество современного специалиста

Следует также отметить, что гуманитарные дисциплины способствуют развитию гибких навыков, именуемых также *soft-skills*, которые важны и для специалистов в технической сфере. Причиной востребованности данных качеств служит тот факт, что в настоящее время возрастает количество конфликтных ситуаций в коллективе, формируется дефицит социальной компетенции, который выражается в увеличении численности людей, не способных нести ответственность и контролировать своё поведение. Под гибкими навыками следует понимать умение коммуницировать, работать в команде, организовывать личную и рабочую дея-

тельность и другие способности, которые тесно связаны с личными качествами человека. Так, например, одним из важнейших направлений развития гибких навыков является тайм-менеджмент, который подразумевает правильную организацию своего времени с использованием различных методик. Умение рационально распределять своё время играет важную роль как в повседневности, так и в профессиональной сфере.

Ещё одним направлением развития гибких навыков являются коммуникативные способности и умение работать в группе. Такие качества у специалистов очень ценятся на рынке труда вне зависимости от сферы деятельности. Развитию перечисленных выше гибких навыков способствуют такие дисциплины, как менеджмент, психология и социология.

2.3. Необходимость повышения политической и правовой культуры

Ещё одной проблемой современного российского общества является правовой и политический нигилизм, который активно развивается среди молодого поколения. Данная проблема выражается в отторжении от политической жизни страны, отсутствии среди населения базовых юридических знаний. Появление данной проблемы тесно связано с историческим аспектом развития политической и правовой культуры в нашей стране. Политические и социальные, научно-технические и мировоззренческие перемены в современном обществе все чаще принимают характер кризисных трансформаций. Чтобы компенсировать пробел в развитии политической и правовой культуры, необходимо реализовать целый комплекс мер по преодолению данной проблемы. Одним из направлений данного комплекса мер является гуманитаризация образования. Преподавание дисциплин, способствующих просвещению в данной предметной области, поможет сформировать у студентов понимание политической и правовой жизни страны.

Особое значение в гуманитарной подготовке специалистов приобретает получение навыков развития гражданской инициативы. В современной России происходят изменения в выстраивании отношений между государственной властью и обществом. При обоюдной ответственности государственной власти и общества могут быть преодолены любые конфликтные отношения [2, с. 129].

Однако следует отметить, что процесс развития политической и правовой культуры требует большого количества времени, так как он подразумевает обучение целого поколения огромному комплексу знаний.

3. ЦЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

3.1. Опасность подмены ценностей в широком информационном пространстве

Одной из проблем современного общества является сохранение им классических ценностей, в том числе ценности знания в гуманитарной сфере. Однако гуманитарное научное знание во многом зависит от самого человека, поскольку он сам вырабатывает его, осмысливая действительность. [1, с. 202]. В современном обществе человеку доступна разнообразная информация. В связи с этим возникла новая проблема современности - подмена истинного знания неверным, подмена ценностей. Причина этой проблемы заключается в восприятии ненужной информации, содержащейся наряду с истинными знаниями на просторах средств СМИ. Многие исследователи современного информационного пространства утверждают, что «вследствие распространения и бессистемности выложенной в Интернете информации происходит смешивание культурных форм, у индивида возникают проблемы с идентификацией себя с какой-либо конкретной культурой [1, с. 202]. Факторами, способствующими сохранению и приумножению гуманитарных ценностей современного общества, могут быть помимо передачи опыта в семье воспитание в образовательных учреждениях. Именно изучение гуманитарных наук, особенно истории и культуры общества способствует не только пониманию опыта наших предков, но и созданию своих представлений об окружающем мире, защите от недостоверной информации. Гуманитарное знание воздействует непосредственно на человека, оно призвано вдохновлять его, преобразовать его мировоззренческие ориентиры.

3.2. Проблемы преподавания гуманитарных наук в техническом вузе

Гуманитарные науки являются обязательным пунктом учебного плана любого вуза. В соответствии с «Государственным образовательным стандартом» каждая дисциплина имеет определённое количество часов, за которое студент должен её освоить. Например, студенты радиотехнического факультета НИУ МЭИ должны ознакомиться с гуманитарными дисциплинами, представленными в таблице 1.

Название дисциплины	Количество часов
История (история России, всеобщая история)	72
Проектная деятельность	72
Культурология	72
Экономика и организация производства	72
Деловая коммуникация	108
Философия	72
Правоведение	72
Социология	72
Иностранный язык	144
Мировые цивилизации и культуры	72
Политология	72

Таблица 1. Учебный план гуманитарных дисциплин радиотехнического факультета МЭИ

Блок гуманитарных дисциплин позволяет студенту кроме приобретения специальных знаний по выбранной профессии, получить навыки коммуникабельности, опыт лидерства, умение понимать и разрешать конфликтные ситуации. Более того, как утверждал в свое время Д.И. Менделеев, высшее образование «должно преследовать развитие общественное и государственное». [3, с. 252]. И здесь, конечно, большую роль играют все гуманитарные дисциплины.

Еще одной проблемой в реализации гуманитаризации образования является спрос общества и правительства на специалистов, которые наряду с освоением узкой специальности получили широкое гуманитарное образование. Истинно образованный человек, писал Д.И. Менделеев, найдет себе место только тогда, когда в нем с его самостоятельными суждениями будут нуждаться или правительство, или промышленность, или, говоря вообще, образованное общество. [3, с. 226].

Таким образом, для реализации всех перечисленных функций, которые выполняют гуманитарные дисциплины, необходимо следование учебному плану. Однако многие преподаватели данных наук считают, что количество часов, отведённых в учебном плане недостаточно. Из-за этого возникают проблемы с качеством преподавания – многие дисциплины рассматриваются поверхностно, и не все студенты успевают полноценно усвоить базовые знания предмета. Ещё одной проблемой преподавания гуманитарных наук в техническом вузе является низкий интерес студентов в обучении и получении знаний из этой сферы.

Для решения данных проблем необходимо пересмотреть имеющийся учебный план и заняться разработкой новых методик преподавания, которые смогут повысить интерес обучающихся к гуманитарным наукам.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гуманитаризация образования является одним из приоритетных направлений для воспитания личности в соответствии с нормами нравственности и морали. Необходимость данного воспитания неоспорима, так как от неё зависит успешное развитие и дальнейшее существование общества. Особенно остро вопрос нравственного воспитания важен для специалистов, научными разработками которых будет пользоваться социум. Именно поэтому преподавание гуманитарных наук особенно важно для инженерно-технических направлений. Студенту технического вуза кроме глубокого освоения своей специальности необходимо понимать мировоззрение других народов, знать общие тенденции в религиях, особенность исторических судеб. В инженерно-технических вузах гуманитарные дисциплины важны и с точки зрения конкретного содержания образовательного процесса, и с позиции гуманизации образования.

Гуманитарные дисциплины дают возможность анализировать различные научные установки, рассматривать противоречивые теории, истолковывающие сущность тех процессов и тенденций, которые формируют универсум мировой культуры. В современном мире, где все больше нарастают интеграционные процессы, знание культурного развития различных обществ – социальных, религиозных, национальных, - поможет не только понять многообразный человеческий мир, но и избежать многих конфликтных ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева К.Н., Мукин В.А. Гуманитарное научное знание в современном обществе // Вестник Прикамского социального института. 2019. №1(82). С.197-204. [интернет-ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-nauchnoe-znanie-v-sovremennom-obschestve/viewer> (дата обращения 15.10.2022г)
2. Лопарёв А.В. Национальные особенности взаимоотношения государства и гражданского общества в России (историко-политический аспект) // Власть. 2009. №6. С. 128-129.
3. Менделеев Д.И. Заветные мысли. М.: Мысль. 1995.
4. Смирнова М.И., Краснова Л.И. Формирование историко-культурного пространства студента технического вуза в условиях модернизации высшего образования // Новые образовательные стандарты высшей школы: традиции и инновации, сб. научн. ст. всерос. научно-практ. конф. / под ред. Е.Г. Елиной, Е.И. Балакиревой. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2012. С.87-90.

ЛИЧНОСТНЫЕ КОНСТРУКТЫ В ПАРАДИГМЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Т.Ф. Извекова (Новосибирск, Россия)

канд. филол. наук

Новосибирский государственный медицинский университет,

О.А. Герцог (Новосибирск, Россия)

Новосибирский государственный медицинский университет

Аннотация. Статья посвящена идентификации эмоций в коммуникационных процессах образовательного процесса. Самостоятельный эмоциональный опыт коммуникантов позволяет выстраивать траектории общения на любом языке, сохраняя семантическую структуру интерпретации. В образовательных моделях необходимо ориентироваться в большей степени на мотивацию, нежели на уровень подготовки и способности.

Ключевые слова: интеллект, познание, сознание, эмоциональный интеллект, личность, образование, иностранный язык.

1. ВВЕДЕНИЕ

Говоря об эмоциональном интеллекте с позиции обучения иностранным языкам, считаем, что человек, владеющий иностранной речью, должен уметь: 1) идентифицировать эмоцию собеседника; 2) установить причину, вызвавшую данную эмоцию; 3) контролировать и адекватно выражать собственные эмоции. Следовательно, стоит обратить внимание на целесообразность формирования эмоциональной компетенции в процессе обучения иностранным языкам. Таким образом, в данной работе эмоциональный интеллект будет пониматься как способность выражать и описывать свои эмоции и чувства, а также умение понимать эмоциональное состояние собеседника через его речь.

2. ОСНОВА ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ

Идентификация эмоций в коммуникации играет особую роль в процессе обучения иностранному языку. Благодаря эмоциям люди лучше понимают друг друга. Общаясь, мы воспринимаем переживания собеседника как свои собственные. Таким образом, мы можем утверждать,

что в основе идентификации эмоций лежит эмпатия, то есть способность сопереживать собеседнику. Способность к сопереживанию и эффективность общения связаны между собой. Чем выше эмпатия, тем эффективнее коммуникация.

Собственный эмоциональный опыт позволяет нам идентифицировать свои эмоции и эмоций собеседников. Интуитивно распознавать эмоции собеседника является обычным делом для представителей одной культуры, для носителей языка. Проблемы в идентификации эмоций возникают при общении на иностранном языке.

2.1. Особенности эмоциональности в английском языке

Английский язык имеет огромный словарный запас и относительно простую грамматику.

В английском языке большое количество слов с незначительной разницей в значении. Именно выбор правильной лексики позволяет выразить точно эмоции и чувства (в отличие от других языков, в которых многое можно сделать при помощи порядка слов).

Изучая английский язык, особое внимание нужно уделять синонимическим рядам, точно определяя стилистические особенности каждого слова; фразеологизмам и устойчивым выражениям (их великое множество), которые пришли из раннего английского и существуют в современном повседневном английском.

Пожалуй, самая сложная группа слов – это сленг. Недаром говорят: «Выучите сленг, и сразу начнёте понимать, о чём говорят носители языка». Значение этих слов непостоянно, быстро меняется и актуально только для настоящего периода времени.

Например, слово “bright” означает “яркий” о свете, “умный” о человеке. Слово-антоним “dim” означает “тусклый”, “a dim bulb” в прямом переводе означает “тусклая лампочка”, а на сленге “глупый человек”.

Эмоция – это реакция на какой-либо внешний, а иногда и внутренний (например, воспоминание) раздражитель. Эмоция имеет внешнее проявление. Мы выражаем эмоции мимикой, жестами, изменением положения тела; а также меняется речь, её темп, громкость, интонация, конструкция фразы, лексическое наполнение. В лингвистических исследованиях эмоции рассматривают в качестве интенций к порождению речи.

Во время общения люди проявляют эмоции. Понимание своих эмоций и эмоций собеседника способствует повышению качества общения. Благодаря этому знанию, общение может стать комфортным и продуктивным.

В.И. Шаховский: «Каждая языковая личность, независимо от ее культурных различий, переживает одни и те же базовые эмоции, и это объединяет людей; эмоции делают людей разных культур более/менее похожими друг на друга и также делают нас уникальными в силу индивидуального варьирования базовых и иных эмоций» [7].

2.2. Значение контекста для понимания эмоциональности

Большое значение для определения эмоции, которую переживает говорящий, имеет контекст. Одно и то же слово может выражать/называть разные эмоции в зависимости от ситуации. Приведём примеры выражения в английском языке такой эмоции, как соболезнование:

1. Truly sorry for your loss. Искренне соболезную вашей потере.
2. I am very sorry for your loss. Я очень сожалею вашей утрате.

Эти примеры показывают, что слово “sorry” используется для выражения соболезнования. Однако, это же слово ежедневно используется в обыденных ситуациях, например, когда нужно переспросить, если не поняли или не услышали:

1. Sorry, what? Простите, что?
2. Sorry, I didn't catch what you sad. Простите, я не понял, что вы сказали?

В этих примерах слово “sorry” используется говорящим согласно правилам речевого этикета, а не для того, чтобы выразить эмоцию сожаления.

Устная речь часто утрированная. Чтобы речь была более эмоциональна и звучала естественно, люди пользуются словами-усилителями. Если запас английских слов недостаточно большой, то любое усиление делают при помощи слова *very* (очень). Например: *Are you cold? – I'm very cold.* Чтобы разнообразить речь, необходимо пополнить словарный запас словами-усилителями, такими как: *quite, really, extremely, absolutely, particularly* и т. д. Например: *quite cold – довольно холодно, really boring – действительно скучно, extremely important – очень важно, absolutely exhausting – совершенно вымотанный, particularly interesting – особенно интересно.*

Также существуют прилагательные, которые уже содержат ярко выраженную эмоциональную окраску, так называемые “сильные” прилагательные. Например: *fascinating – очаровательный, hilarious – юморной, gorgeous – эффектный, terrifying – ужасный, unforgettable – незабываемый, furious – бешеный.*

“Сильные” прилагательные также могут употребляться с определёнными наречиями, которые будут служить их усилителями. Например: Cold? (Холодно?) I’m absolutely freezing! (Я совершенно задубел!). В данном примере слово “freezing” само по себе относится к так называемым “сильным” прилагательным. Однако даже их можно усилить словами-усилителями. Например:

Awful – ужасный / Absolutely awful – на редкость ужасный.

Disgusting – отвратительный / Really disgusting на самом деле ужасный.

Brilliant – выдающийся / Exceptionally brilliant – необычайно выдающийся.

Ю.Д. Апресян выделяет три фазы выражения эмоции в речи:

- 1) непосредственно причина эмоции (интеллектуальная оценка события);
- 2) собственно эмоция (состояние души);
- 3) внешнее проявление эмоции (физиологические и речевые реакции человека).

2.3. Лингвистические уровни выражения

Для выражения эмоций в языке задействованы все языковые уровни: фонетический, грамматический, лексический, синтаксический.

К фонетическим средствам выражения эмоций относят интонацию, ударение, тоны, темп, громкость. Одна и та же фраза может быть сказана как эмоционально, так и нейтрально. Эти характеристики относятся непосредственно к устной речи. Однако фоностилистика описывает фонетические средства, к которым прибегает автор для усиления экспрессивного содержания текста: эвфония, ономапопея, аллитерация, ассонанс, ритм.

Выражение эмоций на грамматическом уровне означает нетрадиционное использование какого-либо грамматического явления. Примером в английском языке может служить нетипичное использование Present Continuous (настоящее длительное время): I’m hoping you can lend me some money. – Надеюсь, ты одолжишь мне денег. В данном контексте именно благодаря грамматической форме сказуемого фраза звучит мягче, менее категорично. Стандартное употребление Present Continuous (настоящее длительное время) означает, что действие происходит в момент речи: What are you doing? – Что ты сейчас делаешь?

Если человеку совсем неловко, то можно фразу сделать ещё более вежливой, означающей, что человеку очень неловко, используя Past Continuous (прошедшее длительное время): I was wondering if you could lend me some money? – Я хотел спросить, не мог бы ты одолжить немного денег?

Выражение эмоций на лексическом уровне в данной работе рассматривается с позиции разделения на:

1) лексику, обозначающую эмоции (The magic I perform brings people happiness. – Магия, которую я использую, несёт людям радость);

2) лексику, описывающую эмоции (Mr Skinner was smiling an impossibly wide smile. – Мистер Скиннер улыбался невероятно широкой улыбкой);

3) лексику, выражающую эмоции (What a beautiful day! – Какой прекрасный день!).

Для описания различной эмотивной лексики используется категория эмотивности (см. работы Н.А. Лукьяновой, Л.Г. Бабенко, В.И. Шаховского и др.).[7,1,3] Другими словами, эмотивная лексика содержит эмотивную сему, которая совпадает с базовыми эмоциями.

Выражение эмоций на синтаксическом уровне происходит за счёт изменения порядка слов в предложении. Именно синтаксические конструкции, даже несмотря на тот факт, что в русском языке относительно свободный порядок слов, расставляют акценты определённым образом, а это, в конечном счёте, обуславливает смысл и стилистическую окраску предложения.

3. ЭМОЦИИ В КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ

Цель обучения иностранному языку – формирование коммуникативной компетенции. Компетенцию понимают как совокупность знаний, навыков и умений, формируемых в процессе изучения той или иной дисциплины, а также способность к выполнению какой-либо деятельности на основе полученных знаний, умений и навыков [6].

Следовательно, формирование коммуникативной компетенции означает приобретение знаний, навыков и умений, необходимых для полноценного общения на иностранном языке. Если для изучения большинства дисциплин особенное внимание уделяется самостоятельной работе студентов [4], то для иностранного языка самостоятельная работа важна лишь в части изучения лексики и грамматики; целью обучения является коммуникация.

Исследование базовых эмоций в речи людей разных культур позволяет понять особенности национального характера и менталитета. Например, в русской культуре не принято улыбаться, когда человек один идёт по улице. Это может вызвать подозрение у окружающих и могут возникнуть такие вопросы, как: «Почему вы/ты улыбаетесь/ешься?» или «Что смешного?». В русском языке также существует поговорка «смех без причины – признак дурачины». У англоговорящих людей улыбка является признаком вежливости. Улыбаться во время общения означает проявление дружелюбия и вежливости. Исследовательские парадигмы на уровне образовательного процесса предполагают погружение в контекст исследуемого, хотя бы на поверхностном уровне [2].

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмоции – одна из форм отражения мира, обозначающая душевные переживания, волнения, чувства, которые, в свою очередь, выражаются в речи и их необходимо правильно интерпретировать.

Формирование эмоционального интеллекта у студентов реализуется в рамках различных курсов, но особое место занимает дисциплина «Иностранный язык». Именно она обучает культуре коммуникативного общения, помогает развивать память, расширяет кругозор (культура, быт, традиции изучаемого языка), повышает самооценку. Таким образом, изучение иностранного языка обеспечивает интеллектуальное, духовное и эмоциональное развитие личности студента. Кроме этого, интеграция в образовательную среду различных культурных пространств является неотъемлемой частью *must have* современного молодого поколения [5].

Актуальным является развитие таких качеств, как эмоциональное самосознание, эмпатия, самореализация, умение поддерживать отношения, управлять эмоциональными реакциями (желательно).

При обучении иностранному языку особенно важно учитывать мотивы студентов. Мотивация в изучении иностранного языка преобладает над языковыми способностями студента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1986. 182 с.
2. Извекова, Т. Ф. Проблема соотношения веры и знания: историко-философский анализ основных исследовательских парадигм. От Д.

Локка до И. Канта / Т. Ф. Извекова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2020. – № 5(114). – С. 35-42. – DOI 10.18522/1997-2377-2020-114-5-35-42. – EDN HYJZAK.

3. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. 227 с.

4. Соколова, Ю. В. Особенности формирования и развития навыков самостоятельной работы на начальных этапах высшего профессионального образования / Ю. В. Соколова, О. А. Чалова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8. – № 2. – С. 63. – DOI 10.15862/81PDMN220). – EDN RCNUVE.

5. Tarasov, A. Y. Specific performance features of international services of higher education institutions in the context of COVID-19 pandemic, illustrated by Russian universities / A. Y. Tarasov, E. G. Gulicheva, E. A. Sysoeva // Современное образование: повышение конкурентоспособности университетов: Материалы международной научно-методической конференции. В 2 ч., Томск, 28–29 января 2021 года. Vol. Часть 2. – Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2021. – Р. 176-179. – EDN IORFQS.

6. Хуторской А.В. Компетентностный подход в обучении. Научно-методическое пособие. М.: Издательство «Эйдос»; Издательство Института образования человека, 2013. 73 с.

7. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

УДК 930.1

**ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ
ПОСЛЕВОЕННОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
В ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ**

Е.Н. Кананерова (Москва, Россия)

канд. ист. наук,

Московский государственный лингвистический университет,

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация: в статье рассматривается формирование научного мировоззрения у студентов на примере изучения достижений исторической науки в области изучения послевоенной коллективизации в Западной

Украине. Автор затрагивает теоретические аспекты осмысления понятия научное мировоззрения, этапы и условия его формирования.

Целью статьи является уточнение условий, при которых формирование научного мировоззрения студентов происходит наиболее эффективно. Новизна связана с тем, что формирование научного мировоззрения рассматривается на примере конкретной исторической проблемы.

Изучение советской историографии по проблеме послевоенной коллективизации позволяет нам увидеть хорошо изученные проблемы, такие как предпосылки, этапы и темпы коллективизации, частично причины успехов и трудностей, методы «раскулачивания». Эти объективные знания могут стать опорой для формирования научных представлений.

Автор выделяет в качестве условий развития научного мировоззрения студентов дальнейшее научное изучение темы послевоенной коллективизации в Западной Украины; размещение материалов научных исследований по данной проблеме на общедоступных, в том числе и просветительских ресурсах; привлечение студентов к самостоятельной научной работе, развивать у студентов способность к критическому анализу научной, учебной и просветительской литературы.

Ключевые слова: научное мировоззрение, историография, коллективизация, «раскулачивание», национализм.

1. ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы формирования научного мировоззрения студентов связана с одной стороны с общепедагогическими проблемами, с другой, обусловлена сложившейся социально-политической ситуацией. Формирование научных знаний и критического мышления является важнейшей задачей, которую ставит перед собой высшая школа. Ключевым источником знаний и информации в современном мире стал Internet, в котором студенты сталкиваются с материалами научных исследований и публицистическими текстами, содержащими эмоциональные авторские оценки исторических событий. В таких условиях отдельной задачей высшей школы при преподавании истории становится формирование у студентов навыка верификации источника информации на предмет его соответствия критериям научности. Данная задача не может быть выполнена без формирования научного мировоззрения.

В то же время некоторые исторические сюжеты могут стать инструментом манипулирования сознанием людей. Одним из таких сюже-

тов в наши дни становится советская социально-экономическая политика, проблема «коллективизации», в том числе и послевоенной.

Задача формирования научного мировоззрения является одной из главных в современном образовании, что отражено в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации» [11, с. 2].

Различным практическим аспектам формирования научного мировоззрения студентов посвящены статьи и диссертационные исследования Л.И. Мартынович, Т.А. Цомартовой, Н.Г. Огурцова, У.Г. Алиевой, Н.К. Барсуковой, Т.И. Шипеловой, Г.М. Бунтовской и др.

Н.К. Барсукова подробно рассматривает взгляды различных наук и конкретных ученых на само понятие научное мировоззрение, которое, по мнению автора, базируется на «научной картине мира - совокупности обобщенных философских, фундаментально-научных и общенаучных, социально-гуманитарных знаний о мире» [2, с. 37]. Сложившиеся научные картины мира – главная опора формирования научного мировоззрения, т.е. взгляда на мир как на целостную систему. Барсукова Н.К. называет условия, при которых формируется научное мировоззрение студентов ВУЗа. Среди них главными являются наличие программы формирования научного мировоззрения, организация самостоятельной работы и оценка результативности реализации программы

Алиева У.Г. называет еще одно важное условие развития научного мировоззрения - содействие «воспитателя и обучаемого, сообщества и обучаемого, внешней среды (техники, природы, искусства и т.д.) и обучаемого, то есть социума, преподавателя, мира вокруг нас и обучаемого» [1, с. 28].

Мартынович Л.И. и Цорматова Т.А. отмечают, что освоение гуманитарных наук, в том числе истории, способствует формированию способности личности принимать решения в кризисных социальных условиях, ориентироваться в хитросплетениях социально-политической жизни современного мира, противостоять манипулированию историческими фактами, сохранять высокий уровень нравственности и гражданских качеств [10, с. 129; 15, с. 131].

Автор статьи ставит своей целью уточнить условия, при которых формирование научного мировоззрения студентов происходит наиболее эффективно. Новизна исследования связана с тем, что формирование научного мировоззрения изучается на примере конкретной исторической проблемы, имеющей важное социально-политическое и идеологическое значение.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Понятие научного мировоззрения и основные этапы его становления

Под научным мировоззрением мы понимаем представления, опирающиеся на достижения конкретных наук, изучающих объективную действительность, а не отношение к ней человека. Мировоззрение тесно связано с ценностями, что делает знание, получаемое в социально-гуманитарных науках, особенно важным.

Алиева У.Г. считает, что научное мировоззрение формируется в начале как научное миропонимание, которое связано с пониманием закономерных в мире причинно-следственных связей явлений и процессов, сути их взаимодействия. На базе научного миропонимания складывается научное мировоззрение. Важнейшей характеристикой научного мировоззрения является материалистическое понимание мира. Научное мировоззрение, по мнению Алиевой А.Г., не возможно без гуманистического отношения к развитию отдельных личностей и общества в целом.

Кроме того, научное мировоззрение характеризуется особым отношением к науке как к высшей ценности [1, с.27].

Опыт изучения послевоенной коллективизации в отечественной историографии

В отечественной историографии проблема послевоенной коллективизации не столь разработана как проблема коллективизации 1920-1930 годов. Однако, изучение данной проблемы сегодня становится важным не только исходя из научной значимости, но и с точки зрения политической ситуации. Наибольший вклад в изучение послевоенной коллективизации внесли советские исследователи, изучавшие данную проблему как часть общей советской экономической политики. В условиях отсутствия в современной отечественной историографии исследований, посвященных данной проблеме, изучение и критическое осмысление трудов советских ученых может сыграть положительную роль в формировании научного мировоззрения студентов.

Кратко охарактеризуем достижения советской историографии в области изучения послевоенной коллективизации. Советские историки изучали коллективизацию в Западных районах и республиках на основе официальных документов партии и правительства и на их основе считали целью коллективизации в Западной Украине как оперативное послевоенное восстановление сельского хозяйства и включение его в общесоветскую экономическую систему [6, с. 124]. На момент окончания Великой Отечественной войны сельскохозяйственное производство в УССР

в целом составляло 75,4% а поголовье скота по - 66,7% от от уровня 1940 г. [13, с. 299, 301].

Работы советских историков были созданы в жестких идеологических рамках, однако, и в них можно встретить объективный взгляд на цели послевоенной коллективизации. Многие исследователи отмечают, что значительная часть произведенной колхозами продукции изымалась для нужд страны, а количество продукции, выдаваемой на трудодни была не слишком велика [14, с. 421].

Кроме целей послевоенной коллективизации советские исследователи определяют этапы коллективизации Западной Украины. Выделенные в советской историографии этапы коллективизации совпадают с аналогичными этапами других западных регионов. На первом этапе социалистического переустройства сельского хозяйства Западной Украины, который приходится на 1939-1940 гг., была начата аграрная реформа. Сущность ее заключалась в перераспределении земель в пользу в безземельных и малоземельных хозяйств. Реформа не только смягчала положение самых бедных слоев западноукраинской деревни, но и уменьшала численность кулачества. Это процесс получил название «осереднячивание» деревни [5, с. 10].

В 1944-1948 гг. сразу после освобождения территории Западной Украины от немецкой оккупации начинается, по мнению советских авторов, второй этап коллективизации сельского хозяйства. В это время восстанавливаются немногочисленные довоенные колхозы и оперативно создаются новые. Советские историки утверждают добровольный характер послевоенной коллективизации [6, с. 90-91] и отмечают, более высокие темпы создания колхозов в Западной Украине, чем в других западных айонах и республиках. Причины высоких темпов колхозного строительства советские исследователи усматривают в успехах довоенной аграрной реформы и учете опыта восточных районов УССР, где коллективизация проводилась в 1920-1930 годы.

Массовая коллективизация относится в Западной Украине к 1949-1950 годам [14, с. 327; 12 с. 370; 8, с. 17]. Основным методом коллективизации на этом этапе является «раскулачивание». На двух предыдущих этапах политика в отношении кулаков была в основном связана с налоговыми, кредитными льготами колхозникам. Так, только в 1945 г. колхозники Западной Украины получили кредиты на сумму 38 млн. руб. [8, с. 607]. Важным инструментом стимулирования вступления в колхоз была агитация и в развитые колхозы восточных областей Украины, созданных еще во время коллективизации 1920-1930 годов [14, с. 137]. Со-

блюдался принцип добровольности при вступлении в колхозы. В результате если по данным на 1 января 1948 г. было коллективизировано 9,6%, то к началу 1949 г. число хозяйств, вступивших в колхозы, составило 49%. К 1 июля 1950 г. 92,7% крестьянских хозяйств состояли в колхозах [7, с. 52; 3, с. 12].

В работах советских ученых отмечается, что методы «раскулачивания» сходны с теми, что применялись во время коллективизации 1920-1930 годов. По данным на 1945 г. в Западной Украине было 68 тыс. кулаков, то есть 4,8% [5, с. 95]. Эти данные говорят о том, что к началу форсированной коллективизации количество кулаков в Западной Украине было незначительным, как и во время коллективизации 1920-1930 годов на основной территории страны. Кроме того, число кулаков сократилось за счет политики ограничения кулачества экономическими мерами.

Советские ученые отмечают, что при проведении политики «раскулачивания», допускались ошибки, называемые ими «перегибы», без уточнения их масштабов и причин. Практически не изученными в работах советских историков остаются численность и категории «раскулаченных» по категориям, места их дальнейшего перемещения. Кроме того, не был проведен анализ запланированного числа «раскулачиваемых» и реальные сведения. Затрудняет изучение данной проблемы смешивание националистического коллаборационистского движения и сопротивления колхозному строительству [8, с. 331, 336; 420; 6, с. 337].

Советские исследователи коллективизации в Западной Украине считают коллективизацию закономерным и неизбежным способом преобразования сельского хозяйства этого региона и включения его в систему советского народного хозяйства. [4, с. 13; 3, с. 96] Лишь отдельные историки обращают внимание на то, что несмотря на рост производительных сил сельского хозяйства, уровень благосостояния колхозников региона оставался крайне низким [9, с. 422; 12, с. 8, 10; 9, с. 41].

Значение изучения послевоенной коллективизации для формирования научного мировоззрения студентов

Изучение советской историографии по проблеме послевоенной коллективизации позволяет нам увидеть хорошо изученные проблемы, такие как предпосылки проведения коллективизации в Западной Украине, ее основные этапы методы проведения. Работы советских исследователей были выполнены благодаря изучению официальных партийных и государственных документов, а также материалов статистики. Эти объективные знания могут стать опорой для формирования научных представлений. В то же время, изучение советской историографии показывает, какие темы остаются малоизученными (нарушения при «раскулачи-

вании», численность «раскулаченных» и их судьба, разграничение антиколхозного и националистического сопротивления).

Условия формирования научного мировоззрения на основе изучения послевоенной коллективизации. Важнейшим условием развития научного мировоззрения студентов при помощи изучения темы послевоенной коллективизации в Западной Украине является дальнейшее изучение данной проблемы профессиональным научным сообществом.

Кроме того, необходимо размещать материалы научных исследований по данной проблематике не только в базах научных исследований, но и на общедоступных, в том числе и просветительских ресурсах для студентов и широкой общественности.

Еще одним важным условием развития научного мировоззрения студентов является умение критически анализировать научную, учебную и просветительскую литературу на предмет ее обоснованности (базируются выводы на исторических документах, статистических сведениях, или представляют собой личную оценочную позицию автора). Организация самостоятельной, в том числе и научно-исследовательской работы студентов по указанной проблематике – одно из условий формирования научного мировоззрения на основе изучения послевоенной коллективизации.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим, формирование научного мировоззрения студентов в современном мире имеет не только теоретическое, но и вполне практическое значение. Создание благоприятных условий для его формирования – важнейшая задача научно-педагогических работников высшей школы, подразумевающая собственную научно-исследовательскую работу для восполнения знаний по проблемным аспектам истории XX в., вовлечение студентов в научно-исследовательскую и просветительскую работу. В числе рекомендаций способствующих формированию научного мировоззрения, можно предложить входной опрос студентов, приступающих к изучению курса История в ВУЗе на предмет объективных знаний о проблемах истории XX в., которые наиболее часто становятся объектом манипуляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева У.Г. Этапы формирования у студентов научного мировоззрения// *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2018. Т. 7. № 2(23). С. 26-29

2. Барсукова Н.К. Идея формирования мировоззрения обучающихся и ее решение в педагогической теории и практике / Н.К. Барсукова // Вестник Заб ГУ. - 2012. - № 12. - С. 36-40.

3. Волков И.М., Вылцан М.А., Кабанов В.В. Проблемы коллективизации сельского хозяйства западных районов СССР в советской историографии // Тридцать лет по социалистическому пути. Вильнюс: институт истории Академии наук Лит ССР, 1979. С. 3-11

4. Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945-1958). Москва: Мысль, 1976. 375 с.

5. Ивасюта М.К., Мартынюк А.И. Осуществление Ленинского кооперативного плана в западных областях украинской ССР// Тридцать лет по социалистическому пути. Вильнюс: институт истории Академии наук Лит ССР, 1979. С. 89-98

6. История советского крестьянства. В 5тт. Т4 – Москва.: Наука, 1988. 448 с.

7. История Украинской ССР. Киев, 1969. 608 с.

8. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. Краткий очерк истории. – М.: Колос, 1982. 378 с.

9. Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 2 тт. Т.2. Киев: Ордена трудового красного знамени издательство политической литературы Украины, 1977. 678 с.

10. Мартынович И.И. Значимость курса «Отечественная история» как общеобразовательной дисциплины для формирования мировоззрения студентов// Система культурных ценностей российского общества. – М., 2010. № 3. С. 128-132

11. Национальная доктрина образования в Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://https://www.sinncom.ru/content/reforma/index5.htm>

12. Советская деревня в первые послевоенные годы 1945-1950 гг. М.: Наука, 1978. 458 с.

13. Советская экономика в период ВОВ. М: Наука, 1970. 389 с.

14. Советское крестьянство. Краткий очерк (1917-1969 гг.)// Под ред. В.П. Данилова – М.: Политиздат, 1970. 486 с.

15. Цорматова Т.А. Формирование мировоззрения студентов на основе синтеза научного и художественного мышления. Автореф. Дисс. на соиск. ученой степени к. пед наук. научная специальность 13.00.08. – М., 2019., 21 с.

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. ЭТАЛОН ИЛИ МИФ?

Я.А. Кирюхин (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

А.М. Фонов (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

научный руководитель А.Б. Денисова (Москва, Россия)

канд. филос.наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. В работе раскрывается вопрос об эффективности советского образования, которое некоторое время назад разнообразно критиковалось. Авторами сделана попытка раскрыть сущность возникшего недоверия людей к советскому образованию, выявить первопричины и обстоятельства, повлиявшие на это, выявить некоторые преимущества и недостатки советской системы образования в сравнении с существующей и дать объективную оценку возможностям применения принципов и методов советского образования на современном этапе. Статья нацелена на привлечение внимания общественности к проблемам современного образования и возможным вариантам решения этой проблемы на основе сравнения и качественного анализа советского и российского образования.

Ключевые слова: советское образование, переоценка образования, эффективность образования, стандартизация, ГОСТ, доступность образования, профилеориентированность.

1. ВВЕДЕНИЕ

Образование является важнейшим показателем жизнеспособности и перспектив развития государства поскольку именно образовательные учреждения готовят будущие кадры, выполняют воспитательную функцию и передают культурное наследие от поколения к поколению. Именно поэтому во всех развитых обществах образование воспринимается как одна из основных ценностей и достояний.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

2.1. Потеря доверия к советскому образованию

Образование в Советском союзе было одним из приоритетов государственной политики. «В битве при Садовой победил прусский школьный учитель», говорил Бисмарк, имея в виду эффективную пропаганду национального единства, которая велась в учебных заведениях Пруссии [4, с. 233]. Эту фразу можно было бы сказать об учителях советской школы, ведь именно СССР стал единственным государством, которое смогло противостоять фашисткой Германии, «а Великая отечественная война была выиграна во многом благодаря советской системе воспитания, идеям и принципам, утверждаемым как на уровне государства (А. В. Луначарский и др.), так и непосредственно реализованным в воспитательном процессе (А. С. Макаренко, В. А. Сухомлиным и др.)» [5, с. 231].

Особого внимания заслуживает период 1950-1980-х гг., когда СССР ценой огромных усилий сумел восстановить и развить мощный промышленный и научно-технический потенциал, создать научные школы мирового уровня и одну из лучших в мире систем высшего технического образования [2]. Эта система дала стране не только экономическое превосходство, но и признание мировой общественности. С 1957 года, который был ознаменован запуском первого космического спутника, как свидетельствует директор ФБР Э. Гувер, советскую систему образования стали рассматривать с позиции «важнейшего аспекта всестороннего коммунистического вызова», называя «пугающе эффективной» [9, с. 45]. Отличительной чертой советского образования являлось доступность и, по сравнению с современной ситуацией, практическое отсутствие неравенства при поступлении в высшие учебные заведения [6].

Советская система образования была поставлена под сомнение в 90-е гг. – в период развала Советского Союза, сопровождавшийся расцветом криминала и мошеннических схем. В результате был задан новый курс на «равноправное вхождение» в мировое образовательное пространство, который создал ряд других проблем: зависимость от западных стандартов, падение уровня общей грамотности, большой перечень педагогической отчетности и концентрация почти всех усилий выпускников средней школы на подготовку к ЕГЭ, по поводу которого в последние 20 лет сложилось устойчиво отрицательное отношение значительной ча-

сти педагогической общественности [3]. Однако благодаря присоединению к Болонской системе, повысилась академическая мобильность студентов и преподавателей, появились возможности продолжить обучение в европейском учебном заведении, пройти стажировку или непосредственно трудоустроиться в иностранную компанию. Студент получил возможность построить модель своего образования и, при необходимости, корректировать ее.

В современных условиях регулярного реформирования российской образовательной системы люди стали все чаще вспоминать времена советского образования, так как его система может явиться фундаментом для дальнейшей трансформации учебного процесса. Необходимо определить, какие положительные и эффективные стороны, принципы, методы советского образования возможно применить в изменившемся мире.

Как говорилось ранее, основным поводом для отказа от системы образования, сформированной в Советском Союзе, явились события девяностых годов, связанные с огромным желанием откреститься от всего наследия прошлого, от всего советского, в том числе и от системы образования. Обществу, приходилось перестраиваться от социализма к капитализму. Стресс, с которым столкнулись люди, выброшенные происходящими революционными социальными изменениями из зоны комфорта, невозможно измерить. Кажется совершенно непонятным, как могут люди, получившие первое в мире образование, поверить в финансовые пирамиды, мистику и заряженную воду. Неясное будущее заставляло искать выход из сложившейся ситуации, многие стали обращаться, как им казалось, к доступным схемам заработка, а утешение искать в вещах потусторонних и сверхъестественных. Никто не мог предположить, что средства массовой информации (газеты, радио, телевиденье) могут рассказывать о непроверенных, и даже заведомо ложных фактах. Поэтому на основании этого «массового помешательства» невозможно делать вывод о качестве образования бывших советских людей. Например, если вспомнить МММ, то окажется, что совсем недавно в Америке приговорили к 150 годам заключения Бернарда Мейдоффа, управлявшего самой крупной финансовой пирамидой в истории. И это только частный случай. Американское общество, которое является капиталистическим на протяжении долгого времени, также не смогло противостоять подобной афере, что тогда говорить о людях, для которых в девяностые годы поменялась вся система ценностных координат. Мошенники всегда стараются найти слабости людей, за счет которых их схемы сработают и будут

успешными. К сожалению, каким бы ни было образование, оно никак не поможет избежать неприятностей, так как нельзя забывать, что кроме рационального мышления человек обладает эмоциями.

2.2. Достоинства советского образования

Отличительной особенностью советского образования являлась строгая стандартизация, определяемая общим ГОСТом, который обеспечивал примерно одинаковый уровень образования во всей стране. Данный подход видится весьма положительным, особенно в проекции на сегодняшнее образование в РФ. Советская система образования подразумевала строго установленный перечень литературы, предметов и даже тем. Все было подведено под общий стандарт, который, к слову говоря, обеспечивал довольно высокий уровень знаний. Поэтому перейти из одной школы в другую не составляло никакой проблемы, ученик легко мог адаптироваться, так как школьная программа была везде одинаковой.

Сегодня мы имеем другую ситуацию, переход к рыночной экономике отразился, безусловно, и на сфере образования. Появилась возможность делать выбор между различными учебными планами, программами, литературой, что, на первый взгляд, является положительным фактом. Однако, несмотря на это, уровень образования сегодня существенно упал. Это подтверждает индекс уровня образования (Education Index) ЮНЕСКО, согласно которому в 1990 году СССР занимал 3 место в мире, а в 2020 году Россия занимала только 39 место и уже более 10 лет не входит в число лидеров [10]. Несмотря на то, что публикационная активность является одним из показателей эффективности учебных заведений, по сравнению с 1985 годом снизилось количество выпускаемых научных статей на 30 % [1;7], а количество научных кадров по сравнению с 1990 годом сократились на 34 % [11].

Особенно хорошо заметно падения уровня образования в начальной и средней школе, где ребята в общей массе не знают «элементарных», как кажется людям старшего поколения вещей. Советское же образования было нацелено на всеобщие энциклопедические знания, которые хотя и были строго стандартизированы, давали людям общую картину мира, основные понятия и определения, которые перекликались между собой в разных дисциплинах. Таким образом, широкий выбор и вариации планов обучения, литературы и проч. не привело к повышению уровня образования, а напротив снизило его, сформировав повсеместное неравенство уровня образования по всей стране. Теперь школа самостоя-

тельно разрабатывает образовательные программы в соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), а по решению педагогического совета в программу могут быть внесены изменения, не нарушающие основных требований.

В этой связи заимствование стандартизации у советского образования видится весьма положительным и рациональным решением. Однако, стоит отметить, что данное проецирование перспективно в контексте начального и среднего образования. Говоря о высшем образовании, стандартизация, на наш взгляд, недопустима. Со времени распада Советского Союза мир существенно переформатировался. Сегодня очень важна профилеориентированность: будь ты программист, юрист, или инженер, ты должен быть профессионалом в определенной сфере, и порой эта сфера очень узка и специфична. Давая же общие, энциклопедические знания, делая упор на теорию, а не на практику, советское образование не может обеспечить специалиста должным уровнем компетенций. Это реалии современного мира, которому не соответствует советское образование.

Вторым положительным моментом советского образования является доступность. Сегодня мы имеем другую картину, которая обусловлена также разнообразием возможностей в образовании. Кто-то обучается в общеобразовательной школе по одним стандартам, кто-то выбирает элитные лицеи с уклоном на определенную область, кто-то занимается по индивидуальным планам с репетиторами или в частных гимназиях. Все это приводит к неоднородности не только самого уровня образования в стране, но и к неоднородности знаний в голове обучающегося. Данная ситуация порождает еще одну проблему, которой была лишена советская система образования – это нехватка кадров. Быть учителем в Советском Союзе было почётно и уважаемо, что подтверждалось уровнем заработной платы, который был сопоставим с уровнем оплаты труда инженеров, врачей, военных [8, с. 5]. Сегодня педагоги не могут похвастаться тем же, что вынуждает их брать непосильную нагрузку, уходить в частные школы, заниматься репетиторством или вообще менять профессию.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, обращаясь к советской системе образования, можно сказать, что не все в ней было идеальным и полностью скопировать такую систему – дело бесперспективное. Сегодняшние лидеры мирового развития, такие как Китай, Япония, Южная Корея, некоторые страны Европы, хорошо изучили наш опыт и построили свои национальные системы обра-

зования, обеспечивающие им лидирующие позиции [3]. Однако Российское образование имеет хороший базис и потенциал к развитию, являясь своего рода преемником советского наследия, и многое из советской педагогики, пройдя через полное отрицание (в соответствии с диалектическим законом), вновь возвращается в практику на новом витке развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассоциация "СИБАКАДЕМИННОВАЦИЯ": официальный сайт. Режим доступа: URL: <http://www.sibai.ru/nauka-v-sssr-i-v-rossii.html> (дата обращения: 02.10.2022).

2. Бодрова Е.В., Калинов В.В. Советский опыт подготовки специалистов в области техники и технологии: достижения и противоречия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. N4 (49). Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-opyt-podgotovki-spetsialistov-v-oblasti-tehniki-i-tehnologii-dostizheniya-i-protivorechiya> (дата обращения: 04.11.2022).

3. Бордовский Г.А. Что же было лучшим в советской системе образования? // Высшее образование сегодня. 2018. N1. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-zhe-bylo-luchshim-v-sovetskoj-sisteme-obrazovaniya> (дата обращения: 16.10.2022).

4. Вульфсон Б.Л. Нравственное и гражданское воспитание в России и на Западе: Актуальные проблемы. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. – 336 с.

5. Денисова А.Б. Воспитательная система в стране, победившей фашизм // Лефортовские чтения. 75 лет Победы в Великой Отечественной войне и 90 лет МЭИ. Двенадцатая гуманитарная научно-практическая студенческая конференция : доклады. Москва, 2020. С. 231-235.

6. Ибрагимова З. Ф., Франц М.В. Неравенство возможностей в образовании в советский и постсоветский периоды: Эмпирический анализ // Вопросы образования. 2021. N2. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neravenstvo-vozmozhnostey-v-obrazovanii-v-sovetskiy-i-postsovetskiy-periody-empiricheskiy-analiz> (дата обращения: 02.10.2022).

7. Иванова Е.А, Николаева Л.Г Публикации российских ученых в 1996–2019 гг. (по данным информационно-аналитической базы Scopus) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2020. N6 (36). Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publikatsii-rossiyskih-uchenyh-v-1996-2019-gg-po-dannym-informatsionno-analiticheskoy-bazy-scopus> (дата обращения: 05.11.2022).

8. Педагогическая энциклопедия / под. ред. И.А. Каиров, Ф.Н. Петров. т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1965. 912 с.

9. Плясовских В.С. Политика КПСС в области народного образования. Опыт разработки и реализации. М.: Мысль, 1987. 221 с.

10. Рейтинг стран мира по уровню образования / Гуманитарный портал: Исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2022 (последняя редакция: 06.10.2022). Режим доступа: URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (дата обращения: 05.11.2022).

11. Шепелев Г.В. Динамика численности кадров науки при переходе от СССР к Российской Федерации // Управление наукой: теория и практика. 2020. №4. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-chislennosti-kadrov-nauki-pri-perehode-ot-sssr-k-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 05.11.2022).

УДК 378

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

Н.Г. Косенкова (Москва, Россия)

канд. искусствоведения

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. В статье рассмотрено несколько групп образовательных технологий, таких как технология активного обучения, предметно-ориентированного, а также концентрированного и модульного обучения, проводится анализ возможности их использования в педагогическом процессе вуза.

Ключевые слова: образовательная технология, модульное обучение, концентрированное обучение.

1. ВВЕДЕНИЕ

За последние два года интерес к использованию информационных технологий в образовании существенно возрос. Как показывает статистика, в 2021 году расходы населения на обучение в онлайн формате впервые существенно превысили затраты на обучение в офлайн формате.

Целью данной работы является рассмотрение особенностей применения современных педагогических технологий в образовательном про-

цессе вуза, что предполагает решение ряда задач, таких как систематизация педагогических технологий, выявление преимуществ и трудностей их использования.

Интеграция информационных технологий, позволяющих повысить эффективность усвоения материала, в учебный процесс, является одной из первоочередных задач, стоящих перед современной высшей школой.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В этой связи систематизация и типологизация информационных технологий, используемых в учебном процессе, приобретает первостепенное значение.

На данном этапе формируется новое направление в дидактике, ориентированное на изучение практического применения технологий обучения в педагогическом процессе. Например, Ю.Г. Фокин выделяет изучение технологий обучения в качестве нового направления в педагогической науке, считая, что педагогические технологии - это прикладная педагогическая наука, ориентированная на изучение закономерностей теории обучения и направленная на разработку конкретных практических рекомендаций для преподавателей вузов с целью повышения эффективности обучения, оптимизации учебного процесса, усиления его интерактивной составляющей при использовании педагогических технологий в вузах.

Педагогические технологии, используемые в высшей школе, можно объединить в несколько групп.

Рассмотрим первую группу технологий обучения - технологии активного обучения. М. Новик представил классификацию технологий активного обучения, разделив их на имитационную и неимитационную группы. Имитационные технологии предполагают наличие модели изучаемого процесса, либо имитацию будущей профессиональной деятельности обучающихся. Неимитационные технологии характеризуются отсутствием моделей изучаемых процессов и явлений.

К имитационным технологиям можно отнести кейс-метод или кейс-стади. Этот метод предполагает анализ ситуаций из будущей профессиональной деятельности студентов, что развивает творческое мышление и умение эффективно решать профессиональные задачи. Различают несколько видов ситуаций: ситуация-упражнение, ситуация-иллюстрация, ситуация-оценка, ситуация-задача. Основной задачей использования иллюстративной ситуации является объяснение любой

сложной процедуры, алгоритма действий и решения проблем, возникающих в профессиональной деятельности. Ситуация оценивания заключается в рассмотрении конкретного решения, которое обучающиеся должны будут оценить и критически проанализировать с целью выявления возможных ошибок при решении подобных задач. Важным аспектом использования оценочных ситуаций является формулирование мотивированного вывода по каждой рассматриваемой ситуации, с целью формирования у студентов умения самостоятельно оценивать собственные действия и действия коллег. Использование ситуаций-упражнений направлено на применение знаний, полученных в ходе учебного процесса. Применение таких ситуаций в образовательном процессе в высшей школе позволяет формировать умения и компетенции, которые определены учебными планами. Ситуация-задача предназначена для развития у студентов навыков анализа и поиска решений в конкретных обстоятельствах их будущей профессиональной деятельности.

Технологии имитационного обучения предполагают наличие заранее известного решения поставленных задач. К этим технологиям можно отнести различные дискуссии. На семинаре-дискуссии активно обсуждаются доклады студентов, что способствует приобретению опыта коллективного обсуждения и решения практических задач. Такая технология способствует развитию у учащихся коммуникативных навыков, умения аргументировать свою точку зрения, корректно высказывать критику, совершенствовать коммуникативные навыки. Дискуссия может быть элементом комплекса активных методов обучения, в том числе таких методов, как проведение круглого стола, пресс-конференции, мозгового штурма с использованием интеллект-карт, либо дискуссия может быть включена в образовательный процесс как самостоятельная единица.

Интеграция различных технологий в учебный процесс дает синергетический эффект, повышая в конечном итоге результативность обучения. Так, согласно исследованию Дэвида Боули из Университета Джонса Хопкинса, оценки учащихся, которые пользуются интеллект-картами, выше на 12%. [7]

Следующей группой технологий обучения являются компьютерные технологии. Трудно представить на современном этапе профессиональную деятельность, в которой в той или иной степени не использовались бы компьютерные технологии. Технологии компьютерного обучения развиваются достаточно быстрыми темпами с начала восьмидесятых годов прошлого века. Примером использования компьютерных технологий в образовательном процессе могут быть интеллектуальные обучаю-

щие системы. Данная система обучения включает в себя модель сферы научных знаний или профессиональной деятельности, в которой обучаются студенты.

В общем массиве используемых в настоящее время технологий компьютерного обучения можно выделить следующие: обучающие системы, разработанные с использованием мультимедийных технологий; экспертные системы, применяемые в различных областях науки; компьютерные обучающие программы, в том числе тренажеры, лабораторные практикумы, тест-системы, электронные учебники; технологии с использованием телекоммуникаций, такие как видеоконференцсвязь, мессенджеры, электронная почта, электронные библиотеки.

Информационные технологии в педагогической деятельности вуза используются не только как вспомогательное средство в учебном процессе, дополняющее или модифицирующее традиционные методы обучения, но позволяют расширить сферу применения современных педагогических технологий.

При рассмотрении педагогических технологий, используемых в образовательном процессе вуза, необходимо упомянуть о предметно-ориентированных технологиях обучения. К этой группе педагогических технологий относятся технологии концентрированного обучения. В основе этой технологии лежит довольно распространенный в педагогической практике метод погружения в предмет. Метод погружения в тему используется в работах В. Шаталова, М. Щетинина, П. Блонского, Г. Ибрагимова. Технология концентрированного обучения создавалась как противовес традиционному обучению, при котором учебный материал, содержащийся в учебниках и программах, был разбит на самостоятельные, логически обособленные разделы, параграфы и темы. Сторонники технологии концентрированного обучения считают, что такое разделение приводит к отсутствию сформированной системы знаний, снижению мотивации учащихся, а также проблемам в запоминании материала, в связи с тем, что проводится несколько занятий по разным дисциплинам в один учебный день. Смена дисциплин, переключение с одного предмета на другой, по мнению разработчиков технологии концентрированного обучения, не позволяет студентам достаточно глубоко изучить ни один из предметов, преподаваемых в вузе. Предлагаемый ими подход основан на укрупнении учебных блоков и более глубоком изучении каждой из дисциплин. Методы концентрированного обучения были систематизированы и получили педагогическое и психологическое обоснование в работах Г. Ибрагимова, опубликованных в 1998 году.[4]

Исходным пунктом его работы стали недостатки традиционной системы обучения, которые Ибрагимов связывает с быстрым забыванием материала в традиционной системе его преподавания, отсутствием внутренней мотивации учащихся, невозможностью формирования системы знаний в отдельные учебные дисциплины

Что предлагает концентрированное обучение в отличие от традиционной организованной учебной работы? Концентрированное обучение предполагает более глубокое изучение каждой дисциплины, объединение учебных часов в блоки, изучение одной дисциплины на протяжении всего учебного дня или учебной недели. С точки зрения разработчиков концентрированного обучения, такой подход будет способствовать более глубокому усвоению учебного материала и соответствовать психологическим особенностям перцептивных процессов учащихся. Концентрированное обучение предполагает сокращение количества изучаемых дисциплин при одновременном усилении блока самостоятельной работы студентов, а также оптимальную продолжительность изучения тематических разделов или всей учебной дисциплины.

На данный момент существует несколько вариантов организации занятий по технологии концентрированного обучения. Наилучший вариант проведения обучения в вузе по данной педагогической технологии – это преподавание одного или двух предметов в течение учебной недели или учебного дня. При этом учебный план за семестр не меняет своего объема, количество дисциплин не уменьшается. Основной единицей учебного плана является учебный блок, который обычно включает в себя лекцию, самостоятельную работу студентов, семинар, а также лабораторные занятия и экзамен или зачет. Преимуществом концентрированного обучения является формирование целостного представления об изучаемом предмете, глубокое погружение в изучаемый материал, концентрация учащихся на изучаемой проблеме. Однако следует отметить и недостатки такого подхода.

Постоянная концентрация на одном предмете может вызвать повышенную утомляемость, как у учеников, так и у преподавателей. Любая попытка построить обучение вокруг более крупных учебных единиц неизбежно наталкивается на проблему групповой динамики, усиливающую негативные стороны работы в группе, и требует тщательно разработанной стратегии обучения в таких условиях. При этом необходимо опираться на принципы, которые заключаются в следующем: если мы оставляем содержание образовательного процесса неизменным на длительный период времени, то должны вносить максимальное разнообразие в его

формы. При этом создатели концентрированного обучения не предлагают нам никаких новых форм обучения. Они полностью заимствованы из традиционной системы.

Это обстоятельство неизбежно должно отрицательно сказаться на результатах усвоения учебного материала. Поскольку предполагается работа с одной темой и с одним преподавателем более длительное время, у преподавателя есть два варианта осуществления такого обучения в плане выбора форм образовательного процесса. Первый вариант предполагает, что обучение становится более интерактивным, более насыщенным разнообразными методами, а также предполагает частую смену деятельности обучающихся, что неизбежно приведет к значительному увеличению нагрузки на преподавателей даже на этапе планирования учебного процесса. Реализация такой стратегии в течение длительного периода времени вряд ли может быть осуществлена одним педагогом и, скорее всего, потребует участия 2-3 преподавателей. Второй вариант, который фактически предлагают сторонники технологии концентрированного обучения, заключается в реализации учебного плана на основе более крупных учебных единиц, но с использованием традиционных методов обучения. Практика показывает, что такой подход в итоге снизит эффективность усвоения материала.

Технология концентрированного обучения, безусловно, является интересной перспективной педагогической технологией, которую можно использовать в вузе, но в модифицированном виде. На сегодняшний день технология нуждается в детальной проверке результатов ее использования, тщательном планировании и готовности вуза, что в итоге увеличивает нагрузку на преподавательский состав. Технология концентрированного обучения нашла практическое применение на базе КемГУ. В этом вузе на нескольких факультетах проводилось еженедельное погружение в учебную дисциплину, при этом в остальном учебный план остался без изменений, а технология концентрированного обучения использовалась на начальных этапах работы со студентами для получения базовых знаний по предмету.

Говоря о предметно-ориентированных технологиях обучения в вузе, необходимо отметить технологию модульного обучения. Модульная технология обучения была создана и получила наибольшее распространение в университетах США, Западной Европы и стран Британского содружества. Эта технология также возникла как альтернатива, противостоящая традиционному обучению. Для нашей страны модульные технологии обучения достаточно хорошо рассмотрены в работах Шамовой и

Юцевичене. Модульное обучение основано на теории постепенного формирования мыслительных действий известного русского психолога Гальперина.

Отличительной чертой модульной технологии обучения является постоянный самоконтроль студента, стимулирование активности обучающихся, четкость и логичность изложения программы. К преимуществам использования модульного обучения можно отнести возможность прохождения программы в индивидуальном темпе, что было заимствовано из программированного обучения, разработанного Скиннером. Технология модульного обучения появилась сравнительно недавно, при этом практикуются разные подходы к определению понятия модуля, а также разные способы построения модульных программ. Общим признаком всех определений модуля является то, что он является логически завершенной частью программы, что предполагает обязательный контроль знаний обучающихся по его завершению. Для модульного обучения также характерна строгая последовательность изучаемого материала и контроль качества его усвоения. Изучение модуля может быть как полностью самостоятельным, так и осуществляться под частичным или полным руководством преподавателя. Это обстоятельство позволяет гибко варьировать нагрузку на преподавательский состав, что можно отнести к преимуществам использования модульной технологии обучения.

Как правило, модуль включает в себя банк информации, методическое пособие для студентов и структурированный план действий. Содержание модуля можно разделить на две части: познавательно-образовательную и профессиональную. При разработке модульной программы следует установить оптимальное соотношение теоретической и практической частей. Практическая часть модуля обычно включает в себя лабораторные работы и задания, основанные на материале, представленном в теоретической части модуля. Существуют модули трех видов - познавательные, операциональные, направленные на овладение отдельными видами деятельности, смешанные. Каждый учебный элемент модуля предполагает выполнение текущего и промежуточного контроля. Модульная технология обучения предполагает рейтинговую систему контроля, при определении рейтинга студента учитывается значительное количество показателей. Модульное обучение достаточно хорошо зарекомендовало себя, свидетельством его эффективности является его широкое использование за рубежом. Но в то же время необходимо учитывать и отрицательные стороны его использования. При применении модульного обучения необходимо учитывать тот факт, что при присталь-

ном внимании к освоению каждого модуля можно легко утратить способность строить систему знаний учащегося, учащиеся теряют навык систематизации материала и включения в междисциплинарную структуру.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многообразие педагогических технологий требует предельно взвешенного и обоснованного подхода к их реализации, а также тщательного изучения их эффективности, целесообразности использования в образовательном процессе. На сегодняшний день педагогическая наука развивается достаточно быстрыми темпами, что неизбежно приведет к появлению и внедрению новых, более совершенных педагогических технологий. Наиболее целесообразным видится подход, при котором возможен синтез нескольких педагогических технологий, использование их сильных сторон при нивелировании недостатков. В связи с этим задача изучения, структурирования, систематизации педагогических технологий на данном этапе развития педагогической науки представляется весьма актуальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бепалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М., 1989.
2. Берденникова Н.Г., Меденцев В.И., Панов Н.И. Организационное и методическое обеспечение учебного процесса в вузе. СПб., 2006
3. Виленский В.Я., Образцов П.И., Уман А.И. Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе: учеб. пособие. М., 2004
4. Ибрагимов Г.И. Формы организации обучения: теория, история, практика. - Казань:Матбугат Иорты, 1998. - 328 с.
5. Мельников С.В. Образовательные технологии в вузе - новые подходы // Развитие современного образования: теория, методика и практика: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 мая 2016 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] - Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. - С. 207-218. - ISSN 2413-400
6. Современные образовательные технологии: педагогика и психология: монография. Книга 16 / О.К. Асекретов, Б.А. Борисов, Н.Ю. Бугакова и др. - Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. - 318 с.
7. David A Boley II Use of Premade Mind Maps to Enhance Simulation Learning, Nurse Educator, Vol. 33, No 5, 2008

**ФОРМИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО
ИМИДЖА НИУ «МЭИ»:
АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
В ВУЗЕ**

С.Н. Курилов

канд. филос. наук,

Национальный Исследовательский Университет «МЭИ»

О.А. Кузьмина

Национальный Исследовательский Университет «МЭИ»

Аннотация. Цель данной статьи - выявление различных аспектов в внутрифирменном имидже «НИУ МЭИ» на основе проведенного социологического исследования студентов и работников университета в 2010-2020 гг., а также формирование выводов и предложений по конструированию внутрифирменного имиджа «НИУ МЭИ».

Ключевые слова: имидж, корпоративность, корпоративный имидж, внутрифирменный имидж, вуз, МЭИ.

1. ВВЕДЕНИЕ

Одним из важных аспектов общего восприятия и оценки организации является впечатление, которое она производит, то есть ее имидж (образ). Независимо от желаний, как самой организации, так и специалистов по связи с общественностью, имидж - объективный фактор, играющий существенную роль в оценке любого социального явления или процесса. Понятие «имидж» происходит от латинского *imago*, связанного с латинским словом *imitari*, означающего «имитировать». Имидж – это искусственная имитация или преподнесение внешней формы какого-либо объекта и, особенно, лица. Он является мысленным представлением о человеке, товаре или институте, целенаправленно формирующимся в массовом сознании с помощью рекламы либо пропаганды.

Имидж – совокупность ряда переменных, с преобладающей над содержанием формой, вариант самоподачи, акцентирующей внимание на лучших качествах, повышающих самооценку и авторитет у потенциальных потребителей, а также, ключ к успеху в правильности концепции развития общественных связей.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Имидж организации есть целостное восприятие (понимание и оценка) организации различными группами общественности, формирующееся на основе хранящейся в их памяти информации о различных сторонах деятельности организации. Иногда корпоративным имиджем называют совокупность представлений, образов и ассоциаций, возникающих у целевых аудиторий в связи с конкретной организацией. Имидж – это наиболее сложный и многоликий аспект корпоративной идентификации. Создание имиджа – медленный процесс и изменения не будут эффективными до тех пор, пока имидж не устоится в сознании целевой аудитории.

В результате проведенных исследований в 2010-х гг. стали понятны факторы, наиболее значимые для персонала и студентов, которые влияют на имидж университета. Было выявлено, что для персонала наиболее значимыми факторами являются взаимоотношения с коллегами, руководителем, факторы оплаты труда, возможность работы в команде и условия труда в целом. Взаимоотношения с коллегами и руководителем выходит на первый план, по значимости, что говорит о том, что подбор персонала и стиль руководства очень важен для создания положительного имиджа и является условием успеха университета. И оплата труда при этом не является основным фактором вузовской среды для персонала, несмотря на реалии современного мира. При подборе кадров необходимо учитывать не только высокую профессиональную подготовку преподавателей и сотрудников в целом, но и психологическую совместимость для индивидуальной работы и работы в команде и как одно из условий повышения качества работы.

В результате опроса установлено, что наиболее значимыми факторами для персонала «НИУ «МЭИ»» стали:

- Социально психологический климат в коллективе;
- Взаимоотношения руководителей;
- Лояльность;
- Приверженность;
- Условия труда;
- Работа в команде

Ниже средней персонал университета оценил следующие факторы удовлетворенности:

- Информирование;
- Вовлеченность и инициативность;
- Стратегия, политика вуза;

- Карьера и обучение;
- Управления изменениями;
- Оплата труда

И хотя общая оценка удовлетворенности положительная, некоторые факторы требуют доработки. Необходимо улучшить информирование персонала используя современные технологии и средства связи, создавать инициативные группы принимающие участие в жизни университета и выработки стратегии. Необходимо уделять больше внимания и поощрять сотрудников к обмену опытом, посещению курсов повышения квалификации, участию в научно-практических конференциях.

Желание студентов поступать в этот университет зависит от его имиджа. По итогам исследования большинство студентов считают данный вуз одним из крупных технических вузов столицы, с хорошим уровнем подготовки, сохранившим вузовские традиции, научную школу. Но это не является самой высокой из возможных оценок. Необходимо стремиться стать лучшим ведущим столичным вузом, крупным научным центром, выпускающим высококлассных специалистов. Хотя позиция вуза в настоящем вполне положительна.

По результатам исследований удовлетворенность студентами младших курсов выбора университета и института оказалась значительно выше среднего. Так же учитывался фактор повторно выбрать данный университет или институт. Положительный уровень оценки сохранился у студентов до окончания института. Оценка университета улучшилась по некоторым показателям, а оценка института (факультета) осталась на примерно том же уровне.

Удовлетворенность отношениями в своей группе большинством студентов была оценена положительно. В отношениях студента с преподавателями формальные контакты играют более важную роль, поэтому и отношения студента и преподавателя выглядят более напряженными и менее удовлетворительными с точки зрения студента. Удовлетворенность студента отношениями с преподавателями ниже, чем сложившиеся отношениями в студенческой группе, хотя отношения с преподавателями в общем оцениваются положительно.

Как следует из исследований, наиболее полную удовлетворенность у студентов вызывает деятельность начальника курса, именно ему учащиеся поставили самую высокую, самые низкие оценки получили вспомогательные подразделения, службы университета и кураторы группы. Надо отметить, что все оценки положительные, а деятельность руководства университета и дирекции института были оценены значительно выше среднего.

Оценка студентами степени своего «влияния на повышение качества образовательных ресурсов, используемых при реализации программы профессиональной подготовки» была наиболее низкой, на 1,7 балла ниже средней по всем показателям. К концу обучения эта оценка снизилась на 1,3 балла.

Как видно из исследования, особое внимание необходимо уделить в первую очередь санитарно-гигиеническому состоянию общественных туалетов и заботиться о бытовых условиях проживания в общежитиях. Учитывая недовольство студентов качеством учебных помещений необходимо планировать ремонт данных аудиторий, лабораторий и кафедр. Для повышения влияния мнения студентов на повышение качества образовательных ресурсов при профессиональной подготовке, можно ввести представителя от студентов для совещаний на уровне директора института, а также создать интернет-ресурс и ящик для предложений и жалоб учащихся. Очень важным является повышение доступности работы на ПК, в Интернете и т.п., а также оснащение учебного процесса современными технологиями и новейшим оборудованием, установление сети WI-FI на всей территории университета.

Анализ открытого вопроса об удовлетворенности учебной работой в «НИУ «МЭИ» показывает доминирование учебных проблем, которые являются для студента наиболее важными. Причем предложения от студентов достаточно противоречивы: для одних учебная нагрузка является слишком легкой, другие не справляются с высокими требованиями. Очевидно, это обусловлено разным предвузовским уровнем подготовки студентов.

Как и следовало ожидать, оценка руководителей различного уровня старшекурсниками более критична. Оценка начальника курса за годы учебы существенно не изменилась и была на уровне 8,8-8,9 балла, а для студента – это, по сути, «лицо института», его визитная карточка. Оценка дирекций институтов у старшекурсников была на 2-ом месте, но ниже всего учащиеся оценили деятельность кураторов студенческих групп.

Доля положительных оценок руководства университета, вспомогательных подразделений и служб вуза от младших курсов к 4-ому курсу сокращается в среднем на 20%, что подтверждает и отмеченное ранее падение средних оценок.

Наиболее стабильны и высоки по тому же критерию оценки студентами дирекции института и начальника курса.

Существенно статистически снизилась оценка куратора группы: суммарная доля оценок от 6 до 10 баллов уменьшилась к 4 курсу на 27% ответивших.

Общая доля суммарной положительной оценки руководителей различного уровня снизилась от младших курсов бакалавриата к старшим на 14% ответивших.

Суммарная оценка различных аспектов учебного и внеучебного процесса студентами 4-го курса составила 5,7 балла и была ниже оценки студентов 1-2-го курса на 0,9 балла. Это говорит об уже отмеченной ранее высокой критичности студентов 4 курса.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что несмотря на некоторые недостатки, имидж университета имеет положительную оценку как со стороны сотрудников, так и со стороны студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аранович А.В. Конкурентная борьба промышленных холдингов России., М.: Посткриптум, 2007.
2. Быченко Н.Л. Эволюция принципов корпоративного управления и контроля в развитых странах и в странах рыночной ориентации: Автореф. дис.... канд. экон. наук: 08.00.14 Гос. ун-т управления. М., 2009.
3. Зверинцев А. Б. Коммуникационный менеджмент. Рабочая книга менеджера PR. СПб.: Союз, 2007.
4. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники – М., 2008 – 266 с.

УДК 81-139

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКОВЫХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

*Ю. А. Маккавеева (Москва, Россия)
РГУ им. А. Н. Косыгина*

Аннотация. В статье рассказывается о создании учебного корпуса языка иврит на основе современных израильских фильмов и сериалов для использования в преподавании языка иврит, а также для обучения студентов методам корпусных исследований. Рассматриваются общие

принципы организации учебного корпуса и создание разметки, соответствующей потребностям студентов на начальном этапе изучения языка.

Ключевые слова: иврит, израильские фильмы, изучение иврита, корпус иврита, корпусная лингвистика, преподавание иврита.

1. ВВЕДЕНИЕ

Корпусная лингвистика – это активно развивающийся раздел языкознания, дающий современным ученым новые возможности для исследования языков. Все больше внимания уделяется не теоретическому описанию, а конкретным фактам словоупотребления. По мнению В.А. Плунгяна, весьма вероятно, что в будущем грамматические описания языков будут опираться на данные корпуса этого языка [5], а значит, слово «корпус» должно стать таким же общеизвестным и понятным, каким является слово «словарь» [8]. Для студентов-филологов особенно важно получить представление о том, что такое корпус текстов, как осуществлять по нему поиск и как использовать полученные результаты.

На кафедре зарубежной филологии и лингвокультурологии в РГУ им. А. Н. Косыгина студенты изучают два языка: английский и иврит. Если корпусов английского языка существует достаточное количество (например, British National Corpus, Corpus of Contemporary American English и др.), то для иврита подобных корпусов на данный момент еще не существует. При этом невозможно продемонстрировать студентам возможности изучать особенности иврита на примере корпуса какого-либо европейского языка, поскольку эти языки слишком различаются во всех аспектах, от письменности до синтаксиса. Поэтому мы решили создать учебный корпус текстов на иврите для студентов, изучающих иврит.

По В. М. Алпатову, корпус – это «информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на некотором языке в электронной форме и позволяющая быстро получить значительное количество информации об этом языке» [1, с. 86]. Конечно, в широком смысле слова корпус – это весь интернет, однако, результаты, полученные с помощью обычной поисковой системы, практически невозможно интерпретировать как-либо, кроме количественного подсчета. Кроме того, в иврите встречается очень много омографов – слов и словоформ, написание которых полностью совпадает [12, с. 312], а значит, все они окажутся перемешанными в результатах поиска. Отбор нужных вариантов может занимать очень много времени, а для начинающих изучать иврит это и вовсе непосильная задача. С другой стороны, учебный

корпус не должен быть очень большим или сложно устроенным: необходимо и достаточно собрать некоторое количество текстов, отобранных по определенным критериям, и произвести разметку, соответствующую педагогическим целям.

2. СОЗДАНИЕ УЧЕБНОГО КОРПУСА ИВРИТА

В качестве основы для нашего корпуса мы выбрали субтитры к современным израильским фильмам и сериалам, поскольку, во-первых, просмотр фильмов интересен студентам, а во-вторых – фильмы демонстрируют разговорную речь, поскольку сюжет строится на диалогах. Именно в разговорной речи встречаются новые языковые явления, которые уже вошли в обиход, но еще не описаны в учебных и справочных пособиях. По мнению Кондраковой Ю. Н., именно художественные фильмы демонстрируют различные варианты произношения и многочисленные отступления от литературной нормы [3]. Язык в фильмах – это не искусственная «дистиллированная» речь, а вполне живая, настоящая манера говорить: во-первых, создатели фильма стремятся сделать свое произведение понятным и интересным зрителям, вызывать в них отклик, а во-вторых, актеры (носители языка) часто импровизируют, отступают от сценария в пользу того, как им говорить привычнее [7].

Для начала нашей работы мы выбрали сериал «Шабабники» о жизни учащихся иешивы (религиозного учебного заведения в Израиле). Первый сезон этого сериала вышел в 2017 г., второй – в 2021 г. [9], и весьма вероятно, что будет выпущен третий, поскольку финал второго сезона остался открытым. Затем к корпусу добавились субтитры к фильмам «Звезды Шломи» (2003 г., о жизни учеников обычной школы) и «Ушпизин» (2004 г., о жизни взрослых ортодоксальных евреев). В дальнейшем мы планируем пополнять корпус фильмами со сходной тематикой.

Разумеется, объем корпуса на данном этапе сравнительно небольшой, и это минус, но даже такого объема вполне достаточно для обучения студентов. По году выпуска фильма мы сразу понимаем, с какой фазой развития языка имеем дело. А это важно: ведь язык постоянно меняется, и мы имеем возможность практически в реальном времени наблюдать, как происходят эти изменения, сравнивая фильмы разных лет. Кроме того, Академия языка иврит (регулятор государственного языка в Израиле) [10] периодически издает новые правила, касающиеся как словоупотребления, так и орфографии.

Для израильтян привычно смотреть фильмы с субтитрами: во-первых, иностранные фильмы демонстрируются в Израиле без дубляжа,

но с текстовым переводом; во-вторых, фильмы на иврите также снабжаются субтитрами – как для зрителей, которые пока еще плохо знают язык (так называемых «новых репатриантов»), так и для людей с особыми потребностями (с нарушениями слуха). Субтитры стремятся делать понятными, поэтому иностранные фразы, звучащие в еврейском фильме, отображаются на экране в переводе на иврит. Поскольку именно субтитры являются нашим основным источником, мы сохраняем их в том виде, в котором они присутствуют в самом фильме, ничего в них не исправляя.

С другой стороны, часть информации, как вербальной, так и невербальной, не отображается в субтитрах: это могут быть междометия, или жесты, заменяющие собой словесный ответ, или надписи на стенах, и даже некоторые предметы, попадающие в кадр. Кроме того, иногда то, что написано в субтитрах, не совпадает с тем, что мы слышим в фильме. Во всех подобных случаях мы считаем необходимым добавлять к нашему корпусу особые пометки или варианты написания.

Например, часть слов и выражений пишется в сокращенной форме, и тогда следует добавить также полную форму. В других случаях мы имеем дело с особенностями узуса, тогда как субтитры фиксируют литературную норму: так, например, бывает в случае с некоторыми распространенными сопряженными конструкциями, которые уже воспринимаются носителями как одно целое слово, и в разговорном стиле речи определенный артикль ставится перед «склеившейся» сопряженной конструкцией, а не перед последней ее частью, как того требует норма: *ha-benadam vs. ben ha-adam* («человек»). Поскольку такое «склеивание» сопряженных конструкций является важной особенностью разговорной речи, мы это тоже отмечаем в корпусе [4].

На данном этапе наш корпус существует в обычном текстовом редакторе, знакомом и доступном всем студентам без дополнительной подготовки. Поскольку письменность иврита отличается как от кириллицы, так и от латиницы, мы имеем возможность вносить в корпус на иврите любое количество пометок, примечаний и разъяснений на русском языке, и они не будут засорять результаты поиска. Мы можем таким образом сохранить и передать студентам различные комментарии о происходящем на экране, об особенностях израильской культуры и т.д. Для студентов, изучающих иврит, привычно иметь дело с разными видами письменности – в частности, при написании научных работ (где латиница используется для транслитерации еврейских слов, так как по некоторым причинам использование еврейских огласовок в научных работах нежелательно).

Поскольку в языке иврит существует большое количество различных вариантов – литературная норма и узус, особенности речи восточ-

ных или ортодоксальных евреев – мы также помечаем особыми тегами все случаи, которые не входят в программу преподавания иврита на младших курсах и, следовательно, представляют собой трудные места для студентов, в частности, заимствованные слова [2, с. 411–412]. Например, в написании арабизмов и слов из идиша возможна вариативность (в частности, непоследовательное употребление гортанных алеф и айн, имеющих также функцию обозначения гласных звуков, т.н. *matres lectionis*). Речь ортодоксальных евреев содержит многочисленные цитаты из религиозных текстов, в ней встречаются термины, требующие пояснения. Также это могут быть фонетические особенности: кроме особенностей разговорной речи, характерных для большинства языков (так, как стяжение и выпадение отдельных звуков), в иврите существуют еще и традиции произношения (изводы), отличающиеся как от общепринятой нормы, так и друг от друга [2, с.376–377; 11, с. 149]. Все подобные случаи мы также отмечаем специальными тегами.

3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСА В ПРЕПОДАВАНИИ

Корпус иврита в текстовом формате мы уже использовали во время просмотра фильма «Звезды Шломи» на занятиях студенческого разговорного клуба, и получили от студентов обратную связь: по их отзывам, гораздо удобнее смотреть фильм, имея в распоряжении текстовый файл. Это дает возможность вносить свои собственные пометки, а также не тратить время на анализ сложных языковых явлений (ведь они уже классифицированы и помечены тегами). Кроме того, в процессе просмотра фильма зритель получает информацию о персонажах постепенно, а в корпусе в самом начале дается их краткое описание, чтобы студенты сразу могли решить, на что следует обращать особое внимание.

Стоит также отметить, что корпус может постоянно пополняться, как новыми текстами, так и новыми комментариями. Исследовательские возможности не ограничены рамками четырехлетнего обучения одного набора студентов. Это полезно еще и потому, что обучающиеся имеют разный опыт и, следовательно, заметят то, на что другие не обратили внимания (например, кто-то бывал в Израиле, а кто-то хорошо знает комиксы и увидит в фильме отсылку к этой культуре, и так далее).

Что же касается преподавания языка, то с помощью учебного корпуса можно отработать различные навыки работы с текстами. Во-первых, корпус дает возможность анализировать большой объем данных, не полагаясь на память. Довольно часто студенты выбирают в качестве темы для курсовых работ исследование речевых характеристик пер-

сонажей; но при обычном просмотре многое может ускользнуть от исследователя. Тогда как по корпусу можно быстро произвести поиск, чтобы, например, проверить, кто из персонажей и как произносит определенную фразу, и использовать полученные результаты в своей работе.

Все слова в корпусе находятся в «естественной среде», в контекстной форме. Это дает возможность более точно интерпретировать случаи словоупотребления, учитывать регистры языка и особенности социальных групп. Сюжет фильма в основном строится на диалогах, что дает нам возможность исследовать особенности именно разговорной речи, наиболее подверженной изменениям. Можно находить примеры на любые случаи, и иллюстрировать их отрывком из фильма, где речь дополнена интонациями, мимикой, жестами и т.п. «Последнее требование науки: чтобы изучать устную речь полноценно, мы должны слышать и видеть людей, которые говорят» [6].

Поскольку фильмы выходят в разные годы, мы можем наблюдать и анализировать динамику изменения лексических единиц и грамматических конструкций в течение последних десятилетий.

Кроме того, в рамках ознакомления с методами корпусной лингвистики, преподаватель может давать студентам простейшие задания, такие как поиск определенных словоформ и анализ результатов. Начиная с того, как правильно сформулировать запрос, чтобы найти все нужные результаты с минимальным количеством лишних, и как важно правильно интерпретировать словоформу, поскольку в языке иврит очень много омографов – форм, совпадающих в написании. Также можно давать задания на поиск и анализ коллокаций, контекстов, выявление лексических функций, особенностей речевых стилей, в частности использование предлогов при глаголах (ненормативное использование предлогов характерно для разговорного иврита).

Для студентов-филологов практические занятия так же полезны, как, например, лабораторные опыты – для студентов-химиков: они наглядно демонстрируют, как происходят определенные процессы, и позволяют обучающимся овладеть методами и приемами, необходимыми для современных лингвистических исследований.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, мы можем сказать, что использование корпуса языка иврит в преподавании позволяет как повысить уровень владения ивритом, так и познакомить студентов с методами корпусной лингвистики, что поможет им улучшить качество своих научных работ, а может

быть, и определиться с направлением дальнейшей профессиональной деятельности. Мы планируем в дальнейшем как пополнять объем корпуса, так и совершенствовать методику обучения ивриту с использованием методов корпусной лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина нон-фикшн. 2018.

2. Дрейер Л. М. Современный иврит // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М: Academia. 2009. С. 375–413.

3. Кондракова Ю. Н. Преподавание иврита в контексте израильской и еврейской культуры в вузах и школах России // ПНиО. 2013. №3. [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavanie-ivrita-v-kontekste-izrailskoj-i-evreyskoj-kultury-v-vuzah-i-shkolah-rossii> (дата обращения: 01.10.2022).

4. Ниран М. Современный иврит – разговорный и письменный (высокий, формальный стиль): [Электронный ресурс]: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1Fvfak2x1Co> (дата обращения: 10.10.2022).

5. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. М. 2008. № 2 (16). С. 7–20.

6. Плунгян В. А. Корпусная лингвистика: [Электронный ресурс]: URL: <https://postnauka.ru/video/7783> (Дата обращения: 13.10.2022).

7. Плунгян В. А. Перспективы: Корпусная лингвистика и корпус русского языка [Электронный ресурс]: URL: <https://postnauka.ru/tv/9420> (Дата обращения: 29.09.2022).

8. Плунгян В. А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов [Электронный ресурс]: URL: <https://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> (Дата обращения: 15.10.2022).

9. Шабабники: [Электронный ресурс]: URL: <https://m.imdb.com/title/tt7865452/> (Дата обращения: 04.11.2022).

10. Academy of the Hebrew Language: [Электронный ресурс]: URL: <https://hebrew-academy.org.il/2018/04/16/28646/> (Дата обращения: 04.11.2022).

11. Schwarzwald O. Language Varieties in Contemporary Hebrew. // Teuda 18: 2002. P. 141–175. (in Hebrew).

12. Schwarzwald O. Morphology in Context. // Helkat Lashon (A Tribute to Maya Fruchtman). 2000. 29–32. P. 310–314. (in Hebrew).

ТРАНСФОРМАЦИИ УНИВЕРСИТЕТА И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ

Д.В. Петросянц (Москва, Россия)

канд. экон. наук

Финансовый университет при Правительстве РФ

Аннотация. В статье анализируется ряд проблем, связанных с неизбежной, по мнению автора, трансформацией института классического университета. Ведется поиск ответа на вопрос: «смогут ли российские университеты, участвуя в проекте Приоритет 2030, найти верные решения и постараться, преодолев старые стереотипы, стать институтами, соответствующими современным реалиям?». Другая проблема связана с излишним увлечением университетами коммерческим партнерством как самоцелью, что идет в ущерб «третьей миссии» - социальной составляющей.

Ключевые слова: высшая школа, университетский менеджмент, человеческий капитал, образовательная политика, социальная трансформация

1. ВВЕДЕНИЕ

В последнее время все больше экспертов в сфере высшего образования размышляют по поводу трансформации университетов, придания ускорения этим процессам и смене вектора развития в сторону разнообразия и увеличения функций и миссий ими выполняемыми. Кроме того, университеты включены в культурную повестку, что придает им разную степень сложности и заметности в социальной среде. Таким образом, университет интегрирован в новые парадигмы глобального общества, разнообразного мышления, развития науки и технологий и других важных аспектов. Поскольку университеты являются институтами, одной из ведущих функций которых являются исследования, то они постоянно уделяют внимание научным знаниям, стремясь к развитию новых технологий, масштабы которых имеют отношение и к социальным изменениям [5, с. 94-98].

Отношения между образованием и социальными изменениями глубоко взаимны. Социально-политические и геополитические процессы вызывают изменения в образовании, поскольку оно глубоко социокуль-

турно обусловлено; и наоборот, качественное образование может быть агентом изменений в социально-экономическом развитии общества. Люди, объединенные в сообщества практиков, намеренно или ненамеренно, не всегда могут принять новые социокультурные реалии и попытаться их реализовать. Таким образом, эти изменения на практике позволяют изменить жизнь людей (и их идентичность) и ход социальных изменений.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Университеты могут выступать в качестве основных агентов изменений для устойчивого развития (УР) регионов в самом широком смысле понимания. В XXI веке университет существует в условиях растущих потребностей общества знаний, информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), а также различных сценариев, требующих пересмотра понятий универсальности, науки, знаний, качества, автономии и других. Перед лицом этих вызовов необходима трансформация университетов, требующая внедрения новых технологий, превращающая высшее образование во все более сложный акт, динамика, критерии качества и адаптация которого к цифровому миру предполагают изменения, отличные от тех, которые предлагались в предыдущие десятилетия [1].

Предполагая инновационный рост, политики и экономисты исходят из того, что сотрудники государственных учреждений обладают соответствующими навыками и способны успешно поддерживать различные аспекты инновационных процессов. Это предположение может быть верным для высокоразвитых западных стран, поскольку они имеют долгую историю относительно предпринимательских институциональных структур, способных меняться и способствовать инновационному росту. Наша специфика приводит нас к решению другой проблемы, приданию трансформациям и изменениям социального вектора и понимания их если не всем обществом, то хотя бы его большей частью.

Проект Приоритет 2030, это в том числе и попытка преодолеть проблему, связанную с тем, что университеты концентрируют свои усилия на программах обучения и исследований, не принимая во внимание потребности общества, стремясь извлечь максимум выгоды, набирая на платные модные направления, создавая тем самым экономический дисбаланс и усугубляя социальную асимметрию, особенно в отдаленных городах. Опасность такого понимания университета заключается в ослаблении смысла национального или регионального высшего образования и разрыве с критериями социальной ответственности.

Университеты, работая в консорциумах по программе Приоритет 2030 не всегда понимают, что задача не только в выгодном партнерстве с бизнес-структурами, но и в мисонерской функции, когда надо подключить всю инфраструктуру университета, включая потенциал студентов, аспирантов, иных акторов, на выполнение социально-экономических и политических задач ставящихся перед высшей школой.

Университет направляет свои усилия на получение социально значимых знаний в соответствии с действительными или соответствующими критериями исследования для роста и прогресса сообщества, тем самым, все исследования, проводимые в университете, приобретают социальное измерение, историческую актуальность и адаптируемость к сложным сценариям современной реальности.

Для университета важно определить, что является социально значимым, причем эти приоритеты могут меняться во времени. Под этим понимается ряд культурных обстоятельств, определяемых пространственными и временными характеристиками, которые создают своеобразные, особые условия, окружающие физическое и информационное пространство интересов и участия в социально-политических и экономических процессах университета [2].

Свободное от стандартов современности и актуальное для сообщества исследование невозможно без культивирования культурной идентичности, без привязанности к своему самостийному коду идентификации, к наследию и связи с проблемами сообщества. Профессор М.Г. Завельский называл эти коды «психообщественная инфраструктура», где закладываются основные параметры, свойственные традициям, деловым навыкам, нравственным устоям и т.п. [4, с. 14].

Именно в этот момент, когда «психообщественная инфраструктура» соответствует миссии университета, то последний обретает свою социальную значимость, передавая знания обществу, ведя диалог с обществом, считывая окружающую его реальность, ставя перед собой цель не проведение собственной трансформации, а социальную трансформацию окружающего его мира. С этой точки зрения университет готовит будущее в самом широком его понимании, чтобы обладать компетенциями не только в своей профессиональной области, но и налаживать всевозможные социальные связи, на основе которых и будет вестись диалог с обществом. Сообщество университета должно обсуждать, определять и распространять свою коллективную историю и в этом процессе определять свои уникальные сильные стороны, ресурсы и возможности [6, с. 7-9].

В контексте вышесказанного, миссия, стратегические цели университета, форсайт образа будущего, это не просто красивые лозунги, а четко выстроенные программные документы. Стратегическое мышление необходимо при планировании и вложении ресурсов университетом. Администрация (проектный офис) разрабатывает стратегический план, который тщательно учитывает потребности всех стейкхолдеров и приводит к балансу их с финансовыми и операционными реалиями. Кроме того, проектный офис должен постоянно пересматривать и обновлять свой Стратегический план, чтобы адаптироваться к быстроменяющейся операционной среде.

Трансформации неизбежны, поэтому Стратегический план должен быть динамичным и гибким. Проектный офис университета будет постоянно обновлять приоритеты и инициативы, чтобы гарантировать, что ресурсы будут сосредоточены на критически важных направлениях. Самый важный ресурс в реализации трансформации университета – команда, взявшая на себя бремя и ответственность за проводимые реформы, именно эта группа становится ядром всего коллектива единомышленников, основной кузницей человеческого капитала [3, с. 25-27].

3. ВЫВОДЫ

Крайне важно усилить социальный аспект университета, критическое и рефлексивное отношение и постоянный пересмотр его политики, планов обучения, исследований и расширения, которые должны быть сосредоточены на искоренении социальных патологий, таких как изоляция, расизм, коррупция, нищета, голод. Иными словами, университет – это академическое учреждение, которое должно готовить своих специалистов к включению в общество, связывая их с реальностью своего региона, быть способным генерировать непосредственные изменения в обществе, сохраняя безупречные аксиологические качества.

Любые преобразования и реформы, не только в образовательной сфере, невозможны без рефлексии и взаимопонимания между всеми группами и стратами российского общества. Система высшего образования есть отражение происходящих трансформаций всего общества, причем не только в страновом, но и в глобальном аспектах. Таким образом, система российского высшего образования и университеты снова в начале пути новых преобразований, причем таких, которые по масштабам и болезненности трансформаций не имеют аналогов в новой российской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балацкий Е. В., Сергеева В. В. Научно-практическая результативность российских университетов // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 133-148.
2. Виссема Й. Г. Университет третьего поколения: управление университетом в переходный период / Пер. с англ. М.: Сбербанк, 2016. 422 с.
3. Дежина И. Г. Дополнительное профессиональное образование для развития перспективных технологий: вклад вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 5 (117). С. 22-31.
4. Завельский М. Г. Закономерности хозяйства // Экономическая политика и фондовый рынок: модели и методы системного анализа. Труды ИСА РАН. 2009. том 47.
5. Петросянц Д. Экосистемы инноваций в региональных российских университетах: информационные основы оценки развития // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 11. С. 92-103.
6. Стронгин Р. Г. Управление вузом в новых условиях // Высшее образование в России. 2017. № 10 (216). С. 5-12.

УДК 378.147

СОВРЕМЕННАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА В РОССИИ: РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

У.С. Плешкова (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ

Н.Д. Ермишина (Москва, Россия)

канд. ист. наук,

Национальный исследовательский университет «МЭИ

Аннотация. Развитие информационных технологий оказывает значительное влияние на различные отрасли жизнедеятельности человека. Безусловно, образование не остается в стороне, и новые технологии активно внедряются в данную сферу. Использование новых информационных технологий в современном высшем образовании влияет на качество учебного процесса, расширяя возможности преподнесения учебного материала, организации коммуникации между преподавателем и студентами. Занятия, организованные с использованием цифровых технологий,

больше вызывают интерес студентов, нежели стандартный вариант проведения лекций и семинаров, а также повышают уровень мотивации как к самостоятельной подготовке по учебным дисциплинам, так и в области научно-исследовательской деятельности. Актуальность данной работы заключается в том, что в современном обществе активно протекает информатизация и компьютеризация системы образования.

Ключевые слова: высшее образование, информационные технологии, информатизация, средства коммуникации, компьютеризация, учебный процесс, информационная грамотность.

1. ВВЕДЕНИЕ

Информационные и цифровые технологии достаточно давно укоренились в быту современного человека. Высокий уровень компьютеризации современного общества провоцирует необходимость подготовки будущих специалистов с применением информационных технологий в их обучении. Информатизация общества – процесс, идущий в ногу с расширением познаний общества в науке, вносящий изменения практически во все социальные институты.

Актуальность использования информационных технологий в образовательном процессе в вузе обусловлена социальной потребностью в повышении качества образования и практической потребностью в использовании в высших образовательных учреждениях современных компьютерных программ. Модернизация учебного процесса требует перехода к активным – индивидуальным, самостоятельным формам работы, организации студентов. Этому может способствовать внедрение в учебный процесс информационных компьютерных технологий и цифровых образовательных ресурсов [2].

Развитие информационных технологий и упрощение возможности использования цифровых ресурсов поставили целый ряд вопросов перед институтом высшего образования. В первую очередь, следует выделить основную проблему, проявившуюся на почве легкого доступа к различной информации через интернет – зачастую студенты не могут быть уверены в достоверности и точности выделенного ими материала, поскольку используют электронные ресурсы в качестве альтернативы традиционным литературным источникам, а не дополнения к ним. Понятие «информационной грамотности» на данный момент знакомо не каждому, и это становится источником заблуждений в различных областях знания. Результативность компьютерного обучения по различным учебным дис-

циплинам существенно зависит от уровня компьютерной грамотности обучаемых. Потому сам факт введения массового компьютерного всеобуча создает благоприятные предпосылки и для повышения эффективности компьютерного обучения [1, с. 165].

Не менее важной проблемой, возникающей при информатизации высшего образования, становится отсутствие единой схемы внедрения нововведений в образовательный процесс.

Целью данной работы является изучение роли информационных технологий в институте высшего образования. Исходя из поставленной цели, следует выделить основные задачи:

- выявить особенности внедрения информационных технологий;
- на основе комплекса литературы и дополнительных источников изучить исторический аспект развития информационных технологий;
- выявить связь информационных технологий в системе образования и индивидуализации учебного процесса.

Представленная тема исследования была затронута в работах: В.П. Беспалько «Персонифицированное образование», «Программированное обучение. Дидактические основы»; С.А. Бешенкова «Решение задач с использованием ЭВМ»; Б.С. Гершунского «Компьютеризация в сфере образования: проблемы и аспекты»; В.М. Монахова «Проектирование и внедрение новых технологий обучения»; И.В. Роберт «Современные информационные технологии в образовании»; В. Оконь, В.И. Гребнева и других авторов.

Научная новизна исследования состоит в том, что разработаны рекомендации по использованию информационных технологий в сфере высшего образования, которые позволят сделать учебный процесс более эффективным, ориентированным на индивидуальный подход к студентам, а также повысить информационную и компьютерную грамотность участников образовательного процесса.

2. ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

2.1. Возникновение понятия информационных технологий

Информационные технологии – 1) процессы, использующие совокупность средств и методов сбора, обработки, накопления и передачи данных (первичной информации) для получения информации нового качества о состоянии объекта, процесса, явления, информационного продукта, а также распространение информации и способы осуществления

таких процессов и методов (согласно ФЗ РФ № 149-ФЗ); 2) приёмы, способы и методы применения средств вычислительной техники при выполнении функций сбора, хранения, обработки, передачи и использования данных (ГОСТ 59853-2021).

Впервые термин «информационные технологии» появился в 1958 году в статье журнала «Harvard Business Review». На тот момент еще не было полного толкования данного понятия, однако структура информационной технологии уже была обозначена.

Условно можно выделить пять этапов развития информационных технологий:

- Первый этап – до второй половины XIX века. «Ручные» информационные технологии. В инструментарий входили перья, чернильницы, записные книги, информация передавалась в виде писем. В конце этапа были разработаны основы архитектуры вычислительной машины (Ч. Бэббидж, 1830 г.)

- Второй этап – с конца XIX века до 1940-х годов. «Механические» технологии. В инструментарий входили пишущие машинки, телефон, радио, почтовая служба. Благодаря открытию электричества появились новые средства информационной коммуникации – по проводам (электромагнитный телеграф, П.Л. Шиллинг, 1832 г.)

- Третий этап – с 40-х годов XX века до 1970-х годов. «Электрические» информационные технологии, активное развитие которых пришлось на 1960-е годы. В инструментарий входили копировальные аппараты, первые ЭВМ, электрическая печатная машинка и др.

- Четвертый этап – с 1970-х до середины 1980-х годов. «Электронные технологии». В инструментарий вошли большие ЭВМ и АСУ на их базе. Изобретена микропроцессорная технология и персональный компьютер.

- Пятый этап – с середины 1980-х годов. «Компьютерные» информационные технологии. В инструментарии числятся ПК, телекоммуникационная связь.

Однако считаем, что из пятого этапа необходимо выделить новый шестой этап - с 2015 г. по настоящее время. Инструментарий данного этапа: современные информационные технологии, в частности 3D-технологии [4].

2.2. Информационные технологии обучения

Внедрение в образование новых аппаратных, программных, коммуникационных средств постепенно привело к вытеснению термина «компьютерные технологии обучения» понятием «информационные тех-

нологии обучения» (ИТО) [5, с.22]. К определению ИТО можно подойти с двух сторон:

1) ИТО – дидактический процесс, который организуется путем внедрения принципиально новых методов обучения, позволяющих создавать, передавать, хранить, отображать информационный продукт, прибегая к наименьшим затратам и в соответствии с закономерностями ведения образовательного процесса;

2) ИТО – создание определенной технической среды обучения, где ключевую роль играет использование информационных технологий.

3. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

3.1. Современные информационные технологии, применяемые в образовательном процессе

Информационные технологии, применяемые в области учебного процесса, позволяют повысить доступность и наглядность представляемой информации, построить открытую систему обучения. На сегодняшний день наиболее часто используемыми в высшем образовании элементами ИТ являются:

- 1) презентации
- 2) электронные библиотеки
- 3) дидактические материалы
- 4) системы контроля знаний (например, СДО «Прометей»)
- 5) электронные учебные курсы
- 6) системы виртуального эксперимента

Компьютерные средства обучения можно разделить на две группы по отношению к ресурсам сети Интернет:

- средства обучения on-line – применяются в реальном времени с использованием сети Интернет;

- средства обучения off-line – не требующие подключения к сети Интернет средства.

3.2. Дистанционное обучение как результат развития ИТ

Наиболее ощутимый скачок в развитии информационных технологий обучения произошел в 2020-2021 годах в результате распространения COVID-19. В краткие сроки был налажен полностью новый формат

обучения – дистанционный, который базировался на использовании компьютерных технологий. Незаменимыми стали цифровые технологии – в образовании, особенно с вынужденным переводом студентов многих вузов на дистанционное обучение [3].

Дистанционный формат обучения подразумевает собой проведение групповых занятий различного типа посредством использования видеосвязи и электронных материалов, таких как видеоуроки и презентации. Выполнение домашних работ, тестирований, контрольных материалов в начале работы в дистанционном формате осуществлялось отправкой выполненных вручную работ на почту преподавателям. По мере адаптации к новому формату проведения занятий часть работ стала проходить с помощью различных систем контроля. Лабораторные работы начали выполняться не только по методическим указаниям, но и с применением виртуальных лабораторий, где по необходимой дисциплине можно было провести нужный опыт. Однако дистанционное образование имеет и положительные, и отрицательные стороны.

Проблемные моменты дистанционного образования:

- 1) опасность подавления межличностного общения, т.к. количество очных контактов сведено к минимуму;
- 2) опасность снижения роли устной и письменной речи, т.к. в основном преобладают визуальные материалы;
- 3) ослабление способностей к самостоятельному творческому мышлению, т.к. программы контроля обучающихся «заточены» на определенный алгоритм, к которому адаптируется человек.

Положительное влияние информатизации образования, в частности на примере дистанционного обучения:

- 1) возможность более наглядно преподнести информацию;
- 2) удобство проведения собраний, выступлений, научных мероприятий;
- 3) повышение уровня профессиональной культуры;
- 4) повышение уровня информационной и компьютерной грамотности;
- 5) расширение видов коллективной деятельности учащихся.

Не менее интересным представляется иной формат проведения занятий – смешанный. Данный метод дает возможность сочетать классическое проведение семинаров, лабораторных работ, контрольных материалов, учебной практики и компьютеризированный подход к лекционным занятиям. При таком формате образования сохраняется возможность

личного контакта студентов с преподавателями и между собой, а лекции проводятся в формате видеоконференций, что упрощает взаимодействие преподавателя и обучающихся.

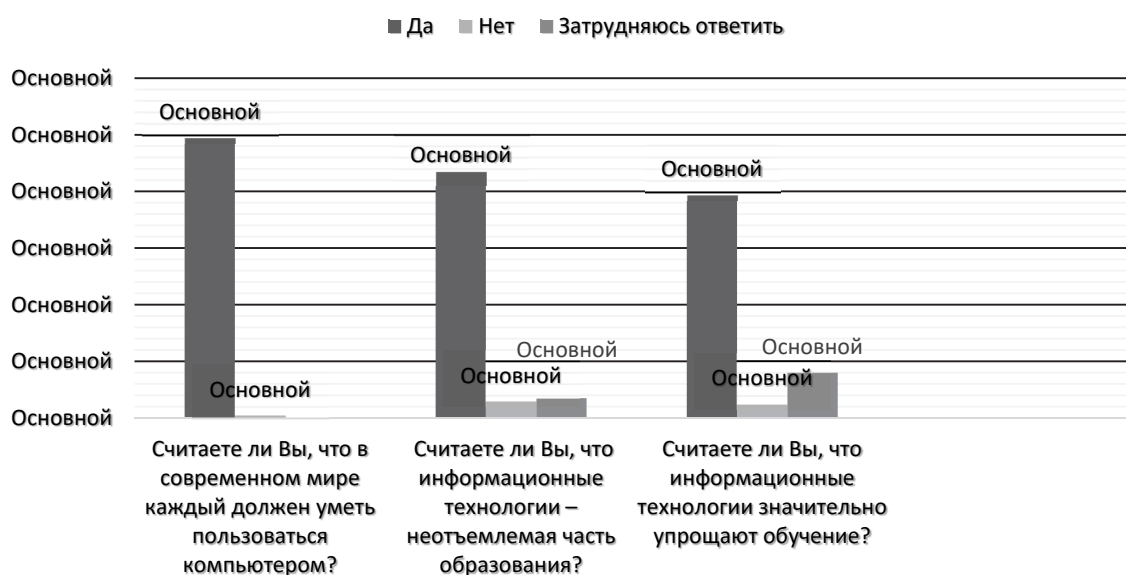
Был проведен опрос среди 100 студентов I-V курсов обучения, карточка вопросов и результаты которого приведены ниже.

Анкета:

1) Считаете ли Вы, что в современном мире каждый должен уметь пользоваться компьютером?

2) Считаете ли Вы, что информационные технологии – неотъемлемая часть образования?

3) Считаете ли Вы, что информационные технологии значительно упрощают обучение?

Результаты анкетирования респондентов

Большая часть опрошенных аргументировала свой выбор в пользу информационных технологий высокой доступностью учебных материалов и удобством взаимодействия с преподавателями.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря совершенствованию техники развитие информационных процессов вывело общество на качественно новый тип коммуникации. В настоящее время появилась мода на использование все более совершенных технических средств, на применение их в быту – употребление новых моделей телефонов, сложной бытовой техники [3].

Современное общество наполнено множеством потоков информации, которая нуждается в обработке и систематизации. Информационные технологии – важный элемент всех сфер человеческой деятельности, так как это инструмент, который позволяет структурировать получаемые знания.

Исходя из цели данной работы, на основе проведенного исследования можно сделать вывод, что информационные технологии имеют крайне важное значение для оптимального функционирования системы высшего образования. Неоспоримым плюсом в информатизации высшего образования является возможность смешанного (аудиторного и дистанционного) проведения занятий.

Результаты анкетирования показали, что в процессе обучения студенты отдают предпочтение работе с новыми технологиями, нежели использованию исключительно традиционных способов преподавания.

Благодаря поиску информации в сети Интернет, использованию мультимедийных установок, множеству учебных компьютерных программ, электронных библиотек деятельность педагогов становится более дифференцированной, а студенты получают возможность расширить области своего познания, развивают творческие способности и повышают интенсивность умственной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гершунский Б. С. Компьютеризация в сфере образования: проблемы и аспекты — Москва: Педагогика, 1987 — 264 с.

2. Дунаева Т.Ю. Роль информационных технологий в высшем образовании / Дунаева Т.Ю. // Научная электронная библиотека eLIBRARY.ru: [электронный ресурс]: URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29010983> (дата обращения: 18.10.2022).

3. Найденова Л.И. Информационные технологии и их значение в институционализации высшего образования / Найденова Л.И.// Научная электронная библиотека eLIBRARY.ru: [электронный ресурс]: URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48616700> (дата обращения: 18.10.2022).

4. Несмиянова И.О. Информационные технологии: этапы развития, понятие и классификация / Несмиянова И.О. // Научная электронная библиотека eLIBRARY.ru: [электронный ресурс]: URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42653375> (дата обращения: 18.10.2022).

5. Пащенко О. И. Информационные технологии в образовании / О.И. Пащенко — Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета, 2013 — 227 с.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Л.К. Рашитова (Москва, Россия)

канд. соц. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме патриотического воспитания молодежи. Целью статьи является анализ роли социальных институтов в данном процессе. Детальное внимание автором уделено институту образования, как основополагающему в формировании нравственных ценностей студенческой молодежи.

Ключевые слова: Отечество, патриотизм, воспитание, ценности, глобализация.

1. ВВЕДЕНИЕ

Современное население России традиционно представлено полиэтничным и поликультурным составом. Многонациональность и многоконфессиональность нашего государства значительным образом отличает его от других мировых держав. Так, территория нынешней России стала родным домом для представителей 190 народов.

Такому многоликому единению россиян способствовало прежде всего удивительное умение любить родную землю и поразительное содержание духовной культуры. Не секрет, что текущая человеческая цивилизация основывается на ценностях, обусловленных процессами политической социализации граждан, в рамках которой и происходило становление организованных сообществ – государств. Первостепенная важность в сплочении и общественном порядке государства принадлежит определенным политическим принципам. Сегодня, в условиях резкого обострения отношений на международной арене, особенно отчетливо прослеживается развитие социального чувства, которое проявляется как патриотизм – осознанная любовь к Родине. Сама история человечества показала, что это единственный верный путь, поскольку государства, допускающие или отвергающие патриотизм, как фундаментальную ценность обречены на упадок.

2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

В России приоритетным направлением государственной социальной политики является формирование патриотических ценностей молодых людей, в частности путем реализации проекта федерального значения «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в рамках национального проекта «Образование», который стартовал с 1 января 2021 года с бюджетом в 13,6 млрд руб. Планируется, что в ходе поэтапного исполнения мероприятий проекта будут достигнуты конкретные показатели в различных направлениях по нравственному и прежде всего патриотическому воспитанию:

1. рабочие программы дисциплин в образовательных организациях должны содержать элементы патриотического воспитания обучающихся и уже с 2022 года должны достичь 100 % показателя;

2. социально активную деятельность необходимо направить на детей и молодежь до 30 лет путем увеличения охвата патриотическими проектами;

3. содействовать общественным инициативам и проектам, ориентированным на патриотическое воспитание детей и молодежи, развитие межпоколенческого взаимодействия;

4. вовлекать в деятельность Российского движения школьников максимально большее количество обучающихся, к 2024 году их число должно достичь 54824 человек;

5. целенаправленно вовлекать обучающихся в деятельность Всероссийского военно-патриотического общественного движения «Юнармия» и выйти к 2024 году с показателем в 18800 человек;

6. увеличить число участников Всероссийского конкурса «Большая перемена», который выступает проектом президентской платформы «Россия – страна возможностей».

Данный проект выступает очередным доказательством того, что воспитание осознанного чувства любви к Родине в нашем Отечестве никогда не был спонтанным и неконтролируемым явлением. Патриотизм всегда регулировался и управлялся государством, поскольку только оно обладает достаточными ресурсами, способными реализовать назревшие преобразования. Более того, в условиях сосуществования на одной территории представителей разных национальностей и конфессий особенно важно регулировать политическое формирование жизни общества.

3. ПРИРОДА ДЕФИНИЦИИ «ПАТРИОТИЗМ»

Безусловно, специфика такого общественного явления, как патриотизм, очень неоднозначна. В разные периоды исторического развития наблюдались как пики патриотического вдохновения, так и претворения в жизнь картины потребительского отношения к своей Родине. У России свой аутентичный путь развития и он заметно дифференцирован по историческим периодам.

Сегодня, в условиях интенсификации глобализационных процессов, дестабилизации внешнеполитической среды и тотальной вестернизации российского общества, проблемы патриотического воспитания молодежи существенно актуализируются. Согласно результатам общественного мониторинга, начало специальной военной операции России по денацификации и демилитаризации Украины, поднятие престижа страны в глобальном мире вызвали неоднозначные оценки и реакцию не только в так называемом Западном мире, но и в самой России. В частности, в марте 2022 года общественности были представлены итоги опроса ВЦИОМа по оценке гражданами Российской Федерации происходящих событий. Оказалось, что 10% опрошенных не доверяют Российской армии и 21% респондентов совершенно не поддерживают решение о проведении специальной военной операции России на Украине. В этих условиях очень важно понимать, как мыслят молодые люди, кого и почему они поддерживают, какова логика их размышлений [2].

Отметим, что еще совсем недавно у многих оставалось ощущение, что мы живем в прежней стране, но в сознании уже произошли изменения, свидетельствующие о распаде прежних связей и понятий. К сожалению, многие молодые люди и вовсе полагают, что в сегодняшней жизни отсутствует такое понятие, как патриотизм, потому что каждый думает не о процветании своей страны, а о своем благополучии.

Можно предположить, что проблема кроется в том, что современное поколение, живущее в агрессивной информационной среде неоднозначно и искаженно интерпретирует дефиницию «патриотизм». Вероятно, это продиктовано сложной природой данного феномена, многоаспектностью его содержания и многообразием форм проявления. Поэтому для самоидентификации подрастающего поколения важно понимание глубинного смысла этого феномена и его признаках, резко отличающих его от понятий «национализм», «шовинизм» и тому подобных идеологий и направлений политики. Именно этот этап требует тщательного подхода, поскольку вплоть до настоящего времени диапазон мнений в данном вопросе остается весьма широким. По сей день мы наблюдаем диамет-

рально противоположные точки зрения относительно понятия «патриотизм» и каждый применяет в его в том смысле, который является наиболее выгодным при данных конкретных событиях в той или иной стране. Приведем два из них:

1. американский исследователь К. Хейс придерживается позиции о том, что патриотизм вместе с национальной принадлежностью составляет современный национализм [5, с. 13].

2. З.П. Табакова, доктор филологических наук, раскрывает патриотизм как сакральное понятие характеризующее народ как единую общность, который проявляется наиболее ярко в годину тяжёлых испытаний, требующих единения народа, героизма и жертвенности его носителей. [4, с. 67].

При таком широком размахе определения феномена патриотизма и омонимичности его интерпретации, важно осмыслить во что мы верим и какую Россию мы хотим видеть. И идем ли мы в унисон с понятиями духовности и морали. И очень бы хотелось, чтобы современное российское общество разделяло и поддерживало идею российского философа В. Келле, полагающего, что «чувство Родины, ощущение принадлежности к своей нации, ее культуре, традициям и обычаям, бережное отношение к языку, идея защиты государственных интересов страны, как и стремление активно способствовать ее прогрессу и процветанию, ничего общего с национализмом не имеют» [3, с. 14].

4. ЗНАЧИМОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В ГЕНЕРАЦИИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

Молодежь XXII века очень прагматичная и прогрессивная и значительно отличается от прежних поколений, поэтому патриотическое воспитание нельзя осуществлять директивными и назидательными методами, более того следует отказаться и от агрессивной пропаганды. Особенно в условиях политических потрясений воспитание патриотических чувств должно проходить через личностные глубинные убеждения и внутреннего согласия субъекта воспитания [1, с. 28]. Необходимо, чтобы у каждого человека присутствовала внутренняя эмоциональная включенность, а расстояние между личными интересами и интересами страны максимально уменьшилось. И только в этом случае понятие патриотизма будет способно выполнять свою общественную миссию и приобретет статус духовного ориентира в сознании цифрового поколения.

Для выполнения поставленной цели в настоящее время мобилизованы все значимые социальные институты. Значительный вклад в фор-

мирование и развитие нравственной первоосновы патриотизма вносит Русская Православная Церковь. В рамках данной статьи автор не преследует цели оценить вклад религии в патриотическое воспитание, но подчеркивает, что церковь на протяжении всей русской истории была и остается единственным общественным институтом, который неумолимо занимался гуманистическим воспитанием народной души.

Нельзя не отметить и уникальность института семьи, которая по обыкновению служит поддержкой государства и фундаментом высокоразвитого общества. В связи с этим необходимо активно формировать политику по возрождению института традиционной семьи и на государственном уровне исключить заведомо ущербные модели семейных отношений.

Фундаментальная роль в процессе формирования такой общечеловеческой ценности, как патриотизм, принадлежит высшим учебным заведениям. Полагаем, что это вполне закономерно, поскольку современные высшие учебные заведения обладают эффективными средствами воздействия на эмоциональный и ценностный потенциал обучающихся, что однозначно способствует мобилизации патриотических чувств у юного поколения.

Все государственные высшие учебные заведения России обладают широким спектром методов, форм, средств, механизмов и инструментов теоретического обоснования и практического внедрения в жизнь нравственно-духовных основ сознательного служения Отечеству. Они выступают ключевыми общественными институтами, где наращивание социального капитала и общественно-учебная кооперация возводятся в высшую степень.

Стоит отметить и значительную роль Военных учебных центров при вузах, которые в настоящее время выступают ядром патриотического воспитания студенческой молодежи. Полагаем, что в условиях непростых геополитических условий приоритетными задачами Военных учебных центров являются: выявление факторов, оказывающих влияние на формирование патриотических настроений и всяческое содействие повышению уровня готовности обучающихся к достойному служению Родине.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отрадно, что патриотическая работа на сегодняшний день включает целый комплекс мероприятий, сфокусированных на создание прочного аксиологического фундамента, когда отчизнолюбие выступает в каче-

стве нравственного идеала, сосредоточившего социальную деятельность личности и стимулирующего ее к пробуждению патриотических чувств и патриотического поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова Н.Л. Современные формы патриотического воспитания студенческой молодежи // Теория и практика образовательного процесса, 2021. - № 5. – С. 23-30.

2. ВЦИОМ. Новости: Армия и общество на фоне специальной военной операции [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/armija-i-obshchestvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 10.09.2022).

3. Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994. С. 61.

4. Табакова З.П. Патриотизм как базовый концепт русской ментальности // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. X междунар. науч.-практ. конф. № 5(60). Новосибирск: СибАК, 2016. С. 66–75.

5. Троицкий Е.С. Патриотизм – движущая сила преодоления кризиса российского общества // Патриотизм: общероссийский и национальный. Истоки. Сущность. Типология. М., 1996. С. 13.

УДК 378

СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.П. Рёттингер (Мюнхен, Германия)

канд. педаг. наук,

Мюнхенского университета им. Людвига и Максимилиана

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы истории возникновения и функционирования в современных реалиях двухступенчатой системы высшего образования в европейском пространстве. На примере Германии анализируются преимущества и недостатки бакалавриата и магистратуры, связанные с этим трудности и карьерные возможности. Об-

суждаются варианты начала обучения в магистратуре и указываются особенности, позволяющие соискателю выглядеть убедительным в глазах работодателя в Германии.

Ключевые слова: бакалавриат, магистратура, компетенции, обучение, европейское образовательное пространство, карьерные возможности

1. ВВЕДЕНИЕ

В мае 1998 года в Париже министрами образования Франции, Италии, Великобритании и Германии был подписан документ, который лёг в основу европейской системы образования. Подписание состоялось в университете Сорбонна, что и обусловило его название. Позднее к Сорбоннской декларации присоединились и другие европейские страны.

Декларация направлена прежде всего на достижение следующих целей: универсализация стандартов обучения в рамках открытого европейского пространства высшего образования; создание общей системы степеней (степень бакалавра, магистра и доктора); повышение и содействие мобильности студентов и преподавателей (студенты могут провести один семестр за рубежом); взаимное признание академических степеней и научных званий.

В июне 1999 года 29 министров образования европейских стран подписали Болонскую декларацию о создании Европейского пространства высшего образования к 2010 году и укреплении конкурентоспособности Европы как места получения образования во всем мире. В Болонской декларации министры подтвердили свое намерение реализовать следующие пункты:

- создание двухуровневой системы (бакалавриат/магистратура);
- введение системы кредитных баллов (на основе модели ECTS);
- содействие академической мобильности;
- содействие европейскому сотрудничеству [1, с.1].

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

2.1. Бакалавриат и магистратура в Германии

С введением программ бакалавриата и магистратуры система обучения в Германии меняется. Традиционное дипломное образование постепенно уходит в прошлое. Высшие учебные заведения оказываются в ситуа-

ции потрясений, которые влияют на весь мир и характеризуются "жужжащими" [2, с.3] словами *глобализация, интернационализация и конкуренция*. Изменения касаются основ немецкой системы высшего образования. Проводятся активные дискуссии, готовы ли высшие учебные заведения к самому масштабному проекту реформ послевоенного периода?

В этом контексте следует отметить два базовых постулата, которые остаются спорными и по сей день. Во-первых, переход на новые стандарты академической общественностью был встречен, что называется, «в штыхы». Как преподаватели, так и студенты активно возражали против нововведений. Во-вторых, в происходящих реформах явно прослеживалась политика и ощущалось давление «сверху» [2, с.7].

Что касается Германии, причинами дальнейшего развития и структурных изменений высшего образования и обучения с помощью введения новых степеней бакалавра и магистра стали большая продолжительность обучения в немецких университетах, снижение эффективности системы высшего образования, снижение привлекательности Германии как страны для обучения, а также отсутствие международной сопоставимости академических степеней в немецких университетах. Преподавателям и студентам университетов предлагалось активно поддержать этот процесс реформ, отвергнуть его или смириться. В отношении второго постулата, в котором утверждалось, что все уже решено политически и что в новой системе нет места для «маневра» [2, с.7], существовало и противоположное мнение. Было решено, что каждый отдельный учебный план и каждое отдельное экзаменационное положение для разных программ бакалавриата и магистратуры становится обязательным только в том случае, если так решит большинство преподавателей университета.

Успешный исход радикальной реформы образования решались предсказать далеко не все эксперты. Опасения по поводу потери качества по сравнению с традиционным образованием и крайне сдержанное принятие новых правил в системе высшего образования рассматривались как важные факторы [2, с.8].

2.2. Магистратура или бакалавриат: преимущества и недостатки

Несмотря на то, что с момента принятия Болонской декларации прошло уже более 20 лет и система «гимназия - бакалавриат - магистратура» выглядит логичной и убедительной, дискуссии о том, стоит ли получать степень магистра или достаточно обладать уровнем бакалавра,

всё ещё актуальны для Европы в целом и для Германии в частности. Разберём несколько важных аспектов, касающихся тех, кто обдумывает, решиться ли на обучение в магистратуре.

Степень магистра не является преимуществом для всех направлений деятельности. Так стоит ли магистратура того, чтобы потратить два или три года?

Поиск работы со степенью бакалавра занимает примерно столько же (или меньше) времени, сколько и со степенью магистра. Большинство освоенных компетенций бакалавриата дают очень хорошие возможности для поступления на работу. Стартовая зарплата выпускника бакалавриата ниже, чем у выпускника магистратуры, однако эта разница быстро компенсируется первым повышением. Другими словами, чтобы получить хорошую работу, обычно не нужна степень магистра. Конечно, существует множество исключений. Для работы на высоких государственных должностях степень магистра необходима. Для карьеры в естественнонаучных областях выпускники магистратуры также обладают рядом преимуществ. А в случае, если есть желание стать учителем или заниматься научной деятельностью, степень магистра является обязательной.

Следует ли учиться в магистратуре тем, к кому вышеупомянутые пункты не относятся? На немецком рынке труда доминирует «культура специалистов»: хорошие карьерные шансы в Германии имеют в основном те, кто обладает знаниями в узких областях: технических (инженер), в сфере бизнеса и управления (маркетолог). Люди, которые делают карьеру в этих областях, уже в первые годы работы благодаря полученной степени магистра как бы «сигнализируют» о том, что они являются специалистами [3, с.16]. Выпускники бакалавриата, напротив, считаются универсалами и поэтому находятся в менее выгодном положении. Это правило действует в большей степени на крупных предприятиях и в меньшей касается сектора СМИ, стартапов и небольших агентств [3, с.17].

Продолжая тему «культуры специалистов», следует отметить множество формальных критериев, которые хотя и не являются действительно необходимыми для осуществления той или иной деятельности, выделяют кандидата или уже действующего сотрудника на фоне конкурентов. Таким фактором является, к сожалению, не только то, что сотрудник умеет делать, но и то, что он может предъявить в качестве формального доказательства своей квалификации. С точки зрения распространённых общественных стереотипов в наиболее выгодном положении на рынке труда оказывается обладатель сертификатов, дипломов, степе-

ней. Такой человек априори считается экспертом, его мнение - более авторитетным, его слово - веским и его шансы заметно повышаются. В европейских реалиях необходимо учитывать этот факт: магистр воспринимается серьёзнее бакалавра, даже если в требованиях при поступлении на работу данная степень не является обязательной. Именно этот факт заставляет многих молодых карьероориентированных выпускников бакалавриата продолжать обучение в магистратуре.

Помимо карьерных соображений, существует, конечно, достаточно веских аргументов в пользу магистратуры: углубление знаний, приобретение новых компетенций возможность продлить студенческую жизнь, увеличение времени на профессиональную ориентацию и шанс учиться за границей [4, с.4].

Многие получают степень магистра сразу после окончания бакалавриата. Но это не единственный вариант. Также возможно начать обучение после перерыва в несколько лет. Любой из этих вариантов имеет свои достоинства и недостатки. Рассмотрим некоторые из них.

2.3. Магистратура сразу после бакалавриата

Для многих решение начать обучение в магистратуре сразу после получения диплома бакалавра является наиболее оптимальным. Особенно если за время обучения в бакалавриате формируется чёткое представление о профессиональном будущем, а пройденные стажировки и практики лишь укрепляют учащихся в правильности выбора. Кроме того, темп и ритм жизни, ставший привычным за прошедшие несколько лет, а также приобретённые навыки позволяют быстрее и глубже погрузиться в изучаемые предметы в магистратуре. Успеваемость таких студентов, согласно статистическим данным, высока, однако накопленная за прошедшие годы усталость не позволяет многим получать удовольствие от обучения и лишь повышает желание быстрее получить заветный диплом и начать зарабатывать [5, с. 21].

2.4. Магистратура после промежуточного года

Промежуточный год между бакалавриатом и магистратурой может оказаться чрезвычайно полезным. Вот лишь некоторые примеры: стажировки, языковые курсы, волонтерство, оплачиваемая работа или путешествия. В лучшем случае можно сочетать несколько возможностей. Рабо-

тодатели обычно положительно оценивают промежуточный год между бакалавриатом и магистратурой, если он документально подтверждён языковым сертификатом, письмом от волонтерской или социальной организации и так далее. Например, в Германии существует даже специальный термин «социальный год», который является важным пунктом в резюме и даёт преимущество при устройстве на работу.

2.5. Практические аспекты обучения в магистратуре

Рассмотрим основные принципы обучения в магистратуре на примере специальности «Немецкий язык как иностранный» Мюнхенского университета им. Людвига и Максимилиана. Магистратура является высшей ступенью высшего образования, следовательно, от обучающегося ожидается владение необходимыми компетенциями. Обучение длится четыре семестра, и лишь в первом из них в расписании имеется предмет «Техника написания научных работ» продолжительностью 30 аудиторных часов, в рамках которого предусмотрен достаточно поверхностный краткий обзор знаний, умений и навыков, который студент может и должен использовать для выполнения курсовых и научных работ. Упомянутая выше логика обучения «гимназия - бакалавриат - магистратура» касается, в первую очередь тех обучающихся, которые закончили гимназию и бакалавриат в Германии. Такие студенты хорошо знакомы с понятиями Handout, Exposé, Poster, Referat и принципами их составления. Студенты, чьё обучение до магистратуры проходило в других, неевропейских странах, сталкиваются с трудностями самостоятельного, вынужденно быстрого освоения правил составления данных видов работ. Наибольший вызов для иностранных студентов представляет собой освоение немецкого научного стиля письма. Имеется целый ряд стилистических, речевых, конструктивных и других особенностей, отличающих немецкий научный стиль от российского или, например, американского. Одно из таковых — принцип цитирования, которому надлежит следовать неукоснительно. Любые отклонения от него чреваты серьёзными последствиями вплоть до неудовлетворительной оценки. Необходимость освоения принципов научного стиля в кратчайшие сроки ставит иностранных студентов в неравное положение по сравнению с магистрантами, имеющими бэкграунд немецкого образования и представляет собой весьма стрессовую ситуацию.

Ещё один аспект, отличающийся от привычного нам, россиянам, способа организации и проведения занятий, заключается в том, что фронтальные формы сведены к минимуму. Для семинаров характерны любые виды групповой работы от свободного обсуждения, дебатов, дискуссий до проектов. Непривычным и сложным для иностранцев и совершенно естественным и уже хорошо отработанным в рамках обучения в гимназии и на бакалавриате выступает отклонение от парадигмы «правильный и неправильный ответ». Обучающийся может высказывать любую точку зрения, если она подкреплена убедительными доказательствами. В качестве таковых принимаются высказывания маститых учёных, экспертов, а также опубликованные результаты проведённых экспериментальных исследований. Неудивительно, что студенты проводят достаточно времени в библиотеках для подготовки к семинарам. Первоисточники — одно из ключевых понятий магистратуры!

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели некоторые вопросы становления и функционирования системы бакалавриата и магистратуры в европейских образовательных реалиях. В заключение следует отметить, что данная система в своём практическом воплощении не является идеальной. За прошедшие двадцать лет её существования она стала более логичной, структурированной, обоснованной. Однако по-прежнему многие аспекты остаются спорными, обсуждаемыми на различных уровнях и требующими принятия определенных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bachelor- und Masterstudiengang in Deutschland <https://www.eu-info.de/leben-wohnen-eu/6509/6599/6683/>

2. Wex P. (2005): Bachelor und Master: Die Grundlagen des neuen Studiensystems in Deutschland. Ein Handbuch. Berlin: Duncker & Humblot, 2005, 449 p.

3. Lörz M., Quast H. Bildungs- und Berufsverläufe mit Bachelor und Master. Wiesbaden: Springer, 2019, 481 p.

4. Fabian G. Hochschulabschlüsse nach Bologna Werdegänge der Bachelor- und Masterabsolvent(inn)en des Prüfungsjahrgangs 2013. Hannover: DZHW, 2016, 254 p.

5. Horndasch S. Master nach Plan. Berlin: Springer, 2017, 145 p.

ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ ЦИФРОВОГО ОБУЧЕНИЯ К ИННОВАЦИОННЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

П. А. Сикацкая (Новосибирск, Россия)

*Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет,*

Новосибирский государственный медицинский университет

Е. Е. Реморова (Новосибирск, Россия)

канд. филол. наук

Новосибирский государственный медицинский университет

С. Н. Гузаевская (Новосибирск, Россия)

канд. филол. наук

Новосибирский государственный медицинский университет

О. А. Краснова (Новосибирск, Россия)

Новосибирский государственный медицинский университет

Аннотация. Статья посвящена проблемам изменений в цифровом образовательном дискурсе. В новой цифровой парадигме отмечается сдвиг от традиционных форм образования к более современным, углублённым формам восприятия информации при помощи различных методик и методологий. Данный процесс отмечается во всех областях гуманитарного знания и ведёт к формированию прогрессивного, практико-ориентированного взгляда на понятия и явления.

Ключевые слова: новая цифровая парадигма, образовательный дискурс, лингводидактика, дистанционное обучение, полипонятийный подход.

1. ВВЕДЕНИЕ

Современный образовательный дискурс подразумевает обращение не только к печатным, но и к электронным источникам. В 2000-х гг. нововведением стал оборот печатных материалов в электронные посредством сканирования и копирайтинга. Во многих источниках этот процесс отмечается термином «цифровая революция» [2, с. 53]. Результатом этого оборота стала трансформация значительной части учебной, специальной и научно-популярной литературы в электронный вид, так что теперь любой материал доступен в сети Интернет практически без ограничений.

Теперь, когда сама информация в цифровом виде перестала быть инновацией, сфера образования требует нововведений внутри этого кластера. На это направлены и многие государственные программы развития ИТ — увеличивается число работников в данной сфере, вводятся курсы программирования для школьного и студенческого звеньев и т. д.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Гуманитарный образовательный дискурс, вопреки всевозможным стереотипам, не является исключением — изменения касаются всех областей гуманитарной науки: от философии до математической лингвистики. В Новосибирском государственном медицинском университете на базе кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации научно-педагогические работники вводят экспериментальные цифровые инновации в электронную образовательную среду. На кафедре преподаётся четыре языка: помимо русского, два иностранных языка — английский и немецкий, — а также мёртвый язык — латинский. Кроме ведения электронного документооборота на сайте университета, учебный процесс также частично переведён в цифровой вид. К примеру, учебные пособия используются студентами на занятиях преимущественно в электронном виде. Однако, как уже было сказано выше, сам электронный вид — это уже не инновация, поэтому мы внедряем в эту сферу новые образовательные технологии, что упрощает и облегчает обучающимся работу по всем перечисленным нами языкам.

Переходу от традиционных форм цифрового обучения к инновационным способствовал пандемийный период, заставивший всех обратиться к технологиям дистанционного обучения [1, с. 30]. Он всё ещё влияет на все сферы человеческой деятельности, поэтому неудивительно, что по окончании т. н. «дистанта» отказ от привычных форм работы с информацией непрогрессивен и непродуктивен. Так, мы использовали в работе платформу QUIZLET для заучивания слов, была введена система дистанционного обучения (СДО) на платформе Moodle, причём все лексические и тестовые материалы на этих платформах ежегодно подвергаются модерации и модернизации. Более того, материалы систематизированы тематически и концептуально, что обеспечивает обучающимся большую простоту, свободу и удобство в обучении. Однако и такие инновации постепенно становятся привычными и прочно закрепляются в образовательных стандартах.

Мы реагируем на это явление новыми практическими заданиями и новыми способами закрепления информации и взаимодействия с ней. Так, в создаваемые учебные пособия нами вносятся гиперссылки и ссылки на видео-, аудио- и текстовые материалы [8, с. 109], по которым студенты могут переходить на интернет-ресурсы и получать информацию в привычном им виде с параллельными комментариями преподавателя. Одним из распространённых постпандемийных способов контакта стали QR-коды. Маркетинговая сфера, телевидение и журналистика стали первыми областями, где стал применяться этот способ взаимодействия с адресатом [6, с. 2]. Постепенно QR-коды входят и в образовательную сферу. Мы также включаем QR-коды в свои учебные пособия.

Стоит отметить, что образовательный дискурс включает в себя цифровой аспект не только как формальный способ преподнесения информации. Многие содержательные, семантические и смысловые компоненты также подвергаются цифровой обработке и вследствие этого становятся более понятно воспринимаемыми и когнитивно удобными. Такое взаимодействие технических и гуманитарных областей является особенно сложным и интересным, поскольку междисциплинарные связи такого рода редки и трудоёмки. В значительной степени это касается переводческой сферы. Машинный перевод всё ещё неидеален и нескоро станет идеальным, поэтому матлингвистами используются нейросети и большие базы данных для приближения искусственного интеллекта автопереводчика к человеческому интеллекту. Высок потенциал корпусной лингвистики, которая также позволяет эффективно работать с большими объёмами данных [4, с. 121]. Однако автоматические системы всё ещё неэффективны в переводе, поэтому имеют место полуавтоматические методы выполнения перевода, где процесс частично контролируется человеком. Такие методики позволяют даже оценивать процентиль переводческой эквивалентности [5, с. 184].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом образовательная система переходит от узкоспециальных факторов (специализированной терминологии, дидактики, тематики) к широкоспециальным. В философии науки такой подход называется полипонятийным [3, с. 53]. Полипонятийный подход используется для рассмотрения понятий в коллокации, в единстве, в классификации [7, с. 79], что позволяет с разных сторон изучить терминосистемы, концепты и концептосферы. Существуют даже концепты в рамках определённой личности и её вклада в развитие конкретной сферы [9, с. 213]. Внутри

понятийных единств и термины, и иные лексические пласты языка объединяются в функционирующие поля, в которые входят и дихотомии, и бинарные связи между словами.

Таким образом, и способы работы с информацией, и содержательная сторона в современных условиях качественно изменились, что не может не влиять на общую картину современного образовательного дискурса. Однако, на наш взгляд, большинство этих изменений ведут к прогрессу и развитию как образовательной, так и научной сред.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богачанова Т.Д. Проведение занятий по дисциплинам «Латинский язык», «Основы латинского языка с медицинской терминологией» в условиях дистанционного обучения / Т.Д. Богачанова, Е.Е. Реморова, Г.А. Медникова // Непрерывное профессиональное образование: теория и практика: Материалы X Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 29 мая 2020 года. Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2020. С. 27-34.

2. Варнакова Н.А. Способы восприятия информации обучающимися в процессе преподавания иностранного языка в дистанционном формате / Н.А. Варнакова, К.А. Левчук, И.В. Попова, А.Д. Иванова // Лингвистика и образование. 2022. Т. 2. № 2(6). С. 51-61.

3. Извекова Т.Ф. Проблема взаимосвязи веры и знания в контексте двух теоретико-методологических подходов - традиционного (бинарного) и нового (полипонятийного). О новом, полипонятийном теоретико-методологическом подходе философского решения проблемы взаимосвязи веры и знания: его сущность и теоретико-познавательные возможности / Т. Ф. Извекова // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2020. № 1(259). С. 53-58.

4. Лаврентьев А.М. Корпусная лингвистика: идеология, методы, технологии / А.М. Лаврентьев // Сибирский филологический журнал. 2004. № 3-4. С. 121-134.

5. Сикацкая П.А. Измерение семантической эквивалентности перевода поэтического текста / П.А. Сикацкая // Литературоведение. Прикладная лингвистика. языкознание: материалы 59-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 12–23 апреля 2021 года. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2021. С. 183-184.

6. Соколова Ю.В. Оценка готовности педагогических кадров российских технических вузов к применению информационных технологий в новой цифровой парадигме / Ю.В Соколова, О.А. Чалова // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 4.

7. Черединова О.В. Классификация и перевод сокращений, используемых в научной медицинской литературе / О.В. Черединова, О.А. Краснова, М.Н. Романькова, Л.В. Токарева // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине. 2021. № 4. С. 79-87.

8. Шабалина Л.А. Интернет-ресурсы в обучении русскому языку как иностранному / Л.А. Шабалина, К.А. Втюрина // Актуальные вопросы образования. 2020. Т. 1. С. 108-111.

9. Яо С. Творчество Феофана Затворника: философско-педагогические и лингвистические традиции / С. Яо, И.А. Реморов // Глобальный научный потенциал. 2020. № 11(116). С. 210-213.

УДК 8130.12

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ С УЧЁТОМ ТРАДИЦИЙ «РУССКОГО МЕТОДА» ОБУЧЕНИЯ ИНЖЕНЕРОВ

В.П. Соколов (Москва, Россия)

доктор техн. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

К.А. Соколов (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

Д.А. Залевский (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

Аннотация. На снижение результативности инженерной деятельности в нашей стране в настоящее время оказывают влияние много различных факторов, одним из главных среди них является то, что инженерное образование и реальная инженерная деятельность в последнее время очень сильно расходятся, и это расхождение продолжает увеличиваться. Возвращение в современных условиях к практико-ориентированной технологии обучения инженеров в технических университетах с учетом подходов и традиций широко известного в прошедших XIX и XX веках «русского метода», который с неизменным успехом представлялся Россией на многочисленных международных выставках, изучался и копировался многими

зарубежными институтами, возможно, но это требует серьёзных исследований и переосмысления при определении существующих проблем и возможных перспектив инженерного образования.

Ключевые слова: инженерная деятельность, практико-ориентированная технология, обучение инженеров, «русский метод», стандарты CDIO, практическое обучение, интеллектуальные ресурсы

1. ВВЕДЕНИЕ

«... не может существовать истин ни столь отдалённых,
чтобы они были не достижимы,
ни столь сокровенных,
чтобы нельзя было их раскрыть ...»

Рене Декарт

Прошедший XX век и начало XXI века можно считать благоприятным периодом развития науки, техники и высоких технологий.

В это время человечество добилось значительных успехов в различных отраслях, включая:

- освоение атомной энергии;
- создание электронных вычислительных машин и развитие новых информационных технологий;
- освоение космического пространства и различных видов космической деятельности;
- создание эффективных систем транспорта и коммуникаций.

В то же время следует отметить, что темпы освоения инновационных технологий в XXI веке, особенно в нашей стране, существенно замедлились.

Экономический рост стран и цивилизаций определяется в основном темпами научно-технического прогресса. Передовые государства на основе анализа достижений науки и техники и прогнозов развития выделяют приоритетные направления и набор критических технологий. В нашей стране приоритеты научно-технического развития своевременно определены, многие из них относятся к предметным областям Национального исследовательского университета «МЭИ».

Для ускорения развития в соответствии с прогнозами существенное значение имеет квалификация научных и инженерных кадров, и их готовность к решению практических задач. Поэтому в настоящее время в сложившихся условиях и в наукоёмкой промышленности, и в университетах обеспокоены проблемами и перспективами инженерного образования.

2. ИЗМЕНЕНИЯ В ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ИНЖЕНЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Инженерная деятельность – это творческий процесс решения инженерных задач, большинство из которых направлены на определение перехода на основе научных достижений с помощью технических средств из начального состояния объектов и процессов в последующее (промежуточное или конечное) состояние. Причём каждая инженерная задача имеет несколько вариантов решения. Необходимо отметить, что если нет различных способов достижения требуемых результатов, определяемых техническим заданием, то нет и инженерной задачи, и если все возможные решения по основным показателям качества и технико-экономическим оценкам одинаковы, то и в этом случае инженерная задача не существует. Основной признак, по которому выбирается предпочтительное (рациональное или оптимальное) решение из множества возможных, называется критерием.

При решении многих задач инженер часто сталкивается с противоречивыми требованиями, удовлетворить которые одновременно невозможно, поэтому выполняется поиск компромиссных решений. При этом ситуация осложняется тем, что противоречивые требования сложно, а зачастую и просто невозможно, измерить в одних и тех же единицах и сравнить, а также отдать предпочтение одному из требований, рассматривая его как критерий.

Подводя некоторые промежуточные итоги, необходимые для анализа существующих проблем и определения перспектив инженерного образования, как основного источника созидательного интеллектуального ресурса, кратко сформулируем основные различия между научной и инженерной деятельностью, а также между учёным и инженером по процессам и результатам работы. Процесс работы учёного – изучение, познание, а цель этого процесса – открытие нового. Процесс работы инженера – проектирование, реализация, созидание, цель этой деятельности – создание полезного и экономически целесообразного. Результат работы учёного – знания и рекомендации по их применению. Результат работы инженера – процессы и устройства для удовлетворения потребностей общества, причем эти потребности зачастую распознаёт и формулирует сам инженер. Учёный изучает то, что уже существует, а инженер создаёт то, чего ещё никогда не было.

Инженер не только применяет научные результаты на практике, он ищет решение задачи и тогда, когда наука ещё не дала ответа, применяя

для поиска решений здравый смысл, изобретательность и интуицию в ходе теоретического анализа и экспериментов.

Для создания сложных систем в ограниченный период времени требуется привлечение коллективов исполнителей, работающих параллельно, а так как жизненный цикл сложных систем длительный, а инженерные решения многовариантные, процессы инженерной деятельности становятся итерационными.

3. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И МОДЕЛИ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Одним из эффективных подходов к инженерному образованию, который признаётся и развивается в нашей стране и за рубежом, является «русский метод» обучения инженеров, основы которого заложены в 70-х годах XIX века в Императорском московском техническом училище, позднее в советский период – МВТУ имени Н.Э. Баумана, а в настоящее время – МГТУ имени Н.Э. Баумана [2].

Последователем в применении и развитии «русского метода» обучения инженеров за рубежом в XX веке стал Массачусетский технологический институт (США).

В 40-е годы XX века был создан Московский физико-технический институт, успешно практикующий и в настоящее время раннее вовлечение студентов в научно-производственную деятельность. «Система Физтеха» может рассматриваться как дальнейшее развитие «русского метода» для кадрового сопровождения процессов создания и исследования сложных и наукоёмких технических объектов. Опыт МВТУ и МФТИ учитывался при создании Московского энергетического института, Московского авиационного института, Томского политехнического института и ряда других институтов, ориентированных на подготовку инженерных кадров передовых отраслей промышленности.

Практико-ориентированное инженерное образование может реализовываться разными способами. Одним из которых является «контекстное обучение», когда мотивация к усвоению теоретических знаний усиливается за счет связи между конкретным знанием и его применением. Этот метод является достаточно эффективным, так как аспект применения является для студентов критически важным. Гораздо сложнее запоминать информацию, которая никак не связана с практическими навыками, гораздо лучше воспринимаются и запоминаются конкретные, связанные с практической деятельностью знания. Еще одним способом свя-

зи обучения с инженерной деятельностью является «обучение на основе опыта», когда студенты имеют возможность ассоциировать свой собственный опыт с предметом изучения. Данный подход считается методом активного обучения, поскольку в центре внимания находится студент, приобретающий знания через практическую деятельность.

За рубежом практико-ориентированная технология инженерного образования в настоящее время реализуется в рамках Всемирной инициативы CDIO (Conceive – Design – Implement – Operate, Придумывай – Разрабатывай – Внедряй – Управляй. или, так называемая, 4П: Планировать – Проектировать – Производить – Применять).

В двенадцати стандартах Всемирной инициативы CDIO определены специальные требования к подходам CDIO, которые могут выступать руководством для реформирования и оценки образовательных программ в области техники и технологий, создавать условия для их непрерывного улучшения и интеграции в мировое образовательное пространство. В основу концепции CDIO заложена подготовка студентов к инженерной деятельности в соответствии с моделью 4П «Планировать – Проектировать – Производить – Применять» реальные объекты и процессы их производства на международном рынке. Этот международный проект направлен на устранение противоречий между теорией и практикой в инженерном образовании. Новый подход предполагает усиление практической направленности обучения, а также введение системы проблемного и проектного обучения. В настоящее время к Всемирной инициативе CDIO присоединились свыше 70 высших учебных заведений из 25 стран мира, включая Национальный исследовательский Томский политехнический университет [1].

4. АДАПТАЦИЯ К СЛОЖИВШИМСЯ УСЛОВИЯМ

Объекты проектирования и производства наукоемких отраслей экономики постоянно совершенствуются и усложняются как по структуре, так и по алгоритмам функционирования, что к настоящему моменту привело к невозможности их реализации прежними методами с заданной эффективностью и в приемлемые сроки, поэтому для инженерного образования, как основного источника формирования созидательного инновационного потенциала страны нет альтернативы.

В производстве технических объектов в настоящее время преобладают средства технологического оснащения с цифровым управлением, что предопределяет цифровые методы представления описаний технических объектов и технологических процессов, безбумажные технологии и без-

людное производство, требует новых форм и методов интеграции проектирования и производства, а следовательно, и методов организации коллективной работы специалистов, владеющих современными технологиями.

Повышение сложности технических объектов не позволяет разделить процесс проектирования на отдельные задачи, решаемые узкими специалистами, что требует для подготовки инженеров расширения предметной области инженерного образования с сохранением взаимодействия различных методов и подходов на основе сопоставления технических заданий и показателей качества в процессе функционально-стоимостного анализа, определения полезности и целесообразности.

Изменились системы коммуникации и современные информационные технологии, которые позволяют создавать и использовать базы данных и базы знаний в различных предметных областях, имеющие как теоретическое значение, так и практическое использование.

Переход на инновационный путь развития требует подготовки инженерных кадров способных адаптироваться к реальным техническим и производственным условиям, умеющим решать практические задачи не только в предметной области полученной специальности, но и в смежных областях техники и технологии, воспринимающих научные достижения и изобретения, подготовленные к различным видам деятельности: исследовательской, конструкторской, производственной, эксплуатационной.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный инженер, готовый к работе в промышленности, малом и среднем бизнесе – это высококвалифицированный специалист с широким набором знаний и умений как в области естественных наук, математики, специальных технических дисциплин, так и владеющий ИТ-технологиями, способный к освоению технических и технологических инноваций.

Быстрое развитие наукоемких отраслей промышленности повышает потребность в инженерных кадрах, поставщиками которых являются высшие учебные заведения, осуществляющие подготовку студентов и аспирантов, научных работников и преподавателей.

Совершенствуя практическую составляющую в учебных планах профильных направлений подготовки, технические университеты могут не только выполнять задачу кадрового обеспечения, но и оказывать разнообразные научно-технические и образовательные услуги предприятиям. Для усиления практической составляющей инженерного образования

и актуализации образовательных программ следует предпринять ряд шагов, главными из которых являются:

- повышение качества производственных практик студентов;
- своевременное обновление лабораторных стендов;
- стажировки и курсы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава на профильных предприятиях;
- усиление связей вузов с промышленностью.

Привлечение обучающихся в магистратуре и аспирантуре к профессиональной инженерной деятельности на профильных предприятиях, студенческих конструкторских бюро и в научно-технических проектах вуза способно принести существенную пользу как промышленности, так и инженерному образованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всемирная инициатива CDIO. Стандарты: информационно-методическое издание / Пер. с англ. и ред. А.И. Чучалина, Т.С. Петровской, Е.С. Кулюкиной; Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. 17 с.

2. Федоров И.Б., Павлихин Г.П. Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана. 175 лет. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2005. 352 с.: ил.

УДК 372.81

ВУЗОВСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В.В. Хоминская (Москва, Россия)

канд. филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

Аннотация. Статья посвящена обоснованию значимости преподавания философии для студентов вузов в условиях современных технологических и социокультурных трансформаций. Особое внимание обращается на проблему культуuroобразующего характера образования. В статье обсуждаются способы формирования у студентов общекультурных и социальных качеств в ходе изучения философии, место и

роль философии в современном техническом образовании, общезначимость философской дисциплины для индивидуально-личностного развития человека, имеющего определённые мировоззренческие установки, культурно и нравственно развитого, способного реализовать себя в современных условиях.

Ключевые слова: философия, культура, образование, философия образования, социокультурные трансформации, развитие личности, воспитание.

1. ВВЕДЕНИЕ

Современная динамика общественного развития характеризуется глубокими изменениями естественнонаучного, экономического, технического, социокультурного характера. В обществе будущего, которое сегодня называют цифровым, техногенным, технократический императив становится вектором социального развития. В условиях глубоких социокультурных трансформаций актуализируются проблемы философского осмысления происходящего в мире и современном человеке.

Не случайно сегодня в орбите научного обсуждения и анализа оказываются такие вопросы как особенности современного этапа антропологического кризиса, социальные и гуманитарные риски в условиях технической экспансии, проблемы социальных трансформаций в технократическом обществе, связанные с изменениями культуры и развитием науки и техники. Этим вопросам была посвящена Международная конференция «Субъект и ответственность: природа, общество, культура», проходившая 6-8 октября 2022 года в ВШЭ.

В ситуации глубоких противоречий технологического и социокультурного развития общества эти проблемы переносятся из области теоретической полемики в область практики.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В свою очередь, это ставит новые задачи в сфере образования. В условиях длительного и масштабного эксперимента по реформированию отечественного образования сложилась острая необходимость обсуждения его соответствия современным потребностям. «В сегодняшний момент существования/становления российского государства задачи образования и воспитания – это, в первую очередь, культурная социализация и формирование человека соответственно сущности, нуждам и перспективам общества и эволюции самой жизни в XXI веке» [8, с. 29].

Именно образование сегодня определяет основной вектор становления личности, её социального (гражданского) и культурного (нравственного, эстетического и духовного) развития. В этих условиях с особой остротой встают вопросы ценностных приоритетов в образовательной деятельности, которые, как об этом свидетельствуют современные дискуссии, связаны с проблемами сохранения собственного социокультурного и образовательного пространства.

В современном мире в условиях глобальной универсализации всех сфер жизнедеятельности происходят глубокие изменения социально-экономического характера, а также масштабные социокультурные трансформации, которые затронули образование и неизбежно требуют выработки новых стратегий образовательной деятельности, соответствующих современным реалиям.

Поскольку образование - это сфера не только трансляции знаний, но и институт социализации, процесс социального и культурного становления человека, необходим поиск новых путей развития образовательной системы, ориентированной на формирование личности, способной к творческой, созидательной работе, готовой к адаптации в условиях быстрых перемен не только социокультурной среды, но и своей жизнедеятельности,

В условиях техногенных и социокультурных трансформаций изменяется и высшее инженерно-техническое образование, его цели и задачи. В осмыслении и выработке стратегии национального развития сегодня остро стоят вопросы интеграции инженерно-технического и гуманитарного образования. В связи с этим активно обсуждаются и дискутируются как в целом вопросы современного образования, так и проблемы преподавания философии в высших технических учебных заведениях. Предметом обсуждения являются цели, содержание, методы преподавания философии, её роли в вузовском учебно-воспитательном процессе.

Авторы современных публикаций, говоря о задачах преподавания философии, указывают на необходимость развития общей социо-гуманитарной культуры, формировании критического мышления, креативности, развитии способности к аргументации и умения анализировать сложные явления современной действительности. Изучение философии активизирует мыслительную деятельность в поиске смыслов происходящего, ибо, как выразился современный философ (Ф.Гиренок), «только тот, кто понимает, что происходит в философии, понимает, что происходит в мире».

Делая акцент на мировоззренческом аспекте философии, её фундаментальной мировоззренческой функции, в то же время, следует особо

выделить роль философии в культурной социализации личности. Формирование культуры молодого человека несомненно сопряжено с задачами преподавания философии. Более того, перспективы образовательной деятельности в целом связаны с тем, что образование следует рассматривать как процесс вхождения личности в мир культурных ценностей. «Образование призвано обеспечить связь поколений, сохраняя и передавая культурный опыт, накопленный человечеством. Одной из главных задач модернизации образования является возврат ему главной функции – культурной» [8, с. 29].

Особенности современных образовательных стратегий и специфика развития образовательных систем в сегодняшнем мире глобализации и социокультурных трансформаций связаны с кардинальными техническими и технологическими изменениями, тотальной цифровизацией. Не случайно на Международной научно-практической конференции (проходившей в МГУ 13 октября 2022 года) «Метавселенная: будущее науки и образования» предметом научного обсуждения становится такой вопрос как «возможные риски использования новых технологий в образовании».

В этих условиях актуализируется задача определения места и роли философии в образовании (в том числе, инженерно-техническом), ибо именно философия способствует формированию мировоззрения, широты мышления, развитию культурного потенциала.

Важный вопрос, касающийся особенностей современного преподавания философии, связан с тем, что мы живём в условиях становления глобального коммуникационного пространства и доминирования виртуальной коммуникации. Электронная культура порождает как коммуникативные, так и психологические проблемы. Коммуникативные проблемы преподавания философии связаны не только с необходимостью убедительной философской аргументации, но и с эмоциональным уровнем её восприятия студентами. По существу, речь идёт о том, что учебный процесс, который выступает как межличностный процесс общения преподавателя и студента, является не только процессом обучения, но и воспитательным процессом.

В то же время, следует отметить, что одним из поворотных пунктов, которые составили основу изменений, происходящих в современном образовании, считается отказ от «так называемой педагогической модели». Авторы публикаций, касающихся этой проблемы, позитивно оценивают отказ от этой «уходящей модели» образования как передачи знаний: «педагогические технологии постепенно отходят от непосредственного контакта «лицо в лицо», точнее от контакта без использования тех-

нических средств коммуникации». Одновременно с этим новая модель организации образования характеризуется как диалог двух автономных и равноценных субъектов [3].

В связи с этим следует отметить, что диалог в процессе образования можно трактовать по-разному. Так, новые образовательные технологии, бурное развитие онлайн-образования породили иллюзию, что формат живой лекции по философии (шире - по гуманитарным дисциплинам) становится неактуальным. Этой проблеме большое внимание уделено В.В. Мироновым, который считал, что в онлайн-образовании исчезает диалог и живое общение «глаза в глаза» преподавателя и студента, когда «важной оказывается и интонация, и даже образ говорящего». В дискуссиях на эту тему он подчёркивал, что онлайн-образование можно рассматривать только как дополнительное, если рассматривать его как передачу информации. «Но если воспринимать образование одновременно и как воспитание, погружение в культуру, то лекция необходима, более того, её значение со временем будет возрастать» [9, с. 51].

Что касается философии, то в процессе формирования человека, его образования и воспитания (подчеркнём это) миссия философии состоит в том, чтобы задавать ценностную мотивацию его деятельности, открывать ему пространство смыслов культуры. Какую роль в этом процессе играет живое общение преподавателя и студента? В условиях современной виртуальной коммуникации этот вопрос обретает особую актуальность. Если исходить из того, что стержнем культуры является язык, то процесс преподавания философии в значительной степени сопряжён с особенностями и значением живого устного восприятия и с живой устной речью преподавателя. Не менее важным является устное высказывание самого студента. Его навыки могут и должны развиваться на семинарских занятиях по философии.

Известно, что устная речь большинства современных студентов не отличается богатством, более того, молодые люди испытывают определённые трудности в устном высказывании. Образовательное поле гуманитарных наук, и прежде всего, философии, может и должно стать основой для выработки свободы словесного выражения. Это представляется чрезвычайно актуальным, поскольку сегодня особую значимость имеют вопросы сохранения языковой самобытности как защиты отечественной культуры от псевдокультуры, антикультуры, когда искажаются нормы русского литературного языка, который, образно говоря, оказался «на грани нервного срыва».

Представляется, что как бы современные «педагогические технологии» не совершенствовались и не развивались, данный вопрос должен

оставаться в поле зрения при обсуждении проблем преподавания философии и гуманитарных наук не только в технических вузах.

И он таковым остаётся. Не случайно вузовские педагоги обращают особое внимание на проблемы речевой культуры современных студентов, их умение, а скорее неумение логически стройно аргументировать свою позицию, скудость речи, плохое знание или искажение норм литературного языка. В плане развития творческого мышления будущего инженера практической задачей преподавания философии становится повышение речевой культуры студента, овладение терминологическим аппаратом и свободой высказывания в области философского знания.

Справедливо, что эта проблема современными вузовскими преподавателями связывается с другими проблемами и особенностями преподавания философии в технических вузах. Главная из этих проблем - снижение общего культурного уровня студентов. У студентов технических специальностей практически отсутствует культура чтения гуманитарной литературы, в том числе, классической прозы и поэзии, а это влечёт за собой отсутствие опыта работы с текстом. В связи с этим преподавание философии становится пространством формирования культуры. Если понимать философию как «самосознание культуры», в условиях, когда доминирует электронная культура, клиповое мышление, это представляется чрезвычайно актуальным.

Что касается современных публикаций, то в них не только широко обсуждаются актуальные проблемы вузовской философии, но и высказываются разные точки зрения на такие вопросы как: «что преподавать?», «как преподавать?» «зачем преподавать?»

Дискуссии на тему преподавания философии (шире – гуманитарных дисциплин) идут уже давно, они продолжаются, а возможно, и разгораются с новой силой в современных условиях глобализации и культурных трансформаций. Одним из важных аспектов этих дискуссий является поиск взаимосвязи между целями, условиями, содержанием и методами преподавания философии, в особенности, в непрофильных – технических – ВУЗах.

Роли философии как способе формирования духовности студентов технических вузов уделено внимание в статье Безклубой С.А. Автор подчёркивает важность этой проблемы в условиях стремительных изменений жизни, ускорения процессов коммуникации, когда человек отрывается от культурной традиции и часто оказывается в состоянии неопределённости. В этом плане для современного молодого человека чрезвычайно важна возможность, изучая философию, сформировать и сохранить принцип целостности своего восприятия мира [2].

В ряде публикаций обращается внимание на необходимость формирования общекультурных компетенций, содержание которых составляет не только знание понятийного аппарата и особенностей философского понимания мира, но, прежде всего, способность к творческому мышлению, свободному поиску истины, критическому анализу.

В этом же плане современные педагоги делают акцент на творческом аспекте как преподавания философии, так и участия студентов в этом процессе. Это могут быть своего рода философские диспуты, когда необходимо высказывать свою точку зрения по различным философским проблемам. В свою очередь, это способствует развитию культуры устной речи, умения находить убедительные аргументы для отстаивания собственной позиции в дискуссии. Формирование навыков ведения дискуссии рассматривается как актуальная необходимость для будущей профессиональной деятельности.

Одним из самых обсуждаемых вопросов является вопрос «что преподавать?». Речь идёт о содержании курса философии в высших технических учебных заведениях, о том, какое место в этом курсе должна занимать история философии. Во многих публикациях подчёркивается необходимость и бесспорная целесообразность работы студентов с историко-философскими текстами, «без которой изучение философии просто невыполнимо». Изучение историко-философского материала рассматривается как одна из стратегий преподавания философии в высшей школе [7].

В то же время в ряде публикаций предлагается конкретная структура дисциплины: Предмет философии как проблема. Многообразие современных философских практик. Философия познания. Проблема человека в философии (философская антропология). Социальная философия [5; 7].

Живые дискуссии по поводу содержания вузовского курса философии свидетельствуют об актуальности и важности этого вопроса. Но следует понимать, что не существует самой лучшей, раз и навсегда данной, структуры построения курса философии для технических вузов, всегда будут в каждой из них свои преимущества и недостатки. Программы и методики преподавания постоянно совершенствуются и находятся в поле обсуждения. Они дают богатый материал как для теоретического осмысления, так и его практического применения.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном случае представлялось важным сделать акцент на проблеме места философии в современном техническом образовании, общезначимости философской дисциплины для индивидуально-

личностного развития человека, рассматривая этот вопрос в контексте проблемы культуuroобразующего характера образования.

В этой связи особое внимание обращается на такой важный аспект образования как его культурно-историческая миссия. Именно философия как одна из наиболее значимых гуманитарных дисциплин является основным инструментом для ответа на вопрос о месте и роли культуры в формировании и развитии личности человека, равно как и значения образования в развитии культуры общества. Философия призвана формировать не просто человека, а человека, живущего в конкретном обществе, имеющего определённые мировоззренческие установки, культурно и нравственно развитого, способного реализовать себя в условиях современных социокультурных трансформаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахромеева Ю.А. Особенности преподавания философии в техническом вузе // Вестник ВГАСУ. – Воронеж. - 2015. - №3 (7) С.31-74

2. Безклубая С.А. Философия в техническом вузе как способ формирования духовности студенческой молодежи // Человеческий капитал. – 2019. - №3. С.88-98

3. Брызгалина Е.В., Прохода В.А. О критериях оценки педагогической деятельности преподавателя в контексте управления качеством образования / Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №6, 2012. С.45-59

4. Гаранина О.Д. Инновационные технологии преподавания философии в техническом вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 4

5. Гусева Е.А., Панфилова М.И. К дискуссии о вузовской философии: что, как, зачем // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 2. С. 69-78.

6. Иванова А.С. Специфика преподавания философии в техническом университете // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. - 2015. - № 5 (15)

7. Карелин В.М., Кузнецова Н.И., Грифцова И.Н. «Философия» как учебный курс: смена концепта // Высшее образование в России. 2017. № 10 (216). С. 64-74

8. Мандель Б.Р. Философия образования: учебное пособие для обучающихся в магистратуре – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. – 501 с.

9. Миронов В.В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации — СПб. : СПбГУП, 2019 — 60 с.

О ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНАХ ПО МАТЕМАТИКЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Е.В. Чайкина (Москва, Россия)

канд. пед. наук

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Аннотация. Констатируется недостаточное качество подготовки школьников к обучению в вузе. Рассматриваются особенности внутренних вступительных испытаний вуза по математике. Проводится анализ результатов письменного экзамена по математике, представленный в виде диаграммы. Выделяются наиболее трудные задания и приводится пример одного из них. Перечисляются основные темы курса школьной математики, вызывающих трудности у абитуриентов. Предлагаются пути преодоления проблем обучения школьников и студентов путём преемственности школы и вуза, модернизации школьных программ и учебников.

Ключевые слова: абитуриенты, вступительные испытания, дистанционное обучение, предметная комиссия, математика, экзамен.

1. ВВЕДЕНИЕ

Приёмная кампания высших учебных заведений в этом году столкнулась с особенными абитуриентами - заложниками дистанционного обучения. На протяжении двух последних лет школьникам практически всего мира пришлось столкнуться с вызовами новой реальности и учиться в условиях всемирной пандемии. Дистанционное обучение не является абсолютно новым в педагогике и в различных его проявлениях применялось как в школах, так и в вузах. Однако оно было частичным и не являлось полностью заменителем традиционного обучения, с которым пришлось столкнуться всем нам в условиях самоизоляции. Несмотря на самоотверженные попытки педагогического сообщества приблизить новый формат обучения к привычному очному, выявились все проблемы такой формы обучения, и вместе с тем, широкие массы школьников, не освоивших в достаточной мере школьную программу старших классов, что отразилось и на вступительных испытаниях.

Некоторые вопросы, связанные с проблемами преподавания математических дисциплин в средней и высшей школах, исследованы в работах Е.С. Брекоткиной, Папазовой Е.Н., Гулаковой М.Г. и др [1,2]. Авторы отмечают, что в последние годы преподаватели высшей школы сталки-

ваются с такой проблемой, как низкая математическая подготовка абитуриентов, а впоследствии – студентов. Такие студенты не в состоянии воспринимать материал, предусмотренный образовательными программами высшей школы, а преподаватели не могут обеспечить формирование необходимых компетенций.

Целью нашего исследования явилось изучение качества подготовки сегодняшних абитуриентов и на основе этого определить цели и задачи взаимодействия школы и вуза для улучшения качества подготовки поступающих и, впоследствии, будущих студентов.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

2.1. Основные моменты вступительных испытаний

Наряду с общепринятым форматом зачисления по Единому Государственному Экзамену, вузы зачисляют некоторые категории студентов по своим внутренним экзаменам (это могут быть абитуриенты, которые не писали ЕГЭ, иностранцы или абитуриенты после среднего технического образования). В этом году в Московском институте электронной техники предметная комиссия по математике формировалась на базе Института физики и прикладной математики. Вступительное испытание состояло из письменного экзамена по математике, длительностью 2,5 астрономических часа. Экзаменационные билеты строились с учётом школьного курса математики и охватывали основные разделы школьной математики независимо от того, в каком профиле учился школьник. Проверялись только базовые знания по математике, которые обязана была сформировать самая заурядная общеобразовательная школа. Упор был на задания из школьной алгебры и только два задания по геометрии и стереометрии (по 1 на каждую дисциплину), одна задача из раздела теории вероятностей, что соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования [3], а именно: владение стандартными приёмами решения рациональных и иррациональных, показательных, степенных, тригонометрических уравнений и неравенств, их систем; владение основными понятиями о плоских и пространственных геометрических фигурах, их основных свойствах; сформированность представлений о процессах и явлениях, имеющих вероятностный характер, об основных понятиях элементарной теории вероятностей; умений находить и оценивать вероятности наступления событий в простейших практических ситуациях.

Во вступительных испытаниях принимали участие абитуриенты из Молдовы, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и небольшое количество представителей дальнего зарубежья, были поступающие и из России, либо после училищ, либо те, кто не писал Единый Государственный Экзамен по каким-либо причинам. Бланк заданий состоял из 18 заданий: задача на целые числа, вычисление числового выражения, диаграмма, рациональное неравенство, показательное уравнение, система алгебраических уравнений, задача на вероятность, логарифмическое уравнение, задача на проценты, арифметическая и геометрическая прогрессия, графическое задание на производную, планиметрия, уравнение с модулем, текстовая задача на движение, иррациональное неравенство, стереометрия, иррациональное уравнение с тригонометрическими функциями, задача с параметром [4]. Каждая задача имела свой вес и в общей сумме поступающий мог набрать 100 баллов как и на ЕГЭ.

2.2. Анализ результатов работ

Для анализа результатов работ мы случайным образом выбрали испытуемых из одной группы в количестве 27 человек. Анализ результатов работ показан на рисунке 1. По вертикали расположены числа, показывающие количество учащихся, выполнивших каждое задание, по горизонтали - краткое название самого задания. Больше 80 баллов набрали только 8 человек, ниже 40 баллов (что было ниже критического порога) - 6 человек, то есть такие абитуриенты не проходят даже на контрактное обучение. Примерно 10 человек из такой группы уже конкурентоспособны при зачислении на бюджетные места. Если посмотреть на диаграмму, то хорошо видны «выпадающие» задачи.

Рис. 1. Анализ результатов

Вот одна из такой задач, предложенной на экзамене: На рисунке 2 изображён график функции, определённой на интервале $(-1; 12)$. Определите количество целых точек, в которых производная функции отрицательна. Оказалось, что более 70 процентов абитуриентов не справились с заданием, так как путали понятие функции и производной.

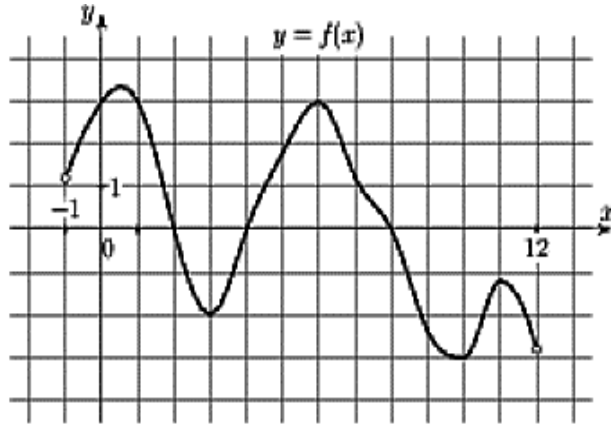

Рис. 2. График функции, заданной на интервале

С задачей с параметрами справился только один человек из всей группы. В иррациональных неравенствах большой процент поступающих не учитывают модуль и пытаются решить задачу сразу, что приводит к неверным рассуждениям и ответу. В логарифмических уравнениях абитуриенты очень часто не пишут область определения функции, что приводит к лишним ответам. Уравнения с модулем также вызвали затруднения, так как не все школы подробно изучают этот раздел, ограничиваясь лишь общим понятием. Радует тот факт, что с задачей на вероятность справились все испытуемые, что говорит о хорошей школьной подготовке этой части математики, ведь с вероятностью школьники уже знакомятся с бго класса. Задача на целые числа тоже оказалась решаемой всеми абитуриентами, такие задачи решаются в средней школе в 5-6 классов, чего не скажешь о вычислении числовых выражений, здесь уже играют роль вычислительные навыки у обучающихся.

2.3. Выявленные проблемы

Нами были выявлены разделы математики, где необходимо более тщательное прорабатывание школьных тем, у школьников слабые навыки счета, последние классы школьники провели в дистанционном формате, поэтому логарифмы и показательные функции знают плохо, не сформированы основные понятия 10-11 классов. Понятие производной изуча-

ется на поверхностном уровне, в основном вычислительные задачи и нет связи между производной и её функцией, а также их графиками. Задачи с параметрами изучаются в основном только в профильных классах или прорабатываются с репетиторами. Стереометрия совсем рассматривается учащимися как предмет, который бессмысленно изучать, по принципу: все равно не решить.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ результатов выявил проблемы школьного образования: недостаточная преемственность школьного и высшего образования, отсутствие единого учебника или программы для централизованного изучения математики. Будущий абитуриент должен получать качественные и актуальные знания независимо от географического положения. Каждая школа, а зачастую и сам учитель может вносить вариации в процесс обучения, что приводит к субъективизму в обучении. Большое количество авторских программ также негативно влияет на процесс обучения, возникают разночтения, несовпадения тем при изучении одного и того же курса даже в одной параллели школьников. Изучение предмета в старших классов нацелено на подготовку к ЕГЭ, а это ведёт в свою очередь к отсутствию целостного восприятия материала, школьники тренируют свои навыки только на определённого вида заданиях, пропуская не менее важные темы. На наш взгляд, одними из путей разрешения проблемы является достаточная просветительская деятельность вузов, профориентационная работа со школьниками, более тесное взаимодействие школы и вуза, проведение занятий преподавателями вуза. Полезным будет знакомство с особенностью обучения в вузе, проведение курсов повышения квалификации для учителей на базе высших школ, коррекция программ и школьных учебников с учётом требований вузов и вызовов нового времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брекоткина Е.С. Социально-экономические проблемы развития системы высшего образования в России / Е.С. Брекоткина // Российское предпринимательство. – 2007. – № 10 (100). – С. 129-134.
2. Папазова Е.Н., Гулакова М.Г. Низкий уровень подготовки абитуриентов по математике как комплексная проблема обучения математики в высшей школе // Дидактика математики: проблемы и исследования. Донецк, 2016, № 44. - С.18-22.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897) <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=2588>.

4. Бардушкин В.В., Кожухов И.Б., Прокофьев А.А., Ревякин А.М., Терещенко А.М. Письменный вступительный экзамен по математике. Серия «Как сдать экзамены» - М.: Лист, 1998. - 288 с.

УДК 378.4

ЭКОСИСТЕМЫЙ ПОДХОД В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

О.А. Чалова (Москва, Россия)

канд.пед.наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. В данной статье рассматриваются дискуссионные аспекты формирования экосистемы высшего образования в современных условиях и само понятие «экосистема». Цель данной работы - рассмотреть пути повышения эффективности обучения в вузе в рамках экосистемного подхода. В статье анализируются основные признаки экосистемы, цифровизация образовательной системы; индивидуализация, на базе построения индивидуальной траектории обучения; междисциплинарность (обучение с помощью нескольких учебных дисциплин), актуальность и разнообразие подходов, направлений, временных рамок, целей, приемов, уровней, этапов, средств, а также обучение длиною в жизнь с учетом потребностей и возможностей всех участников процесса обучения.

Ключевые слова: экосистема, высшее образование, траектория индивидуального обучения, цифровизация.

1. ВВЕДЕНИЕ

Каждая промышленная революция меняет сознание общества и подвергает сильным изменениям его привычный уклад. Так, Четвертая промышленная революция (индустрия 4.0) вносит свой цифровой вклад во все сферы жизнедеятельности, а том числе в образование. Нестандартные приемы в преподавании традиционных дисциплин продиктова-

ны тенденциями современной образовательной парадигмы. Одними из таких тенденций являются обучение длиною в жизнь и цифровизация образовательной среды, которые возможно осуществить в пределах образовательной экосистемы вуза. Выпускники высших учебных заведений должны быть конкурентноспособными специалистами, владеющими не только большим объемом навыков и умений в своей профессиональной области, постоянно улучшающими их, но владеющими гибкими навыками и умениями, стремящиеся постоянно самосовершенствоваться на различных уровнях (личном, местном, государственном и, наконец, планетарном).

Одним из главных условий развития экономики страны – грамотный специалист, который сможет корректно представлять интересы страны на мировой арене, поэтому инвестиции в систему образования окупаются многократно, а при правильном применении полученных знаний и умений приведут к устойчивому развитию всех мировых систем.

Цель данного исследования - рассмотреть некоторые аспекты повышения эффективности обучения в вузе в рамках экосистемного подхода.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Понятие «экосистема» появилось в 1935 году в биологии и включало в себя сообщество независимых организмов, которые комфортно сосуществуют на протяжении всей жизни. Сейчас определение «экосистема» используется довольно часто в различных областях жизнедеятельности, а именно, в финансовой, медицинской, банковской и IT компаниях, но содержание данного термина все еще недостаточно четко сформулировано. Существующая модель образовательной системы высшей школы устарела и претерпевает предсказуемый кризис, так выпускники вузов не владеют практическими навыками и умениями, а следовательно, им сложно, а зачастую невозможно найти работу по своему направлению. Большинство молодых специалистов работают не по специальности, которую получали в вузе и рынок труда не желает видеть «стандартных» специалистов, так как мир стал очень многообразным, сложным и быстро меняющимся. Эти и другие предпосылки подталкивают на перемены в образовательной системе высшего образования. Новая система должна быть гибкой и помогать реализовывать потенциал каждого индивидуума на протяжении всей жизни [2, 4, 6].

На данном этапе рассмотрения экосистемы довольно сложно представить, как все будет работать в сфере образования. Некоторые ученые предлагают опираться на основные признаки экосистемы для продвиже-

ния инноваций. Так, А.В. Уткин и К.В. Шевченко утверждают, что экосистема в образовании должна включать разнообразных участников; предполагают, что обучение будет человекоцентрированным, управление данной образовательной системой не может быть иерархической, обязательное наличие разнообразных ресурсов, в том числе финансовых; интегрирующие системы (платформы и центры знаний), максимальная удовлетворенность и реализация каждого и всей системы благодаря кооперации и общей цели [3, С.182].

В период пандемии вся система образования столкнулось с новым вызовом - частичным или полным переходом на электронные платформы, которые помогли не прерывать процесс обучения. Данный опыт необходимо использовать при интегрировании различных систем.

Цифровизация образования показала возможности получения знаний и передачи информации новым способом, а также помогла обновить кадровый состав преподавателей, которые уже не справлялись в новых условиях. В экосистемном подходе нужды учащихся/работников соответствуют потребностям работодателя/государства, и поэтому весь процесс обучения строится с учетом всех интересов. Один из основателей “Global Education Futures” и эксперт центра трансформации образования Московской школы управления СКОЛКОВО П. Лукша считает, что участникам экосистемы нельзя сверху приказать стать экосистемой. Этот процесс должен проходить добровольно и по обоюдному согласию.

Кроме того, экосистемный подход предполагает переход от коллективного к индивидуальному обучению. Н.Л. Журбенко, О.А. Чалова, О.А. Шейпак, Е.В. Балык строят образовательный процесс в техническом вузе на основе индивидуальной траектории обучения [1, 5]. При данном подходе учитываются личные особенности обучаемого, его образовательная база, а также время и способ обучения.

При экосистемном подходе человек развивается в рамках своих личных потребностей (карьерный рост, зарплата и т.д.), в компании (рост компании), в государстве и мире (см. Рис.1) и получают необходимые знания самостоятельно. Важно отметить, что в настоящее время активно применяется междисциплинарный подход, который позволяет получать необходимые знания и умения с помощью нескольких учебных дисциплин в рамках высшего профессионального образования.

Экосистема образовательной среды вуза должна помочь всем участниками процесса постоянное развитие без отрыва от производства, предлагая широкий спектр компетенций для освоения новых направлений деятельности.

2. Прокофьева Е.Н. Предпосылки развития образовательных экосистем // КПЖ. 2021. №5 (148). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-razvitiya-obrazovatelnyh-ekosistem> (дата обращения: 25.10.2022).

3. Уткин А. В., Шевченко К. В. Экосистемный подход в образовании: от метафоры к методологии и практике // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. №2 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekosistemnyu-podhod-v-obrazovanii-ot-metafory-k-metodologii-i-praktike> (дата обращения: 25.10.2022).

4. Флек М. Б., Угнич Е. А. Профессионально-образовательный кластер как экосистема: развитие в условиях цифровой трансформации // JER. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalno-obrazovatelnyu-klaster-kak-ekosistema-razvitie-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 25.10.2022).

5. Чалова О. А. Разработка технологии индивидуальной траектории обучения иностранному языку в неязыковом вузе с учетом самооценки студента / О. А. Чалова, Н. Л. Журбенко, О. А. Шейпак, Е. В. Балык // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PDMN322.pdf> DOI: 10.15862/11PDMN322

6. Черных С. И. Экосистема образования в условиях цифровых технологий //Современные тенденции развития системы образования. 2018. С. 251-253.

УДК 378.6

ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ЗАНЯТИЙ В ВЕДОМСТВЕННОМ ВУЗЕ ФСИН РОССИИ

М.А. Черезова (Самара, Россия)

канд. филол. наук

Самарский юридический институт ФСИН России

Аннотация. В статье рассматривается опыт междисциплинарного взаимодействия на занятии «История государства и права зарубежных стран «Иностранный язык» в неязыковом ведомственном вузе. Интеграция дисциплин стимулирует изучение заявленных курсов, способствует коммуникативному и социокультурному развитию обучающихся, формирует у них компетенции по нескольким дисциплинам одновременно. Используемые кафедрами института образовательные методики оптими-

зируют совместную деятельность преподавателей и обучающихся и представляют собой действенный стимул в процессе обучения. Проведенное исследование наглядно показывает, что междисциплинарное взаимодействие, реализуемое в рамках указанных курсов, не только активизирует мыслительную деятельность обучающихся, но и повышает их мотивацию к обучению, а также формирует практические умения и навыки, заявленные в компетенциях к изучаемым курсам.

Ключевые слова: междисциплинарное взаимодействие, занятие по иностранному языку, ФСИИ России, компетенции, обучающиеся.

1. ВВЕДЕНИЕ

Многоцелевая установка (формирование целого ряда компетенций в соответствии с ФГОС ВО) подготовки обучающегося к будущей деятельности определяет многоуровневый, а также многопредметный характер современного образования в вузе. Взаимопроникновение учебных дисциплин требует выработки новых подходов в образовательном процессе, в частности к профессиональной подготовке обучающихся ведомственных вузов. В системе высшего образования ФСИИ России эта проблема находит одно из возможных решений в создании интегрированных (междисциплинарных) занятий, поскольку, как нам кажется, содержание образовательного процесса в форме получения готового знания по отдельным дисциплинам не соответствует реальному положению дел на практике в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы России. Проблему формирования целостного знания в своих исследованиях уже затрагивали ряд ученых [Грецкая А.Н., с. 16-19; Кленникова, с. 34-37; Осипова О.И., с. 11-21; Павленкович, с. 23-26; Скобелева О.О., с. 144-147].

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Исходя из формируемых компетенций (ОК-2 - способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития зарубежных стран, их место и роль в современном мире в целях развития гражданской позиции; ОК-3 - способность ориентироваться в политических, социальных и экономических процессах; ОК-5 - способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия) при разработке междисциплинарного занятия «История госу-

дарства и права зарубежных стран - Иностранный язык» по теме «Особенности государственного строя и правовой системы Великобритании в XX веке» были обозначены следующие цели:

- выявить основные тенденции и направления государственного и правового развития Великобритании в XX веке;

- отработать фонетические и лексические навыки речевого общения на английском языке по заявленной теме.

Приведем пример проведения междисциплинарного занятия с выделением нескольких блоков, в каждом из которых прослеживается пересечение деятельностных компонентов в рамках заявленных дисциплин.

Блок № 1 «Монархия в Великобритании» предполагает знакомство с английской монархией как одной из самых влиятельных на мировой арене последних веков. Правившая до недавнего времени королева, Елизавета II, для англичан не просто самый почитаемый монарх, но и часть истории страны, которой подданные гордятся. Для детального изучения функционирования института монархии в Соединенном Королевстве предлагается просмотр фильма на английском языке «The British Commonwealth of Nations» с последующим обсуждением на английском языке и проведением викторины на русском языке «Английские монархи в XX веке». Приведем пример вопроса викторины: Королева Елизавета принадлежит к Виндзорской династии. Кто знает, почему династия так называется?

Блок № 2 «Полиция Великобритании» предлагается изучить при помощи составления кластеров: кластеры (или «грозди») помогают обучающимся выделить большие и более мелкие смысловые единицы, систематизировать информацию об охране общественного порядка в Великобритании. Обучающиеся смотрят фильм «New Scotland Yard» о лондонской полиции. В качестве отправной точки преподавателями был задан кластер «Подразделения Скотланд-Ярда». После просмотра видеоряда обучающиеся презентуют свой вариант разбивки информации на смысловые блоки, дополняя работу товарищей. В качестве итогов обучающиеся самостоятельно объясняют роль и место отделов столичной полиции Лондона, а также всю систему их взаимодействия между собой.

Блок № 3 «Парламент Великобритании» позволяет сформировать представление об устройстве и функционировании английского парламента. Также на данном этапе отрабатываются лексические единицы и языковые клише, необходимые для развития аудитивных навыков и навыков воспроизведения устной речи на английском языке. В ходе изучения данного блока темы предполагается:

– подготовка презентаций (или mind maps) на английском языке на тему «The English Parliament» и их последующее представление перед аудиторией;

– проведение конкурса «Правильно-неправильно», направленного на закрепление полученных знаний по всем блокам в рамках проиллюстрированного материала. Например, вопрос на русском языке: Король, по своему усмотрению, назначает премьер-министра Великобритании из числа лиц, пользующихся его доверием. Или задание на английском языке: Anyone can be a member of the House of Lords by elections.

В конце занятия подводятся итоги, еще раз обозначаются изученные основные тенденции и направления государственного и правового развития Великобритании в XX веке. Преподавателями комментируются и выставляются оценки за активность и качественную работу обучающихся.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в рамках приведенного для иллюстрации междисциплинарного занятия были рассмотрены основные тенденции и направления государственного и правового развития Великобритании в XX в., повторены и закреплены темы, связанные с государственным устройством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии; изучены и отработаны лексические единицы по теме «Особенности государственного строя и правовой системы Великобритании в XX веке». По мнению самих обучающихся, занятия подобного рода помогают установить межпредметные связи, лучше понять прикладной характер получаемых знаний, установить логику прохождения дисциплин в процессе всего обучения в вузе. На кафедре философии и общегуманитарных дисциплин также имеется опыт проведения занятий междисциплинарного плана «Иностранный язык - Религиоведение», «Иностранный язык - Римское право» и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грецкая А. Н. Межпредметные задачи по математике как прием реализации межпредметных связей // Новые направления и концепции в современной науке: сборник научных трудов по материалам V Международной научно-практической конференции. 2019. С. 16-19.

2. Кленикова С. А. Межпредметные связи и межпредметные комплексные задания как средство развития самостоятельности бакалавров

педагогического образования // Актуальные вопросы технологического образования в образовательных учреждениях Московской области: сборник материалов IV региональной научно-практической конференции / Отв. ред. М.Г. Корецкий. 2017. С. 34-37.

3. Осипова О.И., Малкова И.Ю., Михайлова И.В., Евтушенко С.Я. Межпредметная интеграция как базовый компонент формирования межпредметной компетенции // Формирование межпредметной компетенции на уроках русского языка как иностранного: монография. Владивосток, 2020. С. 11-21.

4. Павленкович О.Б. Карикаш В.И., Тамулевич С.В. Ключевые аспекты формирования межпредметных связей в процессе подготовки бакалавров декоративно-прикладного искусства // Современное педагогическое образование. 2021. № 2. С. 23-26.

5. Скобелева О.О. Организация интегрированного занятия иностранного языка и литературы в неязыковом вузе // Казанский педагогический журнал. 2018. № 3 (128). С. 144-147.

УДК 371.398

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ

***В.В. Шаронов** (Москва, Россия)*

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

***М.А. Нагоров**, (Москва, Россия)*

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

***А.Б. Денисова** (Москва, Россия)*

канд. филос. наук,

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. Проблема релевантности онлайн-образования на сегодняшний день обсуждается многими исследователями. Глобальные изменения во всех сферах жизни общества дали мощный толчок развитию и применению дистанционных технологий. Исследователями поднимаются такие вопросы, как качество онлайн-образования и его контроль, обсуждаются достоинства, недостатки и перспективы данного направления. Актуальным остается вопрос сравнения онлайн-образования с традиционным форматом образовательного процесса, выявление преимуществ или недостатков того и другого в определенных аспектах. Несмотря на то, что большинство исследователей сходятся во мнении, что ис-

пользование информационных технологий открывает новые перспективы для повышения эффективности образовательного процесса, однако, это не приводит к выводу о необходимости полного перехода на дистанционный формат обучения. Теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования позволил обобщить существующие мнения и привести их к некому общему знаменателю.

Ключевые слова: онлайн-образование, дистанционное обучение, образовательная платформа, перспективы развития.

1. ВВЕДЕНИЕ

Развитие компьютерных технологий и их внедрение во все сферы жизни общества стало закономерностью в современном мире. Однако, до последнего времени на образование они оказывали не такое явное влияние как на другие отрасли. Пандемия стала триггером, запустившим процессы модернизации образовательных процессов. Важнейшей задачей в этот период была задача обеспечения непрерывности учебного процесса, поэтому все образовательные учреждения перешли на дистанционный формат обучения. Несмотря на то, что сегодня мы вернулись к традиционному формату, нельзя не отметить, что IT-технологии стали оказывать на образовательный процесс в целом гораздо большее влияние.

2. ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

2.1. Обзор существующих исследований и законодательной базы

Дистанционное образование и его характеристики и раньше привлекали внимание многих исследователей. В последние несколько лет эти исследования стали особенно востребованными. В работах рассматриваются разные аспекты онлайн-образования, большое количество трудов посвящено его достоинствам, которые, по мнению многих исследователей, органично вписались в современный образовательный процесс [1], рассматриваются проблемы перспективности онлайн-образования в России, так как данный формат является наиболее амбициозным и многообещающим [3, 4, 6, 8, 9]. Примечателен тот факт, что трудов о рисках дистанционного образования мало, так как некоторые его аспекты до сих пор изучаются на предмет эффективности и целесообразности [5, 7, 10].

На сегодняшний день онлайн-образование существует в дистанционном и смешанном формате. Дистанционный формат предполагает

осуществление образовательного процесса исключительно посредством сети Интернет на определенной образовательной платформе. Смешанный формат обучения предполагает чередование онлайн и офлайн-занятий. На сегодняшний день именно смешанный формат определяется как наиболее эффективный формат обучения [2].

В Российской Федерации существует ряд законов и нормативно-правовых актов, которые регулируют применение дистанционных образовательных технологий. Среди них можно выделить:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ;

2. Приказ Минобрнауки России «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» от 09 января 2014 г. № 2 (зарегистрирован в Минюсте России 04 апреля 2014 г. № 31823);

3. Приказ Минобрнауки России «Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования, реализация образовательных программ по которым не допускается с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий» от 20 января 2014 г. № 22;

4. Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 августа 2017 г. № 816 [9].

Статья 16 Федерального закона «Об образовании в РФ» под названием «Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» определяет следующее: «Под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников».

Наличие законов и нормативно-правовых актов, касающихся онлайн-образования, доказывает значимость данного направления в сфере образования на государственном уровне. Данные документы определяют роль онлайн-образования, его цели и задачи и закрепляют его как один из возможных форматов получения образования.

2.2. Недостатки и достоинства онлайн-формата

Интенсивное развитие и популяризация онлайн-образования обусловлены не только необходимостью соответствовать требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов, но и собственным желанием педагогов модернизировать образовательный процесс, сделать его более эффективным. Однако данные процессы встречают ряд препятствий. Так, Н.А. Шалковская говорит о противоречии между социальной потребностью в подготовке онлайн-курсов и недостаточной технической и методологической поддержкой данного процесса [11]. Ю.М. Цыгалов справедливо отмечает, что дистанционное обучение «не развивает коммуникабельность и навыки командной работы, так как у студента минимальные контакты как с преподавателем, так и другими студентами» [10, с. 63]. С другой стороны, в статье А.Б. Денисовой напротив указывается, что организации групповой работы в дистанционном формате удобнее и эффективнее, чем в традиционном [4, с.30].

В процессе непредвиденного перехода от традиционного формата обучения к дистанционному, исследователями были выявлены следующие недостатки последнего:

- сложности при адаптации учебных материалов к дистанционному формату подачи;
- отсутствие прямого контакта между участниками образовательного процесса;
- низкая степень технической готовности образовательных платформ к массовому переходу на дистанционный формат обучения;
- низкий уровень организации контроля качества образования;
- ухудшение психологического, эмоционального и физического состояний участников образовательного процесса;
- проблема кибербезопасности;
- снижение мотивационного аспекта образовательной деятельности учащихся [8, 9].

Большинство из перечисленных недостатков можно отнести к «технической» сфере, а значит их не так трудно преодолеть. Наиболее

существенными, на наш взгляд являются проблемы, связанные с мотивацией (эта проблема актуальна и для традиционного формата обучения) и коммуникацией (опять-таки проблемы коммуникации характерны в целом для современного поколения).

Несмотря на все вышеизложенные недостатки, онлайн-образование бесспорно обладает и рядом достоинств, и прежде всего, оно отвечает духу времени, современной компьютеризации всех сфер жизни общества, позволяет облегчить процесс получения образования. Некоторые исследователи говорят о том, что достоинства онлайн-образования на сегодняшний день перекрывают его недостатки [4, 5].

Говоря о перспективах развития онлайн-образования, в качестве положительного аспекта хотелось бы выделить возможность применения дистанционного образования в школах, находящихся в сельской местности, а также для учащихся с ограниченными возможностями здоровья. Если в обычных школах дистанционное обучение является лишь дополнением к традиционному, то, к примеру, в сельских школах, где зачастую один учитель ведет несколько учебных предметов, онлайн образование может стать опорой для учащихся. На сегодняшний день, благодаря программе компьютеризации сельских школ, большинство из них обладает достижениями научно-технического прогресса, и учащиеся получают возможность расширять свой кругозор, развивать знания и навыки по всем учебным предметам. Также дистанционный формат обучения актуален и для учителей, проживающих в отдаленных от центров образования местностях, так как позволят пройти профессиональную переподготовку онлайн и расширить свои возможности в ведении нескольких учебных предметов [3].

Из негативных сторон популяризации дистанционного обучения стоит отметить его коммерциализацию. Уже сегодня образовательные платформы, предоставляющие услуги по проведению дистанционных занятий, по хранению электронных материалов, предлагают пользователям два варианта: платную и бесплатную подписки. Но в бесплатную подписку с течением времени входит все меньше услуг и возможностей, и существует вероятность, что в ближайшем будущем платформы и вовсе откажутся от предоставления бесплатных тарифов.

Коммерциализируется дистанционное образование и с точки зрения получения диплома о высшем образовании. Так, некоторые университеты предлагают услуги по получению высшего образования онлайн, иногда и в ускоренном формате. Обычно цена данного вопроса довольно высока ввиду простоты получения диплома престижного ВУЗа за короткие сроки. В данном случае ставится под вопрос качество предоставляемых знаний.

3. ВЫВОДЫ

Итак, на сегодняшний день процесс получения онлайн-образования становится все более популярным. Исследователи сходятся во мнении, что пока не существует тенденции к полной замене традиционного формата обучения дистанционным. Хотя онлайн-образование и становится одной из ведущих форм социальной адаптации и способов получения знаний, спрогнозировать дальнейшие тенденции его развития достаточно проблематично. Педагогическая деятельность постепенно трансформируется под новые образовательные реалии, ведь онлайн-образование – это не только размещение материалов в сети Интернет, но и построение качественного учебного процесса, включающего в себя интерактивные элементы [3]. Структура дистанционного занятия, отличаясь от традиционного, тем не менее также должна ориентироваться на основополагающие принципы образовательного процесса (гуманистический принцип, принцип наглядности, принцип взаимосвязанности теоретической и практической деятельности).

На сегодняшний день не представляется возможным однозначно утверждать об эффективности или малоуспешности онлайн-образования. Онлайн-образование обладает рядом недостатков, которые позволяют судить о неполной его готовности к использованию повсеместно. Многие исследователи полагают, что наилучшим вариантом для современного образовательного процесса будет введение смешанного формата обучения. Таким образом сохранится традиционный образовательный элемент, а также будут внедрены цифровые технологии, отвечающие духу времени и позволяющие упростить и улучшить образовательный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аджемов А. С., Денисова А.Б., Сатыбалдина Д. Ж., Сеилов Ш. Ж. Эффективность и проблемы дистанционного обучения: опыт России и Казахстана // Информатика и образование. 2021. №36(10). С. 21–32.

2. Блинов В.И., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Модели смешанного обучения: организационно-дидактическая типология // Высшее образование в России. 2021. №5. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-smeshannogo-obucheniya-organizatsionno-didakticheskaya-tipologiya> (дата обращения: 27.10.2022).

3. Гузуева, Э.Р. Роль дистанционного обучения в современном образовании / Э.Р. Гузуева, С.М. Зияудинова, А.А. Жамборов // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 242-244.

4. Денисова А.Б. Соответствие методов обучения современному «цифровому» поколению // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 1. С. 25–33.

5. Краснов С.В, Калмыкова С.В, Краснова С.А. Смешанное обучение в эпоху цифровой трансформации // Проблемы современного образования. 2020. № 1. С. 89-101.

6. Макарова М.В. Перспективы онлайн-образования в России // Современное образование. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-onlayn-obrazovaniya-v-rossii-1> (дата обращения: 27.10.2022).

7. Нугуманова Л.Н, Шайхутдинова Г.А., Яковенко Т.В. Технология смешанного обучения: модели, содержание, рекомендации // Современный учёный. 2019. № 4. С. 191-198.

8. Папуткова Г.А., Бичева И.Б., Юдакова О.В. Проблемы и перспективы онлайн-образования в высшей школе // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №68-3. С. 229-233

9. Петренко Н.А. Дистанционное обучение: проблемы и перспективы // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №74-2. С. 170-173

10. Цыгалов Ю.М. Эффекты и риски дистанционного образования в высшей школе // Управленческое консультирование. - 2020. № 10. С. 61-73.

11. Шалковская Н.А. Проблемы и перспективы развития электронного образования в современном ВУЗе // Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием «Опыт и перспективы онлайн-обучения в России», 2018. С. 82-84.

ДИЗАЙН И ЭСТЕТИКА ПОЗДНЕГО ПОСТМОДЕРНА

УДК 7.036

**ПОСТМОДЕРНИЗМ:
ДЕКОНСТРУКЦИЯ ИЛИ РАЗРУШЕНИЕ**

А.Б. Денисова (Москва, Россия)

канд. филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. В статье на примере современной постановки оперы-сказки Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» анализируются возможности реализации принципов постмодернизма в одном из самых традиционных литературных жанров – сказке и самом условном музыкальном жанре – опере. Существующие специфические черты этих жанров органично сосуществовали на протяжении нескольких сотен лет в разных стилистических реалиях. Автор пытается дать оценку современной интерпретации существующего классически выверенного произведения в русле постмодернистских тенденций.

Ключевые слова: сказочная опера, постмодернизм, деконструкция, аксиологическая шкала., архетипы.

1. ВВЕДЕНИЕ

В истории русской музыки опера-сказка занимает особое место, поскольку сказка является одним из самых почитаемых жанров русской художественной культуры. Современный мир с новейшими технологиями с одной стороны претворяет сказочные представления, игру фантазии в реальность, а, с другой стороны, может развить, модифицировать традиционные сказочные сюжеты. Но многочисленные скандалы, разгорающиеся в прессе по поводу той или иной премьеры, демонстрируют, что часто новая постановка классического сюжета не усиливает то, что было заложено написавшим его автором, а полностью «перелицовывается» режиссером под себя, иногда не в совсем здоровой плоскости.

2. СПЕЦИФИКА СКАЗОЧНОГО ЖАНРА

Сказка – это один из основных жанров фольклора. Являясь жанром устного народного творчества, сказка имеет истоки в древнейшем мифе, ее корни уходят в первобытные времена, но в отличие от мифа, который повествует о древних богах, духах, героях и объясняет происхождение мира, сказка не связана с ритуалом, это полностью придуманная история, которая описывает какую-то конкретную ситуацию, не претендуя на глобальность и достоверность.

Не смотря на иррациональность событий, ситуаций, персонажей, разнообразную сказочную атрибутику, сказка выстраивает культурный код, закладывает программу деятельности в реальной жизни. Идейный смысл народных сказок — победа добра над злом, прославление любви, мужества, человечности.

Специфическая форма мироотражения выстраивает четкую шкалу ценностей, воздействуя на бессознательном, внерациональном уровне восприятия. Сказочные образы являются архетипами — комплексом представлений, который сформировался и закрепился в человеческом сознании за многие тысячелетия. В сказках, мифах, легендах архетипы представлены в наиболее чистой и краткой форме, без культурных наслоений, и поэтому сказка является ценнейшим материалом для исследования. Этим же объясняется и ее сильное воздействие: как пишет К-Г. Юнг, «любое отношение к архетипу, переживаемое или просто именуемое, «задевает» нас; оно действительно потому, что пробуждает в нас голос более громкий, чем наш собственный. Говорящий прообразами говорит как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечно сущего» [9, с. 284]. Поэтому сказочные истины принимаются нами на бессознательном уровне, не вызывая сомнений, а сказка, ее внерациональные формы имеет такое мощное воздействие, помогая «уйти» от несоответствующей нашим представлениям реальности, к заданным правильным основам восприятия мира. Как отмечает выдающийся отечественный филолог В.Я. Пропп: «Сказка – не только вчерашний день, но мечта о будущем» [5, с. 143].

Основой сказки является действие, которому подчинены все остальные элементы сказочного повествования, поэтому неудивительно, что сказочные сюжеты популярны в опере. В.Я. Пропп утверждал, что сказки изначально показывались: «То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали...» [5, с. 353]. К этой же мысли приходит немецкий философ М. Хайдеггер. В статье «Путь к языку» он пишет: «Помня о

древнейшем употреблении этого слова, мы будем понимать сказ от сказывания в смысле показывания и употребим для обозначения такого сказа, насколько в нём покоится сущность языка, старое, достаточно засвидетельствованное, но умершее слово каз» [7, с. 265].

Опера – самый условный жанр музыкального искусства, и сказочные темы очень органично вписываются в каноны оперного спектакля: идеализация положительных героев, яркое изображение сказочного мира, романтическая окраска событий, которые обычно развиваются в фантастически неопределенном месте, где время то ускоряется, то замедляется, не поддаваясь законам реальности. Специфичность музыкального языка позволяет ярко и образно иллюстрировать сказочные перевоплощения.

В русской музыке сказка – одна из важнейших сюжетных и жанровых доминант. Для композиторов сказочная тематика предоставляет возможность пофантазировать вместе с волшебными персонажами и сюжетами, которые развиваются, изменяются в этой фантастической специфике, и в то же время именно жанр сказки позволяет метафорично и поэтизированно выразить нечто главное и важное, то, что невозможно сказать напрямую. К сказочной тематике обращались многие русские композиторы, однако главным «сказочником» с полным на то основанием можно назвать Н.А. Римского-Корсакова. В его творчестве опера-сказка получила многоплановое развитие: из пятнадцати опер, написанных Н.А. Римским-Корсаковым, восемь связаны со сказочной тематикой, при этом каждая опера имеет своё жанровое определение – небылица в лицах, весенняя сказка, опера-былина, былль-колядка, осенняя сказочка и т.д.

3. ДЕКОНСТРУКЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ПОСТМОДЕРНИЗМА

Культуру рубежа XX-XXI веков характеризует стилистическое и жанровое разнообразие. Это объясняется мировоззренческими трансформациями, связанными как с научной сферой, технической революцией, так и с изменениями, происходящими в духовной сфере, изменением смысла (ов) человеческого существования как такового. Принципиально новое осознание категорий пространства и времени, появление дополнительных виртуальных измерений и т.п. - все это влияет и изменяет средства выражения, стили, жанры искусства, а вместе с тем понимание красоты и гармонии.

Современная художественная практика, плюрализм стилистических течений и эстетических взглядов получил название постмодернизма. Это понятие служит универсальной характеристикой современной культуры и мировоззрения. В Интернете приводится таблица признаков, определяющих модернизм и постмодернизм [3]:

Модернизм	Постмодернизм	Модернизм	Постмодернизм
Романтизм, символизм	Бессмыслица	Иерархия	Анархия
Форма (последовательная, завершенная)	Антиформа (прерывистость, открытая)	Дистанция	Соучастие
Целенаправленность	Игра	Присутствие	Отсутствие
Замысел	Случайность	Центрирование	Рассеивание
Мастерство/логос	Усталость/молчание	Жанр/границы	Текст/интертекст
Законченное произведение искусства	Процесс/перформанс/хэппенинг	Семантика	Риторика
Творчество/синтез	Разложение/деконструкция	Парадигма	Синтагма
		Метафора	Метонимия
		Отбор	Комбинирование
		Обозначающее	Обозначаемое

В этих сравнениях видно, что постмодернизм выступает антиподом модернизма, и невольно возникает вопрос: может ли через нарочитое отрицание сконструировать новую реальность?

При всех разнообразных определениях, описаниях постмодернизма, он выглядит как радикальное отрицания всего, квинтэссенция критического взгляда на окружающее, подкрепленного объяснениями, не предполагающими возражений – деканонизация, разрыв шаблона, авторское прочтение, субъективная трактовка, художественное осмысление энтропии смыслов. За всеми этими подчас сложно вербализированными аргументами стоит: «я художник, я так вижу» и потому никакой критики мое видение не подлежит. Как пишет Н. Маньковская, «постмодернизм – метисная параэстетика, своеобразная мутация модернизма, заменившая модернистскую форму, намерение, проект, иерархию постмодернистской антиформой, игрой, случайностью, анархией. Его характерные черты – превращение эстетического объекта в пустую оболочку» [2, с. 194]. В постмодернизме «нет веры в прогресс, так характерной для эпохи модернисти; да и вообще, нет никакой масштабной, скрепляющей массы, системы идей, призванной придать устойчивость социальной действительности и обеспечить психологическую устойчивость индивидов в условиях непрерывных социальных изменений», - продолжает Е.В. Пилюгина [4, с. 11]. Еще 2001 году А. Радугин отмечал, что «термин «постмодернизм» не может быть понят, как обозначение какого-либо стиля. Он подразумевает цитирование известных образцов, но может делать это путем каталогизации, а может - в манере намеренно бредового коллажа» [6, с. 237].

Несмотря на то, что прошло еще 20 лет, внятных определений постмодернизма так и не появилось.

Одним из основных принципов постмодернизма является деконструкция – философское понятие, предложенное М. Хайдеггером, введённое в научный оборот Ж. Лаканом и теоретически обоснованное Ж. Деррида. «Движение деконструкции не сводится к негативным деструктивным формам, которые ему наивно приписывают... Деконструкция изобретательна, или её не существует. Она не ограничивается методическими процедурами, но прокладывает путь, движется вперёд и отмечает вехи. Её письмо не просто результативно, оно производит новые правила и условности ради будущих достижений, не довольствуясь теоретической уверенностью в простой оппозиции результат – констатация. Ход деконструкции ведёт к утверждению грядущего события, рождению изобретения. Ради этого необходимо разрушить традиционный статус изобретения, концептуальные и институциональные структуры. Лишь так возможно вновь изобрести будущее» [10, р. 33, 35].

Какими бы изощренными не были объяснения деконструкции, понимается она прежде всего именно как разрушение всего и вся с последующей сборкой чего-то подобного, но уже замешанного на хаосе, случайно подобранных элементах, вне всяких структур и концепций (которые отвергаются постмодернизмом). Современное искусство зачастую паразитирует на этом принципе, провозглашая себя элитарным. Поэтому часто зритель (слушатель) не может даже представить, что увидит на сцене, несмотря на то, что идет на, казалось бы, классическое произведение.

Эта участь постигла и сказочные оперы Римского-Корсакова, над формами которых уже неоднократно экспериментировал режиссер Дмитрий Черняков. «Сказка о царе Салтане» Н.А. Римского-Корсакова, сочиненная к столетию А.С. Пушкина, по задумке автора, - народное масленичное представление: каждое действие начинается веселыми праздничными фанфарами, действующие персонажи – яркие маски, в сказочном блеске, а образ Царевны-Лебедь, как писал композитор своим друзьям, воплощает вечную мечту человечества о прекрасном. Вот эта опера была поставлена Д. Черняковым в 2019 году в Брюссельском оперном театре. Точнее было бы все-таки назвать оперу так, как называлась одна (надо сказать восторженная) рецензия - «Сказка о царе Салтане» и его сыне-аутисте.

Согласно принципам постмодернизма, оперу, изначально проникнутую духом пушкинской сказки, с виртуозно-меткими образами и прекрасными сказочными музыкальными картинками, необходимо было под-

вергнуть деконструкции, фактически «пересочинить» произведение, а в данном случае даже и не оперу (музыка, к счастью, не была изменена, и оркестр прекрасно справлялся с незнакомой и сложной музыкальной партитурой), а сказку А. Пушкина.

В самом начале нервно куря на авансцену выходит современная молодая женщина, из монолога которой выясняется, что сейчас зрители увидят не сказочное народное масленичное представление, а вполне современную, совсем несказочную и нерадостную историю матери-одиночки, живущей с сыном – аутистом, которому она решила рассказать про бросившего их отца. Так как ребенок (вернее уже юноша, не переставший играть в детские игрушки) понимает сказки, то ее она ему и расскажет. И сразу весь конфликт, на котором построена сказка и опера (обман ткачихи, поварихи и бабы Бабарихи: “родила царица в ночь не то сына, не то дочь; не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку”), исчезает.

При этом надо отметить, что сама постановка, сценическая режиссура, графическое оформление спектакля талантливой, и сказочность в технических элементах постановки сохранена: очень интересное совмещение реального мира и вымышленного, фантазийного мира, в котором существует «особенный» мальчик Гвидон, анимационные вставки и созвучные им как бы рисованные костюмы персонажей оперы. Совершенно сказочно появление Царевны-Лебедь: она вдруг возникает в новой плоскости сцены из анимационных картинок, хаоса штрихов, и с помощью света создается впечатление, что у того места, где Лебедь находится, тоже нет границ. Но восхищение, восторг от сказки, от мастерской сценографии «уходит» из-за постоянно присутствующей реальности в виде современного и совсем не театрального костюма Милитрисы, которая все время находится в нервном состоянии и периодически заходится в рыданиях, растянутого свитера Гвидона, который с пугающей медицинской точностью воспроизводит поведение аутиста.

У каждого жанра есть свои законы, не соблюдая которые он перестает существовать именно как этот жанр. Н.А. Римский-Корсаков писал в письме к либреттисту многих своих опер В. И. Бельскому: “Не надо увлекаться намеками на современное положение вещей: и без того соприкосновение с ними будет ясно для всякого” [1, с. 204]. Евгений Цодокков, автор многочисленных статей по истории музыкальной культуры, может быть несколько категорично заявляет: «Большой стиль – это и есть опера в ее классическом понимании. Соответственно, никакого иного стиля опера, если говорить о ней в постановочном аспекте, и не приемлет. Все рассуждения об особой стилистике, допустим, камерной опе-

ры или лирической, или музыкальной драмы – это разговоры об ином искусстве» [8].

Данная интерпретация оперного произведения наглядно демонстрирует как форма (интерпретация) не только изменяет содержание, но и совершенно изменяет восприятие вроде бы неизменной музыки. В оперном, как и балетном искусстве все действие строится вокруг главных героев – солистов. Первое появление Царевны-Лебедь впечатляюще красив, но когда она из прекрасного женского образа превращается не в царевну, а в кого-то вроде медсестры или психолога-сиделку для больных, то она перестает восприниматься как солистка. Жанр сказка базируется на неких константах, но при этом дает широкий простор возможностей для их переосмысления. Трансформируясь в авторском творчестве и дополняясь современными артефактами, сказки остаются актуальными: на примере полуфантастических, сказочно-мистических, идеализированных, часто гипертрофированных образов происходит извечное противопоставление добра и зла, обращенное к архетипам человеческого сознания, а потому имеющее такое сильное эмоциональное воздействие. Важнейший идейный элемент сказки - добро всегда побеждает зло. Разрушение этих базовых вещей в постмодернистских потугах приводит к разрушению жанра (постановка Чернякова заканчивается тем, что Гвидон падает в припадке и застывает со сведенными мышцами). Категории прекрасного и безобразного, этического, эстетического совершенно перемешиваются, и в целом изменяется смысл и пушкинской сказки, и корсаковской оперы, да и собственно самого посещения оперного театра.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дмитрий Черняков берется за постановку именно классических произведений. Он не взялся, например, за постмодернистскую оперу Леонида Десятникова, написанную на либретто Владимира Сорокина «Дети Розенталя». Напрашивается вывод: чтобы всем продемонстрировать «свое» видение, материал должен быть действительно проверен поколениями, то есть быть признанной классикой. И только через полное переформатирование того, что, вероятно, в нем не нуждается, и можно показать и выразить себя! То есть такое утилитарное использование художественного произведения для выпячивания собственного Я.

Новое всегда пробивается с боем, и далеко не впервые в оперном жанре возникает противостояние молодых, бесспорно талантливых ре-

жиссеров с авторским прочтением и армии их поклонников, с одной стороны, и гораздо более многочисленного «консервативного» зрителя, поддерживаемого заслуженными и признанными деятелями искусства (правда, более старшего поколения), с другой (так, Юрий Темирканов принял решение не участвовать больше в международных постановках оперной классики, так как, по его словам, в последнее время утвердилась тенденция скандальных режиссерских прочтений, в результате чего постановщики “превращают великую музыку Моцарта, Чайковского, Вагнера в сопровождение своих дурацких выдумок”[11], Галина Вишневская отказалась праздновать юбилей в театре, «оскверненном» черняковской постановкой «Руслана и Людмилы»).

Этот спор может рассудить только время, которое покажет, кто все-таки победит: деконструкция постмодернизма или оптимистичность сказки и эстетика музыки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кунин И. Римский-Корсаков Жизнь замечательных людей, вып. 385. Молодая гвардия, 1964. 240 с.
2. Маньковская Н.Б. Постмодернизм в эстетике // Философская антропология. 2018. Т.4. №1. С. 192-230.
3. Обломова О. Постмодернизм в искусстве // История искусств. Режим доступа: <https://4brain.ru/arthistory/postmodernism.php> (дата обращения 02.11.2022)
4. Пилюгина Е.В. Россия в пространстве постмодерна // Вестник ВятГУ. 2016. С.9-14.
5. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002. 274 с.
6. Радугин А.А. Культурология: Учебное пособие. М.: Центр, 2001. 304 с.
7. Хайдеггер, М. Путь к языку // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С.259-273.
8. Цодоков Е. Опера – искусство большого стиля // ClassicalMusicNews.Ru. <https://www.classicalmusicnews.ru/articles/opera-hrand-style/>
9. Юнг, К-Г. Архетип и символ. М., 1991. 343 с.
10. Derrida J. Psychée: Invention de l'autre. Paris: Galilée, 1987. 651 p.
11. ClassicalMusicNews.Ru. Режим доступа: <https://www.classicalmusicnews.ru/news/yuri-temirkanov-cancels-opera-appearances/> (дата обращения 12.11.2014).

СКАЗОЧНЫЙ ЖАНР И СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

А.Б. Денисова (Москва, Россия)

канд. филос. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

С.Т. Джураева

Московский государственный институт культуры

Аннотация. В работе анализируются различные гипотезы происхождения сказки (антропологическая, лингвистическая теория, метод структурализма, теория бродячих сюжетов, теория самозарождения сказочных сюжетов, психоаналитическая гипотеза возникновения сказки), специфические характеристики, элементы, отличающие сказку от других жанров и их преломление в современной стилистике эпохи постмодерна. На основе анализа делается вывод о возможностях развития традиционного жанра сказки в условиях отказа от традиционности, постулируемых в постмодернистских концепциях.

Ключевые слова: волшебная сказка, постмодернистская литература, интертекстуальность, архетипичность,

1. ВВЕДЕНИЕ

Сказка, согласно «Литературной энциклопедии» представляет собой один из видов мифов. На поздних стадиях она бытует «как жанр устной художественной литературы, имеющий содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающийся специальным композиционно-стилистическим построением» [5].

Сказки изначально воспринимаются как вымысел, игра фантазии, при этом с помощью вымысла в них происходит раскрытие жизненной правды и всегда торжествует справедливость. Специфическая форма мироотражения сказки выстраивает в сознании ребенка аксиологическую шкалу. Вводя в круг необыкновенных событий, героев, ребенок учится отличать хорошее от плохого, глупость от смекалки. Четко рас-

ставленные полюса добра и зла дают ориентиры маленькому человеку и иллюстрируют общечеловеческие морально-нравственные принципы, культурные ценности. Образы русских сказок выражают непреходящие ценности человеческой жизни, так как идейный смысл народных сказок — победа добра над злом, прославление любви, мужества, человечности.

2. ГИПОТЕЗЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СКАЗКИ

Различные гипотезы происхождения сказки вплетены в несколько самых известных теорий. В антропологической теории (Ван Геннеп, Б. Малиновский) сказка рассматривается как непосредственное отражение существовавших ранее представлений и обычаев. Так, Б. Малиновский приходит к этому выводу, через изучение культуры австралийских аборигенов. Существующие у туземцев рассказы (сказка, легенда и миф) выполняют социальную функцию, являются для примитивной культуры существенной частью цивилизации, служат "матрицей социального порядка и сводом примеров нравственного поведения" [6, с. 281]: «это не праздная сказка, а активно действующая сила, не интеллектуальное объяснение или художественная фантазия, а прагматический устав примитивной веры и нравственной мудрости» [6, с. 99].

В лингвистической теории (В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский) сказка рассматривается как отражение и сохранение традиций устного народного творчества [1, с. 97]. «Сказка сохранила следы многих обрядов и обычаев... Если бы нам удалось показать, какие мотивы восходят к подобным обрядам, то происхождение этих мотивов было бы до известной степени объяснено» [10]. «Волшебная сказка унаследовала от первобытного фольклора, во-первых, ряд мотивов, конкретный материал, из которого она в значительной степени создана, и, во-вторых, - форму» [7, с. 214]. «Преобразование первобытных легенд, проникнутых мифологическими представлениями и часто имевших «практическую», магическую цель, в волшебную сказку было переворотом, означающим рождение искусства с присущими ему закономерностями» [6, с. 214].

В.Я. Пропп начал свое исследование происхождения сказок методом структурализма. Это помогло ему выделить основные предметные и сюжетные линии сказки. Рассматривая формальную структуру сказки, исследователи обнаруживают ее универсальность и всеобщность и приходят к выводу о едином источнике ее происхождения: ряды типологически схожих сюжетов, мотивов, повторяются у разных народов во мно-

жестве разнообразных вариаций. Например, в романе периода поздней античности (II в.) «Золотой Осел» Апулея встречается сказка под названием «Амур и Психея», в которой проведена та же сюжетная коллизия, как и в других подобных сказках о красавице и чудовище: история женщины, спасающей своего возлюбленного, находящегося в облике зверя. На египетских папирусах и каменных стелах обнаружены более ранние сказки, в том числе, сказка о двух братьях: Анупе (греч. Аноубис) и Бате. Сюжетная линия данной сказки тоже развивается в соответствии с другими сказками подобного типа, которые встречаются в культурах совершенно разных народов. Значит, можно сделать вывод, что более трех тысячелетий сказочные сюжеты сохраняются фактически без изменений.

В. Пропп упоминает в своей книге капитальный труд И. Вольте и Г. Поливки «Примечания к сказкам братьев Гримм», в котором под каждую сказку сборника подобраны варианты сказок со всего мира, а в библиографию включены все известные авторам сборники сказок и другие материалы, содержащие сказки (около 1200 наименований) [11, с. 5-6]. Демонстрация и неоднократная фиксация факта существования типовых сюжетов совершенно справедливо вызывает научный интерес, почему в сказках существуют эти повторяющиеся мотивы. Так, Теодор Бенфей [15] доказывал, что все сказочные мотивы зародились в Индии, откуда и вошли в Европу, другие авторы, например Йенсен, Винклер и Штукен (Alfred Jensen, H. Winkler и E. Stucken), опровергали точку зрения Бенфея, утверждая, что сказки вавилонского происхождения и проникли в Европу через Малую Азию. Похожие теории создавали и многие другие ученые. Так, существует теория бродячих сюжетов (заимствования) (60-е гг. XIX в.). Например, Ф.И. Буслаев, утверждает, что пути сюжетов имеют четкую направленность с Востока на Запад [2], а А.Н. Веселовский трактует это как «культурный обмен сказочными сюжетами между народами» [3]. Интересна теория самозарождения сказочных сюжетов, возникшая в Англии в 60-е гг. 19 в. Согласно этой теории, сходные явления в мифологии и фольклоре разных народов и рас (типы, мотивы, сюжеты) объясняются «тождественностью человеческой природы» (Тайлор), антропологической сущностью человека, определяющей единство психических законов и закономерностей духовного творчества для всего человечества.

Так же существует психоаналитическая гипотеза возникновения сказки (З. Фрейд, К. Юнг), согласно которой волшебные сказки являются непосредственным отображением психических процессов коллективного бессознательного, соответствуют архетипическим образам, через которые возможно прийти к пониманию базисных структурных образований (пат-

тернов) человеческой психики. Как писал К.-Г. Юнг: «Все наиболее действенные идеалы всегда суть более или менее откровенные варианты архетипа» [14, с. 283]. И это тоже, на наш взгляд, объясняет повторяемость сказочных сюжетом и коллизий у разных народов и в разные времена.

3. СКАЗКА И ПОСТМОДЕРН

Как же может существовать сказочный жанр в современных условиях постмодерна, основанного на переосмыслении, «выворачивании наизнанку» всего предыдущего опыта, ведь сказка основана на неких базисных вещах, архетипах, и именно поэтому остается актуальной на все времена. Сказка сильна именно своей традиционностью, против которой и выступает постмодернизм.

По мнению В.Я. Проппа, сказка формулируется, прежде всего, художественной формой. «Каждый жанр обладает особой, свойственной ему, а в некоторых случаях только ему, художественностью. Поэтикой может быть названа совокупность исторически сложившихся художественных приемов...Сказка есть рассказ, отличающийся от всех других видов повествования специфичностью своей поэтики» [12, с. 37].

Специфическими стилистическими особенностями сказки являются:

- традиционные формулы зачина и концовки;
- повторяющиеся конструкции;
- традиционные обороты речи, предложения, похожие на стихотворные строки (повторяющиеся сочетания слов: «пир на весь мир», идти, «куда глаза глядят», «буйну голову повесил», «ни в сказке сказать, ни пером описать», «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», «долго ли, коротко ли» и др.); постоянные эпитеты (Василиса Премудрая, Елена Прекрасная, красна девица, добрый молодец, весна – красна и др.); постоянные признаки (мишка косолапый, заяц косой и др.);
- повторяющиеся приемы повествования;
- трехступенчатое построение сюжета;
- внешность персонажей соответствует делам и поступкам, присутствует постоянство их функций (мишка косолапый, неуклюжий, сильный и добрый; серый волк - свирепый, но глупый; хитрая лиса всегда выходит «сухой» из любой ситуации и т.д.);
- лаконичности портретных и психологических характеристик персонажей, которые раскрываются полнее в диалогах и поступках;
- справедливый, счастливый конец.

Современные авторы используют эти традиционные для фольклорных сказок элементы (см. например, статью Н.И. Ефимовой, посвященную разбору сказок Дж. Роулинг). Так, в известном всем «Гарри Поттере» можно отметить стандартность имени главного героя (Гарри), его необычную и узнаваемую отметину (шрам на лбу), четкое разделение реального и волшебного мира (платформа 9^¾) и т.д. Исследователи отмечают ту же высокую степень повторяемости сюжетов в современных сказках: например, Гарри Поттера «можно сравнить с Золушкой: он сирота и живет в доме тети, где его не любят и обижают. Потом оказывается, что он известен и перед ним открывается много перспектив. Прозрачен также мотив, что только вместе можно противостоять злу: Гарри помогают силы, заложенные в него матерью, и помощь друзей. Прослеживается мотив о том, что добро всегда побеждает зло: во всех частях сказки Гарри побеждает Волан-де-Морта (популярная идея счастливого конца)» [8]. Так же можно проследить повторяемость отдельных элементов уже современных сказок. Например, Солодова Е.С. отмечает, что тема обучения Гарри Поттера магическим искусствам существует во многих детских произведениях, в том числе в рассказах Урсулы Ле Гуин про Земноморье, героиня рассказа также прибывает в колледж на метле, название Гарротс созвучен Хогвартсу, как и другие имена собственные и т.д. [13, с. 29].

Сюжетная повторяемость сказок, как и заимствование «чужих» элементов из других произведений соответствует постмодернистской эстетике, так как постмодернизм изначально не претендует на оригинальность, а только по-новому «замешивает» уже существующие элементы, создает своеобразный эклектический коктейль стилей и жанров. Так, например, Н.И. Ефимова отмечает интертекстуальность текстов Дж.К. Роулинг [4], Е.В. Назаренко, Н.А. Приходько исследуют имена собственные в современном сказочном дискурсе «как компрессионные мини-тексты, носители когнитивной информации» [8].

Характерные для постмодерна черты в современных авторских сказках проявляется на разных уровнях. Так, в народных сказках положительным героям, носителям высокой морали и народных идеалов (в русских сказках это образы Елены Прекрасной, Ивана-дурака, Василисы Премудрой) полярно противопоставляются темные силы сказочного царства (Кощей Бессмертный, Баба Яга, Лихо Одноглазое, Водяной, Леший, всякая нечисть) [9, с. 142]. Герои либо хорошие, либо плохие. В современных сказках драконы, гномы, вампиры, даже зомби

могут стать положительными персонажами, и в целом характеры героев становятся не такими однозначно положительными или отрицательными.

Трансформируется само волшебство, происходящее в народных сказках – там оно свершается без всяких объяснений, потому что герой получает волшебную палочку или любой другой волшебный предмет, встречает волшебника. В условиях технического прогресса, господства информационных технологий и волшебство становится наукообразным. (например, **Льюис Кэррол, будучи математиком, в «Алисе в стране чудес»** зашифровал множество математических понятий). Как и в современном мире реальная и виртуальная реальность часто сливаются в единую, в сказках тоже стирается грань между реальным и вымышленным: люди сосуществуют с драконами, эльфами, у которых есть компьютеры и различные электронные гаджеты, волшебники имеют собственные банки и другие учреждения и т.д.

Постмодернистский отказ от известных объяснений картин мира и разрушение целостности мировосприятия позволяет авторам множить реальности, проигрывать все варианты развития событий одновременно, что отличает их от классических литературных опытов, где господствовала стабильность и неизменность смысла. Например, в **«Крестоманси» Дианы Уинн Джонс** существуют миры, которые множатся при всяком переломном событии (своеобразной точке бифуркации), и развиваются во всех вариантах. В каждом мире у каждого человека есть двойник, который живет в условиях собственного мира, в зависимости от того, какой поворот (исход, вариант действия) был выбран в этих ключевых точках.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Постмодернизм трансформируют базовые философские, этические, моральные категории, в соответствие со своими принципами, но сказка продолжает сохранять традиционность, несмотря на влияние постмодернистских идей, так как структура, функции, о которых говорил В.Я. Пропп, определяют этот жанр. Т.е. существует некий определенный набор требований, за рамками которых жанр перестает существовать и оказывать свое архетипическое воздействие на глубинные слои коллективного человеческого бессознательного. При этом необходимо привносить нечто новое, чтобы быть оригинальным. Эстетика

постмодернизма во многом облегчает авторам работу по поиску этого нового. Современная сказка с тенденциями нового истолкования известной информации, интертекстуальностью, некой закодированной разными способами информацией требует от читателя базовых знаний для декодирования зашифрованных смыслов. Тем не менее основная, главная идея сказки – борьба добра со злом и победа добра остается неизменной, так как без этого жанр сказки перестает существовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абраменкова, В.В. Социальная психология детства: Учебное пособие. М.: ПЕР СЭ, 2008. 431 с.
2. Буслаев Ф.И. Программа лекций профессора Буслаева об истории русской литературы. РГАЛИ. Фонд 69. Оп. 1. Ед. хр. 10.
3. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 648 с.
4. Ефимова Н.И. Фольклорный и постмодернистский коды в «Сказках Барда Бидля» Дж.К. Роулинг // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского, 2011, №6 (2). С.169-172.
5. Литературная энциклопедия: В 11 т. М, 1929 - 1939.
6. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: «Рефл-Бук», 1998. 304 с.
7. Мелетинский, Е.М. Герои волшебной сказки. Происхождение образа. М. – СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 240 с.
8. Назаренко Е.В., Приходько Н.А. Современная авторская сказка как пример постмодернистского дискурса // Universum: филология и искусствоведение. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-avtorskaya-skazka-kak-primer-postmodernistskogo-diskursa> (дата обращения: 06.11.2022).
9. Померанцева, Э.В. Русская народная сказка М.: Советская этнография, 1963. 236 с.
10. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002. 274 с.
11. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Издательство “Лабиринт”, 2001. 192 с.
12. Пропп В.Я. Русская сказка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 335 с.
13. Солодова Е.С. Лингвокогнитивные характеристики композиции текста английских сказок Дж. К. Роулинг: дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2007. 197 с.

14. Юнг К-Г. Архетип и символ. М., 1991. 343 с.
15. Benfey, Theodor. Kleinere Schriften zur Marchenfor-schung. - Berlin, 1894.

УДК 811-115

**ДИЗАЙН И ЭСТЕТИКА ПОЗДНЕГО ПОСТМОДЕРНА:
ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТА И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ
В МИРЕ ПОСТМОДЕРНА**

***Н.Е. Коршунова** (Москва, Россия)*

канд. социол. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

***Т.А. Сафронова** (Москва, Россия)*

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

***Н.Е. Чучев** (Москва, Россия)*

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. Статья посвящена обозначению проблемы дизайна и эстетики позднего постмодерна конца XX – начала XXI в., о которых упоминал Маршалл Маклюэн в книге «Галактика Гутенберга». В объективе постмодернизма как художественно-эстетического явления проанализированы основные принципы. Повлияло на изменения поколения XXI века путём внесения изменений в культуру общества.

Ключевые слова: постмодернизм, эстетика, искусство, дизайн, деконструкция, ризоматика.

1. ВВЕДЕНИЕ

Современная эпоха находится под сильным влиянием постмодернизма. В то время как постмодернизм — это следствие отрицания отрицания: модернизм отрицал академическое и классическое традиционное искусство; однако к концу века модернизм сам стал традиционен. Отрицание традиций и концепций модернизма привело к появлению нового периода художественного развития - постмодернизма». Понятие постмодернизма привязывают с художественным этапом, содержащим в себе ряд нереалистических художественных направлений конца XX века.

Одна из проблем постмодернизма — умышленное разнообразие стилей. Все, что в течение многих столетий шлифовалось, вынашивалось, теперь подвергается критической оценке, строгому пересмотру. Постмодернисты разочарованы в идеалах и ценностях эпохи Возрождения и времени Просвещения, потому что утрачивают веру в прогресс, в празднество разума, в безмерность человеческих способностей. Любой сценарий постмодернизма несет на себе печать «усталой» культуры.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

2.1. Умышленное многообразие стилей

Постмодернизм в эстетике рушит извне все традиционные понимания о неделимости, стройности, завершённости эстетических систем. Разнообразие стилей возникает в итоге совершенствования техники и прежде всего телекоммуникации [1; 2.]. Культуры потеряли свою изолированность. Человечество, по словам канадского социолога Маршалла Маклюэна, превратилось в «глобальную деревню». Это значит, что любое свершение культуры в контексте, может очутиться для него необыкновенным фоном. Также человечество в XX веке испытало опыт глобального досмотра над поведением людей, контроля их мыслей. Поэтому появление контрустановки — разбить оковы, с помощью которых реализовалась власть над людьми, нейтрализовать всякую вероятность диктата. Поэтому в постмодерне все складывается, наоборот. Если в традиционном искусстве музыканты достигались благозвучия, гармонии, то в постмодерне доминирует дисгармония в музыке. Если в живописи художники творили отчётливые силуэты объекта, а в это время в постмодерне изображение размыто, уважается нефигуративность, несимметричность. Если в традиционном искусстве, естественно, складывалась тяга к образам, к прекрасному, то в постмодерне правит бал абсурд, безобразное в литературе, театре, кинематографе.

2.2. Разочарование в идеалах и ценностях эпохи Возрождения и времени Просвещения

Исчезновение будущего, которое, казалось, было украдено, приводит к стиранию границ между наукой, философией и искусством, а также к отказу от всякого радикализма, от структуры и противопоставления классических ценностей — зла и добра, истины и заблуждения и т.д. По-

пытка преодолеть оппозицию между массовой и элитарной культурой и искусством, а также между массовыми вкусами и творческими устремлениями художника - это и есть постмодерн. Определение постмодернизма как раз таки и отражает процесс живого становления искусства и пока не считается устоявшимся [3; 4.]. С одной стороны, это продолжение развития предшествующего ему модернизма, а с другой – критичность и даже его исключительность в своих проявлениях. Отличительной чертой стиля постмодернизма является непосредственно использование готовых форм, маргинальность, ирония, синтетика и слияние старого в новом контексте.

Классически принятыми тенденциями постмодерна признаются поп-арт, оп-арт, кинетическое искусство, концептуальное искусство, минимализм, хэппенинг. В 1980-е годы постмодернизм оформился как особое идеологическое, теоретическое течение. Он быстро проник во все сферы социально-гуманитарного знания, включая социологию, и начал оказывать влияние на различные сферы общественной жизни - политику, культуру, международные отношения.

Главной особенностью постмодернизма в интерьере является отказ от стереотипов и повседневности, также к этому можно добавить гармоничное сочетание всех элементов интерьера. При отсутствии какой-либо видимой логики постмодернистский стиль вполне реалистичен. В интерьере постмодернизма заметны четкие орнаменты, использование ярких цветов, введение символизма форм, контрастное сочетание фактур и фактур. Стиль характеризуется просторными залами со светом и оригинальным дизайном. Интерьер в стиле постмодерн чаще соответствует ресторанам, клубам, салонам красоты, а также богемным квартирам, отличающимся отсутствием симметрии и свободы в планировке, а также нестандартным подходом к дизайну.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате нашего исследования, мы пришли к заключению и сделали определенные выводы. Постмодернизм повлиял на поколение XXI века путём внесения изменений в культуру общества и разделения идеологий поколения модерна и постмодерна. По итогу общество, людей, родившихся во времена постмодернизма, относятся к эпохе Возрождения и времени Просвещения скептически и считают эти периоды незначительными и излишними для нынешнего поколения. Постмодернизм полон противоречий, неопределенностей и эклектики. Уходя

от многих крайностей прежней культуры, он приходит к новым. Возможно, пройдя через постмодернизм, человечество научится, наконец, устанавливать равновесие между ценностями прошлого, настоящего и будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов Н. И., Саакян А. Е., Яковлева А. И. Постмодернизм в эстетике: <http://derufatb.com/stili-v-interiere/postmodernizm>

2. Кузнецов М.М., Рудницкий А.О.: Социально-культурное пространство экономики региона в условиях креативной и цифровой трансформации, 2021.

3. Барсукова Н.И.: Дизайн среды в проектной культуре постмодернизма конца XX - начала XXI веков, 2008.

4. Период развития культуры:
<https://www.grandars.ru/college/sociologiya/razvitie-kultury.html>

УДК 18, 74.01/.09

ПРОБЛЕМА КЛОНИРОВАНИЯ В ДИЗАЙНЕ

Д. С. Прохорова (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. В статье рассматривается проблема массового производства в дизайне. Массовое производство является условием возникновения дизайна, но оно же делает дизайн безликим. Рассматриваются причины возникновения данной проблемы, а также в каких областях мирового рынка возникает такая проблема. Эксплицируются методы решения данной проблемы в дизайне.

Ключевые слова: дизайн, массовое производство, клонирование, проблема, технологии.

1. ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке ценности общества ориентированы на потребителя и его кошелек. Погоня за количеством, а не за качеством, вогнала в тупик не только мировую экономику, но и дизайн. Людям стали навязчиво ре-

кламировать «клонов», которые выдаются идею. Понятие клонирование пришло в наше общество из биологии, «**Клонирование** — это процесс получения отдельных организмов с идентичной или практически идентичной ДНК естественным или искусственным путем» [1]. Сегодня клонирование понимается намного шире. Под клонированием мы сегодня понимаем бесконечное однообразное размножение чего-либо: вещей, объектов дизайна, смыслов.

Ценность продукта сегодня не в его оригинальности и функциональности, а именно в качестве обладания. Эта тенденция очень хорошо прослеживается в техническом плане и дизайне.

Проблема клонирования вещей – это проблема, прежде всего, эстетическая и философская, затрагивающая такие смыслы как уникальность, индивидуальность, а также нивелирование данных категорий в сознании современного человека, в искусстве и в дизайне.

2. ОСНОВАННАЯ ЧАСТЬ

Благодаря мировой экономике, у дизайнеров стоит задача, которую условно можно сформулировать следующим образом: «как сделать красиво и дешево?». Из-за ограниченных ресурсов и финансовых затрат, такое решение превзошло само себя и уничтожило индивидуальность и качество. На сегодняшний день на рынке строится ситуация «продай-купи», люди гонятся за техникой, которая находится на пике популярности, чтобы не отставать от «моды», а продавцы гонятся исключительно за спросом, производя некачественный продукт или то, что уже было выпущено, только в другой оболочке. В таких условиях дизайн превратился в механический конвейер одинаковой продукции.

Конечно, от массового конвейера мы избавиться в ближайшее время не сможем, и причина тому – потребительское мышление самих людей: тех, кто производит, и тех, кто покупает. Нельзя исключать варианты, когда люди пытаются бороться с системой и выпускают новый продукт в новом дизайне, с новой начинкой, но чаще всего это не приносит такой успех, как у продуктов дизайна, тиражируемых большими компаниями. Люди гонятся за тем, что уже есть у других, забывая даже о собственной индивидуальности.

За пример можно взять компанию Apple, их продукция известна по всему миру уже не первый год, но для многих людей их продукция не подходит по каким-то определенным характеристиками или ценовой по-

литике. Тогда на рынке появляются конкуренты, такие как компания Xiaomi, которая предлагает почти такой же продукт, в похожем дизайне, с теми же функциями, но намного дешевле и для кого-то удобнее и качественнее. Еще через какое-то время мы начинаем замечать на рынке техники такие же клоны Apple и Xiaomi. Такая ситуация очень плохо сказывается конкретно на дизайнерской отрасли. Из-за этого возникают финансовые трудности и нежелание спонсировать хороший дизайнерский продукт. Соответственно часть дизайнеров, которые работают в таких крупных компаниях, остаются без зарплаты и рабочего места. Но самое главное, дизайн из эстетической сферы, из инструмента создания нового превращается в обслуживающую сферу. Философское и культурное значение дизайна снижается.

Данная проблема наблюдается не только в техническом плане, но и в производстве изделий из бумаги и картона. Производители ставят на первое место не презентабельный и интересный вид упаковки, а более дешевое производство. Начали разрабатывать дизайн упаковки, ориентируясь на меньшее использование клеевых зон, тем самым сократив траты на клей. Помимо клея, можно еще отметить минимальное количество цветов в дизайне упаковки, что позволяет сэкономить на печатном материале и красящих веществах.

Конечно, нельзя исключать варианты, когда мы имеем продукт с красивой дорогой упаковкой, но он намного дороже, чем аналог в менее финансово затратной упаковке. Но в этом случае получается дилемма: либо сделаем менее красиво, но дешево, либо сделаем тот же продукт в красивой упаковке, но переплатив.

Помимо упаковки и техники тенденцию отсутствия оригинального дизайна мы наблюдаем в вещах, которые находятся сейчас на пике популярности в мире. Например, такая тенденция прослеживается на известных маркет-плейсах. Какой-то известный бренд выпускает, например, фен, как компания Dyson. В 2020 году они выпустили всем известный фирменный фен, который в момент стал лидером среди продаж техники Dyson. Фен этой компании был хорошо продуман не только в техническом плане, но также детально проработан в дизайне. Имеет узнаваемый корпус, с фирменными цветами и сделан из дорогих материалов. Соответственно, за бренд и качество продукта производитель поставил соответствующую цену товара, по которой он продается на рынке. Но не все желающие могут себе позволить фен от данной компании. Тогда на ры-

нок выходят производители, которые скопировали полностью дизайн, возможно, немного изменив цвета, чтобы избежать проблем с авторскими правами, и продают данный фен под своим брендом с позицией оригинальности идеи и доступной цены. Конечно, нельзя не отметить, что с появлением такой проблемы труд людей, которые создали оригинальный продукт, просто обесценивается, и годы долгой разработки дизайна и скрупулёзной работы приводят на рынок одинаковые подделки уникального и оригинального товара. Но покупатель не берет в расчет труд и идею людей, которые работали над производством уникальной вещи. Покупателя в данном случае интересует ценовая политика, а не уникальность в дизайне и качестве продукта.

Таким образом, сам смысл оригинальности нивелируется. Оригинальность перестает существовать, так как её заменяет подделка оригинальности.

Аналогичная история происходит на рынке у компании Яндекс. В 2017 году они первыми представили на рынке свой голосовой помощник «Алиса», это было техническим прорывом на российском рынке. Лаконичный дизайн, умная система с голосовым помощником и широким функционалом. Корпус самой колонки детально проработан и не имеет никаких лишних деталей, которые могли бы отвлекать владельца от важных дел. Для управления ничего не требуется за исключением голоса. Это стало еще одной причиной, по которой колонка понравилась российскому рынку. Но спустя короткое время, на рынке стали появляться конкуренты «Алисы»: такая же система управления, внутри голосовой помощник «Маруся». Корпус отличается формой, и цветовая линейка ограничивается двумя цветами – белым и черным, когда у Яндекса на сегодняшний момент уже шесть цветов и разная конфигурация самих колонок, на любой вкус. Конечно, стоит отметить, что в XXI веке, невозможно избежать искусственного интеллекта, и в конце концов он придет в каждый дом и семью, но тенденция на создание существующих вещей конкурентами в ближайшее время никуда не денется.

Голосовой помощник – это имитация человека. А дизайн голосовых помощников имитирует дизайн конкурентов. То есть пользователю предлагается полная подделка реальности: ненастоящий друг с ненастоящим дизайном.

Единственным решением столь масштабной проблемы может быть только изменение потребностей людей. Можно поставить задачу о изме-

нении мировоззрения на определенный продукт, например: большие мировые компании перестанут предлагать покупателю однотипный смартфон каждый год. Они могут не презентовать каждый год одну и ту же модель телефона с минимальными изменениями, а на протяжении какого-то определенного времени продумать хороший концепт с дизайнерской и потребительской стороны, тем самым, самостоятельно выйти из ловушки «конвейерного производства».

Аналогично можно предложить вариант производителям продуктов в упаковке. Можно предоставить хороший, качественный продукт, без каких-то больших финансовых затрат, при этом сохраняя качество и то, что может понравиться потенциальному потребителю на рынке.

Но главное – люди сами должны переориентироваться на индивидуализированное потребление. Потребление не аналогов, а вещей, которые необходимы личности, индивидуальности.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении хотелось бы сказать, что проблема современного дизайна в самих людях, которые отвечают за создание дизайна. Нежелание работать с конкурентами, которые копируют их уникальную продукцию. Можно не выпускать конвейерный товар, который легко переделать под дешевую копию и продавать как «дешевый аналог» для покупателей без желания оплачивать труд всех работников, которые трудились над оригиналом копируемого продукта. Пока в обществе не решиться более четко вопрос с авторскими правами на какой-либо уникальный в своем роде продукт или изделие, дизайн начнет терять свою уникальность и функциональность и превратится в однотипные предметы нашей бытовой жизни. На сегодняшний момент проблема стоит очень остро и реагирование на данную проблему находится в пассивном режиме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клонирование // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9ff44403-6357ab85-b650188d-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Cloning/ (Дата обращения: 25.10.22)

КОММУНИКАЦИОННЫЙ ДИЗАЙН СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

И. В. Сухарева (Уфа, Россия)

доктор ист. наук

Уфимский государственный нефтяной университет,

М. В. Конкина (Уфа, Россия)

Уфимский государственный нефтяной университет,

К. В. Жебсаина (Уфа, Россия)

Уфимский государственный нефтяной университет

Аннотация. Статья раскрывает выбранную тему на основе подробного рассмотрения коммуникативного дизайна как одного из новых направлений дизайна периода постмодерна. Представлены особенности становления и проблемы новой коммуникативной среды XXI века.

Ключевые слова: Дизайн постмодерна, информационная среда, коммуникативный дизайн, графический символ, айдентика, брендинг.

1. ВВЕДЕНИЕ

Термин «постиндустриальное общество» был создан американским социологом-публицистом Дэниелом Беллом в 1950-60-х годы. С конца 60-х годов теория постиндустриального общества начинает стремительно расти и развиваться. Отличительными чертами, которой являются массовое расширение творческого, интеллектуального труда, качественное увеличение объема и значения научных знаний и информации, развитие средств коммуникации, преобладание в структуре экономики сферы услуг, науки, образования, культуры. Большое значение приобретет развитие нового социального уклада, основой которого является телекоммуникация. Формирование постиндустриального общества связывают с развертывающейся революцией в организации, обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер. Таким образом, ключевую роль в новом обществе стали играть информация и электронные средства, предоставляющие техническую базу для ее использования и распространения. «Информация» - именно, она лежит в основе общества. Она обладает свойством взаимодействия, как с духов-

ным, так и с материальным миром человека и, тем самым, определяющая одновременно и социокультурную жизнь человека и его материальное бытие [1].

2. ОСНОВЫ КОММУНИКАТИВНОГО ДИЗАЙНА

В постиндустриальном обществе созданием информационной среды занимается коммуникативный дизайн. Коммуникация и понятие среда тесно взаимосвязаны, в данном случае связаны средствами и инструментами для обработки, передачи, приема и хранения информации, данных. Стоит подчеркнуть то, что под понятием среда, имеется в виду именно специальная технологическая среда. Таким образом, конечной целью коммуникативного дизайна является создание не продукта, а некой информационной среды, где производитель и потребитель находят общий язык и связываются общей целью.

Организация коммуникативных сообщений визуально-графическими средствами – главная задача коммуникативного дизайна.

В результате, для дизайнера-графика создание визуально-графической коммуникации является основным направлением деятельности. Такое социальное взаимодействие имеет особый эмоциональный подтекст, основа которого визуально-графический язык.

Визуально-графический язык, как средство общения, что строится на условных графических знаках, символах и изображениях. С помощью данного языка передается такая информация как реклама, знаки ориентации, предупреждения и прочее. Визуально-графический язык состоит из совокупностей элементов называемых алфавит графических символов. Данные алфавиты носят индивидуальный характер для каждого проекта, но также могут быть универсальными, например, для проектирования сложной общественной среды.

Визуально-графический текст – это соединение элементов в единое сообщение, которое задает определенную программу действий.

Коммуникативные сообщения могут быть:

- побудительные (просьба, убеждения, внушение, приказ);
- информативные (передача реальных или вымышленных сведений);
- экспрессивные (возбуждение, эмоциональные переживания);
- тактические (установление и поддержка контакта).

Составление такого рода сообщений задача сложная. Информация не должна создавать предубеждений, недоверия или отторжения. Иначе возникнут коммуникативные барьеры – психологические препятствия,

мешающие принятию и распространению получаемой визуально-графической информации. Причинами могут быть как социальные, так и нравственные ценности, языковые барьеры. Поэтому изучение процессов восприятия, социологии, психологии лежит в основе коммуникативного дизайна.

Целью является обеспечение максимально благоприятной связи между источником информации и его адресатом. Элементами коммуникативного дизайна выступают символы, знаки, схемы и различные указатели, которые условно поделены на внутренние и внешние [3].

3. РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ДИЗАЙНА

Если в настоящее время коммуникативный дизайн сосредоточен на электронную среду, на объекты графического плана, то ранее он существовал только как синоним графического дизайна и наоборот. Причиной данного явления является технологический аспект того времени. До 1980-х годов, до появления доступных персональных компьютеров, наиболее распространенным способом коммуникации был печатный носитель – газета, письма, плакаты. К рекламе в качестве видео отношение имели только профессионалы из области мультипликации, кинематографии, режиссуры.

Все изменилось с появлением новых технологий, которые могли совмещать в себе плоскостную композицию графического дизайна с яркой динамикой спецэффектов. Теперь передача информации, реклама перестала быть чем-то однообразным. Понадобились специалисты-дизайнеры, которые могли добавить динамичности и разнообразия. Стали преобразовываться заставки передач, титры. Новая коммуникативная среда «new media» увеличила передачу и распространение информации, увеличив поле деятельности медиа-дизайнеров [2].

4. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ КОММУНИКАТИВНОГО ДИЗАЙНА

Создание образа для компании, способного привлечь потенциальных клиентов является одним из главных видов деятельности коммуникативного дизайна. К этому виду дизайна также можно отнести «бренд» – комплексный образ продукта, «брендинг» – процесс проектирования по определенной шкале условий и требований и «айдентику» – создание

фирменного стиля компании. Однако, айдентика это не синоним слова фирменный стиль. Понятия лишь перекликаются между собой, но у них разные цели. Цель айдентики в воспроизведении образа бренда в его физическом воплощении согласно ценностям компании, а цель фирменного стиля – повысить узнаваемость уже готового бренда (без эмоциональной привязки).

Визуально-коммуникативный дизайн окружает нас на каждом шагу посредством стягивания, концентрации целых пластов жизни в плотные знаковые формы. Деятельность огромной корпорации получает от коммуникативного дизайна выражение в виде знака-логотипа, после фирменный стиль, где все виды и жанры графического дизайна превращаются в целостную систему знаков. Визитная карточка, упаковка продукта, фирменная одежда, наружная реклама, транспорт и т.д., все вместе это является собирательным семиотическим образом, что внедрен в общественное восприятие через систему коммуникаций.

Все нынешние образы, знаки, целые индустрии смыслов очень часто основаны на архетипах. Архетип – врожденные идеи или воспоминания, которые предрасполагают людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом. Хотя на самом деле это не воспоминания или образы как таковые, а предрасполагающие факторы, под влиянием которых люди реализуют в своем поведении универсальные модели восприятия, мышления и действия в ответ на какой-либо объект или событие. Но архетип является не только частью этимологии графического знака, но и его операционной составляющей. Сегодня уже считается признанным соответствие определенному архетипу важной составляющей успешности бренда продукции, рекламного образа и рекламной кампании в целом [4].

5. ДОСТИЖЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВИЗУАЛЬНО-ГРАФИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Результативность визуально-графической коммуникации заключена не только в правильной графической подаче и эстетичности, но и в ее верном, нужном расположении, учитывая все особенности среды, местоположения каждого знака, в частности. Каждый из таких визуальных сообщений должен быть самостоятельным, уметь донести информацию без дополнительных текстовых и звуковых пояснений. Знаки, указатели,

идентификаторы и остальные элементы, входящие в данную систему, должны передавать информацию правильно, однозначно и лаконично.

Требования к знакам, требования к изображениям близки: различимость, читабельность, запоминаемость. Цветовое шифрование должно быть ограничено несколькими гармонизирующими друг с другом цветами. Также, значение имеет расположение знаков, возможно, дополнительное техническое обеспечение – подсветка [3].

Грамотно разработанный дизайн позволит осуществить целый ряд элементов, которые будут эффективно работать на коммуникативную среду. Современная социология утверждает, что большое значение сейчас имеет не столько информационная насыщенность, сколько эмоциональная комфортность и привлекательность, помогающая для восприятия товара потребителем. Именно данный критерий является главной причиной ребрендинга. Например, автомобильные корпорации, которые ориентируются на новейшие художественные идеи в сфере дизайна.

Первый логотип Apple. В 1976 году был гравюрой с Исааком Ньютоном под яблоней и падающей на его голову яблока, то в 1977 году стал надкушенным яблоком в расцветке радуги [2].

В заключение хотелось бы сказать, что дизайн переходит из натуралистического изображения, что было характерно для XX века, в самодостаточные, визуальные знаки абстрактного порядка XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дизайн в эпоху постмодернизма. 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/8664904/page:14> (дата обращения: 14.10.2022).

2. Коммуникативный дизайн как сфера информационных средств и технологий. 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psihdocs.ru/uchebno-metodicheskij-kompleks-po-uchebnoj-discipline-semiotik.html?page=20> (дата обращения: 13.10.2022).

3. Коммуникативный дизайн. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/12_112737_gruppi-vstrech.html (дата обращения: 14.10.2022).

4. Айдентика: зачем бренду нужно визуальное «лицо» и как его создать. 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sendpulse.com/ru/blog/brand-identity#logotip> (дата обращения: 13.10.2022).

КОЛЛАЖНОЕ МЫШЛЕНИЕ И КОЛЛАЖНЫЙ ПРИНЦИП В ПОСТРОЕНИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР

С. А. Шлыков (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. Одним из наиболее существенных отличий современного мировосприятия является коллажное мышление и коллажный принцип. Выражением данного типа мышления становится коллажный принцип построения изобразительных структур. Одним из ярких проявлений коллажного принципа мышления и изображения является скетч. В современном мире скетч приобретает новые формы, и синтетические скетчи становятся ярким примером современного коллажного мышления.

Ключевые слова: дизайн, коллаж, пространство, структура, пост-модерн.

1. ВВЕДЕНИЕ

Коллаж как способ организации изобразительного пространства при помощи разнородных элементов на плоскости в современной жизни занимает весьма существенное место. Его широкое использование в XX столетии демонстрирует, что принципы восприятия и взаимодействия человека с окружающим миром во многом приобрели характер коллажного мышления.

Наше сознание в перегруженном информационном мире не успевает схватить, обработать все одновременно и работает по принципу быстрого считывания главных компонентов, на основе чего у нас создается многослойное и многоуровневое своеобразное пространство с наслоениями, вариациями, неожиданными сочетаниями, подобно коллажу.

Коллажное мышление находит свое отражение в самых различных направлениях изобразительной, дизайнерской и иных видах творческой деятельности и представляет собой современную и актуальную форму отражения реальности.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Принцип коллажного мышления может использоваться как один из методов структурирования пространства листа в изобразительном творчестве, дизайн-проектировании и различных видах прикладной деятельности.

Рассмотрим сам коллажный принцип – как прием построения изобразительной структуры, созданной на основе размещения отдельных нарисованных частей природы на плоскости листа в определенном порядке, при котором зритель должен сам соединить в своем сознании эти части в целое.

Это дает возможность создать новый способ организации изобразительного пространства листа, оригинальный и яркий изобразительный ход в построении структуры и ее воздействии на зрителя.

Натура трансформируется в этом случае не только пластически, стилистически, но и в конструкции её построения на плоскости настолько сильно, что порой в подобном исполнении выглядит не как учебная постановка, даже трансформированная на язык конкретной изобразительной формы, а звучит как определенная метафора на заданную тему.

Как известно, коллаж, в его самом простейшем понимании – это физическая склейка фрагментов, организованных в решении выбранной темы или выражения художественной, творческой идеи.

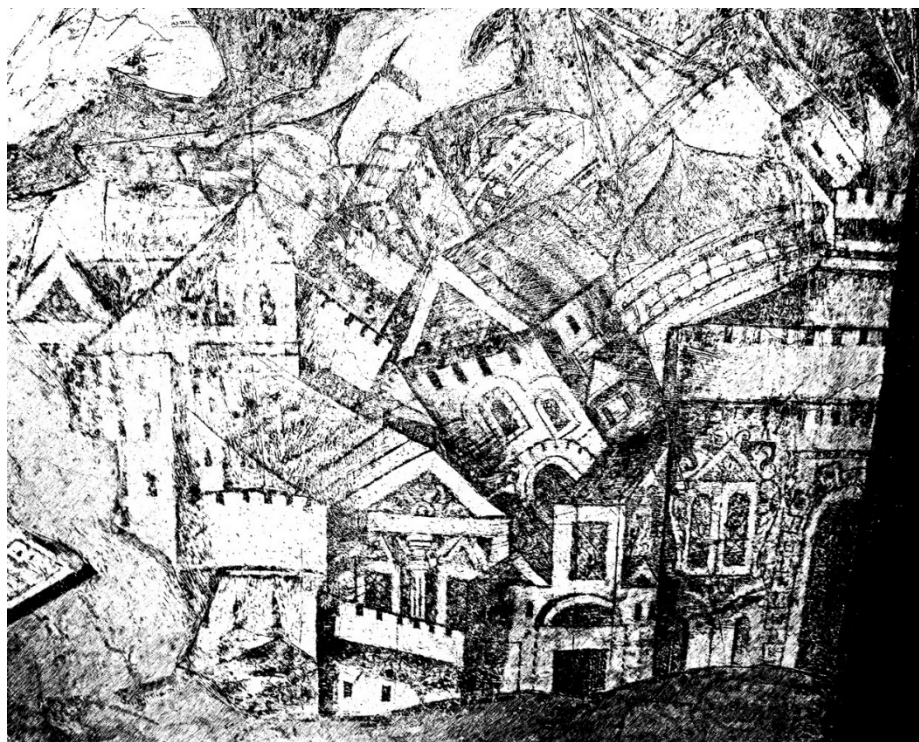
Если выполнение коллажа в его традиционной форме осуществляется путем применения различных наклеек из плоских или объемных материалов, то в рисунке применяется его главный принцип – создание изображения из ряда фрагментов, но выполненных на основе рисовальной, графической техники.

В работе со студентами по этой тематике ставятся задачи на создание коллажа путем перекомпоновки природы и ее перевод на язык иных изобразительных форм, свойственных данному способу создания изображения.

При выполнении задания по данной проблематике определяется принцип и стилистика перевода природы на коллажный прием, при котором изображение строится из ряда разрозненных фрагментов, требующих участия зрителя в выстраивании картины целого.

Говоря в целом о структурировании изобразительного пространства поверхности, на которой выстраивается изображение, следует обязательно подчеркнуть следующее. Хотя современная форма структурирования, как указывалось, появилась на рубеже XX столетия, сам принцип подобной организации пространства на изобразительной поверхно-

сти был известен очень давно и применялся в искусстве разных народов в разные периоды времени. Одним из таких примеров могут быть образцы русской иконописи и росписи храмов и в частности, приводимые здесь в виде иллюстрации элементы росписи церкви «Спаса на Сенях» (XVII в. Ростов Великий).

**Использование принципа соединения разнопространственного и разновременного в русской стенописи храмов и церквей
Фрагмент росписи Церковь Спаса на Сенях. XVII в. Ростов Великий.**

В современном скетче осваиваются новые технологии. На этой основе расширяется диапазон его изобразительно-выразительных средств, и создаются новые формы его пространственной организации.

Одной из таких новых форм коллажного мышления являются синтетические скетчи. Синтетические скетчи построены на соединении графических средств с объемными предметами, с включением фото, аудио, видео и других форм.

Включение объемных предметов и форм в изобразительную ткань картины известно достаточно давно. Однако в современных скетчах, выполняемых на основе подобного приема, существует очень важное и существенное отличие. Если коллаж, в его классической трактовке, создавался как уникальное творение, и только сам подлинник являлся основ-

ной ценностью, то в скетчах синтетического характера конечным продуктом становится не сам оригинал, а фотография и её дальнейшее тиражирование – воспроизведение полиграфическими средствами и интернетом. То есть, конечным продуктом становился не сам оригинал, а фотоснимок, выполненный с необходимого ракурса, с правильно выставленным светом и обработанный в дальнейшем на основе современных цифровых технологий.

С позиций пространственных построений, в скетчах подобного характера изображение перестает быть выполненным непосредственно только на плоскости листа – в него включаются трехмерные формы и оно выходит в пространство. С включением объемного предмета в рабочем варианте скетча создавалась трехмерная изобразительная структура, имеющая физические параметры глубины.

Это представляло отличительную особенность построения данного вида скетчей от всех предыдущих, выполняемых только на плоскости листа.

Конечным продуктом в таком способе создания скетчей становилась обработанная фотография и распечатанное изображение в виде постера – как предмета коллекционирования у любителей поп-арта.

Такой характер построения скетчевой структуры демонстрировал принципиальное отличие синтетических скетчей от классического типа, выполняемого в виде ручной наброска и существующего в единичном виде. Тиражная жизнь скетча в виде постеров являлась новой страницей в изобразительной скетчевой культуре, и отражала одну из тенденций современного искусства постмодернистского направления, как в форме отражения действительности, так и выполняемая с помощью применения новых технологий.

Построение синтетических скетчей другого вида осуществлялось на основе соединения фотографии и рисунка. Изобразительный приём, в основе которого лежало соединение фотографии и рисунка, безусловно, широко известен и используется очень давно в самых разных областях и сферах нашей жизни.

Синтетический скетч является ярким примером современного коллажного мышления. В искусстве это – конструирование новой сущности, нового – диаметрально противоположного, необычного и парадоксального образа, тому сюжету, который был взят за основу.

С позиций классификации направлений и течений в искусстве, можно определять подобные структуры, как «арт-объекты», «арт-структуры», «поп-арт» и т. п.

С позиций постановки общих дизайнерских задач выполнение подобных скетчей направлено на развитие креативности мышления, способности смотреть на предмет новым, свежим взглядом, уметь находить связи между очень разными предметами, формами, явлениями.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследования коллажного принципа отражения мира изобразительными средствами, следует отметить, что коллаж – это способ организации изобразительного пространства при помощи соединения разнородных элементов, и что коллаж во всех своих проявлениях символизирует, прежде всего, свободу творческого высказывания, художественную инициативу, способность свободно интерпретировать натуру.

Творческий аспект коллажа связан с перекомпоновкой, монтажом и сопоставлением различных материалов в создании разнообразных художественных образов. Основной принцип коллажного мышления и создания на этой основе структуры заключен в специальной изобразительной форме, в которой для восприятия «целого» необходимо соединить – «разъединенное».

В дизайне поиск новых связей и нахождение тождественности между очень разными предметами и явлениями считается одним из ключевых элементов построения новой, оригинальной структуры. С этих позиций, данные изображения представляют собой арт-объекты, наполненные выразительным, ярким, острым, необычным характером, несущие одновременно позитивный заряд и вызывающие, зачастую, улыбку и восхищение от придуманного.

Взаимодействие многообразия новых, современных средств и форм в скетчевом формате позволяет создавать новую реальность и новый угол зрения на окружающий нас мир.

Скетч – это эксперимент. Скетч – это возможность открывать мир заново.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Раушенбах Б. В. Геометрия картины и зрительное восприятие / Раушенбах Б. В.–М. Т-8. Издательские технологии; Пальмир. 2020–315 с.
2. Koos Eissen and Roselien Steur. Sketching: The Basics. BIS Publishers. 2011. 204 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ESG-СТРАТЕГИИ
В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ**

УДК 658.562.2:502.174

**ИНТЕГРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА
И УСТОЙЧИВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
КАК ТРЕНД В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА
НА БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ**

*М.В. Елизаров (Уфа, Россия)
канд. филос. наук,
УГНТУ*

Аннотация. Методы бережливого производства и устойчивое экологическое развитие становятся неразрывно связанными. Многие компании признали, что практика бережливого производства оказывает благотворное влияние на их развитие и конкурентоспособность. Тем не менее, решение о внедрении практики бережливого производства с точки зрения экологической устойчивости становится проблематичным для многих компаний. Налицо отсутствие эффективных инструментов принятия решений, которые помогли бы внедрить методы бережливого производства с учётом целей экологической устойчивости.

Ключевые слова: бережливое производство, концепция «lean», производственный процесс, минимизация вредных воздействий на природную среду, стандартизация экологической деятельности, повышение конкурентоспособности.

1. ВВЕДЕНИЕ

В последние годы всё большее признание в научном сообществе получает парадигма экологически рационального производства, привлекающая внимание, в том числе практиков. Недавно проведённые исследования говорят о том, что меры по улучшению состояния окружающей среды (включая минимизацию энергопотребления в целях сокращения выбросов CO₂) малоэффективны даже при использовании современных организационных методик и технологий [14].

В стремлении повысить свои экологические показатели (в том числе, снизить уровни выбросов в атмосферу), компании по всему миру стараются применять экологически безопасные методы производства, включая эффективные производственные процессы, а также экологически чистый дизайн (эко-дизайн) и вторичную переработку. Но на пути внедрения подобных методов существует ряд препятствий и трудностей. По мнению исследователя С.Жаббура, эти препятствия включают в себя ограниченные финансовые возможности, отсутствие соответствующей профессиональной подготовки, неприятие инноваций, недостаточную осведомлённость об экологических проблемах [10].

Согласно исследованиям ряда учёных (М.Н. Кальяра, А.Чиарини), эти препятствия могут быть преодолены путём внедрения бережливого производства, которое предполагает отказ от бесполезного (чрезмерного) потребления природных ресурсов. Бережливое производство использует такие инструменты и методы, как, например, концепция точно-в-срок (JIT — just in time), метод организации и рационализации рабочего места 5S и система всеобщего ухода за используемым на предприятии оборудованием (TPM). Эти инструменты способствуют развитию экологически безопасных технологий, внося вклад в улучшение экологической ситуации [8].

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Производственная деятельность ведёт к истощению (и, как следствие, даже к исчезновению) многих видов природных ресурсов, порождая накопление отходов (нередко токсичных), выбросы в атмосферу и загрязнение воды, ухудшая экологию на планете и провоцируя изменение климата. В этой связи возникает вопрос, может ли вообще производство быть экологически рациональным?

Концепция бережливого производства (lean production) стала впервые внедряться на автомобильном производстве «Тойота» в Японии после Второй мировой войны, получив название «производственная система Toyota» (TPS – Toyota Production System). Она также расшифровывается как «система думающих людей» (Thinking People System). Её основателем считается Тайити Оно, начавший работу в Toyota Motor Corporation в 1943 г., путём заимствования и адаптации идей Генри Фордом, который впервые высказал идеи бережливого производства, которые, однако, не были восприняты, так как значительно опередили своё время.

Значительный вклад в развитие бережливого производства внёс также Сигео Синго, создавший технологию быстрой переналадки. Он утверждал в частности, что «снижение себестоимости продукции за счёт исключения всевозможных потерь можно достичь лишь при помощи рациональной организации производственного процесса» [2].

Стоит отметить ещё одного исследователя в данной области - Маасаки Имаи, который написал книгу «Kaizen: The Key to Japan's Competitive Success». В ней он отмечал, что необходимым условием реализации бережливого производства является создание и внедрение планов постоянного совершенствования, которые могут предусматривать введение системы всеобщего обслуживания оборудования TPM (Total Productive Maintenance), быстрого переналаживания оборудования SMED (Single-Minute Exchange of Die), средств визуализации (5S «Упорядочение») и стандартизацию» [3, с. 18-19].

В 1980-е гг. интерес к производственной системе TPS проявили в США, где автоконцерны столкнулись с серьёзной конкуренцией на своём собственном рынке с японскими автомобилями из-за того, что последние служили дольше и требовали меньше затрат на ремонт. Американцы исследовали эту систему и стали активно использовать её под своим названием - технология lean.

В целом система TPS развивалась и совершенствовалась около 30 лет. И если поначалу Toyota применяла её только в автомобилестроении, то в дальнейшем концепция TPS вышла за рамки производства автомобилей, и стала применяться в торговле, сфере услуг, коммунальном хозяйстве, здравоохранении, вооружённых силах и государственном секторе.

Бережливое производство направлено на минимизацию возможных потерь и издержек, не имеющих прямого отношения к производству товара, и чем меньше манипуляций совершается, тем дешевле обходится конечный продукт. В частности, бережливое производство не предполагает этап хранения продукции на складе, так как направлено на своевременное изготовление и отгрузку. При этом под потерями понимается всё то, что снижает эффективность работы. К основным видам потерь относятся:

- лишняя работа оборудования и работающих с ним операторов, приводящая к увеличению времени и стоимости, а также транспортировка;
- технологические недочёты, не позволяющие создать продукт, который удовлетворял бы всем требованиям конечного потребителя;
- перепроизводство (затоваривание, нереализованная продукция, требующая лишних затрат на хранение);
- дефекты, приводящие к дополнительным затратам;
- излишки готовой продукции, увеличивающие стоимость.

Главное в бережливом производстве - человеческий фактор, а конкретно – бережливая культура. Существенную поддержку этому оказывает эмоциональный интеллект работников и высокий уровень корпоративной культуры.

Бережливое производство предполагает:

- систему вытягивания (производитель создаёт ровно столько продукта, сколько требуется потребителю, и только тогда, когда требуется);
- сокращение времени исполнения заказов;
- непрерывность потока заказов;
- гибкость (адаптивность, трансформируемость);
- повсеместное сокращение потерь.

Во многих странах само государство поощряет развитие бережливого производства. Также содействуют распространению идей «бережливого производства» международные и региональные конференции. Одной из крупнейших площадок по обмену передовым опытом бережливого производства в России являются Российские Лин Форумы (с 2011 года — Российский форум «Развитие производственных систем») [4].

К сожалению, Россия пока сильно отстаёт по уровню внедрения системы бережливого производства. Лишь в некоторых регионах сделаны попытки её внедрения. В частности, в Республике Татарстан действует программа «Реализации методики «Бережливое производство» на 2012-2013 гг. В Казанском государственном техническом университете им. А.Н. Туполева в образовательный процесс введена методика бережливого производства. Бережливое производство внедряется более чем на 20 предприятиях Татарстана, включая ОАО «КАМАЗ», ОАО «Татнефть», ОАО «КВАРТ», ОАО «Альметьевский трубный завод», ОАО «Производственное объединение Елабужский автомобильный завод» и ряд других [1].

В целом приходится констатировать, что в большинстве российских компаний по-прежнему преобладает концепция «массового производства», которая уже не вполне соответствует современным требованиям, а, стало быть, не способна принести нужной прибыли. В свою очередь внедрение системы бережливого производства – процесс сложный и трудоёмкий, требующий больших усилий, причём как со стороны руководства, так и со стороны персонала.

На многих отечественных предприятиях производственный процесс разбалансирован, часто отсутствует систематизация труда. Уровень производительности труда в стране ниже, чем, например, в США, ЕС,

Японии или Китае. Не достаёт, в частности, эффективных и рациональных технологий управления персоналом. В то же время следует учитывать, что система бережливого производства содержит в себе совершенно иную философию, и была разработана людьми, имеющими иную ментальность, отличную от российской. Это очень мешает внедрению данной системы даже при условии поддержке со стороны государства.

Было бы неверно слепо подражать иностранным методикам, и использовать зарубежную терминологию, которая звучит неестественно и очень специфично на русском. Гораздо более целесообразно внедрять бережливое производство с учётом российской ментальности. И всё же эффект от использования этой системы очевиден и поэтому переход России на эту новую схему производства крайне важен, так как это позволит нашей стране занять устойчивую позицию на международном рынке и сделать отечественную продукцию конкурентоспособной.

Вопрос о наличии взаимосвязи между бережливым производством и экологическими показателями был «поставлен ребром» с начала 1990-х гг., в ответ на возросшую озабоченность мировыми проблемами, вызванную изменением климата и истощением природных ресурсов. С 2008 г. данный вопрос стал особенно активно обсуждаться в научной литературе по бизнесу и производству. Многие компании приняли на вооружение меры бережливого производства для усовершенствования своих производственных методов с целью снижения нагрузки на окружающую среду [16].

Наряду с более высокой эффективностью производственного процесса и уменьшением затрат на производство вследствие сокращения материальных и энергетических ресурсов, необходимых на единицу продукции, бережливое производство приводит ещё и к уменьшению отходов производства. Притом, что оно изначально и не преследует цели непосредственно снижения нагрузки на окружающую среду, переход на неё, как показывают исследования, приводит к повышению эффективности потребления энергии и уменьшению отходов.

Поскольку внедрение технологий бережливого производства помогает решить проблему экологических отходов, даже изначально не делая это самоцелью, многие компании стали активно внедрять методы бережливого производства. Благодаря ориентации на рациональное природопользование бережливое производство может обеспечить предприятиям репутацию ответственного корпоративного субъекта. В связи с этим многие компании стремятся внедрять методы бережливого производства, снижения нагрузку на окружающую среду, для поддержания своего доброго имени и репутации [12].

Имея своим основополагающим принципом сведение к минимуму отходов, бережливое производство сокращает выбросы загрязняющих веществ [13]. Цели бережливого производства по сокращению отходов по своей сути экологичны. В частности, избегание ненужной транспортировки продуктов или сырья сокращает ненужное использование ресурсов наряду с эксплуатационными расходами [7], равно как и чрезмерное использование запасов, сокращение которых имеет как финансовые, так и экологические преимущества [9].

Будучи многогранной концепцией, бережливый подход объединяет несколько практик, направленных на достижение цели эффективности. Среди них чаще всего используется система «точно-в-срок» (JIT — just in time) и считается одной из самых эффективных практик [5]. JIT снижает расход материала за счёт повышения качества и сокращения складских запасов, что несёт в себе как финансовые, так и экологические выгоды. В свою очередь, система всеобщего ухода за используемым на предприятии оборудованием (TPM) оптимизирует состояние производственного оборудования, что способствует более эффективному использованию сырья с меньшим количеством отходов, тем самым улучшая экологические показатели организаций [6].

Вместе с тем, согласно ряду исследований, наряду с положительным влиянием бережливого производства на окружающую среду, его внедрение может иметь и отрицательные последствия. В частности, как показывает исследование К. Венката и У. Уэйкленда, внедрение фирмами бережливых систем не снижают выбросы летучих органических соединений в атмосферу во время производства [15]. Кроме того, отсутствие достаточного количества запасов на складах вызывает необходимость в более частых поездках для доставки припасов, что приводит к увеличению выбросов парниковых газов [11].

В целом, однако, имеются убедительные доказательства того, что бережливое производство сокращает чрезмерное использование материалов и энергии за счёт постоянного повышения операционной производительности, что оказывает благотворное влияние на экологические показатели.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конкуренция в современном мире побуждает производственные компании более ответственно подходить к управлению своей деятельностью, в частности, внедрять передовые практики в целях сохранения ресурсов, биоразнообразия и энергоресурсов. Одним из важнейших усло-

вий достижения этих целей является внедрение системы бережливого производства. Его самыми распространёнными практиками являются: схематическое описание действий, которые совершаются с продуктом по мере его продвижения к конечному потребителю (VSM); система всеобщего ухода за используемым на предприятии оборудованием (TPM); 5S; Шесть сигм; «точно-в-срок» (JIT); непрерывное улучшение всех процессов производства (кайдзэн); быстрая переналадка (SMED). Внедрение практик бережливого управления несёт в себе конкурентное преимущество для компании. При этом компании зачастую стремятся стать бережливыми и экологичными при разумных инвестиционных издержках. Некоторым компаниям может не хватать опыта, равно как и необходимых инструментов или управленческих навыков. Методы бережливого производства и инвестиции в них требуют высокого уровня планирования, особенно когда одновременно ставится задача достижения целей экологически устойчивого развития.

Благодарности. Автор выражает благодарность за предоставленные условия для проведения исследования заведующей кафедрой международных отношений, истории и востоковедения УГНТУ Светлане Галиуллиной, директору Института экосистем бизнеса и креативных индустрий УГНТУ Наталье Солодиловой, ректору УГНТУ Олегу Баулину.

Статья подготовлена в рамках реализации стратегического проекта «Новая среда жизни» по программе стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», проект «Социогуманитарное конструирование будущего: мегаполис для поколения Z (цифровой сервис-технология «Mega-Z»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бережливое производство // Официальный сайт правительства республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: http://mpt.tatarstan.ru/rus/ber_proiz1 (дата обращения 2.11.2022).

2. Вумек Джеймс П., Джонс Дэниел Т. Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании/пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 473 с.

3. Давыдова Н.С. Бережливое производство: монография. Ижевск, Изд-во Института экономики и управления, ГОУВПО «УдГУ», 2012. 138с.

4. Официальный сайт Российский форум «Развитие производственных систем» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.leanforum.ru/conference/archive.html> (дата обращения 2.11.2022).

5. Aguado S, Alvarez R, Domingo R. Model of efficient and sustainable improvements in a lean production system through processes of environmental innovation // *Journal of Cleaner Production*. 2013. No 47. P. 141–148.
6. Belekoukias I, Garza-Reyes JA, Kumar V. The impact of lean methods and tools on the operational performance of manufacturing organizations // *International Journal of Production Research*. 2014. No 52 (18). P. 5346–5366.
7. Carvalho H, Duarte S, Cruz-Machado V. Lean, Agile, Resilient and Green: Divergencies and Synergies // *International Journal of Lean Six Sigma* 2011; No. 2(2). P. 151–179.
8. Fu X.; Guo, M.; Zhanwen, N. Applying the green embedded lean production model in developing countries: A case study of China // *Environ. Dev.* 2017. No. 24. P. 22–35.
9. Franchetti M, Bedal K, Ulloa J, Grodek S. Lean and green: Industrial engineering methods are natural stepping stones to green engineering // *Industrial Engineer*. 2009. No. 41(9). P. 24–29.
10. Jabbour, C.J.C.; De Sousa Jabbour, A.B.L.; Govindan, K.; De Freitas, T.P.; Soubihia, D.F.; Kannan, D.; Latan, H. Barriers to the adoption of green operational practices at Brazilian companies: Effects on green and operational performance // *Int. J. Prod. Res.* 2016. No. 54. P. 3042–3058.
11. Katayama H, Bennet D. Lean production in a changing competitive world: a Japanese perspective // *International Journal of Operations & Production Management*. 1996. No. 16(2). P. 8–23.
12. Langenwalter G. Life is our Ultimate Customer: From lean to Sustainability // *Target Magazine*. 2006. No. 22(1). P. 5–15.
13. Mackelprang AW, Nair A. Relationship Between Just-in-Time Manufacturing Practices and Performance: A Meta-Analytic Investigation // *Journal of Operations Management*. 2010. No. 28 (4). P. 283–302.
14. Sartal, A.; Rodríguez, M.; Vázquez, X.H. From efficiency-driven to low-carbon operations management: Implications for labor productivity. *J. Oper. Manag.* 2020. No. 66. P. 310–325.
15. Venkat K, Wakeland W. Is lean necessarily green?. In: *Proceedings of the 50th Annual Meeting of the ISSS*. June 2006. Sonoma, CA, USA. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.iss.org/index.php/proceedings50th/article/view/284> (дата обращения 2.11.2022).
16. Zhu Q, Johnson S, Sarkis J. Lean six Sigma and Environmental Sustainability: A Hospital Perspective // *Supply Chain Forum: An International Journal*. 2018. No. 19 (3). P. 1–17.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ESG-СТРАТЕГИИ В ГЛОБАЛЬНОМ
КОНТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА
И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В НИУ «МЭИ»**

Е.Б. Колисенко (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

П.О. Конюхова (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,

научный руководитель А.Б. Денисова (Москва, Россия)

канд. филос. наук,

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. В статье поднимается проблема необходимости защиты окружающей среды в современных реалиях. Производится анализ состояния окружающей среды на сегодняшний день, исходя из полученных показателей предлагаются меры по улучшению состояния окружающей среды и поддержанию благоприятных условий для существования человека. Рассмотрены возможности и перспективы внедрения принципов ESG среди студентов и преподавателей НИУ МЭИ, программы вовлечения студентов в зелёную деятельность, привлечение студентов к участию в защите окружающей среды, а именно отдельный сбор мусора, информационное освещение проблемы загрязнения окружающей среды, сбор использованных батареек и т.д.

Ключевые слова: ESG-стратегия, зелёная деятельность, окружающая среда, экологические проблемы.

1. ВВЕДЕНИЕ

В современном мире проблема необходимости защиты окружающей среды особенно актуальна. Человек и природа неразрывно связаны, поэтому все экологические изменения имеют непосредственное влияние на нашу жизнь.

Среди множества факторов, влияющих на здоровье населения, огромное значение имеет состояние окружающей среды, питание, уровень шума и др. Говоря об основных источниках загрязнения воздуха в

РФ, на первом месте находится автотранспорт. Основная причина создавшегося неудовлетворительного положения с загрязнением водных источников – состояние сточных вод, сбрасываемых в водные объекты. Кроме того, в России остро стоит проблема санитарной очистки населенных мест: несанкционированные свалки, отсутствие полигонов для утилизации токсичных отходов, застой в разработке методов их уничтожения.

2. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

2.1. Анализ проблем окружающей среды

Мониторинг таких индикаторов и их анализ позволяет оценивать эффективность экологической политики на тех или иных территориях. Ниже приведены значения некоторых индикаторов экологического здоровья, рекомендованные ВОЗ, по России.

Так, например, по показателю числа дополнительных случаев смерти из-за загрязнения атмосферного воздуха, прирост смертности, полученный по Москве, составляет — 4,2 %, а в Красноярске доля дополнительных смертей от загрязнения атмосферного воздуха достигает в разные годы от 9,3 до 21,9 % [1]. Доказано, что распространенность бронхиальной астмы среди детей Москвы, Красноярска, Махачкалы и некоторых других городов связана с загрязнением атмосферного воздуха.

Климатические изменения начинают играть все большую роль в изменениях здоровья населения. Для городского населения особенно опасны длительные волны жары, для сельского населения и жителей небольших городов и поселков – распространения возбудителей климатозависимых инфекций (клещевого энцефалита, геморрагических лихорадок и других заболеваний). Длительная волна жары летом 2010 года привела к 42 тыс. дополнительных смертей по России [7]. Но и не столь продолжительные волны жары являются причиной около нескольких тысяч дополнительных случаев смертей в год в мегаполисах, особенно среди пожилого населения.

По оценке степени воздействия факторов окружающей среды на здоровье, шум занимает второе место, после загрязнения воздуха. Уровень шума в результате бурного развития транспортной нагрузки в России за последние 20-25 лет вырос на 5-10 дБ [2], т.е. в 2,5 раза по субъективному ощущению громкости, и можно предположить, что последствия

воздействия шума на здоровье жителей весьма значительны. По экспертным оценкам, 37% населения Москвы проживают на территориях с уровнем шума выше нормативного уровня, около домов в непосредственной близости от автодорог шумовые характеристики превышали допустимые уровни шума на 20-25 дБ [2].

2.2. Рейтинг городов России

Приведём рейтинг регионов по трем направлениям оценки состояния окружающей среды: рейтинг состояния водных ресурсов, рейтинг состояния воздуха, рейтинг загрязнения земель, а также суммарный (интегральный) рейтинг в городах центрального федерального округа (ЦФО) (таблица 1) [3].

Рейтинги регионов ЦФО РФ по основным направлениям оценки окружающей среды

Регионы ЦФО	Интегральный рейтинг	Рейтинг состояния водных ресурсов	Рейтинг состояния воздуха	Рейтинг загрязнения земель
Тверская область	1	1	1	2
Костромская область	2	6	2	1
Орловская область	3	4	3	7
Смоленская область	4	7	5	3
Брянская область	5	5	7	6
Ивановская область	6	10	6	4
Ярославская область	7	2	10	11
Калужская область	8	13	4	9
Тамбовская область	9	8	9	5
Курская область	10	3	11	14
Владимирская область	11	9	8	15
Воронежская область	12	12	12	10
Рязанская область	13	11	13	8
Белгородская область	14	15	16	12
Тульская область	15	14	15	17
Липецкая область	16	16	17	13
Московская область	17	17	14	16
г. Москва	18	18	18	18

Таблица 1.

Можно отметить, что в нижней части рейтинга сформировалась устойчивая группа регионов: г. Москва, Московская, Липецкая, Тульская и Белгородская области. Данные субъекты имеют низкие рейтинги по всем трем направлениям, что характеризует их как субъекты с наибольшим объемом загрязнения окружающей среды.

2.3. ESG-стратегия

ESG (Environmental, Social, Governance) principles — принципы деятельности компании, основанные на защите окружающей среды, создании благоприятных социальных условий, добросовестном отношении с сотрудниками и клиентами и надлежащем корпоративном управлении. Принципы ESG-стратегии были впервые сформулированы генеральным секретарем ООН – Кофи Аннаном. Он предложил крупным мировым компаниям построить свою работу, основываясь на данные принципы, что позволит управленцам и их сотрудникам создавать экологичный бизнес, при стабильном росте экономических показателей.

Первым и основным принципом ESG-стратегии является экологичность. Все больше компаний и организаций внедряют меры по защите окружающей среды в свою работу. Организации, которые заботятся о природе и пытаются сократить ущерб, который наносится экологии, занимают более высокую позицию среди других компаний, вызывают доверие и претендуют на хорошую ESG-оценку.

2.4. Применение ESG-стратегии в НИУ МЭИ

На сегодняшний день НИУ МЭИ является одним из передовых вузов в России и за рубежом. По итогам оценки, проведенной ИА «Интерфакс» в 2022 году, Национальный исследовательский университет «МЭИ» занял 25 место Национального рейтинга университетов среди 358 российских вузов [6].

Находясь на высокой позиции, НИУ МЭИ ответственно относится не только к учебному процессу, но и к защите окружающей среды. Исходя из этого, можно сказать, что экологические принципы ESG-стратегии применимы и в рамках деятельности энергетического вуза. Последние несколько лет МЭИ ведет активное просвещение студентов в области экологии и поддержку студенческих инициатив. Так, с 1946 года в университете функционирует кафедра Инженерной Экологии и Охраны Труда, которая осуществляет общетехническую подготовку студентов всех специальностей по дисциплинам «Экология» и «Безопасность жизнедеятельности» [5]. Кафедра располагает высоким научно-педагогическим потенциалом, современной техникой и экспериментальными стендами и установками, что дает возможность выпускникам кафедры производить анализы электромагнитного загрязнения среды, измерения концентраций загрязняющих веществ в воде, мониторинг окру-

жающей среды, виброакустическую диагностику и другие, необходимые для улучшения экологических условий, работы.

С недавних пор в МЭИ появилось студенческое экологическое движение, инициированное студентами НИУ "МЭИ" и координируемое кафедрой Инженерной экологии и охраны труда – Green Generation. Цели организации заключаются в просвещении молодого поколения, привлечении их внимания к проблемам экологии, проведении мероприятий и научной деятельности, направленных на поиск решений для устранения негативных последствий деятельности человека для природы [8].

Кроме того, НИУ МЭИ периодически проводит экологические акции, нацеленные на распространение информации о защите окружающей среды, формировании бережного отношения к лесным, водным, земельным ресурсам планеты, среди студентов и сотрудников вуза. Например, Волонтерский центр организовывает сбор макулатуры, батареек и вторсырья, проводит ЭКО-субботники [4].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экологическая ответственность – одна из важнейших тем для современного мира, поэтому мероприятия по просвещению населения, уменьшению ущерба окружающей среде, экономии природных ресурсов необходимы. Формирование экологического сознания должно начинаться с ранних лет, чтобы воспитать в будущем поколении «зеленые» привычки, привить им любовь и бережное отношение к природе. Как показывает практика, современная молодежь более озабочена защитой окружающей среды и изменением климата, чем, например, более старшее поколение - их родители. Это положительная тенденция, которая дает надежду, что в ближайшем будущем мы сможем жить в чистом и экологичном мире, ведь проблема поддержания окружающей среды в таком состоянии всегда будет на первом месте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурима Л.Я. Окружающая среда и здоровье населения // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 91–99
2. Новиков А.Н., Васильева В.В. Транспортно-экологические проблемы региональных центров ЦФО // Журнал Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного комплекса. 2019. № 1 (1) С. 306–310

3. Прокопьев М.Г., Витухин А.Д. Анализ и рейтинг состояния окружающей среды по регионам ЦФО РФ // Журнал Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 8 (106). С. 175–183

4. Волонтерский центр МЭИ // НИУ МЭИ [Электронный ресурс], режим доступа: https://mpei.ru/Structure/public_organizations/volonter/Pages/default.aspx

5. Кафедра инженерной экологии и охраны труда [Электронный ресурс], режим доступа: <https://mpei.ru/structure/universe/iet/structure/eeals/Pages/default.aspx>

6. Участие в рейтингах // НИУ МЭИ [Электронный ресурс], режим доступа: <https://mpei.ru/development/recognized/Pages/Rating.aspx>

7. Чрезвычайный рост смертности из-за летней жары признан официально // Ведомости [Электронный ресурс], режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/10/27/zharkij_martirolog

8. Green Generation // Кафедра инженерной экологии и охраны труда [Электронный ресурс], режим доступа: <https://www.ecompei.ru/green-generation>

УДК 327.7+504.75+005.12

ESG В РОССИИ В УСЛОВИЯХ КОНФРОНТАЦИИ С ЕВРОПОЙ: МИФЫ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И.С. Логвенков (Москва, Россия)

канд. ист. наук

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. В работе проанализирована история и структура ESG как инструмента для достижения устойчивого развития. На основе современных экспертных и научных публикаций выявлены связанные с ESG мифы в экологической, социальной и управленческой сфере. Обобщены порожденные внедрением этой концепции противоречия между целями и результатами в мировой и российской практике. Показано, что в условиях деглобализации и обострения конфликта между Россией и рядом западных стран использование принципов ESG в их текущем виде противоречит российским интересам.

Ключевые слова: ESG, ESG-принципы, устойчивое развитие, критика, мифы, противоречия, Россия.

1. ВВЕДЕНИЕ

Вопросы экологии, сглаживания социально-экономических проблем и общего развития корпоративного менеджмента являются актуальными как для России, так и для мирового сообщества в целом. Концепция ESG в первой четверти XXI века получила наиболее широкое распространение в качестве ответа на эти вызовы, однако накопленный опыт ее внедрения позволяет критически оценить результативность самого подхода.

Подавляющая часть посвященных исследованию ESG научных работ носит комплиментарный характер. В них изучаются вопросы внедрения ESG-стратегии [1], ее достоинства в контексте корпоративного развития [2], перспективы дальнейшего внедрения [3]. Вместе с тем взвешенный анализ реально достигнутых результатов и вскрывшихся противоречий представляются необходимыми для оценки соответствия принципов ESG условиям и целям развития России. Большая часть использованных в данной работе материалов была опубликована за последние два года, что обуславливает ее новизну.

2. ESG: КОНЦЕПЦИЯ И ПОЛИТИКА

ESG (Environmental, Social and Corporate Governance) представляет собой набор принципов работы компаний, следуя которым они должны заботиться не только о собственной прибыли, но и о развитии социума в целом. Стартом масштабной популяризации этой концепции стало обращение генерального секретаря ООН Кофи Аннана к крупнейшим мировым финансовым институтам в 2004 году, где он призвал бизнес следовать принципам экологичности, социальной ориентированности, открытости и справедливости в сфере корпоративного управления. Таким образом, основными результатами внедрения ESG-стратегии должны стать забота об окружающей среде и работниках, удовлетворение потребностей клиентов и партнеров, повышение эффективности операционной деятельности бизнеса. К настоящему времени о следовании принципам ESG сообщило более 4000 тысяч компаний по всему миру, суммарные активы которых составили более 30 триллионов долларов США. Спустя два года стратегия дополнилась концепцией ответственного инвестирования (SRI – social responsible investment), суть которой сводится к приоритету вложений в социально ответственные компании. Эти инвестиции осуществляются преимущественно через соответствующие инвестици-

онные фонды, активы которых в настоящий момент оцениваются примерно в 2 триллиона долларов США, и на текущий момент они продолжают стремительно расти.

Стимулирование компаний к внедрению ESG-стратегии с середины 2000-х годов стало одной из важнейших составляющих социально-экономической, культурной, информационной политики наиболее развитых стран Европы и Северной Америки. В ее основе лежит экономическое поощрение социально-ответственных компаний, продвижение зеленой повестки, принципов разнообразия, инклюзивности и равенства (гендерного, этнического, возрастного и пр.), формирование стандартов отчетности операционной деятельности. Оценка соответствия компаний стандартам ESG проводится в рамках нескольких сетей независимых агентств (Bloomberg, Dow Jones, MSCI и др.), которые затем составляют рейтинги на основе баллов по E, S и G шкалам. На основе этих рейтингов формируются положительные и отрицательные фильтры для SRI-фондов, а также представления о компании среди потребителей, разделяющих заложенные в концепции ESG ценности. В силу размеров экономики ЕС его политика в сфере продвижения социальной ответственности бизнеса получила распространение и за пределами Европы, вынуждая азиатские, южноамериканские и африканские компании внедрять элементы ESG-стратегии для получения доступа к европейскому рынку. Это явление получило название «брюссельский эффект».

3. МИФЫ ESG

3.1 E – вне рыночная конкуренция и экспорт загрязнения

Идеи защиты окружающей среды получили широкое распространение в XX веке на почве масштабной индустриализации наиболее развитых стран. Отравляющие воздух, воду и почву фабричные выбросы и отходы негативно влияют на качество жизни населения, вредят окружающей флоре и фауне. Для более бедных государств эта проблема в XX веке эта проблема стояла не так остро: они не обладали развитой промышленностью, и в основном выступали в качестве источников дешевых природных ресурсов и рабочей силы для европейских и американских заводских мощностей. Эта система взаимоотношений, получившая название неокOLONIALной, претерпела существенные изменения в конце XX – начале XXI века в связи с переносом существенной части европейской и американской индустрии в азиатские страны. Данный про-

цесс не только способствовал росту прибыли корпораций за счет удешевления рабочей силы, но и в значительной степени выносил экологические издержки за пределы наиболее развитых западных стран.

Впоследствии постепенное заимствование технологий, выстраивание собственной научно-технической инфраструктуры и современной системы подготовки кадров в Азии, прежде всего в Китае, привело к развитию там уже собственных промышленных кластеров, которые начали конкурировать с западными компаниями. Общий рост производства также увеличивал спрос на природные ресурсы, что вело к росту их цены. На этом фоне относительная дешевизна азиатских товаров, которые экспортировались на западные рынки, становилась их важнейшим конкурентным преимуществом.

Нельзя утверждать, что ESG была предназначена для решения этой проблемы, но благодаря «брюссельскому эффекту» она снимала ее остроту. К примеру, товары экспортеров в ЕС, которые не внедряли на производстве установленные европейским регулятором климатические нормы, стали облагаться крупными пошлинами [4]. Внедрение этих норм, то есть установка сокращающих вредные выбросы и отходы оборудования, само по себе требует существенных объемов инвестирования, а необходимые фильтры и очистители необходимо было закупать на западе. Дополнительным бременем стали услуги по его обслуживанию.

Представления о росте антропогенного фактора в изменении климата легли в основу распространения идеи «зеленой энергетики». Технический прогресс в области ВИЭ (возобновляемых источников энергии) и реализация ESG-стратегии легли в основу стремительного роста энергетических мощностей, основанных на использовании энергии ветра и солнца. Однако несмотря на то, что такие способы получения электроэнергии не приводят к выбросам CO₂ в атмосферу, они вовсе не являются экологически чистыми. Во-первых, в производстве солнечных батарей и ветряных генераторов используются литий, кобальт, никель и другие металлы, технология добычи которых на текущий момент крайне вредна для окружающей среды. К примеру, способ получения лития предполагает выкачивание воды из почвы, что ведет к ее опустыниванию. Многие необходимые элементы добываются в Африке, где для этого используется невольный и детский труд, что, в силу токсичности кобальта или свинца, ведет к многочисленным отравлениям и смертям [5].

Утилизация генераторов ВИЭ – сложный дорогостоящий процесс, при этом выработавшие свой срок солнечные батареи крайне токсичны для почвы и вод. Большая их часть не перерабатывается, а вывозится в

африканские страны на огромные, стремительно растущие свалки [6] В Африку вывозятся и старые гаджеты, бытовая техника, автомобили, в которых так же содержатся токсичные элементы (хром, кадмий, свинец, цинк и пр.) [7].

3.2. S – неравенство и цензура

Социальная сфера ESG включает в себя заботу об интересах персонала, поставщиков, клиентов и партнеров. Последние три аспекта носят частный характер и плохо поддаются обобщению, чего нельзя сказать про кадровую политику. В конечном счете наиболее интегральным показателем качества рабочих мест является уровень заработной платы. К настоящему моменту накопилось достаточно статистической информации, позволяющей оценить динамику доходов наемных работников за последние несколько десятилетий [8]. С 1970-х годов в развитых западных странах наблюдается растущее отставание реальных доходов населения от производительности труда, что отразилось и на повышении общего уровня неравенства [9; 10]. В последние годы наблюдается рост вызванных социально-экономическими проблемами протестных настроений в Европе, но и ранее отмечалось, что новые поколения стали жить в среднем хуже, чем старые [11].

Впрочем, ESG-стратегия и не акцентирует внимание именно на этом вопросе. Куда большую значимость в рамках этого подхода играют такие аспекты как культурное разнообразие и гендерное равенство. Распространение этих идей при активной государственной поддержке (регулирование, финансовое поощрение и пропаганда) достигло небывалых масштабов, что, в свою очередь, породило такие явления общественной жизни как квотирование и культуру отмены. К примеру, для повышения социального рейтинга в руководстве корпораций должна быть определенная доля женщин, представителей различных этнических и гендерных групп. В 2020 году Американская академия киноискусств, под эгидой которой проводится вручение премии «Оскар», утвердила положение, согласно которому в актерском составе фильма должны соблюдаться пропорции представителей расовых или сексуальных меньшинств, женщин и людей с ограниченными возможностями [12].

Особое распространение идеи левого либерализма получили в образовательной среде западных стран. Принципы разнообразия, равенства и инклюзивности (DEI – diversity, equity and inclusion) внедряются в кадровую политику и образовательные программы учебных заведений,

следствием чего стали проблемы трудоустройства белых мужчин [13]. Критики этого подхода вытесняются из ВУЗов, не допускаются к работе по грантам, преподаватели обязаны проходить специальные тренинги по борьбе с расизмом и сексизмом. DEI в обязательном порядке внедряется и в содержание образовательных программ, так как без этого соответствующие аккредитационные советы просто не выдают разрешение на ее использование.

К началу 2020-х годов обнаружилось, что внедрение DEI в работу корпораций и образовательных организаций привело к маргинализации части работников на основе их взглядов, этнической или гендерной принадлежности, сексуальной ориентации. Страх потери работы стал создавать для человека условия, в которых он обязан публично придерживаться общепринятой позиции [14].

3.3. G – размытая стандартизация и PR

Стандарты ESG в управлении корпорацией направлены, в первую очередь, на рост прозрачности ее деятельности для стейкхолдеров (заинтересованных лиц) и качества управления. Основная идея состоит в том, что следование определенным управленческим принципам в организации внутренних процессов должно привести к устойчивому развитию компании. На основании предоставленной отчетности различные рейтинговые агентства дают оценку соответствия организации принципам ESG. Вместе с тем единой методики этой оценки не существует, и подходы агентств слабо коррелируют между собой [15].

Многие факторы ESG плохо поддаются количественной оценке, что порождает волюнтаризм в итоговом рейтинге. Методики в целом анализируют политику корпораций, соответствие ее внутренних процессов принципам ESG, однако внедрение управленческих практик далеко не всегда приводит к достижению поставленных целей. Зафиксировано не мало примеров, когда на фоне прекрасной отчетности в сфере политики снижения энергопотребления или повышения экологичности и безопасности производства результаты оказываются строго противоположными [15; 16].

В текущих реалиях имидж компании тесно связан с ее приверженностью принципам ESG, что побуждает менеджмент творчески подходить к формированию отчетности. Необходимая информация может прямо искажаться, но есть и более гибкие способы влияния на нужные показатели. К примеру, выделение «грязных» производств в отдельные

компании, применение волонтеристского подхода при определении границы водной и углеродной нейтральности, сокрытие информации о поставщиках, использующих детскую рабочую силу и пр. [17].

Широкое распространение получили такие явления как «green washing» и «rainbow washing», суть которых заключается в проведении корпорациями PR и маркетинговых кампаний, демонстрирующих их приверженность идеям защиты окружающей среды и ценностям ЛГБТ сообщества. При этом забота об экологии и равных правах зачастую не находит своего выражения в реальной деятельности компаний, которые, таким образом, стремятся лишь защитить себя от критики. Весьма характерным примером подобной практики стала одномоментная смена украинизированных логотипов ряда транснациональных корпораций на радужные в июне 2022 года (июнь – ежегодно отмечаемый «месяц гордости» ЛГБТ-сообщества).

Накопленные данные показывают, что следование компании принципам устойчивого развития не коррелирует с ростом ее реальной финансовой устойчивости [18]. В конечном счете получение корпорацией высокого рейтинга требует от нее дополнительных расходов, а менеджмент зачастую использует ESG как прикрытие низкой финансовой эффективности [19]. Стремительный рост фондов, учитывающих ESG оценки в своей деятельности, должен был привести к увеличению масштабов инвестирования в социально ответственные компании, однако это не совсем так: ESG-фонды активно инвестируют в ценные бумаги на вторичном рынке [20]. В результате кратное расширение финансовых потоков ведет не к закупке и установке экологического оборудования, а к перераспределению финансовых инструментов на фондовых биржах.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Некоторые негативные проявления внедрения ESG-стратегий нашли свое выражение и в России. Это, в первую очередь, пошлины на продажу российской продукции на европейском рынке [4] и экологический PR отечественных компаний [16]. Нельзя игнорировать и проблемы, связанные с углублением конфликта между Россией и рядом западных стран. Отечественные компании лишены возможности на равных конкурировать с западными за ESG-рейтинги в наиболее крупных агентствах, транснациональные «зеленые» НКО выступают за эмбарго российских товаров, а дополнения в методики оценки требований по полному раскрытию систем корпоративных поставок противоречат раз-

решенному российским правительством «серому импорту» как способу обхода санкционных механизмов. В конечном счете целые сектора российской экономики, согласно актуальным европейским подходам, являются «грязными», и в перспективе должны быть ликвидированы.

Разрыв международных экономических связей в результате санкций, общие процессы деглобализации мировой экономики и роста внезападных региональных рынков ведет к постепенному ослаблению «брюссельского эффекта». Это открывает возможности для суверенных государств самостоятельно определять те параметры, которым должны соответствовать коммерческие и некоммерческие организации для получения социально ответственного статуса. Обострение конфликта между Россией и Западом в 2022 году отчетливо демонстрирует, что важнейшим критерием этого статуса должны стать не отказ от углеводородов и распространение леволиберальной идеологии, а поддержка собственной страны в ее борьбе за достойное место в мировом сообществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова К.С. Корпоративное управление в контексте ESG // Инновации и инвестиции. 2022. №7. С. 48-52.
2. Сафронов С.Б. ESG факторы – риски и возможности // Современные технологии управления. 2022. №1. С. 9.
3. Скоробогатько Е. Устойчивое развитие и ESG: новая эпоха // Digital. 2022. №2. С. 76-79.
4. Белоусов назвал заградительным углеродный налог ЕС на удобрения // Ведомости. 10.12.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/12/10/900120-belousov-nazval> (Дата обращения: 31.10.2022).
5. Риски быстрого перехода на "зеленую" энергетику до конца не оценены // Российская газета. 28.08.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2021/08/28/riski-bystrogo-perehoda-na-zelenuiu-energetiku-do-konca-ne-oceneny.html> (Дата обращения: 31.10.2022).
6. Kinally C., Antonanzas-Torres F., Podd F., Gallego-Schmid A. Off-grid solar waste in sub-Saharan Africa: Market dynamics, barriers to sustainability, and circular economy solutions. // Energy for Sustainable Development. 2022. Vol. 70. P. 415-429.
7. Как европейские гаджеты оказываются на токсичных свалках в Африке // Euronews. 30.07.2019. [Электронный ресурс] URL:

<https://ru.euronews.com/2019/07/30/ru-africa-ghana-ewaste> (Дата обращения: 31.10.2022).

8. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем, 2015.

9. Piketty's Inequality Story in Six Charts // The Newyorker. 26.04.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://www.newyorker.com/news/john-cassidy/pikettys-inequality-story-in-six-charts> (Дата обращения: 31.10.2022).

10. The Productivity–Pay Gap // Economic policy institute. 01.10.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.epi.org/productivity-pay-gap/> (Дата обращения: 31.10.2022).

11. Many millennials are worse off than their parents – a first in American history // CNN. 11.01.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://edition.cnn.com/2020/01/11/politics/millennials-income-stalled-upward-mobility-us/index.html> (Дата обращения: 31.10.2022).

12. Новые критерии "Оскара": без геев и негров у фильмов нет шансов // Вести. 09.09.2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vesti.ru/article/2455625> (Дата обращения: 31.10.2022).

13. Jordan Peterson: Why I am no longer a tenured professor at the University of Toronto // National post. 19.01.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://nationalpost.com/opinion/jordan-peterson-why-i-am-no-longer-a-tenured-professor-at-the-university-of-toronto> (Дата обращения: 31.10.2022).

14. Are workplace diversity programs doing more harm than good? // The New-York times. 11.08.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2021/08/11/opinion/workplace-diversity-dei-initiative.html> (Дата обращения: 31.10.2022).

15. INSIDE VIEW: The limitations of ESG // Funds global Asia. 01.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fundsglobalasia.com/march-2018/inside-view-the-limitations-of-esg> (Дата обращения: 31.10.2022).

16. Про ESG рассказывают красиво, а приходишь и видишь — советский колхоз на месте // Экология России. 20.12.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://ecologyofrussia.ru/stories/pro-esg-rasskazyvayut-krasivo-a-prikhodish-i-vidish-sovetskiy-kolkhoz-na-meste/> (Дата обращения: 31.10.2022).

17. Opinion: Amazon is proof of a major weakness in ESG ratings // MarketWatch. 10.11.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.marketwatch.com/story/amazon-is-proof-of-a-major-weakness-in-esg-ratings-11636553274> (Дата обращения: 31.10.2022).

18. Berchicci L., King A. Corporate Sustainability: A Model Uncertainty Analysis of Materiality // SSRN electronic library. 10.01.2022. [Электронный ресурс] URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3848664 (Дата обращения: 31.10.2022).

19. An Inconvenient Truth About ESG Investing // Harvard business review. 31.04.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://hbr.org/2022/03/an-inconvenient-truth-about-esg-investing> (Дата обращения: 31.10.2022).

20. ESG Investing Isn't Designed to Save the Planet // Harvard business review. 01.08.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://hbr.org/2022/08/esg-investing-isnt-designed-to-save-the-planet> (Дата обращения: 31.10.2022).

УДК 32.019.5

ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ ESG-ИДЕОЛОГИИ И «КАПИТАЛИЗМА СТЕЙКХОЛДЕРОВ»

С.П. Митрахович (Москва, Россия)

Финансовый университет при правительстве РФ, Фонд национальной энергетической безопасности,

Аннотация. Новые «социальные» подходы в корпоративном управлении, одновременно считающиеся более технологическими, современными и справедливыми получили довольно широкое общественное признание на уровне т.н. стандартов ESG (Environmental. Social. Governance), проникших не только компании и бизнес-школы, но и в идеологические установки многих ключевых политических акторов. Однако по мере ряда корпоративных скандалов и развития энергетического кризиса, разворачивающегося с 2021 года во многих странах Запада и Азии, формат безусловного принятия ESG-идеологии как обязательной даже для прогрессивистского сегмента социально-политического пространства был поставлен под сомнение. ESG-скетиком стали многие лидеры общественного мнения от Илона Маска до ряда популярных авторов Bloomberg.

Ключевые слова: ESG, капитализм стейкхолдеров, идеология, либерализм, экология.

1. ВВЕДЕНИЕ

В 2020 году на форуме в Давосе был принят манифест об общих принципах работы компаний в условиях Четвертой индустриальной революции. Практически прямым текстом указывалось, что прибыль и интересы акционеров не могут считаться теперь приоритетом. Главное теперь для капитализма и для бизнеса – так называемые «общественные интересы». Тем самым классический капитализм акционеров (shareholder capitalism) был объявлен устаревшим на пути к «капитализму всех заинтересованных сторон» (stakeholder capitalism). ESG как принципы управления и, что самое важное, как стоящая за ними идеология, была объявлена составной частью нового формата существования капитализма и учета технологических новаций.

В западных источниках активно стали активно появляться статьи о том, что массовый переход на удаленную работу способен выровнять шансы изначально поставленных в неравную конкуренцию людей [1]. Идея заключалась в том, что техносдвиг просто вынудит капиталистов и их системы управления бизнесом в большей степени учитывать интересы всех членов общества, и даже членов «планетарного сообщества» / «планетарного гражданского сообщества» (эту концепцию левые и леволиберальные теоретики продвигают уже давно), если компания активно включения в международное разделение труда. Просто «откупаться» от претензий живущих рядом работников или местных жителей и их, например, региональных депутатов, недовольных локальной экологией, уже не получится.

Давосский манифест декларировал необходимость для современной компании «вовлечь все заинтересованные стороны в совместный и устойчивый процесс создания стоимости». В качестве важных стейкхолдеров указан широкий список категорий лиц – «сотрудников, клиентов, поставщиков, местных сообществ и общества в целом». Компаниям предписывается «понять и согласовать различные интересы всех заинтересованных сторон наилучшим образом возможно через общую готовность проводить политику и принимать решения, обеспечивающие процветание компании в долгосрочной перспективе». Фактически это раскрытие темы ESG и вывода ее с уровня корпоративных задач на уровень задачи глобальной трансформации капиталистического общества современности, то есть эту задачу должны в теории решать не только предприниматели, но и политики вместе с представителями гражданского общества.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Распространению в обществе спроса на «социализацию» капитализма способствовали и сформированные в том числе «интеллектуалами на гуманитарных высотах» тренды в общественном мнении и в идеологии, особенно в процессе развития идеологии глобализма девяностых и «нулевых» годов. Если на раннем этапе глобализации для Запада (а для незападной части мира в значительной степени и до сих пор) воспринималась в первую очередь как возможность поднять собственное экономическое благосостояние (импорт дешевых капиталов, товаров и/или рабочей силы), то в дальнейшем появилось увлечение социальными последствиями глобализации вроде масштабного распространения мультикультурализма и интеркультурализма. Из мультикультурного единого мира из-за свободной миграции и перетока товаров и услуг произошел переход к многочисленным мультикультурным государствам и даже регионам внутри этих государств. Для целых социальных слоев в этих регионах, особенно молодежи, намного важнее стало ощущение себя не частью своей страны (отсюда упадок значимости понятия «Родина» для западной молодежи), а частью условного «мирового гражданского общества» [2].

Для подобного представителя «мирового гражданского общества» – по крайней мере, на уровне деклараций – важно уже не столько собственное материальное благосостояние, сколько общественно-значимые сюжеты вроде борьбы за справедливость, экологию, климатическую повестку, против дискриминации и т.д. Социологические исследования, продолжавшие знаменитые работы Роналда Ингхарта по «ценностной/культурной революции», стали все больше показывать психологическую аффилиацию западной молодежи (а постепенно и иных социальных групп) с «постматериальными ценностями». На самом высоком международно-дипломатическом уровне примером реакции политиков на подобные настроения был саммит G8 на Окинаве в 2000 году, где в качестве фокуса дискуссии предлагалась «футурологические» темы вроде расшифровки генома и глобальных задач по развитию мира и экологии. Терракты 11 сентября 2001 года вернули условно «реалистическую» повестку в международные отношения и само их восприятие, но общий тренд на «постматериальные ценности» не ушел, примером чего стало Парижское соглашение по климату, упомянутый форум в Давосе по проблемам ESG и т.д.

Коронакризис, однако, поставил вопросы относительно стабильности, устойчивости и внутренней последовательности декларированных запросов на постматериальные ценности и дополнительную трансформацию капитализма в социальном направлении. Например, с учетом общественного активизма Греты Тумберг в Швеции и затем в иных странах Запада стал приобретать популярность психологический тренд на Flygskam («стыд за полеты»), когда человек, считающий себя личностью «прогрессивных» взглядов, считает невозможным для себя использование услуг такого «вредного» бизнеса как гражданская авиация. За несколько месяцев 2019 года хештег #flygskam завладел социальными сетями известных шведов, а сотни работников киноиндустрии подписали петицию об ограничении съемок за границей. Однако уже через несколько месяцев после этого, когда из-за пандемии коронавируса перелеты были ограничены и сведены к минимуму, та же самая молодежь в разных странах стала использовать совсем иные хештеги (о том, как они хотят снова летать, получать живые впечатления от путешествий и т.д.). К лету 2020 года стали наблюдаться совершенно очевидные желания «взяв реванш за долгое сидение дома и эмоциональный дефицит впечатлений». Причем быстрый переход от одних модных и популярных хештегов к другим – противоположным, свидетельствующим о желании потреблять – произошел в историческом масштабе крайне быстро.

Противоречия на уровне общественного мнения и «прогрессистских» взглядов оказываются более яркими, когда затрагивается поведение менеджмента конкретных компаний. На словах они за ESG и за ответственное управление, на практике же с модной риторикой руководства часто вполне соседствуют самые неприглядные качества «старого капитализма». Так, во время падения нефтяных цен весной 2020 года и растущими рисками для производителей нетрадиционной нефти в США достоянием публики стала информация о находящихся в крайне сложном финансовом положении компаниях, которые шли на масштабное сокращение рабочих мест, но при этом не забывали выплачивать огромные бонусы топ-менеджерам. Совет директоров Whiting Petroleum Corp. принял решение о выплатах 14,6 млн долларов премий топ-менеджерам буквально за несколько дней до объявления компанией о банкротстве [4]. А Diamond Offshore Drilling Inc. косвенно воспользовалась схемой государственной помощи пострадавшему бизнесу (спасение от государства – bail out, хотя официально bail out даже не был объявлен) опять же для выплат бонусов менеджменту, казалось бы, и доведшему компанию до кризисной ситуации [3]. Фактически компа-

нии делают bailout за счет денег налогоплательщиков, но при этом платят директорам солидные компенсации.

Неоднозначными оценками после карантина сопровождается и техносдвиг в контексте развития цифровых механизмов экономической и гражданско-политической жизни. Максимальная «цифровизация собственной жизни», «жизнь нараспашку» была и остается модным трендом для социальных групп, относящих себя к категории «прогрессивных». Однако практика плотного цифрового контроля государств за передвижением граждан, а также использование цифровой информации о гражданах для влияния на их экономическое (в том числе потребительское) поведение [5] теперь выглядит уже не столь однозначно приветствуемой.

Примером противоречий запросов на постматериальные ценности является и техносдвиг в аспекте технологического энергоперехода и его влияния на социальные аспекты. В Великобритании, например, где общественная поддержка ускоренного энергоперехода велика, и где энергетические компании вроде Shell клянутся в верности курса на ВИЭ, встает вопрос о судьбе и материального, и «постматериального» (социального, культурного) благополучия людей, потерявших свою работу из-за произошедшего или планирующегося закрытия предприятий традиционной энергетики. Принципы ESG, кстати, согласно Давосскому меморандуму, требуют учета «интересов поставщиков» (а ведь отказ от закупок сырья в ряде не самых развитых стран однозначно обрушит качество жизни в этих странах и будет способствовать появлению десятков миллионов новых бедных).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Курс на ускоренное развитие ВИЭ (являющийся частью пресловутого запроса на трансформацию капитализма) сам по себе достаточно противоречив в том числе с точки зрения реализации принципов справедливости и «общественных интересов». Если исходить из аксиоматической установки, что ВИЭ – это хорошо само по себе, это «самостоятельная ценность», то кто-то должен эту ценность оплачивать. Речь идет о повышении налогов и сборов с традиционных отраслей промышленности и со стран, которые экспортируют свои товары в государства, активно субсидирующие ВИЭ. Технически речь идет о введении в той или иной форме углеродного налога в национальной и/или трансграничной версиях. Условно «отсталым» отраслям и странам навязывается неэквивалентный обмен.

На фоне энергетического кризиса, начавшегося развиваться во многих странах с 2021 года, ценности ESG-идеологии тоже оказались под ударом как «успевшие быстро устареть» и уже не обеспечивающие «справедливости и социальности». Так, известный аналитик Bloomberg по энергетике Хавьер Блас открыто написал об ESG как о «повестке вчерашнего дня» на фоне ставших актуальными задач энергетической безопасности в той же Европе и роста потребления угля, несмотря на весь «зеленый курс». Еще жестче высказался Илон Маск, назвав ESG «аферой» (scam). Вполне вероятно, что мере дальнейшего разворачивания энергетического и экономического кризиса, еще и усугубленного уже сточающимся российско-западным политическим конфликтом, призывов пересмотреть ESG-ценности станет еще больше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ginger Dhaliwal. How The Pandemic Is Changing The Future Of Work // <https://www.forbes.com/sites/forbestechcouncil/2020/10/27/how-the-pandemic-is-changing-the-future-of-work/?sh=2563a83d6841>
2. Global Civil Society, Helmut Anheier, Marlies Glasius, Mary Kaldor, eds., Sage Publications, 2005, American University, WCL Research Paper No. 2008-69.
3. Jennifer A Dlouhy. ‘Stealth Bailout’ Shovels Millions of Dollars to Oil Companies // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-15/stealth-bailout-shovels-millions-of-dollars-to-oil-companies>
4. Kevin Crowley and Anders Melin. Whiting Bosses Got \$14.6 Million Bonuses Before Bankruptcy// <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-01/whiting-executives-got-14-6-million-bonuses-before-bankruptcy>
5. Shoshana Zuboff. Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization // Journal of Information Technology (2015) 30, 75–89. doi:10.1057/jit.2015.5.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ В XXI ВЕКЕ:
ВЫЗОВЫ, ЦЕННОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

ШЕСТЫЕ АРЕФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Международной научной конференции
Москва, 22–24 ноября 2022 года

Компьютерная верстка Ю.В. Макаровой

Подписано в печать 28.02.23.	Печать ризография	Формат 60x84 1/16	
Печ. л. 32,0	Тираж 25 экз.	Изд. № 23н-011	Заказ

Оригинал-макет подготовлен в РИО НИУ «МЭИ».
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14.
Отпечатано в типографии НИУ «МЭИ».
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 13.

ДЛЯ ЗАМЕТОК